Назанский
В.И.
Крушение
великой
России и до-
ма Романо-
вых.
Париж, 1930.

В. И. НАЗАНСКІЙ

Послѣдній Помощникъ Московскаго Градоначальника,
полковникъ Конной Артилллеріи Императорской
Русской Арміи.

КРУШЕНІЕ ВЕЛИКОЙ РОССІИ И ДОМА РОМАНОВЫХЪ

„*Кругомъ измѣна, трусость и обманъ*“.

Слова Императора-Мученика Николая II,
собственноручно записанныя въ Его
дневникѣ послѣ отреченія 2 марта 1917 г.

ПАРИЖЪ
1930

В. И. НАЗАНСКІЙ

Послѣдній Помощникъ Московскаго Градоначальника, полковникъ Конной Артиллеріи Императорской Русской Арміи.

КРУШЕНІЕ ВЕЛИКОЙ РОССІИ И ДОМА РОМАНОВЫХЪ

„Кругомъ измѣна, трусость и обманъ".

Слова Императора-Мученика Николая II, собственноручно записанныя въ Его дневникѣ послѣ отреченія 2 марта 1917 г.

ПАРИЖЪ
1930

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
1086901

ПРЕДИСЛОВІЕ

„Сколько еще времени будетъ наша несчастная родина терзаема внѣшними и внутренними врагами?“

„Кажется иногда, что дольше терпѣть нѣтъ силъ, даже не знаешь, на что надѣяться, чего желать“.

„А всетаки, никто, какъ Богъ. Да будетъ Его Святая Воля“.

«Тобольскъ, 2/15 марта 1918 г.».
(Дневникъ Императора Николая II).

Священныя для каждаго вѣрнаго сына Отечества слова Государя-Мученика, собственноручно записанныя Имъ въ первую годовщину предательства 1917-го года, въ условіяхъ ужасающей послѣдней пытки Его за Россію, раздираемую величайшими бѣдствіями, да послужатъ началомъ нашей «Книги Русской скорби». Исчерпывающимъ для нея предисловіемъ являются эти кровью сердца начертанныя слова Вѣнценоснаго Страдальца, Русскаго Царя-Помазанника Божія, дополняющія огненно-жуткую для каждаго русскаго запись Высочайшаго дневника отъ 2-го марта проклятаго семнадцатаго года:

«*Кругомъ измѣна, трусость и обманъ...*».

Предисловіе... Но развѣ это такъ необходимо?

Неужели заглавіе этого труда не достаточно уясняетъ его содержаніе, цѣль и значеніе? Дѣйствительно ли такъ нужны эти традиціонныя вступительныя поясненія или рекомендательные отзывы популярныхъ либо вліятельныхъ литературныхъ и иныхъ друзей о книгѣ, заключающей въ себѣ сводку историческихъ и мемуарныхъ свѣдѣній о томъ, какъ именно разрушалась тысячелѣтняя Великая Россія и погибала трехсотлѣтняя династія Дома Романовыхъ?

Составленная русскимъ человѣкомъ для русскихъ людей лѣтопись историческихъ событій и дѣяній ихъ участниковъ можетъ быть прочитана и безъ предварительныхъ рекомендацій, подчеркиваній и указокъ — о чемъ именно будетъ рѣчь и что и какъ нужно читать.

Составитель ея — одинъ изъ безчисленныхъ вѣрноподданныхъ Русскаго Царя и служилыхъ людей Россійскаго Государства занималъ въ предреволюціонные годы и въ самые дни русской смуты должность помощника градоначальника: съ 1910 г. по 1915 г. въ Баку, а съ 1915 г. по 1917 г. — въ первопрестольной столицѣ Москвѣ[1]).

Многое мои глаза видѣли на скромномъ моемъ посту въ третьихъ рядахъ носителей исполнительной власти, многаго привелось быть очевидцемъ до и послѣ крушенія Россіи въ 1917 году — многихъ малыхъ и большихъ событій «свидѣтелемъ Господь меня поставилъ».

Личныя воспоминанія, записи и дневники каждаго изъ переживших ужасные годы разрушенія Великаго нашего Отечества — Царской Россіи — имѣютъ конечно извѣстное значеніе историческаго-бытоваго матеріала для будущихъ историковъ русской смуты. Но этихъ личныхъ воспоминаній, мемуаровъ, за истекшее десятилѣтіе, напечатано уже болѣе чѣмъ достаточно.

Да и кому въ не изжитое еще нами тяжкое время могутъ быть интересны біографическія свѣдѣнія о прохожденіи жизненнаго и служебнаго пути — молодымъ царскимъ офицеромъ подъ знаменами Императорской Русской Арміи, призваннымъ затѣмъ къ исполненію отвѣтственныхъ обязанностей на Кавказѣ и въ сердцѣ Россіи — Москвѣ?

---

[1]) По происхожденію мы костромичи. Мой прадѣдъ Егоръ Николаевичъ Назанскій былъ костромичемъ. Дѣдъ-же, бригадиръ Николай Егоровичъ, въ 1812 году командовалъ бригадою и участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, за что братъ мой и я имѣемъ родовую медаль въ память Отечественной войны. Дѣдъ имѣлъ значительное помѣстье въ Новгородской губерніи и мы уже состояли въ числѣ Новгородскаго потомственнаго дворянства, по Боровичскому уѣзду. Отецъ, генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба Иванъ Николаевичъ род. въ 1822 г., воспитывался въ Новгородскомъ кад. корпусѣ и изъ Дворянскаго полка произведенъ въ офицеры въ 12 артил. бригаду, а въ 1848 году окончилъ Никол. Академію Ген. Штаба однимъ изъ первыхъ и былъ назначенъ на Кавказъ, гдѣ и прослужилъ въ должности колонновожатаго у знаменитаго генерала Евдокимова — преимущественно на Кубани, заслуживъ тамъ цѣлый рядъ боевыхъ наградъ. Скончался въ 1899 г. въ отставкѣ, въ г. Проскуровѣ. Вся наша семья состояла изъ военныхъ: прадѣдъ, дѣдъ, отецъ и дяди; одинъ военный судья — генералъ, другой окончившій парижскую Сорбонну былъ командиромъ казачьяго полка Забайкальскаго войска. Старшій братъ мой Николай

Многое позаписалъ я изъ видѣннаго и пережитаго, но болѣе всего — изъ слышаннаго отъ ближайшихъ очевидцевъ и участниковъ событій, съ которыми привелось мнѣ встрѣчаться и «бесѣдовать по душамъ». Съ особо богатымъ освѣдомительнымъ матеріаломъ эпохи войны 1914-1918 г.г. и русской революціи, по рѣдкимъ коллекціямъ журналовъ и произведеній печати на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, удалось мнѣ ознакомиться, благодаря любезному содѣйствію M. W. Lerat, chef de section aux Bibliothèque et Musée de la Guerre (Château de Vincennes).

А еще болѣе пришлось прочитать въ воспоминаніяхъ, дневникахъ и запискахъ о русскомъ безвременьи и лихолѣтьи 1900-хъ годовъ и объ отечественной катастрофѣ семнадцатаго года. Всѣ эти свидѣтельскія показанія и записи очевидцевъ, а часто и признанія самихъ соучастниковъ преступнаго разрушенія Родины, нынѣ публично въ томъ похваляющихся, и какъ Д. Мережковскій, «не раскаивающихся въ своей работѣ на сокрушеніе державы[1])», — имѣютъ выдающійся интересъ и многое поясняютъ.

Но еще болѣе несомнѣнную историческую важность и значеніе представляютъ напечатанные офиціальные секретнѣйшіе документы, переписки и донесенія...

Въ этомъ отношеніи наше поколѣніе, очевидцевъ и содѣлателей величайшей исторической катастрофы въ жизни народовъ — располагаетъ небывалыми, исключительными возможностями, какъ уразумѣнія всего совершившагося, такъ и «познанія самихъ себя». Передъ нами открылись всѣ тѣ тайныя государственныя хранилища и личные архивы монарховъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые въ нормальныхъ условіяхъ оставались бы недоступными не только современникамъ міровой войны и революціи 1917-1918 г.г.,

---

нынѣ проживаетъ въ Сербіи, служилъ въ Гвардейскихъ Стрѣлкахъ и состоялъ генераломъ для порученій при инспекторѣ стрѣлковой части въ войскахъ до послѣднихъ дней крушенія Россіи. Я же въ 1910 г. былъ назначенъ въ Бакинское градоначальство, а затѣмъ Высочайшимъ приказомъ, въ іюнѣ 1915 г., помощникомъ Московскаго градоначальника съ производствомъ въ полковники.

Прибывъ въ началѣ іюня въ Москву, послѣ «нѣмецкаго погрома» 1915 г., я находился тамъ до послѣдняго момента и кончилъ службу Его Величества, послѣ отреченія 2 марта 1917 г., полковникомъ Конной Артиллеріи Императорской Русской Арміи.

[1]) См. рѣчь этого «демократическаго» мистика-историка на съѣздѣ русскихъ писателей въ Бѣлградѣ 26 сентября 1928 г., порицавшаго славянофильство Достоевскаго, патріотизмъ и націонализмъ вообще и превозносившаго интернаціонализмъ... что не помѣшало ему принять пожалованный Славянскимъ Монархомъ-патріотомъ и націоналистомъ — королевскій орденъ Св. Саввы 2-ой степени.

но и ихъ потомкамъ въ теченіи долгихъ лѣтъ и даже столѣтій. Мы живемъ въ исключительную эпоху, когда «все тайное стало явнымъ». Болѣе того: благодаря кровавому опыту самоистребленія народовъ въ міровой войнѣ, а еще болѣе благодаря русскому опыту пресловутой «соціальной революціи» и государственнаго саморазрушенія — у всѣхъ, «имѣющихъ очи, чтобы видѣть», открылись глаза и на многое. Просвѣтленнымъ умамъ многихъ фанатиковъ-идеалистовъ стало, наконецъ, доступно пониманіе — какъ утопически преступной сущности соціалистическихъ лжеученій, такъ и несостоятельности явно изжитыхъ теорій «демократическаго народоправства» и государственной вредоносности всеразвращающаго политиканства и безотвѣтственнаго парламентаризма. По всему міру и во всемъ цивилизованномъ человѣчествѣ, научившемся показательными уроками и опытами «соціальной революціи» за счетъ многострадальнаго русскаго народа, — идетъ теперь знаменательная «переоцѣнка цѣнностей».

А въ результатѣ такой переоцѣнки наступило уже и признаніе практической несостоятельности этихъ псевдо-научныхъ политическихъ теорій и доктринъ, въ которыя со временъ «Великой Французской Революціи 1789 г.» [1]) слѣпо вѣрили одержимыя несбыточными мечтаніями поколѣнія XIX вѣка и въ которыхъ самоослѣпленное человѣчество болѣе ста лѣтъ пріучалось видѣть источники прогресса и благополучія народовъ.

Эта *религія соціализма*, въ послѣднія десятилѣтія открыто проповѣдуемая и въ русскихъ храмахъ науки, преподавалась со всевозможныхъ ученыхъ кафедръ Западной Европы еще въ первой половинѣ XIX вѣка. Русская дворянская интеллигенція того времени получала это революціонное высшее «заграничное образованіе»... за счетъ рабскаго труда своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ революціонныхъ заслугахъ такого образованія съ особою гордостью признавался одержимый культомъ революціи одинъ изъ русскихъ ея пророковъ — А. И. Герценъ. Въ 1850-хъ годахъ онъ предсказывалъ, что соціальные вопросы, передъ которыми уже тогда трепетала вся Европа, разрѣшитъ Россія: «Европа боится соціализма, принимая его за знамя безпорядка и ужасовъ, а у насъ, напротивъ, соціализмъ является *радугой*, пророчащей будущее народное развитіе...».

«Мы, т. е. интеллигенція, получившая образованіе загра-

[1]) Англійскій полит. дѣятель Эдмондъ Боркъ (1729-1797 г.г.), когда началась французск. революція — ее сразу возненавидѣлъ. Онъ точно чуялъ не только развалины и кровь во Франціи, но все то вѣковое сотрясеніе, которое должно было вызвать насильственное ниспроверженіе стараго порядка и престола во Франціи.

ницей, не болѣе, какъ средство, какъ посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европой...».

«На крыльяхъ соціализма Россія можетъ облетѣть Европу, дойти до Атлантическаго океана. Эта схватка Россіи съ Европою неминуема...».

Только послѣ величайшихъ потрясеній цивилизованныхъ странъ въ 1914-1918 г.г. осознано наконецъ здравомыслящимъ человѣчествомъ, что этотъ «соціализмъ» съ его религіей «соціальной революціи» оказался вовсе не радугой свѣтлаго будущаго, а ядовитѣйшимъ кровавымъ туманомъ. Въ этомъ кровавомъ соціалистическомъ туманѣ и потонула несчастная Россія, на долгіе годы, злою волею фанатиковъ-трансформаторовъ превращенная въ невиданную міромъ всеобщую тюрьму порабощеннаго ими 150 милліоннаго народа, въ безконечное кладбище братскихъ могилъ безчисленныхъ жертвъ, замученныхъ соціалъ-демократическою инквизиціей XX вѣка.

Только послѣ кроваваго «русскаго опыта», гибельнаго для Россіи, но спасительнаго для прочихъ народовъ — началась и развивается на нашихъ глазахъ ликвидація того наслѣдства французской революціи, той злокачественной психической болѣзни, которая изъ рода въ родъ поражала цѣлый рядъ поколѣній Европы, все прошлое столѣтіе находившейся въ состояніи явной или скрытой непрерывающейся революціи, олицетворяемой соціалистическими партіями всѣхъ странъ, да и не ими одними.

Война 1914-1918 г.г., чуть не окончившаяся крушеніемъ всей европейской цивилизаціи, вскрыла наконецъ глубокій революціонный кризисъ, въ который Европа вступила задолго до 1914 года. Эта губительнѣйшая изъ войнъ была въ сущности *вторичною*, послѣ наполеоновскихъ войнъ, расплатою европейскихъ народовъ все за ту-же французскую революцію: въ жизни народовъ, какъ учитъ исторія, никакое насильственное и несвоевременное измѣненіе естественнаго хода ихъ развитія безнаказанно не проходитъ.

Современные-же историки, во главѣ съ знаменитымъ авторомъ «Величія и упадка Рима», авторитетнѣйшимъ Ферреро, — уже доказываютъ, что *законъ развитія Европы вовсе не требовалъ французской революціи*, что она дѣйствительно вошла въ Европу, какъ нѣкій клинъ, какъ нѣкое постороннее тѣло и что всего менѣе оправданнымъ, т.е. всего менѣе подготовленнымъ исторически — является ея разряженіе именно во Франціи.

Объ этомъ наши ученые историки, благоговѣвшіе передъ французскою революціей и ея «завоеваніями» — не преподавали, какъ умалчивали и о томъ, что также французская революція совершилась во имя «*Франціи единой и недѣлимой*».

«France une et indivisible!» (Францiя единая и недѣлимая!). Вотъ какой лозунгъ, съ первыхъ дней революцiи 1789 г., обязательно ставился въ началѣ всѣхъ официальныхъ актовъ и на перепискахъ революцiонныхъ властей, даже на паспортахъ и на уличныхъ афишахъ и прокламацiяхъ.

Какъ далеко это отъ провозглашеннаго русскими революцiонерами расчлененiя Россiи и того «самоопредѣленiя народностей», во имя котораго велась и самая война 1914-1918 г.г., Многое, многое уже открылось и опубликовано во всеобщее свѣдѣнiе...». И если не все, то наиболѣе существенное, до сихъ поръ мало извѣстное — обязаны знать всѣ мы русскiе — хотя и прилежные читатели газетъ, но лишь случайно имѣющiе возможность знакомиться съ историческими документами и матерiалами, напечатанными въ многочисленныхъ, дорого стоющихъ и не всѣмъ доступныхъ книгахъ и перiодическихъ архивныхъ изданiяхъ.

Передо мною цѣлые полки книгъ и тетрадей, наполненныхъ взаимно переоцѣнивающимися и подкрѣпляющимися историческими свѣдѣнiями и матерiалами, уже достаточно ясно обрисовывающими, какъ подготовительный перiодъ расшатыванiя Россiйскаго Государства, такъ и самое его крушенiе. Къ сожалѣнiю, наши историки, годами твердившiе объ «исторически неизбѣжной» революцiи — до сихъ поръ дали намъ лишь частичное или же крайне односторонее изложенiе свѣдѣнiй объ обстоятельствахъ крушенiя величайшей Имперiи. Несмотря на имѣющiйся въ ихъ распоряженiи богатѣйшiй матерiалъ въ видѣ документовъ, секретныхъ архивовъ и даже личныхъ интимныхъ переписокъ и дневниковъ Высочайшихъ особъ — большинство этихъ преисполненныхъ иными заботами историковъ отдѣлываются лишь устарѣвшими фразами, что для «исторiи Россiи послѣднихъ десятилѣтiй и самой революцiи — время еще не пришло...».

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ, это время не только приходитъ, но и *уходитъ*, съ каждымъ годомъ число освѣдомленныхъ участниковъ-очевидцевъ событiй все уменьшается. А кому же легче разбираться во всемъ этомъ обширномъ матерiалѣ, какъ не ближайшимъ свидѣтелямъ всѣхъ происшествiй предреволюцiоннаго перiода и самой катастрофы?

Съ цѣлью заполнить этотъ пробѣлъ и составлена эта *книга-памятка русской смуты*, въ которой изложены главнѣйшiе моменты нашего новаго смутнаго времени, на основанiи тѣхъ печатныхъ источниковъ и свѣдѣнiй, полученныхъ непосредственно отъ причастныхъ къ событiямъ лицъ, которыя я имѣлъ возможность использовать для этой работы, начатой наканунѣ печальнаго десятилѣтiя «великой, безкровной», но въ дѣйстви-

тельности оказавшейся кровопролитнѣйшею и преступнѣйшею изъ всѣхъ революцій.

Но въ изложеніи событій, въ самой группировкѣ дословно пересказаннаго матеріала — можемъ ли мы, очевидцы и участники крушенія Россіи, уподобляться пушкинскому аскету-лѣтописцу, который:

«Добру и злу внимаетъ равнодушно,
«Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва?..».

Отношеніе къ проходящимъ въ нашей лѣтописи недавно минувшимъ трагическимъ событіямъ, къ дѣятелямъ и дѣльцамъ разрушенія Родины — не можетъ и не должно быть безразличнымъ, безстрастнымъ и безличнымъ... А какъ оно сложилось — поясняетъ вотъ какой примѣръ:

Во время ужасовъ войны мы видѣли многоэтажные дома, разрушенные, какъ-бы расколотые отъ крыши до подваловъ аэропланною бомбой колоссальной силы.

Видывали потомъ и жилища мирнаго населенія, взорванные изнутри революціонерами-анархистами... И передъ нами открывалась вся жизнь мирныхъ людей у домашняго очага, какъ она протекала *«тамъ внутри»*, за этою внезапно оторванной завѣсой разваленной стѣны. Намъ были отчетливо видны не только всѣ ужасы разрушенія и человѣкоубійства, но каждому становилось ясно, какимъ способомъ совершены эти разрушительныя дѣйствія и понятно — откуда и какимъ врагомъ роднаго домашняго очага русскихъ людей направлены были смертоносныя орудія, кѣмъ, гдѣ и на чьи средства они изготовлялись; были-ли это воздушныя мины, сброшенныя вражескими «таубе» и «цеппелинами», или же самодѣльныя адскія машины и динамитъ, подложенные рукою своихъ-же доморощенныхъ революціонеровъ-террористовъ или анархистовъ. Всѣ мы теперь второй десятокъ лѣтъ переживаемъ положеніе такихъ именно *свидѣтелей и потерпѣвшихъ* отъ содѣяннаго варварской рукою разрушенія нашего Отчаго Дома — Великой Россійской Имперіи.

Отойдя уже на значительное разстояніе во времени и пространствѣ и всматриваясь нынѣ въ дымящіяся еще развалины всероссійскаго пожарища — мы съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе видимъ, что было «тамъ внутри» тысячелѣтняго зданія русской государственности и чего мы всѣ лишились... Не менѣе ясно стало для насъ и все, при помощи чего это катастрофическое крушеніе осуществилось и кто именно изъ насъ и въ какой мѣрѣ къ преступному поджигательству и разрушенію свою предательскую «руку приложилъ».

Но вспоминается намъ также, какъ въ толпѣ проходившихъ мимо пожарища и мимо растерзанныхъ вражескою бомбою людей — одни останавливались и открыто выражали свое негодованіе, называя и проклиная виновниковъ злодѣйства, другіе-же молча созерцали развалины и пострадавшихъ, оцѣпенѣвъ отъ ужаса и горя... Бывали, однако, и такіе, которые, проходя мимо мѣста катастрофы — лишь ускоряли шагъ, отворачивая и прикрывая лицо, дабы не видѣть всѣхъ ужасовъ содѣяннаго ихъ единоплеменниками и единомышленниками, часто — при ихъ-же соучастіи, — и спѣшили скрыться, чтобы не слышать словъ порицанія и возмущенія и стоновъ пострадавшихъ...

Составляя эту книгу по безспорнымъ документамъ, на основаніи видѣннаго — пережитаго очевидцами и личныхъ воспоминаній, невольно приходится становиться въ положеніе одного изъ вышеперечисленныхъ зрителей злодѣйскихъ разрушеній, очутившагося передъ вскрытою вражеской рукой картиною всего сокровеннаго, что было «тамъ внутри»... развалинъ родного пепелища.

И вотъ, когда со всѣхъ сторонъ разсказываютъ намъ объ отечественной катастрофѣ искалѣченные ею люди и выброшенныя на чужіе берега жертвы крушенія, какъ можемъ мы забыть нашъ долгъ передъ собственною совѣстью и передъ грядущимъ поколѣніемъ — и не вспомнить, не напомнить о томъ, что и какъ разрушалось и кѣмъ именно содѣяны всѣ эти малыя и великія преступленія противъ Родины?

Къ сожалѣнію, въ числѣ опубликовавшихъ свои показанія и даже частичныя изслѣдованія о всероссійской катастрофѣ — не мало авторовъ, уподобляются знакомымъ намъ безучастнымъ зрителямъ разрушеннаго злоумышленниками роднаго Отчаго Дома. Они не только обходятъ умолчаніемъ многія дѣянія и лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, но и стремятся оправдать преступное легкомысліе однихъ или-же реабилитировать другихъ — сознательныхъ виновниковъ, изъ числа своихъ «политическихъ друзей» — партійцевъ.

Такихъ писателей-политикановъ превосходятъ во вредоносности только спеціалисты «марксистской» лжи и еще болѣе зловредной — соціалистической полу-правды, промышляющіе восхваленіемъ революціи, ея «дѣятелей» и завоеваній «Февраля» и «Октября». А во главѣ ихъ — «историки» — наймиты и лакеи большевицкой власти. Писаніями ихъ — по заказу и во славу III-го Интернаціонала и амбиціозными «поученіями о демократіи» — полна литература нашихъ дней...

Вотъ почему, при составленіи этой книги оказываются неизбѣжными критическія сопоставленія разнородныхъ исто-

рическихъ архивныхъ свѣдѣній и мемуарныхъ показаній, изъ которыхъ сами собою выступаютъ характеристики государственной и общественной дѣятельности и поведенія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ корпорацій, причастныхъ къ событіямъ россійской смуты.

Но противогосударственные поступки этихъ лицъ, самоубійственное поведеніе сословій — правящаго «класса» и все, содѣянное «работавшими на сокрушеніе стараго режима» — конечно разсматриваются здѣсь не съ точки зрѣнія 102 ст. «Угол. уложенія» и не съ точки зрѣнія органовъ министерства внутр. дѣлъ, какъ обычно глумятся и порицаютъ всякую неблагопріятную или изобличающую ихъ оцѣнку политическіе сектанты изъ РДО или «соціалистическаго объединенія», сами отличающіеся пристрастіемъ и узкой нетерпимостью.

Эти дряхлѣющіе «дѣятели освободительнаго движенія» и всѣ, лелѣянныя ими революціонныя «достиженія» — получили болѣе 20 лѣтъ тому назадъ мѣткую оцѣнку въ пророческихъ словахъ маститаго старца-патріота А. С. Суворина, близко знавшаго литературные и общественные круги нашей интеллигенціи и хорошо освѣдомленнаго о томъ, что творилось на правительственныхъ верхахъ.

Этотъ даровитѣйшій русскій самородокъ-журналистъ, тоже «интеллигентъ 60-хъ годовъ», въ свое время «переболѣвшій» радикализмомъ и либерализмомъ — конечно вполнѣ былъ чуждъ «прокурорской или жандармской точкѣ зрѣнія».

Вотъ что записалъ въ своемъ интимномъ дневникѣ[1]) знаменитый издатель «Новаго Времени» — въ іюнѣ и іюлѣ 1907 г.:

31 мая.

«Не Богъ вѣсть умъ у г. Милюкова. Если бы онъ былъ у него, не то бы было. Когда онъ будетъ министромъ, надѣлаетъ глупостей не мало. Но это будетъ не при мнѣ...».

«Батюшка съ красной гвоздикой» — думскіе попы...

14 іюня.

«Народовластіе по рецепту Руссо ведетъ къ доктринѣ *самой анархической и деспотической.* Déclaration des droits de l'homme — принципы общественнаго договора. Они ложны и вредны. Революція по англійскому образцу или по нѣмецкому, по системѣ Локка или Штейна, революція — для устраненія стараго механизма, пришедшаго въ негодность, — единственно правильная. Франція пошла по принципамъ Руссо, привела къ убійствамъ, къ кровопролитіямъ имперіи и осталась вѣрна Руссо: «Намъ всего недостаетъ, ни уваженія къ государству,

---

[1]) Дневникъ А. С. Суворина. — Изд. Л. Д. Френкель, 1923 г.

ни уваженія къ личности». Тэнъ: «Свобода — вещь, навсегда непонятная французамъ».

«Мы пошли по французскому образцу и соціализму. Наша Дума — просто политическій клубъ, митингъ, боящійся порицать терроръ, ибо Дума стремилась къ всевластію Конвента, а «Конвентъ» былъ террористомъ. Дума занималась пропагандой революціи и косвенно одобряла терроръ, а «Конвентъ» засѣдалъ сначала внѣ Думы, а во второй Думѣ смѣло сѣлъ на скамьи Таврическаго Дворца и сталъ руководить заговоромъ противъ Царя и самой Думы. Онъ хотѣлъ сдѣлать переворотъ при помощи революціонныхъ войскъ. Какой-то Рубановичъ изъ Парижа распоряжается заговоромъ...».

16 іюня.

«Въ декабрѣ 1905 г. Витте опять меня позвалъ и опять сталъ внушать. Тутъ я перемѣнилъ тонъ и прямо и рѣзко сказалъ ему, что онъ ведетъ Россію къ гибели, что онъ все распустилъ, никакой власти не обнаруживаетъ, что онъ совсѣмъ не похожъ на прежняго властнаго Витте, который 10 лѣтъ управлялъ Россіей. Тогда онъ всталъ и, совершенно измѣнивъ тонъ, сказалъ:

— «Ну, я вамъ скажу то, чего я не говорилъ своимъ министрамъ. Я рѣшился дѣйствовать твердо и циркулярно сообщилъ губернаторамъ, чтобы они арестовывали и ссылали въ Сибирь революціонеровъ».

— Не поздно ли это? Удачно ли вы выбрали моментъ? Не обмануло ли васъ ваше дарованіе?

— «Не думаю», и пр.

Это было передъ московскимъ возстаніемъ. Я сидѣлъ у него часа два, далеко за полночь. Онъ трусилъ все время и думалъ, что все само собой обойдется. Въ этомъ году онъ самъ признавался мнѣ, что тогда «растерялся» и что о Совѣтѣ Раб. Деп. онъ узналъ правду только послѣ суда надъ ними.

17 іюля.

«Я писалъ сегодня о дворянствѣ. Въ прошломъ году И. Л. Горемыкинъ сказалъ мнѣ: — «Это недурно, что усадьбы жгутъ. Надо потрепать дворянство. Пусть оно подумаетъ и перестанетъ работать въ пользу революціи. Есть ужасная дрянь въ дворянствѣ».

Конечно, есть. Гдѣ нѣтъ этой дряни?»

8 іюля.

«Профессіональные союзы — средство революціи. Они бросились въ омутъ революціи. Являясь легальными по формѣ, но по существу могутъ скрывать свою революціонность. Союзное начало захватываетъ массы, воспитываетъ ихъ и укореняетъ

важную для революцій партійную дисциплину и накопляетъ денежныя средства. Экономическое значеніе безспорно. На западѣ это доказано, но, вступая на политическій путь, они извращаютъ собственную природу».

9 іюля.

«... Шумливые хвастуны — Гессены, Винаверы, Набоковы и Милюковы. Застращиваютъ, клевещутъ, льстятъ, подыгрываютъ низкимъ инстинктамъ, толкая къ неосуществимымъ фантазіямъ. *Ихъ хамелеоновская душа полна плутовства... Свобода безъ ума и сердца, — это Пугачевы и Разины.* Французская революція выросла послѣ Корнеля и Расина, Боссюэта и Фенелона, послѣ образованнѣйшихъ энциклопедистовъ. Энциклопедія Дидро и Даламбера — не то, что энциклопедическій лексиконъ Брокгауза и Ефрона, дополненный плохенькими профессорами. Французская революція поднялась на плечахъ огромной науки, блестящаго ряда великихъ естествоиспытателей, математиковъ, мыслителей и сама двигалась великими талантами вродѣ Мирабо, Дантона, Карно».

«*А у насъ что?* Имя ихъ легіонъ, *но это имя не легіона великихъ людей*, а имя бездарныхъ профессоровъ, непризнанныхъ артистовъ, несчастныхъ литераторовъ, студентовъ, не кончившихъ курса, адвокатовъ безъ процессовъ, артистовъ безъ талантовъ, людей съ большимъ самолюбіемъ, но съ малыми способностями, съ огромными претензіями, но безъ выдержки и силы на трудъ. «Большая амбиція и малая аммуниція».

«... *Русскія начала забыты*, забыты великіе типы людей, Ломоносовъ, Пушкинъ, Толстой, *выдвигаются Гессенъ, Винаверъ и Милюковъ*».

11 іюля.

«Долгорукій — идіотъ. Съ нимъ за-границу поѣхали три доктора, два фельдшера, двѣ сестры милосердія, лакеи и пр. Отдѣльный вагонъ. Братъ, чуть разумнѣе. У Долгоруковыхъ вырожденіе пошло въ политику. *Барственность якшается съ пролетаріатомъ и думаетъ на этомъ построить свое значеніе. Ни ума, ни таланта, но игра въ популярность.* Что-то вродѣ репортерства: взять, прочесть, переписать и напечатать...».

Вотъ какія пророческія характеристики всѣхъ слоевъ «революціонной общественности» оставлены потомству истинно-русскимъ человѣкомъ, сыномъ выслужившагося въ офицеры николаевскаго солдата изъ воронежскихъ крестьянъ-талантливымъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ. *За десять лѣтъ до «февральской революціи 1917 г.», провидѣлъ онъ — кто и куда поведетъ Россію безъ Царя* и какое это будетъ жалкое безталанное «правительство» безвременья.

Такъ съ своей собственной «точки зрѣнія» русскаго патріота оцѣнилъ губителей Отечества, сердцемъ и душою за него болѣвшій, полуслѣпой маститый старецъ, многоопытнѣйшій наблюдатель русской жизни. Такихъ правдивыхъ оцѣнокъ и характеристикъ, — пророческихъ писаній русскихъ людей выдающагося ума и таланта, а также и искреннихъ признаній — раскаяній въ революціонномъ вредительствѣ Русской Государственности и Русскому народу — мы замалчивать не смѣемъ...

Многое, не всѣмъ пріятное или угодное придется занести на страницы этого изданія...

Есть и еще «точка зрѣнія», о которой забываютъ не одни хулители націонализма и патріотизма: точка зрѣнія оставшихся въ живыхъ русскихъ людей, какъ за рубежомъ, такъ и «тамъ внутри» искалѣченной многострадальной нашей Родины, — присущая всѣмъ, помнящимъ недавнюю Великую Россію и своего Царя.

Это «точка зрѣнія» честныхъ и стойкихъ русскихъ людей, вѣрныхъ присягѣ сыновъ Отечества, съ юныхъ лѣтъ стоявшихъ на стражѣ его безопасности и до послѣдней капли крови боровшихся за Родную Единую Русь, за ея цѣлость, честь и достоинство, за правду въ ней и порядокъ.

Памятуя о нихъ — о безчисленныхъ *могилахъ неизвѣстныхъ жертвъ*, замученныхъ революціонерами, и съ «точки зрѣнія» тѣхъ героевъ, многія тысячи которыхъ, оставаясь вѣрными присягѣ, сложили головы «За Вѣру, Царя и Отечество» подъ Императорскими знаменами, — да позволено будетъ намъ, въ послѣдующихъ главахъ, сказать «сущую обо всемъ правду», не утаивая ничего извѣстнаго».

Впрочемъ, можетъ быть, иные читатели найдутъ здѣсь имъ уже извѣстное. Большинство вѣдь были свидѣтелями позднѣйшихъ событій или знаютъ о нихъ по мемуарамъ, по журнальнымъ и газетнымъ статьямъ, появляющимся какъ въ зарубежной, такъ и въ «потусторонней» большевицкой печати. Но по ограниченности числа расходящихся въ широкихъ кругахъ этихъ, относительно, дорогихъ изданій — мы вправѣ заключить, что огромное большинство нашихъ соотечественниковъ знакомы съ важнѣйшими событіями даже недавняго прошлаго отрывочно или въ произвольномъ пересказѣ важныхъ свѣдѣній — въ *политическихъ и партійныхъ* органахъ прессы, въ одностороннемъ ихъ подборѣ и тенденціозномъ освѣщеніи. Къ тому-же лишь не многіе имѣютъ досуги и охоту группировать извѣстные уже матеріалы, задавать вопросы и искать на нихъ отвѣты.

Появились уже цѣлые томы, носящіе названіе «Исторіи»

революціонныхъ событій, особенно въ большевицкихъ изданіяхъ.

Но какую-же исторію могутъ дать эти «ихъ» историки, въ большинствѣ лишь стремящіеся поучать и доказывать, что вотъ онъ-то и его партія (и только они!) — «истинные благодѣтели» русскаго народа, «настоящіе» блюстители и спасатели «завоеваній революціи» — всезнающіе «демократы — трансформаторы» человѣчества?

Чаще всего, все это разсказываютъ тѣ самые фанатики-поджигатели, систематическіе разрушители Россіи, преступная роль которыхъ слишкомъ всѣмъ извѣстна и изо дня въ день подтверждается ими-же самими. Въ то время, какъ жертвы ихъ «освободительныхъ» и революціонныхъ опытовъ влачатъ нищенское голодное существованіе или перебиваются каторжнымъ трудомъ — г.г. «заслуженные дѣятели» поджигательства родного дома ведутъ и здѣсь, и «тамъ внутри» — въ сущности мало для нихъ измѣнившуюся жизнь интеллигентской или писательской «богемы». И тамъ, и тутъ — по всей печати мелькаютъ вѣдь все тѣ-же имена «знакомыхъ незнакомцевъ» — въ большинствѣ, по ихъ признаніямъ, «отдавшихъ лучшіе годы жизни» работѣ на сокрушеніе «режима».

Вотъ что и съ большей ясностью, конечно, отмѣтятъ будущіе историки.

И тѣ-же господа, сознательно, идейно способствовавшіе крушенію Россіи, не только поучаютъ насъ, какъ ее спасти и воскресить, но и изо всѣхъ силъ теперь стараются навязывать себя въ «пророки» и «вожди», — пробуждающемуся великому русскому народу, уже готовящему, невиданныя міромъ, возмездіе и казнь его мучителямъ и разорителямъ Отчизны...

Многое несомнѣнно будетъ еще дополнено и освѣщено впослѣдствіи — архивными данными и мемуарными свидѣтельствами, пока еще недоступными хотя бы потому, что всѣ наши архивы во власти III Интернаціонала.

Однако, если бы только новизна фактовъ составляла необходимое условіе всякой исторической работы, то дѣло исторіи исчерпалось бы въ тотъ моментъ, когда были бы пересмотрѣны государственные и частные архивы. Въ дѣйствительности это не такъ: сколько мы видимъ серьозныхъ капитальныхъ историческихъ трудовъ, появляющихся постоянно, уже второе столѣтіе, хотя бы, напримѣръ, объ эпохѣ французской революціи или о Наполеонѣ-Бонапартѣ.

Такъ и о нашей всероссійской смутѣ многое разскажутъ тѣ опубликованные документы, печатныя и иныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать и, по скольку сумѣлъ — сопоставить и сгрупировать для послѣдовательнаго изложенія

важнѣйшихъ происшествій новаго русскаго «смутнаго времени» первой четверти XX столѣтія...

Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію событій «революціи 17 года», мы обязаны вспомнить о томъ, какою была въ старые годы ея славы — и всего лишь 13 лѣтъ назадъ, — наша Царская Россія Дома Романовыхъ наканунѣ крушенія.

Да будетъ это изданіе не только «книгою русской скорби и нашего позора», но и *хрестоматіей русской славы»*, того величія — мирнаго процвѣтанія Отечества и грознаго его могущества, которыя въ 1853 году, такъ поэтически-геніально изобразилъ И. С. Никитинъ [1]) въ непревзойденномъ по красотѣ языка русской пѣсни и по патріотическому чувству — историческомъ его стихотвореніи — «гимнѣ Родинѣ»:

РУСЬ

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,
Вижу, даль степей
Зеленѣется,
И на граняхъ ихъ
Выше темныхъ тучъ
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ —
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.
Гляну къ сѣверу —
Тамъ въ глуши пустынь
Снѣгъ ,что бѣлый пухъ,
Быстро кружится,
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю,
И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...
Это ты моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!
У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?
У тебя-ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

---

[1]) Иванъ Савичъ Никитинъ (1824-1861 г.г.) былъ также, какъ А. С. Суворинъ и поэтъ А. Кольцовъ уроженецъ Воронежской губерніи. Это стихотвореніе впервые напечатано въ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1853 г.

У тебя-ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ
Старины святой
Громкихъ подвиговъ?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.
И давно-ль было,
Когда съ Запада [1])
Облекла тебя
Туча темная?...
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань

Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,
Собрала дѣтей
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости на вѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя
Бури сѣвера
О нихъ плакали!
И теперь среди
Городовъ Твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ,
По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота,
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая...

Эта подымающая духъ народный торжественная «пѣсня о Родинѣ» тогда заучивалась наизусть. Русскіе патріоты ее декламировали и распѣвали по всей Россіи въ тяжкую годину испытаній Севастопольской войны. Но пришли иные люди и принесли новыя, угашающія духъ *пѣсни безвременья 1900-хъ годовъ.*

Ихъ мы помнимъ и слышимъ еще и здѣсь «за рубежомъ»... *Слишкомъ русское* стихотвореніе Никитина — эти поэтическіе «думы о великомъ Отечествѣ-Россіи» — было забыто...

Вспомнимъ-же въ наши тяжкіе смутные дни и послѣднія слова этого «русскаго народнаго гимна Родинѣ»:

[1]) 1812 г., но теперь это относится и къ 1914 г.!

Ужь и есть за что
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ,
Сложить голову!

Съ этими завѣтными для русскихъ людей словами приступаемъ къ изложенію нашего скромнаго труда, посвященнаго всѣмъ, кто не забылъ такъ четко выраженный въ Никитинскихъ стихахъ священный долгъ любви и вѣрности Отечеству.

В. И. Назанскій.

Парижъ, 1930 годъ.

ГЛАВА I

ЗАГАДКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

> **«Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстый гробъ для добродѣтели и — самаго злодѣйства».**
>
> **Н. М. Карамзинъ.**
> **1811.**

Крушеніе Великой Россіи и Дома Романовыхъ...

Русская Революція 1917 года...

Могъ ли кто нибудь изъ участниковъ всероссійскаго празднованія трехсотлѣтія славнаго царствованія Дома Романовыхъ, въ 1913 году, предполагать, что вѣками созданная Великая Россійская Имперія такъ катастрофически рухнетъ и послѣдній Русскій Самодержецъ погибнетъ, варварски замученный со всею своею Семьей?

Живы еще разношерстные дѣлатели русской смуты, разрушители Родины, предатели своего Государя, погубившіе и тотъ народъ, «любовью» къ которому прикрывали эти «народолюбцы» преступнѣйшія свои дѣянія, включительно до разбоевъ, грабежей и убійствъ, именуя послѣдніе, чуждыми родной рѣчи названіями: «экспропріяціями» и «террористическими актами».

И даже они, всѣ эти «эсъ-дэки», «эсъ-эры», «ка-дэки», «прогрессисты-блокисты», и вольные и не вольные ихъ пособники — лукавые царедворцы и измѣнившіе присягѣ царскіе генералъ-адъютанты, — заявляютъ теперь въ своихъ показаніяхъ, во всевозможныхъ писаніяхъ-полупризнаніяхъ и въ мемуарахъ-самооправданіяхъ, что такого результата, такихъ опустошеній и ужасающихъ послѣдствій «исторически (будто-бы!) неизбѣжной» революціи — никто изъ нихъ не предполагалъ и не ожидалъ.

Не чаяли этого и большевики, для которыхъ не только заставшій «эсъ-дэковъ» въ расплохъ петроградскій февральскій бунтъ, но и самый захватъ ими власти въ октябрѣ — были побѣдами, совершенно неожиданными.

Впрочемъ, еще болѣе для нихъ и даже для самаго Ленина, неожиданными оказались явно отрицательные результаты насильственнаго примѣненія ими соціалистическихъ ученій къ жизни ста-пятидесяти милліоннаго народа [1]). Большевицкою соціалистическою революціей преподанъ величайшій показательный урокъ человѣчеству: — *опытное опроверженіе соціализма.*

Маніакъ революціи, прогрессивный паралитикъ [2]) Ульяновъ-Ленинъ оказалъ одну несомнѣнную услугу народамъ всего міра: съ помощью шайки ему подобныхъ онъ доказалъ безсмысленную утопичность, практическую неосуществимость «соціализма». Соціалисты дѣйствія, марксисты-большевики «угробили» соціализмъ, а воспоминаніемъ объ этомъ всемірно историческомъ событіи служитъ ими же воздвигнутый, позорящій стѣны Московскаго Кремля ленинскій мавзолей-гробница, символически напоминающій интернаціональнымъ ея посѣтителямъ, въ особенности же сгоняемымъ со всей Россіи крестьянамъ и рабочимъ, что царящій на кладбищѣ русской государственности и общественности большевизмъ — это могила соціализма и всѣхъ свободъ.

Не стало Императорской Царской Россіи...

Величайшую, изумительнѣйшую имперію изъ всѣхъ, какія зналъ міръ послѣ имперіи римлянъ, создалъ русскій народъ — русскій человѣкъ, неудержимо шедшій на востокъ и на югъ, дойдя наконецъ до Арарата, до Индіи и перешагнувши Тихій океанъ — до Аляски [3]), уступленной Америкѣ всего лишь 60 лѣтъ тому назадъ... «за излишкомъ» (въ 1867 г.).

Цари: Иванъ Грозный, Алексѣй Михайловичъ, императоры: Петръ Великій, Александръ Благословенный, Николай I, Александръ II — Освободитель, Александръ III — Миротворецъ, императрица Екатерина Великая, — съ небывалою

---

[1]) Послѣ 13-ти лѣтъ революціи и безпощаднаго введенія «соціализма» по-азіатски, — передъ нами умирающая отъ голода страна. Видѣлъ-ли міръ такое зрѣлище? Могъ-ли думать кто-нибудь, чтобы въ XX вѣкѣ сто пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ силой были обращены въ какихъ-то троглодитовъ?

[2]) Вотъ медицинское опредѣленіе болѣзни Ульянова-Ленина:

«Etat criblé: Пустыя полости и поры въ бѣлой массѣ мозга — результатъ изнашиванія мозговыхъ кровеносныхъ сосудовъ, и появленіе небольшихъ гнѣздъ. Размягченіе мозга на этой почвѣ».

Профессоръ психіатріи М. Н. Лапинскій.

[3]) Указомъ императора Александра I, 4 сентября 1821 года берега и острова сѣверной части Тихаго Океана въ Азіи и Америкѣ были объявлены принадлежащими Россіи. На Азіатскомъ побережьи всѣ территоріи, расположенныя къ сѣверу отъ 45° сѣв. широты, а на Американскомъ побережьи — всѣ земли и острова, расположенныя къ

послѣ Рима широтой и послѣдовательностью раздвинули черты россійскихъ государственныхъ границъ.

Соперничающая съ Россіей Британская имперія сложилась лишь въ XIX вѣкѣ, а поражающее современниковъ имперское могущество Соединенныхъ Штатовъ Америки — обрисовалось только къ началу нынѣшняго XX столѣтія. *Третій Римъ* — такъ называли Москву, сердце Великой Россіи, занимающей одну шестую всей земной поверхности...

И тотъ же русскій народъ, въ единеніи со своими царями, въ особенности подъ славнымъ водительствомъ государей изъ Дома Романовыхъ — создавшій это могущественнѣйшее государство, а при посредствѣ государственности — богатую, многостороннюю культуру, — объятый какимъ-то навожденіемъ, самъ разрушилъ великую Россійскую Имперію... ради преходящихъ выгодъ и призрачныхъ благъ.

Народъ, давшій міру двѣсти лѣтъ тому назадъ величайшій индивидуальный геній государственности — императора Петра Великаго, поддался соблазну разрушенія родного своего русскаго государства. Это государственное разрушеніе совершилъ русскій «народъ-богоносецъ», подстрекаемый и увлекаемый множествомъ слабыхъ, безличныхъ, бездарныхъ, безнравственныхъ людей, сдѣлавшихся вождями не потому, что ихъ выдвигала собственная ихъ крупная личность или талантъ, а именно потому, что по своему ничтожеству они безпредѣльно и безсовѣстно льстили толпѣ и ее ублажали, потакали низменнѣйшимъ инстинктамъ невѣжественныхъ массъ, которыхъ сами же презрительно называли «освобожденными рабами».

При пособничествѣ и подстрекательствѣ этихъ недостойныхъ представителей интеллигенціи, совершилось какое-то нелѣпое государственное самоубійство государственнаго народа, до сихъ поръ остающееся «великою историческою проблемой»,

сѣверу отъ 51° сѣв. широты объявлены были русской территоріей. На сѣверо-западномъ побережьи Сѣверной Америки сохранились слѣды русскихъ поселеній, а городъ Санъ-Франциско хранитъ много историческихъ воспоминаній объ оккупаціи его русскими еще до захвата Соединенными Штатами богатѣйшей Калифорніи отъ первыхъ ея завоевателей—испанцевъ. Русскій флагъ развѣвался съ 10 Сентября 1812 г. до 12 Декабря 1841 г. въ 90 верстахъ отъ Санъ-Франциско. Былъ построенъ укрѣпленный фортъ на утесахъ въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ бухтъ Бодега и получилъ названіе «Фортъ Россъ». Освященъ былъ 10 Сентября 1812 г., а 12 Декебря 1841 г. русскій флагъ опустился въ Калифорніи, гдѣ развѣвался 32 года. Въ 1820–хъ годахъ порты Калифорніи служили морскими станціями для русскаго императорскаго флота, фактически господствовавшаго надъ всѣмъ этимъ побережьемъ. У Соединенныхъ Штатовъ флота тогда еще не было, а морскія силы Англіи были недостаточны для соревнованія съ Россіей въ Тихомъ океанѣ.

все еще разгадываемою «загадкой» — даже для наиболѣе образованныхъ, выдающихся по уму очевидцевъ-участниковъ государственнаго разрушенія нашей Родины и для дѣятелей и дѣльцовъ пресловутой россійской «общественности».

Вся эта самоослѣпленная общественность и радикальная интеллигенція — не замѣчали или не хотѣли видѣть смертельной для страны опасности въ томъ революціонизмѣ, который ими усиленно насаждался, на глазахъ ихъ просачивался въ народныя массы, разлагая ихъ духовно, опустошая народную душу, подготовляя крушеніе Государства.

Памятно всѣмъ, что творилось въ послѣднее десятилѣтіе и во время міровой войны. Гремѣли рѣчи, милліонами газетныхъ листковъ разносились по Россіи — всевозможныя злостныя выступленія противъ правительства, самая разнузданная и и такъ часто лживая клеветническая критика власти.

И все это дѣлалось не преслѣдуемыми властью антигосударственными элементами, а «лойяльною общественностью», «конституціонными монархистами»... изъ дворянъ — Родичевыми, Долгоруковыми, Маклаковыми, Милюковыми, — нагло именовавшими себя «оппозиціей Его Величества». Доходило до того, что лицемѣрно твердившіе о вѣрноподданнической преданности Царю-Самодержцу монархисты — Шульгинъ, Пуришкевичъ и уподобившіеся имъ представители нѣкоторыхъ дворянскихъ сословныхъ объединеній, во имя патріотизма произносили рѣчи... противъ правительства Его Величества!

Какъ зарывающійся игрокъ, въ опьяненіи игрою, не отдаетъ себѣ отчета о возможныхъ катастрофическихъ для него послѣдствіяхъ азартной игры, такъ и большая часть нашего интеллигентнаго общества, захваченная всеобщимъ психозомъ оппозиціи и критики власти, не сознавала неизбѣжныхъ послѣдствій своихъ дѣяній, не учитывала трагической важности момента или же просто не понимала народной психологіи.

Не задумывались они и о своей отвѣтственности за то, что совершалось внѣ ихъ интеллигентскихъ круговъ, въ психикѣ антигосударственныхъ элементовъ широкихъ народныхъ массъ — въ народной душѣ.

Вотъ почему, когда наступили событія 1917 года, именуемыя «революціей» — ея размахъ и первыя проявленія обнаружили совершенно неожиданную для «общественности» ея природу. Столь желанная интеллигенціей революція рѣшительно разошлась съ тѣмъ, что воображала о ней либеральная «общественность» — подлинный ликъ революціи оказался вовсѣ не такимъ, о какомъ мечтала русская радикальная интеллигенція, даже соціалистическая.

«Патріотическая» идея революціи оказалась какимъ-то ин-

теллигентскимъ недоразумѣніемъ — передъ лицомъ русскаго безсмысленнаго безпощаднаго бунта, этой самовольно погромной «демобилизаціи» и стихійной анархіи 1917 года.

Революція эта была *антипатріотична, противо-національна, противо-государственна* и потому она съ логической и психологической необходимостью началась съ развала арміи и привела къ разрушенію Государства.

Русская революція была сочетаніемъ радикальныхъ идей, на которыхъ воспитывалась интеллигенція, съ анархическими разрушительными своекорыстными-хищническими инстинктами народныхъ массъ и оказалась... пугачевщиной во имя соціализма.

Сначала «Комитетъ Государственной Думы» и «Временное Правительство», а затѣмъ большевики — возглавили движеніе, несомнѣнно болѣе близкое къ разбойной атаманшинѣ Стеньки Разина и Емельки Пугачева, къ бунтамъ и смутѣ XVII и XVIII в. нашей исторіи, чѣмъ къ «великой французской революціи» или къ послѣднимъ словамъ и программамъ европейскаго анархо-синдикализма.

Опубликованные за истекшее десятилѣтіе документы, показанія очевидцевъ — участниковъ событій, вся эта обширная, хотя и разноголосая литература о русской смутѣ — уже многое освѣщаютъ и для уясненія проишествій 1917-1918 г.г. имѣется весьма значительный историческій матеріалъ.

Мы постараемся изложить всѣ историческія свѣдѣнія, какія имѣли возможность собрать, но которыя нерѣдко обходятъ молчаніемъ или приводятъ въ пристрастномъ «партійномъ» освѣщеніи современные историки-публицисты. Большинство этихъ историковъ пишутъ не столько о событіяхъ петроградскаго февральскаго бунта и о превращеніе его въ революцію и не о государственномъ переворотѣ 2 марта и катастрофическихъ его послѣдствіяхъ для Россіи, сколько о дѣятельности и «достиженіяхъ» своихъ и противныхъ политическихъ партій или же о личной своей политической работѣ въ рамкахъ и на пользу тѣхъ же политическихъ группъ.

Уже въ 1921 году появилась подобная «скороспѣлая» «Исторія русской революціи» [1]) писанная политикомъ-публицистомъ.

Но нашъ трудъ далекъ отъ той «партійной бутафоріи въ исторіи», которою отличаются неудобочитаемыя сочиненія этого «профессора революціи», на первыхъ страницахъ своей «исторіи» заявляющаго, что «фактическое изложеніе не составляетъ главной задачи автора» [1]).

---

[1]) «Исторія Второй Русской Революціи» П. Милюкова. София, 1921 г., стр. 4.

Такимъ же одностороннимъ «освѣщеніемъ событій» отличаются и историко-публицистическія упражненія разномастныхъ милюковскихъ послѣдователей, а всего больше — фабрикуемые на заказъ, по «установленному пролетарскому образцу» труды новоявленныхъ совѣтскихъ «историковъ», большевицкихъ казенныхъ писакъ — вродѣ Щеголева, Покровскаго, Балабанова, М. Павловича и т. д.

Эти пристрастные и односторонніе изслѣдователи русской смуты начинаютъ чаще всего оговоркою, что «для исторіи революціи время еще не наступило и не скоро наступитъ» и устанавливая такимъ образомъ съ первыхъ же словъ отсутствіе такой исторіи — приступаютъ къ еще болѣе отвѣтственному изложенію «философіи русской революціи»... за неимѣніемъ ея исторіи.

Не удивительно, что съ первыхъ же страницъ такихъ псевдоисторическихъ изслѣдованій читателямъ преподносится, вмѣсто фактическаго изложенія — «анализъ событій съ точки зрѣнія опредѣленнаго (т.е. партійнаго) ихъ пониманія» и предрѣшенные «политическіе выводы», при чемъ историческіе факты подгоняются къ этимъ выводамъ.

Объясняется все это не недостаточнымъ знаніемъ литературы предмета, а явной предвзятостью историковъ-партійцевъ. Историкъ-политикъ и при томъ еще политикъ сегодняшняго дня, грубо заслоняетъ въ нихъ историка-ученаго. И въ исторіи эти неисправимые амбиціозные партійные «вожди» - политиканы ищутъ прежде всего оправданій своей прошлой и современной политической дѣятельности и партійныхъ позицій.

А чтобы исторія служила этой ихъ цѣли, всѣ они, начиная отъ Милюкова, то тамъ, то здѣсь ее фальсифицируютъ, покрывая пеленой забвенія все то, что умаляетъ «достоинство» ихъ кумира-Революціи и разоблачаетъ, какъ ошибки и преступленія ихъ партій, такъ и вообще все, что непріятно вспомнить не одному творцу «новой тактики», но и всѣмъ новоявленнымъ безборьбистамъ, непредрѣшенцамъ и «аполитичнымъ» приспособленцамъ.

Все это настолько бросается въ глаза, что, напримѣръ, Керенскій называетъ милюковскую «Исторію революціи» — «стилизаціей во вкусѣ правой реакціи», а Мельгуновъ — считаетъ себя въ правѣ изслѣдованія того-же «историка» назвать «стилизаціей во вкусѣ лѣвой эмиграціи».

Таковы историческіе труды партійцевъ-участниковъ революціи. Это не исторія и не философія русской революціи и не разгадка ея загадокъ. У Милюкова это «исторія и философія...

участія кадетской партіи въ революціи», а у другихъ — партій эсъ-эровской или большевицкой...[1]).

Нашъ скромный трудъ будетъ простымъ изложеніемъ событій и фактовъ и возстановленіемъ между ними связи, съ сохраненіемъ объективности, поскольку послѣдняя доступна для участниковъ описываемыхъ событій.

Въ капитальномъ своемъ трудѣ о «русскомъ кризисѣ», К. П. Крамаржъ говоритъ: «Историку и социологу предстоитъ благодарная задача отыскать всѣ причины страшной катастрофы, нарисовать картину величія и паденія гигантскаго государства. Для такой работы пока еще отсутствуютъ почти всѣ предпосылки (?). Все же необходимо попытаться вскрыть хоть главнѣйшія причины этого ужаснаго крушенія и прежде всего выяснить причины отсутствія сопротивленія со стороны такихъ круговъ народа, которые въ другихъ государствахъ несомнѣнно постарались бы поставить преграду разрушительному потоку...»[2]).

И затѣмъ, почтенный ученый славистъ-руссофилъ, на 635 страницахъ всесторонне разбираетъ эти причины, даетъ подробное изслѣдованіе событій русской смуты, но къ сожалѣнію иногда въ такой специфической интеллигентской формѣ, что и къ этому историческому труду о русской революціи мѣстами приложимъ, приводимый ниже, уничтожающій отзывъ «великаго писателя земли русской» — объ ученыхъ трудахъ о революціяхъ вообще.

Всѣ мы свидѣтели величайшихъ событій въ исторіи нашей Родины должны бы послѣдовать мудрому завѣту гр. Л. Н. Толстого, который еще въ 1905 году совѣтовалъ одному изъ близкихъ своихъ друзей, И.Наживину[3]), изъ анархистовъ, ставшему благодаря революціи монархистомъ, — записывать все, что видѣлъ и слышалъ и какъ можно правдивѣе и точнѣе... «А то потомъ изъ всего этого сдѣлаютъ, какъ сдѣлали изъ французской революціи, какую нибудь эдакую ученую колбасу и будутъ отравлять ею милліоны людей»[4]).

Справедливость словъ гр. Л. Н. Толстого мы уже и видимъ

---

[1]) «Исторія Второй Русской Революціи» П. Милюкова, София, 1921 г., стр. 4

[2]) К. П. Крамаржъ: «Русскій Кризисъ». — Пер. съ чешскаго А. С. Изгоева, Прага-Парижъ, 1926 г.: въ этомъ обширномъ изслѣдованіи авторъ блеснулъ множествомъ искусно имъ подобранныхъ «предпосылокъ»!

[3]) И. Наживинъ: «Записки о революціи». — Книгоиздательство «Русь». 1921 г.

[4]) Л. Толстой намекалъ на историческіе труды о французской революціи пр. Олара.

въ стремленіи не только лѣвой, но подчасъ и правой заграничной русской печати, зарубежныхъ публицистовъ и историковъ-политикановъ — замести слѣды и свалить всю вину въ русскомъ горѣ на однихъ большевиковъ или же на «іудо-масоновъ», замалчивая первичные грѣхи всей россійской интеллигенціи съ самимъ графомъ Л. Н. Толстымъ во главѣ и всѣхъ круговъ нашей «общественности» до привиллегированно-сословныхъ включительно.

Такъ прикрываются и забываются общія ихъ передъ Отечествомъ преступленія многолѣтняго амбиціозно-самонадѣяннаго, безотвѣтственнаго критиканства и смутьянства-революціонизма, закончившіяся возглавленіемъ петроградскаго февральскаго бунта 1917 года ни кѣмъ инымъ, какъ именитыми земцами: *камергеромъ* М. Родзянкой и *княземъ* Г. Е. Львовымъ съ не менѣе именитыми представителями московскаго торгово-промышленнаго сословія и русскаго ученаго университетскаго міра.

Эти общеизвѣстные имена отнынѣ занимаютъ на страницахъ исторіи государственнаго разрушенія нашей Родины по «заслугамъ» принадлежащее имъ безславное мѣсто на ряду съ Керенскимъ и впереди именъ псевдонимовъ — Ульянова-Ленина, Бронштейна-Троцкаго и имъ подобныхъ поработителей русскаго народа, расхитителей народнаго достоянія, виновниковъ смерти милліоновъ жертвъ кровавой власти III-го Интернаціонала.

Тѣ же русскія имена возглавившихъ февральскій бунтъ думскихъ «комитетчиковъ» — лжеминистровъ исторіей присоединены и къ списку палачей убійцъ Царя Мученика и Его Семьи, преданныхъ въ руки мучителей безсмысленными жестокими актами «по почину Государственной Думы возникшаго» временнаго правительства — преступнѣйшими его распоряженіями объ арестѣ и отправленіи затѣмъ въ Сибирь Государя, Императрицы и Августѣйшихъ Его Дѣтей, при всеобщемъ непротивленіи или попустительствѣ бывшихъ вѣрноподданныхъ Россійскаго Самодержца.

За истекшее десятилѣтіе 1917-1927 г.г. въ *загадкѣ революціи* весьма многое разгадано и разъяснено самымъ ходомъ ея подготовленія и происшествіями Русской смуты, поведеніемъ множества ея виновниковъ и ихъ пособниковъ и далеко еще неизжитыми гибельными послѣдствіями государственной катастрофы.

Разгадка «загадокъ русской революціи» давно на лицо и доступна всѣмъ «имѣющимъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать».

Разгадкою является это величайшее всероссійское пре-

ступленіе: разрушеніе русскими людьми Отечества и варварское убійство своего Государя и Его семьи.

Годами подготовлялось и на глазахъ всего цивилизованнаго человѣчества совершалось это анархическое поджигательство, государственное разрушеніе, грабежи и убійства.

Только профессіональные адвокаты революціи, самооправдывающіеся «ученые»-фанатики, восхвалявшіе ту идеологію преступленій, которая содержится во всѣхъ революціонныхъ лжеученіяхъ — способны еще прикрывать и оправдывать преступнѣйшую сущность «революціи» 1917 года.

Многіе помнятъ, какъ восхищалась «общественность» краснорѣчіемъ знаменитаго присяжнаго повѣреннаго, назвавшаго бомбу разорвавшую въ клочья тѣло царскаго министра В. К. Плеве — «бомбою слезъ» [1]).

Точно также, не менѣе циничные «идеологи» «демократій» и «революцій» оправдываютъ тяжкія массовыя преступленія русской смуты — теоретическими измышленіями о яко-бы «исторической неизбѣжности» революцій вообще. Вмѣсто того, чтобы будучи очевидцами событій назвать всѣ эти гнусныя дѣянія подлинными ихъ именами, всячески прикрываютъ они величайшія преступленія высокопарною и демагогическою фразеологіей объ «исторической проблемѣ» и о «загадкѣ русской революціи», восхваляя «завоеванія февраля» и «революціонныя заслуги» Государственной Думы, десять лѣтъ разжигавшей русскую смуту.

Напрасныя усилія найти оправданія и мнимыя основанія въ «законахъ исторіи» — тому, чему нѣтъ прощенія, не должно его быть и никогда не будетъ!

Несмотря на всю безсовѣстную изворотливость и цинизмъ адвокатовъ революціи и ея идеологовъ — никогда не удастся имъ — ни оправдать «передъ исторіей» интеллигентскаго своего преступленія, ни избавить виновниковъ отъ безпощаднаго суда потомства — отъ заслуженнаго ими возмездія, которое для многихъ уже и пришло и о которомъ такъ сказалъ геніальный поэтъ:

... Но есть и Божій Судъ, наперсники разврата,
Есть Грозный Судія, Онъ ждетъ,
Онъ не подкупенъ звону злата —
И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ! [2])

---

[1]) Защитникъ террориста Е. Сазонова, прис. пов. Н. П. Карабчевскій въ засѣданіи СПБ. Суд. Палаты 30 ноября 1904 года назвалъ бомбу, брошенную въ Плеве — «бомбою слезъ», что «не динамитомъ она была полна, а слезами». Убійца былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

[2]) М. Ю. Лермонтовъ, въ 1837 г.

Величайшія въ исторіи преступленія 1917-1918 годовъ могли казаться «загадочными» и «загадкою революціи» только тѣмъ, кто въ самоослѣпленіи революціоннаго безумія и вслѣдствіе политическаго невѣжества — не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть и сознавать давно очевидныхъ и общеизвѣстныхъ грѣховъ русскаго народа и болѣе всего — россійской интеллигенціи.

... Но — заговорили молчавшіе...

И вслѣдъ за давно перемѣнившими свои «вѣхи», а нынѣ приносящими всенародное покаяніе въ революціонныхъ грѣхахъ-заблужденіяхъ своей молодости, виднѣйшими представителями интеллигенціи съ П. Б. Струве [1]) во главѣ — наиболѣе откровенное разъясненіе всей сущности русской смуты дали намъ свидѣтели-очевидцы, какъ «революціонной репетиціи» 1905 года, такъ и событій 1917 года: членъ государственной думы [2]) Н. Н. Львовъ и профессоръ И. А. Ильинъ. Безъ всякихъ «намековъ на то, чего не вѣдаетъ никто», въ немногихъ, но точныхъ словахъ даетъ Н. Н. Львовъ отчетливое опредѣленіе русской смуты, разгадку этой «загадки революціи»:

«Марксисты ломаютъ себѣ голову по Марксу или не по Марксу произошла русская революція [3]).

Соціалисты всѣхъ странъ колеблются, думаютъ и не могутъ — ни отвергнуть, ни признать единый фронтъ съ красной Москвой: то шагъ назадъ, то шагъ впередъ.

Поклонники деклараціи правъ человѣка, недумавъ не гадавъ — признаютъ въ русской пугачевщинѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ великую французскую революцію и съ прозорливостью указываютъ наступленіе термидора въ россійской пугачевщинѣ.

Евразійцы, воспринявъ Чингисъ-Хана за православнаго русскаго Царя, въ большевицкомъ погромѣ прозрѣли появленіе исконнаго русскаго духа и ждутъ чудесъ отъ ленинской муміи.

А дѣло въ томъ, что то, что произошло въ Россіи, не «скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы», по Марксу,

---

[1]) Разочарованіемъ и ужасомъ передъ революціей полонъ былъ сборникъ статей выдающихся писателей и ученыхъ, — подъ названіемъ «Вѣхи», изданный въ 1906 г. Отошедшіе отъ революціи авторы «Вѣхъ» были пятеро марксистовъ: П. Струве, С. Булгаковъ, Бердяевъ, Изгоевъ и Франкъ; среди остальныхъ: И. Кистяковскій и др.

[2]) Н. Н. Львовъ — крупный землевладѣлецъ Саратовской губ. товарищъ секретаря 4-ой Госуд. Думы, прогрессистъ, близко знавалъ Столыпина еще по Саратову.

[3]) Статья Н. Н. Львова въ газетѣ «Возрожденіе», 1927 г., № 937.

ничуть не великая французская революція, по Олару, и никакъ не Чингисъ-Ханъ на русскій ладъ, по евразійски, а нѣчто совершенно другое.

Русская революція, это «экспропріація въ Фонарномъ переулкѣ [1]) во всероссійскомъ масштабѣ».

Не политическая партія, а преступное сообщество изъ революціоннаго подполья воровски захватило власть надъ ста-сорока милліонами русскаго народа. Этой преступной шайкѣ также нужны идеи, какъ взломщику ломъ, разбойнику топоръ, какъ нуженъ ядъ для отравы.

Ленинъ былъ отъявленнымъ плутомъ прежде всего. Вся напряженная воля его была направлена на то, чтобы обмануть, поддѣть, одурачить и вдоволь наглумиться надъ обманутой жертвой.

«Революціонные пріемы сводятся къ одному: привить людямъ рядъ ненавистей, разжечь въ нихъ злобу, стравить между собой и использовать все это въ свою пользу. Обостреніе классовыхъ противорѣчій, углубленіе революціи заключалось ни въ чемъ другомъ, какъ въ натравливаніи солдатскихъ массъ на своихъ офицеровъ, крестьянъ на помѣщиковъ, бѣдноты на богачей, прислуги на господъ. Разжиганіе ненависти, натравливаніе темныхъ народныхъ массъ совершенно такое же, какъ при еврейскихъ погромахъ и армянской рѣзнѣ — вотъ сущность ихъ идей, остальное — *ложь*»...

Не менѣе ясно и безъ «ученыхъ экивоковъ» профессоръ И. А. Ильинъ установилъ и «первопричину всѣхъ причинъ»:

«Россія рухнула прежде всего отъ государственнаго невѣжества, царившаго и въ простомъ народѣ, и въ радикальной интеллигенціи [2]). Отъ общаго невѣжества, отъ необразованности и темноты. Но еще болѣе отъ *политическаго невѣжества;* отъ политической безсмысленности въ народѣ и отъ государственнаго невѣжества русской интеллигенціи».

Въ народѣ царило и теоретическое и политическое практическое невѣжество. Радикальная интеллигенція теоретически

---

[1]) 14 октября 1906 г. въ 12 час. дня, въ центрѣ С.-Петербурга, на углу Фонарнаго пер. и Екатерининскаго канала, шайкою с.-р. была открыта стрѣльба и брошены бомбы въ конныхъ жандармовъ, сопровождавшихъ карету въ которой помощникъ казначея порт. таможни везъ 600.000 рублей бумажками и золотомъ. Во время замѣшательства изолированнаго отъ кареты конвоя, стрѣлявшіе похитили 398.772 рубля и скрылись. Задержанные семь участниковъ экспропріаціи были осуждены военно-полевымъ судомъ и 17 октября повѣшаны. Деньги найдены не были.

[2]) И. А. Ильинъ: «Гибель отъ невѣжества», газ. «Возрожденіе», 1927 года.

что-то «знала» и понимала, но въ дѣлѣ государственнаго опыта строительства и веденія отличалась полнымъ невѣжествомъ».

«Съ развязной самоувѣренностью диллетанта она протолкалась къ государственной власти и ухватилась за нее... и потерпѣла жестокое трагическое крушеніе...».

«И вотъ весь ходъ русской революціи опредѣляется тѣмъ, что интеллигентный, но безвольный радикалъ (включая сюда и партію эсъ-эровъ и меньшевиковъ) былъ сброшенъ неинтеллигентнымъ, но волевымъ революціонеромъ (большевикомъ)».

«Это была смѣсь изъ революціонно-профессіональной «полуобразованности» и просто народной необразованности; изъ полууголовныхъ революціонеровъ и полуреволюціонныхъ «уголовниковъ».

Но зато это были люди трезвые, прозаическіе, «реальные», люди жадные и черствые. Они достаточно уже насидѣлись въ революціонномъ, тюремномъ и соціальномъ подпольѣ, имъ надоѣли послѣднія роли и арестатскіе пайки. Въ ихъ душахъ все было грубо, элементарно и пошло».

«И когда октябрьскій переворотъ былъ ими совершенъ, тогда въ ихъ ряды повалила вся та масса невѣжественнаго радикалья, которая накапливалась по щелямъ старой Россіи и накапливала въ своихъ душахъ завистливость «подполья» (въ смыслѣ Достоевскаго): тупую злобу и гложущую ненависть плебея, духовно не справляющагося со своимъ нисшимъ рангомъ».

«Неустроившіеся семинаристы, недоучившіеся студенты, писаря, фельдшера, школьные учителя, фармацевты, приказчики, конторщики, почтальоны, «квалифицированные» рабочіе и всевозможный «третій элементъ» (Пресловутые земскіе статистики изъ политическихъ ссыльныхъ) — изъ нихъ-то и вербовался тогда основной кадръ коммунистовъ — всѣхъ этихъ «кожаныхъ» комиссаровъ, револьверныхъ комендантовъ и одержимыхъ «товарищей».

«Волевое невѣжество свергло безвольную интеллигенцію: трезвый хамъ свергъ мечтательнаго барина, революціонный невѣжда сбросилъ радикальнаго теоретика».

«А интеллигентный радикалъ, стоявшій у власти, взявшій власть и потому принявшій на себя обязанность вести и спасать, — призванный къ тому чтобы умереть на своему посту въ борьбѣ за русскую государственность, призналъ въ этомъ «народную волю» и преклонился передъ волею сынов погибели».

Такъ, послѣ отжитаго Россіей цѣлаго десятилѣтія разоренія и смуты — отчетливо уясняютъ «смыслъ» революціоннаго безумія участники и очевидцы событій 1917 года.

Но уже въ 1918 году, въ черные дни развертывавшагося большевицкаго гнета, кристально честный и чистый патріотъ, крупнѣйшій русскій мыслитель эпохи безвременья В. В. Розановъ далъ яркую, по-истинѣ убійственную характеристику нынѣ кающейся и съ запозданіемъ прозрѣвшей россійской либеральствовавшей интеллигенціи, которая такъ по-парламентски позорно-безотвѣтственно выявляла свою безгосударственность и революціонность за 10 лѣтъ существованія Государственной Думы.

Раннею весной 1918 года, въ посадѣ Троице-Сергіевской Лавры, В. В. Розановъ записалъ свое откровенное слово о революціонной общественности нашего «парламента». Въ остро выразительной по сжатости мысли и горьчайшей тайной печали статьѣ — оставилъ онъ намъ конспектъ цѣлой исторической монографіи о мертвыхъ душахъ временъ Гос. Думы, подъ заглавіемъ:

«*Разсыпавшіеся Чичиковы*».

«Въ 10 лѣтъ «Государственная» Дума промотала все, что *князья Кіевскіе, Цари Московскіе и Императоры Петербургскіе*, а также *сослуживцы* ихъ доблестные, накапливали и скопили въ тысячу лѣтъ.

Ахъ, такъ вотъ, гдѣ закопаны были «Мертвыя души» Гоголя... А ихъ всѣ искали вовсе не тамъ... Искали «вокругъ», а вокругъ были Пушкинъ, Лермонтовъ, Жуковскій, два Филарета, Московскій и Кіевскій...

— Зрѣлище Руси окончено. — «Пора одѣвать шубы и возвращаться домой».

Но когда публика оглянулась, то и вѣшалки оказались пусты, а когда вернулись «домой», то дома оказались сожженными, а имущество разграбленнымъ.

Россія пуста. Боже, Россія пуста! Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала вѣру, продала земли, продала работу. Продала, какъ бы Россія была ея крѣпостною рабою. Она вообще продала все, что у нея торговали и купили. И что поразительно: она нисколько себя не считаетъ виновною и «кающагося дворянина» въ ней нѣтъ. Она и до сихъ поръ считаетъ себя правою и вполнѣ невинною.

Единственный въ мірѣ парламентъ.

Какъ эти Чичиковы ѣздили тогда въ Лондонъ! Да и вообще они много ѣздили и много говорили. «Нашей павѣ хочется вездѣ показаться». И... «какъ насъ принимали».

Оказались правы одни славянофилы. Одинъ Катковъ. Одинъ Конст. Леонтьевъ...

Поразительно, что во все время революціи эти теченія

(славянофильско-Катковское) нашей умственной жизнью не были даже вспомнены. Какъ будто ихъ никогда даже не существовало. Соціалисты и инородцы единственно дѣйствовали.

— А что же русскіе?

Досыпали «Сонъ Обломова», сидѣли «На днѣ» Максима Горькаго и, кажется, еще въ «Ямѣ» Куприна... Мечтая о «золотой рыбкѣ» будущности и историческаго величія»........

Очень образно обрисовалъ въ «Запискахъ писателя» (Выпускъ І-й, 1925 г.) М. Арцыбашевъ, выбравшійся въ августѣ 1925 г. изъ совѣтскаго рая въ Варшаву, реальные плоды передержекъ — «завоеванія революціи» и ея дѣятелей. «Гдѣ вы тѣ, кто въ Февралѣ исходилъ восторгомъ отъ «великой безкровной русской революціи», кто ждалъ отъ нея великихъ достиженій, кто сыпалъ громкими словами и пышными лозунгами?... Какъ ошпаренные тараканы разсыпались они по всему свѣту, забились во всѣ заграничныя щели и, глубокомысленно поводя ощипанными усиками, думаютъ горькую думу: что же это такое? неужели же мы, въ самомъ дѣлѣ, были только идіотами, ничего не предвидѣли и не понимали?... Нѣтъ, ошпаренные тараканы, отсидѣвшись и отдышавшись отъ этой проклятой революціи, въ прекрасномъ далекѣ, немедленно принялись измышлять себѣ *оправданіе*. Кое-кто просто пытается снять съ себя всякое обвиненіе, сваливъ всю вину на большевиковъ, на нѣмцевъ, доставившихъ намъ знаменитый запломбированный вагонъ, на стихійное бездушіе, вдругъ, невѣдомо почему, охватившее весь русскій народъ. А кто похитрѣе, стараются все дѣло представить въ такомъ видѣ, чтобы и вины никакой не оказалось, они пытаются «оправдать революцію» (стр. 60-61).

Временное Правительство «по почину Гос. Думы возникшее», получившее изъ рукъ Государя огромную Имперію и всю полноту власти, представляло собою лишь тѣхъ матросовъ государственнаго февральскаго корабля 1917 года, которые не зная, какъ управлять, подняли бунтъ во время бури, смѣстили капитана и посадили корабль на рифы соціальной революціи на не скончаемые годы...

И вотъ, 10 лѣтъ спустя, быв. членъ Государственной Думы, отъ Саратовской губерніи, прогрессистъ Н. Н. Львовъ подводитъ такіе итоги:

«Революція есть дѣло невѣжества, дѣло политической и экономической безграмотности, дѣло духовнаго и умственнаго варварства».

«Изъ за спины ученаго невѣжды всталъ круглый невѣжда. Безвольный радикалъ привелъ за собою волевого революціонера».

«Претенціозное заблужденіе расчистило дорогу предателю

и злодѣю. Не герои и не геніи отдали Россію въ кабалу «планетарнымъ геніямъ»...

«Легкомысліе породило преступленіе...».

«Вмѣсто самодержавія — пришелъ великій хамъ разрушившій все».

«Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ промышленности, какъ въ транспортѣ, такъ и въ торговомъ оборотѣ — полный развалъ... Нечего ѣсть, не во что одѣться, негдѣ жить. На Волгѣ, во время голода 1921 года, доходили до людоѣдства.

Страшно за Россію...[1]).

«То, что произошло въ Россіи, это не революція, а паденіе націи».

Взгляните на карту. Все дѣло вѣковыхъ усилій русскаго народа разрушено. Споръ Россіи съ Польшей рѣшенъ отторженіемъ исконныхъ русскихъ земель Волыни и Бѣлоруссіи. Вездѣ русскіе унижены. Въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Латвіи, въ Эстоніи, въ Румыніи. А у себя на родинѣ — развѣ это не рабы?

Все русское вытравляется изъ русской души. *Русскаго* народа не стало. Это безсвязныя толпы, мятущіяся, ненавидящія другъ друга, охваченныя какимъ-то навожденіемъ [2]).

«Загадки преступнѣйшей изъ революцій разгаданы, преступленія ея давно раскрыты, ибо совершаются открыто, на глазахъ всего міра, и виновники этихъ величайшихъ злодѣяній извѣстны, но дѣятельность свою продолжаютъ безнаказанно.

Почему?

Потому что «революція — это право» безнаказанности преступленій противъ власти и государственности, доказываемое политическими лжецами всѣхъ временъ и народовъ, признаваемое лжецами-историками, лже-наукою «о естественной исторіи революціи и ея неизбѣжности».

Революція — это лжеученіями соціализма проповѣдуемый среди безграмотныхъ и полуграмотныхъ людей соціальный мифъ о «всеобщемъ равенствѣ и распредѣленіи благъ», а русская «интеллигентская» революція — это нечаевскій методъ «всесторонняго разложенія общества упраздненіемъ этики,

---

[1]) Слова соціал-революціонера, горнаго инженера П. А. Пальчинскаго, разстрѣляннаго большевиками въ 1929 г. вмѣстѣ съ желѣзнодорожникомъ Н. К. фонъ-Меккъ и инженеромъ А. Ф. Величко — «за контръ-революцію».

[2]) Изъ рѣчи к.-д. Н. Н. Львова, избраннаго предсѣд. Р. Ц. О. (Декабрь 1927 г.).

это — пресказанная Достоевскимъ »диктатура мошенниковъ отъ соціализма» — большевиковъ съ ихъ лозунгомъ: «грабь награбленное!...» — это русское нигилистическое: «намъ на все наплевать!».

Революція — это свободная проповѣдь апологіи преступленій, изложенной предтечами большевиковъ — Бакунинымъ и Нечаевымъ (въ 1860-хъ годахъ) въ ихъ «Катехизисѣ революціонера», рекомендующемъ, напримѣръ: «эксплуатировать всевозможными манерами и путями высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами».

Революція — это самодовлѣющая сила зла, какъ оно охарактеризовано Мефистофелемъ Гете:

Я отрицаю все
И въ этомъ суть моя,
Дѣла и мысли злыя —
Моя стихія.

Революція — это хаосъ, сила ея въ безконечномъ разрушеніи, въ «войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ», а ея безсиліе — въ созиданіи и въ мирномъ трудѣ.

Революція, если дать ей волю — разрушила-бы человѣческій космосъ до основанія, до той «гладкой доски», о которой поется въ «интернаціоналѣ».

Революція — это психическая зараза преступнѣйшей маніи разрушенія.

Міровая соціальная революція — это интернаціональный коммунизмъ, возглавляемый русскими большевиками, злодѣйства которыхъ изображены въ слѣдующемъ воззваніи къ народу, распространяемомъ въ Средней Азіи муллами:

Въ мірѣ повсюду одно зло отъ коммунистовъ; неисчислимый вредъ причиняетъ — большевикъ.

«Всюду грабить, зло творитъ мирному народу, забралъ послѣднее имущество — большевикъ.

«Злостно клеветалъ на безвинныхъ людей, въ застѣнкахъ убивалъ ихъ — большевикъ.

«Востокъ и западъ спалилъ огнемъ, ядомъ своимъ, хуже яда скорпіона или змѣи, людей отравилъ — большевикъ.

«Дьяволъ овладѣлъ государствомъ; на насъ несчастныхъ надѣлъ ярмо — большевикъ.

«Плаксиво твердилъ всѣмъ о своемъ безкорыстіи, подло напавъ, завладѣлъ нами большевикъ.

«По примѣру государствъ міра, издалъ свой законъ, — въ немъ одна подлость — большевикъ.

«Вступилъ въ борьбу съ Богомъ, отрицая Его бытіе — большевикъ.

«Воровъ и разбойниковъ предпочелъ, достойныхъ погубилъ — большевикъ.

«Воистину довелъ народъ до людоѣдства — большевикъ.

«Россійское государство, богатѣйшее, ограбилъ и обобралъ — большевикъ.

«Неизбѣженъ день позорной смерти врага, испарится мразь его и погибнетъ онъ — большевикъ.

«Другого врага въ мірѣ нѣтъ. Будь онъ съ умомъ, не общался бы съ дьяволомъ — большевикъ.

«Аминь»...

Революція — это «аполитичное» непротивленіе всѣмъ подобнымъ злодѣяніямъ и насиліямъ, разрѣшаемымъ «революціоннымъ правомъ», совершаемымъ въ силу «революціонной дисциплины» и оправдываемымъ «террористическою честью и совѣстью...» грабителей, палачей и убійцъ!

Революція — это лже-научное, мнимо-историческое, масонское и соціалистическое оправданіе и поощреніе безъотвѣтственныхъ и безсовѣстнѣйшихъ дѣяній всякаго рода, направленныхъ къ разрушенію вѣками установленнаго общественнаго порядка и государственности.

Революція — это «право» отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ на насилія, на величайшія самоуправства и своеволіе подъ видомъ «народоправства».

Революція — это «право» безнаказанно совершать величайшія и подлѣйшія преступленія противъ всѣхъ Заповѣдей Господа Бога, противъ самаго Бога.

Революція — это религія преступленія, это — преступнѣйшее изъ преступленій: революція — это безбожіе!

ГЛАВА II.

СОЦІАЛИЗМЪ — ЭТО ОПІУМЪ ДЛЯ НАРОДА, РЕВОЛЮЦІЯ — ЭТО БЕЗБОЖІЕ.

«Россія въ развалинахъ»...

И эти развалины величайшей Имперіи, эти разбойническія революціонныя издѣвательства надъ русскимъ народомъ наконецъ-то разглядѣла и просвѣщенная христіаннѣйшая Европа и въ 1929 г. заговорила — въ Англіи, Швейцаріи и во Франціи — на митингахъ протеста противъ большевицкихъ звѣрствъ и преслѣдованій вѣрующихъ всѣхъ исповѣданій.

Многотысячныя толпы объединило въ Англіи преклоненіе передъ подвигами новыхъ русскихъ мучениковъ за вѣру. Страшная повѣсть о кровавыхъ преслѣдованіяхъ за вѣру въ Бога — заставила забыть о политическихъ разногласіяхъ, собрала представителей различныхъ религій. «Крестовымъ походомъ» противъ большевиковъ-гонителей вѣрующихъ, уже называютъ это возрастающее съ каждымъ днемъ движеніе, возникшее по почину англиканскаго духовенства и швейцарца Теодора Обера — на митингѣ протеста въ Лондонѣ (въ Albert Hall), на которомъ присутствовалъ и русскій епископъ Николай.

Болѣе откровенный-политическій характеръ носилъ франко-русскій митингъ протеста, состоявшійся въ Парижѣ 28 декабря 1929 г. Здѣсь огромный залъ «Ваграмъ» бурно привѣтствовалъ депутатовъ г. Парижа, говорившихъ о заслугахъ Россіи въ міровую войну, о доблести русскихъ войскъ. На ряду съ французами выступали и русскіе ораторы, но блестящая организація митинга многимъ обязана союзу «французской патріотической молодежи» [1]).

---

[1]) Состоявшійся послѣ Лондонскаго и Женевскаго митинговъ — франко-русскій митингъ протеста, въ которомъ участвовали 36 русскихъ организацій съ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ М. М. Федорова во главѣ — собралъ исключительно внушительную аудиторію болѣе 3.000 чел. при чемъ порядокъ охраняли 200 распорядителей — члены «союза французской патріотической молодежи» подъ руководствомъ своего начальника — депутата Тетенже. Предсѣдательствовалъ депутатъ г. Парижа Э. Сулье, а президіумъ составляли: депутатъ Пьеръ Тетенже, секретарь лиги по борьбѣ съ III Интернаціоналомъ, Густавъ Готеро, быв. депутатъ г. Парижа Эрлипгъ, вице-президентъ франко-

Принятая на франко-русскомъ митингѣ протеста и напечатанная въ парижскихъ газетахъ нижеслѣдующая резолюція — является исчерпывающей историческою характеристикой всѣхъ «достиженій революціи» и «соціалистическаго строительства», 13 лѣтъ осуществляемаго преступными продолжателями дѣяній февральскихъ бунтарей 1917 года — первыхъ разрушителей русской государственности, а вмѣстѣ съ нею и самобытной русской церковности.

Этотъ обвинительный актъ противъ «красы и гордости» міровой революціи, противъ соціалистовъ-большевиковъ, является не только словомъ, но и дѣломъ, ибо заканчивается обращеніемъ съ просьбою къ правительствамъ, унизившимся до признанія кровавыхъ тирановъ Москвы, какъ бы за національное правительство Россіи, — поспѣшить разорвать сношенія съ революціонерами-большевиками:

«Франко-русское собраніе протеста противъ звѣрствъ совѣтской власти въ СССР устанавливаетъ, что никогда еще цивилизованный міръ не былъ свидѣтелемъ ужасовъ, подобныхъ тѣмъ, что творятся въ СССР.

Благодаря случайностямъ войны и революціи, надъ Россіей захватила власть кучка одержимыхъ, цинично поправшихъ всѣ завѣты права и морали и провозгласившихъ открыто отмѣну всякой человѣчности.

Вмѣсто государства, при помощи организаціи голода и

русскаго союза г. Рей, полк. графъ де Франкевиль. Присутствовали: кн. Никита Александровичъ, кн. Ирина Павловна, архіепископъ Серафимъ и свящ. Борисъ Молчановъ, генералы: А. П. Кутеповъ, Деникинъ, Баратовъ, Лукомскій, Лохвицкій, Суворовъ и Кауфманъ-Туркестанскій, гр. В. Н. Коковцевъ, А. Н. Крупенскій, В. А. Маклаковъ, М. Н. Гирсъ, Н. Н. Львовъ, Н. Н. Шебеко, А. С. Хрипуновъ, Ю. Ф. Семеновъ, М. Г. Казариновъ, И. Г. Савченко, А. В. Карташевъ, дон. атаманъ ген. А. П. Богаевскій, адмиралы: И. Ф. Бостремъ, М. Н. Кедровъ, кап. 1-го ранга В. И. Дмитріевъ, кн. М. К. Горчаковъ, кн. С. А. Долгорукій, Н. Н. Изнаръ, Н. Х. Денисовъ, генералы: Е. К. Миллеръ, И. А. Хольмсенъ, М. И. Репьевъ, сенаторы: Е. Б. Иваницкій и Г. В. Глинка, Г. Г. Витте, А. А. Нератовъ, В. Н. Новиковъ, В. П. Носовичъ, В. Н. Ермаковъ, С. Н. Чаевъ и др.

Не пожелавшіе содѣйствовать организаціи протеста милюковскія и др. лѣвыя организаціи — отсутствовали, за то въ газетѣ «Эръ-Нувель», издаваемой, признавшими большевиковъ, французскими радикалами, передъ которыми пресмыкаются наши «блюстители завоеваній революціи» — г.г. эр.-деки и проч. лѣвые, напечатана была инспирированная ими возмутительная статья, въ которой вся отвѣтственность за большевицкія звѣрства сваливается на «варварство царизма» — со ссылкою на французскихъ революціонеровъ, которые объясняли безчисленныя казни во время «Великой Французской»... дурными привычками, сохранившимися у народа со временъ инквизиціи и королевскихъ казней.

всеохватывающаго шпіонажа, Россія обращена въ гигантскую тюрьму съ утонченными орудіями пытокъ и убійствъ.

Во имя классовой борьбы, путемъ систематическаго террора, унижены и изнасилованы — человѣческая свобода, мысль, наука, литература, печать, искусство, вся духовная культура. Кощунственно оскверняются и преслѣдуются религія, семья.

Смертныя казни, или, вѣрнѣе, систематическое убиваніе нежелательныхъ власти гражданъ стало ежедневнымъ и будничнымъ явленіемъ. Лишь рѣдко коммунистическіе тираны считаютъ нужнымъ повѣдать міру имена казнимыхъ... Лишь въ видѣ исключенія казнимые проводятся черезъ трагикомедію неправеднаго насильническаго суда. Десятки тысячъ людей убиваются безъ всякаго суда, послѣ мученій и пытокъ, въ страшныхъ застѣнкахъ.

Еще болѣе мучительнымъ способомъ истребленія «классовыхъ враговъ» совѣтской власти является ссылка въ Соловки, Нарымъ и другіе концентраціонные лагери, гдѣ люди обрекаются на смерть отъ голода, холода и истязаній и умираютъ ежегодно тысячами.

Свои звѣрства совѣтская власть, поощряемая равнодушіемъ мірового общественнаго мнѣнія, не стыдится выносить и за-границы россійской тюрьмы. Вѣсть объ ужасахъ кровавой бойни, учиненной арміей Блюхера надъ русскими крестьянами, искавшими спасенія отъ голода поселеніемъ на китайской территоріи, облетѣла весь міръ.

Истребивъ буржуазію и интеллигенцію, совѣтская власть всю силу ненависти теперь направляетъ на развращеніе и полное одичаніе культурной страны и на кровавую борьбу съ самимъ 125 милліоннымъ русскимъ крестьянствомъ, коренной демократіей Россіи. Весь демократическій міръ до сихъ поръ молча присутствуетъ при этомъ вопіющемъ актѣ массоваго всенароднаго насилія. Это даже не политическій терроръ, это не слыханное еще въ исторіи насиліе, это воплощеніе ада на землѣ. И совѣтская власть не хочетъ и не желаетъ ограничиться только одной, хотя бы и огромной страной. Она всѣ накопленныя Россіей средства и всѣ соки истощеннаго каторжнымъ трудомъ и доведеннаго до отчаянія и нищеты населенія бросаетъ на пропаганду всемірной революціи, т.е. тѣхъ же убійствъ, того же раззоренія и того же одичанія и въ другихъ странахъ.

Можетъ ли культурный міръ, при видѣ этой дикости, безчеловѣчности и грозящей всему міру опасности, безмолвно покоряться принципу невмѣшательства во внутреннія дѣла другой страны? Тысячу разъ нѣтъ. Этого не можетъ во всякомъ

случаѣ допустить свободное общественное мнѣніе, выражающее голосъ человѣческой совѣсти.

Настоящее собраніе полагаетъ своимъ моральнымъ долгомъ явиться рупоромъ свободнаго общественнаго мнѣнія и протестуетъ противъ нестерпимой для цивилизованнаго міра кровавой совѣтской власти со всѣми ея ужасами — полнаго подавленія личности, безсудныхъ казней, массоваго истребленія инакомыслящихъ и насильно ею осуществляемаго коммунистическаго режима, ведущаго ко всеобщему одичанію. Собраніе не можетъ не высказаться одновременно и противъ терпимаго отношенія къ этой власти правительствъ великихъ державъ.

Человѣческая совѣсть есть суверенный судья надъ всѣми международными и правительственными условностями. Она не можетъ допустить, чтобы во имя сомнительныхъ политическихъ и экономическихъ выгодъ, къ тому же опровергнутыхъ опытомъ, державы, сами стоящія на основѣ морали и права, безцѣльно унижали свое культурное достоинство, допуская въ среду честныхъ и гуманныхъ правительствъ совершенно негосударственную, ненаціональную и нечестную организацію коммунистическихъ разрушителей, подъ псевдонимомъ правительства СССР временно захватившую власть надъ Россіей.

Признаніемъ совѣтовъ дэ-юре цивилизованныя государства (къ счастью не всѣ) оказываютъ моральную, правовую и экономическую поддержку режиму дикости и звѣрства. Этимъ удлиняется позорное для человѣчества существованіе коммунистической власти и затрудняется для русскаго народа его тяжкая революціонная борьба за освобожденіе себя и всего міра.

Собраніе обращается къ правительствамъ державъ, признавшихъ кровавую тиранію Москвы какъ бы за національное правительство Россіи, съ просьбой поспѣшить разорвать съ ней сношенія во имя помощи освобожденію русскаго народа и вмѣстѣ всего міра отъ опасности коммунистической заразы.

Отвѣтомъ на безмѣрно растущій счетъ безчеловѣчностямъ совѣтской власти должна быть моральная изоляція этого гнойника на тѣлѣ нашей цивилизаціи.

Такая моральная интервенція является гражданской обязанностью культурнаго міра... »

Нынѣ къ этимъ протестамъ присоединилась и могущественная римско-католическая церковь. Вся итальянская печать воспроизводитъ протестъ папы, призывающаго 19 марта всѣхъ католиковъ вознести молитвы о спасеніи русскаго народа. Газеты единогласно указываютъ, что этотъ протестъ папы выходитъ за предѣлы религіознаго вопроса:

«Необходимо начать настоящій духовный и моральный крестовый походъ культуры и цивилизаціи противъ варварства».

Всему міру теперь извѣстно, что большевики объявили окончательное уничтоженіе религіи въ 1933 году.

Это-ли не разгадка всѣхъ «загадокъ русской революціи???».

На тринадцатомъ году революціонныхъ издѣвательствъ надъ русскимъ народомъ преступнѣйшія дѣянія революціонеровъ «февралистовъ» и «октябристовъ» уже не представляетъ «загадокъ» для множества англичанъ и французовъ, да и для прочихъ народовъ Европы, открыто, на весь міръ осуждающихъ не только большевиковъ, но и признавшія ихъ правительства. Къ этому движенію поспѣшили присоединиться и «политическіе дѣятели» русскаго зарубежья. Но «загадочное» молчаніе многихъ изъ нихъ по поводу величайшаго звѣрства революціи — убійства Царской Семьи — отмѣчено въ стихотвореніи Юрія Гиппіуса такими огненно-жгучими словами:

«... А раньше, что же вы «друзья» молчали?
Иль для протеста не нашли вы словъ,
Когда Царя невиннаго въ Сибири убивали?
«Завяли» предъ Чекой и струсили оковъ!
Теперь, прикрывшися чужимъ закономъ,
Вы все шельмуете друзей былыхъ:
— А вѣдь вы пѣли съ ними униссономъ
«Свободы гимнъ»... — Давно ли онъ затихъ?
Но гдѣ же вамъ забыть о мигѣ власти,
Вамъ надо роль попрежнему играть!
— Избави Богъ отъ этакой напасти —
Тогда бъ Россіи ужъ никакъ не встать...
Но вѣрьте, — къ власти нѣтъ ужъ вамъ возврата,
— Россія красный бантъ давно уже сняла
И видитъ въ васъ источникъ лишь разврата.
— А какъ вамъ вѣрила и какъ за вами шла!
Святая кровь, Помазанника муки
На вашихъ именахъ навѣкъ легли,
И будетъ время: — вы, ломая руки,
Сознаете, какъ были вы подлы...

Идетъ поголовное истребленіе русскаго народа. И народы всего міра все это видятъ, знаютъ и лишь робко «протестуютъ» на словахъ, усовѣщиваютъ людей, отрицающихъ совѣсть, честь и самое человѣческое достоинство.

Зараженные боязнью противленія злу и насилію открытою силою — гуманнѣйшія правительства могущественныхъ государствъ, занимаются лишь уговариваніями издѣвающихся надъ

ними палачей и убійцъ и не только предоставляютъ имъ разорять, истязать, уничтожать утонченными пытками милліоны людей, но для присутствованія въ странѣ пытокъ и казней, въ качествѣ «обсерваторовъ», аккредитуютъ своихъ пословъ и министровъ, а въ первыхъ рядахъ этихъ наблюдателей-попустителей — находятся «полномочные представители» королей, родственниковъ послѣдняго Русскаго Царя, умученнаго за свою вѣрность союзнымъ обязательствамъ этимъ монархамъ. Въ 1914 г., по слову Русскаго Царя, по примѣру Россіи, на защиту Сербіи, а затѣмъ и Бельгіи, поднялъ оружіе почти весь цивилизованный міръ. Во сколько-же разъ больше погибло людей за тринадцать лѣтъ всероссійскаго погрома, чѣмъ и всего-то тогда было населенія въ этихъ двухъ маленькихъ государствахъ?

Но вотъ, передъ нами протестъ Россійской Православной Церкви.

Кто изъ членовъ Ея, пребывающихъ въ эмиграціи, будетъ не согласенъ съ выраженнымъ Ею протестомъ, или кто изъ русскихъ православныхъ людей не воспрянетъ духомъ отъ Ея могучаго голоса и не порадуется тому, что у насъ есть объединяющее средство, есть общая наша Святая Мать-Церковь, которая не можетъ безропотно отдать своихъ дѣтей на истребленіе?

Человѣческое слово безсильно изобразить и пересказать весь ужасъ совершенныхъ преступленій и звѣрствъ. Блѣдны и недостаточны всѣ краски, которыми можно было бы нарисовать страшную Голгоѳу нечеловѣческихъ страданій невинныхъ исповѣдниковъ Христа! Не существуетъ въ мірѣ звуковъ, которые могли бы передать раздирающіе душу вопли и предсмертные стоны страдальцевъ, оглашающіе подвалы «чека» и совѣтскихъ тюремъ! Кажется, не вмѣстить человѣческому сердцу даже и малой дозы тѣхъ сверхчеловѣческихъ переживаній и страданій, которыя переиспытали и испытываютъ въ Россіи годами, на глазахъ всего культурнаго человѣчества: «вси, хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ!» [1]).

Тягчайшія гоненія пережила Православная Церковь. Оставилъ насъ самъ Святѣйшій Тихонъ, нравственно, а возможно, и физически замученный совѣтскими слугами. Звѣрски убитъ Митрополитъ Кіевскій Владиміръ, ставшій — по слову собрата нашего Высокопреосвященнаго Анастасія, Архіепископа Кишеневскаго — «предводителемъ боговѣнчаннаго полка».

Воскрешая примѣры мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства, пріялъ кончину отъ руки палачей Митрополитъ Петроградскій Веніаминъ. Живымъ закопанъ былъ архіепи-

---

[1]) Обращеніе Преосвященнѣйшаго Николая, православнаго Епископа Лондонскаго къ Христіанскому протестному движенію въ Англіи противъ религіозныхъ гоненій въ Россіи.

скопъ Пермскій Андроникъ. Въ ледяной столбъ обращенъ былъ епископъ Платонъ Ревельскій, обливаемый водой на морозѣ. Епископъ Феофанъ Соликамскій живымъ сброшенъ былъ въ прорубь. Посаженнымъ на колъ пріялъ мученическую кончину епископъ Исидоръ. Епископъ Амвросій былъ привязанъ къ хвосту лошади и, влекомый ею, скончался. Замучены и убиты были: архіепископъ Митрофанъ Астраханскій, его викарій епископъ Леонтій Царевскій, архіепископы: Василій быв. Черниговскій, Іоакимъ Нижегородскій, епископы Никодимъ Бѣлгородскій, Макарій быв. Орловскій, Лаврентій Балахнинскій, Пименъ Вѣрненскій, Мефодій Павлоградскій, Германъ Вольскій, Варсонофій Кирилловскій, Ефремъ Селенгинскій, Мефодій Акмолинскій и многіе другіе, ихъ же имена Ты, Господи вѣси.

Десятки тысячъ священниковъ, діаконовъ и сотни тысячъ мірянъ-ревнителей Православія, — пріяли мученическую кончину за вѣру Христову.

Вотъ передъ нами московскій академикъ, преподаватель Воронежской Духовной Семинаріи о. Іеромонахъ Нектарій (Ивановъ)! Его избиваютъ, таскаютъ за ноги по саду; потомъ переламываютъ руки и ноги, вырываютъ половые органы, вбиваютъ въ темя, виски и подъ ногти деревянные гвозди, вливаютъ въ уста раскаленное олово, кощунственно высмѣивая этимъ таинство св. причащенія и, наконецъ, бросаютъ въ котелъ съ кипящей водой! И пока могъ шевелиться языкъ этого величайшаго страдальца, пока сознаніе не покидало истерзаннаго тѣла, запекшимися кровавыми устами онъ шепталъ слова благословляющей Бога молитвы: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ».
Такъ показало слѣдствіе... Жуткая, полная цѣпенящаго ужаса и высокой, недосягаемой духовной красоты, картина!

Вотъ Бѣлгородскій Епископъ Никодимъ... Его арестовываютъ на первый день Рождества ночью, потихоньку отъ паствы.. Избиваютъ, а потомъ голаго, съ зіяющими кровавыми ранами, выводятъ на страшный декабрьскій морозъ и медленно поливаютъ водой, пока онъ не превращается въ ледяной столбъ!... Пѣніемъ молитвы: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ!» пока могъ, оглашалъ темноту страшной ночи невинный страдалецъ! Съ перстами, сложенными для благословенія своихъ мучителей, и такъ, закочснѣвши, отходилъ онъ ко Господу... Въ такомъ положеніи отрыли его потомъ вѣрующіе.

Вотъ Архіепископа Пермскаго Андроника съ выколотыми глазами и вырѣзанными щеками влачатъ по улицамъ города Перми передъ обезумѣвшей и оцѣпенѣвшей отъ ужаса паствой!

А потомъ, Епископа Феофана Соликамскаго и съ нимъ 40 человѣкъ монаховъ, священниковъ и архимандритовъ убиваютъ! Кто бы могъ предполагать въ XX вѣкѣ такую потрясающую человѣческую бойню?!

Вотъ Архимандриту Димитрію подрѣзаютъ на головѣ кожу, снимаютъ ее вмѣстѣ съ волосами и только потомъ убиваютъ!

Вотъ іерея Феодора Оренбургской Епархіи «выводятъ въ расходъ» «закруткой»: намыливаютъ дратву, обвязываютъ ее вокругъ головы ,вставляютъ гвоздь и начинаютъ закручивать, пока черепъ не отскакиваетъ отъ головы, какъ чашка...

Вотъ на глазахъ обезумѣвшихъ женъ священниковъ: одного священника, только что совершившаго литургію, раздавливаютъ въ тискахъ, а другого распинаютъ на крестѣ! А Епископъ Тобольскій Гермогенъ, живымъ привязанный къ пароходному колесу?! А Епископъ Амвросій, привязанный къ хвосту разъяренной лошади?! А Епископъ Исидоръ живымъ же посаженный на колъ?! А десятки тысячъ священническаго, иноческаго и мірского чина, ихъ же имена одинъ Господь вѣдаетъ, страшную тайну мученій которыхъ хранятъ мрачные подвалы грозныхъ «чека»?! А недавно растрѣлянные въ Хабаровскѣ 75 человѣкъ православнаго духовенства, объ одномъ изъ которыхъ цинично заявлялось, что онъ въ теченіи 6 лѣтъ содержался въ такихъ невыносимыхъ условіяхъ, отъ которыхъ «даже собака бы сдохла»?! И это все — только маленькія частицы деталей колоссально чудовищной кровавой картины страданій православнаго духовенства! Все лучшее погублено ими и что еще ужаснѣе, медленными истязаніями приближается къ роковой развязкѣ по тюрьмамъ и въ ссылкахъ. Чудомъ оставшіеся «на свободѣ», влачатъ жалкое, нищенское, голодное, безправное существованіе, ожидая ежеминутно ареста и... желаннаго исхода — успокоительницы и освободительницы смерти... И только небольшія кучки «живоцерковцевъ», «обновленцевъ», «новообновленцевъ и приспособленцевъ», въ разное время благословившіе палачей, признавшія ихъ «радости своими радостями», несомнѣнно, до удобнаго момента, оставлены извергами въ весьма относительномъ покоѣ, купленномъ ужасной цѣной предательства! Они необходимы пока большевикамъ ради разрушенія единства Православной Церкви и ослабленія ея внутренней духовной мощи...

Поруганы святыя мощи. Издѣвательство злодѣевъ-большевиковъ доведено до того, что мощи Святителя Іосафа Бѣлгородскаго выставлены въ музеѣ рядомъ съ дохлой крысой. Недавно еще кощенственному вскрытію и перенесенію въ музей подверглись мощи Праведнаго Симеона Верхотурскаго, столь чтимаго въ Пріуральѣ. Передъ этимъ изъяты были и неизвѣстно гдѣ

находятся мощи Преподобнаго Серафима Саровскаго. Передъ праздникомъ Рождества Христова подверглись опять поруганію святыя мощи Святителя Митрофана Воронежскаго, перенесенныя въ Краевѣдческій музей. Закрыты Лавры: Кіево-Печерская, Троицко-Сергіевская, Александро-Невская, используемыя широко для учрежденій безбожниковъ. Соловецкая Обитель превращена въ большевицкій застѣнокъ. Томящимся тамъ во множествѣ архипастырямъ и пастырямъ запрещено совершеніе богослуженій. Священный Кремль Московскій поруганъ и оскверненъ. Снесена часовня Иверской Божіей Матери. Запрещенъ звонъ въ Москвѣ. Запрещены богослуженія въ часовнѣ Спасителя въ Петроградѣ. Взорванъ Симоновъ Монастырь. Храмъ Воскресенія, воздвигнутый на мѣстѣ пролитія крови Освободителя крестьянъ и славянства, государя императора Александра II, — превращается въ музей революціи.

Совѣтская власть офиціально («Извѣстія», отъ 22 марта 1929 г.) сообщила, что въ 1928 году ею закрыты 354 церкви и 88 монастырей, на 1929 годъ намѣчалось закрытіе 253 церквей. Но, конечно, эти предположенія давно превзойдены. Совѣтская печать писала, что къ 1 января 1930 года закрыты будутъ 1.000 церквей. Не проходитъ дня, чтобы печать не освѣдомляла о закрытіи нѣсколькихъ церквей. Рядъ губерній оставленъ вообще безъ церквей. Назрѣваетъ закрытіе всѣхъ церквей въ Россіи.

Діаволъ — *въ лицѣ совѣтской власти* — безудержно измывается надъ Святою Русью. И зловѣщимъ символомъ сатанинской природы совѣтской власти явится, воздвигаемая, взамѣнъ креста, на куполѣ Морского Собора въ Кронштадтѣ, бронзовая фигура Ленина. И все это происходитъ въ XX в., на глазахъ всего цивилизованнаго, гордаго своими культурными достиженіями человѣчества, оправдывающаго свое чудовищное безсердечіе къ несчастнымъ русскимъ и свои корыстные разсчеты, основанные на гибели Россіи ,«невмѣшательствомъ во внутреннія дѣла».

Только православные русскіе Цари съ подданными своими, благословляемые Православной Русской Церковью, не считали «вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла» вставать, когда было нужно, на защиту Православія, христіанъ, и попираемой правды и свободы въ человѣчествѣ! Теперь послѣдняго русскаго благочестивѣйшаго Царя-мученика, царицу, невинныхъ, кроткихъ дѣтей ихъ, звѣрски убили, народъ русскій убиваютъ, Православную Церковь добиваютъ... Вчерашніе же друзья и защищаемые боятся «вмѣшательства» и не боятся подавать руки палачамъ въ ихъ липкія лапы, на которыхъ еще не успѣла обсохнуть кровь невинныхъ жертвъ! Правда

есть трогательныя и свѣтлыя исключенія изъ этого, почти всеобщаго, моральнаго отупѣнія, но они — капля въ морѣ человѣческаго безсердечія и безстыдства. Вопросъ защиты свободы совѣсти, религіи отъ большевиковъ, защиты самаго Бога, боятся поднимать, потому что онъ заставитъ столкнуться... съ политикой. Новый, страшный кумиръ, котораго теперь боятся больше чѣмъ Бога; которому приносятъ страшныя жертвы: человѣческую порядочность, долгъ, честь, совѣсть; предъ которымъ трепещутъ, увы, и служители алтарей, забывая, что во имя правды Божіей нужно «вмѣшиваться» и въ политику, освящать ее, или безпощадно бичевать «предъ языки и царьми и сынми израилевыми» (Дѣян. 9, 15), повинуясь «болѣе Богу» (Дѣян. 5, 29), нежели сложному текущему политическому моменту»......

Первый періодъ нашей «великой революціи», время господства соціалъ-революціонеровъ, не менѣе безбожныхъ, нежели ихъ преемники — большевики, но гораздо болѣе лицемѣрныхъ, никакими рѣзкими антирелигіозными проявленіями не отличался. Но послѣ большевицкаго переворота картина рѣзко мѣняется. Это крайнее теченіе соціализма, наиболѣе прямое и откровенное, поставило борьбу съ религіей, и даже гоненіе на неё, въ число основныхъ пунктовъ своей программы; хотя и оно проводило его не вездѣ, а только тамъ, гдѣ могло разсчитывать, что не встрѣтитъ слишкомъ сильнаго противодѣйствія.

«Совнаркомъ» декретомъ 20-го января 1918 года объявилъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства и запрещеніи преподаванія Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, и большевистская администрація усердно принялась за отобраніе церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, закрытіе въ городахъ церквей, превращеніе ихъ въ клубы и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, были объявлены необязательными акты крещенія, церковнаго брака и погребенія; но за то установленъ гражданскій бракъ, и дѣло веденія метрическихъ записей и выдачи свидѣтельствъ передано цѣликомъ въ руки гражданской власти. Комиссіи же по борьбѣ съ контръ-революціей воздвигли особо свирѣпое гоненіе и преслѣдованіе противъ духовенства. Программа эта проводилась въ жизнь первоначально болѣе или менѣе осторожно и тамъ, гдѣ мѣстная большевистская власть не натыкалась на серьезное противодѣйствіе. Тамъ же, гдѣ она встрѣчала внушительное сопротивленіе, представители ея не останавливались передъ тѣмъ, чтобы скрывать распоряженія центральной власти и даже отрицать ихъ существованіе.

Наряду съ этимъ представители соціализма, на этотъ разъ

правда изъ лагеря соціалистовъ-революціонеровъ, стали выступать съ рѣчами и въ печати, пытаясь доказать, что соціалистическое ученіе есть ничто иное, какъ первоначальная, чистая форма христіанства. Въ этомъ отношеніи очень интересную лекцію прочиталъ одинъ «товарищъ» на подготовительныхъ курсахъ по соціализаціи земли въ Уфѣ, помѣщенную почти цѣликомъ въ уфимскомъ органѣ соціалистовъ-революціонеровъ «Земля и Воля». Этотъ господинъ утверждалъ, что Спаситель въ своей проповѣди возстановлялъ народъ противъ правительства и имущихъ классовъ и проповѣдовалъ классовую борьбу, предлагая «отречься отъ прежняго міра» и призывая къ Себѣ «всѣхъ трудящихся и обиженныхъ»; но что этотъ «христіанскій соціализмъ» былъ очень невыгоденъ и непріятенъ верховной Императорской власти и потому въ угоду ей былъ искаженъ на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ высшей церковной властью, въ лицѣ собравшихся на Соборъ епископовъ, изъ числа которыхъ нашелся только одинъ честный и порядочный — Арій; но тотъ, конечно, ничего не могъ одинъ сдѣлать и только сталъ жертвой оскорбленія, нанесеннаго ему Св. Николемъ Чудотворцемъ, давшимъ ему въ присутствіи всего Собора пощечину. Тѣмъ не менѣе, чистое христіанское ученіе не погибло и дошло до насъ въ формѣ ученія современныхъ соціалистовъ».

По мѣрѣ укрѣпленія совѣтской власти, гоненіе на Церковь и духовенство становилось все болѣе систематическимъ и свирѣпымъ, выливаясь въ самыя разнообразныя формы — отъ грубой кровожадности до утонченной жестокости и злостнаго глумленія.

Теперь еще нѣтъ возможности нарисовать полной картины всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ совѣтской властью по отношенію къ Православной Церкви и ея духовенству; но и тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя время отъ времени проникали въ печать, вполнѣ достаточно, чтобы имѣть о нихъ вполнѣ опредѣленное понятіе: систематическая травля въ печати, изобилующей кощунственными каррикатурами, съ глумливыми надписями, вырабатываемыми, видимо, фабричнымъ путемъ и разсылаемыми изъ центра во всѣ провинціальныя газеты, причемъ весьма характернымъ является то обстоятельство, что ни въ одной совѣтской газетѣ нельзя встрѣтить ни одной каррикатуры, или глумливаго стиха, или бранной замѣтки по отношенію къ другимъ религіямъ, напримѣръ магометанству, іудейству или даже протестантизму; налоги на иконы и натѣльные кресты, отобраніе церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, разгонъ монастырской братіи; разграбленіе и закрытіе церквей и превращеніе ихъ въ клубы, казармы и даже конюшни; безчисленныя убійства священниковъ и привлеченіе ихъ къ самымъ

чернымъ работамъ, вплоть до очистки отхожихъ мѣстъ въ красноармейскихъ казармахъ и т. д.

Самое пылкое воображеніе не въ силахъ представить, до какихъ безумныхъ звѣрствъ и утонченныхъ пытокъ доходитъ здѣсь большевистскій геній. Лучшихъ изъ пастырей, наиболѣе популярныхъ и любимыхъ народомъ, — однихъ разстрѣливали, другихъ живыми закапывали въ землю, съ третьихъ сдирали кожу, предварительно надрубая руки, четвертыхъ топили въ рѣкахъ, примораживали ко льду. Не казненныхъ и не утопленныхъ пастырей морили голодомъ, лишая продовольственнаго пайка, изнуряли непосильными работами, многихъ недѣлями и даже мѣсяцами томили въ тюрьмахъ. Все было дозволено, все пущено въ ходъ, лишь бы довести духовенство до самыхъ тяжелыхъ и невыносимыхъ страданій.

Но все это — ничто въ сравненіи съ тѣми муками, которыя приходилось испытывать пастырямъ и всѣмъ вѣрующимъ при яростныхъ порывахъ загрязнить, осквернить и потопить въ водоворотѣ крови и слезъ все самое святое и безцѣнное для христіанина. Захватываются духовно-учебныя заведенія, причемъ зданіе духовной семинаріи превращается въ застѣнокъ со всевозможными орудіями пытокъ; въ храмѣ при Епархіальномъ училищѣ устраивается красноармейскій театръ и вертепъ красноармейскаго разврата. Разгромляются и захватываются монастыри, запрещаются крестные ходы, а въ нѣкоторыхъ приходахъ даже колокольный звонъ. Въ однихъ мѣстахъ пастырей обязываютъ подпиской не совершать крещеній, браковъ и отпѣваній безъ разрѣшенія «исполкомовъ»; въ другихъ — безъ того же разрѣшенія имъ воспрещается и вообще совершеніе какихъ-либо требъ. Времена Деоклетіана и Деція блѣднѣютъ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, которое пришлось переживать нашей Церкви въ 1918 году.

Какъ тяжело приходилось Пермской Церкви, показываетъ мартовскій списокъ жертвъ большевистскаго гоненія, опубликованный Епархіальнымъ управленіемъ.

Въ спискѣ этомъ значатся: Архіепископъ Андроникъ — схваченъ въ ночь на 4-ое іюня 1918 года и, по имѣющимся въ распоряженіи прокурорскаго надзора даннымъ, закопанъ въ землю живымъ, выброшенный изъ вагона на полномъ ходу. Епископъ Феофаній, Викарій Соликамскій, въ ночь на 11 декабря 1918 года, послѣ истязанія и многократнаго погруженія въ воду, утопленъ въ рѣкѣ Камѣ. Протоіереи: Іоаннъ Пьянковъ, Алексѣй Сабуровъ, Николай Яхонтовъ, Александръ Искляевъ, Александръ Преображенскій, Михаилъ Киселевъ, Николай Конюховъ, Алексѣй Будринъ, Алексѣй Стабиковъ

4

и Николай Бѣльтюковъ — одни изъ перечисленныхъ пастырей разстрѣляны, другіе — заморожены, третьи — зарублены.

Той же лютой смерти, послѣ предварительныхъ жестокихъ пытокъ и издѣвательствъ, преданъ цѣлый рядъ священниковъ. Кромѣ того, значатся также убитыми члены Священнаго Собора, посланные въ Пермь для разслѣдованія дѣла объ убійствѣ Архіепископа Андроника: Василій, Архіепископъ Черниговскій — разстрѣлянъ; изрублены шашками Матфей, Архимандритъ, ректоръ Пермской Духовной Семинаріи, и Звѣревъ Алексѣй Даниловичъ, крестьянинъ Московской губерніи, миссіонеръ. Всѣ эти три члена Священнаго Собора мученически окончили жизнь свою при отъѣздѣ изъ г. Перми по желѣзной дорогѣ за мостомъ черезъ рѣку Каму 14-го августа 1918 года.

Но съ особенной злобой пермскіе большевики относились къ монашествующему духовенству и монахамъ. По разсказамъ пермяковъ, не было, кажется, тѣхъ издѣвательствъ и пытокъ, которымъ не подвергались бы монашествующіе, попавъ въ большевистскіе застѣнки или въ руки «рабоче-крестьянскихъ комиссаровъ». Правдивость этихъ кошмарныхъ разсказовъ отчасти подтверждается и опубликованнымъ пермской епархіальной властью спискомъ погибшихъ монаховъ.

Вотъ что пишетъ профессоръ Е. П. Ивановъ въ Новониколаевской «Русской Рѣчи», отъ 20-го мая 1919 года, въ своей статьѣ «Блудница Вавилонская», въ которой онъ сгруппировалъ разрозненныя, отрывочныя свѣдѣнія о всѣхъ мерзостяхъ большевиковъ по отношенію къ православной религіи и ея представителямъ:

«Если бы кто захотѣлъ въ самыхъ общихъ чертахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ красочно и сильно, обрисовать существо нашей «великой» революціи, то легко могъ бы воспользоваться для этого уже готовымъ шаблономъ. Грозное пророчество Исаіи даетъ намъ тѣ рамки, въ которыя какъ нельзя лучше укладывается картина «русскаго» «освободительнаго» движенія 1917 и слѣдующихъ годовъ».

На фонѣ всеобщей растерянности, той сумбурной неразберихи, которыми характеризуются по существу «свѣтлые дни нашихъ свободъ», можно отмѣтить одно теченіе, являющееся теченіемъ въ высшей степени планомѣрнымъ. Это теченіе, накидывающее на все революціонное движеніе особый, специфическій отпечатокъ, внѣшнее выраженіе свое получаетъ въ походѣ противъ церкви, вѣрнѣе, противъ христіанской религіи или даже противъ православія, какъ бывшей государственной религіи бывшей Россіи. Эта борьба ведется неукоснительно, упорно, непрерывно ,— явно, грубо и нагло, если превосходство нападающаго безспорно, или подпольнымъ обра-

зомъ, дипломатически и втихомолку, если открытое нападеніе оказывалось бы опаснымъ или неудобнымъ.

Не нужно лишнихъ словъ. Пусть говорятъ факты. Уже въ самомъ началѣ революціи отношеніе революціонной Россіи достаточно проявилось въ томъ злобномъ мнѣніи предводительствуемой Миноромъ, Московской Думы, которое раздавалось вокругъ Церковнаго Собора о выборахъ патріарха. Съ «полѣвѣніемъ» революціи, платоническое мнѣніе смѣняется болѣе активными дѣйствіями. Храмы передаются «коллективамъ вѣрующихъ» и дочиста ими обворовываются («Сиб. Жизнь», № 8,1919г.). Затѣмъ, въ оскверненныхъ церквахъ устраиваются или школы («Рус. Рѣчь», № 8, 1919 г.), или кинематографы («Сиб. Жизнь», № 81, 1919 г.), или столовыя, чайныя и даже публичные дома («Сиб. Жизнь», № 3, 1919 г.). Въ лучшемъ случаѣ храмы запираются («Рус. Рѣчь», № 25, 1919 г.). Чтимыя вѣрующими мощи поругиваются и выбрасываются. Такъ были осквернены мощи св. Логина («Сиб. Жизнь», № 6, 1919 г.), св. Артемія изъ Пинеги, св. Тихона Задонскаго, св. Митрофанія Воронежскаго, св. кн. Константина, св. Михаила и Ѳеодора, св. Макарія Калязинскаго, св. епископа Іоанна и Ѳеодора Суздальскихъ и др. («Рус. Рѣчь», № 72, 1919 г.).

Въ СССР дѣйствительно происходятъ жестокія гоненія на религію и въ особенности на православную церковь[1]. Сов. законы о свободѣ совѣсти есть лишь фикція, которой эти гоненія прикрываются. Они состоятъ въ томъ, что православныхъ епископовъ безъ суда и предъявленія обвиненій бросаютъ въ тюрьмы и далекія ссылки, что клирики и активные міряне раздѣляютъ ту же судьбу. Что случаи разстрѣловъ и убійствъ епископовъ и клириковъ отнюдь не являются рѣдкостью, опять таки безъ суда и слѣдствія. Что православные храмы и монастыри закрываются вопреки волѣ населенія, что святыни — святыя мощи, иконы — уничтожаются и подвергаются поруганію. Что духовенство, религіозныя общины и активные вѣрующіе подвергаются неслыханнымъ денежнымъ обложеніямъ. Что церковь вотъ уже 13 лѣтъ лишена права созыва соборовъ, епарх. съѣздовъ, лишена печати, религіозныхъ школъ. Что проповѣдь религіи (пропаганда) разсматривается какъ преступленіе, въ то время, какъ проповѣдь безбожія вездѣ и всюду насаждается, Что вѣрующіе міряне, если они не скрываютъ своей вѣры, лишаются работы, гражданскихъ правъ, и терпятъ всякія утѣсненія (особенно это касается учителей). Что

[1]) О положеніи Православной Церкви въ Совѣтской Россіи. Изъ документовъ, собранныхъ враждебной стороной Митрополиту Нижегородскому Сергію, зам. патріаршаго мѣстоблюстителя. Москва, 12 Марта 1930 г.

духовенство фактически является безправнымъ, беззащитнымъ передъ закономъ.

Церкви въ громадномъ количествѣ закрываются правительствомъ по требованію безбожныхъ организацій, несмотря на живой протестъ вѣрующихъ. Всѣ жалобы по поводу такихъ закрытій храмовъ, обращенныя какъ къ мѣстнымъ, такъ и къ центральнымъ властямъ, остаются безъ всякихъ послѣдствій. По офиціальной статистикѣ за 10 лѣтъ, съ 1917 г. по 1927 г., по одной только Украинѣ закрыто 2.573 православныхъ храма, а всего культовыхъ зданій (всѣхъ религій) за это же время 3.384. По той же статистикѣ за 1928 г. закрыто на Украинѣ 79 церквей, за 1929 г. — 154 православныхъ храма, 11 монастырей, и всего культовыхъ зданій всѣхъ религій за 1929 г. — 224. За январь 1930 г. опять на Украинѣ — 42 церкви. По всей СССР за 1929 г. православныхъ церквей закрыто — 333, а всего культовыхъ зданій — 422. Кромѣ того за тотъ же 1929 г. возбуждено дѣлъ о закрытіи еще 317 церквей. За семь мѣсяцевъ 1928 г. по СССР закрыто 322 церкви. Считаемъ нужнымъ также подчеркнуть, что практикуется не только закрытіе, но и уничтоженіе церквей: извѣстный по своей исторической цѣнности Симоновъ монастырь въ Москвѣ взорванъ, храмъ Рождества Богородицы въ Москвѣ (на Петровкѣ уг. Столешникова пер.) снесенъ. Храмъ Вознесенія въ Нижнемъ-Новгородѣ взорванъ въ самый день праздника Вознесенія. Имѣющія всероссійское и даже вселенское значеніе Кіево-Печерская, Троицко-Сергіевская Лавры, Саровскій, Дивеевскій монастыри, Оптина и Нилова Пустыни, Ново-Іерусалимскій, Донской, Даниловъ, Угрешскій (въ Москвѣ), Спасо-Іаковлевъ (въ Ростовѣ), Спасо-Ефимьевъ въ Суздалѣ закрыты и разрушены, а послѣдній превращенъ въ тюрьму. Сотни другихъ монастырей также разрушены и монашествующіе изгнаны. Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ, Св .Софія въ Новгородѣ, Владимірскій соборъ въ Кіевѣ — превращены въ антирелигіозные музеи. По послѣднему сообщенію главнауки, 6.000 храмовъ историческаго значенія, находившіеся на учетѣ комиссіи охраны памятниковъ старины и искусства тоже снимаются съ учета и отдаются на сломъ.

О томъ, какъ реагируетъ вѣрующій народъ на закрытіе храмовъ можно судить по слѣдующимъ эпизодамъ: въ августѣ 1927 г. при закрытіи собора въ Тульчинѣ Подольской губ., народъ пытался не допустить закрытія; вызванная милиція устроила форменное побоище, при чемъ были убитые и раненые. Въ селѣ Пески Николавскаго округа народъ во главѣ съ духовенствомъ пытался помѣшать безбожной процессіи ворвавшейся въ храмъ, гдѣ происходило богослуженіе. Въ

результатѣ произведены были массовые аресты, а священикъ Павленко, дьяконъ Бидновъ и четыре мірянина были разстрѣляны.

Въ Веневѣ, Тульской губ., народъ пытался воспрепятствовать закрытію храма. Настоятель храма Чугуновъ и нѣсколько мірянъ разстрѣляно.

Въ СССР религіозная пропаганда преслѣдуется. Не издается ни одного религіознаго журнала, ни одной книги религіознаго характера. Послѣдніе журналы (обновленческіе) закрыты въ 1928 г. Даже богослужебныя книги — Евангелія, молитвенники, церковные календари воспрещено печатать. Изъ всѣхъ библіотекъ изъяты книги не только религіозныя, но и идеалистическія. Не функціонируетъ ни одна богословская или религіозная школа (послѣднія обновленческія закрыты въ 1928 г.). Преподаваніе вѣры дѣтямъ даже частно воспрещено, вь то время какъ во всѣхъ школахъ ведется систематическая антирелигіозная пропаганда.

За распространеніе религіозной литературы осуждаютъ на долгосрочное тюремное заключеніе. Такъ, напримѣръ, монахъ Наумъ Волковъ осужденъ на четыре года тюрьмы и пять лѣтъ пораженія въ правахъ за то, что распространялъ воззваніе съ призывомъ къ покаянію (Кіевъ).

Епископы, священники и активные міряне на протяженіи вотъ уже 12 лѣтъ безъ всякаго суда и слѣдствія, безъ предъявленія обвиненій, массами арестовываются, содержатся въ тюрьмахъ, высылаются въ далекія ссылки. Количество епископовъ (по неполному подсчету), подвергшихся въ такомъ порядкѣ гоненіямъ, равняется 197, при чемъ многіе за эти годы успѣли уже по два и три раза побывать въ ссылкахъ. Другимъ сроки ссылки безконечно продлеваются. О числѣ пострадавшихъ священниковъ и мірянъ трудно составить себѣ даже представленіе, настолько оно велико. Для примѣра укажемъ, что передъ Рождествомъ 1929 г. изъ одной Москвы было выслано 60 человѣкъ духовенства; въ 1928 г. изъ Петербурга было выслано около 80 человѣкъ, главнымъ образомъ мірянъ — во главѣ съ профессоромъ Андріевскимъ, Мейеромъ и извѣстнымъ писателемъ философомъ Аскольдовымъ. Что касается отдѣльныхъ случаевъ репрессій противъ мірянъ за религіозные убѣжденія, то они являются обычными. Для примѣра назовемъ: въ Мелитополѣ сняты съ работы безъ права поступленія на службу служащіе больницы Демесская, Валлъ, Шмидтъ, Унру; въ Орлѣ — Екатерина Фастъ; въ Кіевѣ — врачъ Кураева и учительница Воронихина — всѣ за религіозныя убѣжденія. Въ Кіевѣ же арестованъ и сосланъ врачъ Иконниковъ за то же. Въ Лохвицѣ изъ школы исключены два

ученика за принадлежность къ баптистской общинѣ. Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ совѣтской печати, но такихъ случаевъ очень и очень много.

Церковь православная въ Россіи, начиная съ 1918 года, т. е. съ момента гоненій противъ нея, воздвигнутыхъ совѣтской властью, по существу управляется не столько своими епископами, сколько Благодатью Самого Ея Божественнаго Основателя Господа Іисуса Христа. Такова твердая вѣра и убѣжденіе всѣхъ православныхъ. А о томъ, есть ли стѣсненіе въ управленіи церковью, можно судить по тому, что глава ея патріаршій мѣстоблюститель съ 1925 г. томится въ тюрьмахъ и изгнаніи, что всѣ виднѣйшіе ея іерархи — митр. Кириллъ, Арсеній, Іосифъ, арх. Феодоръ, Николай и друг., также скоро уже десять лѣтъ какъ находятся въ изгнаніи. 197 епископовъ ея были и есть въ тюрьмахъ и ссылкахъ. Соборъ, о которомъ съ 1925 г., съ момента смерти патріарха, хлопочетъ церковь — не разрѣшается правительствомъ. Епархіальные съѣзды также. Законное высшее церковное управленіе въ лицѣ патріаршаго синода и высшаго церковнаго совѣта — разогнано еще въ 1922 г. Епископы въ большинствѣ отсутствуютъ изъ своихъ епархій, а тѣ немногіе, что живутъ на мѣстахъ, лишены возможности управлять — посѣщать свои паствы, будучи связаны подписками о невыѣздѣ изъ городовъ. Что касается митр. Сергія и организованнаго имъ синода, который выдаетъ себя за «Патріаршій Синодъ», то о нихъ надо сказать, что путемъ компромисса съ совѣтской властью, позорнымъ доказательствомъ котораго является между прочимъ и декларація ихъ 1927 г., и послѣднее интервью, они купили себѣ лично и группѣ близкихъ имъ епископовъ одинаковаго съ нимъ духа *относительную свободу управленія*. Однако, надо помнить, что во-первыхъ эта свобода управленія все же очень ограничена, и, во-вторыхъ, созданная митр. Сергіемъ центр. церк. управленіе по каноническому существу своему не можетъ претендовать на такую роль. Синодъ избранъ митр. Сергіемъ произвольно, вовсе не изъ тѣхъ іерарховъ, кто является членами разогнаннаго въ 1922 г. патріаршаго синода, почему и нѣтъ основаній утверждать, что русская церковь имѣетъ центральное управленіе.

Что касается въ частности выселенія изъ квартиръ, то дѣйствительно духовенство выселяютъ и конечно выселяютъ не за уплату квартирной платы и не по рѣшенію суда. Лучшимъ доказательствомъ въ пользу справедливости этого можетъ послужить то, что 22 января 1930 г., самъ митр. Сергій былъ выселенъ изъ собственнаго дома въ Сокольникахъ по Ермаковскому пер. ном. 3-5.

Что касается вопроса о дальнѣйшемъ существованіи церкви,

то при такомъ темпѣ, какимъ въ настоящее время идутъ гоненія, можно ожидать, что уже скоро церковь вынуждена будетъ уйти въ подполье, въ катакомбы, по примѣру первыхъ христіанъ.

Мы разсматриваемъ все это какъ отдѣльныя проявленія общаго грандіознаго и систематическаго гоненія на религію и въ частности на православную церковь. Колокольный звонъ запрещенъ пока только въ Москвѣ, но зато съ сотенъ церквей въ разныхъ концахъ Россіи уже сняты и уничтожены колокола. Среди нихъ, напримѣръ, старинныеXVII вѣка колокола Костромского собора, колокола Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, съ барельефами Монферана и Витали, колокола Кіевскаго Владимірскаго собора съ барельефами работы Васнецова и т. д. По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Петербургѣ закрыты еще шесть церквей, а въ Богородскѣ, Московской губ. всѣ церкви.

Эмблема Христіанства — крестъ, а также иконы, удалены изъ всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ зданій. Въ Саратовскомъ Дворцѣ Народа операцію удаленія продѣлалъ собственноручно Лейба Бронштейнъ (Троцкій). Даже частныя лица не могутъ носить натѣльный крестъ и имѣть въ жилищѣ иконы невозбранно: возможность исполненія христіанскаго обычая обложена особымъ налогомъ («Сиб. Жизнь», № 3, 1919г.; «Русская Армія», № 28, 1919 г.). Сообразно этому, далѣе, чтеніе Евангелія разсматривается какъ тяжкое преступленіе: изъ Перми были переданы свѣдѣнія, что тамъ имѣли мѣсто подобнаго рода процессы предъ революціоннымъ трибуналомъ. Завѣтная святыня всей православной Россіи — Московскій Кремль, — подверглась обдуманному и систематическому разрушенію. О размѣрахъ послѣдняго можно судить по чрезвычайно интересному изданію Епископа Камчатскаго (Епископъ Несторъ Камчатскій. «Разстрѣлъ Московскаго Кремля. 27 октября—3 ноября 1917 г.»). Изъ приложенныхъ къ изданію офиціальныхъ актовъ видно также, что это разрушеніе, произведенное въ дни большевистскаго переворота, отнюдь не могло оправдываться какими-либо «стратегическими» соображеніями происходившаго тогда уличнаго боя. Разрушить кремлевскія святыни такимъ образомъ, какъ онѣ разрушены, могла только сильная и неукротимая ненависть къ той религіи, которая эти святыни создала...

Въ такомъ видѣ предстаетъ передъ нами революціонная дѣятельность, которая можетъ быть названа дѣятельностью разрушающей, отрицательной. Но она имѣетъ и другую сторону, созидательную. На мѣсто разрушаемаго стараго она вноситъ, по крайней мѣрѣ пытается внести, нѣчто новое. Свѣдѣнія объ

этомъ новомъ, чрезвычайно характерны. Нововведенія сводятся къ слѣдующему. Христіанскіе праздники уничтожены; уничтожено даже значеніе воскресенья; Кресты и иконы изъяты по возможности изъ употребленія; на головномъ уборѣ красноармейцевъ и взамѣнъ знаковъ Краснаго Креста на продовольственныхъ карточкахъ госпиталей помѣщается каббалистическій знакъ пятиугольной звѣзды (пентаграммы). Знакъ пентаграммы красуется и на печатяхъ, которыми опечатываются храмы — это свидѣтельствуютъ лица, прибывающія изъ Совѣтской Россіи. Изображенія Христа и Святителей поруганы, осквернены; за то въ Тамбовѣ воздвигнутъ памятникъ Іудѣ Искаріотскому,

Подводя итоги, можно съ большимъ успѣхомъ воспользоваться сравненіемъ, почерпнутымъ изъ Апокалипсиса: «Жена облеченная въ солнце» и принужденная скрываться отъ дракона въ пустынѣ (12, 1 и 6), съ одной стороны, и торжествующая блудница вавилонская, «облеченная въ порфиру и багряницу» (17, 4 и 5), съ другой — вотъ прообразъ того столкновенія христіанскаго уклада съ соціалистической революціей, которое мы переживаемъ. Именно соціалистической, ибо послѣ прибытія въ Москву въ 1920 г. Чернова и Ко и резолюціи «Средне-сибирскаго совѣщанія («Рус. Рѣчь», № 86, 1919 г.), только окончательно ослѣпленный и безнадежно лицепріятный человѣкъ можетъ говорить о томъ, что большевики — это одно, а соціалисты — другое.

Такъ началась и развивалась борьба соціалистической — большевицкой власти съ оплотомъ христіанской русской государственности, съ Православною Церковью.

Насильственно внѣдряющіе всюду свою «религію соціализма» большевики давно оцѣнили, что послѣ уничтоженія царской власти — наиболѣе опаснымъ, сильнѣйшимъ врагомъ соціализма и революціи является Православная Русская Церковь, а затѣмъ и всѣ религіи вообще. Это сознавали не только большевики. Съ первыхъ-же дней русской смуты 1917 г., направляемые большевиками революціонеры-февралисты всевозможными мѣрами скрытаго внутренняго разложенія всячески стремились расшатать и ослабить вѣковую нашу церковную организацію. А вырвавшіе у нихъ власть большевики уже путемъ открытаго насилія и всѣми доступными имъ средствами достигаютъ основной своей цѣли: лишить весь русскій народъ всякой возможности не только религіозно-церковнаго единенія, но и самой вѣры въ Господа Бога. Насаждая религію своего «ленинскаго соціализма» большевики поставили одною изъ главнѣйшихъ задачъ своей политической полиціи, пресловутаго Г. П. У.: обезбожить Россію...

Къ вышеприведеннымъ свѣдѣніямъ о гоненіяхъ на религію въ первые годы русской революціи мы имѣемъ возможность добавить и опубликованные въ іюнѣ 1930 г. парижскою прессой весьма важныя документальныя данныя, полученныя непосредственно изъ Россіи. Составленныя самоотверженными борцами за Православную Вѣру и Церковь и тайно пересланныя за-границу, въ опроверженіе извѣстнаго «интервью» митрополита Сергія съ иностранными журналистами, эти свѣдѣнія подводятъ итоги двѣнадцатилѣтней борьбы совѣтской власти съ Православною Церковью и выясняютъ методы этой борьбы.

Публикуемые документы являются не только подтвержденіемъ всего, уже извѣстнаго о религіозныхъ гоненіяхъ въ СССР, но и грознымъ предостереженіемъ о приближающемся съ каждымъ днемъ катастрофическомъ разрушеніи послѣднихъ остатковъ россійской церковности и объ истребленіи немногихъ уцѣлѣвшихъ идейныхъ подвижниковъ-ревнителей Православной Вѣры — іерарховъ, клириковъ и міряиъ.

Православная Церковь и русскій народъ молитвенно вспомянутъ и прославятъ во вѣки вѣковъ — сихъ, безвѣстныхъ пока, самоотверженныхъ блюстителей христіанскаго православія на Руси — въ годы жесточайшихъ его гоненій, — его защитниковъ, подвижнически непоколебимо стоящихъ на стражѣ родной Православной Вѣры и Церкви, несмотря на соблазнительные примѣры соглашательства и приспособленческаго предательства...

Методы борьбы Совѣтской Власти съ Церковью вѣрнѣе система этихъ методовъ сложна и многообразна. — Методы эти имѣли свой опредѣленный циклъ развитія, пережили своеобразную эволюцію и по этому признаку — всю исторію совѣтской религіозной политики можно раздѣлить на двѣ основныхъ неравныхъ части, изъ коихъ первая обнимаетъ періодъ времени съ 1917 до 1922 года, т. е. первые 4 года, а вторая съ 1922 г и до нашихъ дней.

Въ первый періодъ, совпавшій съ эпохой гражданской войны и строительства аппарата власти, когда передъ коммунистической партіей и совѣтской властью стояли проблемы жизненнаго характера — на религіозные вопросы и на Церковь власть не имѣла просто возможности сосредоточить достаточно вниманія. Поэтому этотъ періодъ можно охарактеризовать какъ періодъ сравнительнаго, относительнаго выполненія закона «объ отдѣленіи Церкви отъ Государства», — въ цѣломъ, т. е. въ государственномъ масштабѣ. На мѣстахъ власть по своему собственному разумѣнію и по степени инициативы от-

дѣльныхъ ея представителей вела борьбу съ религіей и Церковью безъ строго разработаннаго плана, хаотично, стихійно. Эта борьба выражалась въ разгромѣ и закрытіи отдѣльныхъ монастырей, закрытіи домовыхъ храмовъ и при школахъ и учрежденіяхъ, арестахъ отдѣльныхъ представителей іерархіи и клира и, наконецъ, рядѣ казней и просто убійствъ, безъ всякаго суда и слѣдствія, безъ предъявленія даже обвиненія, отдѣльныхъ представителей духовенства.

Въ это время были закрыты всѣ храмы въ Московскомъ Кремлѣ, мощи Святителей Московскихъ, почивавшія въ Успенскомъ Соборѣ — св. Алексія, Гермогена, Іоны, Филиппа и др. — были освернены и уничтожены. Произведено было кощунственное вскрытіе мощей въ Петербургѣ — св. Александра Невскаго, въ Бѣлгородѣ — св. Іоасафа, въ Воронежѣ — св. Тихона Задонскаго, въ Черниговѣ — св. Феодосія и многихъ другихъ. Часть указанныхъ мощей была передана въ музеи часть просто уничтожена; напримѣръ, мощи св. Феодосія Черниговскаго были изуродованы, разрѣзаны на части и затѣмъ исчезли неизвѣстно куда.

Не приходится говорить, что эти дѣянія правительства, не предусмотрѣнныя никакимъ закономъ и совершенныя въ обстановкѣ и способами кощунственными, оскорбляющими религіозное чувство вѣрующихъ — опротестовывались въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, но остались эти протесты безъ всякихъ послѣдствій. Тогда же были ограблены многіе монастыри — деньги и цѣнности изъ коихъ были похищены; помѣщенія реквизированы. Тогда же была реквизирована типографія Троице-Сергіевской Лавры и Синодская въ Москвѣ и закрыты всѣ церковныя періодическія изданія.

Объ убійствахъ отдѣльныхъ священниковъ, къ сожалѣнію, мало что извѣстно, имена не сохранились, но что многіе мученически окончили свою жизнь въ тѣ годы — не подлежитъ сомнѣнію. Вся вина убитыхъ и казненныхъ была та, что они были клирики; никакой судъ ихъ не судилъ, никакого слѣдствія не производили. Въ Ахтырскомъ монастырѣ Харьковской губ. было разстрѣляно 26 монаховъ. Эти отдѣльные эпизоды, характеризующіе отношеніе власти къ Церкви, конечно, не исчерпываютъ того, что происходило въ тѣ годы въ Россіи, но по нимъ можно судить объ этомъ отношеніи и при самой осторожной оцѣнкѣ ихъ это отношеніе нельзя назвать иначе, какъ гоненіемъ на церковныхъ дѣятелей, главнымъ образомъ, епископовъ и клириковъ, а, слѣдовательно, и на Церковь. Гоненіе правда не плановое, не организованное, но достаточно жестокое и упорное.

Въ это же время сотни епископовъ, клириковъ и вѣрующихъ были брошены въ тюрьмы Г. П. У (тогда еще Ч. К.).

Второй періодъ въ отношеніи Совѣтской власти къ Церкви, т. е. періодъ съ 1922 г., характеризуется прежде всего тѣмъ, что власть, справившись съ организаціонными проблемами и внѣшними врагами, включила религію и Церковь въ поле своего зрѣнія и выработала уже строгую систему методовъ борьбы, примѣняясь къ обстоятельствамъ момента. Прежде всего произошла окончательная ликвидація такъ называемыхъ домовыхъ церквей, т. е. храмовъ, находящихся въ зданіяхъ не церковной архитектуры. Такихъ храмовъ по официіальной статистикѣ Отдѣла Культовъ Народнаго Коммиссаріата Внутреннихъ Дѣлъ было закрыто около 2.000. Затѣмъ послѣдовало изъятіе цѣнностей, т. е. были ограблены всѣ храмы и монастыри, изъ коихъ правительство взяло всѣ издѣлія изъ серебра, золота и драгоцѣнностей, въ томъ числѣ и то, что составляло археологическую цѣнность и даже предметы богослужебнаго обихода.

Однако, церковная организація продолжала представлять изъ себя вполнѣ реальную, организованную силу, которая внутренне еще болѣе сплотилась и укрѣпилась подъ вліяніемъ репрессій предыдущихъ лѣтъ.

Первую задачу свою — т. е. дезорганизацію Церкви извнутри совѣтская власть осуществляла и осуществляетъ до сихъ поръ черезъ 3-й отдѣлъ Г. П. У., создавая искусственныя группировки внутри Церкви, провоцируя ихъ борьбу съ Церковью путемъ оказанія имъ широкой и всесторонней поддержки. Въ маѣ 1922 г., такимъ образомъ создана была такъ называемая «Живая Церковь», лидеры которой пользовались покровительствомъ власти при одновременномъ стѣсненіи ею тѣхъ, кто былъ противъ «Живой Церкви». По указанію представителей «Живой Церкви» — неугодные имъ или опасные для нихъ представители Православной Церкви — арестовывались, храмы передавались отъ православныхъ «Живой Церкви», методами угрозъ и репрессій представители власти вынуждали православныхъ «переходить» въ «Живую Церковь»; «Живой Церкви разрѣшались съѣзды, административная организація, органы печати, богословскія школы и пр., въ то время, какъ православные лишались этого. Превратившаяся въ «Обновленчество», а затѣмъ въ такъ называемую «Синодальную Церковь» — «Живая Церковь» и до сихъ поръ пользуется значительными привиллегіями и поддержкой власти. Она имѣла 5 періодическихъ журналовъ, 4 Духовныхъ Академіи, множество пастырскихъ школъ, Епархіальныя канцеляріи, ежегодно созывала съѣзды и Соборы, какъ окружные, такъ и всероссійскіе.

Въ томъ же 1922 г. на Украинѣ Правительство широко поддерживало самочинную, псевдо-церковную организацію Украинскую во главѣ съ Липковскимъ и дало ей возможность сформироваться, передало ей рядъ храмовъ, разрѣшало съѣзды, изданіе журнала и пр.

Въ 1922 г. послѣ очевиднаго провала «Живой Церкви» — «обновленчества» — Совѣтская Власть, вынужденная освободить Патріарха, — стремилась создать новую борьбу внутри Православной Церкви — добиваясь введенія въ Патріаршій Синодъ якобы покаявшагося лидера «Живой Церкви» — Красницкаго.

Вторая задача власти въ ея борьбѣ съ церковью — т. е. дискредитація духовенства — осуществлялась всѣми способами: еще въ 1922 году создавались показательные процессы по дѣламъ о якобы сокрытыхъ церковныхъ цѣнностяхъ. Въ этихъ процессахъ государственное обвиненіе старалось представить привлекаемое къ отвѣтственности духовенство какъ корыстныхъ людей, жестокихъ, лишенныхъ христіанскаго милосердія, продававшихъ цѣнности изъ личныхъ корыстныхъ соображеній и не желавшихъ спасти голодающихъ крестьянъ Поволжья. Такіе процессы произвели, правда, обратное впечатлѣніе, показавши всю неосновательность и клевету государственныхъ обвинителей и лишь возвысивъ подсудимыхъ въ глазахъ народа.

Третья задача власти — организація сѣти агентовъ-освѣдомителей, такъ называемыхъ секретныхъ сотрудниковъ изъ среды духовенства и міряпъ — осуществляется широко-излюбленнымъ манеромъ Г. П. У.: намѣченное для этой цѣли лицо арестовывается и содержится въ тюрьмѣ въ тяжелыхъ условіяхъ до тѣхъ поръ, пока не изъявитъ согласія подписать требуемое обязательство, послѣ чего ему предоставляется — полная свобода, иногда жалованіе, освобожденіе отъ налоговъ и пр. и выдается особая «охранная грамота», съ обозначеніемъ, что оно является служителемъ культовъ, т. е клирикомъ только формально. Наличіе такой грамоты освобождаетъ клирика отъ всѣхъ стѣсненій правовыхъ, матеріальныхъ, налоговыхъ и пр., связанныхъ съ его саномъ и уравниваетъ съ полноправными гражданами С.С.С.Р.

Поэтому многіе клирики и міряне, конечно, изъ тѣхъ, кто морально не стоекъ или не выдержанъ, кто связанъ большой семьей, живетъ въ нуждѣ и для кого тюрьма и ссылка равносильны гибели — идутъ на это. Лицо, давшее такое обязательство Г. П. У. и не исполняющее его, арестовывается и высылается немедленно. Такимъ путемъ, какъ это ни странно, Г. П. У. завербовало себѣ широкую сѣть агентовъ изъ среды

духовенства и поэтому имѣетъ всегда самыя точныя данныя и характеристики о всемъ, что происходитъ внутри Церкви. Разумѣется, имена такихъ лицъ содержатся въ строгой тайнѣ, разглашеніе коей жестоко карается.

Итакъ вся русская церковная жизнь временъ революціи съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что законодательство есть фикція, и что въ отношеніи совѣтскаго государства къ церкви красной нитью проходитъ именно моментъ постояннаго стремленія власти вторгаться во внутреннюю жизнь Церкви, ставя свои опредѣленныя условія, направляя въ ту или иную сторону церковную жизнь въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Каковы же эти интересы? Чего можетъ добиваться отъ Церкви — открыто объявившая себя безбожной совѣтская власть?

Эти интересы, эти стремленія, конечно, сводятся къ тому, чтобы всѣми силами не только прямого утѣсненія, но и разложенія церковной организаціи извнутри добиться ея ослабленія и въ конечномъ счетѣ полнаго уничтоженія. Первые годы совѣтской церковной политики характеризуются попытками прямой борьбы съ Церковью, *in toto*, но очень скоро совѣтская власть убѣдилась, что эти методы даютъ лишь обратный результатъ — преслѣдуемая Церковь только укрѣплялась внутренне. И вотъ тогда совѣтская власть перешла на новые пути борьбы съ церковью, — стремясь подчинить себѣ, своимъ требованіямъ церковное управленіе и осуществляя черезъ него свои задачи.

Было создано положеніе, при которомъ однѣ церковныя группы пользовались правительственнымъ признаніемъ, ихъ административный аппаратъ извѣстной свободой бытія, другія наоборотъ этого признанія лишались, ихъ организаціонная дѣятельность стѣснялась.

Однимъ изъ излюбленныхъ методовъ борьбы съ церковью является широко практикуемое стѣсненіе административнаго аппарата церкви. Въ 1923 г. были уничтожены всѣ епархіальныя и благочинническія управленія, не говоря уже о центральномъ патріаршемъ. Самое бытіе административной организаціи было признано незаконнымъ. Епископы связывались въ мѣстныхъ отдѣлахъ Г. П. У. подписками о невыѣздѣ и лишались такимъ образомъ возможности посѣщать свои паствы. Всякія распоряженія епископовъ по епархіи въ видѣ посланій, циркуляровъ и пр., разсматривались, какъ преступленіе. Наконецъ, епископы попросту высылались изъ своихъ епархій. До 1926 года у правительства была тенденція высылать епи-

скоповъ въ крупные центры — Харьковъ на Украинѣ, Москву въ Россіи. Тамъ надзоръ за ними былъ легче. Епархіи же оставались на произволъ судьбы, такъ какъ поддерживать связь съ далекими центрами требовало большихъ средствъ. Въ 1926 г., убѣдившись, что, даже находясь въ центрахъ, епископы умудряются поддерживать связь съ епархіями, «правительство» стало высылать ихъ уже на далекія окраины. Что же касается тѣхъ немногихъ епископовъ, которые оставались на мѣстахъ, то съ нихъ Г. П. У. брало подписки о невмѣшательствѣ въ управленіе церковными дѣлами, въ противномъ же случаѣ высылало ихъ. Такимъ образомъ происходило и происходитъ разрушеніе административной организаціи церкви.

Утѣсненіе правового и матеріальнаго положенія духовенства шло и идетъ наряду со всѣми прочими мѣрами стѣсненія церкви. Прежде всего, духовенство было лишено избирательныхъ правъ, затѣмъ оно было приравнено къ лицамъ нетрудовыхъ доходовъ. Отсюда вытекалъ цѣлый рядъ слѣдствій налогового характера. Подоходный налогъ взимается съ духовенства въ произвольно большихъ размѣрахъ (до 10.000 рублей въ годъ).

Такъ называемое самообложеніе, т. е. якобы добровольное обложеніе самого населенія на мѣстныя нужды — обычно накладывается на духовенство въ видѣ единовременнаго налога въ суммахъ, превышающихъ всякіе предѣлы возможности (100-200 рублей единовременно). На сельское духовенство кромѣ того, несмотря на то, что оно лишено по закону права заниматься земледѣліемъ, промыслами, ремеслами накладывается такъ называемое обложеніе натурой — т. е. въ видѣ зерна, хлѣба, масла, шерсти и пр.

Кромѣ этого, въ 1928 г. введено было положеніе о томъ, что духовныя лица должны получать патентъ и платить вытекающіе отсюда уравнительные сборы, налогъ съ патента и пр.

Плата за квартиру съ духовенства, какъ нетрудового элемента, взимается непомѣрно высокая — отъ 6 рублей съ квадратной сажени и выше, т. е., стало быть, 18-24 рубля и больше за самую маленькую комнату. Соотвѣтственно высоки и ставки оплаты за водопроводъ, канализацію и пр.

Въ 1929 г. съ изданіемъ закона о выселеніи нетрудового элемента изъ государственныхъ домовъ — духовныя лица вынуждены были выселиться въ городахъ на далекія окраины, потому что только тамъ существуютъ еще частные маленькіе дома. Да и самая проблема отысканія квартиры въ городахъ Россіи при томъ жилищномъ кризисѣ, который повсемѣстно наблюдается, связана неизмѣнно съ необходимостью уплаты значительной суммы за полученіе права въѣхать въ такую

квартиру. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, особенно же тамъ, гдѣ происходитъ коллективизація, духовенство попросту выселяется изъ села и оказывается посреди дороги, безъ права и надежды гдѣ либо пріютиться. Между прочимъ характерно то, что и м. Сергій въ 1930 г. былъ выселенъ изъ своего дома въ Москвѣ.

Проблемы питанія въ условіяхъ повсюду въ городахъ введенной карточной системы — пріобрѣтаютъ для духовенства просто трагическую остроту. Лишенное карточекъ, оно вынуждено покупать предметы питанія и первой необходимости на частномъ рынкѣ, гдѣ цѣны невѣроятно вздуты. Но и этой возможности приходитъ конецъ. Постепенная ликвидація частной торговли — ставитъ духовенство предъ перспективой настоящаго голода.

Многочисленные внутренніе займы — со свирѣпой настойчивостью распространяемые правительствомъ — принудительно навязываются и духовнымъ лицамъ на значительныя суммы. Отказъ отъ покупки облигацій — ставитъ предъ перспективой немедленныхъ репрессій или произвольнаго увеличенія иныхъ видовъ налога.

Наконецъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ широко примѣняется система трудовой повинности для нетрудового элемента на общественныя нужды. Духовенство и здѣсь оказывается страдательнымъ лицомъ — на него накладываютъ, не сообразуясь ни съ возрастомъ, ни съ здоровьемъ, тяжелыя повинности — невыполненіе коихъ влечетъ за собою необходимость соотвѣтственной денежной компенсаціи.

Что касается тѣхъ изъ духовенства, кто не въ состояніи въ назначенный срокъ внести требуемыя суммы всѣхъ перечисленныхъ видовъ налога, то въ отношеніи ихъ примѣняется немедленная опись имущества и продажа съ торговъ даже безъ соотвѣтствующаго судебнаго рѣшенія. При этомъ описываются и продаются положительно все имущество, включая обувь, одежду и самые насущные предметы обихода, которые даже совѣтскій законъ воспрещаетъ описывать и продавать.

Дѣти духовенства лишаются всѣхъ правъ за одно свое происхожденіе, ихъ не принимаютъ ни въ школы, ни тѣмъ болѣе въ высшія учебныя заведенія, а тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ уже учился — исключаютъ. Достигшихъ совершеннолѣтія не принимаютъ ни на учетъ биржъ труда, ни въ проф. союзы и, такимъ образомъ, они лишены всякой возможности получить работу.

Въ медицинской помощи въ государственныхъ лечебныхъ учрежденіяхъ — поликлиникахъ, диспансерахъ — духовенству отказываютъ.

Въ услугахъ почты, телеграфа и телефона съ января 1930 г.

духовенству отказывают — письма, денежные переводы, посылки, телеграммы не принимаются и не доставляются. Въ связи съ этимъ совершенно трагическимъ оказывается положеніе ссыльнаго духовенства, жившаго исключительно за счетъ той помощи, которую получало отъ близкихъ и друзей съ родины въ видѣ посылокъ, переводовъ.

Всѣ эти мѣры, ставящія духовенство *внѣ закона*, имѣютъ, разумѣется, цѣлью *уничтоженіе его вообще*. И поэтому неудивительно, что клирики — особенно семейные, — доходя до нищеты и полнаго отчаянія, идутъ, ради спасенія своей семьи и себя, на снятіе сана, публичное отреченіе отъ вѣры и Церкви и пр. Такія заявленія Совѣтская власть охотно печатаетъ въ газетахъ. Не приходится уже говорить о томъ, что каждый священникъ, каждый клирикъ ежедневно на улицахъ, въ трамваяхъ, поѣздахъ, словомъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ подвергаются безпрепятственнымъ оскорбленіямъ, издѣвательствамъ, насмѣшкамъ; что въ печати, въ плакатахъ, развѣшенныхъ на улицахъ, происходитъ непрестанная травля духовенства. [1])

Подготовка новыхъ кадровъ духовенства въ Россіи въ настоящее время совершенно невозможна. Въ 1923 г. были закрыты всѣ богословскія школы и съ тѣхъ поръ, несмотря на безчисленныя ходатайства, вопреки законамъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, открывать такія учебныя заведенія не разрѣшаютъ.

Правительство, придавая очевидно большое значеніе «проблемѣ кадровъ» ведетъ своеобразную статистику возрастныхъ группъ духовенства. Согласно офиціальной статистикѣ Отдѣла Культовъ Народнаго Комиссаріата Внутреннихъ Дѣлъ, 50 процентовъ служителей культовъ относятся къ возрасту старше 50 лѣтъ, 35% къ возрасту отъ 40-50 лѣтъ, 20% къ возрасту отъ 30-40 лѣтъ и лишь 5% къ возрасту до 30 лѣтъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію авторовъ статистики, черезъ 20 лѣтъ, т. е. черезъ 4 пятилѣтки, количество духовенства должно сократиться почти на 50%, п. ч. старшія возрастныя группы будутъ отмирать, а молодая смѣна составляетъ лишь незначительный процентъ. Изъ этого очевиденъ выводъ, что препятствовать всѣми мѣрами подготовкѣ новыхъ кадровъ духовенства является прямой задачей правительства.

Въ вопросѣ о религіозномъ воспитаніи политика Совѣтской

---

1) По свидѣтельству многихъ иностранцевъ (американцевъ и пр.), посѣтившихъ Россію въ 1930 г., нѣтъ болѣе тяжкаго зрѣлища на на улицахъ, какъ нищенствующіе «лишенные правъ» священники, голодные, одѣтые въ лѣтнее, изодранное платье въ трескучій морозъ, босые... и много ихъ.

власти тождественна съ предыдущей. Согласно закону воспитаніе въ религіозномъ духѣ дѣтей до 18 лѣтъ запрещено, а дабы имѣть постоянный контроль за домашнимъ воспитаніемъ дѣтей вообще и препятствовать возможности религіознаго тайнаго воспитанія подъ предлогомъ частныхъ занятій съ дѣтьми — вообще воспрещено частнымъ лицамъ заниматься съ дѣтьми чѣмъ бы то ни было въ количествѣ болѣе 3 душъ. Учителя и учительницы за религіозныя убѣжденія устраняются отъ преподаванія. Профсоюзъ работниковъ просвѣщенія, какъ извѣстно, объявилъ себя огуломъ безбожниками. Въ школахъ же антирелигіозная пропаганда и антирелигіозное освѣщеніе всѣхъ дисциплинъ являются обязательными.

Репрессіи противъ духовенства распространяются и на всѣхъ тѣхъ гражданъ, кто въ той или иной мѣрѣ оказываетъ помощь Церкви. Въ сельскихъ мѣстностяхъ лицъ, предоставляющихъ квартиры священникамъ, облагаютъ повышеннымъ налогомъ; участвующихъ въ церковныхъ хорахъ — исключаютъ изъ профессіональныхъ союзовъ, въ особенности это относится къ артистамъ, членамъ союза Работниковъ искусства. Члены приходскихъ совѣтовъ, церковные старосты, псаломщики — согласно закону не являющіеся служителями культовъ — приравниваются, однако, за одно это къ нетрудовому элементу, лишаются избирательныхъ правъ и облагаются налогами какъ нетрудовой элементъ. За участіе въ приходскихъ организаціяхъ увольняютъ со службы, снимаютъ съ учета биржъ труда, исключаютъ изъ профессіональныхъ союзовъ.

Въ отношеніи религіозныхъ общинъ примѣняются всѣ, какъ законодательные, такъ и налоговые пріемы — дабы привести ихъ къ полной ликвидаціи. Законъ 1918 г. о достаточности 20 лицъ для организаціи религіозной общины въ 1925 г. былъ замѣненъ новымъ, требующимъ для этого уже 50 человѣкъ. Это въ связи съ тѣмъ, что люди, находящіеся на службѣ могутъ потерять работу — создаетъ значительныя затрудненія для существованія малочисленныхъ приходовъ. Затѣмъ на протяженіи послѣднихъ лѣтъ періодически проводимыя «перерегистраціи» общинъ со взиманіемъ высокихъ гербовыхъ сборовъ — и, въ особенности, послѣдній законъ отъ 8 апрѣля 1929 г. требующій, чтобы всѣ желающія существовать общины зарегистрировались до 1 мая 1930 г., послѣ чего незарегистрированныя будутъ закрыты — создаютъ безконечныя трудности, особенно для сельскихъ приходовъ, гдѣ рѣдко общины бываютъ въ курсѣ законодательства и поэтому пропускаютъ указанные сроки и за это ликвидируются.

Организація же новыхъ общинъ связана съ непреодолимыми трудностями. Мѣстныя власти просто отказываютъ въ реги-

страціи, центральная же власть всегда идетъ по стопамъ мѣстныхъ. Налоги на общины увеличиваются съ каждымъ годомъ. Аренда за храмъ и религіозное имущество, бывшая вначалѣ безплатной, нынѣ является уже платной. Обязательная страховка храма и имущества облагается очень высокими ставками, во-первыхъ, потому, что оцѣнка храма дѣлается властью непомѣрно высокая, а, во-вторыхъ, налогъ за страхованіе увеличивается каждый годъ. Въ среднемъ оцѣнки храмовъ за 1929 г. возросли больше чѣмъ вдвое, а плата за страховку, составлявшая до 1929 г. 1 рубль съ тысячи, — въ настоящій моментъ повышена до 9 рублей. Такимъ образомъ, напримѣръ, за страхованіе небольшого каменнаго храма приходится платить до 3.000 рублей въ годъ. Оцѣнка церковнаго имущества, также подлежащаго страхованію, произвольно велика — напримѣръ, икону оцѣниваютъ въ 1.000 рублей.

Кромѣ платы за страхованіе и аренду, общины еще облагаются сборами за страхованіе пѣвчихъ, 5% сборомъ со всѣхъ видовъ дохода въ пользу такъ называемаго авторскаго гонорара, т. е. за исполненіе въ храмахъ вещей, принадлежащихъ композиторамъ. Затѣмъ общины облагаются единовременными обложеніями на индустріализацію, коллективизацію, мѣстными самообложеніями. Общины заставляютъ покупать облигаціи займовъ. Наконецъ, въ 1929 г. введенъ обязательный патентъ за продажу въ храмѣ свѣчей, просфоръ и пр., причемъ этотъ патентъ составляетъ въ городахъ до 1.000 рублей въ мѣсяцъ.

Все это колоссальное бремя налоговъ приводитъ большинство общинъ къ полному обнищанію, а часто и ликвидаціи.

Изъятіе епископовъ и наиболѣе достойныхъ пастырей — путемъ ихъ арестовъ и ссылокъ — составляетъ систему борьбы государства съ церковью.

Что касается духовенства рядового, то учесть число арестованныхъ и ссыльныхъ по всей Россіи представляется просто невозможнымъ — настолько оно велико. Достаточно указать, напримѣръ, что въ отдѣльныхъ округахъ не осталось ни одного священника (Чембарскій уѣздъ, Пензенской губ.), что въ другихъ до 80% ихъ арестовано (Кіевскій округъ).

Сонмъ ссыльнаго духовенства составляетъ едва-ли могущее быть учтеннымъ число. Называть имена было бы напраснымъ трудомъ — для этого потребовались бы томы.

Ограниченіе религіозной пропаганды, вопреки закону о свободѣ таковой — является еще однимъ видомъ гоненія Совѣтской власти на религію. Не говоря уже о томъ, что на территоріи С.С.С.Р. не издается ни одного религіознаго журнала, что послѣдніе обновленческіе *журналы закрыты въ 1927 году*, запрещено печатать и религіозныя книги и книги богослужеб-

наго обихода, Евангелія, молитвенники и пр. Мало того, имѣвшіяся уже отпечатанными богослужебныя книги, хранившіяся въ складахъ Александро-Невской, Троице-Сергіевской, Кіево-Печерской Лавръ — были частью правительствомъ уничтожены, частью проданы на кульки, такъ что въ страницы Евангелія на базарахъ заворачивали мясо и т. д. Всѣ религіознаго и даже идеалистическаго содержанія книги изъяты изъ библіотекъ и уничтожены. За распространеніе религіозной литературы караютъ такъ, какъ за преступленіе.

Запрещены религіозныя процессіи, крестные ходы, даже погребальныя процессіи религіознаго характера запрещены въ Москвѣ и рядѣ другихъ городовъ. Въ Москвѣ же запрещенъ колокольный звонъ и колокола со всѣхъ церквей снимаются по всей Россіи. Духовенство въ отправленіи богослуженій также чрезвычайно ограничено: богослуженія ночью воспрещены. Священники и епископы, проживающіе въ какомъ либо мѣстѣ, должны, согласно закону отъ 21 ноября 1928 г., чтобы имѣть право совершать богослуженія, зарегистрироваться и перейти на учетъ въ мѣстномъ отдѣлѣ культовъ. При переѣздѣ въ цѣляхъ совершенія богослуженія въ другое мѣсто — они должны сняться съ учета въ своемъ районѣ и перейти на учетъ въ томъ районѣ, куда ѣдутъ. При несоблюденіи этого имъ угрожаетъ штрафъ въ 100 рублей или арестъ. Вполнѣ понятно, что такія постоянныя регистраціи дѣлаютъ чрезвычайно затруднительными, напримѣръ, соборныя богослуженія въ селахъ: священникъ, чтобы поѣхать на какой либо праздникъ въ сосѣднее село — долженъ сперва ѣхать въ районный центръ зарегистрироваться, потомъ ѣхать совершить богослуженіе и затѣмъ снова ѣхать сниматься съ учета. Переѣзды связаны съ затратами, и поэтому, естественно, духовенство вынуждено отказываться отъ нихъ. Совершеніе богослуженія на кладбищахъ, на могилахъ — также ограничено; напутствованіе и причащеніе умирающихъ въ больницахъ и тюрьмахъ, а также казнимыхъ — воспрещено. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ запрещено совершеніе требъ (крещеніе, молебны, панихиды и пр.) на дому у вѣрующихъ.

Закрытіе церквей пріобрѣло въ послѣднее время массовой характеръ.

Какимъ же образомъ осуществляется закрытіе храмовъ?

Во-первыхъ, по постановленію различныхъ антирелигіозныхъ собраній и организацій, инсценирующихъ желаніе населенія.

Во-вторыхъ, за невыполненіе общинами обязательства по ремонту, причемъ достаточно одного поломаннаго стула въ

храмѣ, чтобы было признано, что ремонтъ не выполненъ и храмъ былъ закрытъ.

Въ-третьихъ, за неплатежъ причитающихся налоговъ.

Въ-четвертыхъ, за ветхостью.

Въ-пятыхъ, изъ-за помѣхи уличному движенію.

Въ-шестыхъ, просто по постановленію мѣстной власти или Г. П. У.

То, что храмъ бываетъ переполненъ молящимися, что при немъ есть громадная община, что, скажемъ, задолжность по налогу, можетъ быть, покрыта въ кратчайшій срокъ — все это во вниманіе не принимается.

Храмы либо вовсе закрываютъ, либо сносятъ, либо превращаютъ въ театры, клубы, кино, склады, музей безбожія, либо передаютъ другимъ религіознымъ организаціямъ, покровительствуемымъ властью, въ пользованіи коихъ храмы пустуютъ.

Согласно официальному заявленію Главнауки — съ учета и охраны ею снято около 6.000 храмовъ, представляющихъ архитектурную и историческую цѣнность. Эти храмы нынѣ пойдутъ на сносъ.

Надлежитъ обратить особое вниманіе на слѣдующіе факты: сносъ Симонова монастыря въ Москвѣ, превращеніе Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ въ антирелигіозный музей, храмъ Спаса на Крови (на мѣстѣ убійства Александра II) въ клубъ политкаторжанъ, св. Софіи Новгородской — въ антирелигіозный музей, Владимірскаго Собора въ Кіевѣ — тоже, взрывъ Вознесенской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, превращеніе Донского монастыря въ Москвѣ въ клубъ и *уничтоженіе могилы Патріарха*, закрытіе собора въ Архангельскѣ.

Въ селахъ храмы не только закрываютъ подъ покровомъ хотя и сомнительныхъ поводовъ «законнаго» характера, но и просто уничтожаютъ. Напримѣръ, въ селѣ Чекаловка, Бѣлоцерковнаго округа, комсомольцы въ канунъ Рождества сожгли храмъ.

Живопись въ отдаваемыхъ подъ клубы и пр. храмахъ уничтожается, а иногда оставляется, но дѣлаются кощунственныя надписи, плакаты.

На ряду съ закрытіемъ церквей происходятъ массовыя закрытія монастырей.

1930 годъ ознаменовался ликвидаціей послѣднихъ монастырей, даже провинціальныхъ, сохранившихся подъ флагомъ трудовыхъ артелей.

Монахи повсемѣстно выселяются, храмы закрываются, а помѣщенія передаются подъ общежитія, въ колхозы и т. д.

Рядомъ съ уничтоженіемъ монастырей стало и уничтоженіе

Святынь: съѣздъ безбожниковъ Украины, состоявшійся въ Кіевѣ въ январѣ 1930 г. постановилъ уничтожить мощи Печерскихъ Лаврскихъ пещеръ; мощи преп. Серафима и икона Божіей Матери Умиленіе — уже были уничтожены въ 1927 г. Въ 1929 г. уничтожена въ Москвѣ могила Патріарха Тихона. Затѣмъ началось массовое уничтоженіе иконъ: въ Прилукахъ Полтавской губ. у населенія были отобраны принудительно иконы и сожжены, то же произошло въ с. Малая Висла, Херсонской губерніи.

Въ Тулѣ сожжено 2.000 иконъ, въ Бахмутѣ 4.000.

Остается еще сказать объ антирелигіозной пропагандѣ. Она достигаетъ какъ будто своего апогея: прочно утвердившись въ школахъ всѣхъ видовъ, начиная съ низшихъ и кончая высшими, въ общественной и государственной жизни — она начинаетъ вторгаться и въ частную жизнь, въ «бытъ». Съ цѣлью подготовить кадры безбожниковъ открыты спеціальные *антирелигіозные университеты* въ Саратовѣ, Николаевѣ, Орлѣ, Тифлисѣ, Баку, Ташкентѣ, Череповцѣ, Астрахани, Иваново-Вознесенскѣ, Москвѣ, Ростовѣ, Одессѣ, т. е., всего 13. Кромѣ того, *при всѣхъ университетахъ учреждены кафедры атеизма,* въ качествѣ обязательнаго предмета. Преподаваніе атеизма введено и во всѣ среднія (профессоінальныя) и трудовыя школы.

Антирелигіозныхъ изданій, не считая періодическихъ, за 1929 г. вышло 507.

Помимо агитаціи въ прямомъ и серьезномъ смыслѣ этого слова въ антирелигіозную работу входятъ еще всѣ виды кощунства, издѣвательствъ и поруганій надъ вѣрой. Антирелигіозные карнавалы въ дни религіозныхъ праздниковъ, на которые принудительно выгоняютъ учениковъ школъ, публичныя уничтоженія иконъ, плакаты на улицахъ и пр. Засѣданіе съѣзда безбожниковъ въ главномъ храмѣ Кіево-Печерской Лавры въ 1930 г., иконостасъ котораго былъ разукрашенъ оскорбительными лозунгами — все это иллюстраціи той свободы, которой пользуется вѣра въ С. С. С. Р.

Изъ с. Константиновки, Николаевскаго округа, антирелигіозная демонстрація съ криками и пѣніемъ антирелигіозныхъ пѣсенъ ворвалась въ храмъ с. Пески того же округа, гдѣ происходило богослуженіе (литургія). Народъ, бывшій въ храмѣ, во главѣ со священникомъ и дьякономъ пытались не пропустить ворвавшихся въ глубь храма къ алтарю. Во время возникшей драки антирелигіозный плакатъ былъ порванъ и демонстранты выгнаны. Послѣ этого священникъ, діаконъ и 4 мирянина были разстрѣляны.

Итакъ, разсмотрѣвъ методы борьбы совѣтской власти съ Церковью и слагающуюся въ результатѣ этой борьбы цер-

ковную дѣйствительность и сопоставивъ ее съ законами о свободѣ религіи, мы въ правѣ задать себѣ два основныхъ вопроса: 1) соотвѣтствуетъ ли дѣйствительная жизнь — закономъ установленнымъ отношеніямъ государства и церкви и 2) каковы эти отношенія?

Приведеннаго матеріала достаточно, чтобы дать категори ческій отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ именно такой:

1) *Совѣтская власть въ своемъ отношеніи къ православной церкви никогда не исполняла своего же закона о ней, тамъ, гдѣ этотъ законъ представлялъ ей свободу, а поэтому дѣйствительная жизнь и исторія церкви за время существованія совѣтской власти никогда не соотвѣтствовала тому, о чемъ говорятъ законы. Посему по законодательству судить о жизни нельзя.*

2) *Отношенія между совѣтскимъ государствомъ и православной церковью не могутъ быть опредѣлены иначе, какъ гоненіемъ упорнымъ, систематическимъ, длительнымъ, разсчитаннымъ на полное уничтоженіе церкви.*

Этими двумя моментами, какъ представляется намъ, и исчерпывается вопросъ о положеніи церкви въ Россіи.

Итакъ, вотъ основной мотивъ «великой русской революціи». Разгорѣвшаяся и продолжающаяся борьба, борьба революціоннаго начала съ такъ называемымъ «контръ-революціоннымъ», это — борьба *соціализма и христіанства*, вѣры въ земной рай и вѣры въ царство небесное... И если бы понадобилось подчеркнуть противоположность враждующихъ началъ возможно сильнѣе, то лучше всего это можетъ быть сдѣлано въ словахъ: «Христосъ и антихристъ».

РЕВОЛЮЦІОНЕРАМЪ - БЕЗБОЖНИКАМЪ

Распяли вы Христа, распяли вы Россію,
Изгнали идеалъ, убили красоту...
Что дали намъ взамѣнъ? Разнузданность стихіи,
Развалинъ жалкихъ пыль... развратъ... и нищету.

Вы, тряпку грязную смочивъ въ крови народной,
На свѣжій рядъ могилъ воздвигли, какъ трофей!...
Въ оковахъ вся страна. Лишь стала *ложь* свободной —
Вы ложью залились и плаваете въ ней!

Потокомъ фразъ пустыхъ, взамѣнъ живого дѣла,
Вы удивили міръ, и, утопивъ страну,

Вы продолжаете нахально, нагло, смѣло,
На жалкихъ паріевъ валить... свою вину.

Калифы вы на часъ, и Смерть, съ улыбкой грозной,
Стоитъ средь васъ, всегда, на стражѣ, за спиной.
На митингѣ-ли вы, на оргіи-ль безбожной,
Она, оскалившись, грозитъ своей косой.

Россіи палачи, исчадье зла и ада!
Подумайте о томъ, что будетъ съ вами *тамъ*,
За гробомъ, на Судѣ, какая ждетъ «награда»,
Какой, *какой* отвѣтъ держать придется вамъ?

Т. Смирнова.

1930 г.

ГЛАВА III

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ НАКАНУНѢ МІРОВОЙ ВОЙНЫ: РОМАНОВСКІЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ.

Велика она, Родная,
Ростомъ міру по плечо —
Вся одежда ледяная
Только сердце горячо!

Въ Санктъ-Петербургѣ.

Какъ же случилось это величайшее для Россіи несчастье, какія тому были причины, что вызвало русскую смуту 1917 года и что такъ способствовало катастрофическому ея развитію?

Многое, если не все, совершившееся въ февралѣ-мартѣ 1917 года, объясняется, а поступки и дѣянія многихъ лицъ — совершенно точно были тогда-же опредѣлены историческими словами Государя Императора Николая II, собственною Его Императорскаго Величества рукою начертанными въ дневникѣ Его отъ 2 марта 1917 года, въ г. Псковѣ:

«Кругомъ измѣна, и трусость, и обманъ».

Царственно сдержанный благороднѣйшій нашъ Государь не пожелалъ добавить того прилагательнаго, которое въ старинной русской рѣчи было неотдѣлимо отъ этихъ понятій: подлая измѣна, подлая трусость, подлый обманъ..., подлая ложь-клевета, позорнѣйшее предательство — погубили Царя и Россію.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ записаны были вышеприведенныя Высочайшія слова, являющіеся вѣрнѣйшею оцѣнкою не только февральскихъ и мартовскихъ событій 1917 года, но и всей русской смуты.

Но ушибленные революціей «идейные борцы» за ея «свободы», наши радикалы и либералы все еще продолжаютъ разгадывать «великую историческую загадку» русской революціи, уяснять себѣ и другимъ разъяснять «историческій ея смыслъ». Но не потому ли безсильны интеллигентскія эти попытки, что приступая къ разрѣшенію такъ поразившей ихъ «великой исторической проблемы», они забываютъ, замалчиваютъ и отметаютъ историческое русское прошлое, свидѣтельствующее

о томъ, какъ и кѣмъ созидалась, росла, ширилась и укрѣплялась Россійская Имперія и государственная ея мощь?

А между тѣмъ, если искать разъясненій этого сложнаго вопроса — «историческаго смысла русской революціи», то прежде всего нужно обратиться къ отечественной нашей исторіи.

Вспомнимъ, чѣмъ и какою была Великая Родина наша наканунѣ этой катастрофы.

Вспомнимъ то, что не можемъ, не должны, не смѣемъ мы, русскіе, забывать.

Теперь, послѣ того, какъ Россія была потрясена до основанія соціальнымъ катаклизмомъ — между недавнимъ ея прошлымъ, кажущимся для его свидѣтелей еще живымъ и свѣжимъ, и настоящей безотрадной дѣйствительностью — открылась страшная пропасть, на заполненіе которой понадобится не менѣе одного поколѣнія человѣческихъ жизней, принесенныхъ въ жертву безумнѣйшей попыткѣ разрыва *исторической преемственности* русскаго національнаго существованія.

Стоящіе *по ту сторону* этой пропасти не въ состояніи представить себѣ того глубоко-патріотическаго, неподдѣльно національнаго настроенія, которое переживала вся Россія, за исключеніемъ худосочныхъ элементовъ ея интеллигенціи, во дни всероссійскихъ и особенно московскихъ и костромскихъ торжествъ празднованія трехсотлѣтія Дома Романовыхъ, создавшаго современную Россію, со всею былой ея славою и со всѣми безбрежными возможностями дальнѣйшаго мирнаго ея развитія и процвѣтанія [1]).

Какою была Императорская Россія къ моменту мировой войны и вызванной ею смуты, лучше всего напоминаютъ намъ незабвенныя царскія слова въ Высочайшихъ актахъ и рѣчахъ, а также офиціальныя рѣчи и обращенія къ Государю представителей государственныхъ учрежденій, сословій и обществъ въ памятные Романовскіе юбилейные дни.

Триста лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ февраля произошло знаменательное событіе въ исторической жизни Россіи, явившееся въ ней поворотнымъ пунктомъ, поставившимъ нашъ государственный корабль на прямой правильный путь, благодаря чему народу русскому представилась возможность осуществить блестящую историческую эпоху. Наша Русь при воцареніи Дома Романовыхъ, отрѣзанная отъ всѣхъ морей, кромѣ Бѣлаго и Каспійскаго, была тогда далекимъ, глухимъ восточнымъ царствомъ. Даже и «мать городовъ русскихъ» — стольный градъ Св. Владиміра — Кіевъ не

---

[1]) С. Д. Сазоновъ: «Воспоминанія».

принадлежалъ въ то время Россіи, а находился во владѣніи поляковъ.

Въ смутное время, въ концѣ 1611 года, по словамъ историка Ключевскаго, Московское государство представляло зрѣлище полнаго видимаго разрушенія. Государство стало распадаться на составныя части... и превращалось въ какую-то безформенную, мятущуюся федерацію...

Но съ конца 1611 года, когда изнемогли политическія силы, начинаютъ пробуждаться силы религіозныя и національныя, которыя пошли на помощь гибнувшей земли.

Избраніе на царство въ 1613 году Михаила Феодоровича Романова произошло при чрезвычйномъ напряженіи религіознаго чувства во всемъ народѣ, ясно сознавшемъ, что безъ царской власти полная гибель родины неизбѣжна... Московское Государство было разорено въ конецъ: прежнихъ сокровищницъ царскихъ не было, земли розданы, имущіе люди обѣднѣли, народъ впалъ въ дикость и нищету. Казалось, откуда было взять силы для возсозданія Государства?

Но силы эти нашлись въ русскомъ народѣ, когда онъ почувствовалъ и понялъ, что въ единеніи съ Царемъ православный народъ русскій явится величайшею силою среди народовъ. Русское Царство быстро окрѣпло, стало развиваться и за триста лѣтъ царствованія Романовыхъ къ Россіи добровольно присоединились, либо возсоединены или завоеваны многочисленныя и необъятныя земли.

21 февраля 1613 года въ Москвѣ, на Красной площади было провозглашено избраніе всероссійскимъ земскимъ соборомъ на московскій царскій престолъ юнаго 16—лѣтняго Михаила Феодоровича Романова. Рязанскій владыка, келарь Авраамій и бояринъ Морозовъ спросили москвичей съ Лобнаго мѣста: кого хотятъ въ Цари? Толпа грянула: Михаила Феодоровича Романова!...

Къ этому именно дню и были пріурочены юбилейные празднества 1913 года, при чемъ въ виду грандіозности торжествъ празднованіе было разбито на три дня. Уже задолго, за два почти года, вся Россія, всѣ русскія общественныя учрежденія готовились къ этому національному торжеству. Повсюду происходили совѣщанія и намѣчались опредѣленныя патріотическія постановленія, какъ достойнѣе отозваться на наступающіе знаменательные дни въ жизни русскаго народа и царствующаго Дома: и городскія самоуправленія, и земскія, и дворянскія собранія, и крестьянскія общества, государственныя, научныя и сословныя учрежденія — выносили постановленія, по преимуществу филантропическаго и просвѣтительнаго характера съ ассигнованіемъ значительныхъ

денежныхъ суммъ и съ наименованіемъ учреждаемыхъ памятниковъ Романовскими.... Цѣлые томы потребовались бы для описанія повсемѣстнаго празднованія Россіей истекшаго трехсотлѣтія безпрерывнаго роста, могущества и преуспѣнія Россійской Имперіи, созданной русскими людьми подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. Главное средоточіе праздничныхъ дней было въ царской столицѣ — С.-Петербургѣ, куда съѣхались именитые гости и депутаціи отъ земствъ, городовъ, отъ сословій, отъ воинскихъ частей и отъ крестьянскихъ обществъ, для принесенія поздравленій Августѣйшему юбиляру, Государю Императору Николаю Александровичу.

Съ утра 21 февраля столица оповѣщена была, по петровскому обычаю, пушечными выстрѣлами, о наступленіи торжествъ. На первыхъ страницахъ вышедшихъ въ тотъ же день газетъ напечатанъ былъ нижеслѣдующій высочайшій манифестъ, который мы приводимъ, какъ лучшую, краснорѣчивѣйшую помятку о томъ, чѣмъ была Русь триста лѣтъ тому назадъ и какъ созидалась она въ Великую Россійскую Державу единеніемъ Русскихъ Царей съ вѣрнымъ ихъ Русскимъ Народомъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТЬЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Волею Всевышняго, три вѣка тому назадъ, пресѣкся царственный родъ Рюриковичей — основателей и собирателей Русской Земли. Тяжкія невзгоды обрушились на наше Отечество: безначаліе и смута обуяли Русь; иноземцы недруги вторглись въ ея предѣлы; первопрестольная Москва съ ея святынями стала добычею врага. Но на краю величайшей опасности, угрожавшей Россіи, Господь Всемогущій не оставилъ ее Своею великою милостію.

По призыву крѣпкихъ духомъ русскихъ людей, сплотившихся подъ сѣнью Троице-Сергіевской лавры, воспрянулъ русскій народъ на защиту своей Родины и, съ помощью Божіею, одолѣвъ врага, освободилъ Москву отъ непріятельскаго засилія. Созванный затѣмъ великій земскій соборъ въ 21 день февраля 1613 года единодушно избралъ на царствованіе боярина Михаила Феодоровича Романова, ближайшаго по крови къ угасшему царственному роду Рюрика и Владиміра Святого. Послѣ глубокаго раздумья и горячей молитвы юный предокъ Нашъ, съ

благословенія матери своей, инокини Марфы, принялъ на себя тяжкое бремя царственнаго служенія.

Съ той поры и доселѣ Десница Божія охраняла и возвеличивала Нашу Державу.

Совокупными трудами вѣнценосныхъ предшественниковъ Нашихъ на престолѣ россійскомъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи создалось и крѣпло Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаніямъ, но народъ русскій, твердый въ вѣрѣ православной и сильный горячею любовью къ Родинѣ и самоотверженною преданностью своимъ Государямъ, преодолѣвалъ невзгоды и выходилъ изъ нихъ обновленнымъ и окрѣпшимъ. Тѣсные предѣлы Московской Руси раздвинулись и имперія Россійская стала нынѣ въ ряду первыхъ державъ міра.

Въ неизмѣнномъ единеніи съ возлюбленнымъ народомъ Нашимъ уповаемъ Мы и впредь вести Государство по пути мирнаго устроенія жизни народной.

Объемля взоромъ минувшія три столѣтія, Мы видимъ на всемъ ихъ протяженіи высокіе подвиги лучшихъ сыновъ Россіи, не щадившихся для нея ни трудовъ, ни достоянія, ни самой жизни своей. Да пребудетъ память о нихъ навсегда священною въ лѣтописяхъ родной земли. И въ сей торжественный день всенароднаго празднованія трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ, Намъ отрадно съ признательнымъ умиленіемъ остановить вниманіе Наше на заслугахъ передъ Россіею сподвижниковъ ея царей и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ ихъ.

Велики заслуги святителей и пастырей церкви православной, озарившихъ Русь свѣтомъ истинной вѣры и прославившихъ ее подвигами благочестія и христіанской любви.

Благородное дворянство россійское кровью запечатлѣло преданность Родинѣ и въ трудахъ государственнаго устроенія неизмѣнно подавало высокій примѣръ гражданской доблести, особливо въ памятную годину освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ сіяніи славы и величія выступаетъ образъ русскаго воина, защитника вѣры, престола и отечества. Беззавѣтное мужество и непоколебимая преданность своему долгу христолюбиваго воинства россійскаго отстояли Русь отъ непріятеля и нынѣ служатъ крѣпкимъ щитомъ ея отъ вражескаго нашествія.

Много упорнаго и честнаго труда вложено въ дѣло устроенія государства и преданными Намъ служилыми людьми безъ различія званій и положеній.

Въ области наукъ, словесности и искусствъ выдающіеся русскіе люди стяжали себѣ почетныя имена и труды ихъ, при-

влекшіе вниманіе всего міра, получили высокую оцѣнку не только въ отечествѣ нашемъ, но и далеко за его предѣлами.

На мирномъ поприщѣ сельскаго хозяйства, торговли и промышленности выдвинулись русскіе люди настойчиваго труда и широкаго почина, созидавшіе дружными усиліями хозяйственную мощь Россіи.

Не измѣримы и несчетны заслуги передъ Россіей десятковъ милліоновъ пахарей, терпѣніемъ и трудомъ коихъ благоустроятся земледѣльческій промыселъ и умножаются основные источники народнаго богатства.

Благодарно вспоминая всѣхъ, потрудившихся на благо родины, призываемъ нынѣ, на рубежѣ четвертаго столѣтія царствованія Дома Романовыхъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ вознести вмѣстѣ съ нами молитвы Всевышнему объ упокоеніи Вѣнценосныхъ предковъ Нашихъ и всѣхъ тѣхъ, кому отечество Наше обязано своимъ могуществомъ и величіемъ.

Благоговѣйная память о подвигахъ почившихъ да послужитъ завѣтомъ для поколѣній грядущихъ и да объединитъ вокругъ престола Нашего всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ для новыхъ трудовъ и подвиговъ на славу и благоденствіе Россіи.

Желая достойно ознаменовать нынѣшній торжественный день и увѣковѣчить его въ памяти народной, признали Мы за благо даровать милости подданнымъ Нашимъ, о чемъ повелѣли правительствующему сенату указомъ, сего числа даннымъ, объявить всенародно.

Да не оскудѣетъ благословеніе Божіе, на Насъ и любезныхъ подданныхъ Нашихъ пребывающее. Да укрѣпитъ и возвеличитъ Господь Вседержитель Русскую землю и да подастъ Намъ силы высоко и твердо держать издревле славный стягъ отечества.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцать первый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ тринадцатое, царствованія-же Нашего въ девятнадцатое.

На подлинномъ, Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ».

За этимъ манифестомъ слѣдовалъ именной высочайшій указъ сенату, гдѣ были изложены милости, которыми Государю Императору благоугодно было ознаменовать празднуемый юбилей. Этотъ указъ внесъ облегченіе и въ участь пострадавшихъ по политическимъ дѣламъ, благодаря чему многіе возвращены были изъ мѣстъ заточеній, ссылокъ и изъ заграничной эмиграціи, — къ несчастью, какъ это бывало послѣ всѣхъ многократныхъ амнистій минувшаго царствованія, — чтобы вновь принять активное участіе въ подготовкѣ крушенія своей Родины...

Въ теченіи перваго юбилейнаго дня, Государь принималъ поздравленія отъ высшихъ чиновъ Имперіи въ Собственномъ Его Величества Зимнемъ Дворцѣ. Первыми Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ здѣсь имѣли счастье принести поздравленія члены Святѣйшаго Синода и высшее придворное и столичное духовенство.

Первоприсутствующій членъ Синода, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій Владиміръ [1]) съ краткимъ привѣтствіемъ передалъ отъ имени Синода Его Императорскому Величеству икону Знаменія Божіей Матери и нижеслѣдующую благословенную грамоту, въ которой отъ сердца сказанною русскою рѣчью, свойственною хранителямъ старинныхъ красотъ нашего языка — служителямъ церкви, — особенно трогательно, ярко и вѣрно отмѣченъ *тяжелый крестъ царственнаго служенія русскихъ царей и подчеркнуто, что только въ неразрывномъ союзѣ церкви съ государствомъ* [2]) *сила и мощь Руси родной:*

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій».

«Нынѣ день свѣтлой радости, нынѣ Ты радуешься о Господѣ, благодѣющемъ Царственному Роду Твоему, нынѣ сыны России радуются о Тебѣ, яко боговѣнчанномъ Царѣ своемъ достойной отрасли благословеннаго Дома Романовыхъ».

«Триста лѣтъ протекло съ того вѣчно незабвеннаго дня, когда Воля Божія дивно сказалась, послѣ трехдневнаго всенароднаго поста и молитвы, въ призваніи соборномъ всей Русской земли юнаго, смиреннаго сердцемъ боярина Михаила Феодоровича Романова на царскій престолъ, когда сей юный избранникъ по сердцу Божію, не дерзая противиться сей волѣ Божіей, смиренно склонилъ свою главу къ подножію чудотворной иконы Владычицы міра въ монастырѣ Ипатьевскомъ и изрекъ свое историческое: «буди тако», — когда и его мудрая мать, великая старица инокиня Марфа Іоановна, вручая своего единственнаго сына-любимца Ея заступленію и покрову, сказала: «въ Твои пречистыя руцѣ предаю чадо мое: устрой ему полезная, а съ нимъ и всему роду христіанскому».

---

[1]) Умученный большевиками въ Кіевѣ 25 января 1918 года. Ворвавшаяся банда изъ 4-5 человѣкъ въ покои митрополита набросилась на старца и сорвавъ съ него панагію и шейный золотой крестикъ, стали вытаскивать Владыку изъ покоевъ, нанося ему удары. У пригорка, между лаврою и Николаевскимъ военнымъ соборомъ, снявъ съ митрополита все и оставивъ Владыку только въ нижнемъ бѣльѣ, стали наносить ему штыковыя раны, а затѣмъ разстрѣляли. Бросили трупъ, скрылись.

[2]) Какъ далеки были тогда эти представители высшаго духовенства отъ восторжествовавшихъ въ 1917-1918 г.г. идей объ отдѣленіи церковнаго управленія отъ государственной власти!...

«Триста лѣтъ прошло съ того времени и, сколько великихъ благодѣяній народу русскому излилось черезъ боговѣнчанныхъ предковъ Твоихъ, благочестивѣйшій Государь! Какъ горячо любили они церковь православную! Какими вѣрными чадами ея были они! Въ какомъ тѣсномъ союзѣ любви пребывали съ нею, а черезъ нихъ, и все государство Россійское!» [1]).

«Свѣтлою чредою проходятъ передъ нами славныя имена и великія дѣянія ихъ на протяженіи трехъ минувшихъ вѣковъ».

«Не намъ, смиреннымъ служителямъ церкви, исчислять всѣ сіи дѣянія: пусть повѣдаетъ о нихъ благодарному народу безпристрастная учительница народовъ — исторія».

«Но мы не можемъ умолчать о томъ, что содѣлали они для вѣры православной, для церкви Христовой. Всегда являлись они защитниками и покровителями православія не только въ предѣлахъ своей родной Россіи, но и на всемъ Востокѣ: имъ обязаны и греки, и славяне тою свободою, какою они нынѣ пользуются и какую они получили, яко собратіи наши по вѣрѣ православной. Царски-отеческому попеченію нашихъ благочестивѣйшихъ самодержцевъ многіе инородцы въ далекой Сибири обязаны своимъ обращеніемъ въ вѣрѣ православной; ихъ заботами благоукрашалась русская земля храмами Божіими и святыми обителями; при ихъ благочестивомъ усердіи прославлялись мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ, распространялось духовное просвѣщеніе и воспитывались дѣти народа въ духѣ и завѣтахъ церкви православной».

«Царское служеніе боговѣнчанныхъ Царей нашихъ изъ благословеннаго Дома Романовыхъ было великимъ подвигомъ любви къ родному народу и къ родной матери церкви за послушаніе единому Богу. Благодать Божія, снисходившая на ихъ вѣнчанныя главы въ таинствѣ священнаго миропомазанія и непоколебимая вѣра къ родной церкви одушевляли ихъ и давали имъ силы къ несенію ихъ тяжкаго царственнаго креста».

«Таковъ крестъ несешь и Ты, возлюбленный Государь нашъ. И Ты не разъ засвидѣтельствовалъ передъ лицомъ народа

---

[1]) Какою была Россія 300 лѣтъ назадъ и какою она стала подъ скипетромъ Династіи Романовыхъ говорятъ цифры о движеніи населенія съ царствованія Петра Великаго до нашихъ дней: въ 1722 г. населеніе Россіи составляло всего 14 милліоновъ, въ 1782 г. — 28 милліоновъ, въ 1800 г. — 38 милліоновъ, въ 1825 г. — 53 милліона, въ 1850 г. — 70 милліоновъ, въ 1875 г. — 92 милл. въ 1897 г., уже по точнымъ свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета по даннымъ переписи — 128.195.600 чел.; въ 1900 г. — 135.672.000 чел.; къ 1 января 1910 г. — 163.778.000 чел. и къ 1 января 1915 г. — 184 милліона душъ обоего пола, при чемъ въ Привислян. губ. было 12 ½ милл., въ Финляндіи — 3 милл., въ Лифляндіи — 1 ½ милл., въ Эстоніи — 500 тысячъ и въ Бессарабіи — 2 ½ милліона.

Твоего, что только въ единенiи съ церковью все благо народа, только въ православiи спасенiе народности нашей, *только въ неразрывномъ союзѣ церкви съ государствомъ сила и мощь Руси родной*».

«Вспоминая нынѣ предъ Тобою, благочестивѣйшiй Государь, всѣ сiи благодѣянiя, явленныя Богомъ въ продолженiи трехъ вѣковъ народу русскому и церкви православной через боговѣнчанныхъ предковъ Твоихъ и привѣтствуя въ лицѣ Твоемъ весь царственный родъ Твой со вступленiемъ въ четвертое столѣтiе царственнаго служенiя Руси православной, святѣйшiй правительствующiй Синодъ, яко высшая власть церковная, повергаетъ къ стопамъ Твоимъ, отъ лица многомиллiонныхъ чадъ церкви, чувства безпредѣльной преданности и приноситъ Тебѣ святую икону Знаменiя Божiей Матери. Прими ее, яко священный даръ любви къ Тебѣ матери-церкви, яко знаменiе ея благословенiя и пламенныхъ молитвъ, да дастъ Тебѣ Господь вся по сердцу Твоему, да исполнитъ Онъ во благо всякое прошенiе Твое, да подастъ царствующему Дому Романовыхъ благоденственное, мирное и славное царствованiе на многiе вѣки, во славу церкви православной и во благо народа Твоего. Буди, Буди!».

«Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшiе: *Владимiръ*, митрополитъ С.-Петербургскiй и Ладожскiй, *Флавiанъ*, митрополитъ Кiевскiй и Галицкiй, *Макарiй*, митрополитъ Московскiй и Коломенскiй, *Сергiй*, архiепископъ Финляндскiй и Выборгскiй, *Антонiй*, архiепископъ Волынскiй и Житомирскiй, *Евсевiй*, архiепископъ Владивостокскiй и камчатскiй, *Михаилъ*, архiепископъ Гродненскiй и Брестскiй, *Никонъ*, епископъ бывшiй Вологодскiй и Тотемскiй, *Агапитъ*, епископъ Екатеринославскiй и Марiупольскiй, *Владимiръ*, епископъ Омскiй и Павлодарскiй».

По принесенiи поздравленiй отъ высшихъ духовныхъ особъ инославныхъ христiанскихъ исповѣданiй и затѣмъ кавалеровъ ордена святого апостола Андрея Первозваннаго, ихъ Величествамъ принесли поздравленiя члены Государственнаго Совѣта, предсѣдатель котораго, обратившись къ Государю съ привѣтствiемъ, передалъ отъ Государственнаго Совѣта икону.

Затѣмъ всеподданнѣйшее поздравленiе имѣли счастье принести предсѣдатель и члены Государственной Думы. Въ званiи камергера Высочайшаго Двора М. В. Родзянко обратился къ Его Величеству съ слѣдующими словами:

«Ваше Императорское Величество!»

«Тому назадъ три вѣка, когда казалось, что Русскому царству насталъ конецъ, велѣнiемъ небеснаго Промысла и Божiимъ благословенiемъ былъ призванъ на царство единодушнымъ

голосомъ народа державный предокъ Вашъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ».

«Вдохновенный единеніемъ со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ подъ сѣнью святой православной церкви, русскій народъ грудью защитилъ родную землю отъ дерзновенныхъ на нее вражьихъ посягательствъ. Великъ тогда былъ царскій подвигъ, великъ и сегодняшній торжественный день».

«Три вѣка славнаго царствованія благословеннаго дома Романовыхъ свидѣтельствуютъ, что подъ твердымъ скипетромъ державныхъ преемниковъ перваго царя нынѣ царствующаго Дома святая Русь стойко пережила всѣ посылаемыя ей испытанія, росла, крѣпла, ширилась и достигла современнаго своего величія».

«Любвеобильное сердце русскихъ царей всегда радостно билось радостямъ и успѣхамъ Отечества и преисполнялось тяжкою скорбью въ годины бѣдствій и смутъ.

«Благо россійскаго Государя было народнымъ благомъ, печаль его была народною печалью. И русскій народъ, какъ триста лѣтъ назадъ, такъ и теперь благоговѣйно чтитъ и беззавѣтно любитъ своего царя».

«Великій Государь!»

«Обширны царственные труды и заботы Ваши о благѣ народа и неустанно Ваше о немъ попеченіе. Вѣря, какъ и встарь, что могущество родины въ тѣсномъ единеніи Царя со своимъ народомъ, вѣря въ его государственный разумъ, Вы призвали къ законодательному строительству людей, избранныхъ отъ населенія».

«И народные избранники, члены Государственной Думы, одушевленные Монаршимъ довѣріемъ, безгранично счастливы лично повергнуть передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшія поздравленія по случаю высокознаменательнаго праздника Русскаго государства. Примите-же Государь эту святую икону Христа Спасителя, какъ благословеніе народное, какъ видимый знакъ тѣхъ горячихъ молитвъ, которыя сегодня возносятся во всѣхъ уголкахъ Россіи о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и всей царствующей Семьи».

«Да благословитъ Васъ Всевышній, да сохранитъ Онъ подъ небеснымъ покровомъ Своего Помазанника, на счастье и радость всей Русской Земли».....

Это были *слова* того «вѣрноподданнаго» царедворца — дѣйствія котораго, въ «годину бѣдствія и смуты» оказались совершенно противоположны этой торжественной его рѣчи своему Государю: четыре года спустя онъ первый возглавилъ петро-

градскій февральскій бунтъ — въ качествѣ предсѣдателя революціоннаго «комитета Государственной Думы», возникшаго 27 февраля, еще до отреченія Монарха.

Принявъ отъ предсѣдателя Государственной Думы икону Спаса Смоленскаго и платъ, вышитый шелкомъ, изображающій встрѣчу царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ его отца, митрополита Филарета [1]), возвращающагося изъ польскаго плѣна, а также — отъ духовенства Государственной Думы святой животворящій крестъ и отъ крестьянъ — членовъ Государственной Думы икону Святаго Николая Чудотворца, Государь Императоръ изволилъ принять поздравленія отъ правительствующаго Сената, во главѣ съ министромъ юстиціи статсъ-секретаремъ И. Г. Щегловитовымъ, который отъ имени Сената поднесъ слѣдующій адресъ:

«Ваше Императорское Величество,»

Самодержавный Государь!»

«Триста лѣтъ назадъ, въ тяжкую годину внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій, поразившихъ Россію и угрожавшихъ гибелью ея государственности и народной самобытности, русскіе люди, въ единодушномъ стремленіи вручить державныя права представителю единой власти на защиту и укрѣпленіе цѣлости и самостоятельности родины — избрали царемъ Михаила Феодоровича Романова. Съ тѣхъ поръ росла и крѣпла русская земля въ рукахъ его преемниковъ, расширяя свои предѣлы, укрѣпляя свое могущество».

«Великій учредитель сената, показавъ непревзойденный примѣръ самоотверженной любви къ своей странѣ, трудами, побѣдами и вѣрой въ ея предназначеніе — возвелъ ее на степень европейской державы, съ голосомъ и съ правами которой вынужденъ считаться Западъ».

«Преемники его держали знамя Русской земли «честно и грозно», а когда настала година новыхъ испытаній, русскій

---

[1]) Филаретъ Никитичъ Романовъ, третій патріархъ Московскій и всея Россіи, сынъ боярина Никиты Романовича, брата Царицы Анастасіи Романовны, супруги Царя Іоанна Васильевича, мірски Феодоръ, родитель Царя Михаила Феодоровича. За ревность къ православной Церкви, за вѣрность къ престолу Царскому и за любовь къ отечеству, бывъ митрополитомъ Ростовскимъ, много пострадалъ отъ поляковъ отъ нихъ увезенъ въ Польшу, оттуда возвращенъ, по вступленіи уже на престолъ Всероссійскій сына его, и возведенъ на патріаршество при ономъ же Царѣ, сынѣ своемъ Михаилѣ Феодоровичѣ въ лѣто 1619. Скончался въ лѣто 1633 (Октября 1). Патріаршествовалъ 14 лѣтъ. Гробница его находится въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ вдоль южной стѣны въ числѣ могилъ митрополитовъ и патріарховъ московскихъ, погребенныхъ съ 1489 по 1700 годъ.

царь объединился со своимъ народомъ въ общемъ непреклонномъ рѣшеніи — не уступать непобѣдимому дотолѣ врагу и не отдать ему ни пяди русской земли [1])».

«И во внутреннемъ устройствѣ, и въ законодательствѣ, и въ развитіи просвѣщенія — русскіе государи слѣдовали завѣтамъ Великаго Преобразователя, осуществляя, въ условіяхъ мѣста и времени, эту вѣру и упованія, съ которыми въ 1613 году народъ русскій вручилъ верховную власть представителю дома Романовыхъ и подчинился ея велѣніямъ.

«На эту вѣру отвѣтомъ были благодѣтельныя преобразованія Царя-Освободителя, проникнутыя довѣріемъ къ духовнымъ свойствамъ русскаго народа, державныя заботы родителя Вашего объ обезпеченіи послѣднему мирнаго благосостоянія и предначертанія Вашего Императорскаго Величества въ области государственнаго строительства. Нынѣ, въ исполнившееся трехсотлѣтіе царствованія потомковъ Михаила Феодоровича, правительствующій сенатъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ привѣтствовать Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, и обратиться съ мольбою къ Всевышнему, да сохранитъ Онъ Васъ и августѣйшее потомство Ваше на грядущія времена, чтобы дѣлить съ народомъ Вашимъ дни радостей и неизбѣжныхъ испытаній и руководить его по пути къ цѣлямъ государственной крѣпости, нравственной высоты и дальнѣйшаго развитія его духовныхъ и матеріальныхъ силъ»....

Вѣрный присягѣ: *«нелицемѣрно служить своему истинному и природному Государю Императору, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови»*, — въ 1917 году уже предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Статсъ-секретарь Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ былъ 27 февраля самочинно арестованъ Керенскимъ въ Государственной Думѣ, куда приведенъ толпой уличнаго сброда, беззаконно содержался въ тюрьмѣ и 23 августа 1918 года былъ разстрѣлянъ большевиками въ Москвѣ вмѣстѣ съ другими министрами, также безосновательно арестованными временнымъ правительствомъ.

Такъ погибали до послѣдняго конца вѣрные Царю и Отечеству представители ненавистной россійскимъ радикаламъ и либераламъ «бюрократіи», русскіе служилые люди, отъ городового до первыхъ чиновъ Имперіи — министровъ и предсѣдателя Государственнаго Совѣта включительно...

Въ тотъ-же день, одновременно съ торжествами въ Зимнемъ Дворцѣ и въ Казанскомъ Соборѣ, гдѣ въ Высочайшемъ присутствіи оглашенъ былъ вышеприведенный манифестъ, — во всѣхъ церквахъ столицы были совершены божественныя литургіи и

---

[1]) Въ 1812 г.

благодарственныя молебствія и съ церковнаго амвона былъ прочитанъ народу манифестъ.

Совершались богослуженія и во всѣхъ иновѣрческихъ храмахъ. Такъ въ трехъ мусульманскихъ молитвенныхъ домахъ совершено было поминовеніе и молебствіе, а во вновь строющейся мечети — торжественное богослуженіе въ присутствіи эмира бухарскаго и хана хивинскаго. Состоялись богослуженія и во всѣхъ петербургскихъ еврейскихъ молельняхъ, а въ большой синагогѣ — особо торжественное богослуженіе. Здѣсь присутствовали члены столичной еврейской общины, пріѣхавшіе на торжества провинціальные делегаты и учащаяся молодежь. Раввинъ М. Г. Айзенштадтъ [1]) прочиталъ затѣмъ манифестъ и молитву на еврейскомъ и русскомъ языкахъ о благоденствіи Царствующаго Дома. Въ строившемся по иниціативѣ тибетскаго далай-ламы, буддійскомъ храмѣ, въ Старой Деревнѣ, отслуженъ буддійскимъ духовенствомъ молебенъ въ присутствіи депутаціи монгольскихъ князей и проживающихъ въ С.-Петербургѣ буддистовъ — подданныхъ Бѣлаго Царя.

Особый видъ чрезвычайной торжественности имѣли чисто народныя празднества въ первопрестольной Москвѣ, въ кремлевскихъ ея соборахъ, гдѣ покоятся первые Романовы и на Красной площади, — вблизи которой, на улицѣ Варваркѣ, сохраняется домъ бояръ Романовыхъ.

По повелѣнію Его Величества высочайшій манифестъ привезъ въ Москву генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Д. Б. Голицынъ.

Съ ранняго утра десятки тысячъ народа наполнили Кремль и Красную площадь, гдѣ по пути слѣдованія крестнаго хода, стали шпалерами всѣ войска московскаго гарнизона, включая военныя училища и кадетскіе корпуса... Митрополитъ московскій Макарій [2]) всѣми поминаемый нынѣ праведный старецъ-подвижникъ, совершалъ въ Успенскомъ соборѣ божественную литургію.

Въ первомъ часу дня, въ соборѣ началось молебствіе, во время котораго, послѣ чтенія святаго евангелія, крестный ходъ, при пѣніи «Спаси Господи люди Твоя» двинулся на Красную площадь, черезъ Спасскія Ворота къ храму Св. Василія Блаженнаго.

Разсѣянные теперь по всему міру православные русскіе люди могли убѣдиться, что такого чисто русскаго всенарод-

---

[1]) М. Г. Айзенштадтъ нынѣ находится въ Парижѣ.

[2]) Распоряженіемъ Врем. Правит. гонимый оберъ-прокуроромъ Врем. Правительства В. Львовымъ престарѣлый митрополитъ Макарій былъ сосланъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь. Скончался на 92 году, въ селѣ Котельники, Московскаго уѣзда, 16 февраля 1926 года.

наго религiознаго торжества, какъ московскiй крестный ходъ, имъ нигдѣ больше не увидать...

Торжественное шествiе направлялось при звонѣ колоколовъ всѣхъ московскихъ «сорока-сороковъ», отозвавшихся на колоколъ Ивана Великаго, при звукахъ «коль славенъ нашъ Господь» — многочисленныхъ оркестровъ воинскихъ частей, отдававшихъ честь религiозной процессiи.

Двигались сотни блестящихъ на солнцѣ хоругвей, несомыхъ тысячами хоругвеносцевъ въ ихъ русскихъ кафтанахъ. Въ шествiи были несены народныя святыни — св. иконы Богоматери: Владимiрская, Иверская, Казанская и св. иконы, особо чтимыя въ Домѣ Романовыхъ. За шпалерами войскъ благоговѣйно, съ непокрытыми головами стояли сплошныя массы народа. У Лобнаго мѣста на Красной площади — многотысячный народный хоръ подъ управленiемъ священника изъ церкви Воскресенiя въ Кадашахъ, пѣлъ особенно близкiй русскому сердцу нашъ *второй народный гимнъ:* «Спаси Господи люди Твоя» и другiя пѣснопѣнiя...

Смолкли колокола, музыка и пѣнiе. На Лобное мѣсто поднялись митрополитъ и епископы... Царскiй посланникъ, генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшiй князь Д. Б. Голицынъ вручилъ митрополиту Макарiю высочайшiй манифестъ. Благоговѣйно поцѣловалъ старецъ-митрополитъ царскую грамоту и протодьяконъ К. В. Розовъ громогласно прочиталъ манифестъ, слова котораго разносились по всей площади, сохранявшей поразительную тишину.

Послѣ чтенiя манифеста митрополитъ осѣнялъ народъ святымъ крестомъ на всѣ четыре стороны при пѣнiи тысячъ голосовъ: «Господи помилуй»...

Затѣмъ крестный ходъ двинулся мимо памятниковъ вождямъ народнаго ополченiя 1612 года — князю Пожарскому и Козьмѣ Минину, черезъ всю Красную площадь и Никольскiя ворота въ Успенскiй Соборъ, гдѣ и закончилось молебствiе многолѣтiемъ, во время котораго съ Тайницкой башни произведенъ традицiонный императорскiй салютъ сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Когда генералъ-адъютантъ свѣтл. кн. Голицынъ подошелъ къ святому кресту, митрополитъ благословилъ его иконою Казанской Божiей Матери, точною копiей иконы, сопровождавшей князя Дмитрiя Михаиловича Пожарскаго въ его походѣ для освобожденiя Москвы въ 1612 году. По окончанiи молебствiя всѣ войска прошли церемонiальнымъ маршемъ по Красной площади и этимъ парадомъ въ три часа дня закончились кремлевскiя торжества, собравшiя «всю Москву» и особенно много фабрично-заводскихъ рабочихъ и подмосковныхъ крестьянъ,

безконечныя вереницы которыхъ въ теченіи цѣлаго дня наполняли кремлевскіе соборы и тянулись къ памятнику Царя-Освободителя, Императора Александра II-го... [1]).

Второй юбилейный день въ столицѣ былъ посвященъ принятію Ихъ Величествами поздравленій отъ различныхъ депутацій: дворянскихъ, земскихъ, городскихъ и множества другихъ. Иностранные представители приносили поздравленія во главѣ со старѣйшиной дипломатическаго корпуса — германскимъ посломъ графомъ Пурталесомъ.

Вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ Григоріемъ и съ сербскимъ митрополитомъ Дмитріемъ приносили поздравленія также издалека прибывшіе представители константинопольскаго вселенскаго патріарха и патріарховъ іерусалимскаго и александрійскаго, произнесшіе трогательные привѣтствія отъ имени многомилліонныхъ православныхъ народовъ Востока.

Особенно знаменательно было состоявшееся въ этотъ день въ александровскомъ залѣ городской думы соединенное засѣданіе совѣтовъ *всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы*, начавшееся молебствіемъ и провозглашеніемъ предсѣдателемъ здравицы Государю Императору, покрытой «ура», всѣхъ присутствующихъ представителей ученаго міра и звуками народнаго гимна. Вечеромъ въ Маріинскомъ театрѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, состоялся парадный спектакль, при чемъ въ финалѣ оперы «Жизнь за Царя» и въ исполненіи многократно требуемаго гимна — участвовали въ общемъ хорѣ всѣ находившіеся въ С.-Петербургѣ извѣстные оперные артисты...

Въ этотъ второй юбилейный день столичныя газеты полны были телеграммами о патріотическихъ юбилейныхъ торжествахъ во всѣхъ городахъ необъятной Имперіи:

«Отъ Кавказа до Алтая»
«Отъ Амура до Днѣстра»....
«Отъ финскихъ хладныхъ скалъ»
«До пламенной Колхиды...».

21 февраля 1913 года Государь послалъ Костромскому Губернатору слѣдующую телеграмму:

«Радуюсь мысли быть въ скоромъ времени среди близкихъ моему сердцу костромичей».

«НИКОЛАЙ».

Костромской край, объемлющій въ своихъ предѣлахъ исконныя вотчины бояръ Романовыхъ, Божіимъ провидѣніемъ сталъ колыбелью царствующаго Дома Царей Московскихъ и Импера-

[1]) Бронзовое изображеніе Царя-Освободителя уничтожено большевиками, всѣ историческія фрески и надписи задѣланы и закрашены.

торовъ Всероссійскихъ. Какъ бы провидя высокое назначеніе отрока Михаила Феодоровича, Кострома лелѣяла и охраняла его отъ всѣхъ замышляемыхъ противъ него козней и спасла его отъ руки враговъ Россіи. И на Великомъ Земскомъ Соборѣ въ Москвѣ, первый, подавшій голосъ за избраніе на царскій престолъ Михаила Феодоровича — былъ костромичъ-галичанинъ. Въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ 14 марта 1613 года далъ согласіе принять на себя бремя правленія юный избранникъ русскаго народа и съ того дня окончились страданія отъ раздоровъ и междуусобій истерзанной Русской земли. Здѣсь было положено основаніе всего грядущаго величія нашей Святой Руси. Кровь Костромича, доблестнаго Ивана Сусанина, за Царя животъ свой положившаго, явилась вящимъ звеномъ, связавшимъ неразрывными узами Императорскій Царствующій Домъ Романовыхъ съ Костромой.

14 марта 1913 года въ день празднованія 300-лѣтія восшествія на престолъ Михаила Феодоровича въ Костромѣ, была получена слѣдующая телеграмма Государя:

«Привѣтствую родную Кострому съ 700-лѣтіемъ ея основанія, совпавшаго съ днемъ 300-лѣтія вступленія на престолъ Царя Михаила Феодоровича. Да будетъ надъ нею всегда Божіе благословеніе».

«НИКОЛАЙ».

За 10 дней до посѣщенія Костромы Государь Императоръ Николай Александровичъ прибылъ въ Берлинъ — на торжество бракосочетанія принцессы Маріи-Луизы, дочери кайзера Вильгельма II. Государя сопровождали: ген.-адъютантъ кн. Кочубей, гр. Бенкендорфъ, генералы: В. А. Дедюлинъ, А. А. Мосоловъ и кн. В. А. Орловъ.

Хотя охрана безопасности русскаго Царя въ предѣлахъ Германіи была возложена на нѣмецкую полицію, но для непосредственной охраны Государя въ Берлинѣ Его сопровождали: нач. дворцовой полиціи полк. Герарди и полк. А. И. Спиридовичъ съ избранными имъ особо надежными охранниками изъ извѣстной царско-сельской его команды филеровъ, называвшейся «охранною агентурой», состоящею въ вѣдѣніи дворцоваго коменданта.

Эта поѣздка въ Берлинъ не имѣла никакого политическаго характера. Однако германская пресса комментировала на разные лады предстоящую встрѣчу кайзера и царя. Газеты особенно подчеркивали слова не задолго передъ тѣмъ опубликованнаго офиціальнаго письма Государя на имя избраннаго

въ февралѣ 1913 г. Президента Французской Республики Р. Пуанкаре.

Препровождая пожалованные новому президенту знаки высшаго россійскаго ордена Св. Андрея Первозваннаго, Императоръ Николай II писалъ, что «франко-русскій союзъ по прежнему будетъ основою русской внѣшней политики», которую Царь предъуказываетъ своему правительству.

На вокзалѣ въ Берлинѣ Государь былъ встрѣченъ съ особою сердечностью своими двоюродными братьями: кайзеромъ Вильгельмомъ II и англійскимъ королемъ Георгомъ V, также наканунѣ прибывшимъ на свадьбу.

Для отданія воинскихъ почестей русскому Царю былъ выстроенъ почетный караулъ отъ королевскаго прусскаго гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра полка, изъ отборныхъ великановъ-красавцевъ, напоминавшихъ нашихъ молодцовъ павловцевъ, въ такихъ-же историческихъ киверахъ.

Оба монарха прослѣдовали въ открытой коляскѣ среди шпалеръ войскъ берлинскаго гарнизона, при чемъ Государь особенно былъ тронутъ восторженнымъ пріемомъ, ему оказаннымъ многотысячными толпами населенія столицы германской имперіи. Государь былъ въ формѣ прусскаго гвардейскаго полка своего имени, а кайзеръ Вильгельмъ — въ генеральской формѣ русскаго полка, шефомъ котораго онъ состоялъ.

10 мая Государь, посѣтивъ усыпальницу кайзера Вильгельма I, прибылъ въ Прусскій гвардейскій Александровскій полкъ, офицеры котораго чествовали параднымъ обѣдомъ русскаго августѣйшаго шефа.

11 мая, въ сопровожденіи начальника германскаго генеральнаго штаба ген. фонъ Мольтке [1]) Государь осматривалъ «храмъ славы» прусской арміи — извѣстный берлинскій военный музей и арсеналъ.

Въ тотъ-же день отпраздновано было свадебное торжество, а въ 10½ часовъ вечера Государь отбылъ изъ Берлина, провожаемый до самаго вагона кайзеромъ Вильгельмомъ, до послѣдняго момента отхода поѣзда особенно весело и оживленно и со свойственнымъ ему подчеркиваніемъ интимной дружбы — разговаривавшаго съ своимъ державнымъ гостемъ...

Это было послѣднее свиданіе послѣднихъ императоровъ двухъ могущественнѣйшихъ и черезъ 5 лѣтъ такъ катастрофически рухнувшихъ сосѣднихъ монархій. Царскій свадебный подарокъ — громадная малахитовая ваза русскаго издѣ-

[1]) 1-й начальникъ штаба германской арміи въ войну 1914 г.

лія, своею артистической красотой и цѣнностью затмилъ подарки всѣхъ прочихъ коронованныхъ особъ...

На другой-же день по возвращеніи Государя въ С.-Петербургъ — Ихъ Величества съ августѣйшими дѣтьми отправились въ юбилейное свое путешествіе — въ древніе великороссійскіе города: Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Кострому, Ярославль, Ростовъ и Переяславль.

Во Владимірѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

16 мая Ихъ Величества прибыли въ г. Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ посѣтили старинный соборъ, и вечеромъ продолжали свое путешествіе по желѣзной дорогѣ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ 1611 году собрано было Мининымъ и кн. Пожарскимъ народное ополченіе, освободившее Москву отъ поляковъ и разбойничьихъ шаекъ самозванца.

Утромъ 17 мая императорскій кортежъ отбылъ съ вокзала къ старинному нижегородскому Кремлю, весь путь къ которому занимали тысячи народа, восторженно встрѣчавшіе Ихъ Величествъ громовымъ русскимъ «ура!». Весь городъ, ярмарка и всѣ суда на Волгѣ и на Окѣ были украшены національными бѣло-сине-красными флагами и безконечными гирляндами зелени...

Торжественный колокольный звонъ всѣхъ церквей сливался съ гимномъ «Боже, Царя Храни!», исполнявшимся оркестрами выстроенныхъ по всему пути воинскихъ частей. Гимнъ пѣли ученики и ученицы нижегородскихъ школъ, стоявшіе позади войскъ.

Ихъ Величества съ августѣйшими дѣтьми посѣтили соборъ и поклонились передъ гробницею нижегородскаго патріота Минина. Послѣ обычнаго пріема мѣстныхъ властей, представителей всѣхъ сословій и общественныхъ учрежденій — состоялся раутъ въ собраніи нижегородскаго дворянства. Затѣмъ Государь посѣтилъ новое зданіе государственнаго банка, которое особенно счастливъ былъ показать предсѣдатель совѣта министровъ, министръ финансовъ В. Н. Коковцевъ.

Послѣ торжественной закладки памятника патріотамъ — Козьмѣ Минину и князю Пожарскому, при чемъ первые камни уложены были Ихъ Величествами съ Ихъ Дѣтьми, состоялся парадъ войскамъ мѣстнаго гарнизона, въ которомъ участвовали и кадеты Нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

По окончаніи парада Ихъ Величества удостоили своимъ присутствіемъ обѣдъ, данный представителями города... Программа нижегородскихъ торжествъ была нѣсколько сокра-

щена вслѣдствіе нездоровья Императрицы Александры Феодоровны, на столько недомогавшей, что при посѣщеніи дворянскаго собранія ее вынуждены были внести во второй этажъ на креслѣ......

Славный нижегородецъ — Козьма Югининъ-Сухорукій скончался въ 1616 году. Хотя «мининскія торжества» состоялись тремя годами позднѣе — уже во время великой войны (съ 6 по 8 мая 1916 года), но это чествованіе памяти великаго русскаго патріота имѣло тѣсную связь съ 300-лѣтіемъ Дома Романовыхъ, а потому мы не можемъ не привести здѣсь въ краткихъ выдержкахъ описанія нижегородскихъ празднествъ въ честь Козьмы Минина.

Исполнившееся 300-лѣтіе со дня его кончины напомнило русскому народу о томъ единодушномъ порывѣ, который невѣроятнымъ напряженіемъ энергіи народной, вѣрою его въ свои силы сумѣлъ выпрямить парусъ государственнаго корабля и направить его въ спокойное политическое русло — подъ скипетръ Царей Дома Романовыхъ.

Еще со школьной скамьи всѣмъ знакома исторія подвига Козьмы Минина, памятны его страстныя горячія рѣчи, сила несокрушимой энергіи, значеніе его огромнаго таланта по организаціи съ кн. Пожарскимъ знаменитаго нижегородскаго ополченія, — явившихъ въ результатѣ возстановленіе «всея Россіи».

Празднованіе въ честь Минина наканунѣ смуты 1917 года, какъ и романовскіе юбилейные дни — служило вѣщимъ напоминаніемъ, чѣмъ оказался такъ несокрушимо силенъ русскій народъ въ дни тягчайшаго лихолѣтія 300 лѣтъ тому назадъ...

По Высочайшему повелѣнію, 7 мая въ Нижній-Новгородъ прибылъ Великій Князь Георгій Михайловичъ, передавшій отъ имени Государя слѣдующій привѣтъ многочисленнымъ представителямъ войскъ, дворянства, земства, города, биржеваго и ярмарочнаго купечества, мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ, судопромышленниковъ, рабочихъ съ заводовъ, работающихъ на оборону, и особой депутаціи города Суздаля:

«Его Величество повелѣлъ мнѣ передать привѣтъ нижегородцамъ и сожалѣніе, что, по обстоятельствамъ военнаго времени, не можетъ лично прибыть, что бы провести столь знаменательный день съ нижегородцами. Но душою Его Величество будетъ съ ними».

Городской голова Сироткинъ, подносъ хлѣбъ-соль, сказалъ въ своей рѣчи: «... Вѣрные завѣтамъ былого, мы съ первыхъ же дней войны отдаемъ достояніе и напрягаемъ свой разумъ на защиту нашей родины... Вы, ваше императорское высочество, лично видѣли наши военные заводы. Трудно перечесть все,

сдѣланное для славной нашей арміи. Мы живемъ войною и для войны. Почтительнѣйше просимъ ваше императорское высочество передать Его Величеству Государю Императору, что мы, какъ и встарь, готовы идти на всякія жертвы за честь, цѣлость и славу нашего отечества...».

Послѣ богослуженія въ кафедральномъ соборѣ на гробницу Минина были возложены многочисленные вѣнки, въ томъ числѣ присланные изъ Петрограда, Москвы, Ярославля и многихъ другихъ городовъ.

Архіепископъ владимірскій Алексій, въ епархіи котораго находится могила князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго прислалъ юбилейному комитету телеграмму, свидѣтельствующую, какъ далеки были отъ «безполитичности» православные іерархи въ Царской Россіи:

«Великій воевода земли русской кн. Пожарскій склоняется передъ могилою своего славнаго сподвижника великаго русскаго гражданина Козьмы Минина и въ духовномъ единеніи съ архипастырями, пастырями и пасомыми родной ему Владиміро-Суздальской области молитъ Всевышняго даровать православной россійской церкви миръ, Царю и всему Царствующему роду — во вѣки нерушимое благоденствіе, всѣмъ русскимъ людямъ — единеніе помысловъ и чувствъ».

«Да объединятся всѣ русскіе люди, какъ нѣкогда въ дни Минина и Пожарскаго, вокругъ царскаго престола, какъ тогда, всей землей во главѣ со своимъ Самодержавнымъ Царемъ, ударятъ на врага и снова докажутъ міру, что духъ Минина и Пожарскаго, духъ любви и преданности вѣрѣ православной, Царю и Родинѣ — живъ и могучъ въ сердцахъ россійскихъ сыновъ, и не сломить его нашимъ врагамъ».

«Не бывать тому, что бы Волга-Матушка потекла въ Нѣмецкое море, не бывать тому, чтобы русскій православный стягъ склонялся передъ невѣрными...».

8 мая съ утра по всему городу состоялись крестные ходы и поминовенія Минина на историческихъ мѣстахъ его подвиговъ въ Кремлѣ и въ прочихъ частяхъ Нижняго-Новгорода. Затѣмъ послѣ принятія великимъ княземъ парада войскъ, было торжественное собраніе въ городской думѣ, во время котораго произносились рѣчи, посвященныя памяти Минина и переживаемой эпохѣ: Архіепископъ Іоакимъ говорилъ о вліяніи церкви на устройство и развитіе русскаго государства.

Губернаторъ А. Ф. Гирсъ сказалъ: «300 лѣтъ покоится подъ могильными сводами прахъ нижегородскаго гражданина Козьмы Минина, но вѣка не изгладили священной памяти о великомъ героѣ, спасителѣ Отечества. Среди насъ понынѣ живетъ его свѣтлый образъ, который укрѣпляетъ вѣру въ несокрушимую

мощь Россіи, въ его дни испившей еще болѣе горькую чашу испытаній, но вышедшей изъ-подъ гнета бѣдствій побѣдоносной и сильной. Да послужитъ нынѣшній день днемъ утѣшенія славнымъ витязямъ-богатырямъ, съ беззавѣтной любовью къ Отечеству проливающимъ кровь на поляхъ сраженій. Минуетъ лихолѣтіе. Россія встанетъ во всемъ побѣдоносномъ величіи своемъ, но память о родныхъ герояхъ не умретъ никогда. Пронесутся вѣка и, какъ мы сплотились у гробницы безсмертнаго Минина, такъ и наши потомки воздадутъ честь и славу защитникамъ Родины».

Говорили еще: городской голова, профессора: Платоновъ, Кизеветтеръ, Успенскій и членъ госуд. совѣта Н. П. Муратовъ. Проф. Успенскій призывалъ къ единенію и созданію, по иниціативѣ потомковъ Минина нижегородцевъ, всероссійскаго сбора на нужды войны. Н. П. Муратовъ во высокопатріотической рѣчи призывалъ всѣхъ къ единенію съ Царемъ для скорѣйшей побѣды надъ врагомъ и дальнѣйшаго устроенія внутренней жизни государства. Проф. Платоновъ и Кизеветтеръ говорили о значеніи Минина въ жизни государства, о переживаемомъ Россіей тяжкомъ лихолѣтьи, повторившемся черезъ 300 лѣтъ, о необходимости полнаго напряженія силъ духовныхъ и матеріальныхъ и доведенія до побѣдоноснаго конца переживаемой войны.... Въ тѣ же дни въ Москвѣ, сто лѣтъ украшенной памятникомъ Минину и Пожарскому, и въ другихъ городахъ Россіи также состоялись чествованія памяти нижегородскаго патріота.

Таковы оказались поминки, которыя устроила Россія по Козьмѣ Мининѣ, давшемъ 300 лѣтъ тому назадъ потомству примѣръ гражданскаго самосознанія, политической энергіи, трудоспособности и самоотверженнаго выполненія долга передъ Родиной......

По Волгѣ и въ Костромѣ

Вечеромъ 18 мая, Ихъ Величества съ Дѣтьми отбыли изъ Нижняго-Новгорода на пароходѣ «Межень» — въ дальнѣйшее путешествіе, въ города Кострому и Ярославль.

Стараніями начальника отдѣла водныхъ сообщеній Министерства Путей Сообщенія, кн. Шаховскаго, этотъ казенный пароходъ былъ обращенъ въ комфортабельную рѣчную царскую яхту. Чтобы дать возможность высокимъ путешественникамъ любоваться панорамою Волги и ея береговъ былъ сооруженъ особый стеклянный павильонъ, внутри котораго вывѣшена прекрасная карта въ крупномъ масштабѣ.

На картѣ очень подробно обозначены были всѣ поселенія

и сколько нибудь выдающіяся мѣста вдоль обоихъ береговъ Волги отъ Нижняго Новгорода до Ярославля и Костромы. На всѣхъ пароходахъ, обслуживаемыхъ ихъ собственной командой, находились также офицеры и матросы яхты «Штандартъ», а вся эта императорская рѣчная флотилія была подъ командою флагъ капитана Его Величества, ген. адъют. адмирала Нилова и его флагъ-офицера Саблина 3-го.

Пароходъ, на которомъ находились Ихъ Величества, вели старѣйшіе волжскіе лоцмана, смѣнявшіеся на каждомъ лоцманскомъ участкѣ рѣки.

Эта смѣна старыхъ волжскихъ лоцмановъ происходила съ соблюденіемъ стариннаго обычая: входя на капитанскій мостикъ для исполненія своихъ отвѣтственныхъ обязанностей, смѣняющій лоцманъ осѣнялъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ и кланялся на всѣ четыре стороны, говоря при каждомъ поклонѣ: «Господу помолимся!». Сдающій свою вахту лоцманъ при этомъ также усердно крестился и отвѣчалъ: «Господи помилуй!».

Несмотря на облачный день и холодъ — оба берега Волги усѣяны были десятками тысячъ крестьянъ, пришедшихъ изъ деревень хоть издали взглянуть на державнаго внука Царя-Освободителя. Видны были цѣлые лагери, разбитые на поляхъ и опушкахъ лѣсовъ тысячами этихъ паломниковъ, ожидавшихъ царскаго проѣзда.

Всѣ прибрежныя строенія, а также встрѣчные рѣчные суда — были убраны флагами, зеленью, а во многихъ мѣстахъ на берегу возвышались арки изъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ со словами: «Боже, Царя Храни!».

Едва императорскій пароходъ показывался въ виду какой-либо прибрежной деревни, какъ оттуда подъ торжественный колокольный звонъ выходилъ крестный ходъ съ сельскимъ духовенствомъ во главѣ, которое тутъ же на берегу совершало молебствіе о здравіи Царя. Священники осѣняли крестомъ императорскую флотилію, народъ опускался на колѣни, видно было, какъ всѣ, крестясь, молились за Царя. И долго еще потомъ осѣняли издали крестнымъ знаменіемъ царскій пароходъ простые русскіе люди, на устахъ которыхъ была одна общая для всѣхъ молитва: «Спаси и сохрани Господи нашего Царя-Батюшку!», — а на глазахъ — слезы радости и умиленія...

Поздно вечеромъ 18 мая царскій пароходъ остановился у села Красное, въ 40 верстахъ отъ Костромы. Здѣсь вся эскадра стала на ночлегъ, чтобы на другой день утромъ продолжать путь уже въ предѣлахъ Костромской губерніи.

18 мая прибыли Вел. Князья и Вел. Княгини: Марія Александровна, Герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, Анастасія Ми-

хаиловна, Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Марія Павловна, Кириллъ Влад., Викторія Феодор., Борисъ Влад., Андрей Влад., Елизавета Феодор., Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Констант., Петръ Николаевичъ, Милица Ник., Георгій Мих., Александръ Мих., Ксенія Александр., Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ сыномъ Петромъ Александрочивемъ, Князь Іоаннъ Конст., съ супругой Кн. Еленой Петровной, Кн. Гавріилъ Конст., Кн. Константинъ Конст., Княжна Татьяна Конст., Князья Александръ и Сергій Георгіевичи, Герцоги Лейхтенбергскіе, Княжна Марина Петровна, Княж. Ирина Александровна, Княжна Елена Георгіевна Романовская, Герцогиня Лейхтенбергская, Герцогъ Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій.

Отсутствовали: Императирца Марія Феодоровна, Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ — по болѣзни, Вел. кн. Павелъ Александровичъ — проживавшій за-границей и Вел. Кн. Николай Николаевичъ.

Всѣ вышепоименованные Высоч. Особы помѣстились на пароходахъ: «Цесаревичъ Александръ» — общества «Кавказъ и Меркурій» и «Тургеневъ» — общества «Самолетъ», стоявщихъ на якорѣ противъ города Костромы. Велик. княгини и княжны имѣли пребываніе въ костромскомъ Богоявленскомъ Анастасіинскомъ монастырѣ.

19 мая къ 8 часамъ утра весь берегъ Волги былъ занятъ десятками тысячъ народа. Отряды войскъ направлялись за р. Кострому, на «Стрѣлку» — громадный мысъ, образуемый сліяніемъ Волги и Костромы, гдѣ была устроена пристань — «Царская Ставка». На этомъ же мысу расположенъ Ипатьевскій монастырь, вдоль стѣнъ котораго стояли также тысячныя толпы народа.

Въ 9 часовъ утра царская эскадра вступила въ черту городскихъ водъ. Четко вырисовывался поднятый на «Межени» императорскій штандартъ и тотчасъ же съ батареи 46 артил. бригады, поставленной на противоположномъ берегу Волги, близь села Городищи, грянулъ орудійный салютъ, подхваченный торжественнымъ перезвономъ всѣхъ костромскихъ церквей.

Царская эскадра замедлила свой ходъ. Къ пушечнымъ выстрѣламъ и колокольному звону присоединились оглушительные крики «ура!». Одновременно изъ Костромскаго Успенскаго Кафедральнаго Собора вышелъ крестный ходъ. Во главѣ его шелъ епископъ Кинешемскій Арсеній, викарій Костромской Епархіи и болѣе 100 священниковъ. Вдоль берега Волги крестный ходъ направляется къ Ипатьевскому монастырю. Рѣютъ въ водухѣ десятки хоругвей сопровождающихъ св. иконы и

древнюю костромскую святыню, Чудотворный Образъ Феодоровской Божiей Матери — исконной покровительницы г. Костромы и Дома Романовыхъ.

Наравнѣ съ церковнымъ шествiемъ замедленнымъ ходомъ идетъ и царская флотилiя. Государь и его семейство, стоя на обращенной къ берегу сторонѣ парохода, совершали благоговѣйное поклоненiе святынямъ Костромы. Всѣ переднiе ряды многотысячной толпы народа, чтобы лучше видѣть Царя вошли по колѣно въ воду...

Изъ монастырскаго Троицкаго собора выходитъ архiерейскiй хоръ, духовенство, выносятъ хоругви, св. иконы и реликвiи. У воротъ Зеленой Башни и у стѣнъ монастыря выстраиваются депутацiи, должностныя лица, представители учрежденiй и проч. Длинная лента войскъ равняется. Вся масса народа замираетъ въ напряженномъ ожиданiи.

Къ царской Ставкѣ, мѣсту встрѣчи Ихъ Величествъ прибыли: пресѣд. сов. министровъ ст.-секр. гр. В. Н. Коковцевъ, министры: военный ген.-ад. В. А. Сухомлиновъ, путей сообщенiя ст.-секр. С. В. Рухловъ, внутреннихъ дѣлъ въ званiи камергера Н. А. Маклаковъ, тов. мин. свиты Его Величества ген.-маiоръ В. Ф. Джунковскiй, Предсѣдатель Комитета по устройству празднованiя трехсотлѣтiя царствованiя Дома Романовыхъ ст.-секр. А. Г. Булыгинъ, костромской губернаторъ, въ званiи камергера Выс. Двора П. П. Стремоуховъ и проч.

Въ 9 час. 45 мин. пароходъ «Межень» плавно присталъ къ «Царской Ставкѣ».

На пристани представлялись прибывшiе для встрѣчи и губернаторъ поднесъ рапортъ о состоянiи губернiи.

Государь подошелъ къ стоявшей тутъ-же съ хлѣбомъ-солью депутацiи отъ крестьянъ Шунгенской волости, Костромскаго уѣзда. Государь былъ въ формѣ Царя Михаила Феодоровича 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка — старѣйшаго полка русской армiи, сформированнаго при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ.

Депутацiя эта представлялась потому, что Его Величество въ предѣлахъ Костромской губернiи впервые вступилъ на территорiю Шунгенской волости, а 300 лѣтъ тому назадъ значительная ея часть находилась въ вотчинномъ владѣнiи Ипатьевскаго монастыря. Въ перiодъ-же смутнаго времени, Шунгенская волость, какъ стоявшая за избранiе природнаго, законнаго Государя, была сплошь разграблена и выжжена поляками и измѣнниками-казаками.

Волостной старшина, крестьянинъ села Шунги Гаврила Михайловъ привѣтствовалъ Государя слѣдующей рѣчью:

«Ваше Императорское Величество».

«Какъ предки наши 300 лѣтъ назадъ кланялись прародителю твоему Царю Михаилу Феодоровичу, провожая Его въ Москву на великій подвигъ, изъ Ипатьевскаго монастыря, такъ и мы, встрѣчая Тебя, Великій Государь со всею Твоей Семьей на пути въ святой монастырь, земно кланяемся и просимъ принять наше «спасибо» за всѣ заботы державныхъ предковъ Твоихъ и Твои объ насъ крестьянахъ».

«Дай Богъ Тебѣ, нашъ Батюшка Царь, Сыну Твоему, Наслѣднику Цесаревичу — силъ и здоровья на тяжелый трудъ. Удостой принять отъ вѣрныхъ Тебѣ крестьянъ Шунгенской волости хлѣбъ-соль и вѣрь, что въ годину испытаній мы готовы сложить свою жизнь за Вѣру, Тебя и Отечество».

Государь принялъ хлѣбъ-соль и благодарилъ представителей Шунгенской волости. За Государемъ слѣдовала Императрица съ дочерьми, а рослый конвойный казакъ несъ на рукахъ девятилѣтняго Наслѣдника Цесаревича.

Затѣмъ былъ принятъ почетный караулъ отъ «Царя Михаила Феодоровича 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка», старѣйшаго въ Русской арміи, и Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ и августѣйшими дочерьми въ открытыхъ экипажахъ отправились къ Ипатьевскому монастырю.

По всему пути отъ пристани до монастыря, были выстроены въ полномъ составѣ: Царя Михаила Феодоровича 13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества полкъ, 183-й пѣх. Пултусскій полкъ (расквартированный въ Костромѣ), пятая сотня 1-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго, генерала Ермолова, полка, рота 25-го сапернаго батальона, одинъ взводъ отъ 6-й батареи 46-й артиллерійской бригады и чины управленія Костромскаго уѣзднаго воинскаго начальника со взводомъ конвойной команды.

Въ Ипатьевскомъ монастырѣ на встрѣчу Ихъ Величествамъ двинулся крестный ходъ, возглавляемый архіепископомъ Костромскихъ и Галичскимъ Тихономъ съ духовенствомъ, несшимъ монастырскія святыни и священныя реликвіи, и направился по историческому пути—ко вратамъ «Зеленой Башни». По обѣ стороны воротъ стояли «правопреемники» и потомки участниковъ Великаго Московскаго Посольства на Кострому въ 1613 г. и представители крестьянъ изъ всѣхъ волостей губерніи (Эти историческія ворота были въ точности воспроизведены въ Маріинскомъ театрѣ въ оперѣ «Жизнь за Царя»: тѣ самыя ворота, въ которыя стучится Ваня).

У самыхъ воротъ «Зеленой Башни» находились члены комитета по устройству Всероссійскаго празднованія трехсотлѣтія

Царствованія Дома Романовыхъ, во главѣ съ предсѣдателемъ Гофмейстеромъ А. Г. Булыгинымъ [1]).

Государь, выйдя изъ экипажа въ сопровожденіи Императрицы, Наслѣдника и Вел. Княженъ направился къ вратамъ «Зеленой Башни», гдѣ остановился съ крестнымъ ходомъ архіепископъ Тихонъ.

Здѣсь-же были: протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства о. Георгій Шавельскій и духовникъ Ихъ Величествъ протоіерей Николай Кедринскій.

Архіепископъ Тихонъ привѣтствовалъ Ихъ Величествъ:

«Ваши Императорскія Величества»

«Благочестивѣйшій Государь»

«и Благочестивѣйшая Государыня!»

«На этомъ мѣстѣ, за этими высокими стѣнами, три вѣка тому назадъ открылись дивныя дѣла Божьяго промышленія о нашемъ дорогомъ Отечествѣ.

«Иноческая обитель, основанная татарскимъ Мурзою Четомъ, родоначальникомъ бояръ Годуновыхъ, сохранила въ своихъ стѣнахъ драгоцѣнную жизнь юнаго боярина Михаила Феодоровича, Родоначальника Августѣйшаго Дома Романовыхъ».

«Иноческая обитель, съ такимъ тщаніемъ устроенная Годуновыми, которые, вопреки Божіей волѣ, стремились удержать Царскій тронъ въ своемъ родѣ — по устроенію Божію, эта самая обитель стала царственной колыбелью Августѣйшаго Дома Романовыхъ».

«О, глубина премудрости Божіей!».

«По истинѣ неиспытаны судьбы Божіи и неизслѣдованы пути Его. Лѣтописецъ, бывшій свидѣтелемъ воцаренія благовѣрнаго Государя Михаила Феодоровича въ стѣнахъ Ипатьевскаго монастыря, говоритъ, что была тогда великая радость въ Костромѣ и во всей Москвѣ. Но если бы тотъ же лѣтописецъ былъ свидѣтелемъ настоящаго нашего высокаго торжества, если бы онъ видѣлъ это царственное пришествіе къ намъ, если бы слышалъ этотъ благовѣстный гулъ колоколовъ, эти клики всеобщаго восторга, — безъ сомнѣнія не иное что сказалъ бы онъ о настоящемъ днѣ»:

«И была тогда великая радость въ Ипатьевскомъ монастырѣ и во всей Костромѣ».

[1]) Замученъ большевиками въ 1918 году въ его имѣніи «Рыбное» Рязанской губ. Его обрядили въ гофмейстерскій мундиръ и въ такомъ видѣ больнаго старика волокли до жел.-дор. станціи, гдѣ и прикончили на глазахъ большой толпы крестьянъ «вѣроятно» за то, что въ своемъ проектѣ о Гос. Думѣ А. Г. Бульгинъ предложилъ даровать крестьянамъ двойное представительство — въ видѣ особой крестьянской куріи съ правомъ участвовать сверхъ того и въ общихъ избирательныхъ собраніяхъ.

«Да будетъ благословенъ сей благознаменательный день въ жизни нашей обители. Да будетъ благословенно и это царственное пришествіе къ намъ Вашихъ Императорскихъ Величествъ, Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича и всего Царствующаго Дома...!».

Здѣсь же встрѣтили Ихъ Величествъ и собранные со всей Россіи потомки участниковъ историческаго Посольства «съ Москвы на Кострому» въ мартѣ 1613 года. Они держали въ рукахъ историческія реликвіи, относящіяся къ Посольству: громадный церковный фонарь со слюдою вмѣсто стеколъ, Запрестольную икону и выносной крестъ, а также посохъ, который Царь Михаилъ Феодоровичъ подарилъ Ипатьевскому монастырю.

Ихъ Величества, Наслѣдникъ и Великія Княжны приложились къ святому Кресту, къ иконѣ Феодоровской Божіей Матери, находившейся въ рукахъ епископа Рязанскаго Дмитрія, и приняли благословеніе отъ архіепископа Костромскаго.

Трогательный моментъ. Со слезами умиленія смотрѣли всѣ на эту хватающую за душу своею простотой и въ то же время величіемъ, картину. Державный потомокъ скромнаго отрока, могущественный повелитель славной многомилліонной Имперіи, смиренно преклонилъ свою главу передъ той-же иконой — Пречистой Заступницы и Покровительницы рода Романовыхъ, предъ которой возносилъ свои мольбы о помощи и заступленіи въ трудную минуту и юный первый Вѣнценосецъ изъ Дома Романовыхъ Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ.

Этой именно иконой Феодоровской Божіей Матери Великая Инокиня, старица Марфа Іоановна благословила на царство своего сына 14 марта 1613 г.

Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ и Дочерьми прослѣдовали черезъ врата «Зеленой Башни» и черезъ внутренній дворъ монастыря къ Троицкому Собору, передъ которымъ собрались: Особы Императорской Фамиліи, прибывшія для участія на торжествахъ въ Костромѣ еще наканунѣ, министры и придворные чины.

Государыня съ Наслѣдникомъ вошли въ Соборъ, а Государь съ Дочерьми, въ предшествіи духовенства, Особъ Императорской Фамиліи и высшихъ чиновъ направился навстрѣчу приближавшемуся къ стѣнамъ древней обители крестному ходу во главѣ съ епископомъ Кинешемскимъ Арсеніемъ.

Едва ли кому приходилось еще гдѣ нибудь видѣть такое сердечное умиленіе, какое проявлялось у находившихся здѣсь крестьянъ и крестьянокъ, сподобившихся столь близко и главное — у себя на родинѣ видѣть Царя-Батюшку и Его Семейство. Всѣ крестились и плакали подъ вліяніемъ про-

рвавшихся наружу глубокихъ и искреннихъ чувствъ беззавѣтной любви и обожанія своего вѣнценоснаго Вождя. Какъ умилительно — какъ глубоко отрадно было видѣть слезы, катившіеся ручьемъ помимо воли изъ глазъ совершенно взрослыхъ людей. Всѣ скопившіеся въ глубинѣ души чувства бурно рвались наружу и ясно отражались на лицахъ всѣхъ, привѣтствовавшихъ Государя и его семью. Встрѣчавшіе поздравляли другъ друга съ неподдѣльной радостью и восторгомъ, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье.

Встрѣтивъ городской крестный ходъ и принявъ благословеніе отъ Преосвященнаго, Государь съ Великими Княжнами въ предшествіи высшаго духовенства и въ сопровожденіи Особъ Императорской Фамиліи направился въ Троицкій Соборъ.

Духовенство благословляетъ путь царскій, окружающій народъ плачетъ отъ умиленія, возноситъ свои мольбы о здравіи и благоденствіи Государя и Его Семьи. Торжественный, согласный перезвонъ годуновскихъ колоколовъ раздавался съ высоты старинной трехсотлѣтней звонницы Ипатьевскаго монастыря. Въ благоговѣйной молитвенной тишинѣ встрѣчали тысячныя толпы народа шедшаго въ крестномъ ходу своего Царя со всею Семьей.

Послѣ богослуженія Государь съ Наслѣдникомъ и Великими Княжнами осматривали Троицкій Соборъ.

Оберъ-прокуроромъ Св. Синода, ст.-секр. В. К. Саблеромъ были представлены Государю настоятели и настоятельницы 21 православнаго монастыря Костромской губерніи.

Въ 12 час. 30 мин. Государь съ Наслѣдникомъ посѣтилъ палаты Царя Михаила Феодоровича, въ которыхъ помѣщалось богатое древнехранилище Костромскаго Церковно-Историческаго Общества. Въ память о своемъ посѣщеніи Государь изволилъ начертать на особомъ листѣ: «НИКОЛАЙ».

Пока Государь осматривалъ палаты бояръ Романовыхъ — Государыня съ Великою Княгиней Елизаветой Феодоровной ожидали въ монастырѣ.

По докладу к-ра Собственнаго Его Величества Конвоя, кн. Трубецкаго, сотнѣ Кизляро-Гребенскаго полка предоставлено было конвоировать Ихъ Величества отъ монастыря до царской пристани (Старѣйшій изъ казачьихъ полковъ Кизляро-Гребенской, сформированный при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ — былъ вызванъ для участія въ торжествахъ изъ далекой Персіи, гдѣ онъ несъ въ это время службу).

Государь прослѣдовалъ обратно черезъ тѣ же ворота исторической «Зеленой Башни».

На пароходѣ «Межень» происходилъ семейный завтракъ Высочайшихъ Особъ.

По окончаніи фамильнаго завтрака, Государь, выйдя въ столовую, подошелъ къ командиру полка, полковнику Рыбальченко, который просилъ, въ ознаменованіе столь радостной минуты — лицезрѣнія Кизляро-Гребенцами своего Атамана, разрѣшить поднести Наслѣднику на память о пребываніи въ Костромѣ старинную шашку. Государь согласился. На футлярѣ изъ корельской березы, въ который была уложена поднесенная Гребенцами древней работы шашка съ кривымъ булатнымъ клинкомъ, выгравирована надпись:

«Своему Августѣйшему Атаману Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Алексѣю Николаевичу отъ вѣрноподданныхъ Гребенцовъ. Гор. Кострома».

Въ верхней части футляра рельефная Великокняжеская корона и даты: *«1613-1913»*.

Къ 3 час. дня на городскую пристань, для встрѣчи Ихъ Величествъ собрались: городской голова г. Костромы съ членами гор. управы, гласные Городской Думы и проч. лица.

Передъ пристанью выстроился почетный караулъ изъ 183 пѣх. Пултусскаго полка, уже 10 лѣтъ квартировавшаго въ г. Костромѣ.

Задолго до прибытія Императорской флотиліи къ городской пристани стекались толпы народа. Весь широкій Ильинскій спускъ къ Волгѣ, Богословская улица и обширная площадь передъ пристанью были запружены народомъ.

Вся поверхность вала, его крутые склоны и выступающая прямо на Волгу площадка — представляли одно сплошное море головъ. На далекое пространство заполнена была народомъ и вся прибрежная полоса.

Взоры всѣхъ обращены вверхъ по рѣкѣ къ «Царской Ставкѣ».

Въ 4 часа дня со всѣхъ городскихъ колоколенъ понесся торжественный звонъ. Императорская флотилія отошла отъ «Царской Ставки» на Стрѣлкѣ.

Пароходъ «Межень» плавно слѣдовалъ къ городской пристани. По обѣимъ берегамъ Волги вслѣдъ за нимъ бѣжали толпы народа съ криками «ура!».

Въ 4 ч. 30 мин. дня пароходъ сталъ у городской царской пристани и Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ и Великими Княжнами прослѣдовали на берегъ подъ величественной аркою въ видѣ древнихъ русскихъ воротъ, въ стилѣ XVII столѣтія, на которыхъ была вверху надпись:

«Да будетъ безсмертенъ Твой Царскій Родъ».

Всѣ гласные Костромской Городской Думы во главѣ съ Городскимъ Головой В. А. Шевалдышевымъ встрѣтили Ихъ

Величествъ съ хлѣбомъ-солью. Городской Голова привѣтствовалъ слѣдующими словами:

«Несказанно счастливы жители города Костромы встрѣчая Ваше Императорское Величество у подножія стараго Костромскаго Кремля, гдѣ хранится Святая Чудотворная Икона Феодоровской Божіей Матери, гдѣ триста лѣтъ тому назадъ стоялъ осадный дворъ любимыхъ Костромскихъ бояръ Романовыхъ и гдѣ нынѣ воздвигается величественный памятникъ, памятникъ славы предковъ Вашего Императорскаго Величества, памятникъ славы прошлой Россіи, сдѣлавшейся подъ державнымъ руководствомъ Вѣнценосныхъ Костромскихъ бояръ Романовыхъ, изъ маленькаго Московскаго Царства величайшей Имперіей міра».

«Знаемъ мы Государь, что живы въ народѣ русскомъ и завѣты костромичей Сусанина и Комисарова [1]), знаемъ мы и то, что родная наша по своему историческому прошлому Династія и впредь поведетъ Россію по пути славы и величія. Примите Царь-Батюшка, хлѣбъ-соль отъ родины предковъ».

Государынѣ и Дочерямъ членами Костромской Городской Управы и гласными были поднесены букеты живыхъ цвѣтовъ.

Пропустивъ мимо себя почетный караулъ отъ 183 пѣх. Пултусскаго полка церемоніальнымъ маршемъ, Государь, сѣвъ въ экипажъ съ Императрицей, Наслѣдникомъ и Дочерьми прослѣдовалъ въ Романовскій Музей. По сторонамъ царскаго пути были разставлены шпалерами ученики и ученицы среднихъ и нисшихъ училищъ Костромской губерніи. За учащимися стояли волостные старшины, сельскіе старосты, различныя должностныя лица крестьянскаго управленія, городское и сельское населеніе.

Царскій кортежъ медленно подвигался. Общій энтузіазмъ народа не поддается описанію. Лица у всѣхъ сіяютъ безграничной радостью. Одна старушка, будучи не въ силахъ иначе выразить охватившія ее чувства— протѣснилась сквозь ряды и бросилась на колѣни къ коляскѣ Ихъ Величествъ. Изъ глазъ льются радостныя слезы... губы что-то шепчутъ... руки простерты къ Тому, что въ данный моментъ составляетъ весь смыслъ ея жизни.

Государыня обратила вниманіе на этотъ высшій порывъ беззавѣтнаго чувства и опустила въ руки счастливой старушки платокъ, бывшій въ то время у Императрицы въ рукахъ. Платокъ моментально былъ раздѣленъ на мелкіе кусочки на память по рукамъ немногихъ изъ народной толпы....

---

[1]) Крестьянинъ Осипъ Комиссаровъ, ремесленникъ-картузникъ, спасъ жизнь Александру II, толкнувъ подъ руку дворянина Каракозова, стрѣлявшаго въ Царя 4 апрѣля 1866 года.

Ихъ Величества съ Наслѣдникомъ и Дочерьми осматривали Романовскій Музей съ размѣщенными въ немъ историко-археологическими и этнологическими коллекціями.

При переходѣ во второй залъ Государь обратилъ особенное вниманіе на громадную, во всю стѣну картину художника И. Ф. Порфирова — «Боже спаси Царя!», изображающую подвигъ костромскаго крестьянина Ивана Сусанина, спасающаго отъ поляковъ только что избраннаго на царство Державнаго Предка Царствующаго Дома Романовыхъ.

Картина была пожертвована въ Романовскій Музей владѣльцами Большой Костромской Льняной Мануфактуры С. Н. Третьяковымъ, В. В. Коншинымъ и Ф. А. Олиховымъ. По обозрѣніи Музея Государь съ Семействомъ отбыли въ домъ Костромскаго Дворянства.

Въ вестибюлѣ Дворянскаго Дома, на нижней площадкѣ у лѣстницы Ихъ Величества были встрѣчены Костромскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства отставнымъ генералъ-маіоромъ по адмиралтейству Зузинымъ.

При входѣ Государя въ Бѣлый Залъ Губернскій Предводитель Дворянства привѣтствовалъ Монарха рѣчью [1]). Поднесены отъ всего Костромскаго Дворянства хлѣбъ-соль и св. икона для Наслѣдника. Затѣмъ Государь обходилъ ряды дворянъ.

По окончаніи представленія Августѣйшіе гости были приглашены Губ. Предвод. Дворянства въ малый Екатерининскій залъ, гдѣ сервированъ былъ чай и предложены фрукты.

Когда подали шампанское и Государь вошелъ въ Бѣлый залъ, Губернскій Предводитель Дворянства, высоко поднявъ бокалъ провогласилъ тостъ за Державныхъ посѣтителей Дворянскаго Собранія Ихъ Величествъ съ Ихъ Семействомъ. Громовое «ура!» потрясло стѣны Дворянскаго Собранія. Восторженные крики смѣнились пѣніемъ гимна «Боже, Царя Храни!»...

Государь поднялъ бокалъ и произнесъ:

«Отъ имени Ея Величества, отъ Моего имени и всей Нашей Семьи сердечно благодарю Костромское Дворянство за его радушный пріемъ и гостепріимство».

«Я счастливъ что первое посѣщеніе Мое Костромы съ Моей Семьей состоялось въ нынѣшнемъ году и совпало съ 300-лѣтіемъ царствованія Нашего Дома, чѣмъ Мы навсегда связаны съ Костромою и со всѣми ея сословіями».

«Отъ души пью за процвѣтаніе и здоровье Костромскаго Дворянства и за Ваше здоровье, Господа».

---

[1]) По свидѣтельству очевидца А. И. Спиридовича — рѣчь Зузина была полна неумѣстныхъ выраженій и очень разстроила Императрицу.

Слова Государя вызвали новую бурю восторга среди собравшихся и восторженные крики «ура!» долго потрясали стѣны Дворянскаго Дома.

Больше часу пробыли Ихъ Величества въ гостяхъ у Костромскаго Дворянства и въ началѣ седьмого отбыли на «Царскую Ставку».

Вечеромъ на пароходѣ «Царь Михаилъ Феодоровичъ» состоялся въ Высочайшемъ присутствіи обѣдъ особамъ Императорской фамиліи съ высшими представителями администраціи съ ихъ супругами. Вслѣдствіе нездоровья Императрица не присутствовала и ее замѣняла за столомъ Вел. Кн. Марія Павловна.

Весь день ликовала Кострома.

Въ 11 часовъ вечера на «Стрѣлкѣ», близь Ипатьевскаго монастыря, противъ «Царской Ставки» былъ сожженъ удивительный по сложности и красотѣ фейерверкъ. Каждое изъ отдѣленій его представляло цѣльную картину, изображавшую событія, относящіеся къ царствованію Дома Романовыхъ.

Ихъ Величества съ Семьей любовались фейерверкомъ съ парохода. Въ то же время за городомъ, при содѣйствіи С.-Петербургскаго Городского Попечительства о народной трезвости подъ непосредственнымъ руководствомъ Принца А. П. Ольденбургскаго, были устроены безплатныя народныя гулянья.

Въ 11 часовъ утра 20 мая медленно подходитъ къ городской пристани Императорскій пароходъ.

Сошли на пристань: Государь въ формѣ Своего Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго полка, Императрица, Наслѣдникъ, въ формѣ Екатеринославскаго полка, и Великія Княжны.

Весь берегъ Волги представлялъ собою одно громадное, необъятное море головъ...

Государь съ Семьей въ экипажахъ прибыли къ Успенскому Кафедральному Собору. Архіепископъ Тихонъ въ сопровожденіи соборныхъ протоіереевъ, державшихъ на особыхъ пеленахъ св. иконы, подошелъ къ царскому мѣсту и сказалъ привѣтственное слово:

«Ваше Императорскія Величества!».

«Когда Благовѣрный Государь, Михаилъ Феодоровичъ, послѣ долгаго раздумія и неоднократныхъ отказовъ, изъявилъ наконецъ свое согласіе принять царскій скипетръ Державы Россійской — это было три вѣка наздъ въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ — тогда родительница его, старица инокиня Марфа Іоанновна, взявъ сына своего за руку и вмѣстѣ съ нимъ преклонивъ колѣна передъ чудотворной Феодоровской Иконой Божіей Матери произнесла эти знаменательныя слова: «Се, Тебѣ, о Богомати, въ Твои Пречистыя руки ввѣряю сына

моего. Наставь Его на истинный путь, устрой все полезное Ему и всему христіанству», Феодоровской же иконой Божіей Матери она благословила потомъ Сына своего на царство.

Съ тѣхъ поръ Феодоровская Богоматерь является всегдашней Помощницей и Покровительницей нашихъ православныхъ русскихъ Царей изъ Дома Романовыхъ».

«Ея всемощный, благодатный покровъ да будетъ неизмѣнно распростертъ и надъ Вами, Благочестивый Государь и Благочестивѣйшая Государыня, надъ Благовѣрнымъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и надъ всѣмъ царствующимъ Домомъ».

«Костромской Кафедральный Соборъ бьетъ челомъ Вашимъ Императорскимъ Величествамъ. Благоволите принять въ благословеніе эти святыя иконы Феодоровской Божіей Матери».

Архіепископъ благословилъ Государя, Императрицу и Наслѣдника. Начался молебенъ, по окончаніи котораго состоялась закладка памятника 300-лѣтія Дома Романовыхъ на площади передъ соборомъ. Ихъ Величества поднялись на готовый уже фундаментъ памятника, гдѣ и совершился обрядъ закладки съ замурованіемъ закладной доски и серебряныхъ рублей особаго рисунка, отчеканенныхъ по случаю трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Монументъ изготовлялся скульпторомъ Адамсономъ... Въ ожиданіи прибытія войскъ для предстоявшаго парада, Ихъ Величества подошли къ периламъ павильона, построеннаго на краю высокаго обрыва.

Ихъ взорамъ представилось чарующее зрѣлище: передъ ними разстилалась Волга во всей красотѣ своего весенняго полноводья, а внизу, подъ самыми ихъ ногами — вся площадь пестрѣла сплошною многотысячною толпой.

Лишь только народъ увидѣлъ Государя — раздалось могучее непрерывавшееся «ура!», шапки полетѣли вверхъ, женщины махали платками..., многіе плакали отъ радости и восторга. Эта сцена была схвачена кинематографомъ отъ «Сине-журнала Патэ» и фотографія помѣщена въ книгѣ «Костромскія торжества», экземпляръ который хранится въ Императорской публичной библіотекѣ.

Государь снялъ фуражку и низко поклонился народу, глаза у него были влажны. Рядомъ съ нимъ стояла Императрица Александра Феодоровна..., двѣ слезы медленно катились по ея бѣлому, какъ мраморъ, лицу... Когда доложили, что парадъ готовъ, Государь еще разъ поклонился народу и прошелъ къ войскамъ, собраннымъ ко днямъ торжествъ въ Костромѣ.

Парадомъ командовалъ командиръ 2-й бригады 46-й пѣх.

дивизіи генеральнаго штаба ген.-маіоръ Парскій. Государю представились:

Царя Михаила Феодоровича 13-й лейбъ-гренад. Эриванскій Его Величества полкъ съ к-ромъ полковникомъ Мдивани (Это добавленіе имени Царя Михаила, основателя полка Высочайше пожаловано во время юбилейныхъ торжествъ).

183-й пѣх. Пултусскій полкъ съ к-ромъ полк. Малѣевымъ и т. д.

Государь благодарилъ войска за парадъ и отбылъ въ Губернаторскій домъ, гдѣ состоялся пріемъ Его Величествомъ высшаго духовенства, гражданскихъ и военныхъ чиновъ и депутацій общественныхъ учрежденій.

Государыня Императрица въ это время посѣтила Богоявленскій женскій монастырь.

Передъ домомъ губернатора выстроенъ былъ въ пѣшемъ строю почетный караулъ отъ Государственной стражи Костромской губерніи. На правомъ флангѣ стали: тов. м-ра вн. дѣлъ генералъ-маіоръ В. Ф. Джунковскій, губернаторъ и др. начальствующія лица.

Это былъ, принадлежавшій инціативѣ губернатора П. П. Стремоухова, первый случай представленія Государю Императору *почетнаго караула отъ полиціи.* 50 человѣкъ на подборъ были георгіевскими кавалерами русско-японской войны. Поздоровавшись, Государь пропустилъ мимо себя караулъ и благодарилъ стражниковъ и губернатора, бывшаго офицера лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. У воротъ стояли почетными часовыми два стражника — каждый съ 4-мя георгіевскими крестами, на что Государь обратилъ особое вниманіе.

По главной садовой аллеѣ вытянулись ряды депутацій. Были здѣсь и два «Союза Русскаго Народа» — по словамъ губернатора постоянно враждовавшіе между собою, возводя одинъ на другого самыя грязныя обвиненія.

Государь сказалъ имъ:

— А, у васъ два союза... не ссоритесь?

Обѣ стороны замялись.

— Вотъ видите, сказалъ Государь: не хорошо это. Стыдно русскимъ людямъ жить врозь... Смотрите, живите дружно.

Не предупреждавшій объ этомъ губернаторъ высказываетъ свое предположеніе, что въ «союзахъ русскаго народа» подобныя взаимныя дрязги и вражда были настолько обычнымъ явленіемъ, что и безъ предупрежденія Государь нашелъ нужнымъ сказать имъ вышеприведенныея слова...

На теннисной площадкѣ передъ губернаторскимъ домомъ были разставлены покоемъ обѣденные столы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ находились волостные старшины и крестьян-

скія депутаціи. Въ большинствѣ это были люди не молодые, бородачи, крупные, сильные, настоящій цвѣтъ нашего крестьянства, типичные представители той «ставки на сильнаго», на которой Столыпинъ съ такимъ успѣхомъ началъ перестраивать деревенскую Русь, — и ужъ никакъ не большевицкихъ «комитетовъ бѣдноты», которымъ маніакъ разрушенія Ленинъ и его преемникъ Сталинъ — отвели первое мѣсто въ раззоряемой деревнѣ.

Отъ имени всего крестьянскаго населенія костромской губерніи выступилъ впередъ для произнесенія привѣтственнаго слова волостной старшина Галичскаго уѣзда Куломзинъ [1]).

Это былъ человѣкъ не молодой, съ четверть вѣка уже исполнявшій обязанности волостнаго старшины, украшенный двумя медалями «за усердіе» и двумя — за участіе въ коронаціонныхъ торжествахъ императоровъ: Александра III (1883) и Николая II (1896).

Наканунѣ Куломзинъ репетировалъ свою рѣчь передъ старшинами и произнесъ ее превосходно — разсказывалъ губернатору непремѣнный членъ присутствія Трухинъ...

Государь подошелъ къ Куломзину.

— Ваше Величество .. началъ старшина и остановился.

— Ваше Величество..., продолжалъ онъ, а далѣе — ни слова.

— Ничего, ничего..., сказалъ Государь: успокойся немного... я подожду. Потомъ можешь продолжать.

Черезъ минуту Куломзинъ началъ снова:

— Ваше Величество...

Видно было, какъ онъ глубоко волновался всѣмъ своимъ существомъ. Наконецъ сказалъ: простите, Ваше Величество, не могу, сердце бьется, не могу говорить.

И слезы полились у него изъ глазъ.

— Ну и не надо! — своимъ чарующимъ бархатнымъ голосомъ произнесъ Государь: вѣрь мнѣ, что твое волненіе и чувства, которыя его вызываютъ, мнѣ гораздо дороже словъ, которыя я уже много разъ слышалъ... Пусть лучше будетъ такъ...

Государь обнялъ и поцѣловалъ старика.

— Въ лицѣ твоемъ, сказалъ Государь, привѣтствую все дорогое мнѣ крестьянство Костромской губерніи. Передай это всѣмъ, кого увидишь...

---

[1]) Однофамилецъ его — Статсъ-Секретарь и предпослѣдній предсѣдатель Государ. Совѣта, Анатолій Николаевичъ Куломзинъ былъ то-же землевладѣльцемъ Костромской губерніи и присутствовалъ на торжествахъ.

Слова Государя и объятіе Куломзина произвели на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе.

Громкимъ «ура!» отвѣтили они на царское слово и по сѣдымъ бородамъ старшинъ текли слезы...

Государь вошелъ въ середину «покоя», поднялъ чарку и осушилъ ее «за здоровье родного, всегда вѣрнаго Ему крестьянства костромской губерніи» и приказалъ старшинамъ передать Его царскій поклонъ всѣмъ ихъ односельчанамъ, женамъ и дѣтямъ...

Послѣ рѣчи губернатора, Царь обходилъ старшинъ и со многими изъ нихъ разговаривалъ: съ нѣкоторыми о хозяйствѣ, а, съ имѣющими военныя медали — о походахъ и о полкахъ, въ которыхъ они служили.

Разсказывая объ этомъ — очевидецъ, П. П. Стремоуховъ добавляетъ: Императоръ Николай II несомнѣнно болѣе любилъ простого мужика-крестьянина, чѣмъ представителей интеллигенціи, почему такъ задушевно-искренно оцѣнилъ чувства, охватившія крестьянина Куломзина. Но за то фальшь Губернскаго Предводителя Дворянства, отставнаго моряка Зузина, дѣланно замявшагося при подобныхъ-же обстоятельствахъ официіальнаго привѣтствія — Государь сразу угадалъ своимъ чуткимъ сердцемъ и едва-ли не насмѣшливо — только и спросилъ холодно: «Вы кончили?...».

Вмѣстѣ со старшинами представлялись и отдѣльныя крестьянскія депутаціи, въ числѣ которыхъ особенно выдѣлялись представители «свободныхъ хлѣбопашцевъ» села Коробково, 300 лѣтъ тому назадъ прославленнаго подвигомъ коробковскаго крестьянина Ивана Сусанина. Среди представителей села Коробкова были потомки Сусанина, при чемъ особенно выдѣлялся крестьянинъ Сабининъ, прямой потомокъ опоэтизированнаго въ оперѣ «Жизнь за Царя» жениха Антонины. Представлявшійся Сабининъ оказался запаснымъ унтеръ-офицеромъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка. Государь Николай Александровичъ удостоилъ окружавшихъ его крестьянъ продолжительною бесѣдою, они счастливы были слышать милостивое царское слово.

Выслушавъ привѣтствіе отъ различныхъ представителей крестьянскаго населенія, Государь поднялъ чару и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

«Я счастливъ былъ прибыть въ Кострому съ Ея Императорскимъ Величествомъ и Семьей Своей въ годъ празднованія трехсотлѣтія Нашего Дома и видѣть такъ же Васъ, представителей моего вѣрнаго Костромскаго населенія, которое такъ славно показало себя въ лицѣ Ивана Сусанина триста лѣтъ тому назадъ. Я увѣренъ, что та любовь и преданность, которую

онъ показалъ Моему предку, никогда не изсякнетъ, пока жива будетъ Земля Русская. Пью за ваше здоровье, здоровье бѣлопащцевъ и за все населеніе Костромской губерніи».

По желанію Государя всѣ представлявшіеся крестьяне были царскими гостями и министерство Двора угощало ихъ обѣдомъ, при чемъ каждому предоставлено было взять на память столовый приборъ съ этого царскаго обѣда... Послѣ пріема крестьянскихъ депутацій Государь посѣтилъ казармы 183 пѣх. Пултусскаго полка, благодарилъ офицеровъ и солдатъ за службу, осмотрѣлъ полковой музей и снялся въ общей фотографической группѣ съ офицерами.

Въ это время Императрица оставалась въ женскомъ монастырѣ, гдѣ принимала городскихъ дамъ, игуменій всѣхъ монастырей губерніи, а также монахинь Богоявленскаго монастыря. Во время чая, предложеннаго Императрицѣ настоятельницей монастыря наслѣдникъ цесаревичъ съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на одѣтыхъ въ монашеское платье послушницъ — четырехъ дѣвочекъ его возраста, бросавшихъ цвѣты подъ ноги Царицы, при входѣ ея въ монастырь.

— Какъ тебя зовутъ? — спросила Государыня самую младшую.

— Грѣшница Александра, Ваше Императорское Величество, — отвѣчала юная монашенка.

— А тебя?

— Грѣшница Марія, Ваше Императорское Величество! — отвѣчала другая.

Третья — Степанида и четвертая — Сусанна, также отвѣчали, называя себя «грѣшницами» — и самой старшей было не болѣе 10 лѣтъ.

Послѣ завтрака на пароходѣ — Государь съ Дочерьми посѣтили интересную старинную церковь XVIII столѣтія на р. Дебрѣ, госпиталь краснаго креста и земскую выставку крестьянскихъ кустарныхъ издѣлій, на которой Государя привѣтствовалъ рѣчью С. Н. Третьяковъ.

Государь принялъ предложенный земцами чай.

По возвращеніи Государя на «Царскую Ставку», на пароходѣ «Царь Михаилъ Феодоровичъ» состоялся въ высочайшемъ присутствіи обѣдъ [1]), по окончаніи котораго Государь прослѣдовалъ по берегу пѣшкомъ на «Межень», на разстояніи около ста саженъ.

---

[1]) Императрица не могла присутствовать на этомъ обѣдѣ и справа отъ Государя за обѣденнымъ столомъ находилась Великая Княгиня Анастасія Михайловна, дочь Вел. Кн. Михаила Николаевича и мать нынѣшней Датской Королевы Александры и жены германскаго кронпринца Сесиліи...

Вся флотилія приготовилась къ слѣдованію вверхъ по Волгѣ въ г. Ярославль.

Тронулась Императорская яхта. Слѣдомъ за ней сопровождающіе «Межень» пароходы.

Ударили въ большой колоколъ и начался прощальный звонъ на колокольняхъ городскихъ церквей... Государь долго оставался на кормѣ парохода, отвѣчая поклонами на клики народные, рядомъ съ Нимъ стоялъ Наслѣдникъ въ матросской курточкѣ.

Толпы народа слѣдовали вдоль берега, многіе вошли въ воду и по-грудь въ водѣ — стремились приблизиться къ царскому пароходу, продолжая свое неистовое «ура!» и бросая вверхъ шапки, пропадавшія затѣмъ въ волнахъ... Присутствовавшій на торжествахъ «инкогнито» герцогъ Мекленбургскій, братъ Вел. Княгини Маріи Павловны, не могъ удержать слезъ умиленія, созерцая эту невиданную нигдѣ въ Еропѣ картину народныхъ овацій своему Монарху.

«Какое счастье быть Монархомъ такого народа!» — сказалъ престарѣлый герцогъ своему адъютанту... Всѣ иностранцы, видѣвшіе костромскіе торжества — были также поражены такимъ единодушнымъ выраженіемъ народныхъ чувствъ къ Царю и ко всей Императорской фамиліи Дома Романовыхъ [1]). Народный энтузіазмъ превзошелъ всѣ ожиданія. Государь особенно тронутъ былъ восторженнымъ пріемомъ, оказаннымъ ему костромичами и во время прощальнаго параднаго обѣда на пароходѣ «Царь Михаилъ Феодоровичъ» выразилъ свое удовольствіе губернатору.

Организація празднованія Романовскаго юбилея въ предѣлахъ ввѣренной губернатору губерніи и обезпеченіе порядка и безопасности во время пребыванія тамъ Ихъ Величествъ со всѣми членами Императорской фамиліи — требовали большаго труда и административнаго опыта и умѣнія.

Служившій ранѣе Сувалкскимъ и Саратовскимъ губернаторомъ, назначенный въ Кострому всего лишь за три мѣсяца

---

[1]) Послѣ благополучнаго окончанія празднествъ въ Костромѣ — причастные къ нимъ чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ награждены были царскими подарками. На память о посѣщеніи Дворянскаго Собранія Государь пожаловалъ художественной работы вазу. Но этотъ скромный царскій подарокъ былъ, по иниціативѣ Вел. Кн. Маріи Павловны старшей, превзойденъ подаркомъ Костромскому дворянству отъ имени всей Императорской фамиліи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ губернаторъ вручилъ дворянству подарокъ Императорской фамиліи: это была серебряная статуя Ивана Сусанина, въ аршинъ высоты, стоящаго около массивнаго серебрянаго пня, выдолбленнаго внутри и вмѣщавшаго въ себѣ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго. Вся вешь была художественной работы фирмы Фаберже.

до торжествъ П. П. Стремоуховъ съ честью выполнилъ возложенныя на него исключительно отвѣтственныя обязанности въ историческій моментъ, когда взоры всей Россіи обращены были на Кострому.

Положеніе начальника этой губерніи, независимо административно-полицейскихъ хлопотъ, осложнялось и давно извѣстнымъ «оппозиціоннымъ» настроеніемъ... конечно не народа, а почти всей мѣстной такъ называемой интеллигентской «общественности», отъ которой не отставали и многіе полѣвѣвшіе г.г. костромскіе дворяне.

Стоитъ только вспомнить, что въ 1906 году, именно костромское дворянское собраніе демонстративно приняло въ свою среду всѣхъ лицъ [1]), исключенныхъ изъ дворянскихъ обществъ въ другихъ губерніяхъ за подписаніе этими дворянами революціонно-преступнаго «выборгскаго воззванія», призывавшаго весь народъ не платить налоговъ и не давать солдатъ въ армію — какъ протестъ противъ вполнѣ законнаго роспуска Государемъ Императоромъ мятежной I-й Государственной Думы [2]).

Въ Костромѣ отчужденіе «общества» отъ представителей власти было полнымъ, а въ Государственной Думѣ Костромская губернія была представлена исключительно лѣвыми: 2-мя «Прогрессистами» и 4-мя «Ка-Деками», прошедшими на выборахъ въ тѣсномъ блокѣ съ соціалъ-демократомъ большевикомъ Шаговымъ. Распропагандированный соціалистами, поощряемый въ 1906 г. заигрывавшими съ революціей московскими «ситцевыми князьями», рабочій-ткачъ съ фабрики Красильщикова, Н. Р. Шаговъ вошелъ въ IV-й Гос. Думѣ въ ту большевицкую «шестерку», въ которой «предсѣдательствовалъ» членъ Думы слесарь Р. Малиновскій — шляхтичъ полякъ, секретный агентъ Департамента Полиціи и воръ-взломщикъ, имѣвшій уголовную судимость за кражи, скрытую охраннымъ отдѣленіемъ при его выборахъ «отъ рабочихъ» Московской губерніи.

Имена прочихъ — мы также встрѣтимъ среди участниковъ погубившаго Россію февральскаго бунта 1917 года, а нѣкоторые отличились и особыми заслугами... передъ революціей.

Это были: «Прогрессистъ» и членъ будущаго революціоннаго «прогрессивнаго блока» — дворянинъ, предсѣдатель губернской земской управы, помѣщикъ Б. Н. Зузинъ; «ка-декъ» — дворянинъ, предсѣд. уѣздн. земск. управы, кинешемскій помѣ-

[1]) 20 декабря 1906 года, состоялся адресъ дворянства 31 губерніи съ протестомъ противъ этихъ дѣйствій Костромскаго дворянства. Совѣщаніе по поводу этого протеста послужило началомъ образованія совѣта объединеннаго дворянства, игравшаго впослѣдствіи большую роль.

[2]) Въ 1863 г. въ разгаръ польскаго мятежа, «передово» костромское дворянство, въ своемъ «адресѣ» Императору Александру II, ходатайствовало о предоставленіи Польшѣ полной автономіи!

щикъ, отставной офицеръ И. В. Шулешниковъ, — а въ 1916-1917 г.г. къ нимъ присоединился и предводитель дворянства Юрьевецкаго уѣзда Грибунинъ, извѣстный нынѣ, какъ участникъ революцiонной делегацiи думскихъ палачей, ѣздившихъ въ Ставку 4 марта 1917 года и беззаконно арестовавшихъ добровольно отказавшагося отъ престола Царя. Были и еще «к.-д.»: мелкiй землевладѣлецъ Галичскаго уѣзда А. Н. Мухинъ и помощникъ присяжн. повѣрен. изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ П. В. Герасимовъ, но всѣхъ ихъ затмилъ своими «революцiонными отличiями» прогрессистъ изъ московскихъ купцовъ, мануфактуръ-совѣтникъ и фабрикантъ А. И. Коноваловъ, будущiй Тов. Предсѣдателя Гос. Думы и «министръ» Временнаго Правительства «февралистовъ».

Одинъ изъ «текстильныхъ королей», этотъ Коноваловъ игралъ тогда въ оппозицiю, по извѣстному «торгово-промышленному образцу», не только въ блокѣ съ московскими Рябушинскими, Морозовыми, Четвериковыми, Гужонами и Ко, но еще болѣе политиканствовалъ и «повелѣвалъ» въ костромскомъ-кинешемскомъ раiонѣ своей коноваловской мануфактуры въ с. Вичугѣ, одной изъ самыхъ большихъ въ Имперiи.

Владѣльцы остальныхъ крупныхъ костромскихъ фабрикъ — Третьяковы, Сидоровы, Красильщиковы жили также въ Москвѣ, служившей когда-то влiятельнымъ центромъ стародворянской оппозицiи с.-петербургскимъ правящимъ кругамъ, но вслѣдствiе оскудѣнiя дворянства, превратившейся къ XX вѣку въ центръ анти-правительственнаго «либерализма» революцiонной общественности «разночинцевъ», среди которыхъ на первыя роли выдвинулись наиболѣе горячiя головы изъ торгово-промышленниковъ, еще со временъ героевъ Островскаго особенно склонныхъ къ личному произволу и самодурству.

Это купеческое самовольство «людей съ характеромъ», унаслѣдованное молодыми поколѣнiями московской плутократiи отъ ихъ предковъ — «волевыхъ людей» «выдвиженцевъ», проявлялось ими въ оппозицiи высшей власти при помощи тѣхъ капиталовъ, влiянiя и промышленнаго значенiя, которые были нажиты и прiобрѣтались ихъ дѣдами и отцами — всецѣло благодаря вѣковымъ заботамъ нашихъ Государей о процвѣтанiи промышленности и торговли и всяческому поощренiю государствомъ предпрiимчивости торговыхъ людей и промышленниковъ. Такъ было въ эпоху крѣпостнаго права, обезпечивавшаго фабрики дешевымъ трудомъ, а болѣе всего торгово-промышленники обогатились и подняли голову въ годы искусственнаго насажденiя промышленности виттевскою политикой послѣднихъ десятилѣтiй.

Но наживая свои богатства и капиталы за счетъ государ-

ства и благодаря покровительству правительства, наши капиталисты все чаще и рѣшительнѣе выявляли — властью этихъ же капиталовъ свою «оппозицію» государственной власти во всѣхъ ея видахъ, начиная отъ представителей ея въ губерніяхъ и столицахъ — до самого Державнаго Хозяина Земли Русской и Его министровъ. Типичнѣйшимъ изъ фрондирующихъ московскихъ младо-купчиковъ былъ А. И. Коноваловъ и хотя числился думскимъ «прогрессистомъ», но на самомъ дѣлѣ былъ лѣвѣе «к.-д.».

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ министерствомъ костромскому губернатору, къ 1913 году Коноваловъ былъ въ общеніи съ русскими революціонными центрами въ Швейцаріи и значительную часть отцовскаго наслѣдства израсходовалъ на революцію, впослѣдствіи-же выяснились связи его и съ циммервальцами. Департаментъ полиціи имѣлъ точныя свѣдѣнія, что вспыхивавшія на фабрикахъ забастовки происходили по директивамъ за-граничныхъ революціонеровъ, съ которыми Тов. Предсѣд. Гос. Думы Коноваловъ былъ въ тѣсной связи, при чемъ упоминалось и имя Ленина. Поддерживая рабочія стачки въ ихъ общемъ политическомъ объемѣ Коноваловъ себя застраховывалъ: онъ уговорилъ своихъ рабочихъ не бастовать, обѣщавъ имъ максимумъ тѣхъ условій, которыхъ рабочіе добьются на какой-либо изъ фабрикъ въ губерніи. Вычугскіе рабочіе согласились.

У всѣхъ были на фабрикахъ забастовки, а у тайнаго друга революціонеровъ работали: и невинность была сохранена, и капиталъ пріобрѣтенъ.

Всѣмъ извѣстна роль, которую Коноваловъ успѣлъ сыграть въ крушеніи Россіи 1917 года. Побывалъ онъ тогда и у власти, «м-ромъ торговли и промышленности» и теперь, вмѣстѣ съ прочими «революціонерами-капиталистами», можетъ себѣ сказать, что честолюбіе ихъ удовлетворено: не мало способствовали они гибели Родины и разоренію такъ щедро украшенной и благоустроенной ихъ отцами и дѣдами Москвы, а свои богатства и капиталы погубили безвозвратно.

«Вино власти» имѣетъ свои различные сорта, а опьяненіе «властью капитала» проявляется и у цивилизованнѣйшихъ «демократовъ» Америки и Европы — даже много чаще, чѣмъ у представителей власти въ монархіяхъ.

Но рѣдко гдѣ это «вино власти денегъ» доводило до такихъ уродливо-грубыхъ и безсмысленныхъ поступковъ и дѣяній-какъ въ средѣ лишь поверхностно окультуреннаго «россійскаго торгово-промышленнаго сословія...».

Костромской губернаторъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто наканунѣ романовскихъ празднествъ и

ярко характеризующій «оппозиціонные» пріемы будущаго «министра» Коновалова по отношенію къ офиціальнымъ носителямъ государственной власти.

Въ октябрѣ 1912 года «Бумаго-прядильная фабрика Наслѣдниковъ Коноваловыхъ» въ с. Вичугѣ, Кинешемскаго уѣзда, праздновала «свой юбилей»: столѣтіе со дня основанія предкомъ Коноваловыхъ ткацкой мастерской для поставокъ на армію въ 1812 году.

Глава фирмы, онъ-же товарищъ предсѣдателя Гос. Думы, А. И. Коноваловъ пригласилъ губернатора, камергера Выс. Двора Шиловскаго, на это юбилейное торжество.

Когда Шиловскій, въ придворномъ мундирѣ, пріѣхалъ въ губернаторскомъ вагонѣ на жел.-дор. станцію, то тамъ никто изъ представителей фабрики его не встрѣтилъ и губернаторъ нашелъ только присланный за нимъ экипажъ. Камергеръ Шиловскій усмотрѣлъ въ этомъ свойственное Коноваловымъ — пренебрежительное отношеніе къ офиціально прибывшему высшему представителю царской власти въ губерніи и тотчасъ возвратился въ Кострому.

Ожидавшіе губернатора на фабрикѣ Коновалова, его гости и депутація отъ рабочихъ поняли хозяйскую безтактность лишь когда увидѣли подъѣхавшую къ нимъ пустую коляску. Опьяненный «виномъ власти» — и денегъ, и своего новаго положенія члена Гос. Думы — Коноваловъ не только не нашелъ нужнымъ лично встрѣтить приглашеннего имъ-же самимъ представителя высшей власти, хотя станція находилась всего въ 3-хъ верстахъ, но даже не послалъ кого-нибудь изъ членовъ своей семьи.

Это была характерная выходка московскаго-оппозиціоннаго толстосума; пригласить почетнымъ гостемъ представителя власти и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что на эту власть ему «наплевать». Каковъ былъ привѣтъ, таковъ получился и отвѣтъ со стороны губернатора, хотя конечно онъ могъ найти и болѣе «дипломатическій выходъ»: поѣхать на фабрику, отслушать молебствіе, но отказаться посѣтить домъ ея владѣльца, т.е выразивъ уваженіе фирмѣ и ея дѣлу — подчеркнуть пренебреженіе къ невоспитанному человѣку... На Романовскихъ торжествахъ этотъ костромской «Текстильный Король», въ то время Товарищъ Предсѣдателя Гос. Думы и тайный союзникъ ленинскихъ «товарищей-революціонеровъ» — разумѣется отсутствовалъ.

Таковы были въ романовскіе юбилейные дни, въ «оппозиціонной» губерніи, — «революціонныя настроенія», трусливо и не безъ наглости выявляемыя ничтожными кучками нашихъ

доморощенныхъ якобинцевъ за спиною милліоновъ вѣрноподданнаго народа.

Наименованіе цѣлой Костромской губерніи «оппозиціонной» было весьма характерно для самихъ правительственныхъ органовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, многими министрами уже пріученныхъ къ преувеличенію политическаго значенія незначительныхъ сравнительно съ общею массою населенія кучекъ политиканствующей захолустной «общественности» съ участіемъ въ ней чиновниковъ «либеральныхъ вѣдомствъ» да проявлявшихъ свою блажь модернизованныхъ капиталистовъ.

Во время Костромскихъ торжествъ и за все продолжительное путешествіе по Волгѣ и до Москвы — Ихъ Величества и всѣ Члены Императорской фамиліи видѣли передъ собою милліоны кореннаго велико-русскаго населенія и всюду среди своего народа Государь и вся Его Семья непосредственно наблюдали и чувствовали какою искреннею преданностью, любовью къ Нимъ и вѣрностью преисполнены русскіе люди.

Государь и Его Семья вездѣ, въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, и днемъ, и вечеромъ, на празднествахъ и въ крестныхъ ходахъ — были среди народа и вплотную имъ окруженные молились съ нимъ въ старинныхъ церквахъ...

Передъ этими сплошными многотысячными толпами — какою безсильною представлялась та охрана въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которая сопровождала Государя въ путешествіи или наскоро организовалась мѣстными властями. Этихъ ничтожныхъ полицейскихъ силъ было бы совершенно недостаточно не только для предупрежденія массовыхъ безпорядковъ или революціонныхъ выступленій, но и для огражденія отъ террористическихъ актовъ, если-бы эсъ-эровскіе убійцы изъ-за угла осмѣлились на такое преступленіе передъ лицомъ всего народа...

Но ни одна изъ революціонныхъ партій не дерзнула ни на какія выступленія въ эти юбилейные дни единенія русскаго Царя съ его народомъ и все прошло въ удивительномъ спокойствіи и порядкѣ, необыкновенно празднично и торжественно.

Всюду было видно только безбрежное море истинно-русскихъ людей, благоговѣйно созерцавшихъ своего Государя, окруженнаго всѣми многочисленными представителями Августѣйшаго Дома Романовыхъ.

Вотъ что происходило въ сердцѣ Великой Россіи всего лишь за 4 года до ея предательства и крушенія... Все это было показательнымъ урокомъ для всѣхъ народностей Россійской Имперіи, для пресловутой ея «общественности», для правящихъ круговъ и правителей.

Въ Романовскіе юбилейные дни Царская Россія и ея подлинный народъ показали свое настоящее лицо.

Съ открытымъ лицомъ, яснымъ взоромъ вѣры и преданности не только за страхъ, но и за совѣсть — смотрѣли русскіе люди прямо въ глаза своему Царю, такъ именно, какъ солдаты несравненной императорской арміи, со временъ Великаго Петра, — всегда встрѣчали и провожали глазами своего Державнаго Вождя...

Съ юныхъ лѣтъ Государь Императоръ Николай Александровичъ зналъ и любилъ этотъ взглядъ, эти открытыя русскія лица и всегда на него отвѣчалъ чарующимъ взглядомъ довѣрія и любви своихъ царственныхъ глазъ, памятнымъ всѣмъ, кто хотя разъ въ жизни его на себѣ испыталъ.

Въ Ярославлѣ, Ростовѣ Великомъ и Переяславлѣ

Въ ночной темнотѣ и въ полной тишинѣ медленно удалялся царскій пароходъ отъ Костромы. Наслѣдникъ Цесаревичъ уже спалъ и на берегъ было дано знать, чтобы не безпокоили его сонъ безконечными «ура!»...

Утромъ 21 мая Государь прибылъ въ Ярославль. Государыня была настолько утомлена костромскими торжествами, что въ этотъ день не выходила къ завтраку, а наслѣдникъ чувствовалъ себя не здоровымъ и оставался неподвижно въ креслѣ.

Послѣ обычныхъ офиціальныхъ пріемовъ Государь посѣтилъ городской соборъ, Спасовъ монастырь и церкви: «Спаса на Бору» и «Св. Іоанна Крестителя». Въ монастырской ризницѣ Государь Николай II, будучи рѣдкимъ знатокомъ исторіи и древностей россійскихъ — особенно заинтересовался хранившимися тамъ старинными манускриптами, въ томъ числѣ рѣдчайшимъ оригиналомъ «Слова о полку Игоревѣ». Осмотрѣвъ выставку крестьянскихъ кустарныхъ издѣлій, Государь посѣтилъ затѣмъ старый Толгинскій монастырь, въ 9 верстахъ, на другомъ берегу Волги.

Въ 9 час. вечера Ихъ Величества съ Дѣтьми прибыли въ «Домъ помощи бѣднымъ», основанный въ память Императрицы Екатерины II, гдѣ присутствовали на раутѣ, устроенномъ дворянствомъ.

Съ чрезвычайными усиліями переносила Императрица свои недомоганія. Не будучи въ состояніи подняться въ первый этажъ, она просила ее внести на креслѣ въ залъ, гдѣ былъ торжественный пріемъ. На раутъ были приглашены, какъ дворяне, такъ и многіе представители прочихъ сословій. Здѣсь ярославцы особенно отличились организаціей очень интереснаго концерта русскихъ артистовъ «изъ народа», съ знаменитымъ теноромъ

Л. В. Собиновымъ, Н. В. Плевицкой и квартетомъ Кедровыхъ во главѣ. Солистъ Его Величества Леонидъ Витальевичъ Собиновъ происходилъ изъ крестьянъ Костромской губерніи, а Н. В. Плевицкая — крестьянка села Винникова, Курской губерніи, когда-то деревенская пастушка «Дежка», затѣмъ послушница монастыря, а впослѣдствіи — не превзойденная талантливая исполнительница подлинныхъ народныхъ пѣсенъ.

Въ началѣ концерта хоръ изъ учениковъ и ученицъ городскихъ школъ исполнилъ старинный екатерининскій гимнъ: «Славься симъ Екатерина, славься нѣжная къ намъ мать!»...

Несмотря на нездоровье — императрица оставалась до конца концерта. Государь особенно сердечно и горячо благодарилъ губернскаго предводителя дворянства князя И. А. Куракина.

Путешествіе по Волгѣ было закончено и вечеромъ того-же дня Ихъ Величества, по желѣзной дорогѣ, отбыли въ старый Ростовъ.

Завѣдывающій личною охраной Государя въ путешествіи ген. А. И. Спиридовичъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ, что пріемъ Ихъ Величествъ населеніемъ Ярославля отличался такой-же сердечностью и энтузіазмомъ, какъ и въ Костромѣ. Даже люди «лѣвыхъ убѣжденій», получившіе возможность видѣть близко Государя Императора Николая Александровича, Ему представляться и съ Нимъ говорить — были очарованы Его личностью, его простотою, мягкостью и исключительнымъ вниманіемъ въ обращеніяхъ и въ разговорѣ.

Тотъ-же авторъ отмѣчаетъ любопытный образецъ чрезмѣрнаго административнаго усердія — со стороны ярославскаго губернатора гр. Татищева [1]) и ярко обрисовываетъ картину той суеты и хлопотъ, которыми умѣли окружать царское путешествіе — преставители губернскихъ властей.

Оказывается въ дни приготовленія къ торжествамъ озаботились «весьма представительнаго, но скромнаго по способностямъ» губернатора гр. Татищева «усилить», прикомандировавъ не офиціально ему въ помощь гофмейстера Штюрмера, бывшаго когда-то тоже ярославскимъ губернаторомъ (Въ 1916 г. этотъ же Б. В. Штюрмеръ былъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ).

Не мало былъ пораженъ ген. Спиридовичъ, когда гр. Татищевъ объявилъ, что въ цѣляхъ «охраны» они уже распорядились принять самыя рѣшительныя мѣры въ отношеніи всѣхъ сколько-нибудь неблагонадежныхъ ярославскихъ обывателей: каждый «политически неблагонадежный» будетъ фактически подвергнутъ

---

[1]) Въ 1915 г. былъ назначенъ командиромъ Отд. Корпуса Жандармовъ. Бывшій преображенецъ.

«домашнему аресту», для чего передъ квартирою каждаго изъ нихъ будетъ поставленъ жандармъ.

Это распоряженіе гр. Татищева и Штюрмера подтвердилъ и начальникъ Ярославскаго губ. жандарм. управленія полк. Шульцъ, предъявившій ген. Спиридовичу списки этихъ «подозрительныхъ» обывателей и распредѣленіе жандармовъ въ нарядъ по постамъ около ненадежныхъ домовъ. Не малаго труда стоило ген. Спиридовичу убѣдить перестаравшагося губернатора въ нецѣлесообразности такихъ мѣръ вообще, а въ особенности — разъяснить крайне тяжелое впечатлѣніе на городское населеніе отъ подобнаго способа охраны Царя отъ всѣхъ, заподозрѣнныхъ мѣстными властями русскихъ людей. Гр. Татищевъ обѣщалъ отмѣнить это распоряженіе только тогда, когда ген. Спиридовичъ согласился въ присутствіи гофм. Штюрмера и полк. Шульца заявить, что всю отвѣтственность за отмѣну этихъ «домашнихъ арестовъ» — онъ беретъ на себя...

Но объѣзжая, по прибытіи Государя, Ярославль вмѣстѣ съ ген. Джунковскимъ они все-таки обнаружили у нѣкоторыхъ домовъ поставленныхъ гр. Татищевымъ жандармовъ и ген. Джунковскому пришлось вновь просить того-же губернатора ихъ убрать, всячески щадя его самолюбіе.

Такъ не довѣряли отвѣтственные носители власти въ губерніяхъ даже высшимъ чинамъ «охраны» послѣ катастрофическихъ послѣдствій безотвѣтственнаго хозяйничанія «охраннаго отдѣленія» въ Кіевѣ, результатомъ котораго было допущеніе охранниками на парадный спектакль террориста Богрова, который на глазахъ Государя смертельно ранилъ вѣрнѣйшаго слугу Царя и Россіи П. А. Столыпина 1 сентября 1911 года...

Во время юбилейныхъ торжествъ 1913 года надежнѣйшею охраною Царя былъ, какъ и всегда, самъ русскій народъ — вездѣ: въ Костромѣ и въ Ярославлѣ, въ Нижнемъ и въ самой Москвѣ.

Ростовъ Великій — такъ нѣкогда назывался нынѣшній скромный уѣздный городъ Ярославской губ., служившій до царствованія Екатерины II резиденціей одного изъ старѣйшихъ русскихъ митрополитовъ. Здѣсь 22 мая Государь съ Дѣтьми посѣтилъ имѣющій тысячелѣтнюю исторію Успенскій соборъ (послѣдней перестройки XV вѣка), осматривали музей въ старинномъ «бѣломъ залѣ» митрополичьяго дома съ башнями, называемыми «кремлевскими стѣнами» и слушали знаменитый «ростовскій звонъ» колоколовъ. Описывая религіозно-историческое значеніе и особенности колокольнаго звона на Руси профессоръ М. Скарабановичъ говоритъ: «звонъ церковныхъ колоколовъ — это само православное наше богослуженіе, выражаемое разнообразнымъ торжественнымъ звономъ».

Его Величество съ Дѣтьми долго стояли передъ колокольнею XV вѣка и слушали знаменитый своею оригинальной музыкальностью ростовскій колокольный звонъ старой Руси православной, артистически исполнявшійся звонарями, старавшимися поддержать вѣковую славу Ростова-Великаго. Мѣстный протоіерей о. Израилевъ болѣе 40 лѣтъ работалъ, изучая все разнообразіе оттѣнковъ самобытнаго музыкальнаго ростовскаго звона и воспроизвелъ его въ нотномъ переложеніи и въ особой коллекціи діапазоновъ, хранившейся въ музеѣ. Каждый звонъ имѣлъ здѣсь свои названія, какъ напримѣръ Іоанновскій, Егорьевскій, Акимовскій и пр., равно какъ и отдѣльные колокола именовавшіеся: Лебедь, Голодай, до извѣстныхъ и во всѣхъ русскихъ церквахъ «Поліелейнаго» и «Набатнаго» колоколовъ включительно, а большой колоколъ назывался «Сысой» — по имени отца митрополита Ростовскаго Іоны, которому когда-то Ростовъ былъ много обязанъ своимъ благоустройствомъ. Звонъ начинался «благовѣстомъ» въ большой колоколъ, затѣмъ входили малые колокола, подобранные цѣлыми гаммами, и постепенно наростая — звонили «во вся», т.е. во всѣ колокола, число которыхъ, какъ напримѣръ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ или на колокольнѣ Ивана Великаго въ Москвѣ доходило до 32, и тогда для полнаго звона требовалось не менѣе 9 звонарей. Повседневный звонъ именовался «будничнымъ», а наиболѣе тонкій по музыкальности исполненія былъ знаменитый праздничный «малиновый» звонъ въ продолженіе всей Пасхальной Недѣли.

Въ отдаленные годы музыка колокольнаго звона имѣлась въ нотныхъ записяхъ, но въ теченіе столѣтій эти записи были утеряны и звонари звонили уже «на память», передавая искусство своимъ преемникамъ «по слуху». Всѣ эти «звоны» и историческое ихъ происхожденіе подробно объяснялъ августѣйшимъ слушателямъ протоіерей Израилевъ...

Послѣ полудня Ихъ Величества посѣтили старинную деревянную церковь «На Ичнѣ». По мѣстнымъ преданіямъ эта церковьчудесно приплыла по р. Ичнѣ и ее поставили на холмѣ, на которомъ нѣкогда явился св. Іоаннъ Богословъ св. Амвросію и далъ ему молотъ, которымъ онъ разбилъ идола Велеса въ центрѣ г. Ростова.

Въ этой церкви вниманіе Ихъ Величествъ привлекала старинная рѣзная деревянная дверь XVI столѣтія, подаренная храму Борисоглѣбскимъ (Ростовскимъ) монастыремъ. Ихъ Величества выразили особенное сердечное вниманіе къ престарѣлому настоятелю храма. Бѣлый, какъ лунь, маленькій дряхлый старецъ-священникъ вышелъ на встрѣчу Царственныхъ богомольцевъ съ крестомъ въ трясущихся рукахъ. Онъ произно-

силъ слова молитвъ голосомъ, прерывавшимся отъ слезъ, катившихся по щекамъ. Принявъ его благословенiе Ихъ Величества поцѣловали руку священника и принесли въ даръ этой церкви великолѣпную чашу для причастiя и облаченiя для духовенства.

Флигель-адъютантъ Свѣчинъ разсказывалъ, что никогда онъ не видѣлъ на лицѣ Императрицы Александры Феодоровны такого нѣжнаго, мягкаго и трогательнаго выраженiя, какъ въ тѣ минуты, когда она смотрѣла на этого скромнаго старца-священника изъ глухого уголка Костромской губернiи.

Императорскiе автомобили удалялись въ облакахъ пыли внизъ по холму среди зелени хлѣбныхъ полей, а старенькiй священникъ все еще виднѣлся на горѣ у открытыхъ дверей его церкви, продолжая осѣнять крестомъ Ихъ Величествъ подъ нѣжный звонъ немногихъ колоколовъ древняго храма «На Ичнѣ»... Вечеромъ Государь съ Дочерьми были у всенощной въ Соборѣ Преображенiя въ Ростовскомъ Кремлѣ и молились, окруженные наполнявшими храмъ богомольцами изъ народа. Съ особеннымъ религiознымъ усердiемъ молились здѣсь простые русскiе люди вмѣстѣ со своимъ Царемъ и Его Дѣтьми — передъ старинными иконами историческаго собора подъ древнiе напѣвы православныхъ молитвъ. По пути въ Москву, 23 мая Государь посѣтилъ Переяславское озеро, гдѣ въ старинной помѣщичьей усадьбѣ, въ живописной мѣстности надъ озеромъ, дворянство Владимiрской губернiи принимало Высокихъ гостей. Флотилiя парусныхъ рѣчныхъ яхтъ и лодокъ на Переяславскомъ озерѣ напоминала каждому, какъ 200 лѣтъ тому назадъ Великiй Петръ положилъ здѣсь начало славному Императорскому Россiйскому флоту...

Государыня Императрица настолько чувствовала себя нездоровой, что совершенно не выходила изъ вагона, куда къ ней приглашена была въ тотъ день А. А. Вырубова, прiѣхавшая въ Переяславль по особому приглашенiю владимiрскаго дворянства...

Въ этотъ-же день Ихъ Величества отбыли въ Москву и по пути посѣтили подмосковныя святыни въ Троице-Сергiевской Лаврѣ.

Ихъ Величества и члены Императорской Фамилiи въ Первопрестольной Москвѣ.

Съ утра 24 мая первопрестольная Москва готовилась къ торжественной встрѣчѣ Государя Императора, которою начинался первый день московскихъ юбилейныхъ Романовскихъ празднествъ. Ожидали прибытiя Царя съ Александровскаго вокзала, у Тверской заставы. Столица была богато украшена

флагами. Задолго до царскаго пріѣзда, всѣ члены Императорской фамиліи — великіе князья и княгини съ ихъ свитами, многочисленные придворные чины въ ихъ блестящихъ мундирахъ, военные и гражданскіе начальствующія лица въ парадной формѣ — собрались на платформѣ Императорскаго павильона.

Тутъ же выстроенъ былъ почетный караулъ, на правомъ флангѣ котораго находился командующій войсками Московскаго военнаго округа ген. отъ кавалеріи П. А. фонъ Плеве, особенно отличившійся въ началѣ войны 1914 г., когда онъ командовалъ доблестною V-й арміей. По Тверской, до самаго Кремля, вдоль одной стороны улицы построились юнкера военныхъ училищъ, кадетскіе корпуса, пѣхотные и кавалерійскіе полки и артиллеристы. За ними и вдоль противоположной стороны Тверской — стали цѣпью, поддерживавшіе образцовый порядокъ городовые московской столичной полиціи, подъ командою своихъ офицеровъ-полицеймейстеровъ и участковыхъ приставовъ.

За ними — безчисленныя толпы сотенъ тысячъ москвичей, а болѣе всего — рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ, объявившихъ этотъ день праздничнымъ. Въ этой безконечной народной толпѣ, плотно покрывавшей не только тротуары Тверской, но и поперечныя къ ней улицы и площади — первые ряды заняты были, по особому росписанію «сотнями» и «десятками» извѣстной добровольной народной охраны. Существовавшая только въ Москвѣ добровольная охрана обычно созывалась патріотическими организаціями для поддержанія уличнаго порядка во время царскихъ пріѣздовъ, подъ руководствомъ своихъ «тысяцкихъ», «сотниковъ» и «десятскихъ», избираемыхъ въ это почетное званіе изъ числа извѣстныхъ представителей средняго московскаго торгово-промышленнаго класса, а болѣе всего изъ членовъ «обществъ хоругвеносцевъ» московскихъ церквей и кремлевскихъ соборовъ. Эта добровольная народная охрана возникла въ эпоху «священной дружины» 1881 года и ничего общаго не имѣла съ «союзомъ русскаго народа» и т. п. политическими организаціями, появившимися лишь послѣ 17 октября 1905 года.

Въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, во время коронаціонныхъ торжествъ, число членовъ московской добровольной народной охраны превышало 80.000 человѣкъ и она оказывала весьма существенную помощь полиціи по поддержанію порядка среди сотенъ тысячъ стихійно толпившихся по пути слѣдованія Царя москвичей и съѣзжавшихся въ Москву на торжества подмосковныхъ крестьянъ.

Въ 4 часа пополудни подошелъ Императорскій поѣздъ. Послѣ офиціальныхъ пріемовъ начальствующихъ лицъ и пред-

ставителей общественныхъ учрежденій, Государь прослѣдовалъ черезъ декорированныя «Императорскія комнаты» вокзала и обойдя почетный караулъ — сѣлъ на коня.

Блестящая, давно не виданная москвичами свита на коняхъ сопровождала Царя: всѣ великіе князья, генералитетъ, свитскіе и штабные офицеры, многіе придворные чины — также верхомъ и всѣ въ парадныхъ мундирахъ, особенно красивыхъ и разнообразныхъ въ тотъ годъ, вслѣдствіе возстановленія въ кавалеріи старой формы гусарскихъ, уланскихъ и кирасирскихъ полковъ эпохи Александра II и дарованія новой формы всей арміи.

Непосредственно за сопровождавшею Государя кавалькадой слѣдовала Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ открытой коляскѣ съ двумя русскими красавцами лейбъ-казаками позади — въ ихъ традиціонной придворной ливреѣ. Въ слѣдующихъ придворныхъ экипажахъ размѣстились Дочери ихъ Величествъ и Великія княгини.

Оглушительное московское народное «ура!» слилось съ гимномъ военныхъ оркестровъ и «краснымъ праздничнымъ звономъ» всѣхъ сорока-сороковъ церквей древней столицы. Съ благоговѣніемъ и восторгомъ, съ непокрытыми головами и радостными лицами встрѣчалъ народъ московскій Государя Императора Николая Александровича — также, какъ въ былые годы, за всѣ триста лѣтъ царствованія династіи Романовыхъ встрѣчали москвичи своихъ русскихъ Царей-Самодержцевъ: и Великаго Петра, и Благословеннаго Александра I — побѣдителя Наполеона-Бонапарта и Александра II — Освободителя крестьянъ и славянства; и народолюбца богатыря русскаго — Александра III — Миротворца. По всей Большой Тверской-Ямской, отъ александровской тріумфальной арки, построенной въ память изгнанія изъ Москвы полчищъ галловъ и «двадесяти языкъ», до Воскресенскихъ-Иверскихъ воротъ этотъ торжественный царскій въѣздъ сопровождался восторженнымъ, неподдающимся описанію энтузіазмомъ сплошной многотысячной толпы ликующихъ русскихъ людей.

Легкою рысью, почти шагомъ шелъ конь Государя, впереди блестящей исторической свиты. Склонялись знамена старыхъ полковъ московскаго гарнизона, гудѣло перекатное оглушительное русское «ура!», при чемъ особенно выдѣлялись звонкіе голоса выстроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ десятковъ тысячъ дѣтей изъ многочисленныхъ городскихъ школъ и учащейся молодежи среднихъ учебныхъ заведеній.

Государь отвѣчалъ на привѣтствія своимъ царственнымъ взглядомъ на обѣ стороны пути, все время прикладывая руку

къ козырьку фуражки. Девятилѣтній Наслѣдникъ-Цесаревичъ въ военной формѣ — неустанно отдавалъ честь на обѣ стороны, совершенно также, какъ Его Державный Отецъ.

Императрица и Великія княжны — безпрерывно кланялись народу, новыми взрывами безконечнаго «ура!», отвѣчавшему на царственныя привѣтствія.

Передъ часовнею Иверской Иконы Божіей Матери Государь слѣзъ съ коня и съ Императрицею, Наслѣдникомъ и Дочерьми молился передъ Чудотворной Московскою Святыней[1]... Прорвавши тройные ряды проволочныхъ канатовъ и всѣ полицейскіе наряды, народъ окружилъ сплошною стѣною Государя и экипажи Императрицы съ Дѣтьми и съ благоговѣніемъ сопровождалъ ихъ до Красной площади. Около Спасскихъ воротъ Московскаго Кремля, подъ звонъ колоколовъ храма Василія Блаженнаго, Царь былъ встрѣченъ крестнымъ ходомъ изъ всѣхъ Кремлевскихъ Соборовъ — со святыми иконами и множествомъ ослѣпительно-блестѣвшихъ хоругвей, предшествуемыхъ митрополитомъ, епископами и духовенствомъ въ дорогихъ праздничныхъ облаченіяхъ.

Царь и вся Его свита спѣшились и съ крестнымъ ходомъ, снявъ головные уборы, прослѣдовали въ Кремль, черезъ чтимыя въ Москвѣ Святыя ворота Спасской башни, входя въ которыя каждый русскій соблюдалъ освященный вѣками обычай старины, выраженный словами поэта:

Кто Царь-колоколъ подниметъ?
Кто Царь-пушку повернетъ?
Кто, гордецъ, шляпы не сниметъ
У Кремля Святыхъ воротъ?

Государь въ сопровожденіи Императрицы съ Дѣтьми и всей Императорской фамиліи вошли въ Архангельскій Соборъ и преклонивъ колѣна — молились передъ гробницею Царя Михаила Феодоровича — державнаго предка Романовыхъ.

Государь Императоръ Николай Александровичъ собственноручно возжегъ и поставилъ передъ гробницею двѣ свѣчи. Помолясь въ соборѣ Ихъ Величества прослѣдовали въ Императорскій Кремлевскій Дворецъ, гдѣ и имѣли пребываніе въ послѣдующіе дни юбилейныхъ московскихъ празднествъ.

Пасхальнымъ звономъ всѣхъ московскихъ колоколовъ на-

---

[1]) Въ ночь на 31 іюля 1929 г. совѣтскими властями была разрушена и снесена до основанія старинная часовня Иверской Божіей Матери у Воскресенскихъ воротъ въ Москвѣ, построенная въ 1669 г. Особо чтимая москвичами икона перенесена въ церковь «Св. Николая въ Хлыновѣ», въ Хлыновскомъ тупикѣ между Никитской ул. и Леонтьевскимъ переулкомъ.

чался день 25 мая, высокоторжественный день рожденія Императрицы Александры Феодоровны. Въ 11 часовъ утра въ Кремлевскомъ Дворцѣ состоялся рѣдкій для Москвы Большой Высочайшій выходъ, съ присущимъ ему особо торжественнымъ придворнымъ церемоніаломъ.

Ни при одномъ изъ европейскихъ дворовъ не было такихъ равныхъ по величію, блеску и великолѣпію придворныхъ торжествъ, какъ Высочайшіе выходы Русскаго Царя и въ особенности традиціонныя шествія Ихъ Величествъ съ Краснаго Крыльца въ Успенскій Соборъ и Чудовъ Монастырь.

Ихъ Величества въ сопровожденіи всѣхъ членовъ Императорской фамиліи слѣдовали, въ предшествіи высшихъ чиновъ Императорскаго Двора — по обширнымъ историческимъ заламъ Дворца, переполненнымъ представителями дворянства, городскихъ сословій, гвардіи, арміи и флота, прибывшихъ по именнымъ приглашеніямъ и «повѣсткамъ» Министерства Двора. Въ Георгіевскомъ залѣ депутація отъ дворянства всѣхъ россійскихъ губерній — поднесла Его Величеству юбилейную «грамоту» въ серебряномъ, искусной работы, ларцѣ русскаго стиля XVII вѣка, украшенномъ эмалью съ окошечками изъ дымчатаго топаза.

На передней сторонѣ ларца были тонкой работы портреты на эмали: Царя Михаила Феодоровича, его отца — патріарха Филарета Никитича и матери — инокини Марфы Ивановны. Ихъ печати были изображены на противоположной сторонѣ. На верху крышки — гербъ Дома Романовыхъ, по ея угламъ — старинные двуглавые орлы, а по всей ея поверхности — львы и голуби, символы силы и мира.

Вокругъ крышки ларца было выгравировано: «Помазаннику Божію Самодержцу Всероссійскому Государю Императору Николаю Александровичу отъ его вѣрноподданнаго россійскаго дворянства по случаю трехсотлѣтія славнаго царствованія Дома Романовыхъ».

Ларецъ былъ поставленъ на блюдѣ-подносѣ изъ мамонтовой кости съ гравированными государственными гербами и райскими птицами — въ старо-русскомъ вкусѣ. По серединѣ: «1613-1913».

Вдоль краевъ изъ массивнаго серебра — надпись: «25 мая 1913 г поднесенъ былъ на блюдѣ семъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ Его Величеству Государю Императору Николаю Александровичу ларецъ, заключающій въ себѣ грамоту, которою дворянство россійское желало выразить вѣрноподданническія свои чувства по случаю 300-лѣтней годовщины начала царствованія династіи Романовыхъ».

Вся эта артистическая работа, по проекту и подъ наблюденіемъ художника С. Т. Вашкова была выполнена русскими мастерами на фабрикѣ серебрянныхъ издѣлій и церковной утвари торговаго дома «П. И. Оловянишникова сыновья» въ Москвѣ.

Находившаяся внутри ларца юбилейная грамота въ видѣ стариннаго пергаментнаго свитка была прикрѣплена къ амарантовому древку, концы ея были съ золотыми украшеніями, а въ верхней части — старинныя виньетки, по серединѣ которыхъ изображенъ портретъ Царя Михаила Феодоровича, какимъ онъ былъ въ годъ своего коронованія на царство: въ мантіи, украшенной драгоцѣнными жемчугами и въ историческомъ царскомъ головномъ уборѣ — Шапкѣ Мономаха. Нижняя часть этой хартіи-грамоты была на золотисто-алой подкладкѣ съ украшеніями и рисунками, скопированными съ исторической «*Утвержденной Грамоты Великаго Московскаго Церковнаго и Земскаго Собора 1613 года о призваніи на Царство Михаила Феодоровича Романова*».

«... Быти такъ во всемъ по тому, какъ въ Утвержденной Грамотѣ писано...», сказано было въ грамотѣ, подписанной въ 1613 году митрополитомъ, епископами и прочими чинами военными и гражданскими. Для вящаго подтвержденія, въ день 300-лѣтняго юбилея этого всероссійскаго клятвеннаго обѣщанія въ вѣрности на вѣки вѣчныя, «въ роды и роды» Царямъ династіи Дома Романовыхъ — полномочные представители 50-ти губерній Россіи, въ которыхъ существовали выборныя дворянскія сословныя самоуправленія, скрѣпили всеподданнѣйше подносимую ими юбилейную грамоту печатями всѣхъ 50 губерній.

Эти 50 печатей были прикрѣплены на массивныхъ шелковыхъ шнурахъ къ нижнему краю грамоты, при чемъ печати С.-Петербурга и Москвы были изъ золота, а всѣхъ прочихъ губерній — гравированы на драгоцѣнныхъ уральскихъ камняхъ...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, какъ эту — «Клятву вѣрности сдержали» въ тяжкую годину ниспосланнаго черезъ четыре года на Русь испытанія нѣкоторые представители тогоже дворянства — въ Февральскіе-Мартовскіе дни 1917 года, начиная отъ главарей заговора — князя Г. Львова и потомственнаго дворянина П. Милюкова, до его исполнителей: камергера М. Родзянко и «монархиста» В. Шульгина съ главковерхами — генералъ-адъютантами.

Высочайшій выходъ продолжался и въ слѣдующихъ залахъ дворца склонялись передъ Царемъ со всеподданнѣйшими при-

вѣтствіями: Московское именитое купечество и представители прочихъ сословій и общественныхъ самоуправленій, дарованныхъ Россіи августѣйшимъ Дѣдомъ Государя Николая II.

Но вотъ Государь показался на Красномъ Крыльцѣ и мигомъ вся Царская площадь, между Кремлевскими соборами, а затѣмъ и всѣ прилегающія площади Кремля огласились народнымъ «ура!», заглушившимъ даже звонъ «большого» колокола Ивана Великаго, сливавшимся съ гимномъ «Боже Царя Храни» военныхъ оркестровъ.

Повторялись незабываемое зрѣлище явленія Русскаго Царя своему народу въ старомъ Кремлѣ и сердечныя неподдѣльныя народныя выраженія вѣрноподданическихъ чувствъ своему Монарху, — тѣ-же памятныя дѣдамъ и отцамъ, разсказываемыя ими внукамъ и сыновьямъ — картины и пережитое, какъ это бывало на протяженіи столѣтій въ Москвѣ.

Такъ было въ дни священнаго коронованія Ихъ Величествъ въ 1896 году, было такъ и въ коронованіе Императора Александра III въ 1883 г., Императора Александра II въ 1856 году. Было такъ всегда, когда былъ Царь со своимъ народомъ и народъ русскій — со своимъ роднымъ православнымъ Царемъ. Такъ было по всей Руси необъятной, но нигдѣ не превзойденное величественное зрѣлище этого торжественнаго единенія Царя съ народомъ русскіе люди могли видѣть и чувствовать всею душею и всемъ сердцемъ своимъ только въ такіе дни — когда среди святынь древняго московскаго Кремля Самодержецъ Всероссійскій кланялся своему народу съ Краснаго Крыльца.

На верхнихъ ступеняхъ крыльца шествіе остановилось. Государь Императоръ Николай Александровичъ трижды медленно и глубоко поклонился народу... Подъ бурные раскаты еще болѣе мощнаго «ура!» Ихъ Величества спускались внизъ къ традиціонному помосту съ перилами, покрытому краснымъ сукномъ, ведущему къ южнымъ дверямъ Успенскаго Собора, мимо отдающаго императорскія почести караула со знаменемъ на старой кремлевской дворцовой гауптвахтѣ. У нижнихъ ступеней лѣстницы Краснаго Крыльца Государь принялъ хлѣбъ-соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ, поднесенную депутаціей отъ крестьянскихъ обществъ, многочисленные представители которыхъ сплошь заполняли внутреннюю площадь между соборами — со своими должностными лицами: сельскими старостами и волостными старшинами. Среди нихъ было не мало георгіевскихъ кавалеровъ — за войны 1877-1878 и 1904-1905 г.г., многіе имѣли медали «за усердіе», въ память св. коронованія 1883 и 1896 г.г., а нѣкоторые старики были въ традиціонныхъ жалованныхъ крестьянскихъ кафтанахъ съ позу-

ментами — за долголѣтнюю службу въ выборныхъ должностяхъ или въ церковныхъ старостахъ.

Послѣ молебствія въ Успенскомъ Соборѣ императорское шествіе продолжалось мимо колокольни Ивана Великаго въ Чудовъ Монастырь и наполнявшія Кремль толпы народа также имѣли возможность видѣть всю Царскую Семью и привѣтствовать новыми безконечными «ура!».

Несмотря на чрезвычайное утомленіе торжествами, о чемъ свидѣтельствовали красныя пятна на ея лицѣ, Императрица стойко переносила недомоганіе и слѣдовала всюду за Государемъ, поражая всѣхъ царственнымъ величіемъ. Наслѣдникъ-Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ настолько былъ слабъ въ этотъ день, что во время торжественнаго шествія его несъ на рукахъ рослый кубанскій казакъ конвоя Его Величества. Съ выраженіями особаго состраданія и сердечнаго сочувствія относились толпы народа къ болѣзненному виду Цесаревича и можно было видѣть, какъ многіе со слезами на глазахъ осѣняли его издали крестнымъ знаменіемъ...

Послѣ полудня Государь съ Дѣтьми посѣтилъ Романовскую юбилейную выставку въ Грановитой палатѣ, Вознесенскій женскій монастырь и домъ бояръ Романовыхъ на Варваркѣ. Вечеромъ въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ состоялся парадный обѣдъ, на которомъ было нѣсколько сотъ приглашенныхъ — какъ высшихъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, такъ и представителей дворянства, городскаго и земскаго общественнаго самоуправленія, московскаго купечества и прочихъ сословій.

26 мая Государь принималъ многочисленныя депутаціи, различныхъ обществъ и учрежденій и посѣтилъ Московское купеческое Общество. Здѣсь чествовали Царя и приносили всеподданнѣйшія поздравленія наиболѣе видные представители московскаго торгово-промышленнаго сословія.

То были сыновья и внуки изстари славнаго своимъ патріотизмомъ «московскаго именитаго купечества», которое все вышло изъ рядовъ русскаго крестьянства и въ старые годы отличалось такой-же беззавѣтной преданностью и любовью къ своимъ Царямъ, какъ и весь подлинный русскій народъ — крестьянство, всегда составлявшее боле девяти-десятыхъ населенія Россійской Имперіи.

Офиціальное представительство торгово-промышленной Москвы еще находилось въ рукахъ старо-московскаго купечества, съ Крестовниковыми-Найденовыми во главѣ. Но здѣсь-же были и тѣ окультуренные по «за-границамъ», давно промѣнявшіе вѣру отцовъ на «религію революціи» младо-купчики, которые, начавъ проявлять свои торгово-промышленные сим-

патіи къ «завоеваніямъ» всякихъ свободъ еще въ 1905 г., заключили свою самоубійственную карьеру финансированіемъ революціи и участіемъ въ «заговорчикахъ» 1916 г. и въ тыловой смутѣ 1917 года — въ лицѣ Коноваловыхъ, Рябушинскихъ, Морозовыхъ, Четвериковыхъ и имъ подобныхъ. Имена этихъ двуличныхъ «коммерціи и мануфактуръ совѣтниковъ», банкировъ, фабрикантовъ и представителей «не-торгующаго купечества» — мы находимъ не только въ рядахъ членовъ московскаго купеческаго собранія, всеподданнѣйше поздравлявшихъ Русскаго Царя, но даже въ числѣ гостей, удостоенныхъ приглашенія на балъ въ Высочайшемъ присутствіи — въ Московскомъ Дворянскомъ Собраніи.

Вечеромъ 26 мая состоялся этотъ историческій балъ въ колонномъ залѣ «Россійскаго Благороднаго Собранія», послѣдній балъ на которомъ августѣйшими гостями московскаго дворянства были Ихъ Величества съ дочерьми и всѣ члены Императорской Фамиліи Дома Романовыхъ.

Московскій «дворянскій балъ» своимъ великолѣпіемъ и оживленіемъ превзошелъ такой-же былъ с.-петербургскаго дворянства.

Ослѣпительно бѣлый колонный залъ былъ весь въ роскошныхъ цвѣтахъ и зелени. Вся старая дворянская Москва была тамъ. Были гостями дворянства и многіе представители московскаго именитаго купечества, съ женами и дочерьми, выдѣлявшимися роскошью парижскихъ туалетовъ и своими бриллiантами, изумрудами и жемчугами.

Подъ звуки полонеза изъ «Жизни за Царя» въ первой парѣ шла Государыня Императрица съ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства А. Д. Самаринымъ, а въ слѣдующей парѣ Государь съ А. В. Базилевской. Далѣе шли въ парахъ полонеза Великіе князья, Вел. княгини и почетные гости. Особенно всѣхъ восхищали — юныя Царскія дочери Ольга и Татьяна Николаевны. Хорошо знакомый Москвѣ еще съ дѣтства красивый и изящный въ своемъ красномъ конно-гвардейскомъ мундирѣ Великій князь Димитрій Павловичъ привлекалъ всеобщее вниманіе, также какъ и давній любимецъ Москвы Великій князь Борисъ Владиміровичъ — въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка. Балъ открывали вальсомъ Вел-княжны Ольга и Татьяна Николаевны. Вел. кн. Дмитрій Павловичъ танцовалъ со своею сестрой Вел. кн. Маріей Павловной — впервые входившій тогда въ моду вальсъ-бостонъ. Балъ продолжался съ особеннымъ, чисто московскимъ оживленіемъ и непринужденностью. Въ залахъ выдѣлялся гигантскимъ ростомъ прибывшій на московскія торжества Вел. кн. Николай Николаевичъ...

Государь Императоръ и великія княжны отбыли въ 2 часа утра. Долго еще танцовали и балъ закончился ужиномъ, на которомъ присутствовали великіе князья и великія княгини.

Москва и любила, и умѣла праздновать и веселиться, но на этомъ историческомъ балу — презошла самое себя...

27 мая, подъ несмолкаемое «ура!» москвичей, въ послѣдній разъ наводнившихъ улицы по пути Царскаго проѣзда изъ Кремля къ Николаевскому вокзалу, Ихъ Величества со всею семьею отбыли изъ Москвы...

Не мало потрудившіеся за время пребыванія Государя въ Москвѣ чины московской столичной полиціи удостоились особой Высочайшей благодарности, царскихъ подарковъ офицерамъ и денежныхъ наградъ — околоточнымъ назирателямъ и городовымъ. Градоначальникъ генералъ-маіоръ А. А. Андріановъ былъ пожалованъ назначеніемъ въ Свиту Его Величества...

Долго еще по возвращеніи «домой» въ Царское Село Ихъ Величества съ Дѣтьми и близкіе Имъ лица свиты вспоминали о чудныхъ незабываемыхъ дняхъ путешествія по Волгѣ, посѣщенія Костромы, о Московскихъ празднествахъ, а болѣе всего и отраднѣе — были воспоминанія о непосредственномъ общеніи Царской Семьи съ простымъ русскимъ народомъ, всюду встрѣчавшимъ Государя любящимъ преданнымъ взглядомъ, съ молитвою и крестнымъ знаменіемъ — благоговѣя передъ Царемъ-Помазанникомъ Божіимъ...

Не было-ли все это видѣнное, слышанное, душевно-пережитое лучшимъ доказательствомъ истинной неподдѣльной любви и преданности широкихъ массъ русскаго народа къ своему Царю? — говоритъ особо внимательно и близко наблюдавшій народъ по всему царскому пути ген. А. И. Спиридовичъ (стр. 356, т. II его книги: General Alexandre Spiridovitch «Les Dernières années de la Cour de Tzarskoie-Selo»).

«Народъ любитъ насъ...» — часто говорила императрица своимъ приближеннымъ во время этого путешествія...

Правда, въ придворныхъ кругахъ замѣчалось проявленіе скептическаго отношенія къ народнымъ восторгамъ и къ изъявленіямъ вѣрноподданническихъ чувствъ сословіями и общественными учрежденіями...

Въ С.-Петербургскомъ «свѣтѣ», и въ его «салонахъ», какъ и встарь, сплетничали и интриговали... по традиціи всѣхъ «свѣтскихъ» людей, ихъ гостинныхъ и салоновъ — во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Но какое ничтожество представляли эти сотни «праздноболтающихъ» и все осуждающихъ великосвѣтскихъ и иныхъ, внѣ салонныхъ болтуновъ-интригановъ, такъ называемыхъ «людей общества» — въ сравненіи со сто-милліонной массой

всего русскаго народа, въ любви и вѣрности котораго такъ были всегда увѣрены Государь Императоръ Николай Александровичъ и Императрица Александра Феодоровна?

Искренне религіозно настроенная Государыня-мученица смотрѣла на всю эту юбилейную Ихъ поѣздку — какъ на путешествіе по «святымъ мѣстамъ Великой Руси православной». Любуясь съ парохода панорамою обоихъ береговъ Волги Императрица отмѣчала каждую самую отдаленную церковку и по ея распоряженію въ каждую такую церковь были отправлены Высочайше пожалованные предметы церковной утвари и облаченія для духовенства...

Государь Императоръ Николай Александровичъ и пріявшая вмѣстѣ съ нимъ мученическую кончину со всею Семьею его Августѣйшая Супруга Александра Феодоровна — въ своемъ русскомъ народѣ не ошибались.

Вѣру и вѣрность свою народъ русскій доказалъ въ первые дни не бывалой, величайшей изъ войнъ въ 1914 году, когда по одному слову своего Царя милліоны лучшихъ сыновъ Россіи встали въ ряды доблестныхъ царскихъ полковъ на защиту единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ сербовъ... И мы знаемъ теперь — какими *не русскими руками* совершено екатеринбургское злодѣяніе и кто именно изъ стремившихся къ власти, всегда стоявшихъ очень далеко отъ народа и давно отошедшихъ отъ русской народности представителей такъ называемаго «общества» — предалъ Царя въ 1917 году и попустительствовалъ лишенію свободы и мучительствамъ всей Царской Семьи.

Народъ-же русскій — подлинные русскіе люди, потомки тѣхъ, кто всенародно въ 1613 году призвалъ на царство перваго Царя изъ Дома Романовыхъ — всѣ и всегда свято хранили и соблюдали ту клятву вѣрности, которую за весь народъ подписали 300 лѣтъ тому назадъ его духовные и гражданскіе вожди въ Царствующемъ градѣ Москвѣ на Великомъ Церковномъ и Земскомъ Соборѣ всея Руси...

Въ наше время кроваваго сатанинскаго мрака болѣе чѣмъ когда-либо необходимо ясно и опредѣленно напомнить русскимъ людямъ о тѣхъ подлинныхъ и незыблемыхъ Святыхъ Завѣтахъ Россіи, о которыхъ сознательно и преступно молчатъ руководители «общественнаго мнѣнія».

Эти Завѣты запечатлѣны на цѣлыя столѣтія въ приводимой ниже общенародной клятвенной Грамотѣ, въ которой исчерпывающе выражена не только подлинная воля Русскаго Народа, но и воля Божія.

Эту Грамоту должны знать всѣ Русскіе люди. Для всѣхъ

ихъ она имѣетъ силу святого и навѣки нерушимаго родительскаго благословенія.

Утвержденная грамота Великаго Московскаго Церковнаго и Земскаго Собора 1613 года о призваніи на царство Михаила Феодоровича Романова:

«Послалъ Господь Свой Святый Праведный Духъ въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ, яко едиными усты вопіяху, что быти на Владимірскомъ и Московскомъ и на всѣхъ государствахъ Россійскаго Царства Государемъ и Царемъ и Великимъ Княземъ Всея Россіи Самодержцемъ, Тебѣ, Великому Государю Михаилу Феодоровичу — цѣловали всѣ Животворный Крестъ и обѣтъ дали, что за Великаго Государя, Богомъ почтеннаго, Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича Всея Россіи Самодержца, и за Благовѣрную Царицу и Великую Княгиню, и за Царскія Дѣти, которыя Имъ, Государемъ, впредь Богъ дастъ, души своя и головы положити и служити Имъ, Государямъ нашимъ, Вѣрою и правдою, всѣми душами своими и головами»...

«Прочтоша сію Утвержденную Грамоту на Вселенскомъ Соборѣ и выслушавъ на большее во вѣки укрѣпленіе — быти такъ во всемъ и тому, какъ въ сей Утвержденной грамотѣ писано. А кто убо не похощетъ послушати и сего Соборнаго Уложенія, его же Богъ благослови, и начнетъ глаголати ино и молву въ людяхъ чинити и таковы, аще отъ священныхъ чину и бояръ Царскихъ синклитъ, и воинскихъ или инъ кто отъ простыхъ людей, и въ какомъ чину ни буди, по священнымъ правиламъ Св. Апостолъ и Вселенскихъ седми Соборовъ Св. Отецъ, и Помѣстныхъ и по Соборному Уложенію сего Священнаго Собора, — чину своего изверженъ будетъ и отъ Церкви Божіей отлученъ и Св. Христовыхъ Тайнъ пріобщенія, яко раскольникъ Церкви Божіей и всего Православнаго Христіанства мятежникъ и разоритель Закона Божія; а по Царскимъ законамъ месть воспріиметъ, и нашего смиренія и всего освященнаго Собора не буде на немъ благословеніе отнынѣ и до вѣка».

«Да будетъ твердо и неразрушимо въ предыдущія лѣта въ роды и роды, и не прейдетъ ни едина черта отъ написанныхъ въ ней...».

«Подписана Митрополитами, Архіепископами, Епископами и прочими чинами духовными и гражданскими».

Вотъ откуда пошла сила Великой Россіи, которая за триста лѣтъ управленія Царями изъ Дома Романовыхъ превратилась въ самое большое государство въ мірѣ — оплотъ Святой Православной Вѣры Христовой на землѣ. Эта сила послана намъ свыше — отъ Господа Бога по вѣрѣ Русскаго Народа и его

законныхъ представителей, собравшихся на Церковно-Земскій Соборъ послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ и послѣ прекращенія страшной смуты, разорявшей наше Царство.

По завѣту предковъ, даже не зная ея содержанія, каждый истинный сынъ русскаго народа — инстинктивно, по велѣнію Божію хранилъ въ сердцѣ своемъ непоколебимую вѣрность той клятвѣ, что была изложена въ «Утвержденной грамотѣ» 1613 года...

ГЛАВА IV.

ЧѢМЪ БЫЛА ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССІЯ ДЛЯ СЛАВЯНСТВА, ВЪ ЕВРОПѢ И ЗА ЕВРОПУ.

Но свершилась бѣдствій мѣра
Чаша горечи полна.
За тебя, святая Вѣра,
Встала Русская страна.

К. Аксаковъ.
(1853).

Всѣ ностранные дворы и президентъ Французской республики привѣтствовали русскаго Царя съ знаменательнымъ юбилеемъ Его царственнаго рода. Въ заграничныхъ русскихъ церквахъ и колоніяхъ происходили соотвѣтствующія молебствія, пріемы и собранія.

Иностранныя газеты посвятили романовскимъ юбилейнымъ днямъ особыя статьи съ изложеніемъ историческихъ событій и обозрѣніемъ заслугъ царствующей династіи передъ Россіей.

Приводимъ здѣсь краткія выдержки изъ отзывовъ наиболѣе вліятельныхъ западно-европейскихъ газетъ о романовскомъ юбилеѣ, свидѣтельствующія о томъ, чѣмъ была въ глазахъ Запада, въ европейскомъ общественномъ мнѣніи — Великая Россійская Имперія передъ ея крушеніемъ и наканунѣ міровой войны:

Парижъ: Газеты излагаютъ исторію Дома Романовыхъ, отмѣчая мощь и величіе, достигнутыя Россіей за трехсотлѣтіе его правленія. *Le Temps*, указывая на силу и благоденствіе современной Россіи *и на ея роль въ дѣлѣ освобожденія славянъ* и поддержанія мира, заявляетъ, что Франція всецѣло присоединяется къ ея чувствамъ, одушевляющимъ ея вѣрную союзницу и, шлетъ увѣренія въ сердечной и вѣрной привязанности къ царской семьѣ, правительству и народу.

Лондонъ: Газеты посвящаютъ передовыя статьи царствованію Дома Романовыхъ и печатаютъ портреты монарховъ династіи Романовыхъ.

Перечисляя заслуги нашихъ государей и сравнивая настоящую Россію съ Русью 1613 года, *The Times* заключаетъ слѣдующими словами:

«Наша вѣра въ будущность Россіи основана на опытѣ прошлаго: Оглядываясь не только на совершенное Россіей въ трехсотлѣтнее правленіе династіи Романовыхъ, но лишь только за наше время, начиная

съ дней Царя Освободителя крестьянъ отъ крѣпостной зависимости до дней нынѣ царствующаго Императора, *даровавшаго народу политическую свободу*, мы видимъ основы для самыхъ блестящихъ надеждъ».

«Династія Романовыхъ не только создала могущество имперіи, она сдѣлала больше: *великому народу она открыла врата знанія, направивъ его по пути широкаго прогресса*».

Вѣна: Оффиціозная *Wiener Abendpost* говоритъ: «Сегодня русскій императорскій домъ вмѣстѣ съ вѣрноподданнымъ ему русскимъ народомъ переживаетъ знаменательный день. Триста лѣтъ прошло со времени вступленія на русскій царскій престолъ перваго государя изъ дома Романовыхъ».

«*Съ этого момента началась для русскаго государства эра политическаго и культурнаго подъема.* Съ обоснованной гордостью указываетъ императорскій манифестъ, который оглашается сегодня во всѣхъ церквахъ Россіи, на тотъ фактъ, что находившаяся въ тѣсныхъ границахъ Московская Русь стоитъ нынѣ въ ряду первыхъ государствъ міра... Благодаря своимъ колоссальнымъ природнымъ вспомогательнымъ средствамъ и богатымъ дарованіямъ населенія, Россія сдѣлала достойные изумленія успѣхи также и въ области экономической и духовной жизни. Въ наукѣ, искусствѣ и литературѣ занимаетъ она выдающееся положеніе.

Благодаря своей колоссальной площади, простирающейся отъ центра Европы по Сѣверной Азіи до Тихаго Океана, *Россія призвана быть посредницей между Западомъ и культурными кругами Востока. Эту свою историческую задачу Россія выполнила блестящимъ образомъ*... Сегодняшній знаменательный день вновь являетъ доказательство единства, существующаго между русскимъ царствующимъ домомъ и народомъ».

«Юбилей русскаго царствующаго дома встрѣчаетъ живѣйшія симпатіи въ дружественныхъ государствахъ. Австро-Венгрія также принимаетъ сердечнѣйшее участіе въ празднованіи сегодняшняго знаменательнаго дня».

Особенно трогательно отозвались на наши торжества южнославянскіе народы, сербы, болгары и черногорцы, — только что закончившіе бухарестскимъ миромъ побѣдоносную свою войну съ вѣковымъ врагомъ славянства — Турціей.

Бѣлградъ: Муниципалитетъ сербской столицы обратился съ слѣдующимъ воззваніемъ къ гражданамъ:

«Великій братскій народъ справляетъ 21 февраля знаменательное торжество. Вся Великая Россія будетъ прославлять трехсотлѣтіе вступленія на великій Русскій престолъ славой увѣнчанныхъ государей Дома Романовыхъ, которое возвели Россію до степени великой и мощной державы».

«Этотъ великій для Россіи и всего славянства день да будетъ отмѣченъ Сербіей и ея столицей. Благородное русское сердце не переставало никогда искренно биться для Сербіи и сербскаго народа».

«Неисчислимое добро, которое Сербіи оказали Россія и славный домъ Романовыхъ, всегда и особенно въ переживаемые нынѣ знаменательные для всего сербства дни — призываетъ насъ принять участіе во всеобщей радости русскаго народа».

«Пусть Бѣлградъ приметъ въ этотъ день торжественный видъ и улицы разцвѣтятся флагами. Въ соборѣ будетъ отслужено молебствіе

о здравіи и долголѣтіи царя всероссійскаго, великаго покровителя и защитника всѣхъ славянъ, Его Величества Императора Николая II.

«Праздникъ русскаго братскаго народа пусть будетъ также нашимъ праздникомъ».

Также торжественно всенародно праздновались Романовскіе юбилейные дни въ столицахъ Болгаріи и Черногоріи — въ Софіи и Цетинье.

Преисполняющія балканскіе православные народы чувства признательности Россіи и Дому Романовыхъ выражены были въ слѣдующихъ телеграммахъ предсѣдателей ихъ представительныхъ учрежденій на имя предсѣдателя Государственной Думы М. В. Родзянко:

Телеграмма сербской народной скупщины:

«Отъ имени сербской народной скупщины честь имѣю поздравить Государственную Думу съ трехсотлѣтіемъ царствованія Дома Романовыхъ и завѣрить, что и сербскій народъ всей душой участвуетъ въ общей радости братскаго русскаго народа. Въ каждомъ сербѣ живо сознаніе, что благодаря мощной поддержкѣ, которую русскіе императоры оказывали Сербіи съ первыхъ дней ея существованія, государственный корабль нашъ выдержалъ всѣ бури и сталъ выходить на міръ и приволье. Вѣра въ Россію и надежды на ея помощь помогли намъ найти вѣру въ себя, пережить самые критическіе моменты нашей государственной жизни и въ настоящее время стать силой на Балканахъ и *та сила выросла изъ крови, которую русскіе вмѣстѣ съ нами проливали на балканскихъ поляхъ и нивахъ. Это закрѣпило навсегда нашу братскую связь*».

«Будемъ вмѣстѣ съ Вами оберегать святыя узы крови, языка и вѣры, связывающіе наши братскіе народы и скрѣпимъ ихъ совмѣстной работой надъ осуществленіемъ нашихъ великихъ историческихъ задачъ въ дальнѣйшемъ. Увѣренная въ нашемъ совмѣстномъ свѣтломъ будущемъ, Сербія, унаслѣдовавшая отъ отцовъ и дѣдовъ преданность и любовь къ державнымъ вождямъ Россіи и къ русскому народу и пронесшая эту любовь свѣтлою и чистою черезъ самыя тяжкія испытанія, чтобы передать ее, какъ лучшее достояніе, далекимъ поколѣніямъ, — восклицаетъ изъ глубины души: да здравствуетъ Государь Императоръ Николай Второй, да здравствуетъ великая братская Россія»!

«Предсѣдатель Сербской Народной Скупщины,»

«Николичъ».

Вторая телеграмма изъ Софіи — отъ болгарскаго народнаго собранія:

«Болгарское народное собраніе возложило на меня пріятный долгъ принести въ лицѣ русской Государственной Думы его сердечныя поздравленіе по случаю трехсотлѣтняго юбилея нынѣ благополучно царствующаго славнаго Романовскаго Дома, сдѣлавшаго такъ много для объединенія великаго русскаго народа и поднятія его національной мощи».

«Болгарскій народъ, принимая живое участіе въ этомъ великомъ вашемъ торжествѣ, съ чувствомъ глубокой признательности вспомянетъ о тѣхъ безкорыстныхъ подвигахъ русскихъ царей въ дѣлѣ освобожденія славянъ, въ частности освобожденія Болгаріи волею одного изъ незаб-

венныхъ Романовыхъ, въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя Александра II».

Заканчивая нынѣ это священное дѣло тяжелою освободительною войной, Болгарія отъ души возноситъ теплыя молитвы къ Всевышнему, да сохранитъ на долгія столѣтія великій Домъ Романовыхъ для блага братской Россіи и преуспѣянія славянства».

«Предсѣдатель народнаго собранія»,
«Даневъ».

Третья телеграмма отъ греческой палаты депутатовъ:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ эллинская палата депутатовъ пользуется благопріятнымъ случаемъ празднованія трехсотлѣтняго юбилея славной русской династіи, чтобы засвидѣтельствовать членамъ Думы и великой единовѣрной намъ націи чувства любви греческаго народа. Это чувство не только не изсякаемо, но все болѣе и болѣе укрѣпляется благородною симпатіей, которую ваше великое Отечество всегда выказывало къ судьбѣ греческаго народа. Эллинская палата депутатовъ шлетъ пожеланія чтобы Господь сохранилъ за великой Россіей и Династіей всю ту славу, которая живетъ, какъ пожеланіе, въ сердцѣ русскаго народа по отношенію къ своимъ Государямъ.

«Предсѣдатель эллинской палаты депутатовъ»,
«Заватсіановъ».

Оглашенныя въ Государственной Думѣ и всѣми газетами эти телеграммы и отвѣты на нихъ — памятны были членамъ Думы и русской общественности, съ такимъ единодушнымъ патріотизмомъ первыхъ дней войны 1914 г., отозвавшимся на призывъ Русскаго Царя къ своему народу, — выступить на защиту единовѣрной, братской намъ Сербіи отъ нападенія австро-мадьярскаго германизма — жестокаго вѣроломнаго врага всего славянства.

Чѣмъ была въ теченіе столѣтій Россія для Славянства и православнаго христіанства — замѣчательно ярко и пророчески вдохновенно выразилъ въ своемъ стихотвореніи «Орелъ Россіи» талантливый нашъ писатель-славянофилъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ:

ОРЕЛЪ РОССІИ [1]

(1453-1853).

Надъ развратной Византіей
Божіей кары ходитъ громъ,
Турки дикою стихіей,
Обложили градъ кругомъ.

[1]) Помѣщенное нами стихотвореніе К. С. Аксакова найдено въ посмертныхъ рукописяхъ Митрополита Сербскаго Михаила († 5 февраля 1898 года), а подлинникъ написанъ рукою самого автора. Въ 1853 году усопшій Владыка окончилъ курсъ Кіевской Духовной Академіи.

Христіанамъ — духъ и руки
Грѣхъ разврата оковалъ,
И во прахъ на плѣнъ и муки
Цареградъ безумный палъ.

Въ этотъ часъ померкшей славы,
Изъ разрушенныхъ громадъ
Поднялся Орелъ двуглавый
И покинулъ Цареградъ.

Къ хладнымъ дебрямъ полуночи
Онъ направилъ свой полетъ:
Тамъ открыли зорки очи
Солнца новаго восходъ.

Есть пріютъ въ снѣгахъ Россіи
Божьей вѣры торжеству, —
И Орелъ изъ Византіи
Опустился на Москву.

Тамъ подъ солнцемъ новой славы
И благихъ и чистыхъ дѣлъ,
Высоко Орелъ двуглавый
Въ небо синее взлетѣлъ.

Но играя безопасный
Въ недоступной вышинѣ,
Онъ вперяетъ очи ясны
Въ полуденной сторонѣ:

Видитъ онъ — позоръ и муки
Христіане терпятъ тамъ,
И окованныя руки
Съ воплемъ простираютъ къ намъ;

Видитъ мракъ въ отчизнѣ свѣта,
Оскверненныя мѣста,
Полумѣсяцъ Магомета
Вмѣсто Божьяго Креста.

Но свершилась бѣдствій мѣра
Чаша горечи полна.
За тебя святая Вѣра,
Встала Русская страна!

И событье на порогѣ
Величавое стоитъ;

Міръ смутился, міръ въ тревогѣ:
«Что подходитъ? что грозитъ?».

И послышали народы
Близко новую судьбу,
Поднялись, какъ въ бурю воды,
Ополчились на борьбу.

Идутъ рати ихъ могучи,
Бранныхъ полныя тревогъ,
И какъ сумрачныя тучи
Обложили весь Востокъ.

Ты за Вѣру Русь-Святая!
Въ бой съ врагомъ рѣшилась встать.
Но зачѣмъ пришла иная,
Христіанская же, рать?

Для чего предъ очи свѣта
Собрались изъ дальнихъ странъ,
На защиту Магомета,
На страданье христіанъ?

Горе! ненависть безъ мѣры
Имъ туманитъ жадный взоръ:
Ни по чемъ Христовой вѣры
Поруганье и позоръ.

Мы ли, Бога забывая,
Не пойдемъ на встрѣчу вамъ?
Нѣтъ, тебя, о Русь святая
Не покроетъ этотъ срамъ!

За Дунай Орелъ двуглавый
За Балканы кинетъ громъ,
И взовьется съ новой славой
Надъ роднымъ своимъ гнѣздомъ.

Вновь свободу онъ молитвы
Христіанамъ возвратитъ,
И крыломъ отъ новой битвы
Византію осѣнитъ.

К. Аксаковъ.

На собраніи русскихъ литераторовъ и ученыхъ въ Парижѣ въ 1928 г., бывшій королевскій Сербскій Посланникъ въ Россіи (а нынѣ — посланникъ во Франціи) г. Спалайковичъ слѣдующей рѣчью помянулъ отношеніе русскаго народа къ братьямъ-сербамъ въ 1914 году:

Г-нъ Спалайковичъ заявилъ, что ему хочется подчеркнуть, почему въ немъ не угасла вѣра въ Россію и въ русское будущее.

Онъ хочетъ разсказать тотъ эпизодъ, который онъ не забудетъ до самыхъ послѣднихъ мгновеній своей жизни. Іюль 1914 г. Черезъ Бухарестъ ему удалось получить текстъ ультиматума австро-венгерской имперіи сербскому правительству. Онъ отвезъ его въ министерство иностранныхъ дѣлъ и совершенно измученный, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ тревогой за судьбу родины, вернулся въ посольство.

Черезъ нѣсколько минутъ ему доложили, что его желаетъ привѣтствовать демонстрація русскихъ студентовъ. Онъ былъ увѣренъ въ искренности чувствъ русской интеллигенціи и русскаго правительства. Его тревожило другое. Какъ извѣстно, въ это время петроградскіе заводы бастовали. Германскій посолъ, графъ Пурталесъ, въ своихъ депешахъ ежедневно доносилъ берлинскому правительству, что Россія наканунѣ революціи, которая приведетъ ее къ гибели и поэтому она ни при какихъ условіяхъ не можетъ начать войну. Естественно, что г. Спалайковича очень тревожило настроеніе на фабрикахъ и заводахъ. И вотъ, черезъ полчаса послѣ пріема представителей студентовъ, онъ услышалъ шумъ. Ему показалось, что произошло что-то неладное. Ему тотчасъ же сообщили, что вся улица передъ сербскимъ посольствомъ заполнена тысячами рабочихъ. Въ окно онъ увидѣлъ лѣсъ протянутыхъ къ верху черныхъ рукъ. Его появленіе было встрѣчено бурными привѣтствіями громадной толпы. Впереди ея были отдѣльные представители полиціи, повидимому, боявшейся, какъ бы толпа не произвела какихъ-нибудь эксцессовъ.

Все было, однако, мирно. Представители рабочихъ обратились къ нему съ привѣтственными рѣчами. Онъ отчетливо запомнилъ первую рѣчь:

«Ваше превосходительство! — заявилъ рабочій — мы пришли къ вамъ, чтобы вы знали, что неслыханнаго преступленія противъ вашей родины мы не потерпимъ. Мы всѣ рѣшили бросить забастовку и начать работать. Мы всѣ будемъ работать и заступимся за братьевъ сербовъ. Мы рѣшили заступиться! Пожалуйста, знайте, что петроградскіе рабочіе съ вами!».

«Слѣдующихъ рѣчей я не помню — заявляетъ г. Спалайковичъ, — такъ я былъ взволнованъ и растроганъ. Помню только,

что скоро я увидѣлъ, какъ большіе отряды войскъ занимали подступы къ австро-венгерскому посольству».

«Одинъ изъ ораторовъ сказалъ мнѣ: г. посолъ, прикажите, мы сейчасъ же разгромимъ ихнее посольство, ничего не оставимъ».

«Растроганный до слезъ, вспоминаетъ Спалайковичъ, я говорилъ тогда русскимъ рабочимъ о своей вѣрѣ въ величіе русской души, о національной Россіи. Я говорилъ имъ то же самое, что говорю вамъ сегодня».

«Я прибавилъ лишь просьбу не трогать австрійцевъ. Намъ все равно придется помѣряться силами на поляхъ битвъ».

«Кончилъ я возгласомъ, подхваченнымъ всей толпой: Да здравствуетъ русскій рабочій! Да здравствует Государь Императоръ!».

Бѣлградскій «Царскій Вѣстникъ» разсказываетъ о торжественномъ богослуженіи совершенномъ новымъ Сербскимъ патріархомъ Варнавой. Онъ впервые посѣтилъ построенную въ Бѣлградѣ русскими эмигрантами Церковь, въ которой хранятся болѣе ста спасенныхъ знаменъ и штандартовъ Императорской арміи.

Патріархъ былъ въ облаченіи, поднесенномъ покойному патріарху Димитрію въ 1913 году во время Романовскихъ торжествъ въ Россіи.

Сказанное по окончаніи литургіи свое поученіе патріархъ закончилъ слѣдующими словами:

«Люблю васъ не только какъ русскихъ людей, живущихъ въ моей патріархіи, но еще сильнѣе люблю васъ, какъ представителей великаго русскаго народа, опоры вселенской церкви, народа, который принималъ всѣхъ въ свое сердце, особенно же южныхъ славянъ, среди которыхъ были и мы, сербы».

«Я, какъ Сербскій патріархъ, какъ вашъ родной братъ, горячо молюсь Богу, чтобы Онъ соединилъ русскихъ людей, находящихся заграницей, въ единое цѣлое, чтобы возстала Россія такою, какой она была: во главѣ съ православнымъ самодержавнымъ царемъ и отъ имени Господа Іисуса Христа и всѣхъ Его святыхъ благославляю всѣхъ васъ благословеніемъ патріаршимъ».

Какъ сбылись завѣтныя думы славянофиловъ — сотни тысячъ русскихъ испытали на себѣ въ освобожденной Юго-Славіи, отъ доблестныхъ, вѣрныхъ Россіи до послѣдней капли крови братьевъ сербовъ[1]). Но болѣе наглядное выраженіе

---

[1]) Бѣлградская Городская Дума, 20 декабря 1929 г., поставила переименовать рядъ улицъ, назвавъ ихъ именами, связанными съ исторіей русско-сербскихъ отношеній. Отнынѣ нѣсколько центральныхъ улицъ столицы Югославіи будутъ носить имена: Императора Николая II, Сазонова, Льва Толстого и бывшаго русскаго посла Гартвига.

историческаго освободительнаго движенія за Балканы мы находимъ въ Болгаріи.

Мало какой иностранный городъ носитъ въ себѣ столько слѣдовъ былого величія Царской Россіи, какъ болгарская Софія.

Здѣсь, на каждомъ шагу, Русскій патріотъ находитъ удовлетвореніе своимъ національнымъ чувствамъ, всюду имѣетъ возможность оцѣнить мощь и славу оплакиваемой Родины.

Добрая треть улицъ въ Софіи носитъ Русскія имена.

Начиная отъ проспекта «Царь Освободитель», мы можемъ цѣлый день бродить по бульварамъ и улицамъ «Князь Дундуковъ», «Генералъ Тотлебенъ», «Генералъ Столѣтовъ», Генералъ Черняевъ», «Графъ Игнатьевъ», «Гурко», Достоевскій», «Аксаковъ», «Алабинская», «Скобелевъ», «Московская» и мн. др.

Вотъ величественный Соборъ Св. Равноапостольнаго Князя Александра Невскаго, воздвигнутый въ память побѣдъ Русскаго оружія на Балканахъ.

Вотъ, окруженный мечтательными тополями, памятникъ-пирамида «Русскимъ медицинскимъ чинамъ, погибшимъ въ войну 1877-1878 г.г.». Памятникъ сложенъ изъ грубыхъ камней, на каждомъ — имена скромныхъ героевъ долга. Ихъ много этихъ именъ: тысяча, можетъ быть — полторы.

Потомъ «Русскій Памятникъ» всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, животъ свой положившимъ за вѣрность Православію и Славянству. И, наконецъ дивный бронзовый всадникъ, застывшій надъ бездной. Внизу конныя группы генераловъ — сподвижниковъ Освободителя, идущіе въ атаку со штыками на перевѣсъ русскіе солдаты, предводительствуемые фигурой Побѣды, а за ними толпы освобожденныхъ болгаръ. На цоколѣ изваянія надпись: «Царю Освободителю благодарная Болгарія».

Памятникъ производитъ сильное впечатлѣніе не только своей художественностью и красотой идеи, но и потому, что вѣдь это — единственный монументъ великаго Царя, сохраненный на земномъ шарѣ.

Молодой болгаринъ, талантливый, поэтъ Александръ Стояновъ посвятилъ этому памятнику прекрасное стихотвореніе, приводимое здѣсь, какъ поэтическое изображеніе жертвеннаго подвига Русскаго Народа, освободившаго братьевъ славянъ, подъ славнымъ водительствомъ Императора Александра II-го.

Идутъ, то падая, то подымаясь снова —
Непобѣдимые — въ кольцѣ штыковъ.
Въ чадрѣ тумановъ, въ пропастяхъ суровыхъ
Идутъ сосредоточенно, безъ словъ.

Сердца слились въ согласіи могучемъ.
Дыбятся кони, блещутъ стремена...
Подъ ихъ стопами пробѣгаютъ тучи.
Внизу — освобожденная страна.

И славой излучаются знамена.
А наверху, въ полустолѣтнемъ снѣ,
Съ мечтой о подвигѣ, въ порывѣ напряженномъ —
Воитель-Царь на бронзовомъ конѣ.

Изъ вышеизложеннаго краткаго обозрѣнія мы видимъ, что знаменательный юбилей царствующаго Дома вызвалъ должное къ себѣ вниманіе со стороны современниковъ, какъ въ предѣлахъ нашего Отечества, такъ и въ чужихъ краяхъ въ особенности-же у балканскихъ славянъ. Свѣтлый слѣдъ Царской Россіи никогда не изгладится изъ лѣтописей всеобщей исторіи.

Не только на глазахъ единокровнаго намъ славянства, но и всего Запада великое Отечество наше — Россія Романовыхъ пользовалась престижемъ столь же великимъ, какъ и территорія ей подвластная, въ которой дѣйствительно солнце «никогда не заходило».

ГЛАВА V.

СТАРЫЙ „ЖАНДАРМЪ ЕВРОПЫ" И РЕВОЛЮЦІОННЫЙ „КОММУНИСТИЧЕСКІЙ ЖАНДАРМЪ" XX ВѢКА.

И это была Россія *стараго царскаго режима*, такъ ненавистнаго революціонерамъ-смутьянамъ, а особенно интернаціональнымъ дѣлателямъ смуты.

При немъ, при этомъ старомъ режимѣ Россія выросла въ имперію больше той, которою гордился Карлъ Великій. При старомъ режимѣ она честно боролась, защищала слабыхъ и угнетенныхъ отъ тираніи сильныхъ, ограждала права и свободу другихъ народовъ отъ произвола и посягательствъ могущественныхъ завоевателей, *спасала своихъ союзниковъ* и не только въ 1914-1916 годахъ...

Великая Россія эпохи Романовыхъ не разъ спасала другіе европейскіе народы, въ особенности ближайшихъ своихъ сосѣдей — Германію и Австро-Венгрію въ такіе моменты ихъ исторіи, когда самому государственному ихъ бытію угрожала смертельная опасность.

Къ сожалѣнію современное поколѣніе уже забываетъ, а офиціальные историки долго замалчивали историческую правду о томъ, кто спасъ Пруссію въ 1813 году [1]). Близкія отношенія Прусскаго королевскаго дома къ нашимъ тремъ монархамъ создали привиллегированное положеніе для этой страны и до царствованія Александра III у историковъ проводился фальсифицированный взглядъ на русско-прусскія отношенія съ прямымъ приниженіемъ великой и благодѣтельной для Пруссіи роли, какую въ ея судьбахъ играла могущественная Россія [2]).

---

[1]) 28 февраля 1813 г. прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III подписанъ былъ Калишскій договоръ съ русскимъ императоромъ Александромъ I: Пруссія должна быть возстановлена въ границахъ 1806 г. и императоръ Александръ не сложитъ оружія, пока не освободитъ Германію отъ французскаго ига.

[2]) Образцомъ такого рода «дипломатической» исторіи является даже извѣстное сочиненіе нашего знаменитаго историка С. М. Соловьева: «Александръ I, политика и дипломатія».

Достаточно вспомнить, что предпринятый Императоромъ Александромъ I-мъ, вопреки мнѣнію главнокомандующаго князя Кутузова-Смоленскаго, въ 1813 году, по изгнаніи изъ Россіи Наполеона, заграничный походъ — былъ войною за освобожденіе Германіи, результатомъ которой было усиленіе Австріи и Пруссіи.

Въ память свиданія своего съ прусскимъ королемъ въ г. Калишѣ (бывшемъ Привислянскомъ краѣ) былъ сооруженъ императоромъ Александромъ I-мъ памятникъ противъ дворца, гдѣ проживалъ губернаторъ. Въ этомъ именно свиданіи Русскій Царь обѣщалъ возстановить Пруссію и на памятникѣ сдѣлана надпись о «вѣчной дружбѣ Россіи и Пруссіи [1]).

Принося въ жертву собственные свои интересы, Россія спасла отъ Наполеоновскаго ярма Пруссію и Австрію, а вслѣдъ затѣмъ заключенный 14 сентября 1815 г. «священный союзъ» въ теченіи полустолѣтія оберегалъ внѣшнюю безопасность и мирное развитіе всѣхъ нѣмецкихъ государствъ. Исключительно, благодаря, роли «жандарма Европы», взятой на себя самодержавно-монархическою Россіей, революціонныя потрясенія 1847-1849 г.г. оказались безсильными сокрушить монархіи центральной Европы и превратить ее въ конгломератъ нынѣшнихъ «демократическихъ республикъ». Троны Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ были спасены и въ теченіи всего XIX столѣтія поддерживались могучею опорой сосѣдней съ ними Россійской Имперіей, одно существованіе которой уже служило охраною монархическаго принципа и укрѣпленію монархическихъ началъ въ западно-европейскихъ государствахъ [2]).

«Жандармъ Европы», вотъ званіе столь почетное въ глазахъ многихъ — въ наше время переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, но ненавистное политиканствующимъ либераламъ и международнымъ политическимъ авантюристамъ — присвоено было за эти дѣйствія Великой Россіи.

«Полицейское государство», страна «полицейскаго режима», — такъ пренебрежительно называли Императорскую Россію всевозможные соціальные трансформаторы и фанатики республиканскаго демократизма, возмущавшіеся «угнетеніемъ» европейскихъ народовъ, режимомъ полицейскихъ монархическихъ

---

[1]) Въ августѣ 1930 года исполнится 700-лѣтіе основаніія Пруссіи. Основана была Пруссія рыцарями тевтонскаго ордена, колонизовавшими области нынѣшней Восточной Пруссіи. Въ 1230 г. были построены первые тевтонскіе укрѣпленія и замки въ Торнѣ и въ Кульмѣ.

[2]) Послѣ подавленія русскими войсками венгерскаго возстанія 1849 г., австрійскій кайзеръ Францъ-Іосифъ со слезами благодарилъ Императора Николая I и поцѣловалъ ему руку. А въ 1878 г. и позднѣе Австрія «удивила міръ своею неблагодарностью».

государствъ. Россія представлялась ими не иначе, какъ каррикатурнымъ образцомъ самыхъ нелѣпыхъ, уродливыхъ, полицейскихъ стѣсненій индивидуальной свободы и «общественной жизни», что, какъ всѣ мы знали и *особенно познали теперь* — существовало больше всего въ воспламененномъ злобою воображеніи этихъ ненавистниковъ монархическихъ государствъ вообще, а Россіи въ особенности...

Даже наукою государственнаго права, въ университетскомъ преподаваніи, какъ за-границей, такъ и у насъ, усвоена была модная отрицательная характеристика «монархическаго полицейскаго режима», этого «пережитка старины въ правовыхъ отношеніяхъ государства», а научною терминологіей создано было теоретически обобщающее понятіе «полицейское государство», считавшееся синонимомъ монархическаго режима, хотя до нынѣшнихъ соціалистическихъ республикъ, подобныхъ имъ чисто «полицейскихъ государствъ» — среди старыхъ монархій еще не бывало... А менѣе другихъ такимъ была Россія хотя бы только потому, что три четверти ея населенія — крестьянство сохраняло *общинное самоуправленіе*.

Собственно же полиція въ смыслѣ власти, закономъ ей предоставленной, была у насъ, за исключеніемъ столичной, почти безвластною и очень слабою въ сравненіи, напримѣръ со швейцарскою и всѣми республиканскими полиціями того времени. Принимая во вниманіе огромнѣйшія территоріи уѣздовъ и губерній, величиной въ цѣлыя европейскія государства, которыя ей приходилось обслуживать, ничтожный численный составъ нашей полиціи былъ весьма недостаточенъ и ужъ далеко не такой многочисленный, какъ въ полиціяхъ и «милиціяхъ» современныхъ «свободнѣйшихъ» демократическихъ государствъ.

Но вотъ сбылись чаянія поклонниковъ народовластія, проповѣдниковъ «самоопредѣленія» народовъ и насадителей демократическихъ «равенства», «братства» и «свободъ», столь фиктивныхъ во всѣхъ республикахъ, а испытавшимъ эти мнимыя «блага» русскимъ народомъ — называемыхъ нынѣ «проплеванными свободами»... И что же мы видимъ? Наиболѣе благоустроенныя изъ республикъ, какъ напримѣръ, «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты» или гостепріимно пріютившая насъ Франція въ сущности только и держатся силою все тѣхъ же «жандармовъ» и «городовыхъ», т. е. государственною полиціей, мѣняющею лишь внѣшній обликъ и мѣстную организацію. А пресловутая Женевская «Лига Націй» отъ утопическихъ задачъ сверхъ парламентскаго интернаціонала медленно, но вѣрно переходитъ къ функціямъ блаженной памяти «священнаго союза», того именно «жандарма Европы», котораго такъ

недостаетъ для поддержанія мира и правопорядка среди народившися послѣ міровой войны республикъ.

Однако подъ этой новой «международно-полицейской» опекой болѣе сильныхъ членовъ европейской «семьи народовъ» надъ болѣе слабыми, этимъ послѣднимъ, напримѣръ, даже многострадавшей Бельгіи — далеко не такъ привольно живется, какъ это было при «старомъ режимѣ», при преобладаніи въ Европѣ монархической государственности [1]).

За то въ условіяхъ жизни, личнаго труда и свободы передвиженія по современной Европѣ, граждане ея новыхъ «передовыхъ» государствъ» испытываютъ на себѣ такія чисто полицейскія стѣсненія международнаго характера, которыхъ до міровой войны уже давно или вовсе не существовало въ цивилизованныхъ странахъ.

Укажемъ лишь на то, что въ любомъ изъ этихъ свободнѣйшихъ «демократическихъ» государствъ граждане сосѣдней страны... «*не имѣютъ права жительства*» иначе, какъ съ особаго разрѣшенія, формально подтверждаемаго пресловутыми визами на *обязательныхъ* паспортахъ и удостовѣреніяхъ въ личности, съ фотографіями, оплачивая эти разрѣшенія еще и особымъ *налогомъ* на иностранцевъ.

Свободолюбивая Европа XX столѣтія подъ демократическимъ и соціалистическимъ «новымъ режимомъ» дошла уже до того, что установила для гражданъ всѣхъ многочисленныхъ теперь государствъ «*обязательную черту осѣдлости*», переступить которую въ сосѣднее государство никто не смѣетъ безъ предварительнаго *полицейскаго* разрѣшенія на *право жительства* въ этой странѣ!...

Торжественно отпраздновано уже 10-лѣтіе «всеобщаго мира», а вѣрнѣе «вооруженнаго перемирія» послѣ окончанія смертоубійственнѣйшей изъ войнъ, въ которой за «право и свободу» гибли милліоны людей и уничтоженъ цвѣтъ мужскаго населенія цивилизованныхъ странъ, достаточные для заселенія общирнѣйшихъ территорій...

Новая демократизованная и соціализованная европейская государственность можетъ теперь праздновать также и свое десятилѣтіе не теоретическаго, а дѣйствительнаго «полицейскаго режима», повсемѣстнаго торжества настоящей «полицей-

[1]) Судя по газетнымъ отчетамъ о празднованіи въ 1930 г. столѣтія Бельгійскаго Королевства, въ Брюсселѣ не вспоминали, какъ много Бельгія обязана Россіи Александра I и Николая I: прадѣдъ нынѣшняго короля, *первый бельгійскій король* — въ 1813-1815 г. г. служилъ въ русской арміи и участвовалъ во взятіи Парижа состоя генераломъ русской службы и георгіевскимъ кавалеромъ.

ской государственности», неминуемой при государственномъ соціализмѣ и съ его «интернаціоналами» — естественно принимающей характеръ международный. Самымъ уродливымъ образцомъ такого истинно полицейскаго государства являются сверхъ достиженія соціализма — ярко «выявившіяся» въ системѣ коммунистическаго государства *С. С. С. Р.*, гдѣ самодержавно царствуютъ и управляютъ безотвѣтственнѣйшіе палачи Г. П. У., т. е. Государственное Политическое (вѣрнѣе — Полицейское!) Управленіе.

Фанатики — доктринеры соціализма могутъ еще, кое какъ, наборомъ заученныхъ трескучихъ фразъ оспаривать мнимо благодѣтельные для утопическихъ ихъ соціальныхъ экспериментовъ результаты подобной «новой государственности...».

Но одного очевиднаго, цинично признаваемаго ихъ офиціальною статистикой, и самаго ужаснаго для человѣчества результата новѣйшаго «демократическаго» режима они ни скрыть, ни оспаривать не въ состояніи: это моральнаго разложенія и физическаго вырожденія населенія въ наиболѣе зараженныхъ соціализмомъ странахъ, повсемѣстно *прогрессирующей преступности* всякаго рода и не виданнаго ни въ монархической до-военной Европѣ, ни въ старой царской Россіи — *угрожающе возрастающаго количества человѣкоубійствъ.*

Въ уголовной хроникѣ истекшаго десятилѣтія «новаго европейскаго режима» историкъ найдетъ невѣроятные для христіаннѣйшихъ странъ случаи систематическихъ убійствъ съ цѣлью... торговли человѣческимъ мясомъ, какъ это установлено въ 1924 году въ Германіи въ кошмарномъ дѣлѣ мясника-людоѣда, и не менѣе чудовищныя убіенія съ цѣлью утоленія «звѣриного» голода оскотинившихся людей... мясомъ убиваемыхъ дѣтей, особенно новорожденныхъ или-же приканчиваемыхъ болѣе слабыхъ «товарищей» изголодавшимися до озвѣренія красноармейцами, — какъ все это многократно случалось въ *безбожническомъ*, на зато *самомъ соціалистическомъ Союзѣ Совѣтскихъ Республикъ.*

Новѣйшія свидѣтельскія показанія участниковъ-очевидцевъ этихъ ужасовъ людоѣдства напечатаны, съ позволенія большевицкой цензуры, въ стенографическихъ записяхъ «разговоровъ» Софіи Федорченко въ книгѣ 6-й журнала «Новый Міръ» за 1927 годъ, издаваемаго при офиціальныхъ московскихъ «Извѣстіяхъ ЦИК. С. С. С. Р. и ВЦИК».

Вотъ нѣсколько строкъ изъ этихъ стенограммъ, жуткими словами народной рѣчи обрисовывающихъ во всей ужасающей наготѣ созданный соціалистическою «диктатурою пролетаріата» «*новый міръ*», тотъ соціально коммунистическій рай, въ который обратили идеологи безбожія, безправія, безначалія и всякаго

рода безнравственности — своими опытами государственно-коммунистическаго хозяйства богатѣйшую страну въ мірѣ и до чего ими доведенъ, на своей родной землѣ руссій «народъ-богоносецъ»:

«Подожгли они людоѣдовъ и занялося село... А людоѣды тѣ неважные какіе, въ своей семьѣ питалися... И освѣжуй они чужого дяденьку по ошибкѣ... Анъ міру то и досада...»

«... И порѣшили, кто первый ослабнетъ, того убить и ѣсть, чтобы... Ослабъ одинъ. Спрашиваютъ: — ослабъ»?

«А онъ вродѣ, какъ усмѣхается, — я молъ васъ не хуже... Ему толкомъ говорятъ: помрешь, нельзя людямъ мертвое мясо ѣсть. «Не признается... Что ты съ нимъ подѣлаешь? Такъ и убили непризнавшагося».

«... Женщина, какъ родитъ — куда ни на есть забьется, чтобы дитя не отняли. И грѣхомъ не считалось только что рожденное съѣсть. А мать отъ родовъ слабая, дитѣ не защита. Вотъ и совались въ навозъ. Отъ этого и помирали которыя...».

«Страшилась, отнимутъ дитя голодные, съѣдятъ, а она со слабости не защититъ... Взяла дитя, сварила, старикамъ принесла, — ждали говоритъ вы вкусной стравы, наготовила я вамъ, жрите!... А старики и съѣли съ голоду...» [1]).

Въ 1928 г. въ той же странѣ «Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республикъ», въ офиціальномъ органѣ «Красная Газета», въ заголовкѣ которой значится: «Изданіе Ленинградскаго Совѣта Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ», — опубликовано въ№ 171 (1841) отъ 23 іюня 1928 г. о фактѣ людоѣдства по предложенію педагога-людоѣда Сорохтина въ 70-й школѣ. «*Для борьбы съ «фетишизмомъ» Т. Н. Сорохтинъ не придумалъ въ той же школѣ ничего лучшаго, какъ сварить въ классѣ студень изъ человѣческихъ костей и предлагать ученикамъ на урокахъ пробовать его*» [2]).

Какъ часто вздыхаютъ теперь люди труда и порядка всѣхъ странъ о «старомъ городовомъ», объ императорскомъ или королевскомъ жандармѣ и какъ мечтаютъ имѣть, хотя бы современную французскую жандармерію и полицію прочія, менѣе благоустроенныя молодыя республики.

А вѣдь ни въ одной изъ монархій государственная полиція

---

[1]) Литературно-художественный и общественный политическій журналъ «Новый Міръ», кн. 6, Москва, 1927 г. Софія Федорченко: «Народъ на войнѣ», стр. 129. Странствовавшая тогда по всей Россіи стенографистка С. Федорченко безсознательно исполнила приведенные нами на стр. 17 завѣты Л. Толстого и въ теченіи ряда лѣтъ записывала *подлинными словами* разсказываемое ей участниками-очевидцами гражданской войны о голодѣ и прочихъ, фотогравированныхъ такимъ способомъ ужасныхъ народныхъ переживаніяхъ въ Совѣтской Россіи. Стенограммы ея напечатаны въ №№ 3, 4, 6 и сл. «Новаго Міра».

[2]) Приложеніе къ № 102: «Борьба за Россію» отъ 3 ноября 1928 г.

не была доведена до такой многочисленности и не имѣла такого политическаго значенія и власти, какъ въ нынѣшнихъ «передовыхъ» соціалистическихъ и демократическихъ республикахъ, не говоря уже о всесильной, грозной даже самимъ большевицкимъ главарямъ «Г. П. У.» въ коммунистическомъ «раю», въ С. С. С. Р.

Порабощенный палачами О. Г. П. У. [1]) русскій народъ выживаетъ второе десятилѣтіе подъ окровавленною подошвой тяжелаго сапога «красной жандармеріи» — большевицкой милиціи и подъ безпрерывнымъ терроромъ арестовъ, пытокъ, ссылокъ, подъ вѣчною угрозой наведеннаго на каждаго совѣтскаго «подданнаго» дула револьверовъ, ружей и пулеметовъ, изъ которыхъ разстрѣливаются въ «административномъ» порядкѣ, по безотвѣтственнымъ приказамъ красныхъ комиссаровъ не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя селенія и бастующіе рабочіе.

Этотъ «самоновѣйшій» изъ всѣхъ новыхъ режимовъ подчинилъ коммунистическому «ячеечному» сыску всю жизнь 150-милліонной Россіи. На эту большевицкую «жандармерію, на» «чрезвычайную» охрану при помощи *системы* чудовищныхъ провокацій брошены огромнѣйшія средства, о какихъ «охранныя отдѣленія» стараго режима не смѣли и мечтать. У самаго передового соціалистическаго «рабоче-крестьянскаго» правительства — цѣлая особая армія, десятки тысячъ прошедшихъ спеціальныя «государственныя школы провокаціи» — агентовъ, «сексотовъ», т. е. «секретныхъ сотрудниковъ» — провокаторовъ которымъ напередъ прощены всѣ преступленія, какія они сочтутъ нужнымъ сдѣлать въ интересахъ своей «государственной провокаціонной службы» для спасенія коммунистической Совдепіи и для торжества міровой соціальной революціи.

Исторія оцѣнитъ это удивительное въ жизни цивилизованныхъ странъ явленіе, — какъ на смѣну старыхъ блюстителей мира и благосостоянія народовъ — культурныхъ монархій Европы XIX столѣтія, въ поражающемъ своимъ прогрессомъ XX вѣкѣ выступилъ новый «*коммунистическій жандармъ Европы*» въ лицѣ главарей анархическаго III Интернаціонала — московскаго «коминтерна».

Съ этимъ «*международнымъ революціоннымъ жандармомъ*» вынуждены считаться могущественнѣйшія государства. Цивилизованные народы и ихъ правители и правительства уже долгіе годы жили и живутъ подъ кошмарнымъ гнетомъ непре-

---

[1]) О. Г. П. У. есть сокращеніе названія: Объединенное Государственное Политическое Управленіе, замѣнившее съ 1923 г. В. Ч. К.

рывной, напряженнѣйшей, скрытой и явной борьбы съ разрушительною силою этого преступнаго международнаго объединенія антинаціональныхъ противогосударственныхъ отбросовъ всего цивилизовваннаго міра, подонковъ культурнаго человѣчества.

Современники такъ еще недавно были свидѣтелями, какія ужаснѣйшія внутреннія потрясенія пришлось пережить сильнѣйшей міровой державѣ, сколько понадобилось времени и усилій для вѣками считающейся «жандармомъ морей» гордой Великобританской Имперіи, чтобы выбросить наконецъ за море наглыхъ носителей большевицкой заразы, стряхнуть съ себя иго этого «жандарма III Интернаціонала...». Но сбросивъ въ 1926 году — вновь допустили въ 1929 г., вопреки протестамъ всѣхъ здравомыслящихъ людей.

«Жандармомъ Европы» Россія была въ теченіи многихъ вѣковъ. Въ эпоху татарскаго ига Европа пользовалась спокойствіемъ и безопасностью съ Востока — въ значительной степени за счетъ принявшій на себя главные удары и на 240 лѣтъ порабощенной Россіи.

До-петровская Русь періодически служила оградительною стѣной отъ нашествія варваровъ-азіатовъ, рѣшавшею судьбы европейскихъ народовъ. Достаточно вспомнить, что въ XV столѣтіи, въ историческій моментъ борьбы между Азіей и Европой, между магометанствомъ и христіанствомъ — русскій царь и вел. князь Іоаннъ III изгонялъ татаръ въ то-же время, когда испанскій король Фердинандъ изгонялъ мавровъ.

А на рубежѣ XX вѣка, при первыхъ признакахъ пробужденія «неподвижнаго Китая» и желтой опасности съ Востока — нѣмецкій кайзеръ всячески спѣшилъ использовать мощь русскаго народа для огражденія Европы отъ новой, до сихъ поръ неизжитой и все еще грозной «желтой опасности».

И не объ того ли стараго «жандарма Европы», не объ Россію ли стараго режима разбилась докатившаяся въ 1812 году до Москвы стихійная волна «великой» французской революціи въ лицѣ ея дѣтища Наполеона-Бонапарта съ разноплеменными его полчищами, сокрушавшаго троны и порабощавшаго народы Центральной Европы? Стоитъ только вспомнить, какіе чисто революціонные методы примѣнял этотъ геніальный авантюристъ, покушаясь разрушить государственную мощь нашего Отечества, какъ изощрялся онъ въ своихъ прокламаціяхъ, стремясь поднять возстаніе темныхъ народныхъ массъ противъ Царя и противъ экономическихъ и соціальныхъ условій того времени! Самыми недостойными способами, до распространенія фальшивыхъ ассигнацій включительно, пытался этотъ «импе-

раторъ» сломить *крѣпкую единеніемъ народа со своимъ природнымъ Царемъ Россію...*

Великій патріотическій порывъ русскаго народа и его вождей въ 1812 году и вся послѣдуюшая затѣмъ «освободительная война» 1812-1814 г.г. были по существу явленіями и дѣйствіями *контръ-революціонными*.

Поэтому и закончились они низложеніемъ геніальнаго полководца-узурпатора [1]) Россійскимъ Императоромъ-Самодержцемъ, возстановившимъ въ обезкровленной и разрушенной Франціи ея старую, 20 лѣтъ отсутствовавшую власть и законную династію Бурбоновъ, въ лицѣ Людовика XVIII, который съ корпусомъ вѣрныхъ королевскимъ знаменамъ войскъ и множествомъ эмигрантовъ-роялистовъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, по повелѣнію Императоровъ Павла I-го и Александра Перваго, находили безопасный пріютъ и покровительство въ предѣлахъ царской Россіи, въ Митавѣ [2]), С.-Петербургѣ и во внутреннихъ губерніяхъ, — у гостепріимно-принимавшихъ ихъ у себя русскихъ помѣщиковъ. Россія превратилась тогда въ гнѣздо эмигрантовъ, изгнанныхъ французскою республикой, которые составили цѣлый корпусъ въ русскихъ войскахъ на Волыни. Въ 1815 г., когда послѣ Ватерло Наполеонъ былъ окончательно уничтоженъ, Александръ I-й снова великодушно спасъ Францію отъ своекорыстныхъ притязаній мстительныхъ своихъ союзниковъ и поставилъ ей гуманное министерство Ришелье [3]).

Оказывая въ Митавѣ пріютъ дочери казненнаго Людовика XVI, принцессѣ Маріи-Терезѣ, вотъ что обѣщалъ Императоръ Павелъ I-й своему гостю, будущему французскому королю Людовику XVIII: «Государь братъ мой, королевская принцесса будетъ Вамъ возвращена, или я не буду Павелъ I-й...» и сдержалъ свое слово. Въ вѣтренный мартовскій день 1797 года россійскій губернаторъ, цехи и Софійскій мушкатерскій полкъ встрѣчали въ Митавѣ дорожную карету эмигранта-короля, претендента на французскій престолъ «Луи XVIII», который прибылъ сюда по милости нашего Государя. Съ нимъ пришло сто человѣкъ Garde du corps, старыхъ королевскихъ гвардей-

[1]) Актъ отреченія императора Наполеона I-го, подписанный имъ въ Фонтенебло 6 апрѣля 1814 года и скрѣпленный подписью Лористона хранился въ архивахъ Зимняго Дворца.

[2]) Людовикъ XVIII, младшій братъ гильотинированнаго въ 1793 г. французскою революціей Людовика XVI, пріютился въ Митавѣ, получая 200 тысячъ рублей въ годъ.

[3]) Русская исторія профессора Трачевскаго, часть II, стр. 445. — 1895 года.

цевъ. Старики выстроились передъ нашими Софійскими мушкетерами и привѣтствовали въѣздъ короля кликами «Vive le Roi».

За тяжкою каретой съ ободранной обшивкой тянулись сани и возки съ королевскимъ добромъ, канцлеромъ, придворными, министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Сенъ-При и военнымъ министромъ Шанель. Madame Royale, дочь Людовика XVI, вѣнчалась впослѣдствіи въ Митавѣ съ герцогомъ Ангулемскимъ. А на Волыни — послѣднія войска эмигрантовъ переносили тогда свое «Галлиполи». Тамъ стоялъ пѣшій полкъ принца Кондэ, въ Луцкѣ — батальонъ герцога, пять эскадроновъ д,Ейчета и послѣдняя ихъ артиллерійская рота. Въ Ковелѣ — два батальона Гоенлоэ, а во Владимірѣ-Волынскомъ — конный полкъ де Бари. Обносившимся французамъ были выданы русскіе мушкетерскіе и драгунскіе мундиры, только на шапкахъ были сохранены королевскія лиліи. Императоръ Павелъ I не отказывалъ въ гостепріимствѣ и «раскаяннымъ якобинцамъ», онъ даже принималъ въ Гатчинѣ «исчадіе революціи» — генерала Дюмурье, измѣнившаго Конвенту. А въ Гатчинѣ занимали тогда караулы швейцарскія роты, послѣднія 200 Швейцарскихъ Гвардейцевъ, остатки защищавшихъ короля «Луи XVI». Въ Митавѣ-же окончилъ свои дни и духовникъ короля, аббатъ Эдтевортъ, который на самой гильотинѣ отпустилъ грѣхи Людовику XVI. Исторія помнитъ напутственныя его слова: «Сынъ Людовика Святого, ты восходишь на небеса...». Онъ скончался въ Митавѣ во второе пребываніе тамъ короля-претендента, въ 1807 году, заразившись тифомъ при посѣщеніи плѣнныхъ французскихъ солдатъ «красной арміи Наполеона» — послѣ Фридландскаго боя. На его могилѣ въ часовнѣ сохранилась нынѣ эпитафія, кончающаяся словами: «... Генеральный викарій парижскаго прихода, — который... былъ... утѣшителемъ страждущаго Людовика XVI-го, преданнаго смерти нечестивыми и возмутившимися подданными; онъ подкрѣплялъ въ послѣднюю минуту испытанія и указалъ мужественному страдальцу разверстыя небеса...»). Съ весной 1799 года ожили надежды эмигрантовъ: Павелй I-й повелѣлъ двинуть войска на якобинцевъ. Въ Митаву прискакалъ россійскій фельдмаршалъ Суворовъ и посѣтилъ короля. Французскіе эмигрантскіе войска подъ русскими знаменами (волынскіе ихъ батальоны) бились съ Суворовымъ и въ Италіи, и на Альпахъ. Десятилѣтіями ждалъ король изгнанникъ возвращенія во Францію, и наконецъ дождался, благодаря побѣдамъ Императора Александра I-го... Сто лѣтъ тому назадъ, при преемникѣ Благословеннаго — при Императорѣ-Рыцарѣ Николаѣ Павловичѣ не было въ Европѣ «русскаго вопроса», а была *державная*

русская воля... «Сто тысячъ штыковъ», которые онъ обѣщалъ послать «зрителями» во французскій театръ, гдѣ его непочтительно изобразили, имѣли тогда самый реальный смыслъ...

Не стало Россійской Имперіи, рушился трехсотлѣтній тронъ Дома Романовыхъ, и немедленно вслѣдъ за нимъ рухнула тысячелѣтняя монархія Габсбурговъ. Нѣтъ болѣе и трона по тевтонски кичливыхъ Гогенцоллерновъ, а съ ними исчезли и всѣ прочія нѣмецкія монархіи, надъ которыми 48 лѣтъ царила со своимъ «бронированнымъ кулакомъ» [1] Пруссія Гогенцоллерновъ.

Нѣмецкому народу и его правителямъ никогда не удастся стереть со страницъ безпристрастной исторіи, что только благожелательный нейтралитетъ Россіи, какъ во время франко-прусской войны 1870 г., такъ и въ 1866 году позволилъ Пруссіи разгромить сначала Австро-Венгрію, а затѣмъ и особо ненавистную нѣмцамъ Францію Наполеона III-го.

Стоило только тогда Россіи «пошевелиться» — и всѣ геніальные планы Бисмарка оказались бы несбыточными мечтаніями: никакого объединенія слабыхъ нѣмецкихъ государствъ въ могущественную Германскую Имперію, подъ главенствомъ Пруссіи и во вредъ Россіи и славянству — не могло бы осуществиться...

Двуличная политика стремившагося къ гегемоніи въ Европѣ — Наполеона III-го, попытки его ослабить быстро возродившуюся послѣ «Севастополя» Россію, открытая поддержка имъ польскаго возстанія въ 1863 г. а также тяжелое впечатлѣніе посѣщенія Парижа Александромъ II-мъ въ 1866 г., гдѣ въ него стрѣлялъ полякъ Березовскій [2] — вотъ причины временнаго безучастнаго отношенія Россіи къ судьбѣ Франціи въ 1870 году.

Послѣ Парижскаго мира 1856 г. казалось, что наступило время франко-русской дружбы, у насъ говорили уже о союзѣ съ Франціей. Въ 1859 году русское общество восторгалось побѣдами французовъ надъ австрійцами въ освобождаемой Италіи и русское правительство всѣмъ своимъ вліяніемъ въ Берлинѣ предохраняло Францію отъ заступничества Германіи за пораженную Австрію.

Россія первая признала тогда присоединеніе Франціей Савойи и Ниццы. Но въ то время, когда Александръ II-й отвер-

---

[1]) Выраженіе Вильгельма II въ одной изъ его волновавшихъ когда-то Европу рѣчей.

[2]) Польскій эмигрантъ Березовскій, участникъ возстанія 1863 г., получалъ тогда отъ французскаго правительства пенсію въ 30 франковъ въ мѣсяцъ.

галъ предложенія Австріи о возобновленіи «священнаго союза» — Наполеонъ III-й поощрялъ поляковъ къ возстанію и во время этого возстанія, присвоивъ себѣ роль заступника за католическую Польшу, пытался опрокинуть на насъ всю Европу. А послѣ усмиренія польскаго мятежа 1863 г. императорское французское правительство открыто, черезъ парламентъ, отпускало значительныя суммы на содержаніе бѣглыхъ изъ Россіи повстанцевъ и польскихъ революціонныхъ «жандармовъ вѣшателей» въ видѣ пенсіи по старшинству ихъ «чиновъ»- въ повстанческихъ бандахъ, именовавшихся въ преніяхъ парижскаго парламента «національною польскою арміей» (См. офиціальные отчеты въ парижскихъ газетахъ 1865 года).

Какъ всегда, нашею дипломатіей опасныя послѣдствія германскаго единства для Россіи и славянства были поняты лишь съ большимъ запозданіемъ.

Въ 1875 году Франція была спасена отъ вторичнаго и окончательнаго разгрома объединенною уже Германіей — однимъ словомъ Императора Александра II-го, своимъ благороднымъ заступничествомъ остановившаго новые завоевательные замыслы Берлина.

А вѣдь въ то время Русскому Царю и его дипломатіи приходилось имѣть дѣло не съ «бѣднымъ родственникомъ» — скромнымъ прусскимъ королемъ, а уже съ Императоромъ Германіи и съ его «желѣзнымъ» имперскимъ канцлеромъ.

Но ни въ 1866 году, ни въ 1870 Россія не «пошевелилась» и только благодаря поддержкѣ своего царственнаго племянника прусскій король Вильгельмъ счастливо закончилъ войны свои съ Австріей и Франціей и создалъ Германскую Имперію.

«Послѣ Бога Германія всѣмъ обязана Вашему Императорскому Величеству» телеграфировалъ Вильгелмъ I-й по взятіи Парижа, въ 1870 году, Россійскому Самодержцу Императору Александру II-му. «Alexander Platz въ центрѣ Берлина и Александровскій гренадерскій полкъ прусской гвардіи, до самой войны проходившій по улицамъ германской столицы подъ звуки полкового марша на мотивъ *русскаго національнаго гимна*, — постоянно напоминали новымъ поколѣніямъ нѣмцевъ о томъ, чѣмъ была обязана Германія XIX столѣтія русскимъ Царямъ: освободителю Пруссіи Александру I-му [1]) и до забве-

---

[1]) Въ Іоганнисбургѣ въ казенномъ домѣ, гдѣ у лѣсничаго жилъ Императоръ Александръ I — въ память сего находилась даже доска чугунная съ надписью, что въ этомъ домѣ проживалъ Императоръ Александръ I.

Доска во время Великой войны въ 1915 году была отправлена въ Петроградъ, въ музей Отечественной войны.

нія своихъ интересовъ вѣрному «союзу трехъ императоровъ» въ 1870 годахъ, Императору Александру II-му.

Значеніе для Германіи царской Россіи особенно живо напомнило состоявшееся вскорѣ послѣ торжествъ Романовскаго Юбилея, въ томъ же 1913 г., празднованіе столѣтія «битвы народовъ» подъ Лейпцигомъ, гдѣ въ 1813 году подъ верховнымъ командованіемъ Россійскаго Императора союзными русско-нѣмецкими войсками нанесенъ былъ побѣдоносный сокрушительный ударъ могуществу Наполеона.

А въ русской гвардіи и во флотѣ пѣлась, до царствованія Александра III-го и такая, когда-то любимая старая солдатская пѣсня:

«Русскій Царь собралъ дружину»
«И велѣлъ своимъ войскамъ»
«Плыть за море, на чужбину,
«Въ гости къ добрымъ пруссакамъ...»
«Насъ лелѣетъ Царь державный»
«Царь Россіи православной...»
«Слава Бѣлому Царю»
«И родному Королю...».

Самъ Бисмаркъ и его государь, первый Императоръ новой Германской Имперіи, достигнувъ завѣтныхъ своихъ стремленій объединенія Германіи, при пассивномъ содѣйствіи Россіи — хорошо знали русскую мощь и цѣну русской дружбы и тщательно избѣгали столкновеній съ великою славянскою державой, не желая рисковать потерею пріобрѣтенныхъ съ такими трудами и жертвами выгодъ и политическаго могущества, а болѣе всего опасаясь подвергать риску династическіе интересы и монархическій режимъ, которымъ держалась вся Германская Имперія. Зараженныхъ уже соціализмомъ и стремленіями къ народовластію соотечественниковъ и земляковъ Карла Маркса, «добрыхъ нѣмцевъ» можно было удерживать подъ монархическими знаменами лишь до тѣхъ поръ, пока за спиною Пруссіи, на Востокѣ, существовалъ твердый оплотъ монархій — Царская Россія...

Вотъ что отлично сознавали и никогда не забывали создатели германскаго единства — Императоръ Вильгельмъ I-й и его «желѣзный» канцлеръ князь Бисмаркъ [1]). Вотъ почему на смертномъ одрѣ своемъ престарѣлый Вильгельмъ I-й завѣщалъ неуравновѣшенному внуку, будущему наслѣднику пре-

[1]) Кн. Отто фонъ Бисмаркъ, состоявшій 20 лѣтъ имперскимъ канцлеромъ со времени утвержденія Германской Имперіи, — вышелъ въ отставку въ 1890 году.

стола — Вильгельму II-му — «сохранять миръ съ Россіей», а «желѣзный канцлеръ, когда отстранился отъ дѣлъ, въ послѣднемъ словѣ своемъ ставшему уже Императоромъ Вильгельму Второму преподалъ мудрый совѣтъ: *«если хотите полнаго благополучія Германіи, никогда не воюйте съ Россіей...»*.

Бросившій когда-то съ трибуны созданнаго имъ Рейхстага облетѣвшую міръ гордую фразу: «мы нѣмцы кромѣ Бога никого не боимся», Бисмаркъ опасался не военнаго пораженія. Старый, убѣжденный монархистъ, создатель германскаго имперскаго могущества болѣе всего страшился обоюдно катастрофическихъ послѣдствій отъ подобной *самоубійственной для монархій* войны между связанными вѣковою дружбою и мирнымъ сосѣдствомъ двумя сильнѣйшими имперіями въ Европѣ...

Давно наступило отрезвленіе въ отношеніяхъ къ Царской Россіи даже у вѣковой ея соперницы — Великобританіи, постоянно стремившейся *всѣми средствами* къ ослабленію могущества «Имперіи Царей» (Стоитъ только вспомнить обстоятельства кончины ненавистнаго англичанамъ Императора Павла Перваго!)...

Особенно выявился поворотъ общественнаго мнѣнія Англіи въ началѣ великой войны 1914-1918 г. г. Въ январѣ 1915 г. въ лондонскомъ журналѣ «Девятнадцатый вѣкъ» напечатана была поучительная статья Перси Дермера: «Душа Россіи».

Статья эта интересна для насъ не потому, что говоритъ новое слово, а какъ «знаменіе времени», какъ выраженіе крутого поворота общественнаго мнѣнія въ Англіи въ нашу сторону, какъ искреннее и краснорѣчивое изъявленіе глубокой симпатіи англичанъ къ Россіи.

Вотъ вкратцѣ содержаніе статьи.

Не только въ Германіи въ литературѣ и въ обществѣ, но и въ Англіи до послѣдняго времени были ходячими по отношенію къ Россіи и русскимъ выраженія вродѣ: «дикіе московиты», «кровожадные казаки», «русскій деспотизмъ», «азіатское варварство», «русское звѣрство», «восточно-славянская quasi-цивилизація» и т. п. Само собой понятно, что такими эпитетами и фразами характеризовались или, точнѣе, клеймились низшіе слои русскаго народа и главнымъ образомъ крестьянство.

Но, спрашивается, *когда же это «русскія орды» причиняли нѣмцамъ или намъ бѣдствія? Вторгались ли онѣ въ наши предѣлы? Не онѣ ли спасли Германію отъ рукъ Наполеона и способствовали созданію нынѣшней Германской имперіи? И не мы ли въ союзѣ съ врагами христіанства и въ ихъ интересахъ безъ повода вторглись въ Россію во время крымской войны? Кто мѣшалъ русскимъ бороться за свободу христіанскихъ націй?*

Было, несомнѣнно, много мрачнаго, средневѣкового въ

прошломъ русскаго народа, — было больше и дольше, чѣмъ у насъ, такого, что задерживало, тормозило его развитіе, его культуру, но вѣдь все темное, злое въ его прошломъ отъ посторонних вліяній, а не свое національное, природное, и въ весьма значительной дозѣ за послѣднія два столѣтія отъ той же Пруссіи... Много ли было людей власти въ Россіи за эти два вѣка чисто-русскаго происхожденія? Самъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ началѣ прошлаго столѣтія не умѣлъ говорить по-русски.

Война нанесла смертельный ударъ этому проникшему до мозга костей Россіи и душившему ее нѣмецкому вліянію, этому «пруссіанизму».

Таковъ смыслъ перемѣны названій русскихъ городовъ и селеній, начиная съ Петрограда. Трактуя Россію и русскихъ несомнѣнно, надо имѣть въ виду и на первомъ планѣ тѣ историческія катастрофы, которыя постигали ихъ, которыя выдержалъ русскій народъ. Какая другая европейская нація пережила, перестрадала столько?

И, однако, несмотря на всѣ потрясенія и препоны, эта нація не только сравнялась съ своими болѣе счастливыми сосѣдями на Западѣ, но и обогнала ихъ. Возьмите вопросъ о женской эмансипаціи, отрезвленіе. Я уже не говорю о томъ, что дала «варварская» Россія въ области литературы, науки и искусства.

Русскіе въ своихъ историческихъ судьбахъ — это армія, выдержавшая ужасные бои, растерявшая своихъ полководцевъ, но ничуть не утратившая свою боеспособность.

Россія обновляется, возрождается, и эта нарождающаяся еще болѣе мощная Русь — есть Русь крестьянская, а не интеллигентская.

Если будущее міра, во что мы вѣримъ, лежитъ въ «людяхъ земли», въ осуществленіи завѣтовъ христіанской религіи, въ установленіи братства людей и народовъ, то Россія можетъ внести неоцѣнимое сокровище въ зданіе жизни новаго вѣка.

Русскій крестьянинъ — это настоящее, неиспорченное дитя природы — простое, довѣрчивое, честное и мягкосердечное. Россію принято называть святою, и это вполнѣ основательно: такъ глубоко она религіозна, особенно въ низахъ — въ крестьянскомъ сословіи. Самое слово «крестьянинъ» — значитъ христіанинъ[1]). Онъ, правда, крайне нуждается въ образованіи, въ воспитаніи, но зато, когда получитъ ихъ, онъ станетъ могучимъ двигателемъ цивилизаціи.

---

[1]) Авторъ производитъ слово крестьянинъ отъ слова *крестъ*.

Мнѣніе передовыхъ русскихъ либеральныхъ писателей, во главѣ которыхъ стоитъ графъ Толстой, таково, что Россіи предстоитъ великая цивилизаторская миссія и въ Европѣ, и въ Азіи, что истинный демократическій идеалъ можетъ быть установленъ именно Россіею и базисомъ своимъ долженъ имѣть русское крестьянство — самое демократическое въ мірѣ. Русскій крестьянинъ всегда былъ и остается идеалистомъ чистой воды. Онъ не святой, но изъ одного съ святыми матеріала. Толстой олицетворилъ эту идею, базировалъ ее на словахъ Христа: «блаженни кроткіе, ибо они наслѣдятъ землю». Онъ повернулся задомъ къ раззолоченнымъ салонамъ Петрограда и сталъ предъ лицомъ міра въ простой крестьянской одеждѣ.

Религіозность русскаго человѣка-простолюдина прямо трогательна; она совсѣмъ не то, что наша набожность — изношенная, холодная. Мы обыкновенно говоримъ, что заповѣди Нагорной проповѣди недостижимы, но онѣ осуществляются въ русскомъ крестьянствѣ. И если бы Христосъ снова сошелъ на землю, Онъ избралъ бы именно его и благословилъ. Вслѣдствіе своей глубокой религіозности русскій такъ увѣренно и бодро смотритъ теперь, даже при неудачахъ оружія, на будущее: онъ твердо вѣритъ въ побѣду правды надъ неправдою.

И политическое міровоззрѣніе русскаго крестьянина въ сущности тоже религіозное. Отечество русскаго крестьянина — это семья: въ ней его душа. И вся Россія въ глазахъ его — это одна огромная семья, а царь — ея отецъ: терминъ, совершенно не приложимый ни къ одному изъ другихъ государей міра.

Христіанская вѣра есть главное связующее звено въ этой семьѣ, и русскому одинаково близки всѣ православные.

Оттого царь русскій не могъ не заступиться за сербовъ. Народъ потребовалъ бы этого.

Русскій крестьянинъ по природѣ уменъ, весьма любознателенъ, вдумчивъ, полонъ поэзіи. Языкъ его отличается замѣчательнымъ остроуміемъ и преисполненъ чисто глубокаго и оригинальнаго юмора.

Но, главнѣе всего, русскій крестьянинъ мягкосердеченъ, глубоко гуманенъ и общителенъ.

Вообще мы того мнѣнія, что славянская раса — раса великаго будущаго.

Занимая пространство отъ Адріатики до Японскаго моря и отъ Арктическаго океана до моря Эгейскаго и пустынь Центральной Азіи подъ сѣнью одной вѣры, многочисленные народы этой расы уже не захотятъ послѣ войны оставаться ни подъ тевтонскою, ни тѣмъ менѣе подъ турецкою властью.

Что касается Россіи, то надо знать, что населеніе этой неизмѣримой страны увеличивается на три милліона въ годъ.

Какъ же оно будетъ возрастать, когда борьба съ ненормальною въ ней дѣтской смертностью станетъ успѣшною? Стоитъ призадуматься надъ тѣмъ, чего можетъ достигнуть эта нація черезъ сто лѣтъ?

И эта великая нація съ нами въ союзѣ. Старые слѣпые предразсудки миновали, миновали и недоразумѣнія. Мы стали распознавать русскій народъ и высоко уважать его; наши церкви стали сближаться.

Несомнѣнно мы, англичане, обладаемъ извѣстными сторонами духа, въ которыхъ нуждается Россія, но и она имѣетъ кое-что такое, чего недостаетъ намъ и что для насъ необходимо.

Таковы были признанія англичанъ 15 лѣтъ тому назадъ. Позднѣйшимъ ихъ подтвержденіемъ является охватившее всю Британскую Имперію движеніе протеста противъ большевицкаго гоненія на религію и проповѣдуемый въ Англіи «крестовый походъ» въ защиту русскихъ братьевъ-христіанъ отъ коммунистическаго ига...

Исторія Европы XIX столѣтія документально свидѣтельствуетъ какъ многократно и многообразно выявлялось благодѣтельное вліяніе Россіи, этого «стараго жандарма Европы», — на судьбы европейскихъ народовъ, и не только въ странахъ монархическихъ. Обѣ передовыя и главнѣйшія *республики* Стараго и Новаго Свѣта — многимъ обязаны Царской Россіи.

Несмотря на систематическое противодѣйствіе Англіи Россія Александра I, Николая I, Александра II и Александра III — много содѣйствовала охраненію международнаго правового положенія континентальныхъ европейскихъ государствъ, а въ 1860-хъ годахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. А кому же, какъ не Императору Николаю II принадлежитъ идея единенія европейскихъ государствъ въ цѣляхъ всеобщаго мира и сокращенія вооруженій — созывомъ мирной конференціи въ Гаагѣ въ 1897 году? И пресловутая Лига Націй, и недавнія конференціи по «ликвидаціи войны» въ той-же Гаагѣ и наконецъ — послѣднее выступленіе Бріана съ мирнымъ проектомъ «соединенныхъ штатовъ Европы» — что это, какъ не дальнѣйшее развитіе идей Гаагской Конференціи, созванной по инціативѣ Императорскаго Россійскаго Правительства Николая II? Заслуги Россіи передъ своею главной союзницей въ минувшую войну теперь общепризнаны. Но нельзя забывать, что таже демократическая «Третья Французская Республика» — въ первыя десятилѣтія своего существованія (въ 1880-1890 г.) — не мало обязана именно Царской Россіи. Благодаря могущественной поддержкѣ Россійскихъ Самодержцевъ, а затѣмъ и союзу самодержавной монархіи съ парламентарною респу-

бликой — была прочно на долгіе годы, ограждена внѣшняя безопасность послѣдней.

Эта единственная тогда значительная республика въ Европѣ — постепенно окрѣпла подъ покровительствомъ Царской Россіи и далеко не идеальный парламентарно-демократическій внутренній государственный строй современной Франціи упрочился безъ помѣхи извнѣ.

Десятилѣтіями раньше, въ то время, какъ послѣдній французскій Императоръ Наполеонъ III объ руку съ Англіей занималъ явно угрожающую позицію — противъ Союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ критическій моментъ ихъ войны съ Югомъ — Русскій Царь-Освободитель оказалъ сѣверо-американскому народу—не только моральную, но и военную помощь.

Въ сентябрѣ 1863 г., когда надъ Сѣверо-Американскимъ Союзомъ, потрясеннымъ гражданскою войной, нависла опасность открытой интервенціи со стороны Англіи и Франціи въ цѣляхъ разрушенія государственнаго единства Соединенныхъ Штатовъ — произошло событіе, до сихъ поръ приковывающее къ себѣ вниманіе не только историковъ, но и широкой публики — со всею силою одного изъ самыхъ яркихъ въ исторіи международной политики [1]).

11 сентября русская эскадра, подъ командою контръ-адмирала Попова и 24 сентября другая — подъ командою контръ-адмирала Лесовскаго, появились, первая — въ Санъ-Франциско, а вторая — въ Нью-Іоркѣ — съ инструкціей «оказать помощь Союзу С.-А. С. Ш., если Великобританія и Франція предпримутъ противъ него враждебныя дѣйствія». Въ Соединенныхъ Штатахъ эти посѣщенія были приняты съ радостью и благодарностью, какъ явное указаніе на то, что по крайней мѣрѣ одна европейская держава, и именно дружественная съ давнихъ поръ, — готова была помогать Союзу. Появленіе русскихъ въ С.-Франциско было далеко не ново. Всего только за 20 лѣтъ передъ тѣмъ спущенъ былъ русскій флагъ, развивавшійся 32 года на форту Россъ, въ 90 верстахъ къ сѣверу отъ С.-Франциско (съ 10 сентября 1812 г. по 12 декабря 1842 г). Императорскій русскій флотъ тогда хозяйничалъ у береговъ Калифорніи, американскаго флота и въ поминѣ не было, а испанцы были слишкомъ слабы и владѣли побережьемъ лишь номинально...

Вотъ какъ сложилось то международно-политическое положеніе, изъ котораго выросли вышеуказанныя событія, впервые нынѣ освѣщаемыя на основаніи архивно-историческихъ памятниковъ нашихъ министерствъ морскаго и иностранныхъ дѣлъ.

---

[1]) «Красный Архивъ», т. 38, стр. 148.

Положеніе опредѣляется господствующей позиціей, занятой съ начала XIX вѣка Англіей и чрезвычайно энергической дѣятельностью ея дипломатіи, направленной къ ослабленію всѣхъ ея соперниковъ во всѣхъ частяхъ земного шара.

Послѣ революціонной Франціи Наполеона-Бонапарта наступила очередь Россіи: Крымская война на время положила конецъ кошмару русскаго преобладанія на ближнемъ Востокѣ. Только поспѣшное сближеніе Франціи съ Россіей сорвало тогда полное осуществленіе англійской программы, какъ ея формулировалъ лордъ Пальмерстонъ, затѣявъ коалиціонную войну противъ Россіи въ 1854 г.: Великобританія уже тогда обрекала наше Отечество на то расчлененіе и отнятіе окраинъ, которымъ, для удовлетворенія Европы, Россія поплатилась въ 1919 г. за всѣ жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для спасенія европейскихъ государствъ отъ гегемоніи Германіи.

Пальмерстонъ писалъ тогда (1854) къ Джону Русселю, англійскому послу въ Вашингтонѣ: «Для меня идеальная цѣль начинающейся войны съ Россіей заключается въ слѣдующемъ: Аландскіе острова и Финляндія возвращаются Швеціи; нѣмецкія балтійскія провинціи Россіи передаются Пруссіи; ядро Польскаго Королевства возстанавливается, какъ барьеръ между Германіей и Россіей; Валахія и Молдавія съ устьями Дуная отдаются Австріи; Крымъ, Черкессія и Грузія отрываются отъ Россіи: Крымъ и Грузія передаются Турціи, а Черкессія становится независимой, либо подчиняется сюзеренитету султана...». Въ 1863 г. польскія дѣла дали Англіи вѣрное средство разорвать начавшееся сближеніе Франціи съ Россіей.

«Еще въ тяжелое время Крымской войны и полной изоляціи Россіи, правительство и общественное мнѣніе С.-А. Соединенныхъ Штатовъ занимали въ отношеніи къ намъ дружественное положеніе. Такъ о готовившемся нападеніи англо-французскаго флота на дальне-восточное русское побережье мѣстныя русскія власти были своевременно предупреждены американскимъ консуломъ въ Гонолулу. Въ Петропавловскѣ были приняты мѣры и небольшія русскія силы побѣдоносно отбили нападеніе союзнаго флота, сбросивъ въ море высаженный имъ десантъ. Эта русская побѣда вызвала въ Соединенныхъ Штатахъ всеобщее ликованіе. События 1860-63 г. еще болѣе укрѣпили дружбу между Америкой и Россіей. Поднятый Лондономъ вопросъ о вмѣшательствѣ въ защиту Польши встрѣтилъ поддержку въ Парижѣ, гдѣ всегда Польша считалась естественной и надежнѣйшей опорою французской политики противъ Пруссіи и Россіи. Совершенно также, какъ и Соединенные Штаты и въ томъ-же самомъ году Россія очутилась передъ угрозою поддержки возстанія вооруженной интервенціи Англіи

и Франціи, морально помогавшимъ уже повстанцамъ всѣмъ вѣсомъ англо-французской дипломатіи, а тайно — оказывавшимъ и матеріальную помощь.

Пытались разорвать связь и между естественными друзьями по несчастью — между Сѣверо-Американскими Штатами и Россіей. Но вашингтонскій кабинетъ отклонилъ англо-французское предложеніе о совмѣстномъ выступленіи по польскому вопросу. Точно также и Россія отказалась участвовать въ подобномъ-же дипломатическомъ вмѣшательствѣ въ конфликтъ между Югомъ и Сѣверомъ въ Соединенныхъ Штатахъ... Разъяренный разоблаченіемъ своей игры Пальмерстонъ уже подготовлялъ сосредоточеніе англійскихъ войскъ въ тылу Сѣверянъ, со стороны Канады, и писалъ Русселю въ Вашингтонъ: «Весьма вѣроятно, что Сѣверъ окажется не въ состояніи подчинить себѣ Югъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если Союзъ Южныхъ Штатовъ сдѣлается независимымъ государствомъ, онъ представитъ цѣнный и обширный рынокъ для британскихъ мануфактуристовъ».

9 января 1862 г. кн. Горчаковъ поручилъ посланнику въ Вашингтонѣ бар. Стеклю выразить самыя дружескія чувства Россійскаго Императора къ американской націи, которая пріобрѣла неоспоримое право «на уваженіе и благодарность всѣхъ правительствъ, заинтересованныхъ въ *поддержаніи мира на моряхъ и въ преобладаніи принциповъ права надъ силою въ международныхъ отношеніяхъ*» (Таковы были идеальныя стремленія «стараго жандарма Европы» въ противоположность хищническимъ и торгашескимъ цѣлямъ «жандарма морей»!).

По порученію президента, министръ его Сюардъ отвѣтилъ 18 февраля 1862 г. письмомъ, выражавшимъ также чувства къ «старинному, безпристрастному и неизмѣнному другу и увѣренность, что и въ будущемъ, «отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи и дружбѣ *между республиканской властью на Западѣ и великой, дѣятельной и человѣколюбивой монархіей на Востокѣ* — создадутъ новыя солидныя гарантіи мира, порядка и свободы для всѣхъ народовъ...».

Получивъ въ маѣ 1863 г. въ Николаевскѣ на Амурѣ письмо морского министра, адмиралъ Поповъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и лучшихъ моряковъ старой Россіи, писалъ по поводу предупрежденія о возможности военныхъ дѣйствій со стороны англо-французовъ: «Если я буду имѣть 3-4 недѣли времени, то съ Божіей помощью надѣюсь, въ случаѣ нужды, мы будемъ въ состояніи сдѣлать много вреда непріятелю, прежде нежели понадобится насъ исключить изъ списковъ флота». Поповъ остановился на Санъ-Франциско, какъ наиболѣе выгодномъ пунктѣ для сосредоточенія эскадры и для скорѣйшихъ и наиболѣе обезпеченныхъ сношеній съ Петербургомъ. Въ то-же время

наша атлантическая эскадра адм. Лесовскаго (3 фрегата, 2 корвета и 1 клиперъ, не считая другихъ, которыя должны были присоединиться позднѣе) — прибыла въ Нью-Іоркъ.

По инструкціи Лесовскому, датированной 14 іюля 1863 г. (впервые опубликованный въ «Красномъ Архивѣ» въ 1930 г.) — «цѣль эскадры въ томъ, чтобы въ случаѣ предвидимой нынѣ войны съ западными державами дѣйствовать всѣми возможными доступными ей средствами противъ нашихъ противниковъ, нанося посредствомъ отдѣльныхъ крейсеровъ наичувствительнѣйшій вредъ и уронъ непріятельской торговлѣ или дѣлая нападенія всей эскадрой на слабыя и малозащищенныя мѣста непріятельскихъ колоній...».

Морской министръ Соединенныхъ Штатовъ Уиллсъ, на сообщеніе о прибытіи эскадръ — отвѣтилъ: «Присутствіе въ нашихъ водахъ эскадры, принадлежащей флоту его Величества, можетъ быть источникомъ только радости и счастья для нашихъ соотечественниковъ», что всѣ приспособленія бруклинскихъ верфей — въ распоряженіи адм. Лесовскаго и что съ радостью будетъ ему оказано всякое содѣйствіе...».

Въ это время появилась мысль о союзѣ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Кн. Горчаковъ писалъ бар. Стеклю: «Заключеніе такого союза ничего не измѣнило бы въ существующемъ положеніи, такъ какъ союзъ этотъ фактически существуетъ на основѣ общности интересовъ и политическихъ традицій...».

Объ этой поддержкѣ Царскою Россіей Американской республики народъ Соединенныхъ Штатовъ никогда не забывалъ, особенно-же вспоминалъ въ моментъ вступленія Америки въ 1917 г. въ Великую войну, а въ Федеральномъ музеѣ въ Вашингтонѣ до сихъ поръ бережно сохраняются историческіе сувениры: блюда и полотенца, поднесенныя въ Россіи американской депутаціи, пріѣзжавшей для выраженія благодарности Императору Александру II.

Вотъ чѣмъ было въ политическомъ отношеніи для всей Западной Европы и Сѣверной Америки, для десятковъ милліоновъ славянства и для сосѣднихъ нѣмецкихъ государствъ великое Отечество наше — Россійская Имперія къ концу трехсотлѣтія славнаго царствованія Романовыхъ.

Въ 1613 году русскій народъ объединился вокругъ избранника своего, Помазанника Божія, перваго Царя изъ Дома Романовыхъ и въ 1913 году, триста лѣтъ спустя, сила *духовнаго единенія русскихъ Царей съ ихъ народомъ* сказалась во всемъ священномъ величіи: тѣсно связанный въ одно цѣлое любовью и вѣрностью своихъ сыновъ Царю и Отечеству русскій народъ не только сумѣлъ отстоять свое мѣсто въ исторіи человѣчества, но и создалъ величайшую въ мірѣ Имперію.

ГЛАВА VI.

ЦАРЬ И НАРОДЪ.

«Отъ Господа Бога вручена Намъ Власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской».

(Высочайшій Манифестъ, 3 іюня 1907 г).

Объ отношеніяхъ Русской Царской власти къ народу Императрица Екатерина II-я[1]) говорила другу своему княгинѣ Дашковой: «Люблю перо Вольтера, но чрезвычайно досадую на него за презрѣніе къ хижинамъ поселянъ. Народъ надобно вразумлять, а не бранить».

«Ты помнишь, что я говорила во время Пугачевскаго бунта. Я была убѣждена, что одно заблужденіе будто бы Пугачевъ тотъ, за кого выдаетъ себя, привлекло къ нему народъ. Я твердо была увѣрена, что когда образумятся и узнаютъ коварный обманъ, то сообщники его сами собственными руками его выдадутъ» [2]).

«Ты знаешь, какія клеветы возводило на меня французское министерство. Легкомысленному герцогу Шуазелю [3]) не понравился мой Наказъ за изъявленное въ немъ вниманіе къ народу, и онъ сжегъ его въ Парижѣ. Что же, развѣ это спасло Францію? Я не перемѣнила мнѣнія моего о русскомъ народѣ, а во Франціи все перемѣнилось».

Эти особо свойственныя русскимъ монархамъ заботы о своемъ народѣ и сознаніе отвѣтственности за ввѣренную имъ

---

[1]) Императрица Екатерина II Великая царствовала: 1762-1796.

[2]) Разсказъ княгини Дашковой. — «Русскій Вѣстникъ», 1865 г., томъ 58.

[3]) Министръ короля Людовика XV; эти слова Екатерины относятся къ 1790 году.

судьбу милліоновъ подданныхъ — 150 лѣтъ тому назадъ изображены были Г. Р. Державинымъ, съ присущею ему поэтической истиной и наглядностью, въ слѣдующихъ строкахъ, которыя Н. М. Карамзинъ назвалъ «Молитвою Екатерины Великой»:

Наставь меня, міровъ Создатель,
Да волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель,
И зижду счастіе людей:
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И счастье ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу.

Да удостоена любови —
Надзрѣнія твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За каждую бы каплю слезъ,
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала.

Одинъ изъ передовыхъ людей того времени, губернаторъ, министръ и поэтъ Г. Р. Державинъ устарѣлыми для насъ своими «одами» сохранилъ для потомства прекраснѣйшія стороны дѣятельности русской Императрицы. Самое глубокое сочувствіе питалъ онъ къ гражданской доблести правительства, къ духу царствованія Екатерины, къ возникшимъ съ нею гуманнымъ идеямъ, которыхъ и онъ былъ однимъ изъ первыхъ тогда изъяснителей.

При чтеніи вышеприведенныхъ стиховъ изъ «Фелицы» сама Екатерина прослезилась и спросила, кто бы могъ такъ хорошо знать ее? Не значитъ ли, что поэтъ уяснилъ ей самой идеалъ, который она стремилась осуществить собою?

Хотя нашъ народъ и сложилъ пословицу, «до Бога высоко, а до Царя далеко», — но смыслъ ея былъ въ томъ, что Царь — Помазанникъ Божій въ сознаніи народномъ стоялъ на недосягаемой высотѣ, какъ олицетвореніе справедливости, добродѣтели и всемогущества государственной власти.

Далеко было подчасъ до царской правды и милости не потому, что Цари русскіе сами отдалялись или относились къ своимъ

подданнымъ съ такимъ, напримѣръ, высокомѣрнымъ презрѣніемъ, какъ западно-европейскіе феодальные властители или азіатскіе деспоты. Подобнаго отношенія къ народу никогда не было у государей изъ Дома Романовыхъ, потомковъ избраннаго любовію народной, добрѣйшаго христіаннѣйшаго царя Михаила Феодоровича, сына его — «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича и его внука — Императора Петра Великаго, русскаго богатыря, истиннаго народнаго вождя, прославившаго на весь міръ свой народъ. Царь Петръ Алексѣевичъ:

И мореплаватель, и плотникъ
На тронѣ вѣчный былъ работникъ —

онъ былъ и единственный въ Европѣ монархъ, съ юныхъ лѣтъ жившій одною жизнью съ трудовымъ народомъ, съ рабочимъ и съ солдатомъ, совершавшій и у себя на родинѣ, и заграницей царственное свое «хожденіе въ народъ» съ великими цѣлями государственнаго строительства, благами котораго Россія пользовалась цѣлыхъ 200 лѣтъ до ея разрушенія лже-народниками и инородческими отбросами, осуществлявшими свое пресловутое «хожденіе въ народъ» исключительно съ цѣлью революціоннаго уничтоженія русской государственности и самой Россіи.

Далеко бывало иногда до Царя лишь вслѣдствіе «усердія не по разуму» или произвола недостойныхъ представителей чиновно-приказнаго строя да по причинѣ давно уже царской волею уничтоженнаго «крѣпостнаго права», существованіе котораго болѣе всего тяготило русскихъ монарховъ и мы знаемъ теперь, какъ мучительно! Но изображаемые въ литературѣ, какъ безправные рабы, крѣпостные помѣщичьи крестьяне знали и непоколебимо вѣрили, что ихъ Батюшка-Царь всегда съ ними, всегда заступится за нихъ противъ всякихъ злоупотребленій и произвола. У нихъ было неотъемлемое право «бить челомъ» и искать защиты у Царя, всею силою своей власти ограждавшаго своихъ подданныхъ отъ беззаконій, *откуда бы они не исходили*, — чего нѣтъ и не можетъ быть ни въ какихъ самыхъ «демократическихъ» и парламентарныхъ государствахъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, именно *жаловаться не кому* — на произволъ не только высокостоящихъ и фактически безотвѣтственныхъ правителей — партійцевъ, но часто даже и на нисшихъ правительственныхъ агентовъ!

Православные русскіе государи изъ Дома Романовыхъ всѣ слѣдовали примѣру такъ популярнаго въ народѣ Великаго Петра. Всемъ сердцемъ и всею душою они были всегда съ наро-

домъ и за свой народъ, который знали и любили болѣе многихъ «народолюбцевъ», выявлявшихъ свое мнимое «народничество» лишь въ стремленіяхъ къ осуществленію ихъ революціонной идеологіи, къ разрушенію русскаго государства, созданнаго вѣковыми усиліями нашего народа и его государей...

Незабвеннымъ днемъ единенія русскаго Царя со своимъ народомъ былъ третій день романовскихъ юбилейныхъ торжествъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 23 февраля 1913 г. состоялся высочайшій пріемъ и затѣмъ обѣдъ волостнымъ старшинамъ и равнозначущимъ имъ представителямъ сельскаго и инородческаго населенія, въ числѣ свыше 200 человѣкъ, прибывшихъ въ столицу изъ всѣхъ губерній и областей Россіи...

Когда старшины и представители сельскаго и инородческаго населенія заняли за столами свои мѣста, къ нимъ изволилъ выйти Его Величество въ сопровожденіи министра Императорскаго Двора и лицъ государевой свиты.

Государь Императоръ обходилъ своихъ гостей — истинныхъ представителей простого крестьянства, того трудового народа, который Онъ такъ любилъ и въ котораго такъ вѣрилъ до конца своихъ дней. Многихъ старшинъ удостоивалъ Государь своими милостивыми разспросами, незабвенными царскими ласковыми словами. Затѣмъ Его Величество сказалъ:

«Я очень радъ видѣть васъ всѣхъ представителей великой матушки Россіи».

«Россія наша росла и крѣпла вѣрою въ Бога, любовью своихъ Царей къ народу и преданностью народа русскаго къ престолу царскому».

«Да будетъ такъ во вѣки».

«За здоровье и благоденствіе нашей горячо-любимой матушки Россіи».

«За Ваше здоровье».

Съ этими словами Государь Императоръ поднялъ чарку за здоровье старшинъ.

Слова Государя были покрыты звуками преображенскаго марша, исполненнаго оркестромъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Статсъ-Секретарь Коковцевъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. Восторженное народное русское «ура!» заглушило звуки гимна «Боже Царя Храни...».

Послѣ этого волостной старшина С.-Петербургской губерніи, Лезвенской волости, Ямбургскаго уѣзда, Мочаловъ обратился къ Его Величеству со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Счастливы мы, представители крестьянства, что удостоились принести сегодня къ августѣйшимъ Твоимъ стопамъ, великій Государь наши поздравленія съ трехсотлѣтіемъ избранія на царство прародителя Твоего».

«Ты Государь, защита наша отъ всѣхъ враговъ: въ Тебѣ правда, въ Тебѣ милость».

«Много милости Ты пролилъ на насъ крестьянъ».

«Будь же счастливъ, возлюбленный Государь нашъ. Да продлятся и благословитъ Господь дни Твои. Да процвѣтетъ мирно русская земля подъ крѣпкою державою Твоей, да растетъ на радость Тебѣ и Матушкѣ Царицѣ и намъ всѣмъ, вѣрнымъ Твоимъ людямъ державный отрокъ, Государь Наслѣдникъ-Цесаревичъ».

«И вѣрь, Государь, что жизнь наша для Тебя. Вѣрь, что по первому призыву Твоему мы станемъ тѣсною стѣной и, какъ Иванъ Сусанинъ сложимъ головы свои за Твою, Государь, драгоцѣнную жизнь, за родъ Твой во славу родины нашей».

«Царствуй на славу намъ, царствуй на страхъ врагамъ, Царь Православный».

Выслушавъ привѣтствіе, Его Величество поцѣловалъ старшину Мочалова. Оркестромъ Преображенцевъ исполненъ былъ вновь народный гимнъ, послѣ чего Государь Императоръ прослѣдовалъ во внутренніе покои дворца, а старшины и представители сельскаго и инородческаго населенія приступили къ обѣду, предоставленному имъ отъ Высочайшаго Двора...

Единеніемъ Царя съ истинными представителями всегда вѣрноподданнаго Ему народа закончились оффиціальныя торжества.

Много было выслушано Государемъ привѣтствій и рѣчей, но одинъ только крестьянинъ Мочаловъ удостоился такого трогательнаго, сердечнаго отвѣта, какъ этотъ царскій поцѣлуй, лучшее свидѣтельство о томъ, къ кому именно изъ Его вѣрноподданныхъ больше всего «лежало сердце царево», кого изъ нихъ дѣйствительно всею душою любилъ и о комъ всегда печалился державный внукъ Царя-Освободителя Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Мы всѣ это знали. Истинная, глубокая, не показная любовь Русскаго Царя къ простому крестьянину, къ солдату памятна всѣмъ современникамъ послѣдняго царствованія. Этимъ царственнымъ любовнымъ отношеніемъ къ простому народу-крестьянству поражены были даже комиссары Временнаго Правительства, приставленные къ томившемуся въ заключеніи и ссылкѣ Государю.

Но едва ли могъ бы кто либо иной изъ лицъ, близко стоявшихъ къ Царской Семьѣ, разсказать о томъ съ большимъ правомъ на наше вниманіе и довѣріе, какъ не иностранецъ, чуждый одинаково партійности, заѣдающей нашу жизнь, и соображеній честолюбія или личной выгоды. Скромно исполнявшій свой долгъ преподавателя и жившій въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Семьей Государя швейцарецъ г-нъ Жильяръ такими словами характеризуетъ отношенія Императора Николая II къ народу:

Онъ любилъ Свой народъ и Свою Родину всѣми силами Своего существа. Онъ больше всего любилъ самыхъ смиренныхъ изъ Своихъ подданныхъ — мужиковъ, долю которыхъ Онъ искренно желалъ улучшить. Трагична судьба этого Монарха, который въ продолженіи всего своего царствованія стремился лишь къ тому, чтобы приблизиться къ своему народу и которому такъ и не удалось найти возможность это сдѣлать [1]. Это свидѣтельство П. Жильяра дополняетъ намъ флигель-адъютантъ полковникъ А. А. Мордвиновъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Государѣ.

«... Его простую, незлобивую безпритязательную, глубоко-вѣрующую, застѣнчивую натуру тянуло болѣе къ безхитростнымъ людямъ, съ душою простого русскаго человѣка. Во внутреннемъ мірѣ крестьянства, составлявшаго три четверти Его подданныхъ, Государь видимо искалъ всѣ тѣ черты, которыя были Ему дороги и которыя Онъ такъ рѣдко встрѣчалъ въ окружавшей Его придворной средѣ».

«Это любовное чувство къ простому народу мнѣ приходилось неоднократно наблюдать во время многочисленныхъ разговоровъ Государя съ крестьянами. Оно всегда проявлялось въ особой, легко уловимой задушевной интонаціи Его голоса, въ чуткомъ выборѣ задаваемыхъ вопросовъ, въ высказываемыхъ затѣмъ по окончаніи разговора впечатлѣніяхъ, неизмѣнно довѣрчивыхъ, добродушныхъ, ласкательныхъ и заботливыхъ [2]».

Любовь Государя къ крестьянству — продолженіе любви всѣхъ Его предковъ XIX столѣтія, любовь вѣрная и никогда не ослабѣвающая. Но Государю не свойственно было то исканіе у народа популярности, которымъ отличались иные современные демократизовавшіеся монархи Европы, не говоря уже о всевозможныхъ «вождяхъ демократіи», позирующихъ передъ толпою, заигрывающихъ, подлаживающихся демагоговъ...

---

[1]) «Императоръ Николай II и его Семья» (Петергофъ, сентябрь 1905, Екатеринбургъ, май 1918 г.). По личнымъ воспоминаніямъ П. Жильяра, бывшаго наставника Наслѣдника-Цесаревича Алексѣя Николаевича. Стр. 156-157. Вѣна, 1921 г.

[2]) А. А. Мордвиновъ: «Отрывки изъ Воспоминаній».

Вѣря крестьянству Государь былъ правъ. Въ немъ одномъ, благодаря природѣ, быту, исторіи, вѣрѣ православной, жила еще совѣсть. Наличіе этой совѣсти и былой вѣры, высокій духъ, сельская честь и вѣрность русскихъ крестьянъ своему Царю-Батюшкѣ, который всегда печется о нуждѣ народа и всегда его защищаетъ — вотъ чемъ живы были люди на Святой Руси... Въ Царской Россіи не было случая *сознательной* невѣрности Царю: «Пугачевъ и тотъ велъ толпы именемъ Царя. Ни одна война, ни одно бѣдствіе не вызываетъ въ деревнѣ ропота противъ Государя. Отсюда и глубокая вѣра и вѣрность Государей къ своему народу...» «Все крестьянское добродушно, просто и сильно духомъ...». Злобно только *интеллигентско-рабочее*, полу-интеллигентское-полуграмотное, оторванное отъ земли.

Такая, иногда и преувеличенная, идеализація русскаго народа — крестьянства издавна свойственна была нашей интеллигенціи и самому «правящему сословію» — дворянству.

Еще въ 1862 г. извѣстный профессоръ Павловъ въ статьѣ «Тысячелѣтіе Россіи» писалъ: «Обстоятельства избавленія Россіи отъ иноплеменниковъ и избраніе Михаила Феодоровича имѣютъ глубокое значеніе. Кто освободилъ Россію? Русскій народъ въ лицѣ нижегородскаго мясника. Кто избралъ на московскій престолъ Царя? Также русскій народъ въ лицѣ выборныхъ земскаго собора. Кто, наконецъ, спасъ жизнь избраннаго всею землею Царя? Опять тотъ-же русскій народъ, въ лицѣ мужика. И такъ, Домъ Романовыхъ своимъ восшествіемъ на престолъ, жизнью своего родоначальника, однимъ словомъ, — всѣмъ обязанъ русскому народу» («Литература 1860-хъ годовъ» по отчетамъ III отдѣленія «Красный Архивъ», т. 8).

«Императоръ Николай II, вмѣстѣ съ К. П. Побѣдоносцевымъ и многими другими — считалъ, что высокіе идеалы христіанской государственности въ чистотѣ своей сохранились въ массѣ простого народа; что всѣ явленія распада остались на поверхности, что можно и должно править помимо образованныхъ классовъ, опираясь на преданность народной массы».

«По этому во многомъ основательное недовѣріе къ «интеллигенціи» сочеталось въ Немъ съ непосредственною любовью къ русскому крестьянину, къ солдату, которыхъ Онъ идеализировалъ [1])».

Такою же непосредственною любовью и идеализаціей Православнаго Монарха отвѣчалъ своимъ Государямъ и русскій народъ. Въ безсильной злобѣ разрушить эту вѣру въ обожаемаго Царя революціонеры всѣхъ наименованій, отъ нигилистовъ и на-

[1]) С. С. Ольденбургъ: «Русская Лѣтопись», т. VII.

родниковъ 60-хъ годовъ до радикаловъ-освобожденцевъ 1900 г.г. — повторяли извѣстное опредѣленіе отношенія русскаго народа къ своему Царю, сдѣланное анархистомъ М. Бакунинымъ 70 лѣтъ тому назадъ: «въ темномъ сознаніи русскаго мужика Царв есть нѣчто вродѣ русскаго Христа...». И всѣ попытки фанатиковъ-революціонеровъ поднять народъ противъ Царя оставались безуспѣшными до февральскихъ дней предательства и измѣны 1917 года...

Вспоминая о Великой Россіи, о Монархахъ и правителяхъ ея въ періодъ — передъ крушеніемъ, мы невольно останавливаемся на славной эпохѣ царствованія Екатерины II, Павла I и Александра Благословеннаго...

«Эпоха эта потому и интересна, что оттуда пошло почти все, занимающее людей нашего времени, — пишетъ извѣстный авторъ имѣющихъ такой успѣхъ замѣчательныхъ историческихъ романовъ серіи «Мыслитель» М. А. Алдановъ: «Нѣкоторыя страницы историческаго романа могутъ казаться отзвукомъ недавнихъ событій. Но писатель не несетъ отвѣтственности за повторенія и длиннотьг исторіи».

И несмотря на свою принадлежность къ лѣвому «демократическому» крылу эмигрантовъ-публицистовъ, М. А. Алдановъ (Ландау) въ этихъ романахъ создалъ едва ли не самыя аристократическія произведенія изъ всѣхъ, порожденныхъ послѣ революціонною зарубежною литературой. Предисловіе къ его «Заговору» въ высшей степени для насъ показательно:

«Первыя пятнадцать лѣтъ XIX вѣка представляются мнѣ самымъ блестящимъ періодомъ во всей исторіи Россіи. Подходъ къ этому времени былъ по многимъ причинамъ не легкій. Нужно было прежде всего преодолѣть въ себѣ и казеннаго Иловайскаго, и Иловайскаго революціоннаго, — для людей моего поколѣнія второй былъ опаснѣе перваго».

«Какъ романиста меня въ первую очередь занимали не историческія событія, не политическія явленія, а живые люди. Долголѣтнее изученіе документовъ, относящихся къ людямъ, убѣдило меня въ томъ, что не только наиболѣе выдающіеся изъ русскихъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX вѣковъ, но и многіе другіе, — въ умственномъ и моральномъ отношеніяхъ стояли не ниже, а выше большинства ихъ знаменитыхъ западныхъ современниковъ, участниковъ Французской революціи».

Такъ пишетъ въ 1926 году ультра-демократическій публицистъ М. А. Алдановъ-Ландау, авторъ цѣлаго ряда ультрааристократическихъ романовъ изъ славнаго прошлаго Великой Россіи.

А вотъ что писалъ въ 1913 году о главныхъ дѣятеляхъ восхи-

щающей талантливаго романиста эпохи XVIII-XIX столѣтій — о русскихъ Государяхъ другой русскій писатель С. А. Толузаковъ въ юбилейномъ историческомъ трудѣ «Подвигъ трехсотлѣтняго служенія Россіи Государей Дома Романовыхъ»[1]).

«... Въ обрисовкѣ историческихъ явленій мы стремились, по возможности, выдвинуть на первый планъ причинную связь между событіями и ихъ зависимость отъ дѣятельности царствующаго въ то время монарха. Поэтому приходилось дольше останавливаться на тѣхъ сравнительно мало освѣщенныхъ историками фактахъ, которые даютъ ключъ къ пониманію многихъ событій и служатъ наиболѣе убѣдительной иллюстраціей къ *тяжелому подвигу служенія Россіи Царей Дома Романовыхъ*».

«... Чтобы уяснить себѣ, какое великое самоотреченіе проявляли Государи Романовы въ стремленіи къ благу Россіи, лучше всего перенестись мысленно въ отдаленную эпоху 1613 г. и шагъ за шагомъ пережить съ ними событія прошлаго».

«И тогда всякій пойметъ, *какъ страшно давила и давитъ царская корона вѣнчанную голову монарховъ, какъ часто эта корона ходомъ событій превращается въ терновый вѣнецъ*».

«Да это подвигъ это крестъ, — символъ великой любви и великаго страданія, — подскажетъ вамъ сердце и на вопросъ, какъ облегчить тяжесть этого креста, можетъ быть одинъ искренній отвѣтъ: *жить для Царя*».

«У пишущаго эти строки, какъ бывшаго участника войны[2]), ни на минуту не мелькаетъ сомнѣніе, что жертвовать своею жизнью въ бою за Государя не представляетъ особеннаго труда: слѣдуетъ жить для него такъ, чтобы каждый помыселъ, всѣ силы бытія, все посвятить ему до издыханія, сказавъ Монарху: «любовь и жизнь моя — всегда твои».

Вотъ та главная задача настоящаго труда, которою авторъ былъ бы счастливъ увлечь читателя.

О тяжести этого подвига служенія Отечеству Русскихъ Царей писалъ своему другу К. П. Побѣдоносцеву 31 декабря 1881 года Императоръ Александръ III — въ первый годъ своего царствованія:

«... Такъ отчаянно тяжело бываетъ по временамъ, что,

---

[1]) *Подвигъ трехсотлѣтняго служенія Россіи Государей Дома Романовыхъ*. Роскошное изданіе высочайше учрежденной комиссіи по описанію боевыхъ трофеевъ русскаго воинства и старыхъ русскихъ знаменъ. Сост. С. А. Толузаковъ, иллюстраціи подобраны П. И. Бѣлавенцомъ. С.П.Б., 1913 г.

[2]) С. А. Тулузаковъ, конно-артилл. офицеръ, участвовалъ въ русско-японской войнѣ. Въ 1915-1916 г.г. издавалъ военную газету при Штабѣ 12-й арміи.

если бы не вѣрилъ въ Бога и Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Но я не малодушенъ, а главное, вѣрю въ Бога и вѣрю, что настанутъ, наконецъ, счастливые дни для нашей дорогой Россіи».

«Часто, очень часто вспоминаю я слова Св. Евангелія: «да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте». Эти могучія слова дѣйствуютъ на меня благотворно».

«Съ полнымъ упованіемъ на милость Божію кончаю письмо. Да будетъ Воля Твоя Господи».

Царственный подвигъ Русскихъ Царей освящался таинствомъ Божественнаго Миропомазанія во время священнаго ихъ коронованія въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и только съ непоколебимою вѣрою въ Бога и въ союзѣ съ церковью Православный Помазанникъ Божій могъ выносить страшную тяжесть царственнаго бремени, подчиняясь единственно велѣніямъ христіанской своей совѣсти.

«Отъ Господа Бога вручена Намъ Власть Царская надъ народомъ Нашимъ, передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской». Такъ въ манифестѣ 3 іюня 1907 года, о роспускѣ мятежной Государственной Думы втораго созыва, напоминалъ вѣрнымъ Своимъ подданнымъ Государь Императоръ Николай Александровичъ о внутренней религіозной сущности Царскаго Самодержавія.

«Вѣрую что о всѣхъ своихъ согрѣшеніяхъ Судъ ми пріяти, яко рабу, и не только о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ, дать отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ согрѣшаютъ» — писалъ Грозный Царь Иванъ IV Васильевичъ...

«По праву первородства, слѣдовательно также по предопредѣленію Свыше, на Русскомъ Престолѣ въ годину небывалаго лихолѣтія оказывается Императоръ Николай II. За время его царствованія, да и по сіе время многое множество русскихъ людей, а за ними почти весь міръ признаютъ Его безвольнымъ, мягкимъ, а потому легко поддающимся чужому вліянію — посколько правильно, это узнаютъ будущія поколѣнія, когда изслѣдователи удалятся, по времени, на разстояніе, съ котораго Его царствованіе и Его Личность представится безъ лишнихъ мѣшающихъ подробностей, безъ наносной накипи, пристрастныхъ сужденій современниковъ и злонамѣренной клеветы.

«Но какой образъ явилъ людямъ русскій Помазанникъ въ столь исключительномъ, почти небываломъ положеніи, какъ Самодержецъ — въ полной власти своихъ тюремщиковъ? Какой явилъ Онъ примѣръ невозмутимаго спокойствія, кажущагося неестественнымъ для неограниченнаго властелина, какую

кротость и рядомъ съ этимъ ни разу не измѣнившее ему самообладаніе и выдержку?

Примѣръ, подъ нравственнымъ обаяніемъ котораго все приближавшееся къ Нему, — даже заранѣе предвзято настроенное, смирялось и преклонялось. Какое Онъ явилъ доказательство, на что способенъ человѣкъ въ ясномъ сознаніи лежащаго на Немъ по волѣ Провидѣнія долга, даже по сложеніи съ себя Царскаго Вѣнца! Долга явить своему народу, въ годину испытанія, чему подобенъ нравственный обликъ, на что способенъ Помазанникъ Божій въ служеніи Родинѣ — ибо и въ эти дни Онъ служилъ Ей, являя высокій примѣръ нравственнаго превосходства и величія духа. Нужно вернуться ко временамъ Батыя и гнета Золотой Орды, чтобы найти подобіе сему въ исторіи и жизни русскихъ вѣнценосцевъ!».

«Мое перо недостойно начертать все величіе этой эпической картины, величіе которое съ годами будетъ рости и шириться, оставивъ неизгладимый слѣдъ въ памяти и міровоззрѣніи русскаго народа, осознавшаго внутренній смыслъ ея» (Генералъ-адъютантъ Василій Іосифовичъ Гурко. «Русскій военный Вѣстникъ», 18 декабря 1927 г., Бѣлградъ)».

Нашъ праведный Государь запечатлѣлъ своею кончиной благочестивую жизнь, какъ мученикъ долга, очистивъ страданіями тѣ немногіе грѣхи, которыми онъ какъ человѣкъ, былъ грѣшенъ. Его праведная кровь падетъ на враговъ Христовыхъ, какъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ отъ крови Авеля праведнаго до крови мучениковъ современной безбожной революціи.

Впрочемъ, какая же революція не безбожна? развѣ только та, которая предпринята противъ безбожниковъ, напримѣръ, противъ древнихъ византійскихъ императоровъ-еретиковъ, — но во всякомъ случаѣ не та, которая возстаетъ противъ власти вообще, какъ противъ заповѣди Божіей (Римл. 13, 1) и стремится стать на ея мѣсто. При семъ люди говорятъ о своей любви къ народу, къ бѣднымъ, къ простолюдинамъ, и все это они безсовѣстно лгутъ, какъ нашъ разбойникъ Пугачевъ, Стенька Разинъ, затѣмъ наши нигилисты, террористы 60-хъ годовъ, потомъ соціалисты, большевики, руководимые инородцами. Какое имъ дѣло до народа, котораго они знать не хотѣли и глубоко презирали?

Тысячу разъ былъ правъ Достоевскій въ своемъ письмѣ къ Наслѣднику Александру Александровичу въ 1873 году, когда писалъ, что наши террористы, отъ которыхъ въ ужасѣ отворачивается все общество, недоумѣвая, откуда они могли взяться, что всѣ эти Каракозовы, Нечаевы и тому подобные являются родными сыновьями такихъ писателей, какъ Грановскій и

прочіе западники, внушавшіе юношеству ненависть къ Отечеству и къ православной Церкви. Въ повѣсти «Братья Карамазовы» Достоевскій изобразилъ, какъ убійца Смердяковъ былъ подведенъ къ совершенію преступленія просвѣщеннымъ аморальнымъ Иваномъ Федоровичемъ. Съ какой злобой, съ пѣной у рта, наши толстые журналы обрушились на автора «Бѣсовъ», усматривая въ немъ клевету на всю русскую интеллигенцію, якобы глубоко оскорбленную и приравненную къ евангельскимъ свиньямъ и бѣсамъ, въ нихъ вселившимся.

Болѣе вразумляюще подѣйствовала на общество насильственная смерть Государя Александра II отъ руки убійцъ 1 марта того же года. Нигилисты притихли года на три, потомъ снова начали шипѣть, а въ послѣднее царствованіе ихъ шипъ превратился въ звѣриный ревъ и завершился «безкровной» революціей съ кровавымъ убійствомъ Государя и всей Его Семьи.

Сколько было изъ тѣхъ, кто такъ злобно-ретиво разносилъ и распространялъ клевету про Царя и Царицу, и которые дѣйствительно вѣрили въ истину этой клеветы? Многіе, далекіе отъ Престола Царей Всероссійскихъ, совершенно незнакомые съ бытомъ и укладомъ Царской Семьи, совершенно не понимали, что, сѣя предубѣжденіе и ненависть противъ этой Семьи, думая ополчаться противъ несправедливости, угнетенія и насилія, на самомъ дѣлѣ вели войну противъ высшихъ нравственныхъ началъ, которыя олицетворялись въ одухотворенныхъ, чистыхъ обликахъ Государя, Государыни и Ихъ, одаренныхъ незаурядными душевными качествами, благородныхъ любящихъ и стойкихъ въ доблестяхъ чести и честности, Дѣтей.

Не знаю, какъ было въ прежнія, суровыя и жестокія времена средневѣковья, хотя думаю, что относительно, въ сравненіи съ общими нравами данной эпохи, всегда было тоже самое.

Но теперь, въ наше время — во дворцахъ монарховъ вообще всѣхъ странъ и народовъ обрѣтается почти всегда проявленіе высшихъ человѣческихъ добродѣтелей. Это убѣжденіе, получаетъ особенно яркое подтвержденіе на примѣрѣ Семьи Николая Александровича, являющей образецъ особенно тонкаго развитія нравственной чистоты и духовнаго совершенства.

И противъ этой то Семьи яростно ополчились грубые, злые, невѣжественные люди... Можетъ быть, именно тотъ фактъ, что Семья эта представляла образецъ истинно христіанской семьи, и былъ причиной...

Таковы, въ большей или меньшей степени, и всѣ Члены нашей Императорской Фамиліи. И не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ.

Какъ удивляетъ «демократизованныхъ» иностранцевъ при-

мѣръ *облагороженныхъ стремленій духа*, являемый уцѣлѣвшими отъ революціоннаго истребленія представителями Дома Романовыхъ — въ тяжкихъ условіяхъ всего ими пережитаго и переживаемаго вмѣстѣ съ нами! Что, какъ не это прирожденное высшее благородство и во многомъ моральное превосходство — такъ часто, по одному слову, по призыву нашихъ Великихъ Княгинь и Великихъ Князей, привлекаетъ къ дѣлу помощи многострадальнымъ жертвамъ революціи — многихъ, погрязшихъ въ эгоизмѣ и утилитаризмѣ представителей современной «денежной аристократіи», этихъ «демократическихъ выдвиженцевъ» — богатѣевъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ?

Передъ нами и другой — еще болѣе поучительный примѣръ. Въ текущемъ году, внукъ Императора — Рыцаря Николая Павловича, Великій Князь Александръ Михаиловичъ прочиталъ — и съ какимъ успѣхомъ! — 62 лекціи въ 47 городахъ Америки и Канады (изъ нихъ 15 — въ Нью-Іоркѣ) передъ разнообразнѣйшими аудиторіями, переполненными какъ обычною американскою публикой, такъ и исключительно молодежью. Напримѣръ, въ Калифорнійскомъ университетѣ, собралось 1.800 студентовъ, а на спортивномъ стадіонѣ, его слушало около 5.000 человѣкъ. И вездѣ — въ этой не «по-милюковски», а дѣйствительно демократической странѣ — слушали русскаго Великаго Князя съ серьезною вдумчивостью въ его слова, съ самымъ трогательнымъ вниманіемъ и сердечностью.

О чемъ-же онъ говорилъ? Конечно, не о политикѣ и не о томъ, о чемъ періодически проповѣдуютъ въ той-же Америкѣ гастролирующіе тамъ: одержимый маніей революціоннаго величія Керенскій и не менѣе «знаменитый» «буржуазный демократъ», вѣщающій о «послѣднихъ новостяхъ...» его ученаго подхалимства передъ большевиками, тактическаго его приспособленія къ «завоеваніямъ октября и февраля» и лакейства РДО передъ французскими радикалами-якобинцами...

Этотъ послѣдній «гастролеръ» состязался когда-то въ Америкѣ съ прославленнымъ хулителемъ «царизма» — съ извѣстнымъ Дж. Кеннаномъ, который въ 1893 г. читалъ американцамъ еще болѣе лживыя лекціи объ «ужасахъ режима каторги и кнута», выходя на эстраду въ костюмѣ каторжника и въ кандалахъ...

И вотъ, послѣ полустолѣтія глумленій надъ Царскою Россіей, Америка услышала изъ устъ представителя трехсотлѣтней династіи Русскихъ Царей вдохновенное слово... о любви къ ближнему, какъ основномъ законѣ мірозданія, о высшемъ нравственномъ идеалѣ, о духовномъ самовоспитаніи и усовершенствованіи духа народнаго — какъ основѣ благополучія и преуспѣянія современнаго человѣчества.

Въ переживаемую эпоху глубочайшаго кризиса — политическаго, соціальнаго, финансово-экономическаго и морально-психологическаго, — раздалось это вдохновенное слово въ самой передовой странѣ и было услышано

Сказано было именно то, чего всюду и всегда такъ жаждутъ теперь души человѣческія, опустошенныя все и всѣхъ нивеллирующимъ «демократизмомъ», такъ *угашающимъ духъ* народовъ, одурманиваемыхъ «опіумомъ» соціализма и опутываемыхъ режимомъ партійнаго «демократическаго парламентаризма».

Объ этомъ кризисѣ послѣ-монархической государственности съ ея мнимыми «свободами» и лженародоправствомъ трактуется теперь на всѣхъ языкахъ и не только въ газетныхъ статьяхъ: выпускаются цѣлыя книги и ученыя изслѣдованія, безжалостно разоблачающія, какъ добросовѣстныя заблужденія, такъ и сознательную ложь — цѣлыхъ поколѣній «политическихъ умниковъ», фанатическихъ послѣдователей разрушительныхъ идей якобинцевъ XIX вѣка съ ихъ «заповѣдями демократизма».

Отживаемая уже Европой историческая эпоха революціоннаго республиканизма и конституціоннаго парламентаризма ярко выявила всѣ противо-народныя и анти-государственныя послѣдствія увлеченій этими далеко не совершенными формами государственности, почти всюду замѣнившими старый испытанный монархическій строй.

Но только послѣ-военный хаосъ открылъ наконецъ глаза многимъ независимымъ мыслителямъ и государственнымъ дѣятелямъ — патріотамъ. Оказалось, что эпоха парламентарно-демократическихъ увлеченій — прежде всего «ограбила» государство и во вредъ народнымъ интересамъ всюду лишила его прежней мощи и полноты власти, не надѣливъ взамѣнъ какими либо новыми прерогативами. И всюду подсказывается одинъ выходъ изъ положенія — въ возстановленіи авторитета власти и могущества государственной идеи. Горькимъ опытомъ многихъ народовъ осознано наконецъ и исключительно важное значеніе для каждой націи — ея «элиты»: сила каждаго государства заключается въ творчествѣ *лучшихъ его людей*. Во всѣхъ областяхъ — культурной, промышленной, сельско-хозяйственной, военной и административной — основою преуспѣянія признается необходимость этой «ставки на сильнѣйшихъ», на отборныя силы страны. Вотъ почему не должно насъ удивлять, что въ переживаемый историческій моментъ отрезвленія и переоцѣнки такъ наглядно потерявшихъ свою цѣну «модныхъ» соціально-политическихъ цѣнностей — сильная и тѣломъ, и духомъ Америка, безспорно являющаяся «элитою современнаго человѣчества» — съ такимъ интересомъ и отзывчивостью внимала великокняжеской рѣчи о всечеловѣческомъ идеалѣ.

Сущность своихъ лекцій Великій Князь коротко резюмируетъ [1]) въ слѣдующихъ словахъ:

«Я говорю объ исторіи Россіи за послѣднія 50 лѣтъ, о міровой войнѣ и революціи, о нынѣшней жизни въ Россіи. Разсказываю и о себѣ, объ урокѣ своей жизни и объ ея итогахъ. Говорю о томъ, что жизнь человѣка, общества, народа и государства должна имѣть въ основѣ законъ любви — единственный основной законъ мірозданія. Только въ этомъ случаѣ человѣческая жизнь можетъ отвѣчать гармоніи міра. Неумѣніе людей слѣдовать этому закону происходитъ отъ ихъ полной духовной безграмотности, въ этомъ же и корень всѣхъ отрицательныхъ сторонъ человѣческаго общежитія. Мы живемъ внѣшностью, оболочкой. Аэропланъ, телескопъ, машину, вѣдь могъ бы построить и звѣрь съ развитымъ мозгомъ. Все это — поверхностное, случайное и безцѣльное. Какъ наука, такъ и философія — что-то пріятное своей логической послѣдовательностью, но весьма короткое, отрывочное. Пріятное, какъ рѣшеніе ненужнаго ребуса. А развѣ главное въ заботѣ объ этой вотъ человѣческой покрышкѣ, длительность которой ничтожна, развѣ сами мы не являемся носителями и безсознательными обладателями чего-то несравненно болѣе значительнаго и цѣннаго? Эта непрерывная забота о внѣшнемъ устроеніи усыпляетъ духъ, эта жизнь интересами оболочки уравниваетъ насъ со звѣрями и лишаетъ безграничныхъ возможностей. Мы сами себя обкрадываемъ. Только духовное воспитаніе дастъ возможность людямъ, во-первыхъ, ощутить, а, во-вторыхъ, до какой-то степени и познать себя, понять смыслъ и цѣль жизни вообще и земной, въ частности, сознать свои духовныя силы и возможности ими пользоваться, ощутить безсмертіе духа, т. е. несуществованіе смерти. Результатомъ такого воспитанія явятся и новыя формы жизни. Народится духовная демократія, единственно истинная. Эта демократія дастъ и будущія формы соціальнаго устройства. Развѣ не доказали свою несостоятельность всѣ формы общежитія? Развѣ удовлетворяетъ людей пресловутый парламентаризмъ?... Двадцать — за, десять — противъ... Да вѣдь если десять противъ, то это уже очень далеко отъ правды. Разъ борьба, то и непремѣнная несправедливость».

«Казалось-бы, что Америка, какъ разъ, самая неблагодарная аудиторія для такихъ вотъ лекцій».

«Нѣтъ, это заблужденіе. Я знаю Америку сорокъ лѣтъ. Да, американцы очень практичны, захвачены духомъ стяжательства, но въ этомъ матеріалистическомъ азартѣ есть и что-то спортивное, т. е. не вполнѣ серьезное, не глубокое. Да и этотъ

---

[1]) Р. Днѣпровъ: «У Великаго Князя», — «Возрожденіе», № 1867.

сумасшедшій темпъ жизни идетъ по инерціи, онъ начатъ ихъ предпріимчивыми предками и замедлить его уже не въ силахъ. Но за всей ихъ увлеченностью практицизмомъ, они подвержены внутреннему безпокойству, нѣкой тоскѣ, стремленію выйти изъ этого колдовского круга и смотрите, какъ непонятно широко отзывается Америка на всякую благотворительность, на всякое хорошее, доброе дѣло, — о, гораздо шире, чѣмъ полагалось бы ей въ предѣлахъ нѣкоей пропорціональности, соотвѣтственно ея богатству. Европа спокойна, разумна, поражена разумомъ, а разумъ сковываетъ душевныя движенія. Тамъ же теплѣй сердца...».

«Мои лекціи находятъ широкій откликъ. Я вѣдь ничего не ищу, ничего не хочу для себя. И такъ какъ самому то мнѣ ничего не нужно, я искрененъ, не уклоняюсь ни отъ какихъ вопросовъ и говорю все самое простое, только забытое людьми, но очень имъ близкое, необходимое, по чему не можетъ не тосковать теперешній человѣкъ — ко мнѣ очень внимательны. Я ничего у нихъ не прошу, я говорю, какъ говоритъ человѣкъ человѣку. И потому я могу говорить правду».

«Тамъ въ началѣ ко мнѣ былъ какой-то цирковый интересъ. Пятьдесятъ лѣтъ въ Америкѣ свирѣпствовала соціалистическая и руссофобская пропаганда. Русскихъ, представляли темными и злобными дикарями, а насъ, близкихъ къ царю, рисовали чудовищами, держащими народъ въ цѣпяхъ, свирѣпыми палачами, вампирами. И сейчасъ люди бросаются на эти лекціи — увидѣть меня, ждутъ этакого плакатнаго жандарма, съ громандными усами, съ нагайкой въ рукѣ, требующаго возврата «царскаго режима», и встрѣчаютъ простого мирнаго человѣка, слышатъ слова, простыя и человѣческія, и нужныя».

«Я много читалъ, много видѣлъ, я знаю исторію религій и философію, но все это мало и не удовлетворяетъ вотъ этой человѣческой тревоги. Съ дѣтства я не могъ сократить себя, свое внутреннее волненіе успокоить кругомъ формальной религіи, смирить себя правилами законоучителя. Преступленіе-наказаніе, рай-адъ... Мнѣ и тогда хотѣлось перескочить черезъ эту успокаивающую стѣну, остаться въ одиночествѣ, подумать о Богѣ, о человѣкѣ, о задачѣ его, потому что не могъ же онъ родиться безсмысленно... Духъ и тяготѣніе къ Богу — старше религій. Религіи проходятъ, мѣняются, душа же — голосъ неизмѣнной вѣчности. Религія Христа — религія любви, слово, самое близкое человѣческой душѣ. Христосъ и не оставилъ формальнаго закона, его построили люди, создавъ религію. А Христосъ оставилъ одинъ законъ, законъ развитія души. Вѣдь если бы Онъ пришелъ сейчасъ, развѣ Онъ говорилъ бы такъ и тѣми словами, какъ говорилъ? Вѣдь мы ушли отъ тѣхъ

простыхъ людей, среди которыхъ Онъ жилъ, душа наша стала тревожнѣй, сами мы беззащитнѣй и неувѣреннѣй, несмотря на «блескъ» нашей культуры».

«На моихъ докладахъ бываетъ очень много духовныхъ лицъ всѣхъ религій; и даже католики, люди формальнаго догматизма, меня поддерживаютъ. У меня много среди нихъ друзей. Скажу больше — въ октябрѣ нынѣшняго года я буду читать какъ разъ передъ собраніемъ духовенства по особому ихъ приглашенію».

«Для меня принадлежность къ той или иной религіи или расѣ еще нисколько не опредѣляетъ человѣка. И такъ я совершенно искрененъ въ этомъ и это есть для меня правда, ко мнѣ и евреи, какъ и всѣ, относятся хорошо и съ полнымъ довѣріемъ. Среди тамощней еврейской молодежи есть интересное движеніе — они очень внимательно изучаютъ жизнь Христа, многіе считаютъ Его своимъ пророкомъ. Это не значитъ, что они склоняются къ христіанству, какъ къ религіи, но уже очень хорошо и это вниманіе къ ученію Христа, самому благородному и человѣчному изъ всѣхъ».

«Я не могу не говорить о томъ ужасѣ, въ который брошена наша Родина. Но и помимо того, вся моя работа является непроизвольно *антикоммунистической*. Я говорю о развитіи духовномъ въ противовѣсъ одолѣвающему человѣчество матеріализму. *Коммунизмъ есть логическое и совершенное завершеніе матеріализма. Коммунизмъ — это термиты. Стройная и бесмысленная система рабства.* Но термиты и остались термитами, а мы все таки ушли отъ пещернаго человѣка...».

Вотъ о чемъ говорилъ Великій Князь Александръ Михаиловичъ и слова его такъ напоминаютъ старшаго брата его Августѣйшаго Дѣда — человѣчнѣйшаго Государя Александра Благословеннаго, стяжавшаго любовь народа и симпатіи всего міра и до конца дней своихъ обремененнаго заботою о внутреннемъ счастьи человѣка...

Совершенно также — самыми искренними заботами о счастьи 180 милліоновъ людей, Его подданныхъ, преисполненъ былъ и послѣдній нашъ Самодержецъ.

Глубоковѣрующій православный христіанинъ, всецѣло отдавшійся тяжкому подвигу — служенію Россіи, проникнутый сознаніемъ Своего долга и такой *русскій* всею своею душой — Государь Императоръ Николай Александровичъ всегда былъ готовъ на самопожертвованіе и 2 марта 1917 года принесъ Себя въ жертву для блага Русскаго народа — какъ это Онъ тогда понималъ...

Въ дневникѣ французскаго посла М. Палеолога, недѣлю спустя послѣ принятія на себя (въ 1915 г.) Государемъ Верхов-

наго Главнокомандованія, записано слѣдующее сообщеніе А. А. Вырубовой:

«На дняхъ, послѣ литургіи, Государь сказалъ намъ: *Можетъ быть нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россію — я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня*».

«Когда Онъ это сказалъ, Онъ былъ очень блѣденъ, но его лицо выражало полную покорность Волѣ Божіей» (Т. II, стр. 62).

А въ воспоминаніяхъ англійскаго посла Бьюкененъ мы читаемъ:

«Если бы Онъ (Государь Николай Александровичъ) жилъ въ классическія времена, Его жизнь и смерть послужили-бы сюжетомъ для какой-нибудь великой трагедіи древне-греческаго поэта. Поэтъ изобразилъ-бы Его жертвой, гонимою рокомъ, при каждомъ послѣдовательномъ шагѣ преслѣдуемымъ безжалостною судьбой вплоть до того момента, покуда не опустился занавѣсъ надъ душу-раздирающей сценой въ подземельи дома въ Екатеринбургѣ...» (Т. II, стр. 56).

Нравственный обликъ покойнаго Государя, обликъ трагическій. Его обликъ на цѣлые *вѣка будетъ причиною слезъ и стыда для народа за себя и благоговѣйной благодарности Богу за Покойнаго.*

Есть историческія личности, которымъ суждено глубоко *страдать за себя и другихъ*. Такимъ былъ нашъ *покойный Государь*. Родившись въ день многострадальнаго Іова, Государь считалъ и самъ обреченнымъ себя на страданія. Мы надѣялись, что на Государѣ исполнятся и послѣдніе годы Іова, когда ему было возвращено его благополучіе, но этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться [1]).

Былъ у насъ въ Россіи и другой Іовъ, угодникъ Божій, Іовъ Почаевскій, почившій въ 1651 году. Онъ написалъ собственноручное письмо царю Михаилу Феодоровичу, въ которомъ выражая свою радость Русскому Самодержавію, указывалъ, что Русскій Царь долженъ быть не только автократомъ, но и монократомъ, т. е. *Царемъ всей вселенной*.

---

[1]) Въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ русскихъ людей, свято чтущихъ память злодѣйски убіенныхъ Царственныхъ Мучениковъ сооружается въ Брюсселѣ Св. Храмъ во имя Святого и праведнаго Іова Многострадальнаго въ память Царя-Мученика Николая II и всѣхъ Русскихъ людей, богоборческой властью въ смутѣ убіенныхъ.

Для этого святаго дѣла образованъ комитетъ подъ покровительствомъ Великой Княгини Ксеніи Александровны и почетнымъ предсѣдательствомъ Сербскаго патріарха Варнавы. Почетные члены комитета: митрополитъ Антоній, архіепископы — Сарафимъ и Иннокентій, всѣ сербскіе архипастыри и вдова Николы Петровича Пашича, Джуржина Пашичъ.

Русскіе называли всегда православную вѣру благочестивой вѣрой, а самое ученіе православнаго христіанства ученіемъ благочестія, какъ оно и въ Священномъ Писаніи называется (I Тим. 3, 16 и мн. другіе). Подъ благочестіемъ же всѣ разумѣютъ жизнь, посвященную духовному совершенствованію, какъ своей главной цѣли.

Конечно, такая жизнь доступна бываетъ ревнителю добродѣтели при любомъ правленіи въ государствѣ и даже при полномъ отсутствіи всякой государственности, какъ спасались преподобные отшельники. Но, чтобы благочестіе стало не единоличнымъ только подвигомъ, а общественнымъ, общенароднымъ, при какомъ правленіи это бываетъ болѣе доступнымъ для людей?

Лицемѣры и глупцы любятъ говорить будто для нравственной, и даже для духовной, жизни необходима прежде всего политическая свобода, при чемъ сейчасъ же подмѣняютъ понятія, отожествляя свободу съ республикой или съ парламентаризмомъ.

На самомъ же дѣлѣ именно нигдѣ такъ не стѣсняется нравственная свобода, какъ при подобномъ общественномъ устройствѣ. Въ государствахъ республиканскихъ и парламентскихъ нравственное духовное начало отодвигается на самый заднiй планъ и жизнь общественная пріобрѣтаетъ характеръ общей погони за властью, а, слѣдовательно, и за деньгами, и превращается въ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ.

Въ Западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ люди даже образованные, перестали понимать, что такое, напримѣръ: смиреніе, всепрощеніе, братолюбіе, долготерпѣніе, покаяніе, цѣломудріе, и разработали *философію утилитаризма*, въ которой отрицается для человѣка возможность безкорыстнаго служенія добру, а приводимые примѣры такихъ явленій считаются обманомъ, или самообманомъ. Такъ учатъ знаменитѣйшіе моралисты современности Милль, Спенсеръ и др. въ Англіи, а въ Россіи Сѣченовъ и др., тоже популярные писатели и мыслители. А за ними политическіе дѣятели давно уже стали на томъ взглядѣ на общество, что оно всегда будетъ, да и должно прежде всего добиваться своего удовольствія, своей пользы. И на такомъ мотивѣ разрабатываютъ планы государственнаго устройства, принудительно ограждающаго людей отъ взаимнаго самоистребленія и взаимныхъ обидъ, и дающаго просторъ для достиженія всѣми цѣлей честолюбивыхъ и самолюбивыхъ. Отсюда пошли всѣ конституціи, парламенты и республики.

Однако невозможно исторгнуть изъ человѣческой души и изъ души народа противоположныхъ стремленій къ самоотверженію, уступчивости и послушанію.

Если подобное побужденіе преобладаетъ въ данномъ обществѣ, то естественное желаніе славы, богатства и всяческихъ удобствъ переносится съ личности на весь народъ, на все вѣроисповѣдное или національное общество, а личность обязывается послушаніемъ и служеніемъ тому, кто управляетъ народомъ. Такова въ общемъ концепція общественности патріархальной и въ частности русской, и вообще православной. Отсюда благоговѣйное и безкорыстное уваженіе къ распорядителю общенароднымъ благомъ, требованіе для него освѣщенія свыше, и сыновняя къ нему любовь...

Разбирая статью Жуковскаго «Бородинская годовщина», написанную по случаю открытія бородинскаго памятника въ 1839 году, Бѣлинскій выразилъ рядъ замѣчательныхъ мыслей, которыя многіе наши соотечественники не ожидали бы найти въ произведеніяхъ знаменитаго критика:

«Для насъ, Русскихъ, нѣтъ событій народныхъ, которыя бы не выходили изъ живого источника высшей власти. Велико было событіе 1613 г., но предки наши имъ не гордились и не радовались, а скорбѣли и печалились, доколѣ домъ Романовых не далъ имъ Царя. Только отъ этой великой минуты имъ возвращена была слава, потому ,что уже явилось царское имя, освятившее ее и безымянному подвигу давшее и имя, и цѣль, и значеніе. Пусть будетъ велико и наше народное торжество, пусть, какъ волны океана, сольется въ него все народонаселеніе необъятной Россіи. Но если бы эта неисчетная громада народа не видѣла впереди себя своего Царя, который въ спокойномъ, царственномъ величіи привѣтствуетъ ея восторженные клики, и на лицѣ котораго она читаетъ и грозу, и милость, и царскую доблесть, и великій мощный духъ, на который спокойно и самоувѣренно опирается ея счастіе въ настоящемъ и надежды въ будущемъ, — тогда для нея торжество было бы не торжествомъ, а безсмысленной сходкой празднаго народа и въ священномъ не было бы священнаго. ... Оттого то молодѣетъ нашъ старый державный Кремль, и кипитъ народомъ и оглашается своимъ вѣковымъ «ура!» когда надъ дворцомъ гордо развѣвается широкій флагъ — залогъ присутствія того, кто есть жизнь и душа своего народа...».

«Да, въ словѣ «Царь» чудно слито сознаніе Русскаго народа, и для него это слово полно поэзіи и таинственнаго значенія... И это — не случайность, а самая строгая, самая разумная необходимость, открывающая себя въ исторіи народа Русскаго. Ходъ нашей исторіи обратный въ отношеніи къ европейской... У насъ правительство всегда шло впереди народа, всегда было звѣздой путеводной къ его высокому назначенію. Царская власть всегда была живымъ источникомъ, въ которомъ не изся-

кли воды обновленія, — солнцемъ, лучи котораго, исходя отъ центра, разбѣгались по суставамъ исполинской корпораціи государственнаго тѣла и проникали ихъ жизненной теплотой и свѣтомъ. Въ Царѣ — наша свобода, потому что отъ него вся наша цивилизація, наше просвѣщеніе, такъ же какъ отъ него наша жизнь. Одинъ великій Царь освободилъ Россію отъ татаръ и соединилъ ея разъединенные члены; другой — еще большій — ввелъ ее въ сферу новой обширнѣйшей жизни; а наслѣдники того и другого довершили дѣло своихъ предшественниковъ. И потому-то всякій шагъ впередъ Русскаго народа, каждый моментъ развитія его жизни всегда былъ актомъ царской власти. Но эта власть не была никогда абстрактной и произвольно случайной, потому что всегда таинственно сливалась съ волей Провидѣнія — съ разумной дѣйствительностью, мудро угадывая потребности государства, сокрытыя въ немъ, безъ вѣдома его самого и приводя ихъ въ сознаніе. Отсюда происходитъ эта дивная симпатія, сдѣлавшая единое и цѣлое изъ двухъ началъ, это всегдашнее и безусловное повиновеніе царской волѣ, какъ волѣ самого Провидѣнія. Итакъ, не будемъ толковать и разсуждать о необходимости безусловнаго повиновенія царской власти: это ясно само по себѣ. Нѣтъ, есть нѣчто важнѣе и ближе къ сущности дѣла: это — привести въ общее сознаніе, что безусловное повиновеніе царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзія нашей жизни, наша народность, если подъ словомъ «народность» должно разумѣть актъ слитія частныхъ индивидуальностей въ общемъ сознаніи своей государственной личности и самости. И наше Русское народное сознаніе вполнѣ выражается и вполнѣ исчерпывается словомъ «Царь», въ отношеніи къ которому «Отечество» есть понятіе подчиненное, слѣдствіе причины. Итакъ пора уже привести въ ясное, гордое и свободное сознаніе то, что въ продолженіе многихъ вѣковъ было непосредственнымъ чувствомъ и непосредственнымъ историческимъ явленіемъ. Пора сознать, что мы имѣемъ разумное право быть горды нашей любовью къ Царю, нашей безграничной преданностью его священной волѣ, какъ горды англичане своими государственными постановленіями, какъ горды Сѣверо-Американскіе Штаты своей свободой...».

«Необъятно пространство Россіи, велики ея юныя силы, безпредѣльна ея мощь — и духъ замираетъ въ трепетномъ восторгѣ отъ предощущенія ея великаго назначенія, ея — законной наслѣдницы жизни трехъ періодовъ человѣчества. Есть чему радоваться, есть чѣмъ быть блаженными и гордыми въ нашемъ народномъ сознаніи. Но не забудемъ же, что достиженіе цѣли возможно только черезъ разумное развитіе не

какого-нибудь чуждаго и внѣшняго, а субстанціальнаго, родного начала народной жизни, и что таинственное зерно, корень, сущность и жизненный пульсъ народной жизни выражается словомъ «Царь».

Черезъ 75 лѣтъ послѣ Бѣлинскаго французскій посолъ въ Петроградѣ Палеологъ записалъ на страницахъ своего дневника слѣдующія слова «стараго князя X»:

«Самодержавіе судится по описаніямъ нашихъ революціонеровъ. Заграницей не знаютъ, что Россія и Самодержавіе не раздѣльны. Цари создали Россію. И наиболѣе суровые и немилосердные были наилучшими. Безъ Іоанна Грознаго, Петра Великаго, безъ Николая I не было бы Россіи. Русскій народъ самый покорный, когда онъ строго управляемъ, но онъ не способенъ на самоуправленіе. Лишь только ослабляетъ поводъ — онъ впадаетъ въ анархію. Русскій народъ нуждается въ хозяинѣ, хозяинѣ неограниченномъ: онъ идетъ прямо только тогда, когда надъ его головой желѣзная рука. Малѣйшая свобода его опьяняетъ. Вы не измѣните природы: есть люди, которые пьяны отъ одного стакана вина. Мы можетъ быть восприняли это отъ долгаго татарскаго ига, но это такъ. Нами никогда не будутъ управлять по англійскому способу. Нѣтъ, никогда парламентаризмъ у насъ не укрѣпится».

«Прогрессисты, кадеты, октябристы предаютъ существующій строй и лицемѣрно ведутъ насъ къ революціи, которая, впрочемъ, смететъ ихъ въ первый-же день, такъ какъ пойдетъ много далѣе, чѣмъ они предполагаютъ. Она превзойдетъ въ своихъ ужасахъ все, что когда-либо имѣло мѣсто. Не одни соціалисты будутъ торжествовать — мужикъ тоже вмѣшается въ дѣло. А когда мужикъ, который имѣетъ такой кроткій видъ, срывается съ цѣпи — онъ становится дикаремъ... Увидятъ времена Пугачева. Это будетъ ужасно...» Столь основательно вразумленный и въ соотвѣтствіи съ настроеніями момента, посолъ отвѣтилъ: «Я живо желалъ-бы, чтобы всякія попытки къ реформѣ были отложены до подписанія мира, такъ какъ я согласенъ, что въ настоящее время самодержавіе является наивысшимъ выраженіемъ національности Россіи и ея наибольшею силой» (Т. II, стр. 102-104).

Въ томъ же дневникѣ М. Палеологъ приводитъ и мнѣніе Великаго Князя Павла Александровича, который также предостерегалъ нашего союзника-республиканца о гибельныхъ послѣдствіяхъ «дворцоваго переворота» — возможности убійства Государя и гибели династіи:

«А что-же посадить на ихъ мѣсто?... Русскій народъ неспособенъ къ самоуправленію. У него нѣтъ никакого политическаго воспитанія: девять десятыхъ населенія не умѣетъ ни

читать, ни писать; рабочіе прогнили въ анархизмѣ; крестьяне только и думаютъ о раздѣлѣ земли... Съ этимъ можно опрокинуть образъ правленія, но нельзя создать правительство! Если вспыхнетъ революція, то она превзойдетъ по своей дикости все, что когда либо происходило... Это будетъ ужасно. Россія этого не переживетъ!...».

Такъ говорилъ разстрѣлянный большевиками Великій Князь Павелъ Александровичъ — за годъ до своей мученической кончины.

Русскій Православный Самодержецъ — это не внѣшній носитель государственной власти, не только глава государства и формальный начальникъ, но это символъ особаго, спеціально русскаго пониманія жизни, особаго міровоззрѣнія, близкаго, какъ простолюдину, такъ и человѣку образованному. Это весь смыслъ историческаго бытія Россіи.

Поэтому служа и защищая идею Царя, тѣмъ самымъ защищается весь самобытный строй русской жизни, черпающій свои источники изъ неугасающихъ основъ народной жизни, на которыхъ и основывается Русское Самодержавіе. Эта идея не умретъ до тѣхъ поръ, пока въ русскихъ сердцахъ жива будетъ Православная вѣра, вся полнота которой находитъ свое выраженіе въ Русскомъ Царствѣ.

Вотъ почему всѣ соображенія о томъ, что въ русскомъ народѣ за истекшеіе десять лѣтъ революціи произошли колоссальныя измѣненія, что все прошлое навсегда сметено, не имѣютъ никакой силы и никакого значенія въ отношеніи Православнаго Самодержавія.

Годы революціи доказали, что безъ благодатнаго Царя ни мѣрами принужденія и ни свободами соединить Россію въ единый здоровый организмъ совершенно невозможно. Поэтому съ каждымъ уходящимъ годомъ въ народномъ сознаніи Самодержавіе будетъ не угасать, а, наоборотъ, возрастать все съ большей яркостью и красотой.

Пусть поэтому никто не думаетъ, что разсужденія о Русскомъ Православномъ Царствѣ есть голосъ только чувствъ, только воспоминанія о прошломъ, ушедшемъ, какъ прекрасный сонъ. Нѣтъ — это самая реальная жизнь. Доказательствомъ тому служатъ тысячелѣтніе годы русской исторіи.

Если бы кто-либо далъ себѣ трудъ перечитать разсужденія и предсказанія прежнихъ руководителей русской общественной жизни, онъ пришелъ бы въ изумленіе, какъ люди, часто обладавшіе обширнѣйшей эрудиціей и блестящимъ образованіемъ, совершенно не знали и не понимали Россіи. Ихъ прогнозы въ отношеніи Россіи никогда не оправдывались, ихъ, быть можетъ и очень гуманныя разсужденія, были совершенно

оторваны отъ русской жизни и не могли дать никакого иного плода, кромѣ дикаго коммунизма. Остается лишь удивляться чѣмъ держалась Россія. Она прямо чудеснымъ образомъ существовала на одной идеѣ Русскаго Царства, покоившейся въ народной душѣ, но забытой и находившейся въ пренебреженіи въ умахъ руководителей русской жизни.

Казалось бы, что ужасная катастрофа, случившаяся съ Россіей, должна была бы способствовать выработкѣ единыхъ гранитныхъ убѣжденій, хотя бы въ руководящихъ слояхъ русскаго общественнаго сознанія. Но, увы, на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не замѣчается. Въ эмиграціи можно составить политическую панораму, изъ которой наглядно видно, что въ нашихъ теченіяхъ общественной жизни господствуютъ тѣ же самыя идеи, которыя были и въ *предреволюціонной* Россіи. Общественная мысль плѣнена *лже-либерализмомъ*, весьма выцвѣтшимъ, утратившимъ былой гордый видъ, но неизмѣнно лелѣющимъ надежду, что наступитъ день, когда они продолжатъ свою работу именно въ томъ направленіи, въ какомъ она велась въ предреволюціонной Россіи

Не нашлось ни одного отвѣтственнаго общественнаго дѣятеля, который бы честно сказалъ: «я ошибался, господа, я велъ васъ ложной дорогой, нужно думать о Россіи не такъ, какъ я васъ училъ». Наоборотъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, мы слышимъ призывы слѣдовать тѣмъ же идеямъ, которымъ они слѣдовали до сихъ поръ, и которые ни къ чему не привели.

Много брала на себя одержимая маніей самомнѣнія эта «интеллигенція», но много-ли ея было на всю нашу одну шестую часть свѣта? Всего какая-нибудь сотня тысячъ, тогда какъ остальнаго русскаго народа много больше ста милліоновъ!

Отношеніе же всей этой массы народа къ своему Царю было совсѣмъ иное, чѣмъ отношеніе пресловутой интеллигенціи.

Ни одно государство въ мірѣ не было такою великою идеей, какъ государство Русское. Его идея: «да пріидетъ царствіе Твое». И ни одинъ государь не стяжалъ себѣ такого сыновняго отношенія народа, какъ государи Русскіе, Самодержавные. Царскихъ чиновниковъ народъ уважалъ только, какъ поставленныхъ царемъ согласно Писанію (I Петр., 2, 14) и требовалъ отъ нихъ, хотя бы нѣкотораго сходства съ отношеніемъ Царя къ народу.

Писатели западническаго направленія, напримѣръ, Тургеневъ и Островскій высмѣивали это чувство, это стремленіе народа, но насмѣшки не достигали цѣли. «Судить ли васъ

по совѣсти или по закону?», спрашивалъ простолюдиновъ городничій у Островскаго. «Суди по совѣсти родимый», единодушно отвѣчалъ народъ. И теперь народное сердце устремляется къ православному царю: «Суди насъ по совѣсти родимый». Вотъ это Русь, это христіанство, и этотъ духъ отъ высоты царскаго престола проникалъ собой всю Русскую жизнь.

У насъ на Руси Царя называютъ отцомъ, батюшкой-царемъ. Такого названія и съ такимъ чувствомъ удостаиваются только священники, т. е. духовенство.

Ни къ министру, ни къ городскому головѣ, ни къ штату чиновниковъ Русскій, напримѣръ, народъ, не считаетъ себя обязаннымъ питать сердечную преданность и вообще нѣжныя чувства, но все это онъ почитаетъ своимъ долгомъ по отношенію къ монарху, который несетъ на себѣ и на своемъ потомствѣ отвѣтственность за ввѣренный ему народъ. Бремя это познается, какъ тяжкое иго для души, но не отложное.

Памятнымъ осталось представленіе Государю въ составѣ депутаціи отъ Волынской губерніи въ 1908 или въ 1909 г. Волынскіе жители представили Государю 17 толстыхъ переплетенныхъ томовъ, исписанныхъ своими подписями, въ которыхъ умоляли Государя сохранять Самодержавіе и не сдаваться на конституцію. Послѣ представленія Государь спросилъ: «кто изъ васъ Шульгинъ?». Шульгинъ назвалъ себя. Государь благодарилъ г. Шульгина за патріотическую рѣчь, произнесенную въ Государственной Думѣ. Шульгинъ со слезами умиленія на глазахъ отвѣтилъ: я радъ тому, что моя рѣчь понравилась Вашему Величеству. Черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же самый Шульгинъ явился къ Государю съ позорной миссіей требовать отреченія Его отъ Престола. *Sic transit gloria mundi* [1]).

Государь съ самаго начала своего царствованія обратилъ свое вниманіе на тѣхъ, кто нуждался. Вѣроятно, по примѣру о. Іоанна Кронштадтскаго, Онъ сталъ по всей Россіи учреждать Дома трудолюбія, которые наши либералы также стремились превратить въ дома праздности.

Государь во многомъ улучшилъ положеніе старообрядцевъ и раскольниковъ. Хотя спасительна только одна Св. Православная Церковь, но то, что сохранилось у раскольниковъ отъ древности дѣлаетъ ихъ весьма близкими къ вѣчному спасенію. Надо сказать, что Государь любилъ простыхъ людей и простыхъ монаховъ. Эта любовь особенно сказалась при одномъ изъ посѣщеній Государя съ семьей Кіево-Печерской Лавры. Въ

---

[1]) Краткое содержаніе рѣчи произнесенной Митрополитомъ Антоніемъ на собраніи, устроенномъ редакціей «Ц. В.» въ г. Бѣлградѣ 9-22 декабря 1929 года.

то время какъ съ іерархами Государь здоровался, цѣлуясь рука въ руку, при посѣщеніи Кіево-Печерской Лавры Государь взялъ подъ мышку свою фуражку и сталъ подходить смиренно подъ благословеніе къ выстроившимся іеросхимонахамъ, за нимъ послѣдовала Государыня и дочери. Принявъ благословеніе отъ всѣхъ іеросхимонаховъ Государь подошелъ къ простымъ схимникамъ старцамъ и здѣсь настоятель монастыря доложилъ Государю, что эти старцы, неимѣющіе священнаго сана, не могутъ давать благословеніе. Вообще Государь имѣлъ особое свойство смиреномудрія. Вотъ яркій тому примѣръ:

Въ *Revue de Deux Mondes* (февраль 1928 г.) напечатанъ дневникъ гофмаршала Высочайшаго Двора гр. Бенкендорфъ, который разсказываетъ о посѣщеніи Керенскимъ Ихъ Величествъ 3, 9 и 25 апрѣля 1917 г. въ Царскосельскомъ дворцѣ:

3 апрѣля, около 2-хъ часовъ, министръ юстиціи Временнаго Правительства Керенскій прибылъ во Дворецъ, въ сопровожденіи 15-ти человѣкъ. Онъ вошелъ черезъ кухню, собралъ въ корридорѣ всѣхъ людей охраны и произнесъ рѣчь ультра-революціоннаго характера, которая возмутила даже офицеровъ нашей охраны. Затѣмъ обращаясь къ слугамъ, присутствовавшимъ при этой сценѣ, сказалъ имъ, что они болѣе не слуги своихъ хозяевъ и что ихъ обязанность состоитъ теперь въ наблюденіи за всѣмъ происходящимъ во Дворцѣ и въ освѣдомленіи коменданта. Послѣ этой задорной рѣчи, Керенскій ознакомился съ мѣрами охраны и наблюденія за арестованными.

Я его ожидалъ въ пріемной Государя. Вскорѣ онъ вошелъ. Въ высокихъ сапогахъ, въ синей курткѣ плотно застегнутой, изъ подъ которой не было видно никакого бѣлья, онъ имѣлъ видъ одѣтаго по праздничному рабочаго. Манеры его были грубы и рѣзки; онъ не ходилъ, а бѣгалъ по комнатамъ, разговаривая очень громко и быстро. Взглядъ — былъ бѣгающій, наружность антипатичная. Я вошелъ первымъ въ классную комнату, чтобы убѣдиться готовы ли Ихъ Величества принять министра. Государь съ Государыней и Наслѣдникомъ уже тамъ находились. Керенскій вошелъ одинъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ офицеровъ ему замѣчаетъ, что онъ обязанъ никогда его не оставлять одного.

Керенскій настаиваетъ на своемъ и слѣдуетъ за мной одинъ. Остановившись на порогѣ онъ дѣлаетъ, что-то вродѣ поклона и представляется: «Министръ Юстиціи». Взволнованный, съ дрожащими, какъ въ лихорадкѣ, руками, онъ не могъ спокойно стоять на мѣстѣ, прикасался ко всѣмъ предметамъ, которые видѣлъ на столѣ, лепеталъ несвязныя слова и имѣлъ видъ сумасшедшаго. Придя немного въ себя, онъ просилъ меня пригласить полковника Коровиченко и вызвать доктора Боткина.

Полковникъ вошелъ первымъ и былъ представленъ Ихъ Величествамъ, какъ новый комендантъ дворца. Государь удостоилъ его нѣсколькими словами, спросивъ объ его прошлой службѣ. Какъ только пришелъ Боткинъ, Керенскій ему сказалъ, что королева Датская телеграфировала Временному Правительству, справляясь о здоровьи Императрицы и что онъ проситъ доктора сказать — какой можно дать отвѣтъ.

Боткинъ сказалъ, что Ея Величество страдаетъ уже много лѣтъ гипертрофіей сердца, что это состояніе продолжается, но, что теперь Императрица чувствуетъ себя настолько хорошо, насколько возможно въ настоящемъ положеніи и послѣ огорченій, причиненныхъ болѣзнью дѣтей. Императрица повидимому не была удовлетворена такимъ оптимистическимъ отвѣтомъ.

Керенскій обратился тогда къ Государю и попросилъ Его пройти въ сосѣднюю комнату, выражая желаніе переговорить наединѣ. Я оставилъ затѣмъ классную комнату вмстѣ съ полковникомъ Коровиченко и ожидалъ окончанія разговора въ корридорѣ вмѣстѣ съ другими офицерами. Когда министръ присоединился къ намъ, онъ имѣлъ видъ еще болѣе лихорадочный, чѣмъ раньше. Онъ спросилъ меня: осмотрѣнъ ли имъ хорошо весь дворецъ? Я отвѣтилъ, что не осмотрѣны лишь частныя комнаты Императрицы. Тогда онъ сказалъ, что туда онъ пройдетъ лишь вдвоемъ со мной. Но подойдя къ двери онъ видимо раздумалъ и вернулся. Когда мы проходили переднюю, онъ обратился къ прислугѣ съ нѣсколькими высокопарными фразами. Наконецъ онъ простился и торопливо вышелъ...

9 апрѣля, во время обѣдни Керенскій вновь пріѣхалъ во дворецъ и увидя г-жу Нарышкину сказалъ, что по окончаніи богослуженія желалъ-бы поговорить съ «Николаемъ Александровичемъ». Затѣмъ заявилъ, что политическія страсти въ Петроградѣ разгораются и крайніе лѣвые требуютъ помѣщенія Государя въ крѣпость, чтобы удалить Его изъ подъ вліянія Императрицы, которая внушаетъ, какъ думаютъ, контръ-революціонный заговоръ. Временное Правительство хочетъ это уладить, но для этого необходимо отдѣлить Государыню отъ Государя и предложить Императрицѣ переселиться въ другую часть дворца. Такимъ образомъ впредь они могутъ видѣться только за церковной службой и за ѣдой и всегда въ присутствіи караульнаго офицера. Императрица не должна имѣть никакихъ сношеній со своими дѣтьми.

Г-жа Нарышкина взволнованно ему возразила, что если необходимо кого-либо изъ супруговъ разлучить съ дѣтьми, то пусть лучше разлучатъ съ ними Императора. Было-бы слишкомъ жестоко запретить матери ухаживать за своими больными дѣтьми.

Керенскій съ такими доводами согласился. Государь его принялъ послѣ обѣдни и хотѣлъ, чтобы я присутствовалъ при свиданіи, но Керенскій на это не согласился. Министръ повторилъ Его Величеству то, о чемъ у него былъ разговоръ съ Нарышкиной. Было рѣшено, что Государь останется въ своихъ комнатахъ, а Государыня въ своихъ. Видѣться они будутъ только за ѣдой и во время церковныхъ службъ, всегда въ присутствіи дѣтей и никогда наединѣ... Для насъ доступъ къ Ихъ Величествамъ остался свободнымъ.

Послѣ отъѣзда министра я вошелъ къ Государю, который былъ возмущенъ этой нелѣпою мѣрой, примѣненной въ угоду крайнимъ элементамъ и которая повлечетъ за собой систему шпіонажа внутри дворца. На этотъ разъ Керенскій все же былъ болѣе вѣжливъ. Съ этого дня онъ старался увѣрить Ихъ Величествъ и въ этомъ преуспѣлъ, что онъ былъ Ихъ единственнымъ защитникомъ и что только онъ способенъ былъ предотвратить опасность, угрозы которой чувствовалась ими.

25 апрѣля новый визитъ Керенскаго. Государь былъ на прогулкѣ. Министръ далъ знать Императрицѣ, что ему необходимо съ ней переговорить наединѣ и что онъ ее проситъ придти въ кабинетъ Императора. Государыня приказала ему отвѣтить, что она занята своимъ туалетомъ и приметъ его нѣсколько позже въ своемъ салонѣ. Въ тоже время она вызвала г-жу Нарышкину, чтобы она присутствовала при разговорѣ. Въ ожиданіи выхода Государыни докторъ Боткинъ имѣлъ довольно продолжительный разговоръ съ Керенскимъ. Какъ домашній врачъ Царской семьи онъ считалъ своею обязанностью заявить министру, что здоровье Ихъ Величествъ и дѣтей требуетъ продолжительнаго пребыванія въ лучшемъ климатѣ, въ спокойномъ мѣстѣ, отдаленномъ отъ нынѣшнихъ событій. Если нѣтъ возможности перевезти ихъ за-границу — пребываніе въ Ливадіи было бы вполнѣ соотвѣтствующимъ.

Министръ согласился вполнѣ съ этими соображеніями и далъ понять, что пребываніе въ Крыму могло-бы быть вскорѣ устроено. Этотъ отвѣтъ подалъ намъ большія надежды.

Керенскій затѣмъ прошелъ вмѣстѣ съ Коровиченко къ Императрицѣ, но увидѣвъ г-жу Нарышкину, попросилъ ее удалиться: она принуждена была выйти вмѣстѣ съ полковникомъ. Разговоръ длился около часа. У Государыни не осталось отъ этого разговора дурнаго впечатлѣнія.

Министръ былъ вѣжливъ и сдержанъ. Онъ спрашивалъ Императрицу о той роли, которую она играла въ политикѣ, объ ея вмѣшательствѣ въ выборъ министровъ и въ государственныя дѣла. Императрица отвѣтила ему, что Императоръ и она составляли самую дружную семью, единственной радостью

которой была ихъ семейная жизнь, что они не имѣли никакихъ тайнъ другъ отъ друга — они всѣмъ дѣлились. Слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, если въ тяжелыхъ переживаніяхъ послѣднихъ годовъ политика занимала между ними большое мѣсто. Наконецъ Императоръ, будучи почти всегда въ арміи и не видя своихъ министровъ долгіе періоды, естественно поручалъ ей иногда передавать имъ нѣкоторыя малозначительныя указанія. Чаще всего она обсуждала съ нимъ вопросы, касающіяся ее лично, какъ напримѣръ, по дѣламъ Краснаго Креста, о русскихъ военно-плѣнныхъ и о многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, которыми она занималась. Вотъ этимъ и ограничивалась ея политическая роль. Она была увѣрена, что исполняетъ только свой долгъ. Несомнѣнно обсуждались совмѣстно и назначенія министровъ. Но могло ли быть иначе въ такомъ дружномъ интимномъ супружествѣ? Я узналъ лишь впослѣдствіи, что ясность, откровенность и твердость Ея рѣчи поразили очень министра. Въ это время возвратился Государь и принялъ Керенскаго въ своемъ кабинетѣ. Разговоръ шелъ, какъ и въ первый разъ о показаніяхъ бывшихъ министровъ, ссылавшихся часто на Высочайшія повелѣнія, которыя они получали отъ Его Величества.

Государь позволилъ взять изъ шкафовъ Его кабинета всѣ бумаги, въ которыхъ являлась бы необходимость для Верховной Слѣдственной Комиссіи.

Послѣ этого посѣщенія довѣріе Ихъ Величествъ къ Керенскому еще болѣе усилилось. Государыня была очень польщена нѣсколькими льстивыми фразами, съ которыми онъ къ ней обратился...

Самъ Керенскій довольно подробно описываетъ свое первое посѣщеніе Ихъ Величествъ въ качествѣ «революціоннаго министра юстиціи» на стр. 259-й и слѣд. своей книги: „*La Révolution Russe*“ (1917), изданной въ 1928 г. въ Парижѣ.

«Я помню очень хорошо, пишетъ онъ, мое первое свиданіе съ бывшимъ императоромъ, которое состоялось въ концѣ марта въ Александровскомъ дворцѣ. По пріѣздѣ въ Царское Село я началъ съ тщательнаго осмотра всего дворца, чтобы ознакомиться съ порядками, касающимися охраны Царской Семьи и ея содержанія. Въ общемъ этотъ порядокъ и установленныя правила мною были одобрены и я лишь ограничился указаніями коменданту дворца въ смыслѣ нѣкоторыхъ улучшеній. Затѣмъ я просилъ гр. Бенкендорфа, бывшаго гофмаршала двора, предупредить Царя, а также и Императрицу, что я желалъ бы ихъ видѣть.

«Подобіе двора, которое еще окружало сверженнаго мо-

нарха, состоявшее изъ маленькой группы лицъ, его не покинувшей, соблюдало еще прежній церемоніалъ. Старый графъ, играя своимъ моноклемъ, выслушавъ меня, отвѣтилъ: «Я доложу о Васъ Его Величеству». Онъ обращался со мною такъ, какъ нѣкогда обращались съ тѣми, которые пріѣзжали представляться Государю или съ министромъ, просящимъ аудіенціи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и торжественно мнѣ объявилъ «Его Величество изволитъ Васъ принять».

«Хотя мнѣ это показалось смѣшнымъ и неумѣстнымъ, я все же воздержался отъ замѣчанія, что манеры его мнѣ кажутся нѣсколько отжившими. Онъ все еще себя мнилъ гофмаршаломъ Двора Его Величества! Но вѣдь имъ больше ничего и не оставалось, — стоило ли разрушать ихъ иллюзіи?»

«По правдѣ сказать я ожидалъ этого свиданія съ экс-императоромъ не безъ нѣкотораго волненія, боясь потерять хладнокровіе, находясь лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго всегда ненавидѣлъ. Не говорилъ ли я наканунѣ еще одному изъ членовъ временнаго правительства по поводу отмѣны смертной казни: «Мнѣ кажется, что единственный смертный приговоръ, который я могъ бы подписать — это Николаю II».

«Но я держалъ себя такъ, чтобы экс-императоръ не могъ пожаловаться на мое отношеніе къ нему. Я старался сдерживать себя, когда мы въ предшествіи придворнаго лакея проходили безконечный рядъ покоевъ. Наконецъ мы подошли къ комнатамъ дѣтей. Оставивъ меня передъ запертой дверью внутреннихъ покоевъ, графъ пошелъ доложить обо мнѣ. Онъ почти тотчасъ вернулся, говоря: «Его Величество проситъ Васъ войти». Открывъ дверь, онъ пропустилъ меня, оставшись самъ на порогѣ. Первый взглядъ, брошенный мной на Царя, совершенно измѣнилъ мое настроеніе. Вся семья стояла въ сосѣдней комнатѣ, группируясь въ безпорядкѣ вокругъ маленькаго стола около окна. Человѣкъ средняго роста въ военной формѣ, отдѣлившись, двинулся нерѣшительно мнѣ навстрѣчу со слабой улыбкой на устахъ. Это былъ Императоръ. Остановившись на порогѣ зала, гдѣ я его ожидалъ, онъ, казалось, еще колебался, что ему дѣлать. Онъ не зналъ какъ я поступлю. Долженъ ли онъ былъ принять меня какъ хозяинъ дома или же ожидать моего обращенія къ нему»?

«Протянуть ли мнѣ руку или ожидать моего поклона? Я сейчасъ же почувствовалъ его затрудненіе, такъ-же какъ и всей семьи, передъ страшнымъ революціонеромъ. Я быстро приблизился къ Николаю II и съ улыбкой протянулъ руку, назвавъ себя, какъ обыкновенно и дѣлалъ: Керенскій. Онъ съ силой пожалъ мнѣ руку, улыбнулся и замѣтно успокоенный,

немедля провелъ меня къ своей семьѣ. Его сынъ и дочери были поглощены любопытствомъ и пристально смотрѣли на меня. Александра Феодоровна непреклонная, гордая и надменная протянула мнѣ руку неохотно, какъ бы по принужденію. Я тоже не проявилъ поспѣшности пожать эту руку и наши ладони еле коснулись. Разница характера и темперамента между мужемъ и женой сказывалась типично. Я тотчасъ почувствовалъ, что Александра Феодоровна хотя разбитая и взволнованная въ данное время, была женщиной умной и обладающей большой силой воли. Въ нѣсколько минутъ я понялъ, какая психологическая драма развертывалась въ продолженіи многихъ лѣтъ въ дворцовыхъ стѣнахъ. Мои послѣдующія, весьма не многочисленныя, свиданія съ Императоромъ, также подтверждали мое первое впечатлѣніе. Я справился о здоровьи членовъ семьи, сказалъ, что родственники ихъ изъ за-границы безпокоятся о нихъ и обѣщалъ имъ доставлять безъ задержки *всѣ извѣстія, которыя они хотѣли бы имъ переслать.* Спросилъ я, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо претензій, хорошо ли держитъ себя стража и не нужно ли имъ чего нибудь? Я просилъ ихъ не безпокоиться, не огорчаться и положиться на меня. Они благодарили меня и я уже собирался уходить, какъ Николай II спросилъ меня объ арміи и пожелалъ мнѣ успѣха на новомъ и тяжеломъ посту».

«Въ продолженіи всей весны и лѣта онъ не переставалъ слѣдить за событіями на фронтѣ, внимательно читая газеты и получая свѣдѣнія отъ посѣтителей. Таково было мое первое свиданіе съ «Николаемъ Кровавымъ». Это названіе кажется ироническимъ передъ ужасами большевицкой реакціи. Намъ пришлось видѣть другихъ тирановъ, купающихся въ крови, тирановъ болѣе возмутительныхъ потому, что они выходили изъ народа или даже изъ интеллигенціи и которые подымали руку противъ своихъ же братьевъ.

«Я думаю, что красный терроръ заставилъ уже нѣкоторыхъ и заставитъ еще многихъ измѣнить ихъ сужденіе о личной отвѣтственности Николая II за всѣ ужасы Его царствованія. Съ своей стороны я увѣренъ, что онъ небылъ такимъ недостойнымъ безчеловѣчнымъ извергомъ и сознательнымъ убійцей, какимъ я раньше его считалъ. Я началъ отдавать себѣ отчетъ, съ человѣческой стороны, въ его натурѣ и угадывать, что онъ безропотно покорялся жестокой системѣ стараго *правленія и ее поддерживалъ, но въ дѣйствительности ея не зналъ.*

«Слухи о крови и слезахъ, пролитыхъ тысячами и тысячами людей, до него доходили только по офиціальнымъ донесеніямъ, гдѣ все было представлено подъ видомъ мѣръ, предпринятыхъ властями для охраны спокойствія и безопасности Государства.

Въ этихъ донесеніяхъ онъ видѣлъ не горе и страданія жертвъ, а героизмъ солдатъ, исполняющихъ свой долгъ передъ Царемъ и родиной. Ему было внушено съ юности, что благо Россіи и его было нераздѣльно.

«Въ свое время такая апологія Николая II казалась бездоказательной. Но теперь, когда ни самая тѣсная связь съ народомъ, ни образованіе, ни самыя высокія стремленія къ соціальнымъ идеаламъ, ни самый солидный стажъ политической и соціальной дѣятельности не могутъ удержать людей отъ проявленія ихъ инстинктовъ господства и *ненасытнаго честолюбія, хотя-бы цѣною крови и слезъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей*, — нельзя не признать, что по сравненію съ этими «революціонерами», запачканными кровью, Николай II вовсе не былъ человѣкомъ, лишеннымъ гуманныхъ чувствъ».

Покидая его послѣ моего перваго съ нимъ свиданія, я былъ глубоко заинтригованъ. Послѣ того, какъ я видѣлъ Императрицу, ея характеръ мнѣ представился ясно и вполнѣ соотвѣтствовалъ тому, что мнѣ говорили о ней лица, знавшія ее. Но Николай II съ его чудными голубыми глазами и его изысканностью — весь онъ, для меня былъ загадкой. Пользовался ли онъ сознательно своимъ искусствомъ очаровывать, унаслѣдованнымъ отъ своихъ предковъ? Былъ ли онъ искуснымъ актеромъ или вкрадчивымъ хитрецомъ? Или-же безвредный простякъ, находящійся всецѣло подъ властью жены? Казалось невѣроятнымъ, что этотъ простой человѣкъ, съ медленными движеніями, какъ будто одѣтый съ чужое платье, — былъ Императоромъ всея Россіи, Царемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Финляндскимъ и проч. и проч. и царствовалъ въ продолженіи четверти вѣка въ величайшей Имперіи. Не знаю, какое впечатлѣніе произвелъ бы на меня Николай II, если бы я его видѣлъ въ дни Его царствованія, но такимъ, какимъ я его увидѣлъ сейчасъ — онъ поразилъ меня особенно вотъ чѣмъ: ничто не обнаруживало въ немъ, что еще мѣсяцъ тому назадъ, такъ много зависѣло отъ одного его слова. Я покинулъ его съ твердымъ намѣреніемъ разгадать загадку этой странной личности, ужасной и плѣнительной.

«Какъ ни были коротки мои послѣдующія свиданія съ Николаемъ II, я старался вникнуть и изучить его характеръ. Я думаю, что въ общемъ преуспѣлъ въ этомъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени скрытный, не довѣряющій людямъ и ихъ вообще презирающій. Онъ не получилъ [1]) хорошаго образо-

[1]) Это ошибочное сужденіе Керенскаго о Государѣ, несравненно болѣе образованномъ и воспитанномъ, чѣмъ всѣ подобные писаки, особенно характерно. Среди русскихъ «интеллигентовъ» принято повторять ложь до сихъ поръ. Керенскій не отгадалъ главнаго: потому и

ванія, но обладалъ знаніемъ человѣческой натуры. Онъ ничего и никого(?) не любилъ — развѣ только своего сына и можетъ-быть дочерей. Это ужасное равнодушіе къ внѣшнимъ мировымъ событіямъ дѣлало его похожимъ на сверхъестественнаго автомата. Изучая черты его лица, мнѣ казалось, что я вижу за его улыбкой и въ глубинѣ чарующихъ глазъ, застывшую ледяную маску одиночества и полнаго отчаянія».

«Я думаю онъ могъ быть мистикомъ, ищущимъ общенія съ небомъ *терпѣливо, пламенно, усталый и далекій отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ*. Возможно, что онъ потерялъ къ нимъ интересъ и они сдѣлались для него не важными, потому, что всѣ его желанія были такъ легко удовлетворимы. Когда я началъ распознавать эту живую маску, я понялъ, почему было такъ легко свергнуть его власть. Онъ не хотѣлъ бороться, что бы ее сохранить и просто выпустилъ ее изъ рукъ. *Онъ ее отдалъ дешево, какъ и все остальное.* Онъ освободился отъ власти, какъ нѣкогда мѣнялъ форму парадную на другую, болѣе простую. Для него было ново сдѣлаться простымъ гражданиномъ, освобожденнымъ отъ государственныхъ обязанностей и внѣшней пышности власти. Для него не было ничего трагическаго начать частную жизнь. Старая г-жа Нарышкина, кавалерственная дама, мнѣ разсказывала, что онъ ей однажды сказалъ: «Какъ я счастливъ не назначать болѣе этихъ скучныхъ аудіенцій и не подписывать безъ конца эту кучу бумагъ. Я могу читать, ходить и проводить время съ моими дѣтьми». И, прибавила она, «это не рисовка съ его стороны».

«Всѣ тѣ, которые наблюдали Николая II во время ареста, единогласно говорили, что онъ былъ всегда въ хорошемъ настроеніи. Казалось онъ былъ удовлетворенъ своей новой жизнью. Онъ развлекался рубкой дровъ и складываніемъ ихъ въ кучу въ паркѣ, занимался немного садоводствомъ, катался на лодкѣ и игралъ со своими дѣтьми. Казалось, что тяжкій грузъ свалился съ его плечъ и что онъ себя чувствовалъ въ высшей степени облегченнымъ... Когда я ему сказалъ, что приступятъ къ слѣдствію и что Александрѣ Феодоровнѣ можетъ быть придется предстать передъ судомъ, онъ даже не взволновался: «О, я не думаю, чтобы Аликсъ была тамъ при чемъ нибудь. Вы имѣете доказательства?». Я отвѣтилъ, что еще ничего не знаю. Мы избѣгали всегда въ своихъ разговорахъ титуловъ и именъ и просто говорили «Вы». «Вотъ теперь у васъ Альбертъ Тома», — сказалъ мнѣ, какъ-то Николай II, — «въ прошломъ

казался Государь недоступенъ его пониманію, что по воспитанію и образованію, по своимъ знаніямъ Николай II стоялъ неизмѣримо выше г.г. Керенскихъ.

году онъ обѣдалъ у меня. Это интересный человѣкъ, напомните ему обо мнѣ». Я не упустилъ случая передать это порученіе. Особенность выраженія, съ которой онъ произносилъ «прошлый годъ» и «теперь», давала возможность думать, что экс-императоръ сожалѣетъ иногда о прошломъ, но мы никогда не обсуждали серьезно перемѣну, которая произощла въ его положеніи. Мы касались этихъ вопросовъ только мимоходомъ и очень поверхностно. Казалось, что ему тяжело объ этомъ говорить, особенно о людяхъ, которые покинули его и такъ быстро ему измѣнили. Несмотря на все его презрѣніе къ человѣчеству, онъ не ожидалъ такого вѣроломства. По нѣкоторымъ намекамъ, которые у него проскальзывали я могъ понять, что онъ продолжаетъ презирать Гучкова, что Родзянко ему кажется съ ограниченнымъ умомъ и что онъ не могъ составить себѣ никакого мнѣнія о Милюковѣ; что онъ очень уважаетъ Алексѣева и до нѣкоторой степени кн. Львова. Между тѣмъ, когда я ему объявилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, что онъ долженъ приготовиться въ длинному путешествію, онъ остался совершенно спокойнымъ. Это было въ началѣ августа. Съ самаго начала лѣта вопросъ участи Царской Семьи привлекалъ очень вниманіе публики, что намъ причиняло много безпокойства. Начинали припоминать забытые эпизоды изъ царствованія Николая II и по мѣрѣ того, какъ возобновлялись надежды реакціонеровъ, ихъ противники все больше и больше проникались чувствомъ ненависти и мести. Дисциплина ослабѣвала въ Царско-Сельскомъ гарнизонѣ и я боялся, чтобы Александровскій дворецъ не оказался бы въ опасности, въ случаѣ возникновенія новыхъ волненій въ Петроградѣ. Кромѣ того, агенты провокаторы начали распространять слухъ о заговорахъ контръ-революціонеровъ и о попыткахъ похитить Царя и эти слухи стали просачиваться въ гарнизонъ. Какъ-то ночью рѣшетка была проломана какимъ-то автомобилемъ и распространился слухъ, что этотъ автомобиль старался проникнуть въ ограду парка. Конечно это было дѣломъ какихъ-то подстрекателей, но мы обязаны были учредить новый постъ охраны со стороны, гдѣ была вдавлена рѣшетка. Тревожные слухи продолжали распространяться и *я въ концѣ концовъ рѣшилъ временно отправить Императора съ семьей въ отдаленное мѣсто*, въ спокойный уголокъ, гдѣ они менѣе привлекали бы къ себѣ вниманіе. Хотя разслѣдованіе чрезвычайной комиссіи и оправдало Императрицу, семья все же не могла быть отправлена за-границу, такъ какъ Англія отказала на время войны въ гостепріимствѣ лицамъ, принадлежащимъ къ Русскому Императорскому Дому. Фактъ историческій и неоспоримый. Не безопасно было отправить ихъ и въ Крымъ. *Мой*

выборъ палъ слѣдовательно на Тобольскъ, какъ мѣсто отдаленное, не находящееся на линіи желѣзной дороги и которое зимой было почти совершенно отрѣзано отъ всего міра».

«Губернаторскій домъ въ Тобольскѣ былъ достаточно удобенъ и его легко было приспособить для Царской Семьи. Какъ только день отъѣзда былъ назначенъ я объяснилъ Царю мотивы этого рѣшенія и просилъ его приготовиться. Я не называлъ ему мѣсто назначенія и только совѣтовалъ взять сколько возможно теплыхъ вещей, какъ для себя, такъ и для семьи. Государь выслушалъ меня внимательно и когда я его просилъ не тревожиться принимаемой мѣрой, которая имѣетъ цѣлью только блага Его и Семьи, — онъ прямо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ просто: «Я не безпокоюсь. Мы вѣримъ Вамъ. Разъ Вы говорите, что это необходимо — я увѣренъ, что это такъ. Мы Вамъ вѣримъ», повторилъ онъ еще разъ»...

«Каковъ-же былъ Императоръ Николай II?». На этотъ вопросъ далъ отвѣтъ по даннымъ послѣ-революціоннаго разслѣдованія бывшій прокуроръ Виленской Судебной Палаты А. Ф. Романовъ, въ качествѣ члена президіума «Чрезвычайки» Временнаго Правительства 1917 г. принимавшій участіе въ «разслѣдованіи дѣйствій бывшихъ министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ», а также и «безотвѣтственныхъ вліяній при Дворѣ».

Вотъ что писалъ А. Ф. Романовъ въ 1922 г. въ книгѣ II «Русской Лѣтописи»:

«По самому своему наименованію слѣдственная Коммиссія должна была вѣдать только дѣйствія Министровъ и другихъ должностныхъ лицъ и не касалась личности и дѣятельности Государя. Но съ перваго же дня — я считаю это къ счастію — умнѣйшему и талантливѣйшему слѣдователю В. М. Рудневу поручено было изслѣдованіе источниковъ «безотвѣтственныхъ» вліяній при Дворѣ.

Особенно цѣнный матеріалъ дала переписка Государя. Лѣвой частью Комиссіи былъ возбужденъ вопросъ о производствѣ обыска у Государя. Остальные члены президіума самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ такой мѣры и одержали верхъ. Между тѣмъ, предсѣдатель Муравьевъ черезъ революціоннаго коменданта Царско-сельскаго дворца намекнулъ Государю (замѣчательно, что даже Муравьевъ не рѣшился на большее, чѣмъ намекъ) о желательности, въ цѣляхъ выясненія дѣятельности Министровъ, получить всю имѣющуюся у него переписку. Государь — фактъ, который я особенно подчеркиваю — собственноручно разложилъ всѣ письма и документы въ конверты, сдѣлалъ на каждомъ изъ нихъ надпись, съ кѣмъ переписка и какіе документы, и прислалъ все въ Комис-

сію, не скрывъ ничего. Утверждаю, что скрыто не было ничего, такъ какъ среди переписки оказалось много глубоко интимнаго, а также и того, что въ глазахъ тогдашней власти очень и очень могло повредить Государю.

Съ какимъ лакейскимъ хамствомъ, любопытствомъ и торжествомъ жаждали нѣкоторые члены Комиссіи вывести предъ всенародныя очи предполагаемый ими позоръ Царской Семьи! Надежды ихъ, однако, не оправдались.

Считаю нужнымъ оговориться, что я никогда не видѣлъ Государя вблизи: все, что я скажу о немъ есть только выводъ изъ показаній многочисленныхъ, опрошенныхъ Комиссіей свидѣтелей, множества документовъ и писемъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ. Для судебныхъ дѣятелей этотъ методъ изученія привыченъ и всякій, знакомый съ судомъ, знаетъ, что письменныя и вещественныя доказательства — эти мертвые свидѣтели — говорятъ нерѣдко громче и правдивѣе свидѣтелей живыхъ. Кромѣ того судебный опытъ показываетъ, что разсмотрѣніе дѣла въ судѣ, во всей совокупности доказательствъ, открываетъ глаза на изслѣдуемую личность даже тѣмъ, которые, казалось, хорошо знали изслѣдуемаго, но знали его только съ одной стороны. Многіе факты изъ жизни обвиняемаго или потерпѣвшаго предстаютъ предъ ними въ иномъ совершенно свѣтѣ и, выходя изъ суда, они невольно говорятъ: «такъ вотъ какой онъ былъ».

Каковъ же былъ Царь? Прежде всего это была натура, склонная къ мистицизму, это былъ богоискатель, а вѣдь богоискательство это такая чисто русская черта. На пути исканія Бога, мы видимъ у Него и увлеченіе спиритизмомъ и медіумами, но въ концѣ концовъ Онъ приходитъ къ глубокой религіозности въ духѣ народной православной вѣры, со всѣми ея красотами и съ нѣкоторыми, быть можетъ, ея предразсудками. Объ этомъ ярко свидѣтельствуютъ, какъ все Его поведеніе — благоговѣйное исполненіе всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, — такъ и поведеніе всѣхъ окружавшихъ Его, особенно тѣхъ, которые хотѣли быть Ему угодными. Прочтите Его письма и письма къ Нему и вы увидите, что значитъ для Него Богъ и Божья воля.

Глубокая религіозность Царя — это общеизвѣстный фактъ и о ней распространяться нечего. Я хочу только сказать, что религіозность эта была искренней и проникала все Его существо. Одинокому на своей высотѣ, пережившему массу страданій за семью, за Себя, за государство, видѣвшему вокругъ лесть, обманъ, ожесточенную борьбу изъ-за великихъ и богатыхъ милостей, безсильному нерѣдко разрѣшить тотъ или иной важный вопросъ, находившемуся вѣчно подъ гнетомъ

исканій, противорѣчивыхъ совѣтовъ, многочисленныхъ просьбъ, взаимной хулы окружавшихъ, Ему оставалось прибѣгать къ Богу. Богъ вразумитъ, Богъ научитъ, Богъ сохранитъ Его семью, и Царство, родину и народъ. Онъ, Царь — помазанникъ Божій.

Усталый отъ всѣхъ окружающихъ Его противорѣчій, извѣрившійся въ людяхъ, часто Его обманывавшихъ, оцѣнившій по достоинству измѣнчивое непостоянство логическихъ доводовъ своихъ совѣтчиковъ, приходившихъ на основаніи этихъ доводовъ къ противоположнымъ выводамъ, Онъ замкнулся въ себѣ и искалъ помощи только у Бога. При рѣшеніи того или иного вопроса, Онъ часто отказывается бороться противъ доводовъ людей и почти всегда въ такихъ случаяхъ говоритъ и пишетъ: — «Мнѣ вспало на душу», «мнѣ пришло на умъ» — сдѣлать то-то и то-то и дальше никакихъ соображеній, никакихъ доводовъ, такъ какъ съ ними будутъ спорить, будутъ бороться.

Царь былъ истинный демократъ. Онъ любилъ простой народъ, простыхъ людей, эти милліоны подлиннаго, въ Его глазахъ, народа. Вѣдь онъ — ихъ Царь, они вѣрятъ такъ, какъ вѣритъ Онъ, они вѣрятъ Ему, Ему преданы, видятъ въ Немъ Помазанника Божьяго. Объ этомъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствовали тѣ безграмотныя письма, которыя получали со всѣхъ сторонъ Царь и Царица; безхитростныя каракули были полны выраженія любви къ Царю, къ Царицѣ и къ Наслѣднику. Число такихъ писемъ достигало громадной цифры во время войны. И развѣ могъ Государь сомнѣваться въ ихъ искренности? вѣдь всѣ они были написаны невѣдомыми Ему людьми, ничего не ищущими, безъ всякихъ личныхъ цѣлей, единственно по порыву простой народной души».

Царь любилъ простыхъ людей. Всѣ знавшіе близко Царя свидѣтельствуютъ, что особенное расположеніе Онъ всегда чувствовалъ къ людямъ сравнительно плохо одѣтымъ, съ неважными манерами; Его влекло къ нимъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно описанное генераломъ Носковымъ свиданіе Царя съ Французскимъ Министромъ — соціалистомъ Тома. Тома въ болѣе длинномъ чѣмъ полагается, сюртукѣ, съ длинными волосами, со всклокоченной бородой — и Царь проявляетъ искреннее расположеніе къ своему гостю и за столомъ завязываетъ съ нимъ оживленный, почти дружескій разговоръ.

А свиданіе Царя съ Керенскимъ? Развѣ это не лучшее подтвержденіе указанной черты. Среди ужасныхъ для Него и Его семьи событій революціи къ Царю является, казалось бы Его злѣйшій врагъ, но онъ просто одѣтъ, какая-то тужурка, рѣзкія быстрыя движенія, горячая рѣчь о народѣ, и Царь говоритъ: «жаль, что у меня не было такого министра, который

такъ прямо говорилъ бы мнѣ правду». Фактъ этотъ я передаю со словъ революціоннаго коменданта Царско-сельскаго дворца. Если онъ, что вполнѣ возможно, былъ вымышленъ для возвеличенія силы вліянія Керенскаго, то все же подобный разговоръ вполнѣ отвѣчалъ единодушнымъ отзывамъ о характерѣ Государя.

Самъ Керенскій теперь сознается, въ своей книгѣ, какъ онъ невольно подчинялся обаянію личности Государя.

Свѣдѣнія о впечатлѣніи, вынесенномъ Керенскимъ отъ первой же встрѣчи съ Государемъ Императоромъ, намъ даютъ записки госпожи Добровольской, вдовы послѣдняго Царскаго Министра Юстиціи, Николая Александровича Добровольскаго въ первый же день переворота арестованнаго Временнымъ Правительствомъ и впослѣдствіи разстрѣляннаго большевиками.

Въ то время, какъ Царскій Министръ былъ водворенъ въ одну изъ камеръ Петропавловской Крѣпости, революціонный министръ, Керенскій, въѣхалъ въ домъ Министра Юстиціи, гдѣ засталъ еще г-жу Добровольскую, не успѣвшую выѣхать, да и не имѣвшую возможности, въ тѣ смутные дни, найти себѣ гдѣ-либо пристанище.

Новый «сановникъ», желавшій показать себя въ наилучшемъ свѣтѣ и «въ грязь лицомъ не ударить», попавъ неожиданно въ необычное положеніе, постарался выказать изысканную любезность. По отношенію къ женѣ своего законнаго предшественника, незаконный преемникъ велъ себя въ эти первые дни вполнѣ корректно.

Черезъ нѣсколько дней по водвореніи Керенскаго въ домѣ Министра Юстиціи, ночью, когда г-жа Добровольская уже спала, она услышала стукъ въ дверь своей спальни: оказалось, что служитель пришелъ ее просить отъ имени Керенскаго поскорѣе одѣться и придти въ его кабинетъ, гдѣ онъ ждетъ ее по очень важному дѣлу.

Встревоженная этимъ экстреннымъ вызовомъ, она наскоро одѣлась и поспѣшила къ «министру», котораго застала въ очень возбужденномъ состояніи, нервно бѣгающимъ взадъ и впередъ по кабинету...

«Простите, что Васъ обезпокоилъ» — обратился Керенскій къ ней, какъ только она вошла — «но мнѣ необходимо было подѣлиться съ Вами только что пережитыми впечатлѣніями, глубоко меня взволновавшими. Знаете ли, откуда я только что пріѣхалъ?... Изъ Царскаго Села, гдѣ я только что видѣлъ Государя Императора и разговаривалъ съ нимъ...

«Какое несчастіе случилось? Что мы надѣлали... Какъ могли мы, Его не зная, сдѣлать то, что мы совершили. Пони-

маете ли, что я совершенно не того человѣка ожидалъ увидѣть, какого увидѣлъ... Я уже давно приготовился къ тому, какъ я начну мой разговоръ съ Царемъ: я собирался, прежде всего назвать Его «Николай Романовъ»... Но я увидѣлъ Его, Онъ на меня посмотрѣлъ Своими чудными глазами, и... я вытянулся и сказалъ — «Ваше Императорское Величество...». Потомъ Онъ долго и много говорилъ со мной... Что это за разговоръ былъ! Какія у Него одновременно и царственная простота, и царственное величіе! И какъ мудро и проникновенно Онъ говорилъ... И какая кротость, какая доброта, какая любовь и жалость къ людямъ... Понимаете ли, что это есть идеалъ народнаго Правителя! И Его то мы свергли, Его то окрутили своимъ заговоромъ! Мы оказались величайшими преступниками...».

Долго еще Керенскій, въ истерическихъ восклицаніяхъ, изливалъ свое отчаяніе и свое раскаяніе.

Дня черезъ три, Керенскій опять пришелъ къ г-жѣ Добровольской, разстроенный и тревожный, и очень просилъ ее забыть ихъ ночной разговоръ и никому о немъ не разсказывать: иначе, какъ объяснилъ Керенскій, ему отъ его единомышленниковъ грозили непріятности.

Г-жа Добровольская [1]) отказалась дать обѣтъ молчанія по поводу этого разговора: напротивъ того, честно предупредила Керенскаго, что при первой возможности она напечатаетъ воспоминанія объ этой памятной ночи. Такъ она и сдѣлала.

Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что, впервые встрѣтившись со свѣтлой Личностью Государя, даже такой человѣкъ, какъ Керенскій, не могъ хотя бы временно, не подпасть подъ чары чистой души и тонкой духовной сущности нашего Царя. Однако, приходилось бороться противъ «опасныхъ» чаръ, ибо соображенія о личной выгодѣ и о зависимости своей отъ тѣхъ, кѣмъ былъ поставленъ, заставляли Керенскаго, какъ мы видимъ изъ разсказа г-жи Добровольской, подавить въ себѣ покаянный порывъ, грозившій невыгодными послѣдствіями...

«Царь всегда и во всемъ искалъ правды и склоненъ былъ больше вѣрить людямъ простымъ. Припоминаются обстоятельства пріема Имъ одного сенатора, по манерамъ и внѣшности производившаго впечатлѣніе человѣка искренняго и простого. Бесѣда сразу приняла какой-то интимный характеръ. Царь очень интересовался, какъ отнеслись рабочія массы къ одному изъ его манифестовъ, и просилъ сказать правду. Сенаторъ отвѣтилъ, что манифестъ хорошъ, но всѣ боятся, что онъ не

---

[1]) Вдова Министра Юстиціи Добровольская проживаетъ въ Ментонѣ. Разсказъ Добровольской взятъ изъ книги полковника Винберга: «Лучъ Свѣта», Берлинъ, 1923 г.

будетъ исполненъ. Царь, ходившій по кабинету, быстро обернулся и съ доброй, прямо дружеской улыбкой произнесъ: «Да, да, это правда, часто не исполняютъ того, что Я хочу; но не безпокойтесь, на этотъ разъ Я заставлю исполнить».

Царь не былъ врагомъ рабочихъ. Волненія рабочихъ въ октябрѣ 1916 года — эта репетиція революціи — вызвали у Него не желаніе репрессіи, а жажду знать правду о причинахъ безпорядковъ. Поручая разслѣдованіе одному изъ сенаторовъ, Царь требовалъ отъ него выяснить дѣйствительныя нужды рабочихъ и сказать Ему всю правду».

«О любви Царя къ простому народу очень ярко свидѣтельствовали дворцовые слуги. Отзывы ихъ въ этомъ отношеніи прямо восторженные и я самъ видѣлъ слезы умиленія и горя на ихъ глазахъ, когда они вспоминали о необычайной добротѣ и трогательной деликатности Государя. Эта же черта проявилась, когда, покидая въ послѣдній разъ Царское Село, Государь не забылъ подарить своему слугѣ урожай съ огорода, который Онъ собственноручно воздѣлывалъ послѣ революціи».

Царь былъ глубокій патріотъ. Онъ очень не хотѣлъ войны. Какой искренностью звучитъ Его телеграмма къ Вильгельму: «Мобилизація произведена не противъ Германіи. Отъ Тебя зависитъ миръ. Прими всѣ мѣры къ предотвращенію ненужнаго кровопролитія. Любящій Тебя Ника». И сухо, съ твердой рѣшимостью Онъ телеграфируетъ послѣ объявленія войны Вильгельму, возлагая на него всю отвѣтственность за войну. Письма Государя во время войны полны искренней радости по поводу нашихъ побѣдъ и тяжко, но съ вѣрою въ помощь Божію, переживаетъ Онъ наши пораженія.

Что переживалъ въ тайникахъ своей души Государь изо дня въ день въ заботахъ о ввѣренной Ему Державѣ Россійской — о томъ русскіе люди грядущихъ поколѣній прочтутъ въ опубликованныхъ революціонерами письмахъ Императора Николая II къ Его Августѣйшей Матери въ 1905 году, изъ которыхъ мы здѣсь приведемъ лишь слѣдующія коротенькія строчки о совмѣстной Его работѣ съ министрами въ тогдавніе смутные дни:

«*Говорятъ много, но дѣлаютъ мало. Всѣ боятся дѣйствовать смѣло, мнѣ приходится всегда заставлять ихъ и самаго Витте быть рѣшительнымъ*».

Далѣе, слѣдуетъ такая характеристика русскаго общества:

«*Никто у насъ не привыкъ брать на себя и всѣ ждутъ приказаній, которыя, затѣмъ, исполнять не любятъ*».

Въ одномъ изъ болѣе позднихъ писемъ (8 декабря), Государь дополняетъ эту характеристику и пишетъ:

«Конечно, мнѣ не легко, но Господь Богъ даетъ силы тру-

диться и спокойствіе духа, это самое главное. Именно это спокойствіе духа, къ сожалѣнію, отсутствуетъ у многихъ русскихъ людей, поэтому угрозы и запугиванія кучки анархистовъ такъ сильно дѣйствуетъ на нихъ. Безъ того, у насъ вообще мало людей съ гражданскимъ мужествомъ, какъ ты знаешь, ну а теперь, его почти ни у кого не видно. Какъ я тебѣ писалъ, настроеніе совершенно перемѣнилось. Всѣ прежніе легкомысленные либералы, всегда критиковавшіе каждую мѣру правительства, теперь кричатъ, что надо дѣйствовать рѣшительно».

Бунтъ во флотѣ, московское вооруженное возстаніе и безпорядки въ Прибалтикѣ, очень разстроили Государя. 15 декабря онъ писалъ матери:

«Стыдно и больно за бѣдную Россію — переживать на глазахъ всего міра подобный кризисъ, но за то, видно, воля Божія, и надо перетерпѣть всѣ бѣдствія до конца»....

Наконецъ, Царь былъ идеальный семьянинъ. «Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ Нашимъ» — эти слова послѣдняго манифеста Царя не были только словами. Взаимная любовь — основная черта всей Царской Семьи. Прочтите письма, телеграммы, которыми они обмѣниваются при разлукѣ каждый день. Сколько въ нихъ заботы другъ о другѣ, взаимнаго безпокойства, сколько интимной уютности дружной, хорошей русской семьи. Государь очень любилъ проводить свои вечера въ тѣсномъ кругу семьи и читать вслухъ дѣтямъ русскихъ классиковъ.

И такъ основное для Царя: вѣра, народъ, отечество и семья. Въ этомъ весь Царь....

Въ 1866 году, послѣ ужаснувшаго всю Россію перваго покушенія на жизнь Царя-Освободителя, епископъ Іоаннъ Выборгскій изобличалъ обезвѣрившееся русское «общество» въ разладѣ съ народною вѣрою и совѣстью, съ отечественною любовью и правдою:

«Не кажется-ли вамъ, не можетъ-ли придти на мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотрѣть вокругъ себя серьезно, что жизнь наша какъ будто сдвинулась съ вѣковыхъ религіозныхъ и нравственныхъ основаній и, въ разладѣ съ Народною вѣрою и совѣстью, съ отечественною любовью и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идетъ будто не вѣсть куда, безъ разумныхъ убѣжденій и сознательно вѣрныхъ стремленій».

«Но это было бы ужасно...».

«Народъ! Помни Бога!...».

Но не народныя толпы повинны были въ этомъ забвеніи Бога. Менѣе всего коснулось это нравственное разложеніе —

жившаго дѣтскою, чистою вѣрой въ Бога — крестьянства. И долго еще, до самаго послѣдняго дня монархіи, какъ и во всѣ времена —когда Русскій Царь становился лицомъ къ лицу съ подлиннымъ народомъ — отпадало это ничтожное интеллигентское средостѣніе, нѣмѣли охваченные общенароднымъ священнымъ трепетомъ всѣ эти казавшіеся грозными, а въ дѣйствительности такіе жалкіе — революціонные отщепенцы и измѣнники историческимъ завѣтамъ Отечества.

Всеобщій энтузіазмъ, патріотическое воодушевленіе народныхъ массъ, какъ въ февральскіе Романовскіе юбилейные дни 1913 года, такъ и во время Высочайшаго путешествія лѣтомъ того-же года по Волгѣ до Костромы, — всюду радовали сердце Царево, свидѣтельствовали о безпредѣльной любви и преданности русскихъ людей своему Государю. Все также гремѣло на встрѣчу Царю несмолкаемое, перекатное народное русское «ура», какого не знаютъ опустошенныя «республиками» и «демократизмами» души европейскихъ народовъ. А въ маѣ 1913 года, по пути въ Ярославль и Кострому — тысячи людей входили по-грудь въ воду Волги-Матушки и долго такъ оставались, чтобы только поближе увидѣть государя... Гдѣ-же была тогда эта мнимая «народная ненависть» къ династіи и къ монархіи, о проявленіи которой такъ много лгали революціонеры и поддакивавшая имъ радикальная «общественность?».

Невольно вспоминается намъ, какъ панически настраивался своими пресловутыми двусторонними «освѣдомителями» — революціонерами — Департаментъ полиціи, озабоченный безопасностью Царя во время его путешествій. Какія исключительныя полномочія и средства выпрашивали себѣ и какую набивали себѣ цѣну завѣдывающіе царскою охраною при ежегодныхъ путешествіяхъ государя — всѣ эти Курловы, Бѣлецкіе!

Но несмотря на смутное время 1905-1906 г. г. и на непрерывный терроръ и убійства гражданскихъ и военныхъ представителей власти — мы не видѣли ни одного осуществившагося покушенія на жизнь императора Николая II за все время двадцати-двухъ съ половиной лѣтняго его царствованія.

Подлое убійство въ 1911 г., въ Кіевѣ, предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Государя, служитъ доказательствомъ не только преступнаго нерадѣнія и вообще неумѣлой организаціи охраны жизни Царя — призванными къ исполненію этой обязанности высшими чинами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Изъ признаній убійцы мы узнали и другое, — что *защитою Русскаго Православнаго Царя въ этотъ день, какъ и всегда былъ его народъ.*

Простые русскіе люди — крестьяне, по примѣру Ивана Сусанина — всегда были готовы грудью защитить своего Царя. Такъ это и было въ Москвѣ, гдѣ еще со временъ коронаціонныхъ празднествъ 1883 года наружную охрану при царскихъ проѣздахъ и на торжествахъ несли члены «добровольной охраны», организованной людьми всѣхъ сословій, подъ круговой порукою, — численность которой въ началѣ 1900-хъ годовъ достигала 80.000 человѣкъ, соединенныхъ въ «десятки», «сотни» и «тысячи». Ядромъ этой народной охраны были общества хоругвеносцевъ московскихъ кремлевскихъ соборовъ и церквей.

А кто-же, какъ не достойнѣйшіе сыны русскаго народа составляли постоянную личную охрану Царя въ его резиденціяхъ, — въ рядахъ «Собственнаго Его Императорскаго Величества полка» (бывшаго своднаго изъ отборныхъ людей всѣхъ полковъ императорской арміи), а также — въ составѣ «Собственнаго Его Величества конвоя», дворцовой и столичной полицій, отличавшихся такимъ примѣрнымъ исполненіемъ долга службы? Вѣру и вѣрность присягѣ своему Царю Православному народъ русскій сохранилъ до роковаго дня 2 марта 1917 года, когда тысячелѣтняя Россія лишилась послѣдняго самодержца государя императора Николая II.

«Для Русскихъ людей, въ тысячелѣтней исторіи Русскаго Царства, Русскій Царь всегда былъ прежде всего великій подвижникъ, въ великихъ трудахъ и заботахъ, носящій тяжелую шапку Мономаха. Императоръ Россіи всегда былъ вѣнценоснымъ вождемъ Русскихъ людей, на которомъ всегда зиждилось общее благо Россіи. Русскій Царь всегда былъ Отцомъ для народовъ Русскаго Царства, Носителемъ и представителемъ Божіей и Русской правды святой. Въ самодержавномъ своемъ Императорѣ Русскіе люди всегда видѣли свободу и равенство своихъ гражданскихъ правъ и защиту отъ внѣшнихъ враговъ».

«Такимъ былъ въ сознаніи и пониманіи природныхъ Русскихъ людей и нашъ Императоръ — Великомученикъ Николай Александровичъ».

«Самоотверженно любившій свой народъ, благороднѣйшій честнѣйшій, во имя счастья Россіи уступившій Россійскій престолъ для другого, за счастье Россіи Онъ отдалъ себя и Семью Свою всю на растерзаніе!».

«Измѣна кругомъ и предательство», смиренно писалъ въ своемъ дневникѣ Императоръ...».

«Измѣнилъ Русскій народъ своей тысячелѣтней Русской идеѣ Самодержавія, опутанный интернаціоналомъ. Не нашлось среди многихъ милліоновъ сотни тысячъ, чтобы отстоять эту

природную русскую идею, природнаго своего Императора Носителя Самодержавія Великой, Единой, Недѣлимой Россіи. Измѣнилъ и погибла Россія, погибли десятки милліоновъ Русскихъ людей, какъ гибнутъ и сейчасъ оставшіеся въ ней».

«Всякій разъ, когда наша Церковь молитвенно вспоминаетъ Великомученика Императора Николая II, мы должны вспоминать эту страшную нашу измѣну. И особенно мы, еще такъ живо и такъ больно неся на себѣ всѣ послѣдствія утраты нашей самодержавной идеи, должны видѣть и знать, что значилъ Царь Самодержавный для Царства Всерусскаго, въ чемъ заключалась сила и слава нашихъ Царей, въ чемъ гибель и страданія наши безъ нашей этой Русской идеи».

«Гдѣ наше Царство Всерусское, гдѣ Царство Великой, Малой и Бѣлой Россіи, Царство Казанское, Астраханское, Сибирское, Грузинское... Гдѣ наши славные братья Великаго Дона, Могучей Кубани, гдѣ Русскій многомилліонный народъ?».

«Кровавымъ потокомъ междуусобицы, страшною бурею, завистью, злобою — идущихъ отъ ада, все это уничтожено съ нашимъ Самодержавнымъ Царемъ — Помазанникомъ Божіимъ».

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II.

Спи Государь. Тебя добромъ помянетъ,
Благословитъ несчастный Твой народъ,
Спи съ твердой вѣрою, что время то настанетъ,
Когда убійцъ Твоихъ Россія проклянетъ.

Прости-же ей предсмертныя всѣ муки,
Обиды всѣ прости и позабудь,
Смотри — она ужъ тянетъ къ небу руки
И бьетъ въ тоскѣ въ свою больную грудь.

Смотри, она несчастная какая,
Какъ вся въ огнѣ горитъ Россія-Мать,
Какъ вкругъ нея волковъ собралась стая
И по частямъ стремится разорвать...

Прости-жъ ее и спи, нашъ Царь, спокойно,
Пускай ничто Твой не тревожитъ прахъ,
А по Тебѣ, на цѣлый міръ достойно,
Мы тризну справднуемъ на вражескихъ поляхъ.

Вѣрь Государь — за все придетъ расплата
И вспомнитъ міръ про Русь, какъ было встарь,
Увидитъ вновь онъ Царскаго солдата...
Пока-же, спи, спокойно, Государь.

В. Петрушевскій.

ГЛАВА VII

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

Православная русская Церковь отнюдь не была отдѣлена отъ государства, напротивъ, пеклась о немъ, помогала, учила, совѣтовала, благословляла, ободряла, осуждала и отстаивала.

И Государство отнюдь не было отдѣлено отъ Церкви: напротивъ — ограждало, облегчало, жертвовало, «вкладывало», совѣтовалось и принимало благословенія, освященіе и благодать.

Церковь отнюдь не была безгосударственна, ни противогосударственна. Царство «Кесаря» стремилось по своему служить Царству Божію, а Церковь учила, какъ надлежитъ лучше вести это служеніе.

Не благословили ли епископы Владиміра Святого казнить разбойниковъ по суду? И не на посланіе ли Апостола Павла къ Римлянамъ они ссылались при этомъ?

Не вдохновилъ ли препод. Сергій Радонежскій Димитрія Донского къ кровавому побоищу съ татарами?

Не помогали ли великимъ князьямъ освобождать Русь отъ татаръ и собирать ее — всея Россіи чудотворцы Петръ и Алексій? Не митрополитъ ли Макарій ввелъ первое царское коронованіе? Не митрополитъ ли Филиппъ обличалъ Грознаго Царя до самой своей мученической смерти.

Не Гермогенъ ли патріархъ поднялъ православную и патріотическую Русь на поляковъ и разбойниковъ? Не митрополитъ ли ростовскій Кириллъ строилъ и велъ ополченіе вмѣстѣ съ княземъ Пожарскимъ? Не патріархъ ли Филаретъ Романовъ устроилъ патріаршее вѣдомство для борьбы съ гражданскою неправдою на Руси?

Таково древне исконное, русское православное опроверженіе ходячей фразы объ «аполитичности» Церкви. Строителями Россіи были русскіе Государи, а первыми, ближайшими помощниками русскихъ Царей въ государственномъ строительствѣ были служители православной Церкви.

Православная Церковь принесла на Русь изъ православной Византіи *идею Великаго Князя, какъ Богомъ поставленнаго Владыки*, правителя и верховнаго судьи подвластныхъ народовъ, устранивъ славяно-варяжскую идею князя, какъ

старѣйшаго въ родѣ атамана удалой, покоряющей огнемъ, желѣзомъ и дубьемъ дружины.

Церковь принесла на Русь изъ Византіи идею государства, съ устраненіемъ варяжской идеи земли съ народомъ, которую княжескій родъ можетъ дробить безъ конца, какъ удѣльную свою собственность.

Церковь утвердила единство народнаго самосознанія, связавъ народы единствомъ вѣры, какъ единокровныхъ, единодушныхъ чадъ Отца Небеснаго, призывающихъ Его Пренебесное Имя на единомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ для всѣхъ славянскихъ племенъ единымъ, священнымъ и роднымъ церковнымъ языкомъ.

Церковь создала сперва одно, потомъ другое, дорогое для народа святилище, въ Кіевѣ, въ Москвѣ, закрѣпивъ тамъ своимъ благословеніемъ, своими молитвами, сосредоточеніемъ тамъ высшихъ церковныхъ учрежденій мѣстопребываніе всесвязывающей государственной власти.

Церковь принесла на Святую Русь грамоту и культуру, государственные законы и чины византійскаго царства. Единственно только церковь была собирательницею разрозненныхъ русскихъ княжествъ, раздѣленныхъ еще больше, чѣмъ старинныя племена славянства, удѣльными усобицами.

Единственно только церковь спервоначала была собирательницею русскихъ людей, князей, городовъ и земель.

Церковь выпѣстовала, выростила, слабаго московскаго князя сперва до великокняжескаго, потомъ до царскаго величія. Пересадивъ и вырастивъ на русской землѣ идею византійскаго единовластительства, церковь возложила и Св. Миропомазаніе древнихъ православныхъ греческихъ царей на Царя Московскаго и всея Руси.

Церковь же оберегла народъ и царство отъ порабощенія игу ляшскому въ годину смутъ, самозванцевъ и общаго шатанія умовъ.

(Церковь и Государство — бесѣда архіепископа Херсонскаго Никанора, выступившаго въ 1890 году печатно противъ антигосударственныхъ, антицерковныхъ ученій гр. Л. Н. Толстого).

Исторія Россіи есть исторія монархіи и неотдѣлима отъ исторіи православной церкви...

Съ полнымъ правомъ могъ сказать А. С. Хомяковъ:

«Наша Святая Русь создана самимъ Христіанствомъ».

«Таково сознаніе Нестора, таково сознаніе св. Илларіона и др. Церковь создала единство русской земли и дала прочность случайности Олегова дѣла» (Томъ I, стр. 231).

Православіе есть та нравственная формула, въ которой

душа русскаго находитъ себѣ удовлетвореніе — и само уже православіе утверждаетъ и укрѣпляетъ прирожденныя, присущія націи черты», говоритъ проф. Павелъ Ивановичъ Ковалевскій.

Каждый человѣкъ стремится къ тому, что ему симпатично и что его привлекаетъ.

Одни люди по натурѣ мягки, сердечны, уступчивы, — другіе, напротивъ — воинственны, повелительны и склонны къ господству.

Что говорится объ отдѣльныхъ людяхъ, то можно сказать и о націяхъ. Эти особенности націй послужили основою къ тяготѣнію къ той или другой вѣрѣ.

Романскіе народы, въ которыхъ почти равномѣрно парятъ и возвышенные чувства и блестящее мышленіе — увлеклись и воплотили въ себѣ католическую религію и вошли въ сферу воздѣйствія церкви воинствующей.

Хладнокровная, преимущественно холодно логически мыслящая германская нація увлеклась другимъ: — холоднымъ протестантизмомъ. Въ немъ она нашла удовлетвореніе стремленіямъ холоднаго разсудка къ господству, преобладанію и неуступчивости.

Славянская раса, мягкая, нѣжная, сантиментальная съ возвышеннымъ чувствомъ и благородными мыслями нашла себѣ удовлетвореніе въ православной церкви. Она всѣми силами увлеклась любовью, состраданіемъ, милосердіемъ, самопожертвованіемъ и всепрощеніемъ ученія Христа.

Значеніе православной вѣры и Церкви въ жизни русскаго народа, въ развитіи русской государственности ярко обрисовано въ исторической рѣчи оберъ-прокурора Свят. Синода К. П. Побѣдоносцева въ г. Кіевѣ въ 1888 году, въ день юбилейнаго торжества 900-лѣтія Крещенія Руси:

«Мы празднуемъ, въ благодарномъ трепетѣ передъ Богомъ, 900-лѣтіе величайшаго событія нашей исторіи. Въ эти 900 лѣтъ совершилось надъ нами чудо судебъ Божіихъ: изъ грубаго, разсѣяннаго языка славянскаго возникло великое государство, выросло народное сознаніе, собралась земля русская черезъ Кіевъ и Москву».

«Разрушались вокругъ царства славянскихъ племенъ подъ игомъ иновѣрныхъ. Русскому народу Богъ далъ удержаться, вырости, вынести тяжелое иго степныхъ варваровъ, сбросить его съ себя, пережить и преодолѣть бѣдственное безначаліе, отразить римско-польскую напасть, вернуть свои охваченныя врагами окраины, добраться до моря, укрѣпиться въ силѣ и славѣ русскаго оружія, утвердиться незыблемо въ вѣрѣ, заповѣданной предками».

«Не нашей силою все это совершилось, а силой Божіей въ судьбахъ нашего народа. *И явилась сила Божія въ церкви православной, въ которую вошелъ языкъ нашъ 900 лѣтъ тому назадъ водительствомъ Святого Благовѣрнаго Князя Владиміра*».

«Благословенъ и блаженъ этотъ день, положившій твердое основаніе судьбамъ нашимъ.

«Что бы съ нами сталось безъ этой церкви — страшно и подумать. Она, она одна помогла остаться намъ русскими людьми, собрать свои разсѣянныя силы, одушевила вождей и народъ, дала ему терпѣніе перенести страшныя невзгоды отъ голода и мора, и отъ своихъ лихихъ людей и отъ чужихъ и одолѣть враговъ своихъ, посылала сыновъ земли нашей умирать за свою землю, научила разсыпанное стадо собираться около пастыря[1])».

«Съ Востока, откуда возсіялъ Свѣтъ Христовъ всему міру, приняли мы вѣру свою, приняли церковные уставы, приняли несказанную несравненную красоту богослуженія и въ него вложили свою русскую душу — глубокимъ, могучимъ словомъ своего языка и чуднымъ звукомъ родной своей пѣсни».

«И еще, не русская ли душа одна изукрасила и возлюбила у себя тотъ чудный звукъ русскаго колокола, который такъ таинственно будитъ ее и зоветъ въ церковь и отъ земли — домой, на небо....».

«Отцы и братіе, что милѣе и любезнѣе, что дороже Церкви всѣмъ намъ и великимъ и малымъ, какая красота милѣе и сочувственнѣе церковной красоты для русскаго сердца?».

«Церковь — мать родная и милая русскому человѣку. Всѣ мы дѣти ей и, если, кто блуждаетъ отъ нея далече, тотъ, Богъ дастъ, вернется еще въ родительскій домъ, къ матери. Храмъ нашъ — домъ русскому человѣку, домъ самый ближній, гдѣ всѣ равны отъ мала до велика, всѣ имѣютъ и находятъ свое мѣсто, гдѣ почерпаютъ одинаково радость и утѣшеніе. Тутъ наша сила, тутъ тайная сокровищница судебъ нашихъ, которымъ суждено еще явиться въ будущемъ, если въ будущемъ оправдаемъ мы дѣлами правды и любви всю истину нашей вѣры».

«Для того мы и собрались сюда, чтобы вспомянуть Его великую милость къ русскому народу и отъ полноты сердца, горящаго любовью къ Родинѣ, благодарить Его и молить, да оправдается въ дѣлахъ нашихъ и въ судьбахъ нашихъ вѣра наша, да возростетъ и процвѣтетъ Церковь наша, вели-

---

[1]) А сорокъ лѣтъ спустя послѣ этой рѣчи, въ 1928 году не тоже ли мы видимъ?

кая Церковь, единая съ народомъ и народъ единый съ Церковью[1])».

«*Религіознымъ единеніемъ народа съ Церковью, а черезъ Церковь, внутри ея, со своими православными Самодержцами, созидалась, крѣпла и до послѣдняго дня держалась Великая Императорская Россія*».

Эту старую истину, вѣками осознанную русскимъ народомъ — вынуждены теперь признать и люди новаго времени, далекіе отъ монархическихъ убѣжденій. Такъ, напримѣръ, профессоръ философіи С. Л. Франкъ, въ своей статьѣ «Изъ размышленій о русской революціи» пишетъ:

«Замѣчательной, въ сущности общеизвѣстной, но во всемъ своемъ значеніи неоцѣненною особенностью русскаго общественнаго и государственнаго строя было то, что въ народномъ сознаніи и въ народной вѣрѣ была непосредственно укрѣплена только сама верховная власть — власть Царя».

«Все же остальное — сословныя отношенія, мѣстное управленіе, судъ, администрація, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованныхъ классовъ, литература и искусство, университеты, консерваторіи и академіи, — все это держалось лишь косвенно, силою царской власти и не имѣло непосредственныхъ корней въ народномъ сознаніи».

«Глубоко въ нѣдрахъ исторической почвы, въ послѣднихъ религіозныхъ глубинахъ души народной было укрѣплено корнями, — казалось незыблимо, — могучее древо монархіи».

«Все остальное, что было въ Россіи, вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура, — произростала изъ ея ствола и держалась только имъ. Какъ листья, цвѣты и плоды — произведенія этой культуры висѣли надъ почвою, непосредственно съ ней не соприкасаясь и не имѣя въ ней собственныхъ корней...».

«Русское самодержавіе есть не политическая, а религіозная идея [2])».

«Въ то время, какъ въ Западной Европѣ восторжествовалъ принципъ парламентаризма и республиканская власть, какъ результатъ бездушнаго, арифметическаго большинства, — по природѣ своей не имѣющая совѣсти, и потому не могущая подлежать воздѣйствію Церкви, постепенно вытѣсняла христіанскія начала изъ государственнай жизни, — только въ одной Россіи христіанская государственность сохранялась свято и ненарушимо».

[1]) «К. П. Побѣдоносцевъ и его корреспонденты», т. I, стр. 833. — Москва-Петроградъ. 1923 г. (Госиздатъ).

[2]) Воспоминанія Тов. оберъ-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова, т. II, стр. 361.

«Христіанскій монархъ — это не только самая совершенная, но и единственная форма Божеской власти на землѣ. Это Боговластіе, не имѣющее никакихъ точекъ соприкосновенія ни съ народовластіемъ, ни съ иными формами и видами многоразличной земной власти и сохранившееся до революціи только въ Россіи. Въ силу своего божественнаго назначенія Царь, какъ помазанникъ Божій являлся высшимъ источникомъ административно-церковнаго права и церковныхъ полномочій, о чемъ свидѣтельствуютъ и основные законы, указывающіе что «въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго» (ст. 65, изд. 1906 г.).

«Но Русскіе Цари никогда не были и не именовали себя главою Церкви. Связь Русскихъ Самодержцевъ съ Церковью обусловливалась не узурпаціей Государствомъ правъ Церкви, а вытекала изъ природы Русскаго Государства, какъ единственнаго въ мірѣ государства теократическаго».

Въ душахъ человѣческихъ искони заложено было сознаніе, что править людьми на благо имъ можетъ только Богъ, черезъ избранныхъ имъ мудрыхъ и вдохновенныхъ людей. Это сознаніе мы находимъ у всѣхъ языческихъ народовъ, какъ бы различны не были ихъ вѣрованія и какіе бы имена не носили ихъ божества. Откуда и произошла та форма земной власти, которая называется боговластіемъ или теократіей. По этому ученію, носителемъ верховной власти является Богъ, а на землѣ Его власть осуществляютъ слуги Божіи — жрецы или священники.

«Такая форма власти существовала и у древнихъ евреевъ до призванія на престолъ Саула. Но параллельно, съ древнѣйшихъ временъ, появлялись многія другія формы власти, какъ бы независимыя отъ Бога и Его служителей».

Аристотель перечисляетъ и характеризуетъ всѣ различные типы государственной власти. Его опредѣленія такъ хороши, что и теперь ихъ нельзя замѣнить какими нибудь лучшими. До появленія христіанскаго ученія различіе между боговластіемъ и другими типами *власти* въ точкѣ ихъ происхожденія было смутно и неясно.

Что же это за *Власть?*

Христу принадлежала власть надъ людьми, направленная всѣцѣло къ ихъ благу.

Сатанѣ предоставлено было облекать властью отдѣльныхъ лицъ, на гибель ихъ самихъ и на горе управляемыхъ ими народовъ.

Вотъ точка происхожденія власти, освѣщенная свѣтомъ Христовымъ — словами Христа: «Я свѣтъ міру, кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни»

(Іоанн. 8, 12). Послѣ крестной смерти, Христосъ передалъ Свою власть Церкви (Матф. 10, 1, 16, 18-19, 18, 18. Лук., 22, 31-32. Іосифъ 21, 15-17).

Изъ различнаго пониманія указанныхъ евангельскихъ текстовъ возникли двѣ формы христіанской теократіи: западное папство и восточная соборность.

Вся древняя и средневѣковая исторія Европы и прилегающихъ къ Средиземному морю частей Азіи и Африки, со времени появленія христіанства, прошла въ томъ, что послѣдователи Христа стремились охристіанить лицъ, облеченныхъ, отъ діавола, земною властью.

Вотъ въ чемъ смыслъ крещенія Константина и разныхъ средневѣковыхъ князей и королей. По слову Іоанна Богослова: «Для сего то и явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла діавола» (Іоанн. 3, 8).

Папы трудились надъ торжествомъ западной теократіи, пока она не дошла до зенита въ лицѣ Иннокентія III, а Соборы устраивали по христіанскому идеалу власть византійскихъ Императоровъ (см. великолѣпную книгу проф. В. Герье: «Расцвѣтъ западной теократіи» и книги проф. Ю. Кулаковскаго о Византіи).

«Со времени Владиміра Святого русская Церковь стремилась охристіанить власть — сначала русскихъ князей, а потомъ Московскихъ Царей. Сатанинское начало власти обезвреживается и уничтожается, если надъ носителемъ власти совершается священное миропомазаніе». Тогда власть обращается на служеніе Богу и должна подчиняться велѣніямъ Церкви. Поэтому въ христіанскомъ государствѣ главою его можетъ быть только человѣкъ, исповѣдывающій Христа и отъ полноты сердца исполняющій Завѣты Христовы. Какъ живой членъ Церкви, онъ долженъ жить ея жизнью, слѣдовать ея завѣтамъ, чтить служителей Божіихъ и заботиться о земномъ благополучіи Церкви.

Такимъ образомъ наилучшее опредѣленіе задачъ христіанской власти въ названіи ея ктиторствомъ. Носитель власти (князь, король, царь, императоръ), вообще монархъ, но не безвластный президентъ республики — есть ктиторъ Церкви. Поведеніе его направляется уставами Церкви, а попеченіе о земныхъ нуждахъ Церкви лежитъ на его обязанности.

Государство, не вѣрующее во Христа, безъ помазаннаго носителя власти, внѣцерковное — непріемлемо, по самой природѣ своей оно явится жертвою сатанизма.

Оно будетъ бороться противъ церкви, какъ боролись во время французской революціи всѣ западныя демократіи, и вообще будетъ руководиться не началами любви, а началами

злобы, ненависти, зависти, лжи. По своей сатанинской природѣ оно и не можетъ поступать иначе. Вся дѣятельность его будетъ проникнута сатанизмомъ. «Дѣти Божiи и дѣти Дiавола узнаются такъ: всякiй не дѣлающiй правды не есть отъ Бога, равно и не любящiй брата своего» (I Іоанн. 3, 10).

Законченнымъ типомъ восточнаго православнаго царя у насъ являлся «тишайшiй» царь Алексѣй Михаиловичъ. И въ Малороссiи, въ 1654 году говорили: «волимъ подъ царя восточнаго, православнаго». Власть русскаго императора въ ея теоретическомъ построенiи, была идеальнымъ внѣшнимъ выраженiемъ христiанской власти (См. обширный трудъ одесскаго проф. Казанскаго: «Власть русскаго императора»).

Весь священный чинъ коронованiя — миропомазанiе, вхожденiе Государя въ Алтарь черезъ Врата Царскiя, стоянiе и поклоненiе у святаго Престола, прiобщенiе Святыхъ Таинъ прямо изъ Святой Чаши, по образу священнослужителей, — все это утверждало связь Церкви съ Императоромъ и Самодержцемъ — первымъ ея слугою и могущественнымъ земнымъ Ея покровителемъ.

Въ Высочайшей особѣ Царя — Помазанника Божiя православная Церковь признаетъ лицо, благодатiю освященное и церковно посвященное.

Въ древней Византiи, откуда пришло къ намъ и христiанство, Императорскiй санъ былъ особою формою священнаго служенiя[1]).

Но сатана сохранилъ свои права и работалъ въ своемъ направленiи. Орудiемъ его работы были тѣ, о которыхъ Христосъ сказалъ: «Вашъ отецъ дiаволъ и вы хотите использовать похоти отца вашего. Онъ былъ человѣкоубiйца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь — говоритъ своe, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи (Іоанн. 8, 44) (См. I-ое посланiе Іоанна Богослова, 3, 15).

«Сатана, окончивъ искушенiе Христа отошелъ отъ него до благопрiятнаго времени... Вскорости онъ началъ отвоевывать завоеванiя христiанства».

Въ борьбѣ германскихъ императоровъ съ папами, несмотря на Каноссу, уже рисуются перспективы будущаго. Потомъ пришли: протестантство, дѣятельность Кромвеля, развитiе масонства, французская революцiя.

И на Западѣ, и на Востокѣ боговластiе рушится, сатанинскiя начала берутъ верхъ. Явно духъ христiанства слабѣетъ, а духъ сатаны усиливается... Опять пришло его время.

Наконецъ, мы переживаемъ полный расцвѣтъ сатанинской

[1]) Профессоръ Г. В. Вернадскiй: «Византiйскiя ученiя о власти Царя и Патрiарха».

государственности, свергшей государственность христіанскую. Въ нынѣшней Россіи устроилось настоящее сатанинское государство и полная осязаемость и непреложность этого факта все болѣе и болѣе входитъ въ общее сознаніе, несмотря на разнообразныя вывѣски которыми эта «государственность» прикрывается: «большевики» ,«третій интернаціоналъ», «россійская коммунистическая партія», рабоче-крестьянская власть», «совѣты», «С.С.С.Р.» и т. д...

Какимъ же образомъ, указывая на сатанинское происхожденіе власти и на господство сатанизма въ наше время, сочетать слова апостола Павла: «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены?» (Римл. 13, 1).

Еще апостолъ Петръ замѣтилъ, что въ посланіяхъ апостола Павла: «есть что то неудобовразумительное».

Апостолъ Павелъ писалъ: «Начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, а для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти: дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея» (Римл. 13, 3).

Такъ поучалъ апостолъ Павелъ въ предположеніи, что власть стоитъ на сторонѣ добра, охраняетъ благо. Но всеобщее человѣческое согласіе на зло такъ же возможно, какъ и согласіе всѣхъ на добро.

По замыслу сатаны, который даетъ власть кому онъ хочетъ (Лук. 4, 6), власть можетъ быть организована на зло. Начальствующіе, какъ сейчасъ въ Россіи, могутъ быть страшнѣе не для злыхъ дѣлъ, а для добрыхъ.

Власть, какъ совѣтско-большевическая, можетъ требовать: дѣлай зло и получишь похвалу отъ меня, нарушай Божескія Заповѣди, убивай, крадь, прелюбодѣйствуй (отверженіе церковнаго брака), лжесвидѣтельствуй (въ отношеніи контръреволюціонеровъ), желай чужаго (Въ борьбѣ обрѣтемъ мы право свое», «Миръ хижинамъ, война дворцамъ») — этимъ ты заслужишь благоволеніе власти.

Буквально такая власть теперь въ Россіи....

Очевидно апостолъ Павелъ, когда писалъ посланіе къ Римлянамъ, какъ большинство современниковъ его, высоко цѣнилъ римскую власть и совѣтовалъ новымъ христіанамъ безпрекословно ей подчиняться, благодаря за нее Бога. Самъ апостолъ Павелъ въ другихъ посланіяхъ выражаетъ иныя мнѣнія: «Не преклоняйтесь подъ чужое ярмо съ невѣрными, ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ?» (2 Кор., 6, 14).

«Ихъ Богъ — чрево, и слава ихъ — въ срамѣ, они мыслятъ о земномъ» (нынѣшніе соціалисты всѣхъ толковъ). Начальники такой власти, — не Божіи слуги, а напротивъ, слуги Сатаны.

Такая власть, будучи воплощенiемъ сатанинскихъ началъ: «ходитъ какъ рыкающiй левъ, ища кого поглотить» (I Петр. 5, 8).

Отчего же у Апостола Павла могъ вылиться такой взглядъ на власть, тѣмъ болѣе, что христiанской правительственной власти тогда еще не было? Дѣло въ томъ, что апостолъ Павелъ писалъ къ немногимъ жителямъ Рима, обращеннымъ уже въ христiанство. Подъ «властью» онъ подразумѣвалъ римскую власть, власть римскаго императора, о которой былъ самаго высокаго мнѣнiя.

Дѣйствительно, римская власть, хотя и языческая, была организована и на добро, и привѣтствуема всѣми странами тогдашняго культурнаго мiра

Отраженiя всеобщей радости по поводу установленiя императорской власти Августа мы находимъ даже въ рождественскихъ пѣснопѣнiяхъ. Счастье римскихъ гражданъ было въ томъ, что императорская власть Августа и Тиберiя, хотя не помазанная Богомъ, все таки служила добру, водворяла вездѣ законность и справедливость. Римское право — это величайшее созданiе арiйскаго генiя, какъ и христiанская религiя, съ которой оно впослѣдствiи сочеталось. Самъ апостолъ Павелъ пользовался званiемъ римскаго гражданина, и, вѣря въ справедливость римскаго императора, потребовалъ для себя суда кесарева: «требую суда Кесарева» — и Фестъ долженъ былъ отвѣтить: «Ты потребовалъ суда Кесарева, къ Кесарю и отправишься» (Дѣян. 25, 11-12). Поэтому христiанинъ долженъ понять слова апостола Павла къ римлянамъ не какъ вѣчный его завѣтъ на вѣчные времена, а какъ временное наставленiе именно римлянамъ, гдѣ тогдашняя мiрская власть была направлена на добро.

Апостолъ Павелъ иначе выразился бы о власти Ирода, который поднялъ руки на нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ къ церкви, что бы сдѣлать имъ зло (Дѣян. 12, 1). Власть Ирода была злая, и начальники, ею поставленные, были конечно слугами сатанинскими. Тѣмъ болѣе большевики являются исчадiями сатаны, съ *которыми у христiанъ не можетъ быть никакого общенiя...*

Какъ половое сожитiе только послѣ благословенiя Церкви становится бракомъ, такъ и власть дѣлается прiемлемою для христiанства только послѣ помазанiя ея носителя.

Вѣнчанiе монарха съ обязательствомъ его слѣдовать велѣнiямъ Церкви освѣщаетъ власть и даетъ вѣрующимъ увѣренность, что власть будетъ дѣйствовать на добро.

О такомъ носителеѣ власти можно сказать словами апостола Павла: «Начальникъ Божiй слуга, тебѣ на добро» (Римл. 13, 4).

Россiю, заканчиваетъ авторъ этого интереснаго письма,

приводимаго въ книгѣ кн. Жевахова, исцѣлила бы теперь только христіанская государственность...

Ф. М. Достоевскій, предсказавшій наше крушеніе, но въ то же время предвидѣвшій наше грядущее возрожденіе, замѣтилъ, что, когда случается большая бѣда, люди для своего спасенія примѣняютъ наиболѣе сложные способы и только испробовавъ ихъ — берутся за самыя простыя, самыя очевидныя, безспорныя средства.

12 лѣтъ льется русская кровь. Россія превращена въ тюрьму. Надъ ней, нашей матушкой, установлено отвратительное рабство и господствуетъ власть дьявола.

Все, что только возможно уже было испробовано.

И вотъ, наконецъ, начинаютъ все болѣе вспоминать объ основной причинѣ нашихъ несчастій.

Россія существовала и благоденствовала до тѣхъ поръ, пока она отечески была объединена *православнымъ самодержавіемъ въ единый великій самобытный христіанскій государственный организмъ.*

Разрушена была и эта основа русской жизни — непосредственно послѣ этого погибла и Россія.

Но Смутное Время (1600-1613 г.) тоже разорило нашу страну, а потомъ одумавшись, весь народъ возстановилъ и государственный порядокъ, и самодержавіе, — и династію утвердилъ настолько непоколебимо, что когда она оскудѣвала въ мужскомъ поколѣніи, то предоставлялъ престолъ царей женщинамъ, той же династіи, лишь бы не нарушать прежняго строя. Такъ онъ одолѣлъ и Разина, и Пугачева и расширилъ границы до «шестой части свѣта».

Да, народъ понималъ и понимаетъ, что разноплеменная, раскинутая по необъятному пространству Россія иной формы правительства принять не могла, какъ и древній Римъ, который удовлетворялся республикой, пока ютился на Аппенинскомъ полуостровѣ, а когда началъ захватывать цѣлыя государства на Востокѣ и Югѣ, то провозгласилъ самодержавныхъ Императоровъ, оставивъ отъ республики только одно имя: главою римской республики сталъ императоръ, что замалчиваютъ или забываютъ нынѣшніе историки — реформаторы.

Когда же государство заняло почти весь тогда извѣстный міръ, то пришлось самодержцевъ поднять еще выше: явилось византійско-римское боговластіе, и даже Императоръ былъ провозглашаемъ Богомъ.

Русскій народъ, какъ христіанскій, не поддавался такому искушенію. Онъ съ умиленіемъ взиралъ на бывшій у насъ

обычай — принятія состарившимся Царемъ монашеской схимы, а главной обязанностью царей считалъ защиту православной вѣры, и не только въ своемъ государствѣ, но и во всемъ мірѣ.

Православный Русскій народъ взираетъ на Русское Царство, какъ на Царство Божіе, и любитъ Отечество, какъ Русь Святую, какъ исполнительницу Божіей Воли на землѣ и потому видитъ въ силѣ государства силу духовную — церковную. Онъ не желаетъ подчинить эту государственную жизнь верховному пастырю Церкви, ибо соединеніе двухъ властей побуждаетъ носителя ихъ пренебрегать первою въ угоду второй, но требуетъ вліянія церковной власти на совѣсть Самодержца. *Русская наша конституція заключалась въ томъ, что при вѣнчаніи на Царство, Царь произноситъ всенародно въ церкви исповѣданіе православной вѣры*, и по возложеніи короны и порфиры, колѣнопреклоненно читаетъ молитву, оканчивающуюся словами: «Буди сердце Мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Мнѣ людей, и къ славѣ Твоей, яко да и въ день Суда Твоего не постыдно воздать Тебѣ слово...». Такой порядокъ держался у насъ свыше 900 лѣтъ.

Вотъ почему лучшіе русскіе мыслители, искренніе патріоты и философы: Достоевскій, Аксаковъ, Хомяковъ, Самаринъ и Кирѣевскій, будучи сторонниками свободы слова и противниками бюрократизма — всѣ однако стояли за Самодержавіе. 60 лѣтъ тому назадъ они вложили въ уста нашимъ «западникамъ», которыхъ называли лже-либералами, такое четверостишіе по поводу ихъ «европейской конституціи»:

«Конституцію мы эту»
«Изъ Европы переймемъ»,
«Поведемъ Царя къ отвѣту»,
«А народъ опять скуемъ».

Болѣе полустолѣтія тому назадъ Ф. М. Достоевскій высказалъ въ своемъ «Дневникѣ писателя» слѣдующія пророческія мысли о русской христіанской государственности и о существѣ царской власти и значеніи ея для Россіи:

«... И сказалъ Господь Самуилу: Я пошлю тебя къ Іессею Вифлеемлянину: ибо между сыновьями Его я усмотрѣлъ Себѣ Царя. И взялъ Самуилъ рогъ съ елеемъ и помазалъ его среди братьевъ его, и почивалъ Духъ Господень на Давидѣ съ того дня и послѣ...» (I Цар. 16).

«... Съ самаго начала во всѣхъ націяхъ и государствахъ никакое общество не могло устроиться и связать себя въ цѣлое безъ нѣкотораго въ этомъ родѣ добровольнаго, т. е. любовнаго надъ собой насилія. Всякому обществу, чтобы дер-

жаться и жить, надо кого-нибудь уважать непремѣнно, и, главное всѣмъ обществомъ, а не то, чтобы каждому, какъ онъ хочетъ про себя. Итакъ, запомнимъ, что общество жить здоровой жизнью не можетъ, чтобы не любить кого-либо всѣмъ обществомъ сообща. Да, надобенъ такой авторитетъ, какъ солнце, чтобы освѣщало имъ путь. Это тѣ люди безъ которыхъ не живетъ и не стоитъ никакое общество и никакая нація, при самомъ даже широкомъ равенствѣ правъ. Вотъ отсюда и происходитъ та самая великая нравственная мысль, которая и будетъ единить въ крѣпчайшій союзъ людей».

«На Руси такими авторитетами бывали: Митрополиты, Патріархи, Воеводы, наши Праведники и почти всегда бывали Цари. Ибо кто же не видалъ народа около Царя, близъ Царя, у Царя? Это дѣти Царевы, дѣти заправскія, настоящія, родныя, а Царь ихъ Отецъ. Развѣ у насъ только слово, только звукъ, только наименованіе, что Царь нашъ Отецъ? Кто думаетъ такъ, тотъ ничего не понимаетъ въ Россіи. Нѣтъ, тутъ идея глубокая оригинальнѣйшая, тутъ организмъ, живой и могучій, организмъ народа, сліяннаго со своимъ Царемъ во едино. Идея эта есть могущественная сила. Создалась эта сила вѣками, особенно послѣдними страшными для народа вѣками, которые мы столь восхваляемъ за европейское просвѣщеніе наше, забывъ, что это просвѣщеніе обезпечено было намъ еще два вѣка тому назадъ крѣпостной кабалой и крестными страданіями народа русскаго, намъ служившаго. Вотъ и ждалъ народъ Освободителя своего и дождался — ну какъ же они не настоящія, не заправскія дѣти его?».

«Царь для народа не внѣшняя сила, не сила какого-нибудь побѣдителя, а всенародная, соединяющая сила, которую самъ народъ восхотѣлъ, которую вырастилъ въ сердцахъ своихъ, которую возлюбилъ, за которую претерпѣлъ, потому что отъ нея только одной ждалъ исхода своего изъ Египта. Для народа русскаго колосса-мужика, Царь есть воплощеніе его самого, всей его идеи, надеждъ и вѣрованій его»...

«Да, вѣдь это отношеніе народа къ Царю, какъ къ отцу, и есть у насъ то настоящее адамантово основаніе, въ которомъ всякая реформа можетъ у насъ зиждиться и созиждится. Если хотите, то у насъ въ Россіи и нѣтъ никакой другой силы зиждущей, сохраняющей и ведущей насъ, какъ органическая связь народа съ Царемъ своимъ, изъ нея у насъ все и исходитъ. Да большенство мы, интеллигенція, горе либералы и уже потому одному не съ народомъ и не можемъ принять его, что хоть и знаемъ и понимаемъ его отношеніе къ Царю, но вмѣстить не можемъ въ себѣ во всей полнотѣ самаго главнаго и необходимаго пункта въ судьбахъ нашихъ: что отношеніе этого русскаго

народа къ Царю своему есть самый особливый пунктъ, отличающій народъ отъ всякихъ другихъ народовъ Европы и всего міра, что это не временное только дѣло у насъ, не переходящее, не признакъ лишь дѣтства народнаго, напримѣръ, его роста и проч., какъ заключилъ бы иной умникъ, но вѣковое, всегдашнее и никогда, по крайней мѣрѣ еще долго, очень долго, оно не измѣнится. Такъ какъ же послѣ этого уже, поэтому только одному, народъ нашъ не особливъ ото всѣхъ народовъ, и не заключаетъ въ себѣ органическій зачатокъ идеи, отъ всего свѣта особливой?».

«Идея же эта заключаетъ въ себѣ такую великую у насъ силу, что, конечно, повліяетъ на всю исторію нашу, а такъ такъ она совсѣмъ особливая и какъ ни у кого, то и исторія наша не можетъ быть похожа на исторію другихъ европейскихъ народовъ, тѣмъ болѣе рабской ее копіей. Вотъ чего не понимаютъ у насъ умники, вѣрующіе упрямо, какъ *ослы*, только въ одно, что и все у насъ передѣлается въ Европу безо всякой особливости и ненавидящіе нашу особливость, отчего, конечно дѣло можетъ кончиться даже бѣдой...».

«И что же, гдѣ бы не случилась бѣда революціонная, то нужно всѣмъ народомъ ясно знать: анархію нельзя ничѣмъ вылѣчить, кромѣ какъ Монархіей, естественнымъ жребіемъ націи. Лишь одна монархія можетъ навѣки воскресить порядокъ среди народа, всякая другая система правленія можетъ годиться только на время, даже и въ случаѣ успѣха. Лишь при монархіи только можетъ каждый чувствовать себя совершенно свободно, точь-въ-точь, какъ всякій здоровый человѣкъ, живущій по законамъ своего темперамента».

«... Не называйте насъ надменными, недальновидными скороспѣлками. Нѣтъ, мы давно во все взглядываемся, все анализируемъ. А что все у насъ основное, какъ нигдѣ въ Европѣ, то вотъ вамъ тому укажемъ первый примѣръ: у насъ свобода въ будущемъ нашемъ, когда мы переживемъ періодъ лжеевропеизма нашего, это навѣрное такъ будетъ, у насъ гражданская свобода можетъ водвориться самая полная, полнѣе чѣмъ гдѣ либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣверной Америкѣ, и именно на этомъ же адамантовомъ основаніи она и создастся. Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ Царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немыслимо у другихъ, у договорныхъ (съ временными правителями) народовъ; дѣтямъ можно столь многое довѣрить, столь много разрѣшить, какъ нигдѣ еще не было видано, ибо не измѣнятъ дѣти достойному отцу своему и какъ дѣти съ любовью примутъ отъ него всякую поправку всякой ошибки и всякаго заблужденія ихъ. Да, вся

масса народа, инстинктивно чутьемъ знаетъ свое назначеніе — служеніе Христу, а *Царя своего — храненіе Христовой вѣры, защитника православной вѣры и всего Православія*. Вотъ почему главное, излюбленное наименованіе Царя своего, народъ твердо и неуклонно назвалъ: «*православный*», «*Царь Православный*». Назвавъ такъ царя своего, онъ какъ бы призналъ въ наименованіи этомъ назначеніе его, назначеніе охранителя, единителя. А когда прогремитъ велѣніе Божіе — и Освободителя Православія и всего Христіанства, его исповѣдывающаго отъ монгольскаго (антихристіанскаго) варварства и западнаго еретичества. Религія и Царь Православный одно цѣлое нераздѣльное. Если у насъ, что особенно здорово и цѣло, то это именно основаніе, т. е. народъ, на которомъ испоконъ вѣка утверждалась и будетъ утверждаться Россія. Хотя народъ остался одинъ, безъ добрыхъ совѣтниковъ. Но есть у него Богъ и Царь — вотъ этими двумя силами и двумя великими надеждами онъ и держится».

«Пусть интеллигенція именно здѣсь поучится у народа, какъ надо правду, основу русской жизни знать и ее защищать. Пусть тутъ же поучится и смиренію народа, и дѣловитости его, и реальности ума его, серьезности этого ума...».

«Въ концѣ концовъ, еще разъ особо я подчеркиваю, что въ народѣ нашемъ вполнѣ сохранилась такая твердая сердцевина, которая спасетъ его отъ излишествъ и уклоненій нашей культуры и выдержитъ грядущее къ народу все безъ ущерба, и именно своей природной самостоятельностью. Вотъ эту сторону нашей своеобразной культуры, которую и надо считать за драгоцѣнность, и на которую, напротивъ, всѣ эти господа либералы до сихъ поръ не обратили ни малѣйшаго вниманія, я и хочу указать и разъяснить.. ».

Ф. М. Достоевскій.
(«Изъ Дневника писателя»).

Эти мысли о Церкви, о Царѣ Православномъ и о создавшемъ тысячелѣтнюю русскую государственность нашемъ народѣ досказалъ четверть вѣка тому назадъ русскій философъ В. В. Розановъ. Писанія этого крупнѣйшаго мыслителя и талантливѣйшаго изобразителя своихъ мыслей, будутъ со временемъ жадно перечитываться образумившимися поколѣніями русскихъ людей:

«Сказать ли наконецъ истину (которую едва сознаютъ черезъ сто лѣтъ), что общественная роль въ политикѣ начнется только съ момента, когда общество, снявъ шапку, поклонится Государю и скажетъ:

«Ты первенецъ Земли Русской, а мы десятые и сотые. Но

и сотые и десятые имѣютъ свой часъ, свой урокъ, свою задачу, свою судьбу, свое указаніе отъ Бога. Иди, и да будутъ благословенны пути Твои. Но и Ты, оглядываясь на дѣтокъ своихъ — благослови такъ же наши шаги...» (Сборникъ мыслей В. В. Розанова, «Опавшіе листья», Коробъ II, Тетрадь 2).

«... Я самъ прошелъ (въ гимназіи) путь ненависти къ правительству, къ лицамъ, къ принципамъ его..., отъ низа и до верху... — путь страстнаго горѣнія сердца къ... «самимъ устроиться» и «по молодому» (суть революціи), и... мнѣ можно повѣрить, когда въ 58 лѣтъ (я въ сущности началъ еще въ университетѣ) я говорю, что въ Россіи нельзя ничего сдѣлать безъ Государя и безъ вѣры въ Него».

«Это во-первыхъ, и вовсе еще не главное, а самое главное, что (не говоря объ эмпирическихъ исключеніяхъ, которыя «простить») — Государь есть въ сущности лучшій человѣкъ въ Россіи, т. е. наиболѣе о ней думающій, наиболѣе за нее терпѣвшій (рядъ государей, «дипломатическія пораженія», «конфузъ» за отсталость), наиболѣе для нея работавшій (сколько поработалъ Александръ II) и вмѣстѣ, — пока что — наиболѣе могущественный что нибудь для нея сдѣлать».

«Онъ есть лучшій человѣкъ въ Россіи, и, по истинѣ, Первенецъ изъ всѣхъ потому, что самымъ положеніемъ своимъ, и линіей традицій (съ молокомъ матери и «врожденныя предрасположенія») не имѣетъ всецѣлымъ содержаніемъ души никакого другого интереса кромѣ, какъ благо Россіи, благо народа, въ условіяхъ безсословности и внѣ-провиденціальности».

«Самая выработка такого типа, по истинѣ, есть феноменъ и чудо. И поди-ка, если бы его не было, создайте другое лицо, которое думало бы только о народѣ, его благоденствіи и славѣ».

«Такъ думали герои и святые, какъ Периклъ: и зато сколько его славятъ. Славятъ собственно не за успѣхи (какіе собственно успѣхи у Перикла?), а что вотъ нашелся же «частный человѣкъ», который «всего себя посвятилъ Отечеству» и у котораго внѣ Отечества не было своей и особой личной и домашней мысли».

«Таковы были Периклъ, Кимонъ и еще не многіе, человѣкъ семь (Аристидъ). Но уже Фемистокль не былъ такимъ, и не былъ такимъ ни Кромвель, ни Цезарь, величайшій изъ республиканцевъ».

«Какой же феноменъ и святое чудо, что вѣками терпѣнія и страданія вѣками покорности и молитвы за Царей (вѣроятно и гипнотически, и магически это дѣйствуетъ), русскій народъ выработалъ такое учрежденіе, такую «должность» и «лицо», что какъ вотъ новый вступаетъ, «въ него», онъ вдругъ начинаетъ думать и дѣйствовать «какъ Аристидъ и Кимонъ», т. е. съ

молитвой только объ одномъ — «какъ можно справедливѣе», «какъ можно лучше странѣ», и — «ничего мнѣ», «ничего особаго и отдѣльнаго мнѣ!».

«Царская власть есть чудо. Подите-ка во Францiи вотъ теперь зародить ее, когда разъ она исчезла. Только черезъ 500 лѣтъ можетъ вновь явится — въ меньшiй срокъ нельзя сдѣлать. Но ошибаться и даже вредить могли и Аристидъ, и Кимонъ».

«Однако въ царской власти и черезъ ея таинственный институтъ побѣждено чуть не главное зло мiра, котораго никто не умѣлъ побѣдить, не умѣлъ избѣжать: злая воля, злое желанiе, злая страсть».

«Дѣло не въ ошибкахъ: поправить всякiя ошибки ничего не значить. Въ исторiи и даже въ мiрѣ, въ сложенiи его, въ корняхъ его лежитъ и всему присущая злая безобразная воля: Каинъ, Дьяволъ, Люциферъ».

«Вотъ съ чѣмъ не могли справиться народы и отъ чего человѣчество невыразимо страдало, встрѣчаясь съ чѣмъ гибли народы и разбивались цѣлыя цивилизацiи. Это метафизическое зло исторiи и даже метафизическое зло мiра побѣждено выработкой въ сущности сверхъ-историческаго явленiя, явленiя какого-то аномальнаго и анормальнаго (конечно) — Царя: въ которомъ зло тѣла — тѣльность есть невозможность и небываемость. Вотъ почему злоумыслить что-нибудь на Царя и отказать Ему въ повиновенiи, даже если Онъ по болѣзни страстенъ и гнѣвенъ (Грозный), или даже, если бы онъ былъ лишенъ разсудка, — ужасная вещь въ отношенiи всей исторiи, всего грядущаго — тысячи лѣтъ впередъ... Ибо это неповиновенiе или это злоумышленiе могло бы въ послѣдующихъ государяхъ разрушить то главное, что составляетъ суть всего, ихъ благость и ихъ всецѣлую, безъ остатка для себя, благорасположенность ко всѣмъ и всему окружающему въ странѣ своей. Периклъ, зная, что его изгонятъ или могутъ изгнать, — вдругъ сталъ бы откладывать въ копилку про черный день и на случай!».

«Изъ Царя именно исключенъ «случай» и «черный день».

«Всѣ дни Царя суть свѣтлы, и о свѣтлыхъ дняхъ ему молится весь народъ, ибо непрерывный свѣтъ въ душѣ Царя, есть тотъ свѣтъ, которымъ освѣщается вся страна».

«*Вотъ отчего и исторiя съ Павломъ I была черна, подла, омерзительна для воспоминанiя*, и ея анти-благой характеръ, вредный послѣдствiями, былъ, какъ бы мы проиграли 12-й годъ... И отчего господа изъ Женевы и Парижа должны быть не просто казнимы, а истреблены, ибо сами они истребляютъ въ сущности весь свѣтъ, всю радость, весь смыслъ, которымъ живетъ и осмысливается и укрѣпляется русскiй народъ. Вотъ отчего «раз-

дражать» Государя, сдѣлавъ Ему огорченія, есть величайшее народу злодѣяніе. «Перикла обворовали», «Периклу дали пощечину», «за Перикломъ гонялись... съ пистолетомъ» — «нѣтъ Перикла».

«Ну, а что значитъ «нѣтъ Перикла» — для Афинъ, это знаетъ Иловайскій, да и не онъ одинъ! Вотъ отчего истребленіе всякихъ враговъ Государя и всякой вражды къ Государю есть то же, что осушеніе болотъ, что лучшее обрабатываніе земли, что дождь для хлѣба и проч.».

«Никакого «чернаго» дня Государю, всѣ дни Его должны быть бѣлы — это коренная забота народа, на которую, какъ на хорошую пахоту урожай — отвѣчаетъ любовь всемогущаго существа о народѣ, трудъ для него, забота о немъ».

«Теперь о вѣрѣ, Евангеліи и Христѣ».

«То есть о Церкви, которая еще ничего и недѣлаетъ, еще ничего и не имѣетъ, кромѣ какъ хранить, говорить, учить и распространять Евангеліе Христа и Вѣчную жизнь».

«Едва я сказалъ, какъ всѣ закричатъ: «да вѣдь это цивилизація...».

«Это уже не Боклишко съ Дарвинишкомъ, не Спенсеришка въ 20-ти томахъ. Это не нашъ Николай Гавриловичъ (Чернышевскій) — всѣ эти лапти и онучи русскаго просвѣщенія [1]), а это — цивилизація въ самомъ дѣлѣ, отъ нашествія гунновъ и Алариха до Эдуарда Исповѣдника, до крестовыхъ походовъ, до рыцарства, до Сервантеса, до Шекспира, до самой революціи».

«Что же тутъ трясутся, въ «изданіяхъ» Пирожкова, Ренанъ и Штраусъ? Да ихъ выдрать за уши, да дать имъ подъ задъ и послать къ чорту!».

«Если запищатъ наши «современники», и дѣвица Кускова [2]), сослать ихъ за Кару».

«Что же дѣлать съ тараканомъ, который упалъ съ потолка къ вамъ въ кушанье?»

«Таковаго берутъ въ ложку и выплескиваютъ къ чорту... Вѣчная Жизнь и Бокль, проповѣдь апостоловъ и 43 года «Вѣстника Европы», который не удостоилъ ихъ хоть когда нибудь назвать по имени».

«Какое же разсужденіе: «Вѣстникъ Европы» нуженъ 6.000 своихъ подписчиковъ, Евангеліе было необходимо человѣче-

---

[1]) Шестидесятникъ Розановъ о такихъ позднѣйшихъ модныхъ псевдоученыхъ, какъ Марксы, Энгельсы и ихъ русскіе подголоски-ничтожества и не упоминаетъ.

[2]) Розановъ давно умеръ, заморенный въ соціалистическомъ совѣтскомъ «раю», а дѣвица Кускова и сейчасъ попискиваетъ въ «Дняхъ» и «Послѣднихъ Новостяхъ».

ству двадцать вѣковъ, каждому въ человѣчествѣ! Кто же бережетъ лопухъ, который заглушаетъ садъ, кто бережетъ червя, который ѣстъ яблоко и кто бережетъ разбойника, который рѣжетъ на дорогѣ?».

«Никакого разсужденія — все это къ выбросу. Но я говорю о корняхъ (историческихъ), когда хочу разсуждать: Въ Евангеліи, въ одной книгѣ, въ церкви, т. е. въ одномъ учрежденіи, Европа, не русскіе и не нѣмцы, А Европа имѣетъ то одно, какъ бы «въ горсть взятое», чего не имѣли Греція и Римъ, не имѣетъ Китай и Индія. Ибо и тамъ если и есть Будда, Конфуцій, то это философы, которые еще имѣютъ соперничество въ болѣе древнихъ лицахъ. Но Европа и только одна она имѣетъ одно рожденіе изъ одного лица — Христа».

«Нѣтъ «Европы», а есть «Христіанскій міръ» и всѣ знаютъ, что «Христіанскій міръ» обширнѣе, многозначительнѣе, вѣчнѣе «Европы», а «Христосъ» обширнѣе и есть «Вѣчность» и «всѣ».

«Понимаете ли вы отсюда, что Спенсеришку надо бы драть за уши, а Николаю Гавриловичу» «дать по мордѣ, какъ навонявшему въ комнатѣ конюху? Что никакихъ съ нимъ разговоровъ нельзя было водить!».

«Что ихъ просто слѣдовало вывести за руку, какъ изъ-за стола выводятъ господъ, которые вмѣсто того, чтобы кушать, начинаютъ вонять».

«Догадываетесь ли вы, наконецъ, что цивилизація XX вѣка, которая въ значительной степени есть анти-христіанская, была вовсе не «цивилизація», а скандалъ въ ней, — не «прогрессъ», а «наслѣдили на полу» и надо это подтереть»?

«Пришли свиньи и изрыли огородъ мордами: это не значитъ, что огороду не надо жить и надо къ осени остаться безъ овощей, а значитъ, что свиней надо прогнать или заколоть, а грядки поправить, вырытое вновь всадить въ землю и по осени собирать плоды».

«И вотъ эта «Церковь» — она уже до того превосходитъ Европу, что Русскій Царь, о которомъ я сказалъ всѣ слова, какія сказалъ, — онъ склоняется передъ одною Церковью, какъ передъ Вѣчнымъ Источникомъ жизни всѣхъ — и такъ же страшится и испуганъ Ее огорчить, какъ каждый изъ насъ страшится и испуганъ Его огорчить».

«И эти два, въ сіяніи, образуютъ сводъ надъ мужикомъ и Русью, надъ каждымъ и всѣми, каковаго не имѣли ни Римъ, ни Афины... (21 ноября. В. Розановъ)».

Обстоятельныя разъясненія о положеніи тѣсно-связанной съ русскою государственностью православной нашей Церкви мы находимъ въ гл. 50, т. II, «Воспоминаній» кн. Н. Д. Жевахова: «Въ Россіи православная Церковь занимала не только

совершенно отличное отъ Западной Европы, но и единственно соотвѣтствующее ей, какъ Божественному Установленію, положеніе, вытекавшее изъ христіанскихъ основъ русской государственности».

«Нареканія на узурпацію правъ Церкви государствомъ, на «плѣненіе и гнетъ», и на «оковы рабства» и пр., и пр. — все это отражало или невѣжество и незнакомство съ государственными основами православія въ Россіи или сознательные революціонные пріемы со стороны тѣхъ, кто стремился къ развалу, какъ государства, такъ и Церкви».

«Однако и до сихъ поръ, несмотря на ужасъ положенія православной Церкви въ Россіи въ настоящее время, несмотря на окончательное уничтоженіе Церкви, какъ государственнаго организма, не всѣ въ равной мѣрѣ убѣждены въ благодѣтельности церковныхъ реформъ Петра Великаго, не всѣ въ равной мѣрѣ оцѣниваютъ ихъ съ вѣрныхъ точекъ зрѣнія. И до сихъ поръ нѣкоторые іерархи называютъ Великаго Петра — «Первымъ Большевикомъ» и проклинаютъ Синодальную систему управленія».

«Подобныя «общепризнанныя истины» не оспариваются! Ихъ попросту повторяютъ, не стараясь даже разсмотрѣть ихъ сущность и содержаніе».

«Къ числу такихъ «истинъ» относится и та, которая связываетъ всѣ бѣды и несчастія, обрушившіяся на православную Церковь, съ оберъ-прокуратурою, какъ средоточіемъ яко-бы того зла, какое «угнетало» Церковь, будто-бы «держало ее въ оковахъ и лишало свободы».

Но такія утвержденія въ корнѣ не вѣрны и опровергаются не только исторіей, но и, что гораздо важнѣе, самой сущностью Православія, какъ Божественной истины, которая вѣчна и незыблема и не можетъ зависить отъ человѣческихъ вліяній. И нѣтъ той человѣческой силы, какая могла бы сокрушить Божественную истину или уменьшить ея значеніе и вліяніе, но не склониться передъ нею. Въ этомъ смыслѣ Церковь, даже съ точки зрѣнія своей внѣшней организаціи, могущественнѣе государства, если является носительницею чистоты Божественной истины и воплощаетъ ее собою. И это доказали тѣ подвижники Церкви, которые вели за собою вѣрующихъ и были могущественнѣе всѣхъ царей, патріарховъ и земныхъ владыкъ.

«Іерархи Церкви, не исключая и наиболѣе искреннихъ противниковъ синодальной системы, конечно отлично знали, что ссылки на «оковы и рабство», въ коихъ Церковь яко-бы находилась 200 лѣтъ, на отсутствіе свободы духа и пр., и пр. — все это только ходячія фразы, выдуманныя честолюбцами и повторяемыя прогрессивною общественностью».

Въ дѣйствительности — никакого гнета со стороны оберъ-прокуратуры не было и не могло быть, какъ потому, что ея представители были часто не только болѣе образованными, но и болѣе вѣрующими сынами Церкви, чѣмъ сами іерархи, такъ и потому, что участіе оберъ-прокуратуры въ области чисто церковнаго управленія было фикціей и ни въ чемъ не выражалось. Вся дѣятельность оберъ-прокуроровъ Синода сводилась лишь къ контролю синодальныхъ чиновниковъ — кадетствовавшихъ семинаристовъ, къ добыванію средствъ на содержаніе вѣдомства, да къ скучной канцелярщинѣ.

«Вся-же церковная работа велась іерархами и даже о соглашеніи съ оберъ-прокуроромъ, имѣвшимъ право возражать по существу тѣхъ или иныхъ синодальныхъ постановленій, но никогда не осуществлявшимъ такого права, — не могло быть и рѣчи. Вносимыя іерархами предложенія принимались столь-же дружно и единогласно, какъ дружно и единогласно пресѣкались попытки оберъ-прокуроровъ вносить тѣ или иныя поправки и замѣчанія».

«Синодальныя постановленія скрѣплялись трафаретнымъ «читалъ» — даже безъ подписи оберъ-прокурора или его товарища и подносились послѣднимъ уже послѣ подписанія всѣми членами Синода. Синодальная оберъ-прокуратура давно перестала быть тѣмъ, чѣмъ должна была быть по мысли законодателя. «Нѣтъ, дѣло не въ оберъ-прокурорахъ, боровшихся съ рутиною и бывшихъ почти единственными вдохновителями и проводниками въ толщу жизни всякаго рода церковныхъ начинаній, любившихъ и оберегавшихъ Церковь и пребывавшихъ въ тѣснѣйшемъ духовномъ общеніи съ лучшими изъ іерарховъ, а въ самомъ принципѣ преобладанія (?) государственной власти и Христовой Церкви».

Въ чемъ же выражалось «преобладаніе» этого принципа въ Россіи?

«Дѣйствительно ли церковная жизнь Россіи тяготилась такимъ «преобладаніемъ», и возможно ли вообще указывать на «преобладаніе» этого принципа въ Россіи — государствѣ, основанномъ какъ мы видимъ на совершенно особыхъ началахъ и осуществлявшемъ принципы «боговластія», а не народовластія?»

«Казалось бы, что одно указаніе на природу русскаго самодержавія, въ отличіе отъ парламентарнаго строя, было бы достаточнымъ для того, чтобъ усматривать въ самомъ понятіи «государственной власти» различное содержаніе, въ зависимости отъ существа и характера того или иного государственнаго строя».

«А содержаніе-то государственной власти въ Россіи было

совсѣмъ инымъ, чѣмъ на западѣ. По отношенію къ Россіи вышеупомянутое «преобладаніе» выражалось вовсе не въ подавленіи церковности государственностью, а въ преимущественныхъ заботахъ и попеченіяхъ государства о матеріальномъ благоденствіи и духовномъ процвѣтаніи Церкви».

«И лучшимъ свидѣтельствомъ этого положенія являются именно церковныя реформы Петра I-го».

«Чѣмъ были вызваны эти реформы, какая идея лежала въ основаніи синодальной системы церковнаго управленія? Только ли «капризъ самовластнаго восточнаго деспота» или сведеніе «личныхъ счетовъ» съ неугодившимъ ему патріархомъ или «замаскированное безвѣріе» (договариваются и до этого иные историки), посягнувшее на свободу Церкви и отдавшее ее подъ опеку государства?»

«Нѣтъ, строились Петромъ Великимъ церковные реформы на гораздо болѣе глубокомъ основаніи».

«Въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича линіи церковной и государственной жизни сливались, жизнь являла собою трогательное единеніе между церковью и государствомъ, объединялась съ государственностью, проникая въ толщу государственной жизни и охристіанивая ее. Но такое явленіе было случайнымъ и обуславливалось только личностью Царя и патріарха».

«Такое основаніе было шаткимъ. Благоденствіе Церкви и государства не можетъ покоиться на личности Царя и патріарха. Вотъ почему императоръ Петръ Великій провозгласилъ и провелъ въ жизнь принципъ не только моральнаго, но и юридическаго единенія между ними. По мысли императора интересы церкви и государства не только могли, но должны были слиться другъ съ другомъ: у государства теократическаго должны были быть общія съ церковью программы, общія задачи и цѣли».

«Здѣсь было не посягательства на права церки, а убѣжденіе, что только христіанская власть въ состояніи сохранить и обезпечить эти права». Совершенно правъ г. Дивѣевъ въ своей статьѣ «Блюдите Церковь Христову» («Еженедѣльникъ», 16-29 іюня 1923 г.), когда, останавливаясь на церковныхъ реформахъ Петра, подчеркивая его идеи о нераздѣлимости въ христіанскомъ государствѣ церковныхъ и государственныхъ задачъ и необходимости имѣть единый церковно-государственный планъ, говоритъ:

«Въ этомъ своемъ убѣжденіи Петръ былъ вмѣстѣ со всей традиціей Византіи. Если православный императоръ Византійскій предсѣдательствовалъ на Вселенскомъ Соборѣ, утвер-

ждалъ его постановленія, даже самый Символъ Вѣры[1]), назначалъ и удалялъ патріарховъ, имѣлъ входъ въ Царскія Врата, если Византійскій Патріархъ для церковнаго богослуженія облачался въ одежды императоровъ и принималъ дѣйственное и непремѣнное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, то какъ можно утверждать, что богопомазанный императоръ Всероссійскій не имѣетъ права заниматься церковными дѣлами»?

«Но «лютеранствующая» и «англиканствующая» школа нашихъ современныхъ церковниковъ затмила великій смыслъ богопомазанія православныхъ царей. Недавно на одномъ изъ религіозныхъ собраній пришлось услышать изъ устъ православнаго іерарха, что помазаніе на Царство есть лишь «пережитокъ библейскаго обряда» и что богопомазаніе не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ миропомазаніе, совершенное надъ вѣрующими въ извѣстные праздники. Не удивительно, что слѣдующіе по стопамъ подобныхъ архипастырей церковники съ настойчивостью твердятъ о «свободной отъ монархіи церкви» и восхваляютъ блага церковной «аполитичности» (кн. Жеваховъ, т. II, стр. 379).

«Но и независимо отъ историческихъ обоснованій Петръ Великій руководствовался и чисто практическими соображеніями, желая дать церкви ту государственную опору, безъ которой она, какъ земное учрежденіе, разумѣется, существовать не могла».

«Въ этомъ заключалась идея церковныхъ реформъ Петра Великаго, въ этомъ былъ и залогъ процвѣтанія церкви въ Россіи. И что ни говорилось и ни писалось по поводу означенныхъ реформъ, какъ бы тяжки ни были обвиненія Петра въ произволѣ и насиліи, но факты безъ словъ опровергаютъ ихъ».

Не видѣли ли мы въ наши дни, какъ современный итальянскій патріотъ-государственникъ Муссолини въ цѣляхъ единенія и благоденствія своего народа возстановилъ единеніе церкви съ государствомъ и провозгласилъ римско-католическую религію государственной?

---

[1]) Въ Англіи съ ея восхваляемой либералами парламентарною монархіей — еще до сихъ поръ церковь не отдѣлена отъ государства и даже текстъ главнѣйшихъ молитвъ обще-государственнаго характера утверждается обѣими палатами парламента и этотъ законодательный актъ подписывается затѣмъ королемъ. Всѣмъ памятны шумные дебаты въ англійскомъ парламентѣ по поводу представленнаго архіепископомъ кентерберійскимъ на утвержденіе новаго пересмотрѣннаго текста нѣкоторыхъ молитвъ въ 1928 г. Изъ газетныхъ отчетовъ объ этихъ дебатахъ большинство русскихъ интеллигентовъ впервые только узнали о такомъ крѣпкомъ традиціонномъ единеніи Церкви и государства въ «передовой» Англіи.

«Синодальный періодъ церковной жизни былъ эпохой наибольшаго разцвѣта церкви въ Россіи».

«Объ этомъ безмолвно свидѣтельствуютъ прежде всего причтенные къ лику святыхъ величайшіе подвижники церкви этого періода: Митрофаній Воронежскій и Иннокентій Иркутскій, Іоасафъ Бѣлгородскій и Димитрій Ростовскій, Феодосій Углицкій и Питиримъ Тамбовскій, Серафимъ Саровскій и ожидающіе прославленія Филаретъ и Макарій Московскіе, Филаретъ Кіевскій и незабвенный молитвенникъ земли русской Іоаннъ Кронштадтскій, не говоря уже о безчисленномъ сонмѣ праведниковъ, которыми такъ богаты были наши монастыри и вся наша Св. Русь, имѣвшая даже въ своихъ деревняхъ и селахъ священниковъ, подобныхъ Алексѣю Колоколову, Алексѣю Гнѣвушеву — и множество другихъ, замученныхъ нынѣ большевиками».

«Однако, ни отъ митрополита Макарія и Іоанна Кронштадтскаго, ни отъ великихъ праведниковъ, старцевъ Саровскихъ, Оптинскихъ, Валаамскихъ и пр., и пр., мы не слышали нареканій на синодальную систему, а, наоборотъ, слышали, что благоденствіе церкви связано съ государственнымъ правопорядкомъ, что нужно беречь и любить государя, охранять прерогативы царской власти, ибо воля Царя выражаетъ на землѣ волю Божію».

«Не порабощеніе Церкви государствомъ, не лишеніе свободы и гнетъ, не одинъ только контроль государства надъ Церковью лежали въ основѣ реформъ Петра, а защита и охрана Церкви, составлявшая прямую обязанность Монарха, какъ Божьяго Помазанника и Ктитора (блюстителя) Церкви».

«При этихъ условіяхъ принципъ преобладанія государственной власти въ Христовой Церкви, абсолютно недопустимый въ государствахъ парламентарныхъ («демократическихъ»), гдѣ онъ сталъ бы выливаться неизбѣжно въ формахъ, враждебныхъ Церкви, — пріобрѣталъ въ Россіи и другой характеръ и другія выраженія. Этотъ принципъ не только оправдывался историческими причинами, но и являлся необходимымъ, какъ условіе, обезпечивающее благо Церкви...».

«Нужно замѣтить, что въ Россіи (и не только въ Россіи) часто смѣшиваютъ Церковь съ духовенствомъ, со служителями ея — съ церковною іерархіей, благодаря чему отрицательное отношеніе къ личности иныхъ іерарховъ часто разсматривается, какъ неуваженіе къ самой Церкви. Здѣсь недоразумѣніе, ибо русскій народъ самый религіозный въ мірѣ, что не мѣшало ему, подчасъ ,относиться критически къ тѣмъ или инымъ представителямъ Церкви».

Служители Церкви, даже самаго высокаго положенія — это

одно, а сама Церковь — это то другое, что превыше ихъ и всѣхъ ея членовъ.

Вотъ почему православную нашу Церковь нельзя именовать ни «митрополичьей», ни «патріаршей», какъ это дѣлаютъ зарубежныя газеты.

Православная Церковь имѣетъ только одно символомъ вѣры нашей, установленное наименованіе: «*Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь*».

«Русскіе государи были преданнѣйшими сынами Церкви и не только связывали, но и обусловливали благо государства благомъ Церкви. Въ этомъ отношеніи русскіе монархи стояли на такой высотѣ, что даже злѣйшіе враги Россіи не могли имъ бросить упрека и потому отыгрывались лишь на «секуляризаціи церковныхъ монастырскихъ имуществъ», допущенной Императрицею Екатериной II.

Однако при этомъ умалчивали, что главную часть этихъ имуществъ составляли крѣпостные крестьяне: монашествующіе были рабовладѣльцами [1]).

Но въ этомъ актѣ выразилось отношеніе Императрицы не къ Церкви, а къ монашеской братіи, личное-же отношеніе Екатерины II къ Церкви нашло себѣ выраженіе въ другихъ актахъ ко благу и укрѣпленію церковному.

«Отношеніе Императора Павла I-го къ Церкви было таково, что только революція 1917 года прервала работы по его канонизаціи. Однако сознаніемъ русскаго народа Императоръ Павелъ, предательски убіенный, давно уже причисленъ къ лику святыхъ».

«Дивныя знаменія благоволенія Божія къ Праведнику, творимыя Промысломъ Господнимъ у Его гробницы, въ послѣдніе годы передъ революціей, не только привлекали толпы вѣрующихъ въ Петропавловскій Соборъ, но и побудили причтъ издать цѣлую книгу знаменій и чудесъ Божіихъ, изливаемыхъ на вѣрующихъ молитвами Благовѣрнаго Императора Павла I-го, умученнаго преступниками-царедворцами 11 марта 1801 г.».

«Императоръ Александръ I-й отошелъ въ исторію съ именемъ «Благословеннаго» и народная молва упорно отождествляетъ Его со старцемъ Феодоромъ Кузьмичемъ, отшельникомъ сибирскимъ и видитъ въ немъ святого».

---

[1]) Какихъ количественныхъ результатовъ достигла Православная Церковь въ Россіи за 200 лѣтъ Синодальнаго ею управленія можно судить по слѣдующимъ статистическимъ свѣдѣніямъ за 1912 годъ: *Церквей* православныхъ было всего на территоріи Россійской Имперіи: 53.546.

Монастырей: мужскихъ 529 съ 10.998 монахами, и 10.203 послушниками; *женскихъ* — 456 съ 15.003 инокинями и 55.450 послушницами (Всеобщ. русск. календарь на 1915 г., изд. Сытина).

Исторія не имѣетъ достаточныхъ основаній опровергать такую легенду и многіе склоняются къ тому, чтобы признать въ ней историческій фактъ, вытекающій изъ міросозерцанія и настроенія Благословеннаго Царя.

«Премудрый императоръ Николай I-й провозгласилъ принципъ: «Церковность — основа Государственности» и проводитъ этотъ принципъ неуклонно съ твердостью, Ему свойственной».

«Императоръ Александръ II-й, являвшійся воплощеніемъ трогательной любви Монарха къ своему народу, освободившій милліоны единовѣрныхъ намъ славянъ отъ мусульманскаго ига, самъ палъ жертвою христіанскаго долга къ ближнему, своему подданому».

«Императоръ Александръ III отошелъ въ исторію съ именемъ «Миротворца», являя своимъ царствованіемъ примѣръ и Христіанскаго Монарха, и великаго христіанина въ частной жизни».

«Царствованіе императора Николая II-го даетъ православной Церкви новаго святого и въ будущемъ будетъ оцѣниваться, какъ «житіе Святаго Благовѣрнаго Царя — Мученика Императора Николая Александровича».

«Но, можетъ быть, несмотря на свои высокія личныя качества Русскіе Цари вмѣшивались въ область церковнаго управленія и выходили за предѣлы правъ, отведенныхъ Ктитору Церкви? Можетъ быть, если не сами Цари, то ихъ слуги, въ лицѣ оберъ-прокуратуры, злоупотребляли этими правами?».

«Нѣтъ, недовольство вызывалъ самый принципъ Синодальнаго управленія».

«Представители же оберъ-прокуратуры были въ подавляющемъ большинствѣ выдающимися церковными и государственными дѣятелями, съ которыми лучшіе изъ іерарховъ находились въ тѣснѣйшемъ единеніи».

«К. П. Побѣдоносцевъ — знаменитый цивилистъ, авторъ пріобрѣвшаго міровую извѣстность «Курса гражданскаго Права», ближайшій сподвижникъ Императора Александра III-го и воспитатель императора Николая II-го — онъ былъ одинъ изъ столповъ русскаго самодержавія въ эпоху наибольшаго разцвѣта».

В. К. Саблеръ, быв. проф. Московскаго Университета, былъ гораздо популярнѣе среди іерарховъ, чѣмъ среди мірянъ.

«Князь А. А. Ширинскій-Шахматовъ, такъ же сподвижникъ императора Александра III, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ выдающихся церковныхъ и государственныхъ дѣятелей, которые, учитывая все чрезвычайное значеніе церковно-государственнаго единства въ эпоху Царя Алексѣя Михайловича, старались вернуть церковно-государственную жизнь, въ ея прежнее русское «русло». Глубокій знатокъ церковной

исторіи князь властною рукою срывалъ съ церковной жизни всѣ пристававшія къ ней на протяженіи вѣковъ чуждыя ей наслоенія, возстановляя подлинный обликъ ея въ эпоху Св. Руси и встрѣчая съ этой стороны полную поддержку у благостнаго государя императора Николая Александровича, прямого продолжителя дѣла царя Алексѣя Михайловича».

«С. М. Лукьяновъ находился въ тѣснѣйшемъ единеніи съ іерархами и его дѣятельность, въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода, привѣтствовалась даже ярыми противниками Синодальной системы».

«Одни только синодальные чиновники, отъ которыхъ Лукьяновъ, будучи неутомимымъ тружеником и просиживая въ Синодѣ до поздняго вечера требовалъ усиленной работы, относились къ нему враждебно и кощунственно повторяли: «... не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ Лукьянова...». Но тѣ же синодальные чиновники, а за ними и либеральные батюшки» глумились надъ царскимъ блюстителемъ законности, надъ самымъ званіемъ оберъ-прокурора, какъ представителя государственной *власти*, кощунственно называя его «патріархомъ во фракѣ», что повторяютъ и до сихъ поръ въ зарубежной печати, пишущіе по церковнымъ вопросамъ со свойственною имъ беззастѣнчивостью старые газетные репортеры».

«П. П. Извольскій[1]), одинъ изъ великолѣпныхъ представителей большаго свѣта, придворный кавалеръ, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія, съ опредѣленнымъ уклономъ влѣво, назначеніе котораго оберъ-прокуроромъ Св. Синода, трактовалось какъ случайное недоразумѣніе, оказался на самомъ дѣлѣ типичнымъ представителемъ той среды, которая была и глубже, и чище тѣхъ, кто, за покровомъ внѣшности не угадывалъ ея подлинной сущности и осуждалъ ее. Петръ Петровичъ былъ не только церковнымъ, но и истинно религіознымъ человѣкомъ. Ни изумительно быстрая служебная карьера, ни придворныя связи, ни исключительное положеніе, какое онъ занималъ въ обществѣ — не заглушили въ немъ той религіозной настроенности, какая въ результатѣ привела къ принятію имъ священнаго сана».

Свой жизненный путь, онъ, бывшій членъ Государственнаго Совѣта и гофмейстеръ Высочайшаго Двора, заканчиваетъ въ скромной должности настоятеля православнаго храма въ Брюсселѣ и въ санѣ протоіерея.

«Н. П. Раевъ былъ сыномъ быв. с.-петербургскаго митрополита Палладія, родился и воспитывался въ духовной средѣ, былъ насквозь пропитанъ церковностью и можетъ быть по

[1]) Скончался въ Парижѣ въ 1928 г.

этой причинѣ вызывалъ къ себѣ оппозицію, ибо духовенство вообще не долюбливаетъ выходцевъ изъ ихъ среды».

Остается сказать еще объ А. Н. Волжинѣ и А. Ф. Самаринѣ [1]), которые дѣйствительно были случайными людьми въ вѣдомствѣ.

«Однако же, во всякаго рода столкновеніяхъ съ государственною властью или іерархами, Синодъ являлся ихъ союзникомъ и стоялъ на сторонѣ этихъ оберъ-прокуроровъ».

«Такимъ образомъ и личность оберъ-прокуроровъ не давала іерархамъ никогда поводовъ недовольства. Недовольство вызывалъ самый принципъ синодальнаго управленія. Какъ же въ дѣйствительности осуществлялся этотъ принципъ»?

«Издавалъ обязательные церковные законы, замѣщалъ епископскія кафедры, увольнялъ епископовъ и производилъ судъ по всѣмъ отраслямъ церковнаго управленія не Царь, а Синодъ».

«Царь только санкціонировалъ синодальныя рѣшенія и постановленія, проявляя чисто сыновнее послушаніе собору епископовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда такія рѣшенія не совпадали съ его личной волей».

Какъ-же могло быть иначе, когда въ Россіи никакой законъ не могъ воспріять силы безъ Высочайшаго утвержденія Государемъ Императоромъ? Нигдѣ Церковь не можетъ быть «государствомъ въ государствѣ», а въ Царской Россіи — это было не допустимо [2]).

«Нынѣ цѣлый сонмъ живоцерковныхъ епископовъ, возглавляемыхъ Антонинами и Евдокимами, свидѣтельствуетъ о томъ, что не только Царь, но даже оберъ-прокуроръ были безсильны бороться съ Синодомъ въ этой области и, что Синодъ дѣйствовалъ, какъ учрежденіе не только независимое, но нерѣдко даже, какъ враждебное государству. Въ глазахъ Синода, всякій епископъ, какъ таковой, являлся неприкосновеннымъ, и ни перемѣщеніе, ни тѣмъ болѣе увольненіе считалось недопустимымъ и разсматривалось, какъ посягательство на самую Церковь... ревизіи признавались оскорбленіемъ священнаго сана».

«Естественно, что такая презумція давала поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ и соблазну, какія разъѣдали церковный организмъ и вносили въ него именно тѣ элементы

[1]) Проживаетъ въ бѣженствѣ въ г. Ниццѣ, а А. Ф. Самаринъ былъ непримиримымъ противникомъ Распутина, котораго ввели во дворцы самые видные представители духовенства и затѣмъ поддерживали нѣкоторые архіереи.

[2]) Что могло-бы подѣлать «Высшее Церковное Управленіе» безъ рѣшительныхъ дѣйствій Царя, въ такихъ, напр., дѣлахъ какъ извѣстный «бунтъ архіепископа Иринея» (тобольскаго) въ царствованіе Николая I?

разложенія, какія оппозиція приписывала «преобладанію государственной власти въ Христовой Церкви».

Безсознательно-революціонно и преступно-легкомысленно агитировавшіе проповѣдники «отдѣленія церкви отъ государства» забывали самое главное, чѣмъ болѣе всего была крѣпка Царская *Православная* Россія: вѣдь по основнымъ законамъ Россійской Имперіи (ст. 62-64) наша *православная религія была и религіей государственной.*

Но если православная вѣра признавалась единственною *государственною* религіей, то какъ можно было допускать явно анти-государственныя разсужденія о какомъ-то обособленіи или отдѣленіи отъ государства самой православной русской церкви? Доколѣ была въ Россіи православная вѣра *государственной* — не могла и сама православная церковь быть иною, какъ *государственной.*

Увы, нынѣ уже болѣе чѣмъ достаточно выяснилось одно изъ главныхъ «завоеваній революціи», въ первые дни которой именовавшіе себя «сынами церкви» прежде всего провозгласили «равенство всѣхъ религій», а свою русскую православную вѣру лишили всѣхъ преимуществъ религіи государственной. Въ опаснѣйшемъ самоослѣпленіи наши церковные реформаторы, въ унисонъ съ революціонерами 1917 года, поспѣшили отпраздновать «отдѣленіе церкви отъ государства». Они забыли, что якобы «освобождая церковь отъ государственной опеки» они неминуемо разрушали и коренную основу единства и мощи Россійской Имперіи, самоубійственно лишивъ православную религію нашей Святой Руси — всѣхъ правъ и преимуществъ — религіи *государственной*

И русская православная церковь въ глазахъ 150-милліоннаго населенія Имперіи неминуемо потеряла все свое значеніе первенствующей и недѣлимой, національной церкви Великаго Государства Россійскаго [1]).

Это совершилось въ 1917 году: наша церковь стала «безгосударственной — къ полному удовлетворенію ея-же враговъ анти государственниковъ, и «безполитичной». Провозгласивъ на всероссійскомъ церковномъ соборѣ свое «свободное отъ государственной опеки» самоуправленіе — какую величайшую

[1]) Основ. Госуд. Зак.: *Ст. 62.* — Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія.

Ст. 63. — Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ Православной (ст. 62).

Ст. 64. — Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго, въ церкви святой, благочинія.

отвѣтственность за дальнѣйшія судьбы православія на Руси приняли на себя участники этого церковнаго собора. Какъ легко они позабыли, что безъ поддержки и защиты государственной власти на необъятныхъ пространствахъ шестой части свѣта, среди разнообразнѣйшаго населенія Россійской имперіи самыя тяжкія испытанія грозили исповѣданію русскими людьми православной вѣры, религіи ихъ отцовъ и прапрадѣдовъ. И этихъ испытаній не выдержала, прежде всего, сама церковная іерархія, съ перваго же года революціи, расколовшаяся на представителей «живой церкви» и церкви истинной, продолжая свои разногласія и расколы до нашихъ дней — не только тамъ, подъ игомъ сатанинской власти безбожниковъ, но и въ самыхъ свободныхъ странахъ за-рубежомъ, въ Европѣ и Америкѣ...

Четырнадцать лѣтъ, какъ упразднено въ нашей Церкви поминовеніе ея перваго слуги, защитника и блюстителя — Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Православнаго нашего Царя съ Его Семьей, давно не поминаютъ болѣе и возглавлявшій 200 лѣтъ церковное управленіе Императорскій Святѣйшій Правительствующій Синодъ...

За то передъ какими теперь «правителями» и правительствами, передъ всевозможными «власть имущими», «князьями міра» преклоняются новые синоды русскихъ церквей, разсѣянныхъ по всему свѣту...

Но, въ дѣйствительности, существовало-ли это пресловутое «угнетеніе церкви», стѣснительною для нея опекою со стороны высшей государственной власти, какъ о томъ всячески старались дать понять «непосвященнымъ» сторонники церковныхъ «свободъ» въ эпоху «освободительнаго движенія» 1905-1917 г. г.?

Конечно подобнаго угнетенія не было. Да и могло-ли быть со стороны такого преданнѣйшаго сына Св. Православной Церкви, примѣрнаго для насъ всѣхъ и для большинства — недостижимаго образца христіанской добродѣтельной жизни и праведной мученической кончины — до послѣдняго мгновенія проникнутаго искреннѣйшею вѣрою Царя-Мученика?

Вышеизложенное достаточно уясняетъ, что изстари на Руси, носители верховной княжеской или царской власти, сами находились въ извѣстномъ «порабощеніи» у Православной Церкви. Русскіе Государи могли исповѣдывать только православную вѣру и уже тѣмъ самымъ становились въ подчиненіе къ Церкви, обязываясь быть первымъ ея слугою и свято и ненарушимо исполнять свой долгъ въ дѣлѣ блюстительства и защиты Православія. О какомъ же «порабощеніи церкви» могла быть рѣчь, когда самъ носитель верховной власти называлъ себя «рабомъ Церкви Христовой»?

Примѣромъ высшаго выраженія такого моральнаго пора-

бощенія Церковью верховной власти — русскихъ монарховъ, былъ обычай принятія монашеской схимы состарившимся Царемъ.

«Неограниченный» нашъ Самодержецъ былъ во многомъ ограниченъ исповѣданіемъ государственной религіи. По основнымъ законамъ — объ императорской фамиліи — даже дѣти великихъ князей, рожденныя отъ законной супруги, но не присоединившейся къ православію, лишались правъ наслѣдованія императорскаго престола.

Величайшимъ заблужденіемъ или преступнѣйшимъ легкомысліемъ были всѣ эти измышленія о «рабствѣ церкви», особенно упорно распространяемыя въ царствованіе боголюбиваго, преданнѣйшаго Сына Православной Церкви — Государя Императора Николая II.

Не ясно-ли теперь всѣмъ и каждому, какіе примѣры высшаго христіанскаго подвига являлъ намъ Государь Николай Александровичъ со всею Его Семьей, въ особенности, когда въ 1917 году *окончилась Ихъ жизнь и началось мученическое Ихъ житіе?*

Тяжелый крестъ служенія Россіи Государя Николая Александровича сталъ особенно для него тяжкимъ и мучительнымъ именно потому, что искренно вѣрующій нашъ Царь былъ такъ беззавѣтно преданъ родной Ему Православной Церкви, такъ любилъ нашу церковность и русскій *церковный народъ*, такъ былъ всегда доступенъ для служителей Церкви, внимателенъ и отзывчивъ къ ихъ голосу и совѣту.....

Въ теченіе всего своего царствованія Императоръ Николай II только три раза проявилъ свою самодержавную волю въ отношеніи Синода:

1) Въ 1910 г., когда Синодъ подъ разными предлогами затягивалъ длившееся пять лѣтъ дѣло канонизаціи Св. Іоасафа Бѣлгородскаго и Государь былъ вынужденъ лично назначить срокъ торжества прославленія Святителя, идя на встрѣчу обращаемымъ къ Его Величеству просьбамъ населенія, да и лишь послѣ того, когда Синодъ оставался глухимъ къ этимъ просьбамъ. «Я помню (князь Жеваховъ) бесѣду съ Государемъ Императоромъ, когда отъ имени кружка почитателей Св. Іоасафа, буквально забрасываемаго просьбами со всѣхъ концовъ Россіи объ ускореніи торжества, ѣздилъ къ Его Величеству».

«Внимательно выслушавъ меня, Государь отвѣтилъ, что глубоко почитаетъ Св. Іоасафа и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ указа Синода о прославленіи Угодника, но торопить Синодъ не считаетъ возможнымъ».

«И здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, сказалась столь свойственная Государю деликатность».

«И только когда оберъ-прокуроръ С. М. Лукьяновъ явился съ докладомъ по этому дѣлу и высказалъ, что по мнѣнію Синода желательно отложить, по какимъ-то причинамъ, торжество прославленія, — Государь Императоръ не согласился съ доводами оберъ-прокурора и Синода и лично назначилъ срокъ торжества, въ чемъ былъ со всею вѣрующею Россіей».

«2) Въ другой разъ Самодержавная воля Царя сказалась въ отношеніи Его Величества къ столь нашумѣвшему въ свое время дѣлу прославленія Святителя Іоанна Тобольскаго, связанному съ именемъ епископа Варнавы [1]) и оберъ-прокурора Самарина. И здѣсь вся вѣрующая Россія была на сторонѣ Государя, а не на сторонѣ Синода, находившаго, *по условіямъ политическаго момента* канонизацію Св. Іоанна — неблаговременной». Но какъ можно было вмѣшивать политику въ дѣло канонизаціи святыхъ?

«3) Въ третій разъ Государь проявилъ свою волю въ перемѣщеніи митрополита Владиміра съ Петербургской кафедры на Кіевскую. Перемѣщеніе это вызывалось одновременно — необходимостью замѣстить пустующую кіевскую кафедру за смертію митрополита Флавіана и желаніемъ Государя приблизить къ себѣ: экзарха Грузіи [2]), архіепископа Питирима, назначеннаго митрополитомъ С.-Петербургскимъ, и архіепископа Макарія Тобольскаго, назначеннаго митрополитомъ Московскимъ. Изъ нихъ — первый былъ умнымъ церковно-государственнымъ дѣятелемъ, любимъ и цѣнимъ Кавказомъ, а второй — великимъ подвижникомъ и праведникомъ. Хотя перемѣщая митрополита Владиміра въ Кіевъ, Государь и сохранилъ за нимъ первенствующее мѣсто и руководящее значеніе въ Синодѣ, однако этотъ актъ Самодержавной воли Помазанника Божія іерархи разсматривали и до сихъ поръ разсматриваютъ, какъ яко бы «незаконное вторженіе Царя въ дѣла Церкви».

Митрополитъ, да еще первенствующій, по мнѣнію Синода, являлся не прикосновеннымъ и царская власть на него нераспространялась.

«Актомъ Монаршей воли нарушался принципъ «неприкосновенности іерарховъ» [3]) и этого было достаточно, чтобы Синодъ очутился чуть-ли не въ авангардѣ той оппозиціи къ Престолу, которая использовала и этотъ актъ для общихъ революціонныхъ

---

[1]) Разстрѣлянъ большевиками въ 1918 г.

[2]) Въ бытность Государя въ Тифлисѣ въ 1914 г., Намѣстникъ гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ за Питирима о назначеніи его въ Петроградъ.

[3]) Но отнюдь *не законъ*, ибо никакого закона «о несмѣняемости или неприкосновенности» архіереевъ не было.

цѣлей, въ результатѣ чего оба іерарха, митрополиты — Питиримъ и Макарій, были объявлены «распутинцами».

Но во всѣхъ описанныхъ случаяхъ сказалось не вмѣшательство Государя «въ дѣла церкви», а та любовь Царя къ русскому народу, то участіе къ религіознымъ его нуждамъ, та *великая вѣра*, что окружаетъ имя Царя-Мученика Николая Александровича.

О какомъ же «преобладаніи» государственной власти въ Церкви Христовой можно говорить въ примѣненіи къ Россіи?

Какимъ глубокимъ слоемъ-грѣха, какимъ непостижимымъ затмѣніемъ были окутаны тѣ русскіе люди, не исключая и Іерарховъ Церкви, которые не прозрѣвали, за внѣшнимъ покровомъ кротости и смиренія, величаваго образа святаго Царя, Его ума облагодатственнаго, прозрачной чистоты его души, его пламенной вѣры, его горячей любви къ русскому народу...

«Царствованіе Государя Николая II ознаменовалось открытіемъ въ Россіи мощей св. угодниковъ и ихъ прославленіемъ. Насколько въ Россіи это дѣло въ послѣднее время было труднымъ видно изъ того, что послѣ открытія мощей Св. Тихона Задонскаго въ 1861 году, сопровождавшихся народнымъ энтузіазмомъ и многими чудесами, по Россіи распространился слухъ, что будто бы Императоръ Александръ II выразился, что это будетъ послѣдній святой въ Россіи. Я не вѣрю, что Государь могъ сказать такую фразу, но самый фактъ распространенія подобнаго слуха достаточно характеризуетъ тогдашнія общественныя настроенія. Въ царствованіе Государя Николая II были открыты мощи Св. Феодосія Черниговскаго (1896 г.), пр. Серафима Саровскаго (1903 г.), Св. Іоасафа Бѣлгородскаго (1911 г.), Іоанна Тобольскаго, Анны Кашинской, Питирима Тамбовскаго. Я помню, какъ въ одномъ изъ засѣданій Св. Синода одинъ изъ іерарховъ замѣтилъ, что нельзя же до безконечности продолжать прославленіе святыхъ. Взоры присутствовавшихъ обратились на меня и я отвѣтилъ: «если мы вѣримъ въ Бога, то мы должны быть рады прославленію св. угодниковъ».

Изъ этого видно насколько велико было благочестіе Государя, который почти первый рѣшился на это дѣло (Митрополитъ Антоній, «Ц. В.», 1930).

«*Нашъ Царь былъ однимъ изъ величайшихъ подвижниковъ Церкви послѣдняго времени,* подвиги котораго заслонялись лишь его высокимъ званіемъ Монарха».

«Стоя на послѣдней ступени лѣстницы человѣческой славы, Государь видѣлъ передъ собою только небо, къ которому неудержимо стремилась его святая душа, тяготившаяся этой славой, желавшая сбросить съ себя и корону, и царскую порфиру и

уйти отъ міра, чтобы всецѣло отдаться служенію одному только Богу...».

Величайшія потрясенія и глубокія разочарованія нужно было пережить образованнѣйшимъ представителямъ интеллигенціи — профессорамъ философіи, ученымъ экономистамъ и пр., чтобы наконецъ прозрѣть и возвратиться къ тому, чему въ дѣтствѣ и юности ихъ учила православная наша Церковь и въ чемъ воспитала она русскій народъ на протяженіи десяти столѣтій.

Вѣками освященное народное пониманіе Царской Власти — въ этихъ «послѣднихъ глубинахъ души» было прочно заложено русской Церковью, отъ которой также, какъ и отъ русской государственности — такъ преступно отшатнулась философствующая богоискательствующая или же просто атеистическая наша интеллинегція XIX-XX столѣтія.

Истинные служители церкви давно замѣтили надвигавшуюся бѣду и вѣщимъ словомъ своимъ предостерегали русскій народъ, напоминая именно о томъ, что стремился опорочить и отрицать охваченный радикализмомъ и революціоннымъ безуміемъ образованный классъ.

Знаменитый митрополитъ Филаретъ, въ словѣ своемъ въ день рожденія Императора Николая I-го, двадцать пятого іюня 1851 г., такъ училъ народъ московскій пониманію царской власти:

«Народъ, благоугождающій Богу достоинъ имѣть благословеннаго Богомъ Царя».

«Народъ, чтущій Царя, благоугождаетъ черезъ сіе Богу, потому, что Царь есть устроеніе Божіе. Какъ небо безспорно лучше земли и небесное лучше земного: то такъ же безспорно лучшимъ на землѣ должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и училъ Богъ, Боговидца Моисея: виждь, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ (Исх., XXV, 40), т. е. на высотѣ Боговидѣнія».

«Согласно съ Симъ Богъ, по образу своего небеснаго единоначалія, устроилъ на землѣ Царя, по образу Своего Царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка до вѣка, Царя наслѣдственнаго...».

Нынѣ, въ «Русскомъ Военномъ Вѣстникѣ», отъ 9 января 1928 г., митрополитъ Антоній, по поводу воспоминаній о борьбѣ «за раскрѣпощеніе Церкви» отъ ея 200-лѣтняго «порабощенія» государственной властью, авторитетно признаетъ: «Да, мы неоднократно сѣтовали въ печати на царскій деспотизмъ и произволъ въ церковной жизни, но указывали и на то, что такая зависимость церковной жизни отъ Самодержца далеко не такъ унизительна, какъ при конституціяхъ разнаго рода и особенно

при республиканскихъ, когда высшая церковная власть находится въ *полномъ рабствѣ:* 1) у министра духовныхъ дѣлъ; 2) у совѣта министровъ, 3) у парламента, 4) и все-таки у монарха».

Въ 1890 г. въ трудѣ своемъ «Что такое Царскій Перстолъ», вотъ что писалъ архіепископъ Херсонскій Никаноръ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся православныхъ іерарховъ, яркій выразитель государственной идеи въ русской церковной жизни и противникъ отдѣленія церкви отъ государства.

«Поймите всѣ, что не одна только настоящая современная Православная Церковь, но и вся отошедшая въ горній міръ, десяти-вѣковая православная Христова Церковь всея Руси, утвердясь на основахъ вѣры, надежды и молитвы Св. Вселенской Церкви и на камнѣ Христа едиными устами и единымъ сердцемъ изрекаетъ измѣнникамъ, крамольникамъ противъ православнаго Царя — анафему: «помышляющимъ, яко православные Государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію и при помазаніи дарованія Св. Духа, къ прохожденію великаго сего званія, въ нихъ не изливаются, и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну — анафема, анафема, анафема» [1]).

Это архипастырское поученіе, въ столь рѣшительныхъ выраженіяхъ изложенное почти 40 лѣтъ тому назадъ архіепископомъ Никаноромъ, — напомнилъ и досказалъ 23 декабря 1929 г., всѣмъ намъ, въ разсѣяніи сущимъ, православный епископъ Лондонскій Николай, въ проповѣди своей по поводу извѣстнаго «посланія патріаршаго синода», подписаннаго митрополитомъ Сергіемъ:

«Церковь не человѣческое учрежденіе, эволюціонирующее и революціонирующее. Она не можетъ мѣнять своего ученія только потому, что убитъ Православный Царь, а его мѣсто захватили убійцы и воры! Она не можетъ поддѣлываться подъ текущій моментъ и, подобно хамелеону, мѣняющему свою окраску, мѣнять свою идеологію. Иначе она не церковь, не Божіе установленіе, а простое человѣческое общество, обычная организація, въ которой нѣтъ незыблемаго неприкосновеннаго ученія, а есть совокупность мнѣній людей даннаго момента».

«Тогда нѣтъ въ ней животворящаго Духа; тогда ниспровергается значеніе Вселенскихъ Соборовъ; тогда каноны — простые, необязательные для каждаго вѣрующаго правила; тогда нѣтъ ни самаго Евангелія и канона книгъ, ибо все это утверждено Вселенскими Соборами, а есть кодексы списковъ, древнѣйшие

---

[1]) Поученія, бесѣды, рѣчи, посланія Никанора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Одесса, 1890 г.

и позднѣйшіе, надъ которыми могутъ, какъ хотятъ оперировать ученые раціоналисты — филологи. Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можно дойти, если слѣдовать за «кабинетными мечтателями» и «приспособленцами».

«Но какова бы ни была дѣйствительность момента, церковь, какъ живое и дѣйственное тѣло, имѣющее Главу — Христа и оживотворяющаго Ее Духа Святаго, есть одна и та же, и ученіе Ея одно и то же. Царская власть — богоустановленная. И въ этомъ ея коренное различіе отъ всѣхъ другихъ формъ, власти человѣческаго установленія. Богоустановленности въ этихъ формахъ нѣтъ, да и сама человѣческая власть ея не признаетъ. Но отсюда не значитъ, что такой власти повиноваться не надо. Нѣтъ, надо воздавать всѣмъ должное и «кесарево — кесареви»; надо подчиняться и человѣческой власти, если она «не безъ ума мечъ носитъ», если она «естествомъ законная творитъ» и потому является «Божьимъ Слугой во благое», не насилуетъ своихъ подданныхъ, не отнимаетъ у нихъ свободы. Большевики подъ категорію такой власти не подходятъ. Это — не человѣческое, а сатанинское установленіе, воплощеніе въ мірѣ дьявола! Это — узурпаторы, тираны, богоборцы. Быть аполитичными въ отношеніи ихъ — значитъ быть безразличными къ вѣрѣ, не чуткими къ человѣческой свободѣ. Называть ихъ властью отъ Бога — это хула на Духа Святаго, которая не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ! Смотрѣть на ихъ звѣрства молча, не вопія, не протестуя, ради выдуманной преступной «аполитичности», это значитъ уподобиться тѣмъ религіозно-индифферентнымъ, отупѣлымъ, жаднымъ къ кровавымъ зрѣлищамъ людямъ, которые толпой сопровождали на Голгофу страждущаго Спасителя и единственнымъ желаніемъ которыхъ было «дивиться на позоръ сей».

«Въ Церкви, не только «политики», но и «аполитичности» не должно быть, а должны быть «истина» и «правда». Проповѣдь же о Царѣ, какъ помазанникѣ Божіимъ, и Царской власти, какъ богоустановленной, есть не политика, а часть церковнаго, многовѣковаго ученія, имѣющаго корни въ глубокой ветхозавѣтной старинѣ, освященной свѣтомъ Новаго Завѣта и ученіемъ Православной Христовой Церкви! И Божій служитель, если онъ не продалъ свой языкъ и совѣсть, долженъ небоязненно проповѣдывать объ этомъ, когда будетъ нужно. Если же онъ молчитъ, или старается поддѣлаться и къ «краснымъ» и къ «бѣлымъ», или дѣйствуетъ по русской пословицѣ: «овцы цѣлы и волки сыты», то именно къ нему, а не къ кому другому, обращаемъ грозныя слова, сказанныя Господомъ черезъ кроткаго новозавѣтнаго тайнозрителя: «такъ какъ ты ни холоденъ, ни горячъ, а теплохладенъ, то я изблюю тебя изъ устъ моихъ!».

«Церкви нужны не «дипломаты», а дерзновенные неустрашимые пастыри! А «дипломатичность» и «теплохладность», «компромиссы», «аполитичность», и «лойяльность»[1]), замѣнившія исповѣдниковъ — приспособленцами, мучениковъ — трусами, а тамъ, въ Россіи, непримиримыхъ враговъ красныхъ звѣрей — пораженцами и непротивленцами — здѣсь, за-границей, и обнаглили большевиковъ. Рука объ руку съ ними они такъ безудержно разрушаютъ церкви, монастыри, мучаютъ народъ, оскверняютъ святыни!... Со дня воцаренія подлаго компромисса и капитуляціи пало дерзновеніе и началась ужасная большевицкая вакханалія красныхъ звѣрей безъ протеста противъ нихъ, безъ мученичества, безъ красоты подвига!»

---

[1]) Необходимо напомнить о значеніи этого стараго рыцарскаго франко-англійскаго понятія: лойяльность — это вѣрность своему монарху, неуклонное исполненіе присяги. Такая лойяльность по отношенію къ царю требовалась и отъ каждаго вѣрноподаннаго члена церкви православной, до епископовъ и самаго патріарха включительно. Но долгъ лойяльности вовсе на налагалъ на русское духовенство тѣхъ якобы «полицейскихъ обязанностей», о которыхъ такъ нагло лгали, лгутъ и клевещутъ до сихъ поръ революціонеры всѣхъ сортовъ и ихъ невѣжественные газетные подголоски. Происхожденіе этой лжи все отъ той-же «великой французской революціи», въ историческихъ условіяхъ которой наши трансформаторы всюду заимствуютъ аналогіи въ примѣненіи русской смутѣ.

Въ соблазнъ ихъ вводитъ извѣстная фраза Наполеона: «Каждый архіепископъ — мой вѣрный префектъ». Но это примѣнимо къ дореволюціонной Франціи, гдѣ епископы были не только «князьями церкви», но часто и владѣтельными феодалами-графами, баронами и князьями, съ правави чинить судъ и расправу. Въ Россіи іерархи подобнаго значенія не имѣли и съ подвѣдомымъ имъ духовенствомъ вовсе не играли той административно-полицейской роли, о которой сказалъ Наполеонъ.

ГЛАВА VIII.

КЪ ПОЗНАНІЮ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Ты и убогая
Ты и обильная
Ты и могучая
Ты и безсильная
Матушка Русь.

Русь не шелохнется
Русь — какъ убитая
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая —
Рать подымается
Неисчислимая —
Сила въ ней скажется несокрушимая.

(Стихотвореніе Некрасова «Русь»).

Двадцать лѣтъ царствовалъ Государь Николай II до начала лихолѣтія 1914-1917 г. И мы видимъ теперь, какъ при немъ преуспѣвала на всѣхъ поприщахъ и богатѣла Великая наша Родина.

Какою была Россія къ концу трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ, о томъ отчетливо, увлекательно разсказалъ на память и поученіе грядущимъ поколѣніямъ знаменитый русскій ученый Д. И. Менделѣевъ въ книгѣ своей «Къ познанію Россіи».

Объ этомъ его трудѣ мы можемъ лишь напомнить русскимъ читателямъ, приведя здѣсь только коротенькую выдержку изъ той главы, гдѣ онъ говоритъ о всякаго рода антигосударственникахъ, фанатикахъ-утопистахъ, стремящихся къ разрушенію народнаго благосостоянія и государственнаго устройства.

Это Менделѣевъ предложилъ принудительное переселеніе всякихъ «утопистовъ» (а, въ томъ числѣ, въ первую голову коммунистовъ), на необитаемые острова:

«Для утопистовъ, писалъ Менделѣевъ, считающихъ современные «государственные» порядки причиною существованій всякаго зла, довольно уединенныхъ и совершенно свободныхъ мѣстъ на землѣ и, по моему мнѣнію, государства, согласившись между собою, могли бы такія мѣста утопистамъ предоставить въ полное распоряженіе, даже понеся для того не малые расходы... На континентѣ южнаго полюса простора и свободы — сколько угодно, а потому недурно было бы свезти всѣхъ уто-

пистовъ съ запасами на эту интернаціональную землю, предложивъ то же убѣжище отъ житейскихъ золъ и для желающихъ испытать на дѣлѣ анархизмъ, соціализмъ и коммунизмъ въ ихъ наилучшихъ формахъ. Одного острова св. Елены или ему подобнаго для нихъ кажется будетъ маловато!...»

А вотъ цифры позднѣйшія, нелицепріятно свидѣтельствующія о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ государственнаго правленія, которые были достигнуты въ сравнительно короткій срокъ, въ царствованіе Императора Николая II:

Что было въ Россіи и что стало:

	Въ 1894 году:	*Въ 1914 году:*
Населеніе: 122 милліона (въ 1859 году — 54 милліона. Въ 1897 г. — 129 милліоновъ.		182 милліона.
Крестьянскаго землевладѣнія	132 милл. десят.	240 милл. десят.
На одну дворянскую десятину приходилось	2 крестьян. дес.	5½ крест. дес.
Урожай хлѣбовъ	2½ милліарда п.	4½ милліарда п.
Средняя урожайность съ десятины	38 пудовъ.	58 пудовъ.
Добывалось каменнаго угля	470 милл. пудовъ.	2 милліарда п.
(Т. е. увеличилось въ пять разъ, тогда какъ въ Англіи за тотъ же срокъ увеличилось всего въ полтора раза, въ Германіи — въ три раза и въ Сѣверной Америкѣ — въ четыре раза).		
Желѣзныхъ дорогъ	32 тыс. верстъ.	67.000 верстъ.
(Въ 1902 году открыто было впервые прямое желѣзно-дорожное сообщеніе изъ главныхъ европейскихъ портовъ и столицъ черезъ всю Россію и Сибирь съ Китаемъ и Дальнымъ Востокомъ).		
Государственный бюджетъ.	950 милл. рублей.	3.500 милл. рублей.
Въ сберегательныхъ кассахъ	400 »	1.600 »
Вклады въ акціон. банки.	350 »	4.300 »
Расходы на народное образованіе	75 »	390 »
Золотой запасъ	650 »	1.600 »

(Территорія Россійской Имперіи въ 1914 году заключала: 8.417.000 кв. англійскихъ миль. Цѣнность выпущенныхъ нашими фабриками и заводами издѣлій въ 1894 году не превосходило 1,5 милліарда рублей, а въ 1916 году достигла 6,5 милліарда рублей. Параллельно съ этимъ отечественное сельско-хозяйственное машино-строеніе въ 1897 году выпустило машинъ на 9 милліоновъ рублей, а въ 1916 году — на 67 милліоновъ рублей (Все это въ значительной степени результаты дѣятельности царскихъ министровъ финансовъ: гр. С. Ю. Витте и гр. В. Н. Коковцева).

Что-же сдѣлано Императоромъ Николаемъ II во внутренней политикѣ? Въ этомъ отношеніи царствованіе Николая II представляетъ единственную страницу въ нашей исторіи по достигнутымъ результатамъ въ смыслѣ экономическаго и культур-

наго подъема страны [1]). Прежде всего бросается въ глаза огромный ростъ населенія. Онъ дошелъ по офиціальнымъ подсчетамъ, со 120 милліоновъ душъ (въ 1894 году) до почти 190 милліоновъ душъ (въ 1917 году), т. е. за время царствованія Императора Николая II приростъ составилъ около 70 милліоновъ душъ,—цифра, превышающя все населеніе тогдашней Германской Имперіи (Менѣе 67 милл. душъ). Въ странѣ несвободной, экономически неразвивающейся, такой ростъ населенія невозможенъ: ему нечѣмъ будетъ прокормиться, будетъ неизбѣжная массовая эмиграція, будутъ голодовки, эпидеміи, пониженіе средняго уровня благосостоянія. Въ періодъ 1894-1916 г.г. мы видимъ обратное: голодовки въ Россіи, которыя бывали въ прежнее время, «какъ послѣдствія неурожаевъ», въ царствованіе Николая II исчезаютъ вовсе. Конечно, были и неурожайные годы (неизбѣжные по мѣстамъ, вслѣдствіе громадной территоріи Имперіи и ея въ общемъ континентальнаго засушливаго климата), но они не влекли за собою больше голода. Запасы продовольствія въ странѣ всегда были громадны, организація доставки его въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая, была отлично налажена, блестящіе финансы всегда позволяли роскошь сверхсмѣтныхъ ассигновокъ для помощи населенію. Уровень благосостоянія населенія сильно поднялся, что доказывается огромнымъ увеличеніемъ его сбереженій, ростомъ государственнаго бюджета, повышеніемъ урожайности хлѣбовъ, ростомъ промышленности и торговли, въ томъ числѣ и торговли внѣшней, исчезновеніемъ недоимокъ по прямымъ налогамъ (Пресловутыя недоимки — вѣрный показатель бѣдности плательщиковъ) и т. д.

Довольно указать, что сумма вкладовъ въ сберегательныя кассы (куда именно стекаются мелкія сбереженія) возросла съ 300 милліоновъ рублей въ 1894 году до 2.000 милліоновъ рублей въ 1913 году (на 570%) и къ 1917 году даже до 5.225 милліоновъ рублей (увеличеніе почти на 1.700%). За время войны — народъ копилъ деньги и накопилъ милліарды! Сумма вкладовъ и собственныхъ капиталовъ въ мелкихъ кредитныхъ учрежденіяхъ (на кооперативныхъ началахъ) составляла въ 1894 году всего 70 милліоновъ рублей, въ 1913 году 620 милліоновъ рублей (увеличеніе на 800%), а къ 1 января 1917 года даже до 1.200 милліоновъ рублей. Самое количество этихъ учрежденій возросло съ 2.000 до 17.000 и нигдѣ въ мірѣ не развивались

---

[1]) Заимствуемъ изъ высокопоучительной брошюры, изд. въ Ниццѣ въ 1928 году княземъ Д. Д. Оболенскимъ: «Императоръ Николай II и Его царствованіе». Авторъ ея, скромно скрывшій почтенное имя свое подъ псевдонимомъ «Старый профессоръ» — П. П. Мигулинъ, бывш. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

эти мелкія кредитныя учрежденія, обслуживающія преимущественно сельскіе кооперативы и отдѣльныхъ крестьянъ, съ такою быстротою и размахомъ, какъ въ Россіи, при чемъ это развитіе шло неизмѣнно по инициативѣ и подъ руководствомъ правительства, при помощи и поддержкѣ Государственнаго Банка и Государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ. И все это было разграблено большевиками.

Чрезвычайно было и развитіе крупныхъ кредитныхъ учрежденій. Такъ акціонерные коммерческіе банки имѣли въ 1893 г. собственныхъ капиталовъ всего 150 милліоновъ рублей и вкладовъ на 300 милліоновъ рублей, а въ 1913 г. собственныхъ капиталовъ уже 750 милл. руб. (болѣе на 400%) и вкладовъ 2.000 милл. рублей (болѣе на 700%). Таковъ же ростъ капиталовъ и вкладовъ въ обществахъ взаимнаго кредита и городскихъ банкахъ. Мы не говоримъ уже объ этомъ приростѣ во время войны, подъ вліяніемъ огромнаго выпуска въ обращеніе бумажныхъ денегъ. Къ январю 1915 года сумма вкладовъ въ Государственномъ и частныхъ банкахъ превышала 8,5 милліардовъ рублей, а со сберегательными кассами и мелкими кредитными учрежденіями свыше 15 милліардовъ рублей. Всѣ эти огромныя сбереженія были поглощены и уничтожены революціей.

О ростѣ промышленности и торговли даетъ представленіе ростъ акціонерныхъ капиталовъ крупныхъ предпріятій и размѣры внѣшней торговли, такъ же поступленіе налоговъ торговли и промышленности. Въ 1893 г. акціонерныхъ капиталовъ въ Россіи числилось только на 800 милл. рублей., въ 1913 г. уже на 3.500 милл. рублей (увеличеніе на 340%). Обороты внѣшней торговли составляли въ 1894 году 1.228 милл. руб., а въ 1913 г. — 2.642 милл. рублей (увеличеніе на 115%). Поступленія налоговъ съ торговли и промышленности дошло съ 30 милл. до 150 милл. рублей (увеличеніе на 400%).

Государственный бюджетъ возросъ съ 1.310 милл. рублей до 3.563 милл. рублей въ 1913 году, а въ 1916 году даже до 4.000 милл. руб. (обыкновенные доходы), несмотря на отмѣну казенной продажи питей и вообще отмѣну налоговъ на спиртные напитки, вслѣдствіе полнаго воспрещенія (1914 г.) ихъ потребленія, т. е. ростъ государственныхъ доходовъ за время царствованія Императора Николая II опредѣлился почти въ 800% — ясное доказательство огромнаго роста народнаго благосостоянія (Увеличеніе налоговъ здѣсь роли не играетъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ были понижены или вовсе отмѣнены [1]). Большое значеніе въ дѣлѣ этого роста имѣло рѣзкое

[1]) Между прочимъ сильно были понижены желѣзно-дорожные тарифы, особенно пассажирскіе. Новое увеличеніе ихъ произведено было только во время войны.

увеличеніе урожая хлѣбовъ: въ среднемъ урожай четырехъ главныхъ хлѣбовъ (пшеницы, ржи, овса и ячменя) съ 3.000 милл. пудовъ въ годъ дошелъ до 4.500 милл. пудовъ (въ круглыхъ цифрахъ) сообразно съ чѣмъ чрезвычайно возросъ и нашъ вывозъ хлѣба за-границу, дошедшій въ послѣдніе передъ міровой войной годы до громадной цифры, превышающей 800 милл. пудовъ на сумму до 750 милл. рублей золотомъ.

Чѣмъ же объясняется этотъ баснословный подъемъ народнаго благосостоянія при Императорѣ Николаѣ II? Прежде всего раціональной и смѣлой политикой въ области важнѣйшаго въ Россіи вопроса: аграрнаго. Было обращено особое вниманіе на подъемъ благосостоянія крестьянъ: на расширеніе ихъ правъ, уничтоженіе остатковъ ихъ крѣпостной зависимости, уменьшеніе лежащихъ на нихъ налоговъ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, освобожденіе ихъ отъ путъ общины и власти «міра». Отмѣненъ былъ паспортный налогъ и введена была еще въ 1894 г. новая паспортная система, обезпечивающая крестьянамъ свободу передвиженія, свободу выбора труда и независимость отъ произвола «мірскихъ» организацій. Отмѣнена была круговая порука при взысканіи прямыхъ налоговъ. Понижены были (наполовину) и безъ того очень невысокіе поземельные налоги. Отмѣнены были полностью, въ общемъ на сумму около 100 милл. рублей золотомъ въ годъ, выкупные платежи за земли, отошедшія въ 1861 г., въ эпоху великихъ реформъ Императора Александра II крестьянамъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ и отъ удѣловъ. Отмѣнены были также выкупные платежи за земли, отошедшія при Александрѣ III къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ отъ государства. Въ началѣ войны были отмѣнены и питейные налоги, такъ же очень тяжело отражавшіеся на благосостояніи крестьянъ. Это послѣдняя реформа имѣла крайне благотворныя слѣдствія и позволила провести войну безъ особаго обремененія налогами широкихъ крестьянскихъ массъ, получившихъ вслѣдствіе сухого режима, напротивъ, въ свое распоряженіе огромныя сбереженія, которыя помогли правительству легко размѣстить на очень крупныя суммы свои военные займы, а крестьянству — выдержать войну безъ всякаго раззоренія. Здѣсь кстати вспомнить, что десять лѣтъ способствующій моральному оздоровленію и экономическому подъему «сухой режимъ» въ Америкѣ введенъ былъ по примѣру, данному всему міру Императоромъ Николаемъ II.

Россія, какъ это ни странно, скорѣе разбогатѣла, чѣмъ обѣднѣла во время войны, увеличила, а не уменьшила свое производство. Самый «сухой» режимъ проведенъ былъ очень удачно. Это во время революціи развилось въ необычайныхъ

размѣрахъ корчемное производство и потребленіе спиртныхъ напитковъ («самогонъ»), а со времени возстановленія коммунистической властью казенной выдѣлки и продажи питей началось и дошло до гомерическихъ размѣровъ спаиваніе населенія водкой самимъ соціалистическимъ правительствомъ. Во время же войны не было ничего подобнаго: народъ принялъ воспрещеніе потребленія алкоголя спокойно, съ сознаніемъ необходимости и чрезвычайной полезности этой мѣры и ей подчинился. Пьянство прекратилось вовсе [1]).

Но и до отмѣны казенной продажи питей пьянство въ Россіи съ каждымъ годомъ шло на убыль. Кабаки были закрыты. Качество спиртныхъ напитковъ рѣзко улучшено (освобожденіе ихъ отъ сивушныхъ маселъ, этого жесточайшаго яда, сразу же прекратило такъ называемый «запой»). Потребленіе напитковъ было урегулировано. Въ цѣломъ мірѣ по количеству душевого ихъ потребленія Россія занимала послѣднее мѣсто. Вся эта работа погублена революціей, введшей не только страшные налоги на спиртные напитки и пустившей ихъ въ оборотъ въ огромномъ количествѣ, но и задавившей несчастное крестьянство тягчайшими прямыми и косвенными налогами, во много разъ превысившими скромныя ихъ ставки при Императорѣ Николаѣ II. До какихъ размѣровъ доведены теперь уже не налоги, а открытый грабежъ всего крестьянскаго имущества большевиками-соціалистами — мы читаемъ ежедневно въ газетахъ.

Землею крестьяне въ царствованіе Николая II были надѣлены вновь въ размѣрахъ, превысившихъ даже это надѣленіе при Александрѣ II. Крестьянскій Банкъ, учрежденный въ 1882 году (при Александрѣ III) специально для помощи крестьянамъ при пріобрѣтеніи ими новыхъ земель, но дѣйствовавшій очень слабо, въ виду ничтожнаго размѣра выдаваемыхъ имъ ссудъ и высокаго процента по этимъ ссудамъ (7½-8½% въ зависимости отъ срока погашенія), при Императорѣ Николѣ II былъ реформированъ. Ссуды Банкъ сталъ выдавать крестьянамъ въ размѣрѣ до 90 и даже 100% оцѣнки пріобрѣтаемой крестьянами земли (до реформы лишь до 60% и въ видѣ исключенія до 75%), а процентъ по ссудамъ былъ уменьшенъ до 4½% (включая погашеніе), что по тогдашнимъ русскимъ условіямъ было очень дешево и даже убыточно для Банка (убытки падали на Государственное Казначейство). Самъ Банкъ получилъ

---

[1]) Только богатые классы и «интеллигенція» въ тылу, особенно въ столицахъ — продолжали «тайное потребленіе алкоголя» по ресторанамъ и выписывая водку и вина изъ опечатанныхъ полиціей складовъ—якобы для нуждъ лечебныхъ заведеній и санитарныхъ организацій.

право (и широко воспользовался этимъ правомъ) скупать продаваемыя земли для распредѣленія ихъ между крестьянами.

При посредствѣ Крестьянскаго Банка крестьяне, въ царствованіе императора Николая II, получили до 15 милл. десятинъ земли на самыхъ льготныхъ условіяхъ [1]). Крестьянамъ были переданы для ихъ заселенія также земли государственныя и удѣльныя, всего около 6 милл. десятинъ въ Европейской Россіи и всѣ государственныя и кабинетскія земли въ Россіи Азіатской. Надѣлы въ Азіатской Россіи были громадны: по 15 десятинъ на душу, по 45 десятинъ на семью, при чемъ каждой семьѣ выдавалось пособіе въ 200 рублей золотомъ и она перевозилась со всѣмъ имуществомъ безплатно (на казенный счетъ) до мѣста поселенія. Какъ богатѣло и благоденствовало крестьянство въ Сибири свидѣтельствуютъ теперь всему міру бѣжавшіе оттуда отъ разбоевъ коммунистической власти нѣмцы-колонисты.

Въ Сибири были устроены казенные склады земледѣльческихъ орудій, снабжавшіе населеніе усовершенствованными сельско-хозяйственными машинами и орудіями по крайне дешевой цѣнѣ и на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Переселенцы получили въ Азіатской Россіи по самымъ скромнымъ подсчетамъ не менѣе 40 милл. десятинъ земли (въ царствованіе Императора Николая II переселилось около 5½ милл. душъ обоего пола). Такимъ образомъ крестьяне увеличили площадь своего землевладѣнія по крайней мѣрѣ на 60 милліоновъ дес., не считая пріобрѣтенной безъ помощи государства (при Александрѣ II на началахъ выкупа бывшіе помѣщичьи крестьяне получили 33 миллиона десятинъ [2]).

Къ 1916 г. въ рукахъ крестьянъ и казаковъ было около 172 милл. дес. собственной земли только въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи (кромѣ Кавказа и Царства Польскаго). Гражданамъ другихъ сословій принадлежало лишь около 85 милл. дес., изъ которыхъ 18 милл. дес. мелкимъ собственникамъ, обрабатывающимъ земли личнымъ трудомъ безъ помощи наемной силы. Большая часть остальныхъ 67 милл. дес. была или подъ лѣсомъ или въ арендѣ у крестьянъ. Можно сказать, что наканунѣ революціи крестьянамъ принадлежала на правахъ собственности вся земельная пахотная площадь въ Азіатской Россіи и на началахъ собственности и аренды до 90% всей площади въ Россіи Европейской (по сельско-хозяйственной

[1]) Кромѣ того, не менѣе 25 милл. десятинъ земли куплено было крестьянами безъ помощи Банка.

[2]) Не считая крестьянъ удѣльныхъ (до 4,5 милл. десятинъ) и государственныхъ, которые получили надѣлы на выкупъ при Александрѣ III (до 7,7 милл. дес.).

переписи 1916 г.). Такимъ образомъ ходячее мнѣніе, — что въ Царской Россіи крестьяне были «обездолены землею», что она принадлежала «помѣщикамъ» и что было крайне необходимо отобраніе этой земли у помѣщикомъ и передача ея крестьянамъ, — ни на чемъ не основано. Революція совершила тотъ «черный передѣлъ», который проповѣдывали невѣжественные бунтари съ 1860-хъ годовъ. Крестьяне отъ этого только обѣднѣли, урожаи рѣзко понизились и Россія изъ житницы Европы превратилась въ страну непрерывнаго голода. Этотъ голодъ и есть настоящее «достиженіе» революціи «послѣ сытаго и обильнаго «царскаго періода».

Передавая всѣ государственныя, удѣльныя и кабинетскія земли крестьянамъ и всячески способствуя переходу къ нимъ частновладѣльческихъ крупныхъ владѣній, правительство Николая II заботилось такъ же объ улучшеніи пріемовъ крестьянскаго хозяйничанія и о крестьянскомъ землеустройствѣ. Были учреждены спеціальныя землеустроительныя комиссіи при Землеустроительномъ Комитетѣ Министерства Земледѣлія съ участіемъ въ нихъ крестьянъ. Крестьянамъ было разрѣшено (такъ называемая «Столыпинская реформа») выходить изъ общинъ «на отруба» и требовать укрѣпленія земли въ единоличную собственность, оказывалось всяческое содѣйствіе развитію хуторского хозяйничанья. Число домохозяевъ, вышедшихъ изъ общины на хутора достигло къ 1915 году 6 милліоновъ. Широко былъ развитъ сельско-хозяйственный кредитъ, открытъ рядъ высшихъ, среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, организована широкая аграрно-воспитательная помощь населенію, предприняты многочисленныя работы по орошенію и оводненію сухихъ земель и къ осушенію заболачиваемыхъ, по борьбѣ съ вредителями, по развитію спеціальныхъ культуръ. Ассигновки на общее, т. е. низшее народное образованіе увеличены съ 14 милліоновъ рублей до 67 милл. рублей, т. е. почти на 400%, и т. д.

Еще въ 1896 г. 18 губернскихъ земствъ и 66 уѣздныхъ высказались за скорѣйшее введеніе въ Россіи обязательнаго всеобщаго образованія.

На томъ же настаивала и Государственная Дума въ полномъ согласіи съ правительствомъ. Въ 1906 г. министръ народнаго просвѣщенія П. М. Кауфманъ-Туркестанскій внесъ въ Государственную Думу законопроектъ о введеніи у насъ всеобщаго обученія. Принятый палатами законопроектъ былъ утвержденъ Императоромъ Николаемъ II и съ 1908 г. ассигнованы дополнительные кредиты на постепенное осуществленіе этой мѣры величайшей государственной важности съ тѣмъ, чтобы въ полномъ объемѣ реформа была закончена не позже 1922 года.

Этотъ законъ предусматривалъ организацію обязательнаго
начальнаго обученія для 15.852.000 дѣтей, а педагогическій
персоналъ въ соотвѣтствіи съ этимъ въ теченіи 10 лѣтъ увели-
чивался на 171.918 школьныхъ учителей. Однако число проек-
тированныхъ школъ увеличивалось съ такою быстротой, что
введеніе всеобщаго обученія было-бы закончено значительно
ранѣе 1922 года, т. е. первоначально предложеннаго срока [1]).
Въ этомъ дѣлѣ со стороны земства были пожеланія, но самое
осуществленіе такой коренной реформы начальнаго образо-
ванія принадлежитъ всецѣло правительству Императора Ни-
колая II, по одобренному Государемъ законопроекту и съ асси-
гнованіемъ весьма значительныхъ для того средствъ за счетъ
обще-государственнаго бюджета, а не за счетъ земствъ.

Параллельно прегрессировало у насъ и среднее образованіе.
Число учащихся въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ гимна-
зическимъ курсомъ въ 1894 г. было 100.000, а въ 1915 году
ихъ было уже 240.910 учениковъ въ 797 гимназіяхъ, не считая
школъ военныхъ, техническихъ, коммерческихъ и духовныхъ
семинарій. Число женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ
1914 году дошло до 1793. Ежегодные расходы государства на
народное образованіе, передъ революціей, достигали по послѣд-
нему бюджету 302 миліоновъ рублей, изъ которыхъ 158 милл.
ассигновало государство, 85½ милліоновъ давали земства,
30% милліоновъ — города, 7.800.000 — уплачивали различ-
ныя учрежденія и 20 милліоновъ расходовались частными ли-
цами — на содержаніе частныхъ школъ, открытіе которыхъ осо-
бенно поощрялось правительствомъ за послѣднія десятилѣтія.

Это богатѣйшее наслѣдство отъ царскаго правительства
получило революціонное Временное Правительство кн. Г. Льво-
ва и г. Керенскаго, а они передали его своимъ «друзьямъ слѣва»
— большевикамъ, которые и сумѣли повести дѣло народнаго
образованія по такому «соціалистическому плану», что уже
къ 1922 году число школъ и учащихся не увеличилось, а умень-
шилось...

А до революціи 1917 года во всѣхъ положительно отрасляхъ
государственнаго хозяйства Царской Россіи наблюдались пре-
красные результаты. Урожаи зерновыхъ хлѣбовъ и корнеплo-
довъ сильно повысились. Развилось производство промышлен-
ныхъ растеній, особенно льна и хлопка [2]). Увеличилось ското-

[1]) Гр. В. Н. Коковцевъ: «Разрушеніе народнаго образованія». — *Revue des Deux Mondes*, 1 августа 1929.

[2]) Въ началѣ царствованія Императора Николая II сборъ хлопка «волокина» составлялъ въ Россіи около 3 милл. пудовъ, въ концѣ — около 16,5 милл. пудовъ (увеличеніе на 450%). Сборъ льна составилъ въ 1913 году 23,5 милл. пудовъ.

водство. Характерно, что даже за время войны количество скота у крестьянъ не уменьшилось, а возросло, несмотря на усиленныя реквизиціи для нуждъ арміи. До очень крупныхъ размѣровъ дошелъ вывозъ за-границу масла, особенно изъ Сибири и яицъ. Перваго на 70 милліоновъ рублей, вторыхъ на 80 милл. руб. передъ войною. Въ ближайшемъ будущемъ можно было расчитывать на совершенно исключительный ростъ благосостоянія широкихъ народныхъ массъ, — русскаго крестьянства. А теперь — не только уничтожено большевиками коневодство и скотоводство, но крестьяне сами убиваютъ даже свой послѣдній домашній скотъ.

Революція отбросила Россію на два столѣтія назадъ... къ удовольствію англійскаго премьера Ллойдъ-Джорджа, главнаго противника вооруженной интервенціи союзниковъ въ 1919 году для спасенія Россіи.

Другой причиной общаго экономическаго подъема Россіи при Николаѣ II, послѣ правильной аграрной политики, явилась исключительная забота правительства о развитіи въ странѣ обрабатывающей промышленности и о разработкѣ огромныхъ естественныхъ богатствъ страны. Чтобы сдѣлать эти богатства доступными необходимо было развить рельсовую сѣть, составлявшую ко вступленію на престолъ Императора Николая II немногимъ болѣе 30.000 верстъ. Ни въ какой періодъ русской исторіи сооруженіе желѣзныхъ дорогъ не было столь интенсивнымъ, какъ при Николаѣ II. Равнымъ образомъ только при немъ удалось русскую сѣть сдѣлать доходной и освободить казну отъ постоянныхъ приплатъ по убыткамъ желѣзныхъ дорогъ. Эти убыточныя и безхозяйственно ведшіяся линіи, принадлежавшія частнымъ обществамъ были постепенно выкуплены въ казну. Изъ частныхъ обществъ оставлены только тѣ, которые зарекомендовали себя съ наилучшей стороны, какъ, напримѣръ, руководимыя талантливымъ желѣзнодорожникомъ Н. К. Фонъ-Меккъ, Общества Московско-Казанской и Рязанско-Уральской жел. д., достроенныхъ при Императорѣ Николѣ II.

Правительство усердно сооружало новыя линіи и казеннымъ распоряженіемъ, и при посредствѣ частныхъ обществъ. Въ дѣло русскаго желѣзно-дорожнаго строительства были привлечены значительные капиталы и изъ за границы. Всего до великой войны было сооружено при Николаѣ II, около 32 тысячъ верствъ новыхъ рельсовыхъ путей и до 7.000 в. во время самой войны. Въ постройкѣ было около 18.000 верстъ. Всего русская сѣть составляла уже до 70.000 верстъ, не считая дорогъ Финляндскихъ и Восточно-Китайской, а со строющимися даже до 92.000 верстъ. Кромѣ того до 70.000 верстъ было намѣчено къ постройкѣ сейчасъ же по окончаніи войны. Это уже чисто

американскій размахъ и вотъ этого не могли не бояться Ллойдъ-Джорджъ и прочіе западные завистники Россіи. Ежедневная погрузка этой сѣти составляла 40.000 вагоновъ или 40 милл. пудовъ разныхъ грузовъ и до 1 милліона пассажировъ. Подвижной составъ сѣти составлялъ 20.000 паровозовъ, 570.000 товарныхъ и 20.000 пассажирскихъ вагоновъ (Въ 1929 г. длина русской жел.-дор. сѣти — 75.000 километровъ).

Постройка жел. дорогъ сама по себѣ должна была способствовать развитію промышленности въ странѣ. Для этого сооруженія требовалось громадное количество разныхъ матеріаловъ, рельсовъ, желѣзныхъ частей, паровозовъ, вагоновъ. Русскій законъ требовалъ, чтобы все это пріобрѣталось исключительно на отечественныхъ заводахъ и не могло выписываться изъ за-границы. Отсюда возникновеніе металлургическихъ, паровозостроительныхъ и вагоностроительныхъ заводовъ въ Россіи. Послѣдніе настолько превзошли европейскіе, что, напримѣръ, Италія уже заказывала вагоны въ Россіи. Многіе изъ нихъ были основаны за счетъ иностраннаго капитала, притокъ котораго былъ тогда особенно обиленъ. Правительство Николая II вообще всячески поощряло созданіе новыхъ заводовъ путемъ казенныхъ заказовъ.

Заказы дѣлались и для военныхъ цѣлей: постройка крѣпостей, военныхъ судовъ, изготовленіе пушекъ, оружія, снарядовъ и для цѣлей общаго развитія страны. Такъ, распоряженіемъ казны сооруженъ былъ знаменитый керосинопроводъ изъ Баку въ Батумъ съ заказомъ трубъ на спеціально для этого сооруженномъ частномъ заводѣ. Такъ приступлено было къ электрофикаціи Волховскихъ пороговъ и разработанъ былъ планъ электрофикаціи Днѣпровскихъ пороговъ распоряженіемъ Министерства Путей Сообщенія, въ бытность министромъ С. В. Рухлова. Такъ возникали заводы для изготовленія матеріаловъ, необходимыхъ для переоборудованія нашихъ портовъ, предпринятаго въ самыхъ широкихъ размѣрахъ правительствомъ Императора Николая II.

А какъ много было сдѣлано въ царствованіе Императора Николая II для развитія, усовершенствованія и усиленія военной мощи Россіи — показываетъ краткій перечень мѣропріятій военнаго вѣдомства, заимствуемый нами изъ статьи ген. Е. Миллера въ «Вѣстникѣ Союза Офицеровъ, участниковъ войны» № 3-4 за 1928 г.:

Къ 1894 году, когда Императоръ Николай II вступилъ на престолъ, прошло едва 20 лѣтъ со введенія въ Россіи всеобщей воинской повинности съ краткими сроками службы, въ корнѣ измѣнившей всю структуру арміи, какъ въ мирное, такъ и особенно въ военное время, и прошло едва три года со дня

посѣщенія Кронштадта французской эскадрой, положившаго начало новой политической оріентаціи Россіи, т. е. франко-русскаго союза.

20 лѣтъ, изъ коихъ послѣдніе 13 въ царствованіе Императора Александра III, были посвящены упорядоченію всего того, что давала новая система комплектованія: накопленіе запаса нижнихъ чиновъ, призываемыхъ по мобилизаціи, запаса офицеровъ, новые методы обученія, вызванные краткими сроками службы, и т. д. И рядомъ съ этимъ шла упорная работа по внѣдренію въ арміи болѣе правильныхъ хозяйственныхъ навыковъ и по искорененію непорядковъ, освященныхъ давностью. Въ стратегическомъ же отношеніи, продолжавшаяся преемственно съ начала XIX-го вѣка, политика Священнаго Союза давала возможность не спѣшить съ подготовкой нашей западной полосы въ военномъ отношеніи вообще. Финансы Россіи не позволяли ей въ этотъ періодъ удѣлять значительныя средства для осуществленія мѣропріятій по обезпеченію западной границы.

Но ко времени вступленія на престолъ Императора Николая II, положеніе измѣнилось: сначала дружба съ Франціей — «les nations amies», затѣмъ согласіе «l'entente», — и, наконецъ, союзъ — «les nations amies et alliées» — поставили передъ военнымъ министромъ вплотную вопросъ о стратегической подготовкѣ на случай войны съ австро-германскимъ союзомъ и объ усовершенствованіи арміи технически и тактически.

За послѣдующія 20 лѣтъ, съ начала царствованія Императора Николая II и до міровой войны было сдѣлано много болѣе, чѣмъ за предшествующее царствованіе.

Вопросъ о мобилизаціи сводился, прежде всего, къ организаціи распредѣленія запасныхъ разныхъ спеціальностей по соотвѣтствующимъ частямъ войскъ, но теперь первостепенное значеніе пріобрѣтала *быстрота* мобилизаціи, дабы быстрѣе мобилизующіеся германцы не могли застать насъ врасплохъ. Разрѣшеніе этой задачи зависило отъ надлежащей организаціи на всей территоріи Имперіи, при разнообразныхъ условіяхъ этнографическаго состава населенія, — быстраго сбора запасныхъ и лошадей въ опредѣленныхъ пунктахъ, отъ организаціи тамъ командъ пополненія и быстроты развозки ихъ въ тѣ части, куда они заблаговременно предназначались.

Во всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ 1897 года Командующій Войсками Кіевскаго Военнаго Округа, генералъ М. И. Драгомировъ указывалъ на плохую подготовку работы гражданскихъ властей по призыву и сбору запасныхъ къ управленіямъ воинскихъ начальниковъ, а также по поставкѣ лошадей и повозокъ. Онъ предлагалъ переформировать органъ М-ства Вн.

Дѣлъ по воинской повинности и производить опытныя мобилизаціи съ призывомъ запасныхъ и лошадей. Государь обратилъ особое вниманіе на эту часть доклада и, по Его приказанію Военное М-ство и М-ство Вн. Дѣлъ дружно заработали. Въ 1898-мъ году были произведены двѣ пробныя мобилизаціи въ Кіевскомъ и въ Варшавскомъ военныхъ округахъ и на основаніи опыта ихъ срочно проведены всѣ необходимыя переформированія. Съ этихъ поръ Государь всегда интересовался постановкой мобилизаціоннаго дѣла и всѣ проектируемыя его улучшенія часто не совпадавшія съ интересами другихъ вѣдомствъ, находили въ немъ неизмѣнную поддержку. Быстрота мобилизаціи была достигнута болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ войскъ по всей территоріи Европейской Россіи, дабы мобилизуемые запасные были ближе къ своимъ полкамъ. Полностью территоріальной системы при этнографическомъ составѣ населенія достигнуть было нельзя, иначе русская армія уподобилась бы австрійской — были бы полки польско-еврейскіе, татарскіе, латышскіе и т. п.

Въ результатѣ колоссальная и сложная работа мобилизаціи была выполнена изумительно. Всѣмъ участникамъ войны, памятно, съ какой аккуратностью часового механизма, въ какомъ порядкѣ и въ какой короткій срокъ была проведена мобилизація въ 1914 году. Военныя и гражданскія власти работали рука объ руку, и блестящій результатъ ихъ работы отличенъ учрежденіемъ особой медали.

Другой вопросъ, идейно слѣдовавшій за мобилизаціей было сосредоточеніе мобилизованныхъ войскъ къ западной границѣ, такъ называемое стратегическое развертываніе арміи, т. е. рѣшеніе, въ какіе районы какія войска сосредоточиваются, а въ связи съ этимъ рѣшеніе вопросовъ о дислокаціи войскъ въ мирное время, о путяхъ сообщенія для перевозки войскъ и крѣпостяхъ, опорныхъ пунктахъ для войскъ, маневрирующихъ въ извѣстномъ районѣ. Вся эта идейная работа, начатая еще въ царствованіе Александра II при Начальникѣ Гл. Штаба ген.-адъют. Обручевѣ и законченная созданнымъ послѣ японской войны Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба для проведенія въ жизнь требовала громадныхъ расходовъ. Измѣненіе дислокаціи требовало постройки казармъ въ новыхъ пунктахъ стоянокъ. *Скорѣйшее* сосредоточеніе войскъ въ районы стратегическаго развертыванія вызывало постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ и шоссейной сѣти, ведущихъ къ австро-германской границѣ.

Приведеніе въ порядокъ нашей крѣпостной системы, вызвавшее горячіе споры въ военной средѣ и очень легковѣсную критику общественнаго мнѣнія, *даже* при строгомъ самоогра-

ниченіи требовало громадныхъ денегъ. Постройка крѣпости состоитъ не въ одномъ возведеніи укрѣпленій, а въ поддержаніи ихъ въ такомъ состояніи, чтобы онѣ могли противостоять все болѣе увеличивающейся силѣ артиллерійскаго огня. Параллельно съ инженерными работами требуется вооруженіе артиллеріи, могущей успѣшно бороться съ осадной артиллеріей, съ весьма совершенной — германской. Нужно снабдить крѣпости громаднымъ запасомъ снарядовъ, средствами связи — телеграфы, телефоны и т. п., между отдѣльными участками крѣпости, и все это должно быть защищено отъ разрушенія артиллеріей. Крѣпость должна обладать мастерскими для исправленія сложныхъ техническихъ механизмовъ, придающихъ ей силу и обороноспособность въ рукахъ крѣпкаго гарнизона.

Вся стратегическая подготовка требовала денегъ, денегъ и денегъ.

Эти мѣропріятія Военнаго М-ства и Гл. Упр. Ген. Штаба — къ увеличенію мощи нашей арміи встрѣчали неизмѣнную поддержку у Государя. Удѣляя особое вниманіе всей подготовкѣ къ назрѣвающей борьбѣ съ Германіей и Австро-Венгріей, Государь лично озабочивался, чтобы найдены были нужныя на это средства.

Но почему-же то финансовое усиліе, неосуществимое безъ серьезнаго потрясенія нашихъ финансовъ въ царствованіе Императора Александра III и въ началѣ царствованія Императора Николая II, стало возможнымъ въ первые годы XX вѣка, и послѣ перерыва японской войны, успѣшно возобновлялось по окончаніи ея? Отвѣтъ короткій: за время царствованія Императора Николая II, благодаря трудамъ и способностямъ его министерства финансовъ, гр. Витте и гр. Коковцева, Россія развивалась и преуспѣвала такъ, что ни одно государство ни въ какую эпоху не даетъ подобнаго примѣра.

Сгорая отъ стыда, мы должны сказать себѣ, что всякая другая страна гордилась бы такимъ царствованіемъ и прославляла бы мудрость Монарха, благодаря твердой поддержкѣ котораго министры могли *часто, вопреки общественному мнѣнію*, проводить въ жизнь мѣры, приведшія къ блистательнымъ результатамъ. Но наша интеллигентская и полу-интеллигентская оппозиція, увы, потеряла всякій разумный критерій для оцѣнки дѣятельности правительства. Не благосостояніе, не благоденствіе населенія интересовало ихъ, а лишь способы, пріемы и формы управленія, безъ всякаго отношенія къ реально достигаемымъ результатамъ.

Итакъ, въ необычно бурномъ ростѣ экономическихъ силъ Россіи, имѣвшемъ свои корни въ экономической политикѣ правительства, нужно видѣть ключъ къ разгадкѣ, какъ могла

Россія за такой короткій срокъ, несмотря на японскую войну, такъ успѣшно разрѣшить задачу своей стратегической подготовки, а въ быстротѣ мобилизаціи и сосредоточеніи войскъ къ границамъ — превзойти всѣ расчеты Германскаго Ген. Штаба.

Но да не будутъ поняты эти слова такъ, что Государь съ легкимъ сердцемъ требовалъ ассигнованія всѣхъ сотенъ милліоновъ, которые поглощала эта подготовительная къ возможной войнѣ работа. Въ 1897-1898 г. г. возникъ вопросъ о перевооруженіи нашей артиллеріи скорострѣльными пушками, въ виду того, что въ Германіи и Франціи уже перевооруженіе шло полнымъ ходомъ. Государь, стремясь избѣжать, или отдалить срокъ этого новаго обремененія государственныхъ финансовъ, приказалъ сдѣлать попытку согласія съ Австро-Венгріей, которая тоже колебалась передъ громаднымъ расходомъ на перевооруженіе, предлагая чтобы Австрія и Россія взаимно обязались на опредѣленный срокъ отложить перевооруженіе артиллеріи. Изъ этой честной мысли постепенно выросла въ умѣ и въ сердцѣ Государя мысль о Гаагской коференціи, имѣвшей первоначально цѣлью пріостановить все увеличивающійся по инниціативѣ Германіи ростъ вооруженій и военныхъ расходовъ, а, можетъ быть и привести къ уменьшенію расходовъ. Основная мысль Государя вылилась въ слѣдующихъ словахъ: «Положить предѣлъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія». И здѣсь сказалась глубокая и горячая любовь Государя къ арміи, къ русскому офицеру и солдату и ко всему русскому народу, который Онъ пытался уберечь отъ ужасовъ войны. Утопія — говорили тогда многіе.

Да, реальныхъ результатовъ Гаагская Конференція тотчасъ почти никакихъ не дала, но значеніе ея непреложно и вѣчно. Заложенныя въ ея основу мысли не преходящи, ибо въ нихъ добро противопоставляется злу, миръ враждѣ, и общность интересовъ грубому эгоизму. Стоитъ посмотрѣть лишь, чѣмъ теперь заняты всѣ тѣ, кто поставленъ во главѣ народовъ. Развѣ во всемъ мірѣ не говорятъ о разоруженіи или объ уменьшеніи вооруженій, развѣ не зовутъ народы другъ друга въ Гаагу, и развѣ идея Гааги измѣнится отъ того, что разрабатывать и обсуждать ее будутъ въ Женевѣ, Парижѣ, Вашингтонѣ или Локарно? Какая прозорливость, какое предвидѣніе Царемъ всего того, къ чему, послѣ 30 лѣтъ его зова, вновь призываютъ человѣчество его политическіе руководители. Неясно ли, что идея мирной «Лиги Націй» принадлежитъ Русскому Царю?

Отказъ державъ вступить на путь, на который ихъ звалъ Государь, причемъ главную роль въ отказѣ играла Германія,

побудилъ усиленно заняться перевооруженіемъ нашей полевой артиллеріи, причемъ мы съ гордостью можемъ сказать, что наша 3-дюймовая скорострѣльная полевая пушка могла считаться лучшимъ образцомъ, много превосходившимъ по своимъ техническимъ даннымъ германскую и даже французскую пушку. Одновременно было приступлено къ созданію тяжелой артиллеріи, дабы имѣть возможность стрѣлять съ болѣе сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ и съ болѣе крутой траекторіей.

Съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ Государь за дальнѣйшимъ техническимъ усовершенствованіемъ нашей арміи. Около 1910 года возникъ новый вопросъ о снабженіи ея тяжелыми орудіями крупныхъ калибровъ. И наше артиллерійское вѣдомство снова показало себя на должной высотѣ при выработкѣ образцовъ орудія. Война застала насъ въ періодъ постепеннаго увеличенія числа тяжелыхъ батарей. Но проектъ и чертежи нашего осаднаго орудія, привезенные во Францію незадолго до войны, были использованы французскимъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, когда ему срочно, съ началомъ позиціонной войны, было предъявлено требованіе дать орудія, могущія бороться съ германской тяжелой артиллеріей. Франція избѣгла длительнаго періода исканій и опытовъ, — готовый, разработанный русскій образецъ былъ принятъ и осуществленъ.

Цѣлый рядъ мѣръ принятъ разновременно для усиленія мощи русской арміи. Чрезвычайно важный вопросъ ремонтированія арміи лошадьми былъ разрѣшенъ заново, съ упраздненіемъ ремонтеровъ, т. е. посредниковъ между продавцами лошадей и Воен. М-ствомъ, ихъ пріобрѣтающимъ. Принципы экономіи и строгой отчетности при покупкѣ лошадей были совмѣщены съ интересами владѣльцевъ лошадей и казны, параллельно шло поощреніе конозаводчиковъ къ производству верховыхъ и улучшеннаго типа артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей, и обезпеченіе болѣе высокимъ сортомъ лошадей.

Въ связи съ японской войной и ея ликвидаціей послѣдовало значительное увеличеніе восточно-сибирскихъ войскъ. Въ 1910 году, въ связи съ соображеніями по стратегической подготовкѣ на случай войны на Западномъ фронтѣ, произведена крупная организаціонная реформа: упразднены резервныя войска, готовность и боеспособность которыхъ были не на высотѣ современныхъ требованій; взамѣнъ ихъ дѣйствующая армія была увеличена на нѣсколько дивизій и былъ увеличенъ штатный составъ пѣх. полковъ мирнаго времени съ тѣмъ, чтобы при мобилизаціи полки выдѣляли кадръ для формированія второ-очередныхъ полевыхъ частей. Въ 1905 году былъ образованъ Совѣтъ Государственной Обороны подъ предсѣдательствомъ Вел. Кн. Николая Николаевича для обсужденія

и согласованія всѣхъ мѣръ по усиленію боеспособности Русской арміи. Были созданы генеральные инспекціи по родамъ оружія — для кавалеріи въ 1896 году, для пѣхоты и артиллеріи и инженерныхъ войскъ—въ 1905 году. Дѣятельность генералъ-инспекторовъ Вел. Кн. Николая Николаевича и Вел. Кн. Сергія Михайловича по воспитанію и обученію нашей конницы и артиллеріи — въ памяти у русскихъ офицеровъ. Не забудетъ ее и германская кавалерія, ни разу не рѣшившаяся принять атаки русской конницы, и тѣмъ открыто признавшая ея превосходство. Блестящая же дѣятельность нашей полевой артиллеріи, ошеломившая нашихъ враговъ, засвидѣтельствована многочисленными показаніями плѣнныхъ съ первыхъ же дней войны.

Въ 1913 году впервые состоялись совмѣстные маневры арміи и флота. Съ этой же цѣлью болѣе интенсивной разработки стратегической подготовки къ войнѣ, создано Гл. Управленіе Ген. Штаба.

Въ 1912 году измѣненъ уставъ о воинской повинности въ цѣляхъ уменьшенія числа лицъ, освобождаемыхъ отъ службы вообще или отъ службы въ полевыхъ войскахъ, и для увеличенія запаса людей въ военное время, призываемыхъ на укомплектованіе арміи.

Наконецъ, въ 1914 году, въ февралѣ, была принята къ исполненію такъ называемая большая программа реорганизаціи нашей арміи, разсчитанная на три года, имѣвшая цѣлью увеличить боевую силу и готовность арміи и еще сократить срокъ мобилизаціи, а также увеличить снабженіе техническими средствами, начиная отъ тяжелой артиллеріи и пулеметовъ и кончая службою связи; въ томъ числѣ особенно искровымъ телеграфомъ и авіаціонными частями.

Война застала насъ при самомъ началѣ выполненія этой программы. Но то обстоятельство, что всѣ вопросы были изучены, предрѣшены и уже начаты осуществленіемъ, значительно облегчило и ускорило работу Военнаго Вѣдомства по исполненію требованій, предъявленныхъ войною.

Были переработаны большинство нашихъ уставовъ примѣнительно къ опыту японской войны. Ко всѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ вопросамъ Государь не только относился съ большимъ вниманіемъ, изучая ихъ и интересуясь ходомъ дѣла, но вездѣ, гдѣ только появлялась малѣйшая заминка, остановка, причина которыхъ часто лежала въ междувѣдомственныхъ треніяхъ, Государь мягко, но настойчиво, своимъ личнымъ вліяніемъ устранялъ возникшія препятствія и добивался болѣе быстраго движенія бюрократической машины.

Переходя къ другимъ мѣрамъ, способствовавшимъ увели-

ченію боевой готовности и боевой мощи Русской арміи, нужно сказать о мѣрахъ, имѣвшихъ цѣлью поднять на должную высоту нашъ командный составъ. Къ этому вопросу Государь относился съ громаднымъ вниманіемъ и для сужденія о правильности предлагаемой мѣры ему помогало то, что онъ зналъ большинство старшихъ начальниковъ. У него была удивительная память не только на лица и фамиліи, но и на ихъ прохожденіе службы, ихъ характеры, способности отдѣльныхъ лицъ и т. д.

Для лучшаго отбора офицеровъ были учреждены аттестаціонныя комиссіи вмѣсто единоличныхъ аттестацій. Затѣмъ для омоложенія состава старшихъ начальниковъ былъ введенъ предѣльный возрастъ и дабы, увольняемые пожилые офицеры и генералы, не пострадали матеріально, одновременно измѣненъ законъ о пенсіяхъ, значительно улучшившій обезпеченіе лицъ, всю жизнь и силы отдавшихъ на службу Родинѣ въ войскахъ.

Дабы имѣть въ строю больше офицеровъ съ военнонаучнымъ цензомъ былъ увеличенъ допускъ офицеровъ въ Академію Ген. Штаба съ тѣмъ, что всѣ, непереведенные на дополнительный курсъ, но прошедшіе два полныхъ года въ Академіи, возвращались въ строй безъ пріобрѣтенія правъ на болѣе скорое производство. Но полученныя ими знанія давали имъ возможность выдѣлиться, и большой процентъ ихъ былъ производимъ за отличіе внѣ очереди. Наконецъ, было обращено вниманіе на устройство военныхъ игръ для старшихъ начальниковъ и на полевыя поѣздки, получившія новый характеръ маневровъ безъ войскъ, но со всѣми средствами связи.

Вотъ какая громадная техническая работа была произведена для усиленія боевой мощи Россіи въ царствованіе Императора Николая II подъ его непосредственнымъ руководствомъ, а иногда и по Его личной инициативѣ, органами Воен. Министерства, при министрахъ: Куропаткинѣ, Сахаровѣ, Редигерѣ и Сухомлиновѣ.

Поощряя, путемъ казенныхъ заказовъ, развитіе отечественной промышленности, правительство поощряло ее также усиленнымъ таможеннымъ покровительствомъ, широкими кредитами, открываемыми Государственнымъ Банкомъ, поддержкой частныхъ банковъ, взявшихъ на себя регулированіе промышленности и пр. Можно сказать, что промышленное развитіе Россіи могло идти столь интенсивно именно только при дѣятельномъ содѣйствіи и въ значительной степени по инициативѣ правительства. Поэтому говорить — какъ часто у насъ принято и какъ лживо утверждало политиканствовавшее московское «торгово-промышленное сословіе», что Россія развивалась не

благодаря дѣятельности царскаго правительства, а независимо отъ нея и даже «вопреки ея», «несмотря на тягостный режимъ», совершенно несправедливо. Вотъ нѣкоторыя цифры. Добыча нефти возросла въ царствованіе Николая II съ 297 милл. пуд. въ 1894 г. до 561 милл. пуд. — въ 1913 г. и до 602 милл. пуд. въ 1916 г. (ростъ на 100% слишкомъ). Добыча каменнаго угля съ 331 милл. пуд. въ 1894 г. до 17.793 милл. пуд. — въ 1913 г. (436%) и до 2,101 милл. пуд. въ 1916 г., безъ Домбровскаго района. Добыча желѣзной руды съ 30-40 милл. пуд. превысила 500 милл. пуд. (увеличеніе почти на 1.600%). Добыча марганцевой руды доходила до 50 милл. пудовъ, а золота въ 1916 г. 3.764 пудовъ, — вмѣсто 2.500 пудовъ въ 1894 году.

Такой же подъемъ наблюдается и въ отношеніи другихъ ископаемыхъ: мѣди, платины, серебра, соли. Обработка желѣза и стали возросла на 230% Выплавка чугуна и производство готовыхъ продуктовъ по желѣзо-дѣлательнымъ районамъ опредѣлялись цифрою до 300 милл. пудовъ. Размѣръ производства готовыхъ продуктовъ по желѣзо-дѣлательнымъ районамъ опредѣлялся цифрою до 300 милл. пудовъ. Размѣръ производства всей фабрично-заводской промышленности Европейской Россіи, за исключеніемъ производствъ, облагаемыхъ акцизами, составлялъ цифру свыше 4 милліардовъ зол. руб. Число болѣе крупныхъ промышленныхъ заведеній доходило до 14.000, число занятыхъ въ нихъ рабочихъ — свыше 2 милліоновъ[1]). По сравненію съ концомъ царствованія Александра III это, по крайней мѣрѣ, составляло учетвереніе промышленной дѣятельности страны.

Особенно сильный ростъ наблюдается въ развитіи текстильной промышленности, въ отношеніи производства которой Россія занимала четвертое мѣсто въ цѣломъ мірѣ, послѣ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Великъ также ростъ металлургической промышленности. Въ огромныхъ размѣрахъ увеличилась эксплуатація и разработка лѣса. Вывозъ его заграницу дошелъ до 140 милл. рублей. Производство сахара съ 30 милл. пудовъ (въ концѣ царствованія Императора Александра III) дошло до 120 милл. пудовъ, ставъ на первое мѣсто въ Европѣ. Душевое потребленіе сахара возросло съ 12 фунговъ до 25 фунт.

[1]) Особенно сильно развивалась текстильная хлопчато-бумажная промышленность, съ 3,5 милл. веретенъ, потреблявшихъ до 8 милл. пудовъ хлопка, количество веретенъ дошло (въ 1915 г.) до 9 милл. веретенъ, перерабатывавшихъ свыше 24 милл. пудовъ хлопка. Сообразно съ этимъ утроилось и потребленіе тканей населеніемъ. Какъ-же за эти 20 лѣтъ разбогатѣли наши «ситцевые» и «текстильные» короли, съ Саввою Морозовымъ, Коноваловыми и Ко во главѣ, и оппозиція которыхъ возростала по мѣрѣ роста ихъ капиталовъ за счетъ государства!

Развитіе промышленности шло въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. Война его не остановила. Напротивъ, многія отрасли промышленности, въ виду полнаго отсутствія за-граничной конкуренціи и подъ вліяніемъ огромныхъ казенныхъ заказовъ для надобности арміи, чрезвычайно возросли. Съ окончаніемъ войны ожидался исключительный ростъ производства. Революція уничтожила русскую промышленность совершенно и всѣ усилія царскаго правительства, столь обдуманно и планомѣрно развивавшаго производительныя силы страны, пошли прахомъ. Богатства «царской» Россіи однако были такъ велики, что ихъ остатковъ хватило на одинадцать лѣтъ безумнаго ихъ расточенія представителями «соціалистической демократіи», не сумѣвшей ничего создать, но обнаружившей блестящую способность къ разрушенію.

Подъемъ русской промышленности не могъ бы быть осуществленъ безъ притока въ Россію иностраннаго капитала. Препятствіемъ для этого притока всегда служила неустойчивость русской валюты, постоянныя колебанія курса русскаго кредитнаго рубля. Даже государственные займы заключались поэтому на очень невыгодныхъ условіяхъ. Поэтому Императоръ Николай II съ самаго начала своего царствованія обратилъ вниманіе на необходимость урегулированія валюты. По признанію самаго С. Ю. Витте, тогдашняго Министра Финансовъ, на котораго возложено было порученіе обезпечить въ Россіи правильное золотое денежное обращеніе, *лично Императору Николаю II Россія была обязана приведеніемъ въ порядокъ своей валюты.* Самъ Витте былъ въ началѣ сторонникомъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ и даже провелъ новый уставъ Государственнаго Банка именно въ разсчетѣ на бумажное денежное обращеніе. Въ обществѣ стояли за биметаллизмъ и за серебряную валюту. Государственный Совѣтъ, куда внесенъ былъ проектъ реформы денежнаго обращенія въ смыслѣ введенія въ Россіи золотой валюты и фиксированія курса рубля по расчету 66²-3 коп. золотомъ, проектъ отклонилъ. Только по волѣ Государя и благодаря его настойчивости реформа была проведена помимо Государственнаго Совѣта отдѣльными Высочайшими указами, введшими сперва фактически, а затѣмъ и юридически въ Россіи золотую валюту. Успѣшное веденіе войны обезпечивала наличность золотого фонда, размѣръ котораго наканунѣ войны дошелъ до суммы свыше 1.600 милл. рублей, не считая золота въ обращеніи (свыше 400 милл. рублей) и принадлежавшей Россіи заграницей валюты, на сумму 500 милл. рублей золотомъ.

Денежное обращеніе было столь прочнымъ, что японская война не поколебала его вовсе, а война міровая поколебала

очень слабо. Правда, денежная политика при Императорѣ Николаѣ II велась очень искусно и осторожно. Даже за 32 мѣс. войны было выпущено кредитныхъ билетовъ только на сумму 8.316 милл. рублей, тогда какъ Временное Правительство (послѣ революціи), за 8 лишь мѣсяцевъ, выпустило ихъ на 8.918 милл. рублей и тѣмъ страшно уронило курсъ рубля, до самой революціи державшійся на очень высокомъ уровнѣ. Большевики довели очень скоро этотъ курсъ до нуля. Благодаря прекраснымъ финансамъ и вполнѣ устойчивой валютѣ, правительству Николая II удалось заключить (до міровой войны) разныхъ государственныхъ займовъ, большинство изъ которыхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на громадную сумму почти 7 милліардовъ рублей (изъ коихъ, впрочемъ, 11.700 милл. рубл. явились займами конвенціонными). Желѣзнодорожныхъ (гарантированныхъ государствомъ) займовъ было выпущено 2.200 милл. рублей , ипотечныхъ свыше 5.000 милл. рублей, городскихъ займовъ на 500 слишкомъ милліоновъ рубл. Значительная часть этихъ займовъ была выпущена заграницей. Въ общемъ и среднемъ, до японской войны, процентъ по этимъ займамъ былъ ниже 4, послѣ японской — нѣсколько выше 5.

Во время міровой войны кредитъ Россіи до революціи стоялъ очень высоко. Государство реализовало на 8 милліардовъ рублей внутреннихъ долгосрочныхъ займовъ, съ выручкой по нимъ 7.528 милл. рублей. Займы были 5 и 5½%, что по обстоятельствамъ, конечно не является высокимъ процентомъ. Кромѣ того было размѣщено на 4.000 милл. рублей краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства (изъ 6%), не считая учтенныхъ въ Государственномъ Банкѣ. Наконецъ, около 7 милліардовъ рублей золотомъ было предоставлено россійскому императорскому правительству нашими союзниками на достаточно льготныхъ основаніяхъ (изъ 5-6%). Благодаря этой кредитоспособности, Россія могла вести войну, не разстраивая своихъ финансовъ и своего народнаго хозяйства. Въ началѣ революціи русскій кредитъ еще нѣкоторое время держался по инерціи, но быстро падалъ, а со времени пришествія къ власти большевиковъ прекратился совершенно: отношеніе къ нимъ всюду таково, какъ ко всякому злостному банкроту» (См. оправдательные приговоры судовъ по дѣлу Савелія Литвинова въ Парижѣ и по дѣлу о поддѣлкѣ совѣтскихъ червонцевъ въ Берлинѣ въ 1930 г.).

Вотъ, что показываютъ цифры — эти «нѣмые свидѣтели» экономическаго подъема, сопровождавшагося непрерывнымъ культурнымъ и общественно-просвѣтительнымъ ростомъ и преуспѣяніемъ Россіи за предшествовавшее міровой войнѣ двадцатилѣтіе правленія Императора Николая II.

Только послѣ постигшей родину катастрофы, когда открылись глаза у порабощеннаго третьимъ интернаціоналомъ народа, уразумѣвшаго — въ какомъ золотомъ вѣкѣ онъ жилъ при царскомъ режимѣ, — просвѣтлѣли и умы немногочисленныхъ уцѣлѣвшихъ представителей русскаго образованнаго класса — «ученаго сословія»: и они теперь стали признавать эти выдающіеся, громадные успѣхи, достигнутые Россіей подъ скипетромъ послѣдняго Самодержца Дома Романовыхъ. Безпристрастные, болѣе вдумчивые и справедливые, чѣмъ вѣчно все свое родное осуждавшая русская радикальная интеллигенція, — иностранцы за долго еще до міровой войны изумлялись поразительнымъ успѣхамъ и общему прогрессу Россіи. Особенно основательно изучавшіе наше Отечество современные германскіе ученые чрезвычайное значеніе придавали успѣшному осуществленію величайшей крестьянской реформы царствованія Николая II — «такъ называемому столыпинскому» земельному закону [1]) о выдѣленіи изъ общины крестьянъ-собственниковъ, пріобрѣтавшихъ при широкомъ содѣйствіи государства земельные участки и выселявшихся на «отруба» и «хутора».

Это окончательное освобожденіе крестьянъ державнымъ внукомъ Царя-Освободителя отъ послѣднихъ пережитковъ крѣпостнаго права, отъ растлѣвающаго и угнетающаго вліянія пресловутаго деревенскаго «міра», отъ первобытнаго земельнаго коммунизма, существовавшаго у насъ въ видѣ «общины», — по мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ дѣлало Россійскую Имперію чрезвычайно могущественною и съ каждымъ годомъ все болѣе опасною для ея сосѣдей. Но та же реформа возбуждала особую ненависть и безсильную злобу соціалистовъ всѣхъ наименованій и кабинетныхъ трансформаторовъ — радикаловъ.

«Община» была единственнымъ спасеніемъ ихъ революціонныхъ доктринъ и разрушавшій ее «столыпинскій» земельный законъ надолго лишалъ ихъ возможности сдѣлать русское крестьянство объектомъ своихъ соціалистическихъ революціонныхъ экспериментовъ... Отчаявшіеся создать коммунистическія «бѣдняцкія хозяйства» большевики теперь силою возвращаютъ всѣхъ хуторянъ, отрубниковъ и вообще хозяйственныхъ крестьянъ въ пресловутые «колхозы», въ худшій видъ той-же общины — коммуны съ главенствомъ въ ней бѣдняцкаго, безхозяйнаго, самаго негоднаго деревенскаго элемента.

Дважды посѣтившій наше Отечество, до и послѣ 1905 г., профессоръ Эдинбургскаго университета Саролеа восхищался

[1]) Высочайшій указъ 9 ноября 1906 г. и законы 10 іюля и 29 мая 1911 г. Около 2 милл. десятинъ до 1 января 1912 г. перешло изъ общинной въ частную собственность крестьянамъ.

«чудеснымъ возстановленіемъ Россіи послѣ неудачной войны и смуты 1905 г.». Земельную реформу Императора Николая II онъ называетъ «гигантскою», свидѣтельствуетъ о заселеніи Сибири милліонами переселенцевъ, о грандіозномъ притокѣ капиталовъ и скачками растущей промышленности, объ особенно поражавшемъ Зап. Европу приростѣ населенія на три милліона ежегодно. По заключенію англійскаго ученаго, перечисленные имъ признаки свидѣтельствовали объ исключительно быстромъ развитіи производительныхъ и культурныхъ силъ русскаго народа. Императорская Россія уже вступила въ завидную и трудно достигаемую другими народами эпоху могущества и благоденствія.

Такъ оно и было въ дѣйствительности и все у насъ было:

Кричавшіе о свободахъ, — съ чужого голоса европейскихъ соціалистовъ и амбиціозныхъ политикановъ — наши радикалы — общественники и писатели-освобожденцы прежде всѣхъ въ томъ убѣдились и сами теперь поучаютъ, что свободы въ царской Россіи было много больше, чѣмъ даже въ тѣхъ «демократическихъ» республикахъ, куда ихъ выбросили съ родины тѣ самые интернаціональныя «свобода, равенство и братство» и пр., восхваленію которыхъ они отдали лучшіе годы своей жизни. Высланный въ 1923 г. большевиками за контръ-революцію проф. Питиримъ Сорокинъ сдѣлался въ Америкѣ однимъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ Харвардскаго Университета и разоблачаетъ теперь соціализмъ, доказывая въ достиженіяхъ большевиковъ точную копію египетскаго коммунизма 4.000 лѣтъ тому назадъ.

А свобода печати? Явно враждебныя правительству газеты за послѣднія десятилѣтія печатались у насъ съ неменьшею свободою, чѣмъ въ иныхъ республикахъ. Періодическіе журналы — ежемѣсячники и еженедѣльники, открыто вели проповѣдь революціоннаго марксизма, какъ напримѣръ, журналъ «Начало». Существовали даже «оффиціозные» органы партіи террористовъ-цареубійцъ, «соціалистовъ-революціонеровъ», издавались то тутъ, то тамъ, — соціалъ-демократическія газетки. Было и такое время, когда въ С.-Петербургѣ большевицкая «Правда» продавалась на Невскомъ, на глазахъ царскаго городового (въ 1906 г.). Окна книжныхъ магазиновъ были усѣяны пропагадными сборниками изд. «Знаніе», бурцевскимъ журналомъ «Былое», разблачавшимъ Департаментъ Полиціи и выхвалявшимъ террористовъ-убійцъ.

Терпимость правительства переходила въ такое попустительство, что обезумѣвшій въ своей высокомѣрной лжеучености графъ Л. Н. Толстой адресовалъ Россійскому Самодержцу свои дерзкія «обличительныя» письма, нагло обращаясь къ

нему: «Николай Александровичъ», не титулуя ни Его Величествомъ, ни Государемъ... А журналистъ Амфитеатровъ за свой пасквильный фельетонъ «Господа Обмановы» въ Петербургской газетѣ «Россія» въ 1901 г. былъ лишь высланъ на житье въ городъ Вологду! Подобные наши проповѣдники «свободы печати» давно убѣдились въ странахъ своего разсѣянія, что пресловутая «свобода слова» всюду является фиктивною или самообманомъ. Въ передовыхъ «свободныхъ» государствахъ *независимая пресса* (газеты) *не существуетъ* и не терпима. Стоитъ взять въ руки любую европейскую газету, чтобы убѣдиться въ ея *зависимости* отъ партій, отъ промышленныхъ синдикатовъ или отъ самого правительства. А исторія Коти съ его «Другомъ Народа»? Вездѣ правящія партіи держатъ въ своихъ рукахъ главные аппараты освѣдомленія населенія (телеграфныя агентства) и организаціи по распространенію газетъ.

Право... Украшавшіе свои партійныя изданія мятежнымъ лозунгомъ «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» соціалисты-революціонеры на себѣ испытали теперь всѣ прелести новѣйшихъ достиженій «завоеваннаго революціей» этого, соціалистическаго захватнаго «права».

Стремившіеся къ «свободѣ и равенству въ правахъ» — безъ различія вѣроисповѣданія, народности или сословнаго происхожденія, наши соціалистическіе реформаторы добились теперь этого соціалъ-коммунистическаго уравненія всѣхъ... въ полномъ безправіи, создавъ невѣданную міромъ страну безправія, именуемую однако союзомъ «соціалистическихъ республикъ»; строителями соціализма достигнуто лишь одно дѣйствительное равенство — это равенство всѣхъ въ безправіи, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народностей — «безъ различія вѣроисповѣданія». Вотъ тезисъ Ленина: «Государство есть орудіе подавленія одного класса другимъ», «Диктатура есть власть, созданная непосредственно на насиліи, не ограниченная никакимъ закономъ, и не подчиненная никакимъ правиламъ». Въ большевицкомъ «ученомъ» оффиціозномъ изслѣдованіи «О революціонной законности» напечатано: «Польза революціи выше закона, и суды должны сообразоваться съ этимъ, руководясь не уложеніемъ, а революціонной совѣстью».

Въ Императорской Россіи право ограждалъ Царскій Законъ, уваженіе къ которому поддерживалъ Царскій Судъ — болѣе скорый, правый и милостивый, чѣмъ «въ демократическихъ» странахъ Европы и Америки. Правосудіе у насъ совершалось именемъ Его Императорскаго Величества достойнѣйшими Царскими Судьями, которые были болѣе независимы политически, чѣмъ въ самыхъ «передовыхъ» республикахъ.

Смертной казни за общеуголовныя преступленія Россія

не знала уже болѣе ста пятидесяти лѣтъ [1]. Казнили въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ особенно-тяжкихъ государственныхъ преступниковъ и только тогда, когда судили ихъ на основаніи военныхъ законовъ. Но и въ примѣненіи этихъ исключительныхъ положеній Императорское правительство проявляло мягкость, невѣдомую такимъ республикамъ, какъ, напримѣръ, Соединенные Штаты Америки. Убійцы царскихъ министровъ Сипягина, Боголѣпова, Плеве, ген.-адъют. Сахарова, графа А. П. Игнатьева [2] — были лишь сосланы въ каторжныя работы, гдѣ «политическимъ» предоставлялись значительныя льготы и послабленія въ сравненіи съ такими же убійцами, но общеуголовными.

Эти льготы и послабленія, установленныя гуманнымъ царскимъ правительствомъ для политическихъ арестантовъ и каторжанъ — справедливо назывались режимомъ «особо заслуженныхъ» преступниковъ политическихъ.

Само «Главное Тюремное Управленіе» занималось у насъ не организаціей тюремъ, надежно ограждающихъ русскій народъ отъ преступныхъ элементовъ всѣхъ категорій, а культивированіемъ либеральныхъ «пенитенціарныхъ системъ» — новой «науки тюрьмовѣдѣнія», созданіемъ тюремныхъ «патронатовъ» и т. п. тюремною филантропіей.

Это «Министерство Тюрьмовѣдѣнія» въ 1907-1908 г.г. всячески, при содѣйствіи кое-какихъ ка-детившихъ чиновъ Юстиціи, противодѣйствовало даже введенію въ снаряженіе полиціи и жандармовъ тѣхъ портативныхъ металлическихъ наручниковъ, которыми уже десятки лѣтъ снабжены полицейскіе въ Европѣ и Америкѣ и при помощи которыхъ задержанные и конвоируемые ими преступники лишаются возможности сопротивленія и побѣга. Наши тюрьмовѣды находили эту мѣру «незаконною и не гуманною», хотя сами заковывали каторжанъ въ кандалы! И благодаря обструкціи этого вѣдомства исполненіе отданнаго Столыпинымъ распоряженія было задержано на цѣлыхъ три года — изъ опасенія, что наручники начнутъ примѣнять и къ «политическимъ».

Не удивительно поэтому, что тюрьма и ссылка не только никого не исправляли, но сдѣлались настоящими «университетами преступности», и оказывались... «при открытыхъ дверяхъ».

Совершившіе фантастическіе побѣги изъ каторги и ссылки

[1]) Смертная казнь за общеуголовныя преступленія отмѣнена въ 1754 году при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

[2]) Въ 1870 годахъ Императоръ Александръ II замѣнялъ каторжными работами смертную казнь осужденнымъ политическимъ преступникамъ, даже покушавшимся на его жизнь.

— большевикъ Троцкій-Бронштейнъ, глава террористической боевой организаціи С.-Р. Гершуни и многіе другіе — въ своихъ мемуарахъ описали, какъ въ сущности легко и просто опаснѣйшіе преступники бѣжали изъ Сибири черезъ всю имперію за границу, гдѣ уже безпрепятственно, поощряемые врагами Россіи, устраивали новые свои революціонные «центры дѣйствія...».

Въ 1909 году, озабоченный дѣйствительною изоляціей политическихъ и уголовныхъ ссыльныхъ и каторжанъ, Иркутскій ген. губернаторъ ген. Селивановъ представилъ проектъ устройства единаго центральнаго мѣста для ссыльныхъ всѣхъ категорій на самою природой созданномъ для того островѣ Ольхонѣ (въ 500 кв. верстъ) посреди Байкальскаго озера, — съ постройкою образцовыхъ одиночныхъ и общихъ тюремъ на 8.000 арестантовъ (исключительно мужчинъ) и организаціей тамъ-же сорока исправительныхъ поселковъ для ссыльно-поселенцевъ[1]).

На всеподданнѣйшемъ отчетѣ ген. Селиванова за 1908-1909 г. г. Государь положилъ резолюцію: «Теперь-же приступить къ необходимымъ устройствамъ на островѣ Ольхонѣ, совершенно освободивъ остальные мѣстности Сибири отъ населенія преступнаго элемента».

Но кадетствовавшее Главное Тюремное Управленіе, послѣ убійства террористкою его начальника Максимовскаго — угождавшее тайкомъ революціонерамъ, — всячески воспротивилось осуществленію весьма цѣлесообразнаго проекта ген. губернатора и Высочайшая воля исполнена не была.

Это центральное правительственное учрежденіе, почти министерство — озабочено было не содѣйствіемъ государственной власти въ борьбѣ съ преступностью, въ организаціи защиты отъ преступныхъ посягательствъ мѣрами уголовной репрессіи!

Оно проводило въ то время свои «либеральные» проекты — объ упраздненіи ссылки и о «реформѣ» каторжныхъ работъ въ Сибири, замѣною ихъ «каторжными тюрьмами» въ Европейской Россіи, т. е. фактически упраздняя и каторгу. А въ М-ствѣ Юстиціи и даже самомъ Тюремномъ Управленіи съ особымъ рвеніемъ ка-декствовавшіе чины занимались модными проектами: условнаго осужденія, досрочнаго освобожденія и тюремными патронатами! Россія могла бы называться въ смыслѣ такой тюремной филантропіи, самою «передовою» страной, т. е. наиболѣе обезоруженной противъ повсюду возраставшей преступности: у насъ не только давно отмѣнена была смертная казнь, но фактически и самая каторга была уже на пути къ упраздненію, тогда какъ эти наиболѣе устрашающія отвер-

[1]) «Каторга и ссылка», Томъ 35. — Москва 1927 г.

женцевъ общества наказанія и по-днесь существуютъ во всѣхъ «передовыхъ» республикахъ, казнящихъ убійцъ по послѣднему слову науки и ссылающихъ каторжанъ въ отдаленныя колоніи и на мало обитаемыя острова.

Каторжныя тюрьмы для политическихъ были у насъ таковы, что прожившіе въ нихъ по 30-40 лѣтъ преступники, соучастники царе-убійства, оказались здоровѣе и полнѣе силами по выходѣ изъ тюрьмы, чѣмъ остававшіеся на свободѣ ихъ партійные «товарищи» и многихъ изъ нихъ пережили:

Н. В. Чайковскій умеръ въ 1925 г. 78 лѣтъ, Н. Морозовъ — 80 лѣтъ, Ашенбреннеръ — 84 лѣтъ, а три «бабушки революціи», участницы политическихъ убійствъ и покушеній — Вѣра Засуличъ, Вѣра Фигнеръ и Екатерина Брешко-Брешковская — дожили до глубокой старости.

Вотъ какъ описываетъ нынѣ — 50 лѣтъ спустя, свое прибытіе въ 1878 году на эту гуманную каторгу для политическихъ на легендарной сибирской Карѣ, — благополучно здравствующая почетная пенсіонерка эсъ-эровъ «бабушка революціи» Катерина Брешко-Брешковская: «На крыльцѣ высился высокій худощавый военный и грозно распекалъ стоявшаго передъ нимъ нашего варвара ротмистра «за то, что этотъ начальникъ жандармскаго конвоя дорогой заковалъ мужчинъ — политическихъ каторжанъ изъ дворянъ». Затѣмъ обернувшись въ нашу сторону, комендантъ крикнулъ: «Расковать». Мы переглядывались и улыбались... Стало оживленно. Дошла очередь и до меня. «Для васъ у меня нѣтъ мѣста, у насъ политическихъ каторжанокъ еще не бывало». — Тѣмъ лучше для меня. — «Александра Ивановна, возьмите на поруки г-жу Брешко-Брешковскую...».

Александра Ивановна, жена каторжанина Успенскаго, отбывавшаго долгосрочную каторгу по Нечаевскому еще дѣлу, подошла ко мнѣ и ласково повела въ свой домъ, гдѣ жила съ мужемъ въ то время въ вольной командѣ. Раскованные и наголо небритые, отправились наши мужчины въ политическую тюрьму, успокоивъ своихъ женъ относительно тамошнихъ порядковъ. И дѣйствительно порядки оказались неожиданными для всѣхъ... Казацкій полковникъ Кононовичъ (комендантъ) оказался человѣкомъ образованнымъ и гуманнымъ. Онъ получалъ *Revue des Deux Mondes*, имѣлъ библіотеку, а когда въ Питерѣ Вѣра Ивановна Засуличъ выстрѣлила въ ген.-адъют. Трепова въ 1879 году и ея родная сестра Александра Ивановна Успенская, желая узнать о томъ мнѣніе Кононовича, спросила его — Кононовичъ отвѣтилъ: «Что-же однимъ подлецомъ меньше!...».

Къ политическимъ ссыльнымъ онъ относился съ уваженіемъ и, насколько было возможно, старался дѣлать облегченія ихъ

тяжелаго существованія: давалъ платную работу вольнокомандцамъ и вольнымъ женамъ, свиданія семейнымъ два раза въ недѣлю и безъ всякаго надзора: разрѣшилъ улучшить питаніе на свой счетъ. Такое отношеніе сильно способствовало спокойному и согласному пребыванію каторжанъ на Карѣ (Газета «Дни», 18 февраля 1918 г., перепечатано изъ больш. изд. «Каторга и Ссылка»).

Вскорѣ, однако, Е. Брешко-Брешковская и съ этой «гуманной каторги» совершила свой первый побѣгъ.

Еще болѣе откровенными похвалами «царскому режиму» преисполнены слѣдующія строки воспоминаній стараго политическаго ссыльнаго соц.-рев. Свѣжевскаго, напечатанныя въ 1928 г. въ газетѣ Керенскаго «Дни».

Описывая кошмарныя звѣрства и ужасы большевицкой ссылки въ Соловкахъ и Сибири Свѣжевскій сравниваетъ этотъ безчеловѣчный послѣ-революціонный режимъ «изоляціи» большевиками своихъ политическихъ противниковъ съ гуманными условіями ссылки въ царствованіе Императора Николая II: «Теперь ссылка не прежняя ссылка. Въ старое доброе время не ссылка была, а одно удовольствіе. Раньше политическій ссыльный въ почетѣ, можно сказать, стоялъ. Господинъ исправникъ, — бывало, приглашалъ къ себѣ въ домъ запросто на вечеринку и ручку жалъ... Даже бѣжать изъ ссылки было и пріятно, и удобно. Смѣхъ разбираетъ, когда вспоминаешь побѣгъ изъ Обдорска въ 1906 г. членовъ петербургскаго с. р. д. [1]. Не побѣгъ, а пикникъ и катанье на лодкахъ! Задумавъ бѣжать — они нагрузили провизіей лодку и поплыли вверхъ по Оби... Каждыя 20 верстъ на берегу поджидали мѣстные ссыльные, подсаживались къ бѣглецамъ въ лодку, смѣняли уставшихъ старыхъ гребцовъ, а черезъ нѣкоторое время сами уступали мѣсто новымъ товарищамъ. Прямо идиллія...».

Далѣе с.-р. Свѣжевскій напоминаетъ о томъ, какъ теперь «по приказу изъ Центра, почти во всѣхъ ссылкахъ мѣстные отдѣлы Г. П. У. планомѣрно мучаютъ ссыльныхъ голодомъ, фактическимъ одиночествомъ, изоляціей отъ населенія, тираническимъ мелочнымъ вмѣшательствомъ въ интимную жизнь. Въ современной ссылкѣ созданы невыносимыя, часто нечеловѣческія условія жизни...».

И тутъ-же вновь вспоминаетъ, какъ «царское правительство выдавало ссыльнымъ въ медвѣжьихъ углахъ 14-15 рублей въ мѣсяцъ, а нынѣ жизненный минимумъ ссыльнаго исчисляется по крайней мѣрѣ въ 4 раза меньше». А побѣги ссыльныхъ пресѣкаются нынѣ, послѣ завоеваній революціи, такими мѣрами,

[1]) Это были сосланные Витте въ декабрѣ 1905 г. члены Совѣта рабочихъ депутатовъ — будущіе главари большевиковъ 1917 г.

о которыхъ царское правительство и не помышляло: «Вы знаете, что такая круговая порука? Вотъ напримѣръ, въ 1925 г., бѣжалъ изъ Тюмени с.-д- меньшевикъ Саперъ и вся колонія ссыльныхъ подверглась репрессіямъ: кого направляли въ худшую ссылку, кого въ тюрьму. За что? Ни за что: круговая порука!..».

Во французскихъ каторжныхъ учрежденіяхъ, въ знаменитой Гвіанѣ, расположенной въ Южной Америкѣ, созданы такіе условія, при наличности которыхъ побѣги каторжанъ сопряжены съ огромными опасностями. Каторжане заняты, главнымъ образомъ, расчисткой дѣвственныхъ лѣсовъ этой мѣстности и работами по осушенію тѣхъ страшныхъ болотъ, изъ за которыхъ Гвіана является по истинѣ смертоносной территоріей для европейца.

Москиты не даютъ каторжанамъ во время работъ и въ своихъ казармахъ-тюрьмахъ покоя. И такъ продолжается до самаго отбытія наказанія.

Каторжане, отбывшіе свой срокъ, во Францію не возвращаются. Они становятся на «вольномъ» положеніи ссыльно-поселенцевъ на территоріи той-же Гвіаны, съ правомъ заниматься торговлей, промыслами и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ отбывъ положенный срокъ въ настоящее время стали плантаторами и имѣютъ сами въ своемъ распоряженіи новыхъ каторжанъ, отпущенныхъ на принудительныя работы. По общимъ отзывамъ бывалыхъ преступниковъ-интернаціоналовъ французская каторга и европейскія тюрьмы несравненно болѣе строги и мучительнѣе, чѣмъ каторга и тюрьма въ царской Россіи.

Мемуарами о побѣгахъ изъ тюремъ, ссылки и съ каторги «политическихъ» можно бы наполнить многіе томы, да они и пополняются печатаемыми воспоминаніями стариковъ-рево-люціонеровъ, въ большинствѣ успѣвшими за свою революціонную карьеру по нѣскольку разъ убѣжать изъ тюрьмы и ссылки, пользуясь тѣми послабленіями, которыя оказывались этой категоріи заключенныхъ при «царскомъ режимѣ». Въ многочисленныхъ біографіяхъ нынѣшнихъ большевицкихъ главарей, приведенныхъ А. И. Спиридовичемъ въ «Исторіи большевизма», у большинства революціонеровъ одно перечисленіе арестовъ и *побѣговъ* ихъ занимаетъ значительную часть біографій, а есть такіе, которые умудрялись бѣжать болѣе десяти разъ. Недаромъ нѣкоторые тюремные начальники называли политическихъ арестантовъ «членами бѣговаго общества»...

Цѣлыя десятилѣтія бунтовали русскихъ рабочихъ большевики и меньшевики усвоеннымъ ими, также съ чужого голоса, лозунгомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». И что-же

оказалось? Этого именно пролетаріата въ западно-европейскомъ смыслѣ въ Царской Россіи не было.

Захвативши всю полноту соціалистической власти ленинцы-коммунисты тотчасъ убѣдились въ своемъ безсиліи построить соціализмъ въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія тѣхъ именно «пролетаріевъ», которыхъ они стремились «объединить».

Самъ Ленинъ вскорѣ-же вынужденъ былъ это признать и вотъ уже болѣе десяти лѣтъ самыми анти-народными звѣрско-насильственными и безнравственными мѣрами большевики-соціалисты безуспѣшно стремятся создать этотъ «пролетаріатъ», развивая невиданное нигдѣ въ мірѣ чудовищно нелѣпое, разоряющее страну государственное капиталистическое хозяйство — «госпромышленность», «госторговлю» и «коллективизацію» крестьянскихъ хозяйствъ, окончательно разоряя кормильцевъ всей Россіи — пахарей-земледѣльцевъ.

Рабочіе всѣхъ категорій составляли въ Россіи, считая вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми лишь 6% всего населенія имперіи, а среди нихъ 95% были не бездомные «пролетаріи», а тѣ-же крестьяне, не терявшіе связи съ деревней, гдѣ у каждаго былъ и отчій домъ и хотя-бы и «нищенскій» — земельный надѣлъ... Съ особымъ вниманіемъ относилось Императорское правительство къ улучшенію быта фабрично-заводскихъ рабочихъ и огражденію ихъ интересовъ и въ этомъ отношеніи въ послѣдніе два царствованія сдѣлано было весьма многое:

«Уже въ 80 годахъ учреждены были должности фабричныхъ инспекторовъ (30 мая 1903 г. фабричная инспекція подчинена руководству губернаторовъ (градоначальниковъ), замѣщенныя въ большинствѣ либеральною интеллигенціей, а закономъ 2 іюня 1897 года устранялись многія злоупотребленія въ пользованіи наемнымъ трудомъ. Установленъ былъ 11 часовой рабочій день, воспрещена — работа по воскресеньямъ и ночной трудъ женщинъ, максимальное ночное время опредѣлено въ 10 час., воспрещена работа дѣтей до 12 лѣтъ и ограниченъ трудъ малолѣтнихъ и подростковъ отъ 12 до 17 лѣтъ: установленъ разсчетъ въ опредѣленные сроки, а не въ концѣ найма, какъ было раньше. Штрафныя деньги должны обращаться въ фонды для рабочихъ, а фабричныя лавки отданы подъ надзоръ фабричныхъ инспекторовъ [1]). 2 іюня 1900 г. введены правила о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской и горно-заводской промышленности, 13 декабря 1904 г. поставленъ вопросъ о введеніи государственнаго страхованія рабочихъ. Въ 1905 г. образована подъ предсѣдательствомъ В. Н. Коковцева комиссія

[1]) К. П. Крамаржъ: «Русскій Кризисъ».

для обсужденія мѣръ по упорядоченію быта и положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. 4 марта 1906 г. изданы правила о профессіональныхъ союзахъ и цѣлый рядъ другихъ.

У представителей царской власти рабочіе всегда встрѣчали законную защиту и заботливое отношеніе къ ихъ нуждамъ. Съ каждымъ годомъ русское законодательство по рабочему вопросу все болѣе заимствовало полезныхъ примѣровъ изъ законовъ, регулирующихъ отношеніе труда и капитала и о «соціальной защитѣ и обезпеченіи рабочихъ» — въ Германіи, которая въ этомъ отношеніи опередила многія государства.

Отношенія государя Императора Николая II къ рабочимъ выражалось въ рѣчи его, сказанной послѣ извѣстнаго событія 9 января 1905 г. при пріемѣ имъ депутаціи изъ 34 человѣкъ рабочихъ съ Путиловскаго и другихъ заводовъ, послѣ прекращенія ими забастовки. Спеціальнымъ поѣздомъ выборные отъ рабочихъ были доставлены въ Царское Село, гдѣ и представлены Государю — покойнымъ С.-Петербургскимъ Ген.-Губернаторомъ Д. Ф. Треповымъ. Государь обращаясь къ рабочимъ, сказалъ:

«Я принялъ васъ, чтобы сказать, послѣ всего случившагося на этихъ дняхъ въ столицѣ, мое слово. Запомните это и передайте всѣмъ вашимъ товарищамъ».

«Когда на улицахъ Петербурга пролилась кровь моихъ подданныхъ, сердце мое тоже облилось кровью отъ скорби о несчастныхъ, большею частью неповинныхъ жертвахъ происшедшей смуты».

«Виновники въ ней измѣнники и воры, которые васъ обманули и которымъ вы къ своей пагубѣ повѣрили».

«Я вѣрю, что кромѣ горсти негодныхъ и потерянныхъ людей, рабочіе въ огромномъ большинствѣ, были, есть и будутъ истинно русскими православными людьми, любящими Бога, Царя и Отечество, вѣрными сынами Россіи и прощаю имъ ихъ вину».

«Трудна жизнь рабочаго человѣка. Много нужно въ ней исправить, во многомъ облегчить и упорядочить условія этой жизни».

«Знаю это: думаю и пекусь о всѣхъ васъ и устрою такъ, чтобы всѣ справедливыя ваши нужды были удовлетворены, при соблюденіи той же справедливости и относительно хозяевъ вашихъ».

«Я позабочусь, чтобы и хозяева и рабочіе всегда имѣли законную возможность заявлять о своихъ нуждахъ. А теперь возвращайтесь на ваши заводы и фабрики и принимайтесь, благословясь, за работу».

«Помните, что Россія воюетъ съ сильнымъ внѣшнимъ врагомъ. Всѣ русскіе люди, отъ мала до велика, должны дружно приняться за общую работу и тогда Богъ даруетъ намъ побѣду» [1]).

И внимая царскому слову — петербургскіе рабочіе послѣ 9 января 1905 г. стали на работу и продолжали работать на оборону Родины до самаго окончанія русско-японской войны 1905 года.

Также ревностно и съ патріотическимъ воодушевленіемъ по всей Россіи рабочіе работали на оборону и съ самаго начала великой войны 1914 года, памятуя царскія слова, сказанныя на фабрикахъ и заводахъ военнаго времени и въ морскихъ докахъ — во время ихъ посѣщеній Государемъ Императоромъ Николаемъ II въ 1914-1915 г. г. Тысячи рабочихъ въ разныхъ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ во время великой войны впервые близко видѣли своего Государя, слышали Его рѣчь и увидѣли въ Немъ истиннаго Державнаго Хозяина Русской Земли.

Какого поразительнаго прогресса достигло государственное хозяйство Россіи подъ скипетромъ Ея Державнаго Хозяина изъ Дома Романовыхъ, въ 20-лѣтіе царствованія Императора Николая II — мы видѣли изъ краткаго перечня на страницахъ этой главы.

Всѣ 22½ года крестнаго пути своего царствованія Государь Императоръ Николай Александровичъ безсмѣнно отстоялъ на своемъ Высочайшемъ Посту дни и ночи, мѣсяцы и годы неизмѣнно былъ на стражѣ высшихъ интересовъ своего Отечества, отдавая всѣ свои силы, свои знанія и разумѣнія — безконечнымъ заботамъ о благѣ и преуспѣніи русскаго народа.

Безпристрастная исторія документальными свѣдѣніями и безспорными статистическими данными свидѣтельствуетъ, что несмотря на всѣ препятствія, фатальныя неудачи, злостныя недоброжелательства и противодѣйствія извнѣ и внутри страны, Императоръ Николай II и министры Его правительства — вывели Россію на путь хозяйственнаго процвѣтанія, поражавшаго своими достиженіями весь цивилизованный міръ, и усиленія нашего внѣшняго могущества, грознаго для всѣхъ сосѣднихъ народовъ, какъ въ Азіи, такъ и въ особенности въ Западной Европѣ.

---

1) Журналы: «Право», № 3, 1905 г. и «Красный Архивъ», Т. 20, въ 1927 г.

ГЛАВА IX

РОССІЙСКІЙ ПРЕДПАРЛАМЕНТЪ

Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно —
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Н. Некрасовъ.

Земское и Городское Общественное Самоуправленіе.

Самоуправленіе, конституція, парламентъ — еще со временъ декабристовъ 1825 года были идеаломъ революціонныхъ стремленій русской интеллигенціи...

Дарованное, 1 января 1864 г., Царемъ-Освободителемъ — земское *самоуправленіе* — наканунѣ міровой войны торжественно праздновало свое 50—лѣтіе.

Хотя много старше земства у насъ было самоуправленіе городовъ, но дѣятельность городскихъ выборныхъ учрежденій далеко не имѣла такого исключительнаго общественно-политическаго значенія, какъ земство.

Городское самоуправленіе введено было Петромъ Великимъ (магистраты и ратуши) и расширено Екатериною II въ 1785 г. жалованною грамотой городамъ.

Городскія думы изъ гласныхъ подъ предсѣдательствомъ городскихъ головъ, въ 1864 г., уже второе столѣтіе вѣдали благоустройствомъ въ городахъ, но соотвѣтствующее развитіе городскія общественныя управленія получили лишь со введеніемъ 16 іюня 1870 года новаго «городоваго положенія», составленнаго въ духѣ «положенія о земствѣ», съ которымъ городскія управленія были въ тѣсной связи уже потому, что губернскіе и уѣздные города входили въ составъ земской территоріи, а при выборахъ земскихъ гласныхъ имѣли голосъ и городскіе избиратели.

Были и другія причины, въ силу которыхъ городскія самоуправленія долгое время, за исключеніемъ столицъ и крупныхъ городовъ, имѣли лишь второстепенное значеніе, въ особенности въ глазахъ самого правительства. Дѣло въ томъ, что земство возникло въ эпоху такъ называемыхъ «дворянскихъ реформъ»,

всего черезъ три года послѣ отмѣны обязательнаго дарового труда крестьянъ на помѣщиковъ.

Основою дореформеннаго мѣстнаго управленія было крѣпостное помѣщичье село, помѣщикъ былъ его единственнымъ «полицеймейстеромъ»[1]), по многимъ категоріямъ дѣлъ и «судьей».

Каждая дворянская вотчина являлась своего рода автономною земскою единицей, представлявшей собою автономное хозяйство. Естественно въ уѣздѣ и въ губерніи господствовало дворянство, первымъ человѣкомъ былъ предводитель дворянства, къ голосу котораго должны были прислушиваться административныя и судебныя власти. Съ освобожденіемъ крестьянъ дворянство продолжало оставаться на мѣстахъ тѣмъ-же *правящимъ классомъ*, но лишь съ упорядоченными отношеніями къ прочимъ сословіямъ, въ новыхъ условіяхъ «праваго и милостиваго» суда и мѣстнаго хозяйственно-административнаго устройства.

По волѣ законодателя функціи старой дворянской вотчины принимали на себя: уѣздное земское собраніе и уѣздная земская управа. Хотя по новому порядку уѣздное земство и должно было принять въ свой составъ не только дворянство, но и прочія сословія, но въ первое десятилѣтіе, системою выборовъ, дворянству было обезпечено не меньше 45% всѣхъ земскихъ гласныхъ, а 40% остальныхъ — составляли гласные изъ крестьянъ, находившіеся въ косвенной зависимости отъ землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ на долю торгово-промышленнаго сословія, горожанъ-разночинцевъ и мелкихъ собственниковъ приходилось всего лишь 15%. Дворянство оставалось по прежнему и довольно долго *правящимъ сословіемъ* и не только въ губерніяхъ, гдѣ съ нимъ считалось мѣстное населеніе, но и въ цѣлой имперіи.

Либеральные министры Александра II, создававшіе проекты о земскомъ самоуправленіи, вслѣдствіе отсутствія въ уѣздахъ интеллигентныхъ силъ и даже достаточно грамотныхъ людей для новыхъ автономныхъ учрежденій — вынуждены были всецѣло опереться на помѣстное дворянство, которое получило въ этомъ и возмѣщеніе части потеряннаго имъ значенія въ провинціи.

Но создавъ новый видъ выборной мѣстной администраціи на автономныхъ началахъ — правительство съ перваго-же

---

[1]) Начальники уѣздной полиціи — исправники, до 1861 г., также избирались дворянами изъ своей среды и т. п. Все это отмѣнено было Царемъ-Освободителемъ въ 1860 годахъ и введена была уѣздная полиція, но съ ограниченными правами и въ крайне недостаточномъ числѣ: сельское населеніе сразу распустилось.

года увидѣло возрастающее политическое значеніе и вліяніе, и не только мѣстное, новыхъ земскихъ дѣятелей.

Въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ развитія дѣятельности земскихъ учрежденій, усиливавшихся совмѣстною съ ними работой болѣе крупныхъ и богатыхъ городскихъ самоуправленій, а также благодаря возроставшему вліянію интеллигенціи свободныхъ профессій и новаго вида земской и муниципальной бюрократіи, въ видѣ «третьяго элемента» — многія земства, а за ними и городскія думы столицъ и университетскихъ городовъ не только заставляли считаться съ собою правительство, но предъявляли политическія требованія и къ самой создавшей земства верховной власти.

По характеру дѣятельности городскихъ и земскихъ «общественниковъ» это былъ настоящій «предпарламентъ».

Либеральному монарху и его министрамъ казалось, что въ русскомъ обществѣ того времени имѣются достаточныя силы, способныя вывести Россію на путь гражданскаго развитія и общественной самодѣятельности. Съ 1861 года правительство само поставило себѣ труднѣйшую задачу: «подданныхъ» и недавнихъ рабовъ превратить въ «гражданъ».

На общую земскую работу Царь призвалъ, какъ бывшихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, такъ и самихъ освобожденныхъ крѣпостныхъ. Создались своеобразныя всесословныя учрежденія, своею независимостью отъ центра во многомъ опередившія такія-же европейскія.

Въ то время, какъ судебная реформа 1864 г. заимствовалась изъ иностранныхъ образцовъ, земство явилось самостоятельнымъ актомъ русскаго законодательнаго творчества.

При обсужденіи законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ «объ Европѣ» и не упоминали: ни Франція, ни Англія, ни Германія того времени образцомъ для заимствованія служить не могли. Франція, какъ тогда при Наполеонѣ III, такъ и теперь, несмотря на республику — является классической страной правительственной централизаціи, что выявилось еще недавно во время осложненій въ Альзасѣ. Въ Пруссіи мѣстное самоуправленіе введено было значительно позднѣе нашего, а земское самоуправленіе въ Англіи не послужило образцомъ потому что наши либералы считали его *отсталымъ!*

Англійское самоуправленіе исторически сложилось въ своеобразныхъ условіяхъ англійской жизни и сводилось къ власти на мѣстахъ не выборныхъ органовъ, а назначаемыхъ королемъ мировыхъ судей изъ землевладѣльцевъ, разрѣшавшихъ земскія дѣла на своихъ съѣздахъ. При реформѣ англійскаго мѣстнаго самоуправленія въ 1880 годахъ либеральный Гладстонъ самъ ссылался на передовое русское земство, которое и послу-

жило образцомъ для преобразованій въ Англіи. Монаршимъ довѣріемъ русскому обществу, какъ видимъ, предоставлены были такія полномочія, какими не пользовалось ни одно изъ европейскихъ самоуправленій того времени.

Такимъ образомъ во всей многолѣтней борьбѣ земства съ правительствомъ было какое то роковое недоразумѣніе. Земства должны были явиться главнымъ союзникомъ правительственной власти въ ея стремленіяхъ справиться съ революціей, но подъ вліяніемъ Петрункевичей и благодаря активности радикальнаго меньшинства, оказались врагами этой власти.

Разладъ этотъ черезъ земство еще болѣе углублялъ общій разладъ между «общественностью» и правительствомъ. Послѣдствія оказались самыя пагубныя: изолированность правительства въ борьбѣ съ революціей и участіе земцевъ въ первыхъ рядахъ революціонеровъ.

И все-таки, несмотря на свою самоизолированность отъ правительственнаго центра, несмотря на то, что въ крестьянской массѣ земство не встрѣчало поддержки, несмотря на враждебность лѣвыхъ круговъ радикальной интеллигенціи, высмѣивавшихъ и сводившихъ земскую дѣятельность, по выраженію Щедрина, «къ луженію рукомойниковъ», несмотря на всю трудность насажденія у насъ новыхъ началъ, столь противоположныхъ недавнему крѣпостному строю, сбиваемое съ пути и подрываемое извнутри своими-же «Ильичами» — земство со своею задачей справлялось успѣшно на протяженіи полустолѣтія.

Въ земствѣ накоплялись умѣнье, навыкъ, дѣловое пониманіе мѣстныхъ нуждъ, упрочивались связи по совмѣстной дѣятельности, выработался типъ земскаго дѣятеля, слагались земскія традиціи. Духъ классоваго антагонизма въ земствахъ никогда не проявлялся, никогда земства не обслуживали интересовъ привиллегированнаго сословія, а служили общимъ интересамъ всего населенія и, главнымъ образомъ, крестьянства, хотя руководящую роль въ земствѣ играло помѣстное дворянство: имъ созданы — даровыя народныя школы и даровыя лечебницы въ деревняхъ.

Послѣдствіемъ самоубійственнаго политиканства земскихъ радикаловъ было торжество именно антиземской — классовой революціи, раздувшей классовую ненависть, уничтожившей общественную солидарность и разрушившей все, созданное земствомъ...

1 января 1864 г. Императоромъ Александромъ II было подписано «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ». Въ высочайшемъ указѣ было сказано, что дарованныя самодержцемъ новыя учрежденія являются резуль-

татомъ «признанія за благо призвать къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда мѣстное ихъ населеніе посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ».

Земство было введено въ 33 изъ общаго числа 49 губерній того времени (исключая Сибирь, Кавказъ и Финляндію).

Введеніе земскаго и городскаго самоуправленія было естественнымъ послѣдствіемъ главнѣйшей реформы Царя-Освободителя — упраздненія крѣпостнаго права.

Земское собраніе явилось уже всесословнымъ. Оно составлялось изъ земскихъ гласныхъ, избираемыхъ: *а)* уѣздными землевладѣльцами, *б)* городскими обществами и *в)* сельскими обществами. Подъ этою терминологіей первоначально подразумѣвалось: дворянство, купечество и крестьянство. Евреи къ участію въ выборахъ не допускались.

Въ земствѣ крестьяне впервые получили право голоса наравнѣ со своими бывшими господами и кромѣ крестьянъ могли выбирать отъ себя также землевладѣльцевъ и православныхъ священнослужителей.

Въ земскихъ собраніяхъ дворянство еще долго сохраняло преобладающее значеніе и въ большинствѣ земство было либерально, хотя не революціонно. Безсмысленная оппозиція тверскаго земства и немногихъ другихъ долго были единоличными явленіями и всеобщаго сочувствія въ земцахъ не встрѣчали.

Но наиболѣе консервативными, до 1900 годовъ, въ земствѣ были не дворяне, а гласные изъ крестьянъ. За рѣдкими сравнительно исключеніями выборные земскіе люди въ революціонномъ движеніи до 1900 г. не участвовали. За то въ рядахъ революціонеровъ было множество вольнонаемныхъ служащихъ земства, отъ пресловутыхъ «статистиковъ» до врачей. Всѣ они составляли такъ называемый земскій *третій элементъ*, почти сплошь революціонный. Съ каждымъ годомъ сами земства все болѣе чувствовали засиліе этой своеобразной «земской бюрократіи», ряды которой наполнялись ненавидящими государственную правительственную службу «интеллигентами», а болѣе всего — полуинтеллигентами и часто изъ политическихъ ссыльныхъ.

Въ своихъ лекціяхъ-воспоминаніяхъ объ административномъ устройствѣ Императорской Россіи, бывшій губернаторъ, сенаторъ П. П. Стремоуховъ, даетъ характеристику мѣстнаго самоуправленія, какъ оно сложилось въ царствованіе Императора Николая II.

«На обязанности земствъ было удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ и улучшеніе хозяйственной жизни губерніи, какъ-то:

медицина, санитарія, дороги, страховое дѣло, агрономическая помощь, при чемъ въ эту область попали и школы. Во главѣ губернскаго земства стоялъ предсѣдатель губернской земской управы, утверждаемый м-стромъ вн. дѣлъ, а остальные выборные должностныя лица по земству — губернаторомъ. Утвержденіе или неутвержденіе представлялось дискреціонной власти губернатора и обжалованіе его было безцѣльно. Но разъ допущенныхъ къ занятію должностей, на которыя они были избраны, земцевъ губернаторъ смѣнить уже не могъ. Въ случаѣ неутвержденія первыхъ выборовъ, назначалъ вторые. Въ случаѣ неутвержденія и этихъ выборовъ предсѣдателемъ и членами управы назначались лица, избранныя правительствомъ, но это была уже мѣра крайняя и одинаково непріятная, какъ для земства, такъ и для власти».

«Нужно отдать полную справедливость земству, что оно работало очень хорошо, повышая и улучшая экономическую жизнь губерніи. Тѣмъ не менѣе между губернаторомъ и земствомъ происходили тренія. Происходили они потому, что земства, не ограничиваясь хозяйственной дѣятельностью, постоянно домогались и политическихъ правъ — участія въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ, что выходило изъ круга ихъ правъ, очертанныхъ закономъ. Осуществлялась эта тенденція постановленіями земскихъ собраній. Всѣ постановленія представлялись губернатору и онъ имѣлъ право въ теченіе опредѣленнаго срока ихъ не пропустить. Возникали недоразумѣнія и вслѣдствіе расширенія земствомъ своихъ смѣтъ и тѣмъ самымъ обложенія населенія. Къ повышенію смѣтъ былъ закономъ положенъ извѣстный процентъ, который земствами всегда переходился, что особенно старался недопускать Витте. Впрочемъ, въ послѣдніе годы, правительство махнуло на это рукой и земскія смѣты разбухали до необычайныхъ размѣровъ».

Самымъ острымъ вопросомъ въ земской жизни являлся такъ называемый «третій элементъ», [1] т. е. лица служащіе въ земствѣ по найму. Большинство «третьяго элемента» принадлежало къ радикально мыслящимъ кругамъ, многіе были сосланы изъ столицъ и другихъ губерній и, будучи нерѣдко образованнѣе своихъ хозяевъ-земцевъ, захватывали въ земствѣ подавляющее вліяніе. Губернаторъ имѣлъ право не допустить тѣхъ или иныхъ лицъ къ занятію должностей по земскому самоуправленію. На такой отводъ, по сообщенію ему надлежащаго представленія, губернатору предоставлялся двухнедѣльный срокъ.

[1]) Наименованіе «третій элементъ» было пущено въ обращеніе въ подражаніе «третьему сословію» французской раволюціи 1789 г., хотя это не одно и то-же.

Тутъ складывалось довольно курьезное положеніе. За двѣ недѣли собрать свѣдѣнія о представленномъ кандидатѣ, служившемъ иногда передъ тѣмъ по земству въ нѣсколькихъ губерніяхъ, было невозможно. И вотъ, если между губернаторомъ и предсѣдателемъ земской управы были хорошія отношенія, то установленный закономъ срокъ растягивался до предѣловъ необходимости. Если же отношенія были дурныя, то по миновaніи двухъ недѣль губенраторъ отвѣчалъ отказомъ въ огражденіе себя въ допущеніи на земскую службу несоотвѣтствующаго лица, а послѣ того оказывалось, что ничего дурного о представленномъ лицѣ не выяснилось. Входя въ положеніе, какъ лица, которому несправедливо было отказано, такъ и земства, лишающагося полезнаго работника, губернаторъ совѣтовалъ войти къ нему о томъ-же кандидатѣ съ новымъ представленіемъ и тогда желаемое земству лицо допускалъ на службу. Этотъ-то пріемъ, идущій, казалось бы въ порядкѣ благожелательности на встрѣчу земству, создавалъ нерѣдко легенду о самодурствѣ губернаторовъ, которые сегодня говорятъ одно, а завтра другое. Вообще вопросъ о допущеніи на земскую службу третьяго элемента представлялся весьма непріятнымъ. Въ Костромской губерніи изъ представленныхъ кандидатовъ буквально не было ни одного, сколько нибудь не скомпрометированнаго политически. Если бы ихъ не пропускать, то земство осталось бы безъ служащихъ.

Приходилось требовать не абсолютной политической благонадежности, а выбирать по степени неблагонадежности. Кромѣ того, третій элементъ былъ настолько сплоченъ, что и не допустилъ бы въ свою среду лицъ, инако мыслящихъ: въ этой «земской бюрократіи» всѣ были «лѣвые».

Политическія тенденціи проявлялись гораздо ярче въ губерскомъ земствѣ, чѣмъ въ уѣздныхъ, гдѣ выборный и наемный составъ ближе были озабочены хозяйственной стороной своей дѣятельности. Въ особенности вредную политику разводили земскіе статистики. При всемъ томъ, считаю себя обязаннымъ заявить, что третій элементъ, въ непосредственныхъ своихъ функціяхъ, работалъ въ высшей степени добросовѣстно и толково. Въ особенности на идеальной почти высотѣ стояли земскіе врачи. Однако долженъ отмѣтить, что трудъ третьяго элемента, о безкорыстіи котораго столько говорилось, оплачивался значительно выше труда соотвѣтствующихъ лицъ на государственной службѣ».

«Отдавъ должное земскимъ служащимъ, утверждаю, что политическая ихъ дѣятельность была въ подавляющей массѣ крайне вредна и сѣя добрыя хозяйственныя сѣмена, они съ другой стороны систематически возстанавливали народъ про-

тивъ власти и подготовляли психику народныхъ массъ къ революціи, возникновенію которой наша Родина въ значительной степени имъ обязана. Готовъ вѣрить, что многіе изъ нихъ искренно вѣрили въ благо революціи, очень и очень многіе — первые изъ-за нея пострадали, но они въ ней повинны. Не безъ грѣха и многіе земцы, поддерживавшіе третій элементъ и становившіеся принципіально въ оппозицію къ той самой власти, которая не останавливалась ни передъ какими жертвами на пользу земскаго хозяйства».

Очень много сдѣлало земство для народнаго образованія. Какъ извѣстно, по утвержденному Государемъ въ 1908 г. закону — оно должно уже было стать всеобщимъ не позже 1922 года...

Городское самоуправленіе въ провинціи въ общемъ работало слабѣе земскаго. Элементы его были сѣрѣе и городское хозяйство, стоившее вообще дорого, не всегда было на высотѣ. За то въ столицахъ оно было поставлено богато и широко и въ особенности въ Москвѣ.

Контрольнымъ учрежденіемъ надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ было Присутствіе по земскимъ и городскимъ дѣламъ. Возглавляемое губернаторомъ, оно состояло изъ чиновниковъ и членовъ отъ самоуправленій. Составъ этотъ былъ такъ уравновѣшенъ, что губернаторъ могъ и не всегда быть въ большинствѣ и потому работа его въ этомъ учрежденіи требовала большой осторожности и такта. Такимъ образомъ во всѣхъ губерніяхъ *сельское и городское населеніе находилось подъ политическимъ вліяніемъ* «третьяго элемента» лѣваго и революціоннаго направленія. Надо удивляться стойкости народа, который такъ рѣдко бунтовалъ...»

Такъ характеризуетъ земство бывшій губернаторъ, близко съ нимъ ознакомившійся въ двухъ великороссійскихъ губерніяхъ. Бессарабецъ А. Н. Крупенскій дополняетъ заключенія П. П. Стремоухова интереснѣйшимъ очеркомъ прошлаго русскаго земства, его роли въ исторической жизни Россіи и высказываетъ основательныя предположенія объ его будущемъ:

Кто знакомъ съ дореформенными порядками начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и кто интересовался архивными матеріалами по денежнымъ смѣтамъ на школьныя, агрономическія, медицинскія и дорожныя расходованія казны въ тѣ времена, могутъ удостовѣрить, что всѣ эти расходы были ничтожны.

Расходы по развитію сельскаго хозяйства и улучшенію путей сообщенія не существовали почти вовсе. Для обезпеченія народнаго здравія въ каждомъ уѣздномъ городѣ существовало лишь по одному уѣздному врачу. Народныхъ школъ было по

одной на каждыя 25-30 селеній; больницы же самаго примитивнаго характера существовали только въ губернскихъ городахъ. Также точно среднія учебныя заведенія, да и то не всегда, имѣлись по одному на губернію.

Такимъ образомъ, дѣятельности вводимыхъ Императоромъ Александромъ II земскихъ учрежденій открывалась широкая, почти дѣвственная почва.

Впервые, осуществлявшіе реформу, неопытные еще руководители, въ лицѣ земскихъ управъ, и совершенно несвѣдующіе избранники населенія, въ лицѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ, понимали всю лежавшую на нихъ отвѣтственность и приступали къ этому жизненному дѣлу съ чрезвычайной осторожностью, шли ощупью и тратили общественныя деньги, лишь будучи вполнѣ увѣрены, что деньги эти пойдутъ на дѣйствительную пользу населенія.

Постановленія земскихъ собраній перваго десятилѣтія указываютъ, что дѣды и отцы наши были проникнуты той здравой государственной идеей, которой именно руководился Законодатель, и добросовѣстно преслѣдовали исключительно экономическую пользу своихъ мѣстностей, въ тѣсной связи съ задачами культурнаго развитія населенія.

Хозяйственная земская машина постепенно налаживалась, колеса ея работали все болѣе исправно и весь механизмъ развивался, осложнялся и требовалъ новыхъ силъ и новыхъ средствъ. И средства эти охотно давались населеніемъ, постепенно убѣждавшимся въ выгодахъ и пользѣ, приносимыхъ дѣятельностью этихъ жизненныхъ учрежденій.

Правительственные органы и губернское начальство, имѣвшіе право контроля, вначалѣ также были довольны дѣятельностью самоуправленій, облегчавшихъ задачи по управленію. Въ общемъ, первыя два десятилѣтія своего существованія земская работа текла въ гармоніи съ государственной.

Постепенно, однако, старые дѣятели и работники смѣнялись молодыми поколѣніями, болѣе образованными, но и болѣе оторванными отъ народа. Свойственный молодости, отвлеченный либерализмъ, нерѣдко исковерканный на университетскихъ скамьяхъ, сталъ все болѣе и болѣе сказываться. Съ земскихъ трибунъ начали раздаваться рѣчи, имѣвшія весьма отдаленное отношеніе къ хозяйственнымъ интересамъ и экономической жизни своей мѣстности, и развивавшія идеологическіе, соціалистическіе и политическіе тезисы.

Нездоровыя сѣмена давали ростки, и количество земскихъ гласныхъ, не понимавшихъ вреда, приносимаго общему земскому дѣлу этими новыми либеральными вѣяніями, все увеличивалось.

Постепенно во многихъ губерніяхъ большинство перешло въ руки этихъ либеральныхъ, въ сущности демагогическихъ, элементовъ. Въ остальныхъ земствахъ уравновѣшенному и благоразумному большинству приходилось усиленно бороться, чтобы удержать дѣятельность земства въ рамкахъ не только закона, но и здраваго смысла.

Публичность засѣданій возбуждала желаніе блеснуть ораторскимъ талантомъ и понравиться «публикѣ» широтой взглядовъ. «Передовые» элементы считали себя носителями и апостолами европейской культуры. Консервативные же земскіе гласные объявлялись прогрессивной прессой мракобѣсами, ретроградами и крѣпостниками.

Вопросы хозяйственные и экономическіе, наиболѣе важные и существенные для прямыхъ интересовъ населенія, постепенно отходили на второй, даже на третій планъ и разрѣшались въ качествѣ, такъ называемой, земской вермишели. На первое же мѣсто выступали доклады политическаго характера.

Достигавшіе весьма крупныхъ размѣровъ земскіе бюджеты требовали тщательнаго контроля расходуемыхъ суммъ и бухгалтерскихъ познаній со стороны членовъ ревизіонныхъ комиссій. Но скучная и часто утомительная работа по ревизіи денежной отчетности и расходованія суммъ въ соотвѣтствіи съ постановленіями земскихъ собраній, рѣдко находила компетентныхъ охотниковъ и, вслѣдствіе этого, растраты и хищенія со стороны служебнаго персонала, а нерѣдко и со стороны членовъ земскихъ управъ, становились все чаще и чаще.

Въ большинствѣ случаевъ злоупотребленія эти не доходили до суда и, во избѣжаніе огласки и «скандала», разрѣшались домашнимъ, келейнымъ образомъ и всякими способами затирались. Страдалъ карманъ населенія, и, что гораздо важнѣе, — поощрялись хищническіе аппетиты нечестныхъ людей, знавшихъ по предшествовавшимъ примѣрамъ, что въ крайнемъ случаѣ, они рискуютъ лишь потерей мѣста, да и то часто лишь временной.

Мѣстная администрація, если и узнавала о злоупотребленіяхъ, то почти всегда закрывала глаза, такъ какъ считала это внутреннимъ дѣломъ земства, находившимся внѣ круга прямыхъ обязанностей мѣстныхъ органовъ правительства. Дѣло предсѣдателя Тульской Земской Управы, князя Г. Е. Львова, даетъ этому характерный примѣръ: обнаруженіе денежныхъ недочетовъ на сотни тысячъ рублей было скрыто и будущій глава временнаго правительства ускользнулъ отъ суда.

Составъ земскихъ вольно-наемныхъ служащихъ, количество которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, не имѣя никакихъ корней въ мѣстномъ населеніи, со своей стороны,

въ значительной степени содѣйствовалъ распространенію идей, чуждыхъ и вредныхъ интересамъ земствъ. Во многихъ земствахъ, вопреки смыслу и буквѣ закона, были образованы особые «совѣты спеціалистовъ», напримѣръ, по медицинскому отдѣлу, которые пользовались правомъ рѣшающаго голоса по важнѣйшимъ мѣропріятіямъ. Отвѣтственность же за проведеніе этихъ мѣропріятій, всегда связанныхъ съ немалыми денежными затратами, теоретически лежала на земскихъ управахъ, въ дѣйствительности же висѣла въ воздухѣ, т. е. фактически отсутствовала.

Во всѣхъ областяхъ земской жизни психозъ своеволія, беззаконія и безнаказанности постепенно захватывалъ все большій кругъ земцевъ и земскихъ служащихъ.

Напитавшіеся на школьныхъ скамьяхъ радикальнымъ доктринерствомъ, наши земскіе говоруны мнили себя какими-то Мирабо и совершенно не предвидѣли послѣдствій своей словесной разнузданности.

Земскіе бюджеты съ каждымъ годомъ увеличивались и зачастую достигали непосильныхъ для населенія размѣровъ. Отдѣлы агрономическіе, санитарные, статистическіе и другіе поглощали крупныя суммы и кормили громадное число вольнонаемныхъ и вольнонастроенныхъ служащихъ, но польза, приносимая этими отдѣлами, далеко не соотвѣтствовала сдѣланнымъ на нихъ денежнымъ затратамъ; частью же результатъ дѣятельности такихъ отдѣловъ былъ прямо отрицательный. Такимъ образомъ, средства земскихъ плательщиковъ часто шли либо на малополезную, либо на вредную работу.

Введенный впослѣдствіи законъ о предѣльности размѣра земскаго обложенія остался мертвой буквой. Мѣстная администрація, обязанная контролировать постановленія земскихъ собраній и останавливать проведеніе въ жизнь незаконныхъ и явно вредныхъ постановленій, какъ общее правило, не вмѣшивалась и только въ рѣдкихъ случаяхъ возникали конфликты.

Къ сожалѣнію, Центральная Власть также попустительно смотрѣла на явныя нарушенія закона земствами и также безмолвствовала.

Апогей беззаконія былъ достигнутъ земскими и городскими самоуправленіями въ 1904 и 1905 годахъ.

Земское Положеніе ясно гласило, что предметомъ вѣдомства земства являются исключительно мѣстныя пользы и нужды данной губерніи или уѣзда и что, слѣдовательно, соглашенія, тѣмъ болѣе союзы разныхъ губернскихъ земствъ закономъ не допускаются.

Тѣмъ не менѣе, пользуясь неустойчивостью и слабостью надзора со стороны Правительства, либеральные земцы, въ

лицѣ предсѣдателей и членовъ губернскихъ земскихъ управъ, рѣшили собрать въ 1904 г. общеземскій и общегородской Съѣздъ въ Москвѣ для обсужденія общаго государственнаго положенія и предъявленія незаконныхъ требованій Правительству и даже Верховной Власти.

По этому поводу на разсмотрѣніе Губернскихъ Земскихъ Собраній и Городскихъ Думъ были внесены особые доклады и огромное большинство земствъ и городовъ избрали изъ своей среды представителей, уполномоченныхъ участвовать на извѣстномъ незаконномъ и противоправительственномъ Московскомъ Съѣздѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда Губернскія Земскія Собранія, движимыя чувствомъ законности и благоразумія, не соглашались одобрить идею всеобщаго Земскаго Съѣзда и не избирали своихъ представителей, предсѣдатели Управъ и отдѣльные «передовые» земцы все же самозванно и самочинно принимали участіе въ этихъ Съѣздахъ.

Въ 1905 г. выработана была программа требованій, изложенная въ серіи пунктовъ.

Собравшіеся земцы требовали введенія конституціи и парламентскаго строя, отвѣтственнаго предъ парламентомъ и назначаемаго по указкѣ парламента правительства, установленія всеобщихъ выборовъ по пресловутой четырехвосткѣ и тому подобное.

Правительство, въ то время возглавляемое либеральствующимъ и искавшимъ популярности кн. Святополкъ-Мирскимъ, не только бездѣйствовало, но, въ лицѣ своего руководителя, находилось съ разрушителями государственныхъ устоевъ въ тѣсныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ.

Князь Святополкъ-Мирскій пытался даже добиться у Государя пріема депутаціи отъ противузаконно собравшихся и вынесшихъ противузаконныя и дерзновенныя постановленія земскихъ дѣятелей... Но Государь Императоръ отказался принять мятежную депутацію.

Пользуясь затрудненіями, вызванными затянувшейся, по винѣ внутренняго броженія, японской войной и слабостью правительства, мятежная «общественность» использовала тяжелыя обстоятельства Родины и своими выступленіями, всемѣрно поддержанными іудействомъ и либеральной прессой, упорно расшатывала основные устои Государства.

Къ счастью сознаніе военнымъ сословіемъ своего патріотическаго долга и вѣрность его своему Государю спасли тогда Россію отъ ужасовъ революціи, которая разыгралась лишь 12 лѣтъ позже.

Впрочемъ вынужденное превращеніе законосовѣщательной (Булыгинской) Государственной Думы въ законодательную

(Виттевскую) явилось опаснымъ залогомъ дальнѣйшихъ революціонныхъ успѣховъ, ибо съ той поры врагамъ государства дана была полная возможность вести правильную и постоянную осаду Правительства и открыто бороться противъ національной Верховной Власти...

Кафедра Государственной Думы была признана и использована какъ всероссійскій рупоръ революціонныхъ устремленій. Даже принципіальные противники «буржуазной» 3-й Іюньской Государственной Думы — соціалисты-большевики, съ Ленинымъ во главѣ, настаивали на томъ, чтобы ихъ партія приняла участіе въ выборахъ въ 4-ю Государственную Думу.

Реформа 3 іюня 1907 года наполнила Государственную Думу преимущественно земскимъ элементомъ, и потому естественно руководящее значеніе въ 3-й и 4-й Госуд. Думахъ попало въ руки земскихъ главарей: Гучкова, Родзянки, Щепкина, Коваревскаго, Шидловскаго, Шингарева, Кокошкина, Ефремова, Демидова и другихъ. Партія октябристовъ (либераловъ) и ка-дэковъ (радикаловъ), вмѣстѣ съ примыкавшими къ нимъ, составили рѣшающее большинство Гос. Думы.

Изъ этого большинства выявился впослѣдствіи пресловутый «прогрессивный блокъ», который использовалъ чрезвычайныя обстоятельства войны 1914-1917 г. для того, чтобы, при помощи части министровъ и военачальниковъ, измѣнившихъ присягѣ, взбунтовать и направить противъ Верховной Власти не только уставшій отъ войны Народъ, но и тыловыя части Арміи.

Въ этомъ преступномъ дѣлѣ большинство земскихъ и городскихъ самоуправленій оказались выполнителями гибельныхъ заданій, шедшихъ изъ Государственной Думы.

Организаціи Земсоюза, Земгора, Торгово-промышленныхъ Комитетовъ и Союза были допущены Правительствомъ въ патріотическомъ довѣріи къ этимъ «выразителямъ здоровой общественности». Правительство надѣялось, что земцы помогутъ въ дѣлѣ обороны Россіи отъ внѣшняго врага. Въ этомъ глубоко ошибочномъ довѣріи Правительство передало въ руки Земсоюза, Земгора и Торгово-промышленнаго Союза сотни милліоновъ казенныхъ рублей для изготовленія снаряженія и снабженія войскъ.

Увы, только часть этихъ средствъ пошла по прямому назначенію, а громадныя суммы были истрачены на содержаніе сотенъ тысячъ «земгусаровъ» и всевозможныхъ тыловыхъ тунеядцевъ, которые были освобождены отъ опасностей фронта лишь для того, что сѣять въ Арміи и Народѣ сѣмена смуты, разложенія дисциплины и черной измѣны.

Революція оказалась финансированной на казенный счетъ.

Злая работа дала злой плодъ — погибла Монархія, вмѣстѣ съ Монархіей погибла и Россія...

Теперь, послѣ всего пережитаго, послѣ всѣхъ испытаній и бѣдствій, идея земскаго и городскаго самоуправленія существенно пострадала, и много, очень много весьма почтенныхъ людей нынѣ сдѣлались противниками самой идеи земскаго самоуправленія, усматривая въ немъ лишь подрывъ сильной власти столь необходимой для процвѣтанія великаго Государства.

Съ подобнымъ мнѣніемъ мы не согласны.

Будучи близко знакомы съ дѣятельностью земствъ и всѣмъ полезнымъ, что ими было сдѣлано, мы увѣрены въ полной совмѣстимости земскаго самоуправленія со строемъ Самодержавной Монархіи.

Земскія затраты матеріальныхъ и духовныхъ силъ, а часто и жертвенность отдѣльныхъ земскихъ группъ конечно увѣнчались бы значительно большимъ успѣхомъ и дали бы гораздо лучшіе результаты, если бы, къ сожалѣнію, не пагубное увлеченіе политиканствомъ, которымъ было заражено большинство земскихъ руководителей.

Всякое учрежденіе можетъ дѣйствовать съ пользой только оставаясь въ границахъ законности. Беззаконіе и произволъ никогда къ добру не поведутъ. Поэтому государственный контроль за дѣятельностью земскихъ учрежденій нуженъ неукоснительный и постоянный. Только при строгомъ соблюденіи этого условія, мы являемся защитниками земскаго и городскаго самоуправленій и не видимъ въ ихъ существованіи не только какой-либо опасности, но прямую и существенную пользу для населенія. Подобное самоуправленіе неминуемо явится полезнымъ помощникомъ правительства въ дѣлѣ государственнаго управленія и могучимъ побудителемъ къ развитію благосостоянія Русскаго Народа.

Приходится однако задуматься надъ вопросомъ: найдутся ли теперь въ Россіи послѣ произведеннаго соціальнаго переворота и истребленія культурныхъ слоевъ населенія тѣ живые элементы, изъ которыхъ могло бы быть возстановлено здоровое и полезное для Государства земское самоуправленіе?

По нашему мнѣнію, подобные элементы могутъ быть представлены только цензовыми собственниками, т. е. людьми владѣющими въ данной мѣстности опредѣленнымъ минимумомъ прочной собственности и тѣмъ лично заинтересованными въ благосостояніи своего края.

До тѣхъ поръ, пока мѣстная жизнь не придетъ въ нѣкоторый порядокъ, пока не выявятся на мѣстахъ въ достаточномъ числѣ осѣдлые хозяева и убѣжденные сторонники государственнаго

строя — до тѣхъ поръ конечно нельзя будетъ возстановить земскаго самоуправленія [1]).

Первые шаги земства, по воспоминаніямъ его участниковъ [2]), были озарены «незакатнымъ свѣтомъ» истинной независимости, самодѣятельности, равноправія. Избирательная система не знала сословныхъ перегородокъ. Видный московскій земецъ Н. Н. Хмѣлевъ вспоминаетъ заслуги перваго предсѣдателя Московской губ. Земской Управы Д. А. Наумова (съ 1865 г. по 1891 г. былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ) и особо отмѣчаетъ 1890 годы, когда земскія собранія протекали необычайно живо, отличались блестящими рѣчами, широкимъ и идейнымъ освѣщеніемъ земскаго дѣла, благодаря участію въ собраніяхъ выдающихся дѣятелей: С. А. Муромцева, кн. А. С. Щербатова, кн. А. А. Ливенъ, А. П. Щепкина, Д. Н. Шипова и др. «Оппозиціонныя заслуги» земства и участіе его въ освободительномъ движеніи вспоминаютъ тульскій земецъ (землевладѣлецъ Одоевскаго уѣзда) кн. А. С. Крапоткинъ и калужскій земскій гласный (освобожденецъ) В. П. Обнинскій [3]).

Кн. А. С. Кропоткинъ пишетъ: «Мой отецъ былъ гласнымъ первыхъ земскихъ собраній—уѣзднаго одоевскаго и губернскаго тульскаго — свято всю жизнь хранилъ завѣты 1860 годовъ.

«Въ квартирѣ моего отца въ концѣ 1870 годовъ происходилъ первый съѣздъ «земцевъ-конституціоналистовъ».

Подчеркнувъ эти «освободительныя» заслуги своего отца, либеральный кн. А. С. Крапоткинъ перечисляетъ имена тульскихъ земцевъ, донесшихъ до новыхъ поколѣній непотраченное пламя земской идеи: Р. А. Писарева, кн. Мыщецкаго, Л. В. Любенкова, кн. М. Р. Долгорукаго и др., и далѣе изливаетъ свою гражданскую скорбь... по случаю 50-лѣтія земства... «Въ 1913 г. я избранъ въ гласные московскаго губ. земства. Здѣсь мнѣ пришлось убѣдиться, что несмотря на всѣ терніи земской

---

[1]) А. Крупенскій: «Русское Земство». «Двуглавый Орелъ», № 3, въ 1927 г.

[2]) Выдержки изъ характерныхъ статей, посвященныхъ 50-лѣтію земства, напечатанныхъ въ № 1, иллюстрированнаго журнала «Заря», отъ 1 января 1914 г., издававшагося Сытинымъ въ Москвѣ.

[3]) Калужскій дворянинъ Обнинскій былъ составителемъ извѣстной пасквильной книги «Послѣдній Самодержецъ» и авторомъ наиболѣе оскорбительныхъ, лживыхъ ея страницъ. Это дорого стоившее революціонное изданіе формата роскошныхъ альбомовъ, со множествомъ фотографій, было въ 1908 г. напечатано за-границей на средства «Союза Освобожденія», въ которомъ Обнинскій былъ виднымъ участникомъ. Видное участіе въ изданіи принималъ извѣстный дѣятель ка-дэкской партіи кн. Бебутовъ, одно время состоявшій также и «секретнымъ освѣдомителемъ» Департамента Полиціи.

жизни, истинные земскіе идеалы не остаются безъ стойкихъ преданныхъ защитниковъ».

«Правда, этимъ идеаламъ все труднѣе получать осуществленіе въ жизни. При тяжелыхъ условіяхъ земской работы приближается знаменательная дата 50-лѣтія земства, но свѣтъ не погасъ».

Въ чемъ заключались эти «тяжелыя условія» и какого рода земскую работу «стѣсняло» правительство — высказалъ болѣе откровенно калужскій земецъ В. П. Обнинскій:

«Оживленіе въ дѣятельности земствъ совпадаетъ съ началомъ нынѣшняго (XX) столѣтія».

Одновременно съ стремленіемъ расширить школьныя сѣти, насаждать агрономическую помощь, поощрять артели и кредитное дѣло, земства, особливо губернскія, начинаютъ вводить въ свою работу тѣ общія положенія *соціально-политическаго* характера, которыя вскорѣ получили детальное освѣщеніе въ «Союзѣ Освобожденія», на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей (1904-1905 г. г.) и, наконецъ, въ извѣстномъ адресѣ I-й Государственной Думы.

«Мнѣ казалось, что именно эта новая черта въ земской дѣятельности способствовала сближенію земства съ крестьянствомъ, ранѣе относившимся къ дѣятельности земства немного лучше, нежели къ чиновникамъ. Я до сихъ поръ не забылъ старанія бывшаго калужскаго губернатора Офросимова подавить движеніе въ нашемъ губ. земствѣ, а также безсильное и злобное удивленіе новаго м-ра внутр. дѣлъ П. Н. Дурново (1905 г.), когда онъ, готовясь къ выборамъ въ Первую Гос. Думу, отовсюду получалъ извѣстія о безнадежности не только черносотенныхъ, но и октябристскихъ кандидатовъ».

Отношенія крестьянъ къ земству характеризовалъ бывшій членъ I-й Государственной Думы отъ г. Владиміра, земецъ Ковровскаго уѣзда Н. М. Іорданскій: «Какъ относились крестьяне къ земству? Нельзя сказать, чтобы особенно дружелюбно, не наблюдается и какое-либо особено довѣрчивое отношеніе... Когда организовался комитетъ о нуждахъ сельскаго хозяйства [1]) (902 г.) земцы рѣшили устраивать засѣданія по селамъ. Оказалось, что крестьянъ больше всего интересуютъ вопросы о податяхъ, о всемъ, относящемся къ благосостоянію крестьянина... Когда участники засѣданій экономическаго совѣта ѣздили по селамъ, то намъ пришлось въ с. Алексинѣ встрѣтиться съ недружелюбнымъ отношеніемъ крестьянъ къ

[1]) Это было въ эпоху затѣянныхъ Витте въ 1901 г. «сельско-хозяйственныхъ совѣщаній».

земству. Начались жалобы на непомѣрно высокія подати [1]), на то, что въ книгахъ записываются не тѣ цифры, какія слѣдовало.

Земцы доказали свою правоту, но это не помогло. Возбужденіе и недовѣріе росло и къ концу вылилось въ совсѣмъ неприятную для земскихъ дѣятелей форму. Земцы уѣхали, а черносотенная пресса вызванивала, что крестьяне собирались бить земскихъ дѣятелей и т. д.».

Юбилейныя воспоминанія о революціонно-освободительныхъ заслугахъ «третьяго элемента» напечаталъ полтавскій земскій статистикъ Ю. А. Бунинъ.

Въ легальномъ иллюстрированномъ журналѣ «Заря» онъ весьма развязно расшифровалъ истинную сущность противоправительственной и бунтарской работы пресловутаго «третьяго элемента» — праздновавшаго и свое пятидесятилѣтіе.

«Я состоялъ статистикомъ Полтавскаго губ. земства и былъ завѣдующимъ статистическимъ бюро. При мнѣ было введено новое земское положеніе (1890 г.). Хотя составъ гласныхъ былъ далеко не изъ прогрессивныхъ, но все же земская жизнь развивалась, особенно послѣ голода и холеры 1891-1892 г. г. Тогда по всей Россіи начала подниматься волна общественнаго настроенія. Мы, представители «третьяго элемента» — съ особой энергіей старались проводить земскую работу въ духѣ народническихъ идеаловъ, которымъ большинство изъ насъ служило въ молодости».

«Въ тѣ годы не только земская, но и почти вся общественная жизнь Полтавы направлялась земскимъ «третьимъ элементомъ».

«Въ теченіе 1894-1895 г. г., какъ это ни странно покажется, въ нашихъ рукахъ были «Полтавскія губернскія вѣдомости» [2]), которыя мы вели въ очень прогрессивномъ духѣ... Идейная жизнь была также полна интереса: въ Полтавѣ жили видные «Толстовцы»» (Фейнерманъ, бр. Алехины и др.) и получало широкое распространеніе *марксистское направленіе*. Вмѣстѣ съ тѣмъ росло и крѣпло «украинофильство», полтавскіе украинцы завели сношенія со многими мѣстностями и съ Галиціей. Другой — «третье-элементецъ» В. Н. Сторожевъ заканчиваетъ въ «Зарѣ» юбилейный очеркъ земства такими характерными общими фразами: «Исторія русскаго мѣстнаго самоуправленія представляетъ рядъ цѣнныхъ наблюденій, на основаніи которыхъ возможно установить поучительные для соціологической науки факты... Въ столь серьезный и критическій моментъ, который нынѣ переживаетъ русская нація, нужны не дифи-

[1]) Мѣстные налоги, вводившіеся земствомъ, чѣмъ всегда были недовольны крестьяне, за что и Витте особенно не любилъ земство.

[2]) Оффиціальный губернскій органъ, которымъ вѣдалъ обыкновенно вице-губернаторъ.

рамбы и не порицанія, а серьезный трезвый взглядъ на нашу современную дѣйствительность».

«Сложна она, очень трудно въ ней разбираться, но въ ней на лицо уже ростки *представительнаго земства*, а разъ есть ростки, то будетъ и стволъ и плоды, независимо отъ порицаній и дифирамбовъ. Въ своемъ историческомъ прошломъ русская нація всегда достигала того, чего хотѣла...».

Такъ въ посвященномъ 50-лѣтію земствъ, № 1, за 1914 г., имѣвшей большое распространеніе сытинской «Зари», украшенномъ портретомъ Царя-Освободителя — передовые земцы и ихъ сотрудники изъ «третьяго элемента» выявляли настроенія «оппозиціонной» земской интеллигенціи въ тѣ самые дни, когда представители всѣхъ губернскихъ земствъ принимали участіе въ оффиціальныхъ празднествахъ земскаго юбилея, приносили вѣрноподданническія поздравленія Государю и произносили иныя — патріотическія рѣчи въ С.-Петербургѣ.

Празднованія полувѣковаго юбилея земства начались панихидою въ Петропавловскомъ соборѣ по Императорамъ Александрѣ II и Александрѣ III, на которой присутствоали министры и депутаціи отъ земскихъ самоуправленій. Земцами были возложены вѣнки: изъ живыхъ цвѣтовъ на гробницу Александра III, а на гробницу Александра II — серебряный вѣнокъ съ надписью: «Благодарная земская Россія 1864-1914».

8 января состоялся юбилейный пріемъ Государемъ Николаемъ II губернскихъ земскихъ депутацій въ залахъ Зимняго Дворца. При входѣ Государя старѣйшіе представители земства держали хлѣбъ-соль, а предсѣдатель Московской губ. земской управы, камеръ-юнкеръ Ф. В. Шлиппе, обратился къ Государю съ привѣтственною рѣчью. Принявъ хлѣбъ-соль Государь обходилъ представителей земствъ, удостоивая милостивыми вопросами. Губернскіе предводители дворянства представляли земскихъ дѣятелей своихъ губерній. Обходъ продолжался полтора часа: по окончаніи его Государь осмотрѣлъ подношеніе земства наслѣднику-цесаревичу: модель русской деревни, исполненную четырьмя рабочими-кустарями, которые находились около модели.

Затѣмъ Государь обратился къ представителямъ земства съ рѣчью, въ которой поблагодаривъ ихъ за хлѣбъ-соль и выраженныя чувства, сказалъ: «Я выражаю твердую увѣренность, что всякая земская работа въ тѣсномъ единеніи съ моимъ правительствомъ будетъ проникнута и воодушевлена безграничною заботой о безчисленныхъ мѣстныхъ нуждахъ населенія и объ его благѣ».

«Разумное удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ является залогомъ развитія и подъема благосостоянія всего государства».

«Духовному взору моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, счастливая любовью своихъ благодарныхъ сыновъ и гордая беззавѣтною преданностью ихъ Нашему Престолу».

Мощное «ура» вырвалось изъ устъ земцевъ и раскатывалось по залу, пока Государь не вошелъ во внутренніе покои.

Представителямъ земствъ предложенъ былъ завтракъ въ аванзалѣ. Предсѣдатель Московской Губ. Земской Управы Шлиппе, пожалованный въ камергеры, провозгласилъ здравицу за державнаго Хозяина Русской Земли и Августѣйшее Семейство и «ура» огласило залъ.

На пріемѣ было свыше 800 человѣкъ, отъ 5 до 7 земцевъ отъ губерніи. Раутъ 10 января въ стѣнахъ С.-Петербургскаго Дворянскаго Собранія завершилъ 50-лѣтній юбилей земства. Разослано было до 3.000 приглашеній. На царскомъ подъѣздѣ встрѣчали Государя: С.-Петербургскій и Московскій Губ. Предводители Дворянства и десять старѣйшихъ по времени избранія предсѣдателей управъ: Е. И. Яковлевъ, Ф. В. Шлиппе, А. М. Колгановъ, А. В. Кретовъ, К. И. Василенко, В. В. Карповъ, С. А. Петроль, Я. Т. Харченко, О. А. Лизогубъ и Н. Ф. Бѣляковъ [1]).

Въ 9½ часовъ прибылъ Государь, сопровождаемый великими князьями и свитой. Въ царской ложѣ Государя привѣтствовалъ старѣйшій предсѣдатель губ. земства Е. И. Яковлевъ. Государь принялъ хлѣбъ-соль. Оркестръ Лейбъ-Гв. Преображенскаго полка игралъ гимнъ и присутствовавшіе пѣли его. Гимнъ былъ повторенъ дважды.

Государь началъ обходъ многочисленныхъ земцевъ, съѣхавшихся на торжества въ столицу, разспрашивалъ предсѣдателей управъ и гласныхъ-крестьянъ. Обходъ продолжался болѣе двухъ часовъ.

Затѣмъ состоялся концертъ, во время котораго въ царской ложѣ находились предсѣдатели всѣхъ губ. собраній, т. е. губернскіе предводители дворянства.

Въ первомъ часу, одинъ изъ предсѣдателей управъ, г. Карцовъ — поднесъ Государю стопу съ шампанскимъ, а старѣйшій земецъ г. Петровъ со ступени царской ложи провозгласилъ здравицу Государю. Соединенные — хоръ Архангельскаго и оркестръ Преображенцевъ исполнили гимнъ. Государь изволилъ благодарить земство, поднявъ за него бокалъ. Снова долго несмолкаемое восторженное «ура!»... По отъѣздѣ Государя гостямъ былъ предложенъ ужинъ. Присутствовавшіе полу-

[1]) Бывшій предсѣдатель Симбирск. Губ. Земск. Упр., членъ Государственного Совѣта, камергеръ Н. Ф. Бѣляковъ, нынѣ проживающій въ Ниццѣ.

чили программу съ рисункомъ поднесенія хлѣба-соли Царю Михаилу Феодоровичу и подписью: «Царь-Батюшка, бьетъ тебѣ челомъ земщина русская...».

По случаю земскаго юбилея состоялось также большое юбилейное собраніе въ С.-Петербургской Уѣздн. Земской Управѣ, а 11 января — милюковско-винаверскіе «ка-деки» не преминули использовать съѣздъ въ агитаціонно-партійныхъ цѣляхъ. Всѣ представители земствъ, принадлежавшіе и сочувствовавшіе кадекской партіи и ветераны «освободительнаго движенія» были приглашены на иного характера юбилейное собраніе — въ залѣ зоновскаго скетинкъ-ринка, гдѣ уже царилъ земско-революціонный духъ «петрункевичей».

Либералы-эволюціонисты, радикалы-борьбисты и ихъ вождь: земскій «Ильичъ» — Петрункевичъ.

Истинно революціонное лицо этихъ мнимо «вѣрноподданныхъ» представителей земской «оппозиціи Его Величества» выявлялось всею дѣятельностью «конституціонно-демократической» партіи, возникшей въ 1905 г. изъ тайнаго «земскаго союза» и «союза освобожденія». Основоположникомъ этихъ «умѣренно» революціонныхъ «буржуазныхъ» организацій — съ давнихъ временъ, еще съ 1870 годовъ, былъ богатый черниговско-тверской помѣщикъ Иванъ Ильичъ Петрункевичъ.

Только со смертью этого вождя лѣвыхъ земцевъ-«полуреволюціонеровъ и полувѣрноподданныхъ», скончавшагося 87 лѣтъ, въ 1928 г., въ эмиграціи, его единомышленниками и послѣдователями напечатаны откровенныя признанія именно въ той скрытой революціонной работѣ извѣстной части старыхъ «земгорцевъ», которую издавна безрезультатно пресѣкало правительство.

Сами они тогда эту тайную разрушительную дѣятельность свою конечно всячески отрицали.

Только теперь, за истеченіемъ всѣхъ «сроковъ давности» эти антигосударственные дѣятели, пожинающіе зарубежомъ горькіе плоды ими же посѣяннаго — эти уцѣлѣвшіе соратники Петрункевича, — разсказываютъ о томъ, какъ горячія головы изъ земско-городской общественности полвѣка шли объ руку съ профессіональными революціонерами подпольщиками.

Этихъ «борьбистовъ», отрицающихъ нынѣ и борьбу, и вождей — цѣлыя сорокъ лѣтъ велъ ихъ вождь и «герой» — И. И. Петрункевичъ, земская революціонная дѣятельность котораго и его личность характеризуютъ все земское освободительное движеніе.

Это имя мало извѣстно современному молодому поколѣнію. Революція и гражданская война временно порвали связи, соединявшія настоящее съ прошлымъ, и многое изъ того, что было до 1917 года, забыто.

Въ послѣднюю четверть девятнадцатаго вѣка И. И. Петрункевича знали всѣ образованные люди, вся «общественность». Его яркая фигура сдѣлалась почти символической. Когда перечисляли земскихъ либераловъ, имя И. И. Петрункевича всегда произносилось первымъ. Популярность его среди всей лѣвой части русской общественности, независимо отъ раздѣлявшихъ ее мнѣній, была огромная. И столь же велика была ненависть къ нему въ консервативныхъ кругахъ [1]).

Иванъ Ильичъ родился въ 1842 году. Учился въ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ въ классической гимназіи, откуда поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, который окончилъ какъ разъ къ началу эпохи великихъ реформъ, когда освобожденная отъ крѣпостнаго права страна быстрыми шагами шла по пути культуры и прогресса.

Великія реформы Александра II насаждались въ Россіи не безъ борьбы. Крѣпостное право было уничтожено, но дворяне-крѣпостники представляли собой еще крупную общественную силу, съ которой либеральнымъ народолюцбамъ и даже правительству приходилось бороться. Поэтому шестидесятые годы создали поколѣніе не мечтателей-идеалистовъ, а «идеалистовъ-борцовъ» — въ значительной степени подъ вліяніемъ европейскихъ революціонныхъ движеній и «за-граничныхъ» соціалистическихъ ученій, популяризовавшихся русскими ежемѣсячниками и переводною литературой.

Одни ушли въ подполье и, воспринявъ соціалистическія идеи, повели въ народѣ тайную революціонную пропаганду съ цѣлью сверженія самодержавія, а затѣмъ вступили на путь террора. Другіе — противники террора и сложныхъ конспирацій, пытались организовать общественныя силы для открытыхъ выступленій съ тою-же цѣлью ограниченія царской власти. И. И. Петрункевичъ принадлежалъ ко второй категоріи этихъ борцовъ-идеалистовъ, но какъ всѣ будущіе ка-декскіе вожди — поддерживалъ отношенія и съ первыми[1]). Такимъ образомъ, много раньше «Ильича-Ленина» у земцевъ-радикаловъ былъ свой «Ильичъ» и съ такимъ-же непріятнымъ, отталкивающимъ лицомъ. Біографія его — лучшая иллюстрація «легально-революціонной» дѣятельности цѣлыхъ трехъ поколѣній рос-

---

[1]) Въ литературѣ и либеральномъ обществѣ, то было время «культурнаго развитія», т. е. усиленной пропаганды соціалистическихъ и революціонныхъ идей подъ видомъ простого «знанія» (Л. Тихоміровъ: «Воспоминанія»).

сійской либеральной и радикальной «общественности». Земская политическая оппозиція, подобно будущимъ эсъ-декамъ, также раскололась на своимъ земскихъ «либераловъ-меньшевиковъ» и на крайнихъ «радикаловъ-большевиковъ». Земскихъ «радикаловъ-большевиковъ» и возглавлялъ ихъ земскій «Ильичъ» — Петрункевичъ. И этотъ расколъ земцевъ произошелъ въ томъ-же 1903 г., когда на заграничномъ съѣздѣ эсъ-деки раскололись на большевиковъ и меньшевиковъ.

Имя это связано со всей долголѣтней борьбой «либеральнаго общества» за осуществленіе въ Россіи конституціонныхъ свободъ. Молодой человѣкъ съ блестящими способностями, широко образованный, богатый и съ большими связями, Иванъ Ильичъ Петрункевичъ могъ, конечно, сдѣлать блестящую служебную карьеру. Но его привлекаетъ не карьера, а тѣ дарованныя либеральнымъ Царемъ новыя учрежденія, гдѣ можно было свободно и по совѣсти служить своему народу. Достигнувъ гражданскаго совершеннолѣтія, онъ переѣзжаетъ изъ столицы въ свое имѣніе, въ Борзенскій уѣздъ, Черниговской губ., гдѣ въ 1868 г. избирается уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, а съ 1869 г. — мировымъ судьей. Послѣднюю должность онъ занималъ десять лѣтъ, послѣ чего былъ избранъ предсѣдателемъ мирового съѣзда: творилъ судъ «Именемъ Его Императорскаго Величества», развивая въ то-же время тайную анти-правительственную политическую дѣятельность.

Значеніе земскихъ учрежденій въ послѣднюю четверть девятнадцатаго вѣка, какъ мы уже указывали — было двоякое. Съ одной стороны, имѣя широкую компетенцію въ области мѣстнаго культурнаго строительства, земскія учрежденія, благодаря свободной инціативѣ и идеалистическимъ порывамъ мѣстныхъ дѣятелей совершенно перестроили провинціальную жизнь. Школы и больницы покрыли территорію земскихъ губерній. Лучшіе спеціалисты привлекались въ земства для постановки агрономическаго, ветеринарнаго, страхового дѣла и т. д.

Эта сравнительно свободная практическая работа, привлекала и лучшіе люди того времени шли работать въ земства по выборамъ или по вольному найму. Но, будучи учреждены Александромъ II для завѣдыванія дѣлами, касающимися лишь мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, многія земства вскорѣ-же стали стремиться сыграть въ исторіи Россіи и политическую роль. Извѣстная часть современниковъ земской реформы оцѣнивали ее, какъ первый переходный шагъ отъ самодержавнаго къ конституціонному строю. Они чаяли, какъ принято было выражаться эзоповскимъ языкомъ, — «увѣнчанія зданія». Однако, не только «увѣнчанія» не послѣдовало,

но вслѣдствіе революціонныхъ выступленій 1870-1880 г. г. правительство вынуждено было ограничить земству даже дарованныя первоначально права. И вотъ началась длительная политическая борьба, чаще всего въ видѣ «оппозиціи», выявляемой по всякому поводу.

И. И. Петрункевичъ превосходно зналъ практическое земское дѣло, выступалъ въ земскихъ собраніяхъ по всѣмъ вопросамъ земскаго хозяйства, направляя русло земской жизни въ соотвѣтствіи со своими либеральными и демократическими принципами. Но всероссійскую извѣстность онъ пріобрѣлъ, какъ борецъ за политическую свободу и какъ революціонный вождь земской политической оппозиціи. И. И. Петрункевичъ былъ убѣжденъ, что именно русскому земству суждено сыграть первенствующую роль въ дѣлѣ завоеванія политической свободы и гарантирующихъ ее конституціонныхъ учрежденій, и съ самаго начала своего вступленія въ ряды земскихъ гласныхъ повелъ организованную работу въ этомъ направленіи, т. е. къ ограниченію царскаго самодержавія. Эту первенствующую роль въ революціи «земскіе большевики» Петрункевичи успѣшно исполняли до смѣны ихъ настоящими большевиками въ октябрѣ 1917 года...

Извѣстно, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ существовалъ тайный кружокъ земскихъ либераловъ изъ гласныхъ разныхъ губерній. Кружокъ этотъ періодически устраивалъ съѣзды и совѣщанія, на которыхъ устанавливалась общая тактика борьбы съ правительствомъ, т. е. съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а болѣе всего — съ ближайшимъ его органомъ — губернаторомъ. Иниціаторомъ кружка и главнымъ его руководителемъ былъ И. И. Петрункевичъ. Въ этой борьбѣ земству оказывали поддержку и городскія самоуправленія столицъ и крупнѣйшихъ городовъ.

Гласный черниговскаго земства и предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, И. И. Петрункевичъ вмѣстѣ съ харьковскимъ городскимъ головой Гордѣенко сталъ во главѣ земскаго движенія для борьбы съ правительственной «реакціей» конца царствованія Императора Александра II. Борьба шла во имя расширенія правъ земства, но дѣйствительныя цѣли были шире.

Это было время обостренной революціонной борьбы партіи подпольщиковъ «народовольцевъ» путемъ убійствъ должностныхъ лицъ, не щадя и самаго Царя, — при чемъ эти убійства впервые получили широкую извѣстность въ Россіи подъ названіемъ «террористическихъ актовъ».

Либеральные земцы, сознавая, что терроръ приведетъ къ убійству Царя, и болѣе всего озабоченные, что послѣдующая за такимъ преступленіемъ реакція можетъ быть не только

ужасной, но и роковой «для дѣла свободы», рѣшили сдѣлать попытку добиться отъ правительства обѣщанія вернуться на путь либеральныхъ принциповъ 1861 г., хотя тогда какой-либо программы или самыхъ «принциповъ» (какъ, напримѣръ, позднѣе въ манифестѣ 17 октября 1905 г.) — вовсе объявлено не было.

Въ концѣ 1878 г. Александръ II въ Москвѣ, на пріемѣ представителей разныхъ сословій послѣ цѣлаго ряда покушеній на Государя, обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

«Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ въ утѣшеніе видѣть дорогое Отечество, постепенно развивающееся мирнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и мнѣ».

На этотъ царскій призывъ къ обществу послѣдовалъ отвѣтъ со стороны ряда губернскихъ земскихъ собраній (Черниговскаго, Тверскаго, Харьковскаго, Полтавскаго и Самарскаго), гдѣ состояли гласными члены земскаго кружка Петрункевича, отвѣтъ тѣмъ болѣе неожиданный, что никакого отвѣта и не требовалось! Какое же глубокое огорченіе и разочарованіе принесли эти «отвѣты» земцевъ Царю-Освободителю, перестроившему на либеральныхъ началахъ всю мѣстную жизнь въ губерніяхъ, даровавшему земское и городское самоуправленіе и столь довѣрчиво искавшему поддержки у этихъ лукавыхъ и неблагодарныхъ «вѣрноподданныхъ»! Они заговорили тѣмъ же языкомъ лицемѣрія, двуличія и полупредательства, который впослѣдствіи усвоенъ былъ ка-декской партіей.

Это Петрункевичъ придумалъ: писать Царю революціонныя заявленія — въ формѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ, да еще съ косвеннымъ поощреніемъ террора, при чемъ эти революціонно-вѣрноподданныя заявленія тогда публично обсуждались въ земскихъ собраніяхъ и печатались въ газетахъ.

Тверской адресъ заявлялъ: «Земство Тверской губ. смѣетъ надѣяться, что русскій народъ съ такой полной готовностью, съ такой беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, какъ и народъ болгарскій, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти по слову государеву на путь постепеннаго мирнаго и законнаго развитія».

Этимъ точно опредѣлилась политическая позиція вождя земцевъ-радикаловъ. Нужно было преодолѣвать упорное сопротивленіе власти. — Началась «осада власти» (какъ и въ 1916 г.), въ борьбѣ съ которою земцы-радикалы однако непосредственно

съ своей стороны исключали насиліе и терроръ. Добывать конституціонный строй нужно было путемъ «развитія и организаціи общественныхъ силъ».

Но «отрицая» на словахъ терроръ земцы на дѣлѣ своими адресами содѣйствовали партіи террористовъ въ ея давленіи на власть и сами опирались на революціонеровъ. Они говорили Царю: мы безсильны прекратить убійства, пока не получимъ парламента — подобно тому, какъ въ 1917 г. для доведенія войны до конца и для прекращенія бунта требовали... отвѣтственное министерство и отреченіе Монарха.

Съ этихъ поръ надъ Петрункевичемъ постоянно тяготѣлъ надзирающій взоръ власти, объявившей его неблагонадежнымъ, опаснымъ, подлежащимъ изъятію изъ мѣстъ, гдѣ его вліяніе признавалось вреднымъ. Его ссылаютъ въ глухой уѣздный городокъ Костромской губерніи, берутъ подъ надзоръ всю его дѣятельность, всю переписку, изолируютъ отъ общенія съ людьми.

Министръ И. Н. Дурново опредѣляетъ такъ:

«Стоитъ гдѣ бы то ни было появиться Петрункевичу, какъ вокругъ него тотчасъ собираются всѣ мѣстные либералы и всѣ недовольные, онъ становится центромъ».

А впослѣдствіи Горемыкинъ не менѣе краснорѣчиво отвѣчалъ на тотъ же вопросъ:

«Пускай онъ перестанетъ заниматься нами и займется своими личными дѣлами, тогда и мы оставимъ его въ покоѣ».

Разумѣется «земскій Ильичъ» не могъ послѣдовать этому попечительному совѣту и его не оставляли въ покоѣ. Когда, въ 1886 г., онъ, получивши свободу передвиженія пріѣхалъ къ себѣ на родину въ Черниговскую губернію и снова былъ избранъ земскимъ гласнымъ, онъ былъ въ 24 часа высланъ изъ предѣловъ Кіевскаго Генералъ-Губернаторства ген.-адъютант. Дрентельномъ... и уѣхалъ въ Тверскую губ., поближе къ столицамъ!

Видный революціонеръ Дебогорій Мокріевичъ подробно разсказываетъ о переговорахъ представителей кружка Петрункевича съ революціонерами, происходившихъ въ Кіевѣ въ 1878 г. [1]), подобно тому какъ четверть вѣка спустя, полномочный представитель политическихъ преемниковъ земскаго Ильича, «К.-Д.» Милюковъ велъ такіе-же переговоры съ соціалистами-революціонерами, засѣдая на совѣщаніяхъ рядомъ со шпіономъ Азефомъ [2]).

Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необхо-

---

[1]) Бѣлоконскій: «Земство и конституція». — Изд. 1910 года.

[2]) Правительство объ этихъ преступныхъ сношеніяхъ Милюкова знало отъ того-же Азефа, но все таки его въ Думу допустило.

дима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ революціонныхъ группъ, а въ томъ числѣ и для соціалистовъ, такъ какъ дастъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, Петрункевичъ предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію, нужно было испробовать первоначально всѣ «легальные» пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе побольше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати... Все это были мысли, съ которыми наши террористы вѣроятно согласились бы, если бы не оказалось одного пункта разногласій: по мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугивавшей извѣстную часть общества, а равно и правительство. Съ этими требованіями террористы не согласились и переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Террористы продолжали борьбу своими путями, земцы пошли своими — но цѣли у нихъ были общія.

Но были и «земцы», шедшіе объ руку съ террористами. Такъ землякъ Петрункевича и его сверстникъ, богатый черниговскій помѣщикъ Лизогубъ далъ большія деньги на «Землю и Волю» и терроръ, укрывалъ террористовъ, былъ уличенъ и казненъ въ 1879 г...

Попавъ въ опалу и ограниченный въ свободѣ передвиженія Петрункевичъ не сложилъ оружія. Онъ продолжалъ руководить «земскимъ союзомъ», центромъ котораго была Москва. Смычка, если не земцевъ, то либераловъ вообще съ революціонарами «землевольцами» и «народовольцами» все таки состоялась. Насколько либералы и народовольцы шли сообща, напримѣръ, въ 1879 г. — подтверждается слѣдующими словами воспоминаній Тихомирова: «эти скоты — либералы насъ толкнули къ насильственнымъ дѣйствіямъ» (въ Петербургѣ, на демонстраціи-панихидѣ по Сидорацкомъ, застрѣлившемся при разгонѣ полиціей демонстраціи, по случаю оправданія присяжными Вѣры Засуличъ).

Кромѣ сговора по поводу общихъ дѣйствій на земскихъ собраніяхъ кружокъ приступилъ къ печатанію въ Галиціи нелегальной литературы. Но первая же нелегальная брошюра — «Ближайшія задачи земства» была конфискована: тогда еще существовалъ союзъ трехъ императоровъ и Австрія, спасенная Николаемъ I въ 1849 г., угождала Россіи.

Внутри имперіи наше правительство также принимало свои мѣры воздѣйствія на зарывавшіяся въ своемъ политиканствѣ земства, стараясь ихъ возвратить къ «исполненію прямыхъ обязанностей».

Послѣ первыхъ-же попытокъ земствъ расширить сферу своей дѣятельности правительство уже относилось къ нимъ съ недовѣріемъ. Однако, до перваго покушенія на жизнь Царя-Освободителя 4 апрѣля 1866 года, даже такія ходатайства земствъ, въ которыхъ буквально требовалось «увѣнчаніе зданія и созывъ всероссійскаго земства», правительство встрѣчало отрицательно, но все-же довольно мягко и снисходительно. Но послѣ покушенія дворянина Каракозова, при чемъ Царю спасъ жизнь костромской крестьянинъ, картузникъ Осипъ Коммисаровъ, толкнувшій подъ руку стрѣлявшаго, — въ особенности-же на почвѣ закона 21 ноября 1866 г. — отношенія между земствомъ и правительствомъ стали прогрессивно ухудшаться, и уже въ 1867 г. былъ изданъ законъ объ усиленіи предсѣдательской власти въ земскихъ собраніяхъ.

Предсѣдательствовали на собраніяхъ предводители дворянства и на нихъ возлагалась отвѣтственность въ дѣлѣ устраненія вопросовъ, не подлежащихъ вѣдѣнію земства. Примѣры сначала немногихъ земствъ, руководимыхъ радикалами, вызвали повсемѣстное подражаніе и земскіе либералы до позднѣйшаго времени толковали, что согласно положенію 1864 г. «земство есть *частное* общество, которому государство предоставило завѣдываніе своими собственными интересами», хотя и хозяйственнаго характера, но вѣдь подъ «мѣстныя пользы и нужды» можно подвести очень многое! Присвоивъ себѣ съ первыхъ дней такое автономное положеніе, земства (а за ними впослѣдствіи и города) — во многомъ сдѣлались настоящимъ государствомъ въ государствѣ.

Государственная власть допустить этого не могла, а потому всѣ послѣдующіе годы существованія самоуправленія «земгора» правительство всѣми законными способами стремилось вернуть земства къ принципамъ основнаго о нихъ положенія 1864 года, а города — въ рамки закона 1870 года. Земства вступили въ нескончаемую борьбу и подъ вліяніемъ «революціонно-мыслящихъ передовыхъ людей» обвиняли правительство въ неисполненіи — не закона и даже не обѣщаній, а въ неудовлетвореніи тѣхъ либеральныхъ надеждъ и парламентарныхъ «мечтаній», которыя россійская общественность 1860 г. сама вычитывала между строкъ законодательныхъ актовъ Императора Александра II.

Храмъ «Воскресенія на Крови» въ С.-Петербургѣ на мѣстѣ цареубійства 1 марта 1881 года — явился памятникомъ конечныхъ результатовъ этой исторической борьбы возглавляемой земствомъ россійской либеральной и радикальной общественности, стремившейся «вернуть правительство къ принципамъ 1861 года», а фактически дѣйствовавшей, въ тайномъ, хотя и

не въ формальномъ, единеніи и единомысліи съ крайними революціонерами-террористами.

Это противоестественное «entente cordiale» погубило почти достигнутое нашими предпарламентцами «увѣнчаніе зданія». Послѣ динамитнаго взрыва подъ царскою столовой Зимняго Дворца, предсѣдатель временно учрежденной «верховной распорядительной комиссіи» генералъ-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ объявилъ «диктатуру сердца», подобно тому, какъ четверть вѣка спустя, послѣ убійства м-ра Плеве, ген.-адъют. кн. Святополкъ-Мирскій объявилъ «довѣріе власти къ обществу».

Гр. Лорисъ-Меликовъ былъ засыпанъ записками, ходатайствами и заявленіями о «спасеніи Россіи» введеніемъ парламента, при чемъ особенное значеніе имѣла «записка», составленная «представителями московскаго общества», а въ дѣйствительности написанная московскими профессорами Чупровымъ и Муромцевымъ, извѣстнымъ земцемъ, будущимъ предсѣдателемъ Первой Гос. Думы, авторомъ знаменитой «апрѣльской земской конституціи 1905 г.».

Земскія собранія въ своихъ обращеніяхъ къ монарху благодарили его за высказанное довѣріе къ русскому обществу, но указывали на то, что терроръ вовсе неизвѣстный въ Россіи за все предшествовавшее царствованіе Николая I-го является неизбѣжнымъ результатомъ системы управленія (!) и, что русская общественность безсильна (?) въ борьбѣ съ нимъ, пока не будетъ дана возможность жить и высказываться въ условіяхъ законности и свободы, что, наконецъ, *земство желало бы принять участіе не только въ мѣстной жизни, но и въ государственной*. Словомъ — затянули тотъ лейтъ-мотивъ оппозиціонныхъ рѣчей, который впослѣдствіи безконечно повторялся и усиливался во все продолженіе царствованія Императора Николая II.

Всѣ эти такъ называвшіеся «адреса» были составлены въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ. О конституціи нигдѣ прямо не упоминалось, но правительство поняло, что подъ осторожными и отчасти туманными словами скрывается требованіе ограниченія самодержавія. Подписавшіе ихъ были въ большинствѣ дворяне-землевладѣльцы.

Въ черниговскомъ адресѣ, составленномъ И. И. Петрункевичемъ, было указано на то, что реформа нынѣшняго царствованія, внесшая въ наше законодательство совершенно новыя начала [1]), въ жизни не получила надлежащаго развитія, ставъ въ прямое противорѣчіе съ началами стараго строя. Указывалось далѣе на неправильную постановку учебнаго дѣла, на

[1]) Именно эта реформа, т. е. земская и судебная — перестроила всю русскую жизнь.

отсутствіе свободы слова и печати, на отсутствіе въ русскомъ обществѣ чувства законности, благодаря царящему произволу(?)

Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться закону, не имѣя гарантій въ законѣ [1]), не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, не согласованныя съ общественными интересами, стремленія, лишенное свободы слова и критики, — русское общество представляетъ разобщенную инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ.

Адресъ заканчивался словами: «Земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства (Такія же лицемѣрныя, жалкія, лживыя слова повторялись ими 30 лѣтъ спустя и въ Гос. Думѣ при преніяхъ по поводу осужденія террора).

Адресъ харьковскаго земства, гдѣ во главѣ движенія стоялъ проф. Гордѣенко, заявлялъ готовность бороться «за общественный порядокъ, собственность, семью и вѣру» [2]), но заявлялъ, что при существующемъ положеніи земскія силы не имѣютъ никакой организаціи. «Всемилостивѣйшій Государь», гласилъ въ заключеніе адресъ, «дай твоему вѣрному народу то, что далъ болгарамъ...».

Всѣ эти парламентскія вожделѣнія радикальныхъ земцевъ были 1 марта 1881 г. наканунѣ достиженія. Въ этотъ день Александръ II подписалъ указъ, одобрявшій докладъ Лорисъ-Меликова о допущеніи «участія общественности въ государственной жизни» и назначавшій на 4 марта открытіе комиссій для разсмотрѣнія этого вопроса.

Но въ тотъ-же день Царь-Освободитель былъ «устраненъ террористическимъ актомъ» профессіоналовъ революціи, этихъ «друзей слѣва» нашей предпарламентской общественности, подобно тому, какъ подъ давленіемъ тѣхъ-же «лѣвыхъ друзей» думскаго «земскаго» большинства, — въ мартѣ 1917 года, уже согласившійся на «увѣнчаніе зданія» дарованіемъ отвѣтственнаго министерства, Государь Императоръ Николай II былъ устраненъ и впослѣдствіи тоже звѣрски убитъ.

1 марта совершилось то, чего такъ страшились большинство законопослушныхъ земствъ, совершилось то злодѣяніе, которое радикальные земцы такъ двулично «съ ужасомъ не допускали и въ мысляхъ», но подготовку котораго, всѣ предварительныя

[1]) Это уже черезъ 10 лѣтъ, какъ введены были Судебные Уставы Императора Александра II.

[2]) Но ни слова о Царѣ. А терроръ тогда на него и былъ направленъ.

террористическія выступленія шайки государственных преступниковъ — тѣ-же земскіе радикалы демонстративно отказывались подвергнуть своему открытому лойальному порицанію и осужденію (На жизнь Императора Александра II было 26 покушеній!).

Послѣ звѣрскаго убійства Царя-Освободителя, наступила, какъ и надо было ожидать, не только правительственная, но и «общественная» реакція, ибо народное негодованіе на интеллигентовъ убійцъ было повсемѣстное. Въ трепетѣ передъ «гнѣвомъ народа» сразу притихли, спрятались или-же перекрасились политически всѣ безотвѣтственные хулители власти и злостные критики государственной дѣятельности либеральнѣйшаго Царя — въ городскихъ столичныхъ и земскихъ губернскихъ и уѣздныхъ говорильняхъ.

Шедшіе противъ власти фактически взаимно поддерживая другъ друга — радикалы конституціоналисты и ничтожные числомъ, обнаглѣвшіе «народовольцы» — пожинали то, что посѣяли.

Съ воцареніемъ Императора Александра III наступилъ періодъ общественной реакціи 80-хъ годовъ, положившій конецъ начавшей было развиваться дѣятельности «Земскаго Союза». Это было время интеллигентскаго оздоровленія, когда для людей, не отрицавшихъ революціонные методы борьбы не находилось почвы для политической дѣятельности. Только еще въ земствахъ продолжалась борьба, но она была скорѣе оборонительной и заключалась лишь въ отстаиваніи своихъ законныхъ правъ. Петрункевичъ въ это время жилъ вынужденно въ Твери или въ своемъ имѣніи Машукѣ, Новоторжскаго уѣзда, лишенный правъ въѣзда въ обѣ столицы. Жить въ Москвѣ ему было разрѣшено лишь въ 1900 г., а въ Петербургѣ — еще позже, въ 1904 году...

Но сосланный гуманнымъ правительствомъ изъ Черниговской въ еще болѣе оппозиціонную — Тверскую губ., живя между двумя столицами — Петрункевичъ съ неменьшимъ успѣхомъ руководилъ изъ своего уединенія тайнымъ «союзомъ».

Такъ закончились попытки земствъ воздѣйствовать на правительство, чтобы вернуть его на путь принциповъ 1861 года: они требовали парламентъ и конституцію прежде, чѣмъ прекратится терроръ, но Александръ III терроръ прекратилъ, а парламента они отъ него не получили.

Истинное настроеніе Александра III и глубокое его пониманіе внутренняго состоянія Россіи и значенія домогательствъ земско-интеллигентской общественности — выразилось въ исторической революціи Царя-Миротворца на письмѣ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ Сабурова, отъ 3-21 апрѣля

1881 года, приводимой въ «дневникѣ гр. В. Н. Ламздорфа» (Москва, Гоиздат., 1926 г., стр. 111). Резолюція послѣдовала противъ словъ доклада, гдѣ приводится оцѣнка тогдашняго положенія въ нашемъ Отечествѣ, сдѣланная германскимъ канцлеромъ кн. Бисмаркомъ россійскому императорскому послу въ Берлинѣ, послѣ убійства Александра II.

Внутреннее положеніе Россіи кн. Бисмаркъ опредѣлялъ слѣдующими словами: «Прежде чѣмъ думать о дальнѣйшемъ развитіи произведенныхъ въ прошлое царствованіе реформъ, нужно, чтобы къ самодержавной власти опять вернулся весь ея престижъ и, чтобы всегда чувствовалось ея присутствіе и ея дѣятельность. Россія — лошадь, которой надо въ настоящее время дать почувствовать узду хозяина».

«... Въ Германіи общество было чрезвычайно поражено необыкновенными стараніями, направленными къ тому, чтобы судопроизводство во время политическаго процесса о цареубійствѣ велось столь легально, что дало возможность обвиняемымъ публично развивать свои доктрины и выставлять себя мучениками. *Законность насъ убиваетъ...*».

Императоръ Александръ III возвратилъ тогда это письмо Министру Иностранныхъ Дѣлъ Гирсу со слѣдующей помѣткой: *«Дайте прочесть это письмо гр. Лорисъ-Меликову. Это до того вѣрно и справедливо, что дай Богъ, чтобы всякій русскій, а въ особенности министры наши поняли наше положеніе, какъ его понимаетъ кн. Бисмаркъ, и не задавались бы несбыточными фантазіями и паршивымъ либерализмомъ».*

На долгіе годы открытое революціонное теченіе было заглушено. Либеральнымъ и радикальнымъ земцамъ не только не приходилось мечтать о «завершеніи зданія», но едва удавалось отстоять скомпрометированныя политически земскія учрежденія отъ полнаго упраздненія. По проекту м-ра вн. дѣлъ гр. Д. Толстого предполагалось низвести земство почти на положеніе присутственныхъ мѣстъ съ назначенными управами и съ подчиненіемъ губернаторамъ.

Но Императоръ Александръ III сохранилъ за земствами ихъ самостоятельность и выборное начало. Изданное имъ 12 іюня 1890 г. новое «положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» было тою неизбѣжною поправкой, которую внесла дѣйствительность въ первоначальный законъ о земствѣ, послѣ 25-лѣтія его примѣненія. Ст. I закона 1890 г. установила, что... «земскія учрежденія вѣдаютъ дѣла о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ, въ положеніи-же 1864 г. было сказано, что земства вѣдаютъ «*хозяйственными*» дѣлами «*каждой губерніи и уѣзда*». Это значило, что законодатель отказался отъ признанія всеобщности земства и отъ возможности его распространенія на всей

государственной территоріи, слѣдовательно «мечтаніямъ» о «всероссійскомъ земствѣ» былъ положенъ предѣлъ. Въ то-же время, опредѣленіемъ въ ст. I дѣятельности земства цѣлями *мѣстныхъ* пользъ и нуждъ, а равно и въ послѣдующихъ статьяхъ новаго закона — была точно разъяснена ошибочность пониманія земствами своего самоуправленія, какъ особаго рода «частнаго общества, которому государство предоставило завѣдываніе своими собственными интересами». Новымъ положеніемъ 1890 г. земство было опредѣленно возведено на степень особой организаціи государственнаго управленія, съ извѣстными обще-государственными обязанностями и подъ обязательнымъ надзоромъ государственной власти. Борьба земства съ центромъ, равно истощавшая силы земства и затруднявшая полезную дѣятельность органовъ управленія, введена была въ рамки законности и значительно потеряла свою остроту.

Ст. 6 положеній 1864 г. о томъ, что «земства... дѣйствуютъ *самостоятельно*» отмѣнена, а новая ст. 9 точно опредѣляла, что «начальникъ губерніи имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ...» (въ отношеніи столицъ и нѣкоторыхъ городовъ эти права принадлежали градоначальнику).

Это новое положеніе и твердое законосоотвѣтственное его примѣненіе въ губерніяхъ не могло не оказать должнаго педагогическаго воздѣйствія на говоруновъ «уѣздной и губернской общественности».

Въ царствованіе Царя-Миротворца интеллигенція и «общественность», — наши «восьмидесятники» и «девятидесятники», — въ большинствѣ обратились къ мирному труду на поприщѣ народнаго благосостоянія и мѣстнаго благоустройства.

Конечно въ такой короткій историческій срокъ старое либеральное и радикальное земство не умерло, но замкнувшись въ средѣ немногихъ «блюстителей освободительныхъ идеаловъ» продолжало хранить политическіе вкусы «демократическихъ» реформаторовъ, являясь до благопріятнаго момента негласною ячейкой глухой политической оппозиціи, втихомолку стягивая вокругъ себя либеральный элементъ изъ состава помѣстнаго дворянства, интеллигенціи и землевладѣльцевъ вообще, въ средѣ которыхъ проявляли все большую активность и представители промышленнаго капитала.

При вступленіи на престолъ Императора Николая II притаившіеся сообщники Петрункевича вновь о себѣ напомнили. Земства: тверское, черниговское, тульское, полтавское, саратовское и др., обратились къ Государю въ 1895 г. съ адре-

сами, въ которыхъ выражались все тѣ же присущія имъ стремленія:

Въ адресѣ тверского земства говорилось:

«Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся».

«Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданнымъ Престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха».

Эти заявленія земствъ были представлены молодому Государю земскими представителями, вызванными въ Петербургъ.

По фатальной случайности Государь вмѣсто словъ: «несбыточныя мечтанія», какъ написано было въ приготовленной имъ рѣчи, оговорился и сказалъ «безсмысленныя мечтанія» (Разсказываютъ, что памятную записку съ текстомъ имъ написанной рѣчи Государь положилъ въ шапку, которую держалъ въ рукахъ и во время не успѣлъ разсмотрѣть слова).

Такимъ образомъ, и въ этотъ разъ, такъ же какъ и въ семидесятыхъ годахъ, правительство естественно стремилось сразу пресѣчь всякія поползновенія земскихъ радикаловъ расширить рамки дѣятельности общественныхъ самоуправленій съ цѣлью превращенія ихъ въ парламентъ.

Но въ петербургскихъ чиновничьихъ правящихъ кругахъ сказалось отсутствіе всякой гибкости, умѣнія пойти на встрѣчу запросамъ жизни, того политическаго умѣнія, которое считалось столь свойственнымъ англійскому консерватизму (?).

Особенно печально, что въ этотъ споръ бездарная правящая среда втягивала Государя и этимъ самымъ создавала разладъ, не между бюрократіей и «обществомъ», но разладъ «общества» съ верховной властью. Однако разсчеты на то, что одними словами разъ навсегда будутъ пресѣчены либеральныя стремленія — въ «обществѣ» оказались для бюрократіи ошибочными.

За рѣшительными словами Царя рѣшительныхъ дѣйствій со стороны министровъ не послѣдовало. Оппозиція подняла голову. Упадочныя общественныя настроенія прошли. Начался періодъ земскаго «освободительнаго движенія» и общественный подъемъ, вызвавшіе усиленіе борьбы правительства противъ всѣхъ замаскированныхъ политическихъ и оппозиціонныхъ земскихъ начинаній — періодъ министерства Горемыкина, Сипягина и Плеве, изъ которыхъ двое послѣднихъ и были убиты террористами, дѣйствовавшими солидарно съ земскою оппозиціей «Союза Освобожденія».

Земскій «Ильичъ» вновь возвращается къ дѣятельности.

Этотъ полный силъ и энергіи человѣкъ въ Тверской губ. естественно оказался въ центрѣ мѣстной общественной жизни и вскорѣ былъ избранъ гласнымъ Новоторжскаго уѣзднаго и Тверскаго губернскаго земскихъ собраній. Тверское земство было однимъ изъ самыхъ «передовыхъ» въ Россіи. Оно славилось, какъ своей культурной работой, такъ и неукротимой борьбой съ администраціей. Земскія собранія въ Твери играли роль губернскаго парламента, были крупнымъ общественнымъ событіемъ и привлекали большое количество публики, съ благоговѣніемъ слушавшей рѣчи либеральныхъ гласныхъ. На нихъ публика ѣздила даже изъ Москвы. И не мудрено. Составъ тверскихъ гласныхъ блисталъ именами «старой гвардіи» радикаловъ: братья И. И. и М. И. Петрункевичи, А. А. Бакунинъ, Родичевъ, Кузьминъ-Караваевъ, Де-Роберти, позднѣе — Вл. І. Гурко, избранный земствомъ въ члены Гос. Совѣта. Былъ и ген.-адъют. гр. А. П. Игнатьевъ, въ 1906 г. въ залѣ тверскаго земскаго собранія убитый террористомъ (Отецъ нынѣшняго большевицкаго агента въ Парижѣ гр. Алексѣя Игнатьева).

Все это были люди большого калибра, отлично образованные, а нѣкоторые обладали яркимъ ораторскимъ талантомъ. Здѣсь-же въ Твери находилась и богатѣйшая тверская мануфактура наслѣдниковъ Абрама Морозова, вдова котораго, знаменитая Варвара Алексѣевна, не только субсидировала радикальныхъ земцевъ еще съ 1880 годовъ, но и предоставляла свой извѣстный московскій особнякъ на Воздвиженкѣ подъ конспиративныя собранія «земскаго союза» Ильича.

За короткое время имя Петрункевича слилось съ Тверскимъ земствомъ такъ-же, какъ имя другого крупнаго земскаго дѣятеля Д. Н. Шипова, много лѣтъ неразрывно было связано съ представленіемъ о московскомъ земствѣ.

Въ Твери И. И. Петрункевичъ былъ главнымъ руководителемъ. Вокругъ него группировались болѣе молодыя силы, земскія и московскія — университетскія: Ф. И. Родичевъ, Ю. А. Новосильцевъ, князья Павелъ и Петръ Долгоруковы, кн. Шаховской, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, В. И. Вернадскій и др. Подъ руководствомъ И. И. Петрункевича неоффиціальный «союзъ земствъ» собирался на частныхъ квартирахъ. Союзъ этотъ, къ которому враждебно относился покойный Плеве, впервые получилъ оффиціальное признаніе уже въ измѣненномъ видѣ во время японской войны, когда его патріотическая дѣятельность на дальне-восточномъ фронтѣ получила одобреніе ген. Куропаткина. Съ тѣхъ поръ земскій союзъ сталъ быстро развиваться, а во время послѣдней войны достигъ

размѣровъ государства въ государствѣ [1]). И. И. Петрункевичъ, во главѣ съ нелегально существовавшимъ зародышемъ земскаго союза, во второй половинѣ девятисотыхъ годовъ началъ издавать за-границей брошюры, первая изъ которыхъ была проектомъ новой конституціи. Текстъ этой брошюры былъ выработанъ подъ редакціей Петрункевича. Всего шесть такихъ брошюръ было издано на разныя темы. Изъ Парижа онѣ разсылались по Россіи, по адресамъ «Всей Москвы» и «Всего Петербурга». Слѣдующимъ этапомъ въ этомъ дѣлѣ было изданіе за-границей «Освобожденія», подъ редакціей П. Б. Струве, и образованіе «Союза Освобожденія», изъ котораго впослѣдствіи родились двѣ партіи: конституціонно-демократическая и партія октябристовъ. И. И. Петрункевичъ былъ основателемъ партіи конституціонно-демократической или, какъ потомъ ее называли партіей Народной Свободы (ка-декской).

Притаившіяся въ царствованіе Александра III революціонно настроенныя группы постепенно стали пытаться вновь разжечь «освободительное движеніе» въ первые-же годы новаго царствованія, а съ первыхъ лѣтъ двадцатаго вѣка въ Россіи почувствовалось общественное оживленіе. Эсъ-деки, эсъ-эры и радикалы-конституціоналисты сорганизовались. Въ 1900 г. ученый марксистъ П. Б. Струве, высланный изъ Петербурга въ Тверь, близко знакомится съ тверскими либеральными земцами и въ частности съ И. И. Петрункевичемъ. Въ ихъ бесѣдахъ созрѣваетъ мысль объ образованіи «союза освобожденія» и объ изданіи за-граничнаго органа печати. Потребность въ такомъ союзѣ общественныхъ силъ, въ которомъ могли-бы объединиться для завоеванія политической свободы и конституціоннаго государственнаго строя — люди различныхъ оттѣнковъ мнѣній, отъ соціалистовъ до умѣренныхъ либераловъ, ощущалась многими, и трудно даже утверждать, что «союзъ освобожденія» возникъ именно въ Твери. Онъ зарождался и въ другихъ городахъ. Но въ его основаніе положены были тѣ мысли, которыя Петрункевичъ высказывалъ еще въ 1878 году, убѣждая кіевскихъ народовольцевъ отказаться отъ террора и объединиться съ земскими либералами, образовавъ одинъ общій революціонный фронтъ.

И. И. Петрункевичъ принимаетъ ближайшее участіе въ организаціи Союза и его органа — «Освобожденіе». Самъ даетъ и собираетъ средства на изданіе журнала, сотрудничаетъ въ немъ. Собраны были большія средства и на «Союзъ Освобожде-

[1]) Изъ кадровъ этого «союза» и образовался впослѣдствіи — «земсоюзъ», развившійся въ «земгоръ» — сыгравшій также значительную роль въ предреволюціонный періодъ 1914-1916 г. г.

нія». Революціонное поджигательство Отечества началось со всѣхъ сторонъ.

Каковъ тогда былъ этотъ «зарубежный журналъ», издававшійся Струве-Петрункевичемъ и Ко., и что именно печаталось въ этомъ органѣ «земскаго союза» — можно судить по помѣщенному въ «Освобожденіи» 25 лѣтъ тому назадъ — стихотворенію, въ которомъ редакція обращается къ Государю со слѣдующими продерзостными словами:

«Лучше земцамъ внемли»,
Они люди земли —
Нашей!»
А не то — путь иной»:
Къ нѣмцамъ, съ сыномъ, съ женой»
И съ мамашей!...»

Политическій вождь оппозиціонныхъ элементовъ русскаго земства И. И. Петрункевичъ понялъ, что одна земская среда — слишкомъ узкій базисъ для борьбы съ самодержавіемъ. Вотъ почему наряду съ легальнымъ участіемъ въ различнаго рода земскихъ выступленіяхъ и заявленіяхъ Петрункевичъ не останавливался и передъ нелегальной организаціей боевого союза, гораздо болѣе широкаго по составу участниковъ, чѣмъ земская среда. Безъ его настойчивости, авторитета, умѣнія найти нужныя и весьма большія — средства — едва ли могла бы осуществиться посылка П. Б. Струве за-границу для организаціи сначала нелегальнаго журнала «Освобожденіе», а затѣмъ и «Союза Освобожденія» съ опредѣленной широко-демократической программой.

Двадцать семь лѣтъ тому назадъ И. И. Петрункевичъ лично присутствовалъ на закладкѣ этой нелегальной организаціи 20-22 іюня 1903 г. въ Шафгаузенѣ, на берегу Констанцкаго озера. Какъ извѣстно, «Союзъ Освобожденія» оказалъ огромное вліяніе на подъемъ политической активности русскаго общества. Каждый русскій интеллигентъ и многіе чиновники — возвращались изъ за-границы съ номеромъ «Освобожденія» въ карманѣ.

Въ то время, какъ революціонныя партіи поднимали низы, рабочихъ и крестьянъ, Союзъ Освобожденія сплочивалъ и принуждалъ къ дѣйствію наименѣе активные, но и наиболѣе вліятельные элементы общества. Въ самомъ земствѣ четко выступали двѣ линіи: одна — Д. Н. Шипова, типичнаго представителя земско-дворянскаго либерализма, и другая радикала — И. И. Петрункевича, будущаго основателя к.-д. партіи съ ея широкой «демократической» программой. Въ первомъ же номерѣ «Освобожденія» намѣчалась смычка умѣренныхъ съ крайними революціонерами и задача либерально-демокра-

тическаго движенія выражена была въ слѣдующихъ заявленіяхъ: «Пусть національное освобожденіе будетъ открыто провоглашено общимъ дѣломъ отцовъ и дѣтей, революціонеровъ и умѣренныхъ. Пусть насилію, уничтожающему нашъ народъ и извращающему всю нашу жизнь, будетъ брошенъ въ лицо соединенный вызовъ, будетъ противопоставлена единая борьба. Такого вызова оно испугается, передъ такой борьбой оно не устоитъ».

И еще: «Культурное и политическое обновленіе Россіи не можетъ быть ни исключительно, ни преимущественно дѣломъ одного класса, одной партіи, одного ученія. Оно должно стать дѣломъ національнымъ или общенароднымъ, на которое откликалось бы каждое сердце». Таково «credo» журнала и тѣхъ радикальныхъ земскихъ элементовъ «максимальной линіи И. И. Петрункевича» которые примкнули къ освобожденскому движенію: какъ будто умѣренное по своимъ задачамъ оно было тѣмъ не менѣе въ тогдашней обстановкѣ Россіи подлинно революціоннымъ. Тогда же присталъ къ нему и Милюковъ. Въ № 2 «Освобожденія» революціонно мыслящіе земцы за своими подписями устанавливаютъ свою связь съ нелегальнымъ органомъ и готовность ему содѣйствовать: «Мы, нижеподписавшіеся, гласные земскихъ собраній, считаемъ своей нравственной обязанностью заявить свою солидарность съ тѣмъ общимъ направленіемъ, котораго, сколько намъ извѣстно, предполагаетъ держаться журналъ «Освобожденіе», и вмѣстѣ съ тѣмъ свою готовность, путемъ дѣйствія въ земской средѣ способствовать достиженію той конечной цѣли, которую имѣетъ въ виду этотъ журналъ и безъ осуществленія которой, — какъ мы убѣждены, и — самая земская дѣятельность неминуемо должна потерять (?) всякое серьезное значеніе. Эта цѣль — пріобрѣтеніе русскимъ народомъ общечеловѣческихъ правъ, — права свободно вѣрить, мыслить и говорить, право защищаться закономъ отъ всякаго произвола и насилія и, прежде всего, — право располагать своей судьбой, согласно со своими желаніями и потребностями, устраивая и направляя свою государственную жизнь посредствомъ своихъ выборныхъ представителей. Ставя себѣ такую задачу, мы вовсе не желаемъ порвать связь съ той мирной и легальной дѣятельностью, на почвѣ которой мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, работали до сихъ поръ... Но мы не можемъ не сознавать, что въ условіяхъ современной русской жизни всякая мирная общественная дѣятельность съ каждымъ днемъ становится все менѣе и менѣе возможной» (?).

Мирная дѣятельность конечно продолжалась, но одновременно оживляется дѣятельность и земскихъ политическихъ

организацій, въ которыхъ по прежнему наиболѣе дѣятельнымъ лицомъ является И. И. Петрункевичъ.

Онъ принимаетъ участіе и въ умѣренно-оппозиціонной земской организаціи, такъ называемой «Бесѣдѣ», возникшей по иниціативѣ предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова. На періодическія собранія «Бесѣды» въ Москвѣ съѣзжались наиболѣе видные земцы со всей Россіи и обсуждали вопросы текущей земской политики, заключавшейся въ демонстративной критикѣ правительственныхъ дѣйствій и въ борьбѣ по всякому поводу съ представителями власти. Органомъ ихъ была газета «Русскія Вѣдомости».

Руководитъ онъ также вновь возникшей организаціей «земцевъ конституціоналистовъ». Это въ сущности было возрожденіемъ прежняго политическаго «Земскаго Союза». Только тогда это былъ небольшой кружокъ, а теперь онъ разросся въ организацію, насчитывавшую свыше ста членовъ. Собирались «земцы конституціоналисты» въ богатыхъ московскихъ барскихъ, а иногда купеческихъ особнякахъ, чаще всего въ особнякѣ Ю. А. Новосильцева, иногда — у Варвары Морозовой, у П. Долгорукова и пр. Организація была тайная и каждый разъ собиравшіеся сговаривались о томъ, какія давать объясненія въ случаѣ появленія полиціи».

Треповско-зубатовская московская «охрана» того времени о всемъ знала, имѣя агентуру и среди земцевъ, но по директивамъ свыше — этимъ конспиративнымъ затѣямъ либеральной общественности — мало препятствовала. Департаментъ Полиціи поглощенъ былъ борьбою съ эсъ-эрами и эсъ-деками, а послѣ убійства м-ра Плеве — самъ м-ръ вн. дѣлъ Святополкъ-Мирскій объявилъ «весну» довѣрія власти къ обществу... и шелъ на поводу у земскихъ политикановъ.

Передовые земцы «въ плѣну у революціи»: революціонная роль всероссійскаго земства въ 1890-1900 г.г. — по признаніямъ его предсѣдателя Д. Н. Шипова.

Изданныя въ 1918 г. въ Москвѣ «Воспоминанія и Думы о пережитомъ» Д. П. Шипова даютъ подробный историческій очеркъ, документально выясняющій, какъ эта «шиповская» умѣренно-оппозиціонная земская организація принимала все болѣе рѣзко выраженное противоправительственное направленіе и въ теченіе 10 лѣтъ докатилась до революціонныхъ выступленій возглавляемыхъ ею «земскихъ съѣздовъ 1904-1905 годовъ».

Бывшій членъ Государственнаго Совѣта (отъ Московскаго

Земства въ 1906 г.) камергеръ Высочайшаго Двора Дмитрій Николаевичъ Шиповъ — былъ землевладѣльцемъ Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, гдѣ и былъ впервые избранъ земскимъ гласнымъ въ 1877 году и съ той поры весь отдался земской работѣ, продолжавшейся до 1912 года. Съ рѣдкой искренностью и правдивостью Д. Н. Шиповъ разсказываетъ о томъ, чего «Господь свидѣтелемъ его поставилъ» въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, въ смутные годы послѣдняго царствованія и прежде всего поясняетъ читателю самого себя:

«Мое жизнепониманіе создавалось на почвѣ воспитаннаго во мнѣ съ дѣтства религіознаго сознанія, но окончательно оно сложилось подъ нравственнымъ вліяніемъ двухъ русскихъ мыслителей: Ф. М. Достоевскаго и Л. Н. Толстого. Я вѣрю въ жизненность евангельскаго ученія, вѣрю, что оно дано людямъ для его осуществленія въ этой жизни, согласно словамъ молитвы: «Да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Смыслъ жизни всего человѣчества, по глубокому моему убѣжденію, заключается въ постепенномъ, но неуклонномъ движеніи по *направленію* къ идеалу христіанскаго ученія — установленію Царствія Божія на землѣ» [1].

Съ такою-же искренностью Д. Н. Шиповъ высказывался всегда — въ дѣловыхъ совѣщаніяхъ, на земскихъ собраніяхъ, въ бесѣдахъ съ министрами (Плеве, Витте и Столыпинымъ) и при личныхъ докладахъ Государю. Образцомъ такой правды, сказанной Царю, можетъ служить слѣдующая «нелицепріятная» характеристика Милюкова, безпристрастно доложенная Дмитріемъ Николаевичемъ Шиповымъ Его Величеству во время продолжительной Высочайшей аудіенціи, которой онъ былъ удостоенъ передъ роспускомъ I-й Думы въ 1906 году, — высказывая свое мнѣніе по вопросу о сформированіи правительства изъ общественныхъ дѣятелей:

Государь спросилъ, — «кто изъ членовъ конституціонно-демократической партіи пользуется въ ней большимъ авторитетомъ и болѣе способенъ къ руководящей роли?».

Отвѣчая, я высказалъ слѣдующія мысли:

«Самымъ вліятельнымъ членомъ к.-д. партіи, безспорно, нужно признать П. Н. Милюкова и, хотя онъ не состоитъ членомъ Гос. Думы, тѣмъ не менѣе, онъ является дѣйствительнымъ лидеромъ к.-д. фракціи. Отдавая должную дань его способностямъ, его талантамъ и его научной эрудиціи, мнѣ въ то же время думается, что онъ по своему жизнепониманію преимущественно раціоналистъ, историкъ-позитивистъ, но въ немъ

[1] «Воспоминанія и думы о пережитомъ». — Предисловіе, стр. 1.

слабо развито религіозное сознаніе, т. е. сознаніе лежащаго на человѣкѣ нравственнаго долга, какъ передъ Высшимъ Началомъ, такъ и предъ людьми. Въ виду этого, я думаю, если П. Н. Милюковъ былъ бы поставленъ во главѣ правительства, то едва ли онъ всегда въ основу своей дѣятельности полагалъ бы требованія нравственнаго долга и едва ли его политика могла бы содѣйствовать столь необходимому духовному подъему въ населеніи страны. Въ то же время П. Н. Милюковъ — человѣкъ очень властный; онъ слишкомъ самодержавенъ, и если онъ будетъ поставленъ во главѣ министерства, то можно опасаться, что онъ будетъ подавлять своихъ товарищей, а это можетъ неблагопріятно отозваться на ихъ самостоятельности».

Въ продолженіе 11 лѣтъ (съ 1893 по 1904 г. г.) Д. Н. Шиповъ состоялъ Предсѣдателемъ Московской Губернской Земской Управы. Хотя по его жизнепониманію и по политическимъ убѣжденіямъ Д. Н. Шиповъ считалъ себя противникомъ крайнихъ оппозиціонныхъ, а вѣрнѣе революціонныхъ теченій въ средѣ земскихъ дѣятелей, возглавляемыхъ тогда И. И. Петрункевичемъ и кн. Г. Львовымъ, но именно ему пришлось сыграть выдающуюся роль руководителя «земской оппозиціи Его Величества», ибо центромъ ея, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, сдѣлалась Москва, а именно — Московская Губернская Земская Управа, гдѣ съ 1896 года помѣщалось постоянное «организаціонное бюро» тайныхъ земскихъ совѣщаній, именуемыхъ «бесѣдами».

Такимъ образомъ «лойяльнѣйшій вѣрноподданный» возглавилъ ту земскую оппозицію, которая подъ вліяніемъ дѣйствовавшихъ за его спиной болѣе активныхъ «крайнихъ лѣвыхъ», какъ мы видѣли, вскорѣ-же приняла характеръ революціонный и черезъ «земскихъ большевиковъ» — Петрункевичей и «Союза Освобожденія» вошла въ смычку съ революціонерами-подпольщиками.

Любопытное совпаденіе: это раздѣленіе «земцевъ-оппозиціонеровъ» на (именуемыхъ нами) «большевиковъ», — т. е. сторонниковъ уничтоженія самодержавія, возглавляемыхъ Петрункевичемъ, и земскихъ постепеновцевъ — «меньшевиковъ», составившихъ шиповскую группу — произошло въ томъ самомъ 1903 году, когда соц.-демократы, на Лондонскомъ съѣздѣ — впервые раскололись на «большевиковъ» — ленинцевъ и «меньшевиковъ» — мартовцевъ.

Изъ приводимыхъ ниже отрывковъ воспоминаній Шипова мы увидимъ, что «земская оппозиція» далеко не охватывала всѣхъ 34 земствъ (рѣдко превышала болѣе половины), а самъ онъ, съ 1903 г. уже открыто противился, по его словамъ, революціонному теченію. Однако сторонники земскаго «Ильича»

продолжали и въ послѣдующіе годы развивать свою антиправительственную дѣятельность, пользуясь, а иногда и злоупотребляя авторитетомъ и личною репутаціей «лойальнѣйшаго» Д. Н. Шипова, даже и послѣ неутвержденія его въ избраніи на пятое трехлѣтіе въ 1904 г. — м-ромъ Плеве. Нынѣ мы знаемъ, знало тогда и правительство, — какъ въ сущности незначительна по числу была, искусственно созданная при поддержкѣ «третьяго элемента», вся эта «земско-большевицкая» оппозиція Петрункевичей, Львовыхъ и Ко.

Но за то во главѣ ея была Москва — авторитетнѣйшее Московское Губернское Земство со своимъ «достойнѣйшимъ» предсѣдателемъ!

Приводимые нами въ послѣдовательной связи отрывки изъ «Воспоминаній Шипова» освѣщаютъ это наростаніе засилья земскихъ «горячихъ головъ» и революціонное вліяніе «третьяго элемента» — этого *безчиновнаго*, но бюрократичнѣйшаго «земскаго чиновничества», а также взаимоотношенія между земствомъ и правительствомъ и отношеніе къ земскому политиканству и домогательствамъ — царскихъ министровъ, своевременно провидѣвшихъ государственную опасность въ развивавшемся революціонированіи земства его внутренними «большевиками», въ то время несравненно болѣе зловреднымъ, чѣмъ подпольная работа подлинныхъ большевиковъ-ленинцевъ.

Воспоминанія свои покойный Д. Н. Шиповъ успѣлъ закончить и издать еще въ первый годъ революціи (даже по старой орфографіи), пользуясь записями о лицахъ и событіяхъ «земскаго освободительнаго движенія», сохранившимися въ его личномъ архивѣ.

Либеральные земскіе «борьбисты» съ центральною правительственной властью — воскресаютъ передъ нами, съѣзжаются», бесѣдуютъ», совѣщаются, спорятъ съ м-рами, — проходятъ какъ живые, также, какъ и главнѣйшіе и наиболѣе ненавистные «общественности» ихъ противники изъ высшей бюрократіи, поочередно «устраняемые» террористическими актами революціонеровъ подпольщиковъ — хотя и «безъ вѣдома и сочувствія» либераловъ, но слишкомъ явно именно имъ въ угоду и вызывая у многихъ г. г. Петрункевичей плохо маскируемыя чувства «моральнаго удовлетворенія».

Невольно возникаетъ вопросъ: какъ-же могъ тотъ-же прекраснодушнѣйшій Д. Н. Шиповъ съ его христіаннѣйшимъ жизнепониманіемъ, возглавляя «всероссійское земское объединеніе» такъ таки ни чѣмъ не выразить публичнаго осужденія *земствомъ* такихъ «актовъ», какъ убійство его-же бывшаго товарища по московской земской работѣ, м-ра Д. С. Сипягина, застрѣленнаго соціалистами-революціонерами именно за его,

яко-бы, «реакціонный гнетъ» и «полицейскія преслѣдованія» свободолюбцевъ, а по словамъ Шипова — наиболѣе «угнетавшаго» именно Земство? А убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича, сына Создателя земства Царя-Освободителя?

Память Августѣйшаго Отца Земства «Шиповцы» такъ трогательно чествовали въ 1898 году, а въ 1905 г., когда недалеко отъ самаго памятника Александру II въ Кремлѣ — бомбою разорванъ на мелкіе клочья Его Сынъ — тѣ-же «земскіе люди» не пошевелились, не нашли и не сказали ни единаго слова своего возмущенія и осужденія этихъ анархическихъ звѣрствъ.

Въ приводимыхъ ниже признаніяхъ этого «либерала-эволюціониста», постепеновца, стремившагося не къ сверженію, а къ «оздоровленію власти», мы находимъ объясненія.

Поставивъ себѣ цѣлью борьбу съ правительствомъ даже либеральные земцы «шиповскаго лагеря» (а ихъ было большинство) — неминуемо *попадали въ плѣнъ* къ тѣмъ самымъ революціонерамъ, отъ которыхъ такъ старались отмежеваться.... на словахъ. И плелись за своими «земскими большевиками» — лагеря радикаловъ Петрункевича, давно уже состоявшими въ смычкѣ съ революціонерами — какъ непосредственно, такъ и черезъ «третій элементъ».

Въ сущности, *въ Россіи, какъ признается нынѣ В. А. Маклаковъ, не было ни консерваторовъ, ни либераловъ, а были только революціонеры и реакціонеры.* Причина заключалась въ томъ, что либеральныя общественныя теченія тонули въ демократической стихіи. *По всему своему укладу Россія была крестьянскимъ царствомъ.* Либералы имѣли вліяніе, можно сказать, господствовали въ общественномъ мнѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли никакой силы. *Массы за ними не шли.* Городскіе рабочіе были въ рукахъ революціонеровъ, крестьянская масса, всегда пассивная, попала въ руки ветеринаровъ, сельскихъ учителей, земскихъ служащихъ, фельдшеровъ, писарей, того слоя полуинтеллигенціи, который и далъ трудовиковъ въ Государственную Думу.

Въ борьбѣ съ правительствомъ либералы должны были искать точки опоры. Вотъ почему они тянулись къ революціи, не могли оторваться отъ нея и, связавъ себя съ нею, *попадали въ плѣнъ.* Положеніе ихъ было трагическое. Было нѣчто роковое, тяготѣвшее надъ всей русской жизнью.

Но прямая дорога къ конституціонному строю шла черезъ мѣстное самоуправленіе. Конституція только его дополняла и изъ него вытекала. Мѣстное самоуправленіе вѣдало тѣ-же общія нужды, что и государство. Какъ само государство, оно было принудительной организаціей. Государство призывало

его сотрудничать вмѣстѣ съ собой. Ясна поэтому та дорога, по которой могло итти дальнѣйшее развитіе этой идеи. Принципъ самоуправленія долженъ былъ проникать во всѣ области и во всѣ учрежденія; углубляться и укрѣпляться внизу, подыматься все выше. На этомъ началѣ надо было организовывать земскихъ профессіональныхъ работниковъ; установить болѣе мелкую, чѣмъ уѣздъ, единицу самоуправленія — волость; увеличивать контактъ и сотрудничество между уѣздными и губернскими земствами; создавать болѣе крупныя земскія объединенія; расширять земскую компетенцію; закрѣплять связь земствъ и государственныхъ учрежденій.

Представимъ, что центральная власть не боялась бы увеличенія земскаго авторитета, была бы готова раздѣлять съ земствами заботы о населеніи и сама бы искала путей, при которыхъ ея дѣйствія были бы лучше согласованы съ народными нуждами. Легко начертать ту дорогу, по которой жизнь стала бы развиваться. Сначала центральная власть стала бы систематически опрашивать земства по отдѣльнымъ вопросамъ государственной жизни; потомъ для упрощенія дѣла стала бы вызывать въ центръ отдѣльныхъ ихъ представителей для совѣщанія съ ними; эти представители образовали бы изъ себя постоянный представительный органъ; авторитетъ этого органа сдѣлалъ бы невозможнымъ принимать рѣшенія, съ нимъ несогласныя; изъ совѣщательнаго онъ превратился бы въ законодательный. Онъ сталъ бы дальше указывать, что дѣло не въ одномъ законодательствѣ, что и управленіе должно соотвѣтствовать идеѣ законовъ. Явился бы контроль за управленіемъ, а потомъ и юридической отвѣтственностью исполнительной власти. А пока жизнь проходила бы эти этапы, воспитывались бы кадры людей, которые на опытѣ знали бы нужды, о которыхъ они призваны говорить, знали бы трудности, которыя предстояли при ихъ разрѣшеніи и были бы подготовлены *смѣнить* собой прежнихъ представителей власти.

Конечно, такъ гладко жизнь никогда не идетъ. Въ намѣченной выше политической эволюціи были бы тренія, движенія назадъ и впередъ. Была бы борьба власти и общества, но важно, что послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ для того, чтобы двигаться впередъ по этой схемѣ *революціи не было нужно*. Главное и труднѣйшее уже было сдѣлано. Съ тѣхъ поръ какъ самодержавная власть свернула съ прежней дороги, между правительствомъ и населеніемъ стояли вопросы техническіе, не политическіе. Органическое развитіе жизни само уже переносило реальную власть отъ бюрократіи къ обществу. Этотъ путь могъ быть долгимъ; онъ предполагалъ не смѣлое законодательствованіе а la Аманулла, а медленное усвоеніе всей

страной новыхъ навыковъ общежитія. Но зато это былъ бы путь вѣрный; шагъ впередъ дѣлался бы только тогда, когда страна уже была способна его переварить.

Но нужна ли была для этого революція?

Нѣтъ, революція была не нужна, говоритъ В. А. Маклаковъ въ своемъ авторитетномъ и для многихъ весьма поучительномъ «очеркѣ прошлаго», напечатанномъ имъ, увы! — 13 лѣтъ спустя послѣ этой революціи, въ эмигрантской газетѣ «Возрожденіе», 13 января 1930 года, и въ журналѣ: «Современныя Записки».

Эти статьи талантливаго московскаго юриста, вращавшагося въ свое время и среди москвичей «шиповскаго лагеря», являются нравоучительнымъ послѣсловіемъ къ «воспоминаніямъ о пережитомъ» Д. Н. Шипова. Многое въ нихъ дополняетъ и уясняетъ В. А. Маклаковъ, а оба они дали намъ важнѣйшее историческое признаніе самихъ русскихъ либераловъ о томъ, какъ эти выдающіеся русскіе люди и добрые патріоты, съ возвышеннымъ идейнымъ ихъ жизнепониманіемъ «дошли до жизни такой», о томъ, какъ и кѣмъ именно была доведена Россія до ея крушенія въ февралѣ-мартѣ 1917 года.

Земскій предпарламентъ организуется для борьбы съ самодержавіемъ

Разсказъ Д. Н. Шипова имѣетъ особый интересъ съ момента оживленія или вѣрнѣе возобновленія борьбы «земскихъ людей» съ самодержавіемъ, послѣ коронаціонныхъ торжествъ начала царствованія Императора Николая II-го.

«Предъ окончаніемъ коронаціонныхъ празднествъ всѣ предсѣдатели собрались на прощальномъ пріемѣ у м-ра вн. дѣлъ. Послѣ оффиціальнаго пріема я сказалъ м-ру, что имѣю сдѣлать сообщеніе по порученію всѣхъ предсѣдателей управъ. И. Л. Горемыкинъ предложилъ мнѣ остаться и пригласилъ перейти въ его кабинетъ. Я подробно сообщилъ министру соображенія, по которымъ общеніе предсѣдателей имѣетъ выдающееся значеніе для цѣлесообразной и правильной постановки различныхъ практическихъ земскихъ мѣропріятій, и сказалъ о принятомъ нами рѣшеніи организовать наши періодическія совѣщанія, о чемъ всѣ предсѣдатели поручили мнѣ довести до свѣдѣнія м-ра вн. дѣлъ. И. Л. Горемыкинъ отвѣтилъ, что онъ не въ правѣ дать разрѣшеніе на такого рода собранія, такъ какъ они не предусмотрѣны положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Я объяснилъ, что предсѣдатели имѣли въ виду это возраженіе, по этому и не испрашиваютъ оффиціальнаго разрѣшенія министра. Предсѣдатели имѣютъ въ виду собираться

частнымъ, не оффиціальнымъ порядкомъ, но желаютъ, чтобы ихъ собранія не носили характера таинственности, и по этому возложили на меня порученіе о нашемъ рѣшеніи откровенно довести до его свѣдѣнія. И. Л. Горемыкинъ сказалъ, что если онъ не имѣетъ права дать оффиціальное разрѣшеніе, то онъ въ то же время хорошо понимаетъ, что не имѣетъ возможности воспретить частныя собесѣдованія предсѣдателей земскихъ управъ, а по существу не можетъ отрицать пользы для земскаго дѣла отъ такихъ совѣщаній. Высказавъ благодарность за прямое и откровенное предупрежденіе о принятомъ рѣшеніи, И. Л. Горемыкинъ счелъ нужнымъ преподать слѣдующіе совѣты: во-первыхъ, ограничить составъ совѣщанія участіемъ въ нихъ только предсѣдателей губернскихъ управъ, чтобы избѣжать многолюдства и обезпечить практическій характеръ обсужденія земскихъ вопросовъ. Во-вторыхъ, собираться не въ помѣщеніи губернскихъ управъ, а на частныхъ квартирахъ, что болѣе будетъ соотвѣтствовать частному характеру предполагаемыхъ собраній. «Въ-третьихъ», — сказалъ И. Л. Горемыкинъ, — «примите мѣры, чтобы печать о вашихъ собраніяхъ не трубила...

«Послѣ этого бесѣда была закончена, и я тотчасъ же познакомилъ съ ея содержаніемъ предсѣдателей управъ, ожидавшихъ меня въ помѣщеніи московской губернской управы. Было рѣшено собраться въ этомъ же году въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ происходила Всероссійская выставка, а опредѣлить время собранія и намѣтить программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, было предоставлено мнѣ и предсѣдателю нижегородской земской управы, В. В. Хвощинскому...

«Къ 8 августа 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ собрались 19 предсѣдателей губ. зем. управъ, а 9 прислали увѣдомленіе, что текущія дѣла лишаютъ ихъ возможности прибыть на съѣздъ. Совѣщанія состоялись съ 8 по 11 августа и происходили въ квартирѣ В. В. Хвощинскаго, а затѣмъ, въ помѣщеніи при ресторанѣ на выставкѣ. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель нижегородской управы, а я исполнялъ обязанности секретаря. Первымъ обсуждался вопросъ объ организаціи послѣдующихъ совѣщаній. Всѣ единодушно выражали пожеланія, чтобы начавшееся общеніе получило дальнѣйшее развитіе и чтобы всѣ предсѣдатели губернскихъ управъ принимали участіе въ совѣщаніяхъ. При этомъ указывалось, что съѣзды открываютъ участникамъ возможность знакомиться съ постановкой дѣла въ другихъ земствахъ и содѣйствуютъ всестороннему выясненію основныхъ положеній земской дѣятельности. На съѣздахъ предсѣдатели могутъ по вопросамъ, осуществленіе которыхъ нуждается въ согласіи правительства, притти къ

соглашенію объ единовременномъ внесеніи въ губернскія собранія предположеній о возбужденіи однообразныхъ ходатайствъ, что явится условіемъ, обезпечивающимъ большую вѣроятность ихъ удовлетворенія. Было постановлено: 1) организовать при московской управѣ бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ; 2) просить войти въ составъ бюро предсѣдателей управъ: петербургской, В. П. Маркова, смоленской, Н. А. Рачинскаго, орловской, С. А. Хвостова, нижегородской, В. В. Хвощинскаго и московской, Д. Н. Шипова; 3) признать желательнымъ, чтобы по каждому вопросу, вносимому на совѣщаніе, были составляемы обстоятельные доклады; 4) уполномочить бюро *поручать постороннимъ лицамъ составленіе докладовъ*, если этотъ трудъ не будетъ принятъ на себя кѣмъ-либо изъ членовъ совѣщанія и 5) назначить слѣдующій съѣздъ въ С.-Петербургѣ, въ мартѣ 1897 г., предоставивъ бюро опредѣлить день совѣщанія. Былъ затронутъ вопросъ о составѣ съѣздовъ, въ виду желанія многихъ гласныхъ принимать въ нихъ участіе. Я возражалъ противъ расширенія состава совѣщаній; наши съѣзды представляются дѣломъ совершенно новымъ и нужно дать время новой организаціи окрѣпнуть и примириться съ ея существованіемъ, какъ правительству, такъ и всѣмъ, относящимся отрицательно къ развитію общественной самодѣятельности; на первое время необходимо сохранить частный характеръ нашихъ собраній, а при ихъ многолюдствѣ это будетъ невозможно. Совѣщаніе согласилось съ приведенными мной соображеніями...

«Совѣщаніе занялось еще вопросами, возбужденными иниціативой извнѣ. Предсѣдатель вольно-экономическаго общества, гр. П. А. Гейденъ, предложилъ организовать связь между дѣятельностью общества и земства. Онъ говорилъ о возможности образовать при обществѣ особый отдѣлъ по земскимъ вопросамъ, въ составъ котораго вошли бы предсѣдатели губернскихъ управъ, чѣмъ открывалась возможность осуществлять тѣ же задачи, которыя ставитъ себѣ настоящее совѣщаніе...

«Въ сентябрѣ члены избраннаго совѣщаніемъ бюро собрались въ Москвѣ для выполненія возложенныхъ на него порученій. Занятія бюро происходили у меня на квартирѣ и продолжались два дня...

«А. Г. Булыгинъ, бывшій въ это время губернторомъ, передалъ мнѣ свое конфиденціальное письмо отъ 25 ноября 1896 г. слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ! Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, на частномъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, про-

исходившемъ между 8 и 11 августа текущаго года, было, между прочимъ, рѣшено: 1) организовать періодическіе съѣзды предсѣдателей всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ, 2) для подготовительныхъ дѣйствій и для разработки, подлежащихъ обсужденію съѣздовъ вопросовъ, учредить при московской губернской земской управѣ бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и 3) слѣдующій съѣздъ предсѣдателей назначить въ мартѣ 1897 года въ С.-Петербургѣ. Съ своей стороны г-нъ м-ръ вн. дѣлъ находитъ, что никакіе съѣзды, и тѣмъ болѣе должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, не могутъ имѣть мѣста безъ особаго каждый разъ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, и что объединеніе дѣятельности земскихъ учрежденій и установленіе общихъ руководящихъ началъ для этой дѣятельности принадлежитъ исключительно вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ».

«По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что предложенная на нижегородскомъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ организація съѣздовъ означенныхъ предсѣдателей не была разрѣшена имъ министромъ и, какъ нарушающая строй нашего государственнаго порядка и не соотвѣтствующая основной задачѣ земскихъ учрежденій — вѣдать только мѣстныя дѣла губерніи и уѣзда — ни въ какомъ случаѣ допущена быть не можетъ, Г-нъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проситъ меня поставить о семъ въ извѣстность ваше превосходительство и предложить вамъ немедленно закрыть учрежденное при московской губернской земской управѣ бюро предсѣдателей управъ и не принимать въ таковыхъ съѣздахъ никакого участія. Сообщая вамъ о всемъ вышеизложенномъ, для соотвѣтствующихъ распоряженій и исполненія, имѣю честь просить ваше превосходительство увѣдомить меня какъ о времени закрытія означеннаго бюро, такъ и о полученіи вами настоящаго сообщенія...».

«... При обсужденіи съ А. Г. Булыгинымъ возможныхъ причинъ, вызвавшихъ такую перемѣну въ отношеніяхъ министра къ извѣстному ему факту, я высказалъ предположеніе, не послужила ли къ тому поводомъ неточность, случайно вкравшаяся въ журналъ совѣщанія? Тамъ было сказано, что совѣщаніе признало нужнымъ организовать бюро при московской губернской управѣ, тогда какъ въ дѣйствительности это вовсе не предполагалось и слѣдовало сказать, что бюро организуется въ Москвѣ. Въ виду этого, я сказалъ А. Г. Булыгину, что изложу свои объясненія въ особомъ письмѣ, содержаніе котораго прошу сообщить министру».

«...20 декабря я получилъ отъ А. Г. Булыгина слѣдующій отвѣтъ: «Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ! Сооб-

щенныя мнѣ вашимъ превосходительствомъ 2 сего декабря за № 3196, свѣдѣнія по вопросу о съѣздахъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ были мною представлены по принадлежности и нынѣ г-нъ министръ внутренныхъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что представленныя вами по означенному вопросу объясненія не могутъ быть признаны удовлетворительными и не убѣждаютъ въ возможности разрѣшенія періодическихъ съѣздовъ предсѣдателей управъ. Означенные представители земскаго общественнаго управленія являются, по закону, лицами должностными, состоящими на государственной службѣ. При такомъ положеніи дѣла, какъ самые съѣзды, такъ и бюро для подготовительныхъ къ онымъ дѣйствій, не могутъ быть признаны исключительно частными собраніями, не требующими разрѣшенія, и представляются нарушеніемъ закона. Впослѣдствіе сего г-нъ министръ внутренныхъ дѣлъ проситъ меня объявить вашему превосходительству, что онъ, министръ, не допускаетъ ни дальнѣйшаго существованія бюро, въ какомъ бы видѣ оно ни было учреждено, ни участія вашего въ вышеупомянутыхъ съѣздахъ. Объ этомъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству къ надлежащему исполненію...».

«...Предсѣдатели губернскихъ управъ вновь собрались въ Москвѣ въ августѣ 1898 года во время открытія памятника Императору Александру II. 16 августа при торжествѣ присутствовали предсѣдатели всѣхъ губернскихъ управъ, а также члены губ. управы и предсѣдатели уѣздныхъ управъ московской губерніи. На слѣдующій день всѣ эти лица собрались къ завтраку въ губ. управѣ, а послѣ завтрака происходила продолжительная бесѣда по общимъ для всѣхъ вопросамъ земской жизни и о способахъ возможнаго между губернскими земствами единенія. Столы были накрыты въ большой залѣ управы предъ мраморнымъ бюстомъ Императора Александра II, украшеннымъ цвѣтами и зеленью. Для характеристики настроенія, среди собравшихся, привожу двѣ рѣчи, произнесенныя мной и предсѣдателемъ херсонской губ. зем. управы, В. П. Андреевскимъ, встрѣченныя общимъ горячимъ сочувствіемъ. Я обратился со слѣдующими словами: «Позвольте мнѣ, милостивые государи, привѣтствовать нашихъ дорогихъ гостей, предсѣдателей губ. управъ, сдѣлавшихъ намъ честь, собравшись сегодня въ помѣщеніи московской губ. упрвы. Собраніе предсѣдателей управъ вообще столь желательное, въ настоящее время имѣетъ особое для насъ значеніе, такъ какъ всѣ мы собрались въ Москвѣ для присутствія при торжественномъ открытіи и освященіи памятника блаженныя памяти Императору Александру II, призвавшему къ жизни земскія учрежденія. Корень земской реформы 1864 г., какъ и всѣхъ другихъ реформъ 60-хъ годовъ,

лежитъ въ освободительно-гуманномъ движеніи конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, которому Россія обязана своимъ быстрымъ обновленіемъ и возрожденіемъ. Этимъ движеніемъ были захвачены всѣ лучшія общественныя силы и въ то же время извѣстно, какія препятствія это движеніе встрѣчало со стороны реакціонной и весьма вліятельной партіи. Но всѣ создаваемыя препятствія были устранены и всѣ реформы были осуществлены, благодаря иниціативѣ и личной энергіи въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, основанныхъ на глубокомъ убѣжденіи и вѣрѣ въ правоту предпринятаго Имъ дѣла. Такъ было и съ введеніемъ земскихъ учрежденій. Когда обсужденіе проекта земской реформы, вслѣдствіе противодѣйствія реакціи, грозило затянуться на неопредѣленное время, то 1 ноября 1863 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «требую, чтобы дѣло это непремѣнно было окончено до 1 января 1864 года» и, только благодаря державной волѣ, дѣло это получило окончательное разрѣшеніе. Величайшая изъ реформъ Императора Александра II, упраздненіе крѣпостного права, обусловливала гражданское перерожденіе народа, впервые получившаго сознаніе о своихъ правахъ, о своей правоспособности. Съ изданіемъ «Положенія о крестьянахъ», установившаго крестьянское самоуправленіе, какъ въ сельскомъ, такъ и въ волостномъ обществѣ, предчувствовалась неизбѣжность созданія мѣстнаго самоуправленія для всего народонаселенія, для всего русскаго общества. Освобожденіе крестьянъ должно было завершиться уничтоженіемъ бюрократической опеки надъ мѣстной жизнью и вызвать установленіе общественнаго самоуправленія. Обезпеченіе гражданской свободы всему населенію приводило къ сознанію, что удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей немыслимо безъ свободнаго и самостоятельнаго участія мѣстнаго населенія въ дѣлѣ мѣстнаго управленія, т. е. немыслимо безъ общественной самодѣятельности. Нельзя было не признать, что невозможно организовать удовлетвореніе потребностей мѣстнаго общества путемъ только административныхъ предписаній, помимо свободной воли населенія и его сознательнаго и самостоятельнаго въ этомъ дѣлѣ участія. Великій Самодержавный Государь съ довѣріемъ отнесся къ общественнымъ силамъ и 1 января 1864 г. «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» получило законодательную санкцію. Образованіе земскихъ учрежденій имѣетъ своею цѣлью призвать въ каждой мѣстности къ завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами всѣ безъ различія классы общества, составляющіе земство, такъ какъ самое земство есть ничто иное, какъ соединеніе — общественный союзъ жителей одной мѣстности для удовлетворенія общихъ хозяйственныхъ нуждъ. Хотя этотъ обществен-

ный союзъ является союзомъ принудительнымъ и имѣетъ своею задачей равномѣрное, въ интересахъ справедливости, распредѣленіе, какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгоды, доставляемой членамъ его на общія средства, но въ основѣ этого союза, несомнѣнно, лежитъ нравственное начало, — начало взаимопомощи по долгу христіанской любви. Исходя изъ этого начала, земскія учрежденія и не руководствуются исключительно стремленіемъ только равномѣрно распредѣлить всѣ поступающія въ ихъ распоряженіе средства для равномѣрнаго предоставленія выгодъ всѣмъ классамъ и членамъ данной земской единицы, а сосредоточиваютъ свою дѣятельность и свои средства для обезпеченія классовъ и мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ удовлетвореніи насущныхъ своихъ потребностей. Такъ, напримѣръ, какъ всѣмъ извѣстно, владѣльцы крупныхъ недвижимыхъ имуществъ участвуютъ значительными суммами въ раскладкѣ земскихъ сборовъ, но получаютъ непосредственно отъ расходованія земскихъ средствъ сравнительно незначительныя для себя выгоды и средства эти служатъ преимущественно для удовлетворенія насущныхъ потребностей крестьянскаго населенія. Такая взаимопомощь не есть благотворительность, а только выполненіе обществомъ лежащаго на немъ нравственнаго долга. Провидѣніе надѣлило человѣка свободною волею, но оно же дало намъ нравственный законъ и выполненіе этого закона открываетъ намъ путь къ личному и общественному благу. Участіе въ земскихъ общественныхъ союзахъ и обязанности, этимъ участіемъ налагаемыя, вполнѣ гармонируютъ съ исповѣдываемою нами христіанской моралью. Земская идея есть по существу своему идея нравственная и вотъ почему, мм. гг., земское дѣло является всегда дѣломъ живымъ и привлекаетъ къ себѣ и со стороны людей, проникнутыхъ желаніемъ работать для другихъ, людей, движимыхъ глубокой вѣрой въ торжество альтруистическихъ идей, вообще людей съ болѣе широкимъ взглядомъ на жизнь. Со времени введенія земскихъ учрежденій прошло уже 33 года. Не намъ, конечно, судить, насколько удовлетворительно выполнило земство возложенныя на него обязанности, но мы не можемъ не сознавать, что за этотъ срокъ было сдѣлано весьма много для справедливаго удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Не могу пройти молчаніемъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, при пересмотрѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ 1890 г. было внесено много измѣненій, неблагопріятно отражающихся, какъ на составѣ, такъ и на самостоятельности земскихъ учрежденій. Земское дѣло по существу своему, какъ дѣло живое и какъ дѣло общественное, можетъ успѣшно итти и развиваться только при условіи обезпеченія ему необходимой самостоятель-

ности. Мы, люди земскіе, глубоко вѣримъ, что мѣстныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при широкомъ развитіи общественной самодѣятельности на почвѣ исторически сложившагося государственнаго строя Россіи. Съ глубокимъ благоговѣніемъ и безпредѣльной благодарностью вспоминая высокомилостивое довѣріе, оказанное русскому обществу Великимъ Государемъ Императоромъ Александромъ II, призвавшимъ къ жизни общественныя учрежденія, приложимъ наши силы къ тому, что-бы земскія учрежденія были всегда на высотѣ своего призванія и были бы всегда достойны довѣрія, оказываемаго имъ верховною властью Монарха».

В. П. Андреевскій съ большимъ подъемомъ произнесъ слѣдующую глубоко прочувствованную рѣчь:

«Если бы какимъ-нибудь чудомъ сила моего слова могла подняться до высоты переживаемего нами въ эти дни историческаго момента, то мнѣ, какъ русскому человѣку, было бы тяжело потому, что человѣческое творчество, въ какой-бы то ни было области его проявленіе, я твердо вѣрю, еще не доросло до возможности обнять въ подобающей формѣ красоты и величія дѣянія Того, чей обаятельный обликъ, въ открытомъ вчера памятникѣ, предсталъ умиленному взору восторженныхъ россіянъ. Восторженное настроеніе это даетъ мнѣ неслыханную смѣлость обратиться прямо къ дорогому намъ изображенію незабвеннаго Монарха. Великій въ Бозѣ почившій Государь, щедрою рукою расточавшій неизреченныя блага своему народу, мученическою смертью еще болѣе расширившій необъятный ореолъ своей неувядаемой славы, къ подножію открытаго Тебѣ памятника мы благоговѣйно повергаемъ лучшія силы своей человѣческой души! Осѣни ихъ обаяніемъ Своего безсмертнаго генія и направь къ той правдѣ и любви, какими полна была Твоя многострадальная царственная жизнь. Одно лишь воспоминаніе о Твоемъ славномъ, отмѣченномъ божественнымъ перстомъ, царствованіи вызываетъ въ благодарныхъ современникахъ и потомкахъ благоговѣйныя слезы восторга. Слезы обычныхъ житейскихъ горестей и печали изсушаются неумолимымъ временемъ; тѣхъ же слезъ источникъ не изсякаетъ. Таятся онѣ въ сердцахъ, согрѣтыхъ любовью къ ближнему и отчизнѣ, и льются онѣ неудержимо въ торжественные историческіе моменты, и подъ ихъ живительною влагой растутъ и крѣпнутъ гражданскія доблести, какъ подъ влагой небесною растутъ и зрѣютъ питающіе насъ земные плоды. Хочется вѣрить въ загробную жизнь, хочется чувствовать, что Твоя великая душа теперь витаетъ надъ нами и вдохновляетъ насъ неуклонно слѣдовать предначертаннымъ Тобою путемъ... Миръ праху Твоему, великій человѣкъ, возлюбленный и незабвенный Мо-

нархъ! Пройдутъ вѣка, многое измѣнится въ мірѣ, дѣянія же исполиновъ мысли и воли, работавшихъ за свободу, правду и любовь, великими пребудутъ навсегда, и мы русскіе люди, гордясь величіемъ и славой своего родного, русскаго исполина, поднимемъ высоко наши бокалы за благоденствіе столь горячо любимой Имъ Россіи».

Эти рѣчи вызвали горячій откликъ и многіе предсѣдатели губернскихъ управъ выступили съ заявленіями, въ которыхъ отмѣчали свою полную солидарность съ высказанными мной и В. П. Андреевскимъ мыслями и чувствами...

«... 18 августа всѣ предсѣдатели губ. управъ отслужили въ Чудовомъ монастырѣ торжественную панихиду по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ и возложили на Его памятникъ вѣнокъ съ надписью на лентахъ: «Основателю земскихъ учрежденій Великому Императору Александру II — благодарныя земскія учрежденія Россіи». Въ воспоминаніе объ этомъ предсѣдатели управъ изъявили желаніе, чтобы всѣми губ. земствами была сооружена серебряная доска и укрѣплена къ подножію мраморнаго памятника Александра II, находящагося въ залѣ дома московскаго губ. земства, и поручили мнѣ составить проектъ надписи на предполагаемой доскѣ и сообщить его на заключеніе всѣхъ губ. управъ. Возникшее предположеніе и проектированная на доскѣ надпись были доложены въ 26 губерніяхъ губ. земскимъ собраніямъ и встрѣчены общимъ сочувствіемъ. Въ 7 губерніяхъ, еще до губ. собраній, состоялись соотвѣтствующія постановленія губ. управъ».

«Не присоединилось только симбирское земство; предсѣдатель симбирской управы, С. С. Андреевскій, въ отвѣтъ на обращеніе московской управы увѣдомилъ, что предположеніе о сооруженіи доски къ памятнику Императора Александра II губернскому собранію доложено не было».

«Изъ проекта надписи пришлось исключить слово, что доска сооружена всѣми земствами Россіи. Надпись на доскѣ, укрѣпленной къ подножію памятника, слѣдующая:»

«1898 года, августа 18 дня, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, присутствовавшіе въ Москвѣ на торжествѣ освященія и открытія памятника Императору Александру II, движимые чувствомъ глубокаго благоговѣнія и безпредѣльной благодарности къ Державному Отцу русскаго земства, съ любовью и довѣріемъ призвавшему общество къ гражданской жизни, отслужили въ Чудовомъ монастырѣ панихиду по въ Бозѣ почивающемъ Государѣ и возложили вѣнокъ на его памятникъ, воздвигнутый въ Кремлѣ, съ надписью на лентахъ: «Основателю земскихъ учрежденій Великому Императору Александру II — благодарныя земскія учрежденія Россіи».

«Въ воспоминаніе о семъ сооружена настоящая доска губернскими земствами Россіи».

«По постановленію московскаго губ. зем. собранія были препровождены во всѣ губернскія управы фотографіи памятника Императора Александра II, въ зданіи губ. земства, съ укрѣпленной къ подножію его доскою...»

«Въ послѣдній разъ мнѣ, какъ предсѣдателю московской губернской управы, пришлось принять участіе въ объединеніи земствъ въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ. 27 января 1904 г. московское губ. зем. собраніе, подъ впечатлѣніемъ начала военныхъ дѣйствій, прервало занятія очередной сессіи 1903 года и постановило возобновить ихъ 10 февраля. Собраніе, ассигновавъ средства на нужды, вызываемыя войной, сдѣлало слѣдующее постановленіе: «Не предрѣшая вопроса, въ какой формѣ должна быть организована помощь раненымъ и больнымъ, но признавая желательнымъ, чтобы въ дѣлѣ обезпеченія этой помощью московское земство приняло не только матеріальное, а и возможно широкое активное участіе, и признавая, что эта цѣль можетъ быть успѣшно достигнута при взаимодѣйствіи московскаго земства съ земствами другихъ губерній, избрать комиссію изъ 10 гласныхъ и предоставить ей, совмѣстно съ губ. управой: выработать планъ дѣйствій и организовать дѣло помощи раненымъ и больнымъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, привлекать необходимыхъ для этого дѣла лицъ и входить въ соглашеніе съ другими общественными учрежденіями». Въ устномъ докладѣ, вызвавшемъ это постановленіе, я сообщилъ, что соображенія управы о желательности и цѣлесообразности работы на театрѣ военныхъ дѣйствій, совмѣстно съ другими земствами, раздѣляются представителями нѣкоторыхъ губ. зем. управъ, бывшими въ Москвѣ. Избранная комиссія и управа приступили къ работѣ въ тотъ же день вечеромъ. 12 февраля губ. управа поставила въ извѣстность 14 ближайшихъ губ. управъ о постановленіи московскго зем. собранія «на случай, если бы они признали нужнымъ принять участіе въ организаціи врачебносанитарной помощи на Дальнемъ Востокѣ и вступить въ этомъ дѣлѣ въ соглашеніе съ московскимъ земствомъ». Желаніе организовать совмѣстно помощь раненымъ и больнымъ воинамъ изъявили земства: воронежское, казанское, костромское, курское, орловское, пензенское, с.-петербургское, тамбовское, тульское, уфимское, черниговское, харьковское и ярославское».

«Приступая къ организаціи взаимодѣйствія земствъ въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, всѣ мы, земскіе люди, опасались встрѣтить препятствіе земскому единенію со стороны м-ра вн. дѣлъ, В. К. Плеве, и наши опасенія оправдались.

М-ръ тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы пресѣчь осуществленіе земскаго начинанія, и земскимъ представителямъ пришлось съ своей стороны безотлагательно приступить къ дѣйствіямъ, съ цѣлью преодолѣть противодѣйствіе В. К. Плеве. Вскорѣ, по объявленіи войны, главное управленіе Краснаго Креста организовало *исполнительную комиссію*, во главѣ которой былъ поставленъ гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ...»

«... Многіе изъ насъ вступили въ переговоры съ исполнительной комиссіей Краснаго Креста и затѣмъ представители 8 губ. земствъ подали гр. И. И. Воронцову-Дашкову докладную записку...».

«... Исполнительная комиссія, обсудивъ представленную записку и имѣя въ виду, что начертанный въ ней планъ дѣйствій вполнѣ соотвѣтствуетъ вошедшимъ въ законную силу постановленіямъ земскихъ собраній, нашла предполагаемую земскую организацію вполнѣ цѣлесообразной и признала возможнымъ принять ея предложеніе къ исполненію. Постановленіе комиссіи ея предсѣдателемъ было доложено Августѣйшей Покровительницѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста, Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, и получило одобреніе Ея Величества. Такимъ образомъ, земская организація была принята подъ флагъ Краснаго Креста и В. К. Плеве пришлось считаться съ совершившимся фактомъ...».

«... 27 апрѣля, кн. Г. Е. Львовъ, главноуполномоченный общеземской организаціи на Дальнемъ Востокѣ, представлялся Государю Императору и просилъ напутственнаго благословенія Его Императорскаго Величества на трудное и отвѣтственное дѣло. Его Величество милостиво благословилъ князя и соизволилъ повелѣть передать представителямъ земствъ, принимавшихъ участіе въ объединенной земской организаціи, и персоналу земскихъ отрядовъ Высочайшее сочувствіе предпринимаемому земствомъ дѣлу, напутственное благословеніе и пожеланіе успѣха въ святомъ дѣлѣ человѣколюбія. Повелѣніе Его Величества было выполнено кн. Г. Е. Львовымъ въ совѣщаніи предсѣдателей общеземской организаціи 2 мая. М-ръ вн. дѣлъ былъ поставленъ предъ необходимостью подчиниться и примириться съ фактомъ существованія непріятной ему земской организаціи. Но въ тоже время онъ призналъ возможнымъ, констатировавъ въ своемъ циркулярѣ образованіе земской организаціи, принятой подъ флагъ Краснаго Креста и въ составъ которой къ этому времени вошли 14 земствъ, воспретить остальнымъ земствамъ дальнѣйшее присоединеніе къ возникшей вновь организаціи. Вслѣдствіе этого распоряженія губернаторами опротестовывались всѣ послѣдовавшія послѣ

циркуляра постановленія зем. собраній о присоединеніи ихъ къ общеземской организаціи...».

«... Общеземская организація была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Главнокомандующій А. Н. Куропаткинъ проявлялъ заботливое отношеніе къ земскимъ отрядамъ и въ бесѣдѣ съ уполномоченнымъ московскаго земства сказалъ, что онъ считаетъ себя членомъ земской семьи, какъ сынъ бывшаго предсѣдателя земской управы, научившимся съ ранней молодости цѣнить и уважать земскую дѣятельность».

«... Во второй половинѣ 1904 года, послѣ убійства В. К. Плеве, во главѣ м-ства вн. дѣлъ всталъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, съ довѣріемъ относившійся къ органамъ общественнаго самоуправленія. 17 октября въ совѣщаніи общеземской организаціи было оглашено распоряженіе мр-а вн. дѣлъ, опубликованное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»: «Ген.-адъют. Куропаткинъ въ телеграммѣ на имя м-ра вн. дѣлъ свидѣтельствуетъ о полезной и самоотверженной дѣятельности врачебно-санитарныхъ отрядовъ при Манчжурской арміи, снаряженныхъ на средства 14 земствъ, высказывая пожеланіе объ усиленіи этихъ отрядовъ. По докладѣ о семъ Его Императорскому Величеству м-ръ вн. дѣлъ циркуляромъ отъ 6 сего октября поставилъ губернаторовъ въ извѣстность, что въ видахъ усиленія размѣра помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, онъ не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію могущихъ возникнуть со стороны земствъ предположеній объ ассигнованіи средствъ, какъ на развитіе дѣятельности уже существующихъ земскихъ отрядовъ, такъ равно и на образованіе новыхъ».

«Это распоряженіе, открывавшее всѣмъ земствамъ возможность присоединенія къ обще-земской организаціи и авторитетно признававшее значеніе и результаты ея дѣятельности, доставило моральное удовлетвореніе всѣмъ, кому дороги интересы зем. самоуправленія и развитіе зем. дѣятельности. Съ тѣхъ поръ обще-земская организація не прекращала своей дѣятельности; по окончаніи войны работа организаціи и поступавшія въ ея распоряженіе средства направлялись преимущественно на помощь населенію, страдавшему отъ неурожаевъ, а въ 1914 году, съ начала великой европейской войны, общеземская организація явилась основной ячейкой, изъ которой развился мощный Всероссійскій Земскій Союзъ...».

Превращеніе шиповскихъ «бесѣдъ» въ революціонный центръ дѣйствія съ цѣлью ограниченія царской власти.

«Мое вступленіе въ составъ волоколамской, а затѣмъ губ. управы совпало съ первымъ трехлѣтіемъ введенія въ Московской губерніи «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года...».

«... Предоставляя дворянству численное преобладаніе въ составѣ земскихъ собраній, государственная власть предполагала найти въ представителяхъ этого сословія добровольныхъ сотрудниковъ администраціи, призываемыхъ для наблюденія, чтобы въ земствѣ не проявлялось либеральныхъ вѣяній и чтобы направленіе дѣятельности земскихъ учрежденій соотвѣтствовало «видамъ правительства», но и тутъ правительство ошиблось въ своихъ расчетахъ. Предположенія его могли бы оправдаться, если-бы русское дворянство являлось политическимъ общественнымъ сословіемъ, преслѣдующимъ въ государственной жизни свои классовые интересы. Въ этомъ случаѣ направленіе земской жизни, несомнѣнно, опредѣлялось бы борьбой сословныхъ интересовъ. Но представительство и борьба интересовъ были чужды нашему дворянству, да и вообще русскому духу. Преобладаніе въ земствѣ представителей дворянства не помѣшало зем. учрежденіямъ направлять по прежнему свои силы и средства на обслуживаніе широкихъ массъ населенія и характеръ зем. дѣятельности остался неизмѣннымъ и опредѣлялся, преимущественно, идейными стремленіями. Земская идея по существу своему есть идея нравственная и, какъ таковая, воспитываетъ въ соприкасающихся съ ней сознаніе долга и желаніе работать на пользу общую...».

«... Демократическія тенденціи въ земствѣ притекали сверху, а не снизу, и вытекали изъ земской идеи, а не изъ борьбы интересовъ. Въ земской средѣ продолжало крѣпнуть убѣжденіе, что въ составленіи земскихъ средствъ должны участвовать всѣ плательщики земскихъ сборовъ пропорціонально доходамъ или цѣнности ихъ имуществъ, а расходоваться земскія средства должны, преимущественно, на удовлетвореніе культурныхъ и матеріальныхъ потребностей менѣе состоятельнаго, но многочисленнаго населенія. Земское общественное дѣло само по себѣ воспитываетъ духъ и настроеніе въ людяхъ, принимающихъ въ немъ участіе. Предоставленіе дворянству преобладанія въ земствѣ не оказало неблагопріятнаго вліянія на земское дѣло отчасти и по той причинѣ, что участіе въ немъ принимали наиболѣе прогрессивные и культурные дворянскіе представители, хорошо понимавшіе земскую идею и земскія задачи, а члены сословія, реакціонно настроенные или чуждые вообще

интересамъ политической и общественной жизни, долгое время воздерживались отъ участія въ земскихъ учрежденіяхъ...».

«... Осенью 1892 г. въ должность московскаго губернатора вступилъ Д. С. Сипягинъ, человѣкъ преклонявшійся предъ режимомъ господствовавшаго бюрократическаго абсолютизма. Отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ онъ проявилъ циркуляромъ (2 января 1893 г.), направленнымъ въ губернскую и во всѣ уѣздныя управы губерніи. Циркуляръ касался почти всѣхъ отраслей земскаго дѣла и стремился регламентировать детально всю дѣятельность управъ...».

«... Въ январѣ 1893 г. возобновилась сессія губернскаго земскаго собранія и предсѣдатели уѣздныхъ управъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы подъ предсѣдательствомъ Д. А. Наумова, обсудить создавшееся циркуляромъ положеніе. Были выяснены вызываемыя циркуляромъ недоразумѣнія и возраженія и собравшіеся просили меня, какъ лицо, близко знакомое съ Д. С. Сипягинымъ[1]), переговорить съ нимъ и попытаться притти къ пріемлемому для земскихъ управъ соглашенію. Я поспѣшилъ исполнить порученіе и въ продолжительной бесѣдѣ, въ теченіе цѣлаго вечера, мнѣ удалось доказать Д. С. Сипягину основательность отрицательнаго отношенія управъ къ его циркуляру и мы намѣтили пункты циркуляра, которые могли быть выполнены съ тѣми или иными измѣненіями, и условились относительно пунктовъ, отъ которыхъ Д. С. призналъ возможнымъ отказаться...».

«... Въ маѣ 1894 г. Д. С. Сипягинъ былъ назначенъ товарищемъ м-ра земледѣлія и государственныхъ имуществъ...».

«... Его преемникъ А. Г. Булыгинъ былъ однимъ изъ лучшихъ губернаторовъ своего времени. Онъ обладалъ большой работоспособностью и отличался внимательнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и работѣ. Предсѣдательствуя въ многочисленныхъ губернскихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, онъ всегда былъ хорошо подготовленъ и основательно освѣдомленъ въ подлежавшихъ обсужденію вопросахъ. При веденіи преній старался быть объективнымъ и безпристрастнымъ. Въ отношеніяхъ къ органамъ общественнаго самоуправленія А. Г. былъ корректенъ, не стремился стѣснять предоставленныя имъ закономъ права и самостоятельность, съ вниманіемъ входилъ въ разсмотрѣніе заявленій представителей общественныхъ учрежденій и старался итти имъ навстрѣчу или найти почву для компромисса. Однако, въ тоже время А. Г. Булыгинъ

---

[1]) Д. С. Сипягинъ былъ землевладѣлецъ волоколамскаго уѣзда; въ 80-хъ годахъ онъ былъ въ уѣздѣ преводителемъ дворянства, а Д. Н. Шиповъ, предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей и они находились въ товарищескихъ отношеніяхъ.

былъ строгимъ исполнителемъ предъявляемыхъ ему требованій и указаній центральной власти и опасался навлечь на себя ея недовольство...».

«... Политика Д. С. Сипягина была политика человѣка, призваннаго къ государственной власти, но не обладавшаго необходимымъ для государственнаго дѣятеля широкимъ общимъ и политическимъ жизнепониманіемъ. Воспитанный въ традиціяхъ крѣпостнаго права и русскаго барства, онъ являлся искреннимъ сторонникомъ приказнаго строя и неограниченной власти правительства. Но его образъ дѣйствій и приводимыя имъ мѣропріятія исходили всегда изъ усвоенныхъ имъ, если не убѣжденій, то опредѣленныхъ взглядовъ и его во всякомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ отсутствіи искренности и прямоты. Совсѣмъ инымъ представлялся бывшій въ то время министромъ финансовъ С. Ю. Витте. Въ немъ всѣ признавали человѣка большого ума, выдающихся способностей и знали о томъ вліяніи и авторитетѣ, которыми онъ пользовался въ средѣ правительства. Казалось очевиднымъ, что для такого государственнаго человѣка не могло быть сомнѣнія, что жизнь государства не можетъ правильно и успѣшно развиваться безъ тѣснаго взаимодѣйствія государственной власти и общественныхъ силъ. Однако, въ мѣропріятіяхъ, проводимыхъ С. Ю. Витте, и въ его образѣ дѣйствій нерѣдко проявлялись неуваженіе и недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ и готовность посягать на ихъ самостоятельность. Трудно было составить себѣ заключеніе о политическихъ убѣжденіяхъ С. Ю. Витте и уяснить себѣ истинныя цѣли, преслѣдуемыя его политикой...».

«... Лѣтомъ 1899 г. м-ромъ вн. дѣлъ, И. Л. Горемыкинымъ, былъ составленъ законопроектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ. Проектъ былъ препровожденъ во всѣ министерства для отзывовъ. Министръ финасовъ отозвался на законодательное предположеніе министра внутреннихъ дѣлъ обширной конфиденціальной запиской, въ которой далъ вопросу совершенно неожиданную постановку. Основная мысль записки въ томъ, что прежде, чѣмъ поднимать вопросъ о территоріальномъ распространеніи земскихъ учрежденій, необходимо предварительно поставить и разрѣшить вопросъ — совмѣстимо ли вообще земское самоуправленіе съ самодержавіемъ? Обширный трудъ С. Ю. Витте получилъ большое распространеніе; онъ былъ напечатанъ за-границей редакціей «Освобожденія», особой книгой, озаглавленной «Самодержавіе и земство», въ 1908 г. записка появилась въ печати въ С.-Петербургѣ съ предисловіемъ Чичерина и наконецъ въ 1914 г. записка была издана самимъ гр. С. Ю. Витте въ видѣ

книги: «По поводу непреложности законовъ государственной жизни».

«Мнѣ пришлось ознакомиться съ запиской въ ноябрѣ 1899 г. Она была прислана мнѣ кн. А. А. Ливеномъ, состоявшимъ управляющимъ дворян. и крест. банками и пользовавшимся особымъ расположеніемъ С. Ю. Витте. Кн. А. А. Ливенъ, съ которымъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ, писалъ, что сообщаетъ записку съ вѣдома и по желанію ея автора, и просилъ, возвращая записку, написать мое о ней мнѣніе».

«Читая записку въ первый разъ, я испытывалъ чувство глубокаго возмущенія, такъ какъ авторъ выступалъ въ ней, какъ бы, противникомъ развитія общественной самодѣятельности и, казалось мнѣ, признавалъ несовмѣстимость земскаго самоуправленія съ самодержавнымъ строемъ государства и говорилось, что формула славянофиловъ — *«самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ»* — должна быть признана несостоятельной, а такое заключеніе противорѣчило моимъ убѣжденіямъ. Однако, кончая первое чтеніе и въ особенности послѣднихъ главъ записки, я почувствовалъ, что мое первое впечатлѣніе, повидимому, ошибочно, что записка преслѣдуетъ иную цѣль, чѣмъ ту, которая въ ней оффиціально выставлена; я еще болѣе укрѣпился въ моемъ заключеніи, прочтя записку вторично и дѣлая изъ нея выписки. Хотя авторъ и говоритъ, что «въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ государственнаго управленія надо быть прежде всего искреннимъ», но онъ самъ этимъ путемъ не слѣдуетъ. Я пришелъ къ выводу, что С. Ю. Витте убѣжденный конституціоналистъ и что главная цѣль его записки доказать неизбѣжность конституціи для Россіи. Хотя въ концѣ записки онъ и говоритъ, что «конституція вообще великая ложь нашего времени», но это положеніе авторъ не пытается подтвердить какими либо вѣскими доводами, а мнѣніе противоположное, какъ будто авторомъ не раздѣляемое, въ запискѣ пространно изложено и съ убѣдительностью выдвинуто. С. Ю. Витте не высказывается принципіально противъ мѣстнаго самоуправленія, признаетъ его, какъ наиболѣе удобную форму для завѣдыванія мѣстными дѣлами, но въ то же время въ запискѣ неоднократно говорится, что земскія учрежденія, чтобы оправдать свое назначеніе, должны пользоваться самостоятельностью, а это условіе невозможно при самодержавномъ строѣ «съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ». Въ сущности вопросъ въ запискѣ ставился такъ: земскія учрежденія, обезпеченныя необходимой имъ самостоятельностью, вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію, но предоставленіе народному представительству участія въ управленіи мѣстномъ предрѣшаетъ необходимость предоставленія ему

участія въ управленіи государственномъ, а такъ какъ это противорѣчитъ принципу самодержавія, то, слѣдовательно, нужно выбирать одно изъ двухъ. Какъ человѣкъ широкаго кругозора, С. Ю. Витте понималъ, что полумѣры хуже всего и что необходимо опредѣленно рѣшить — куда намъ итти? Поставивъ такъ вопросъ, онъ, однако, какъ царедворецъ и министръ, дорожащій своимъ положеніемъ, высказывается, какъ будто, за самодержавіе и говоритъ о необходимости «поставить правительственные органы въ тѣсную связь съ обществомъ», но, какъ разрѣшить эту задачу, онъ не указываетъ[1]). Записка заканчивается словами: «ничто такъ не подавляетъ самодѣятельности общества, не подрываетъ въ такой мѣрѣ престижа власти, какъ частое и широкое примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Мѣры эти, мѣры опасныя и продолженіе ихъ примѣненія либо приводитъ ко взрыву, либо дѣйствительно обращаетъ все населеніе въ безсвязныя толпы, въ людскую пыль». Послѣ вторичнаго чтенія я пришелъ къ убѣжденію, что С. Ю. Витте, сочувствуя конституціонному режиму, даетъ въ своей запискѣ матеріалъ для освѣщенія вопроса, желаетъ, чтобы вопросъ былъ поставленъ ребромъ, а самъ до поры, до времени предпочитаетъ оставаться въ сторонѣ. Если конституціонныя вѣянія возьмутъ верхъ, С. Ю. Витте поспѣшитъ къ нимъ открыто присоединиться, если же восторжествуетъ противоположное мнѣніе и будетъ признана необходимость ограниченія мѣстнаго самоуправленія, то, вѣроятно, С. Ю. Витте разсчитывалъ, что такое рѣшеніе вопроса укрѣпитъ и усилитъ отрицательное отношеніе общества къ существующему строю и приблизитъ время неизбѣжнаго «взрыва», о которомъ говорится въ концѣ записки.

«Изложенныя мысли и предположенія я сообщилъ въ письмѣ кн. А. А. Ливену. Онъ отвѣчалъ, что раздѣляетъ мое заключеніе и что въ этомъ смыслѣ уже ранѣе говорилъ съ С. Ю. Витте, на что послѣдній отозвался такими словами: «Повѣрьте, если бы Государь былъ другого образа мыслей, то я первый сталъ бы говорить, какъ Чичеринъ и Градовскій, но я смотрю на себя, какъ на приказчика моего Государя, а его взгляды безу-

[1]) Свои «записки» Витте самъ не писалъ, а обыкновенно давалъ заказъ спеціалистамъ-ловкачамъ изъ ученыхъ и публицистовъ и т. д. Эти послѣдніе и повинны, вмѣстѣ съ Витте, въ такомъ двусмысленномъ эзоповскомъ изложеніи — въ двуличной игрѣ на двѣ стороны, въ подсовываніи Царю конституціонныхъ идей и проектовъ въ замаскированномъ видѣ и со всегда готовыми для авторовъ лазейками на случай монаршаго несогласія и необходимости оправдаться и доказать свою лойяльность. Таковы всѣ доклады Витте и даже словесные. Но такова же была тактика и самихъ земцевъ.

словно самодержавные. Нужно умѣть служить своему Государю и много можно сдѣлать полезнаго».

«Ближайшимъ послѣдствіемъ записки министра финансовъ было удаленіе И. Л. Горемыкина съ поста министра внутреннихъ дѣлъ и назначеніе Д. С. Сипягина, кандидатура котораго, какъ говорили, была выдвинута С. Ю. Витте. Чѣмъ руководился С. Ю. Витте, выставляя кандидатуру Д. С. Сипягина, установить опредѣленно, конечно, очень трудно, но невольно приходитъ мысль, не имѣлъ ли онъ въ виду, что Д. С. Сипягинъ былъ человѣкомъ, способнымъ довести реакціонную, репрессивную политику въ отношеніи къ общественному самоуправленію до крайности, и тѣмъ содѣйствовать накопленію въ широкихъ кругахъ общества сознанія необходимости искать выхода изъ тяжелаго, невыносимаго положенія, угнетавшаго всѣ стороны общественной и государственной жизни?...».

«Политика правительства, полная недовѣрія къ общественной самодѣятельности и ставившая себѣ цѣлью ограниченіе необходимой земству самостоятельности и стѣсненіе земской дѣятельности, воспитывала въ земской средѣ и въ широкихъ общественныхъ кругахъ чувства недовольства, обиды, раздраженія и лишала земскія учрежденія возможности работать спокойно и успѣшно...».

«... Но въ то же время политика правительства побуждала всѣ, участвовавшіе въ земской работѣ, элементы сплочиваться между собой тѣснѣе для болѣе интенсивной дѣятельности, не считаясь со встрѣчаемыми препятствіями. На этой почвѣ окрѣпли и усилились взаимодѣйствіе и болѣе живая связь между земскими выборными представителями и приглашаемыми управами на земскую службу работниками, такъ называемымъ, «третьимъ элементомъ». Это условіе благопріятно отразилось на размахѣ земской дѣятельности и земская жизнь и работа получили опредѣленный демократическій характеръ».

«Другимъ положительнымъ послѣдствіемъ прискорбнаго отношенія правительства къ земскому самоуправленію явилось стремленіе губернскихъ земствъ къ объединенію. Представители губернскихъ управъ широко пользовались всякимъ случаемъ, какъ-то: различныя оффиціальныя событія и разнаго рода съѣзды по вопросамъ, соприкасавшимся съ земской дѣятельностью, для того, чтобы собираться и въ этихъ собраніяхъ обсуждались вопросы земской жизни, а болѣе всего сосредоточивалъ на себѣ общій интересъ, самый жгучій вопросъ — о положеніи, создаваемомъ слѣпой политикой власти. Такое же стремленіе къ живому общенію проявлялось вообще въ земской средѣ, какъ со стороны земскихъ гласныхъ, такъ и со стороны «третьяго элемента» въ земствѣ».

«Отношенія правительства къ общественному самоуправленію не замедлили отразиться и на широкихъ кругахъ общества. Въ обществѣ возросъ интересъ къ дѣятельности общественныхъ учрежденій; засѣданія земскихъ собраній и городскихъ думъ привлекали значительное количество публики и чувствовалось, что общество видитъ въ земствѣ своего главнаго представителя и выразителя интересовъ всего населенія...

«При вступленіи на престолъ Императора Николая II въ земствѣ появилась было надежда, что молодой государь сознаетъ необходимость сближенія власти съ обществомъ и ихъ взаимодѣйствія, но эти надежды потерпѣли крушеніе. Уже въ манифестѣ 20 октября 1894 г. по случаю восшествія на престолъ было сказано, что императоръ ни въ чемъ не уклонится отъ вполнѣ миролюбивой, твердой и прямодушной политики своего отца. Губернскія земскія собранія поспѣшили обратиться къ государю съ адресами, въ которыхъ говорилось: о желательности довѣрія власти къ общественнымъ учрежденіямъ, о необходимости единенія и совмѣстной работы правительства и общественныхъ силъ, о предоставленіи земству доступа его голоса къ престолу и тому подобное, но ни въ одномъ адресѣ не говорилось объ измѣненіи существующаго государственнаго строя. Эти пожеланія и надежды, высказанныя въ адресахъ многихъ земствъ, были встрѣчены съ недовольствомъ и съ раздраженіемъ, которыя проявились опредѣленно и рѣзко 17 января 1895 года при пріемѣ во дворцѣ депутацій, приносившихъ поздравленія по случаю бракосочетанія государя. Въ рѣчи, обращенной къ депутаціямъ, Николай II, между прочимъ, сказалъ: «*Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народа, буду охранять начала самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель*».

«Съ воцареніемъ Николая II отношенія правительства къ общественнымъ учрежденіямъ не измѣнились...».

«Многими высказывалось, что молодой государь мало и плохо подготовленъ къ отвѣтственному дѣлу государственнаго управленія, не имѣетъ яснаго представленія о настроеніяхъ общественныхъ круговъ, не знакомъ съ нуждами населенія и находится подъ вліяніемъ окружающихъ его безотвѣтственныхъ совѣтчиковъ изъ представителей бюрократіи, предъ нимъ раболѣпствующихъ и въ то же время его именемъ самовластно управляющихъ государствомъ. На основѣ этихъ соображеній возникло предположеніе составить записку съ изложеніемъ

въ ней существенныхъ недостатковъ существующаго порядка государственнаго управленія и съ указаніемъ главныхъ основъ необходимаго преобразованія, предложить ее подписать всѣмъ губ. предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ губ. управъ, городскимъ головамъ крупныхъ городовъ и нѣкоторымъ общественнымъ дѣятелямъ, пользующимся особымъ уваженіемъ общества, и затѣмъ представить эту записку черезъ избранныхъ лицъ непосредственно Государю. Мнѣ было поручено (зимой 1900-1901 г.г.) организовать въ Москвѣ кружокъ для «детальнаго обсужденія вопроса, выработки основныхъ положеній, составленія записки и вообще для осуществленія возникшаго предположенія. Участіе въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса приняли: кн. П. Н. Трубецкой, Н. А. Хомяковъ, М. А. Стаховичъ, Ф. Д. Самаринъ, кн. С. Н. Трубецкой, кн. П. Д. Долгоруковъ, Р. А. Писаревъ, Н. В. Давыдовъ и В. О. Ключевскій, въ которомъ всѣ участники видѣли желательнаго редактора предполагаемой записки. Приглашенный къ участію московскій городской голова, К. В. Рукавишниковъ[1]), уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія по принципіальному несочувствію къ возникшему предположенію. Послѣ предварительнаго обмѣна мнѣніями между собравшимися лицами, различныхъ политическихъ воззрѣній, было признано необходимымъ, прежде всего, намѣтить тѣ основные положенія, которыя должны быть развиты въ запискѣ и были бы пріемлемы для всѣхъ участниковъ. Составленіе проекта такого рода тезисовъ было возложено на меня. Прежде, чѣмъ привести содержаніе проектированныхъ мной тезисовъ, я считаю необходимымъ изложить основанія моего политическаго жизнепониманія, которыми я руководился при выполненіи даннаго мнѣ порученія».

«Я приступаю къ этой задачѣ съ чувствомъ невольной робости и большого смущенія. Я не искушенъ въ философскомъ мышленіи и никогда не занимался научными изслѣдованіями, не имѣя для того необходимой подготовки и не обладая достаточнымъ научнымъ багажомъ. Меня смущаетъ опасеніе, чтобы читатель моихъ «воспоминаній» не усмотрѣлъ въ изложеніи моего пониманія политической жизни попытку представить опредѣленную, обоснованную систему. Я далекъ отъ разрѣшенія такой сложной проблемы, но, давая отчетъ о моей общественной дѣятельности, я считаю необходимымъ изложить тѣ соображенія, мысли и идеи, которыми я руководился при своихъ выступленіяхъ политическаго характера».

«Мое пониманіе цѣлей и задачъ государственной жизни и

[1]) Рукавишниковъ — единственный былъ не дворянинъ въ этой компаніи.

соотвѣтствующаго имъ государственнаго строя вытекаетъ изъ моего общаго міросозерцанія, основы котораго приведены въ предисловіи къ настоящимъ запискамъ...».

«... Старое русское самодержавіе имѣло, несомнѣнно, въ своей основѣ идею моральной солидарности государя и народа. Въ моемъ представленіи идея самодержавія никогда не отождествлялась съ идеей абсолютизма. «Терминъ самодержецъ», — говоритъ В. О. Ключескій, — «выражалъ понятіе не о государствѣ съ неограниченной властью, а о государѣ независимомъ, никому неплатящемъ дани». «Довѣріе и согласіе государя и народа», — говоритъ В. С. Соловьевъ, — «основывались на томъ, что они одинаково преклонялись предъ общимъ духовнымъ авторитетомъ христіанскаго начала, ставя одну общую цѣль — водвореніе правды Божіей на землѣ». Взаимное довѣріе и живое единеніе русскихъ самодержцевъ и народа получили свое наглядное подтвержденіе на земскихъ соборахъ. Русскіе цари хорошо понимали, что только сближеніе съ народомъ можетъ дать имъ надлежащую опору и укрѣпитъ авторитетъ ихъ власти. Земскіе соборы созывались для обновленія законодательства, для изысканія денежныхъ средствъ, для совѣта по возникавшимъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, для возстановленія разстроеннаго государственнаго порядка и для избранія царей[1])».

«Представители всего народа, призывавшіеся на земскіе соборы для обсужденія общегосударственныхъ дѣлъ, видѣли въ этомъ не осуществленіе своего политическаго права, а выполненіе своего нравственнаго долга. На земскихъ соборахъ никогда не возникалъ вопросъ объ ограниченіи царской власти, какъ и не слышалось указаній на нежеланіе самодержцевъ считаться съ голосомъ народныхъ представителей. Объясненіе этого нужно видѣть въ томъ, что въ основѣ самодержавія и земскихъ соборовъ лежала идея не правовая, а идея морально-политическая. Вопросъ о томъ — имѣли ли мнѣнія и постановленія земскихъ соборовъ характеръ совѣщательный или рѣшающій — представлялся совершенно лишнимъ и неумѣстнымъ. Вполнѣ справедливо отмѣчаетъ Г. Ф. Шершеневичъ: «мы совершенно не знаемъ борьбы между соборами и царемъ, не знаемъ даже слу-

[1]) Т. е. для тѣхъ самыхъ цѣлей. для которыхъ во Франціи, и много раньше — съ 1302 г., — созывались генеральные штабы, составъ которыхъ былъ подобенъ нашимъ «соборамъ», духовенство, дворянство и горожане. Самая идея этихъ земскихъ соборовъ могла быть заимствована на Западѣ. Для «избранія царей» они собирались чрезвычайно рѣдко. — Опредѣленіе Ключевскаго термина «самодержецъ» — произвольное профессорское толкованіе и тенденціозное обобщеніе, желательное конституціоналистамъ, но не обоснованное.

чаевъ, когда бы царь поступилъ въ противность соборному мнѣнію»; «... земскій соборъ былъ силенъ не знаніемъ, а авторитетомъ...» «мыслимо ли было, чтобы царь разошелся съ земскимъ соборомъ. Царь обращается къ народному авторитету для подкрѣпленія своего, но, вѣдь, въ случаѣ разногласія съ соборомъ, авторитетъ царя былъ бы еще болѣе ослабленъ...» «царь не можетъ разойтись съ волей всего народа, представленнаго на соборѣ. Это было ясно всѣмъ и безъ опредѣленія въ законѣ, каково значеніе соборнаго мнѣнія». Сила и авторитетъ земскихъ соборовъ опредѣлялись не закономъ, а народнымъ сознаніемъ, что призваніе самодержавныхъ государей состоитъ въ томъ, чтобы творить не свою волю, а быть лишь выразителями соборной совѣсти народа (?).

«Къ сожалѣнію, земскіе соборы, созывавшіеся въ XVI и XVII вѣкахъ, не превратились въ постоянное государственное учрежденіе, а съ воцареніемъ Петра I-го самодержавіе утратило свой прежній (?) идейный характеръ и превратилось въ неограниченное самовластіе[1]). Живая связь и взаимодѣйствіе верховной власти съ населеніемъ были нарушены и государственная власть присвоила себѣ исключительное право направленія всей государственной жизни по своему усмотрѣнію, не считаясь ни съ волей народа, ни съ голосомъ совѣсти (Наоборотъ: считаясь не съ волею «народа», а съ голосомъ своей совѣсти и велѣніями царской присяги).

«Выходъ изъ создавшагося въ странѣ тяжелаго положенія можно было видѣть только въ возстановленіи всегда необходимаго взаимодѣйствія государственной власти съ населеніемъ и въ привлеченіи народнаго представительства къ участію въ государственномъ управленіи. Въ этомъ были всѣ согласны, но относительно организаціи взаимодѣйствія власти и народа въ общественныхъ кругахъ возникали принципіальныя разногласія. Представители конституціонной теоріи признавали неизбѣжнымъ положить въ основу необходимыхъ реформъ правовую идею и не считали возможнымъ устранить произволъ власти иначе, какъ путемъ ея правового ограниченія, предоставленія народному представительству законодательной власти и установленія отвѣтственности правительственной власти предъ народнымъ представительствомъ. Другіе, въ ихъ числѣ былъ и я, усматривая въ правѣ и государствѣ лишь средства для осуществленія этическихъ задачъ, отвѣчающихъ духовной сущности человѣка, полагали, что взаимодѣйствіе власти и народнаго представительства должно быть организовано на основѣ нравственной между ними связи, и признавали желательнымъ возвращеніе самодержавію его прежняго характера,

[1]) А самодержавіе Іоанна III, Іоанна IV Грознаго и прочихъ царей?

какъ это было во времена земскихъ соборовъ. Кромѣ принципіальныхъ соображеній, лица, раздѣлявшія послѣднее мнѣніе, имѣли въ виду, что возбужденіе вопроса о введеніи въ нашъ государственный строй конституціонныхъ принциповъ, знаменуя противоположеніе монарха и народнаго представительства, вызвало бы, несомнѣнно, сильное противодѣйствіе со стороны государственной власти, что углубило бы пропасть, раздѣляющую власть съ населеніемъ, и неизбѣжно толкнуло бы страну на путь политической борьбы. Обращеніе же къ монарху не съ требованіемъ ограниченія его правъ, а съ призывомъ къ возстановленію моральной солидарности между нимъ и народомъ по примѣру, указываемому нашей исторіей, представляло, казалось, большую вѣроятность вызвать сочувствіе царя къ такому общественному почину».

«Руководясь изложенными соображеніями я приступилъ къ составленію проекта тезисовъ для записки. Я принялъ также во вниманіе, что всякое преобразованіе должно совершаться съ осторожностью и постепенно, не вызывая обостренія политическихъ отношеній въ странѣ. Нужно, чтобы необходимость и желательность реформы были сознаны и признаны широкими кругами населенія, чтобы преобразованіе происходило въ условіяхъ, примиряющихъ съ нимъ государственные и общественные элементы, игравшіе руководящую роль въ измѣняемомъ строѣ. Признавая возстановленіе земскихъ соборовъ желательнымъ, я не могъ не сознавать, что необходимо было бы внести въ ихъ организацію измѣненія, соотвѣтствующія современнымъ условіямъ государственной жизни, и что разработка организаціи народнаго представительства должна быть произведена при непремѣнномъ участіи представителей общества. Чтобы вступить возможно скорѣе на путь осуществленія реформъ въ цѣляхъ тѣснаго единенія и живого общенія самодержавной власти съ населеніемъ, мнѣ представлялось возможнымъ ограничиться на первое время введеніемъ въ составъ комиссіи при государственномъ совѣтѣ выборныхъ представителей общественныхъ учрежденій. Предлагая это нововведеніе, совпадавшее съ предположеніями гр. Лориса-Меликова 1880 года, я видѣлъ въ немъ первый шагъ для дальнѣйшаго развитія народнаго представительства и для созданія его взаимодѣйствія съ самодержавной властью на основѣ сознанія обѣими сторонами лежащаго на нихъ одинаково нравственнаго долга».

«Мною былъ представленъ на обсужденіе кружка общественныхъ дѣятелей нижеслѣдующій текстъ проектированныхъ мной тезисовъ»:

«1. — Ненормальность настоящаго порядка государственнаго управленія заключается въ отсутствіи необходимаго въ

государственной жизни взаимнаго довѣрія между правительствомъ и обществомъ; правительство не довѣряетъ общественнымъ силамъ; — общество не имѣетъ уваженія къ правительству.

«2. — Отношеніе правительства къ обществу имѣетъ въ своемъ основаніи неправильное положеніе, которымъ признается, что развитіе общественной самодѣятельности и участіе общества во внутреннемъ государственномъ управленіи стоятъ въ противорѣчіи съ идеей самодержавія. Исходя изъ этого положенія, правительство стремится къ административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни».

«3. — Положеніе это не только ошибочно, но и ложно. Самодержавіе возможно лишь при живомъ и тѣсномъ общеніи самодержавнаго государя съ народомъ; при отсутствіи этого условія самодержавіе царской власти теряетъ свое идейное значеніе и замѣняется самодержавіемъ министровъ и бюрократіи, съ которымъ русское общество никогда примириться не можетъ».

«4. — Бюрократическій строй, прикрываясь стремленіемъ охранять самодержавіе, но въ дѣйствительности разобщая царя съ народомъ, создаетъ почву для проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой увѣренности въ строгой охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ уваженіе къ правительству».

«5. — Для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія и всесторонняго выясненія обществомъ своихъ нуждъ необходимы обезпеченіе свободы совѣсти, мысли и слова и развитіе общественной самодѣятельности, путемъ предоставленія обществу самостоятельнаго завѣдыванія удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей».

«6. — Необходимо, чтобы обществу было предоставлено право — доводить до свѣдѣнія самодержавнаго государя о своихъ нуждахъ и о дѣйствительномъ положеніи вещей на мѣстахъ».

«7. — Составляемые въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ законопроекты должны быть доступны предварительной критикѣ со стороны общества и мнѣнія общества должны быть извѣстны государю при утвержденіи законовъ самодержавной властью. Для этого необходимо, чтобы, применительно къ предусмотрѣнному положеніемъ объ учрежденіи государственнаго совѣта порядку, были привлекаемы представители общественныхъ учрежденій къ участію при обсужденіи законопроектовъ въ комиссіяхъ при государственномъ

совѣтѣ и чтобы законопроекты, прежде внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, опубликовывались заблаговременно для всеобщаго свѣдѣнія, а общественнымъ учрежденіямъ было бы предоставлено право въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ, предоставлять свои мнѣнія или отзывы по тому или другому законопроекту».

«8. — Слѣдуетъ признать желательнымъ, чтобы къ обсужденію въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ законопроектовъ и различныхъ государственныхъ мѣропріятій привлекались представители общества исключительное по его избранію, такъ какъ только при этомъ условіи эти лица могутъ являться представителями общественнаго мнѣнія и будетъ исключена возможность преднамѣреннаго подбора лицъ».

«9. — Организація порядка и условій общенія самодержавнаго государя съ народомъ должна составлять задачу государственной власти, но при обсужденіи этого вопроса необходимо участіе представителей общества».

Эти тезисы были подвергнуты многократному обсужденію въ собраніяхъ указанныхъ выше лицъ, происходившихъ весной, лѣтомъ и осенью 1901 года, и вызвали большія разногласія съ различныхъ и самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Отрицательное отношеніе особенно опредѣленно проявилъ Ф. Д. Самаринъ. Еще въ началѣ 1900 года въ перепискѣ со мной, по поводу условій нашей политической жизни и желательныхъ въ ней измѣненій, Ф. Д., характеризуя переживаемое время «съ одной стороны тѣмъ, что носители власти совершенно утратили вѣру въ себя и сознаніе своего значенія, а съ другой — тѣмъ, что въ обществѣ совершенно отсутствуютъ какіе бы то ни было связующіе и объединяющіе принципы не только политическіе, но и религіозные», и указывая на «все болѣе усиливающееся стремленіе устранять общество отъ всякаго, даже самаго скромнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ и не допускать его даже до выраженія своего мнѣнія по поводу правительственной политики», — признавалъ, что «управлять Россіей черезъ посредство одного чиновничества безъ всякаго участія общественнаго элемента въ настоящее время уже невозможно», но полагалъ, что «предугадывать, какую форму приметъ въ концѣ концовъ у насъ содѣйствіе общественнаго элемента, никто, конечно, не возьмется, да въ этомъ нѣтъ и надобности». Далѣе усматривая главную задачу царской власти въ постепенномъ возвращеніи самодержавію его исконнаго земскаго характера, Ф. Д., говорилъ: «Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно бы быть укрѣпленіе и расширеніе всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ органовъ государственной власти, въ которыхъ дѣятельными лицами являются не чиновники, а

люди, привлеченные къ дѣлу изъ самаго населенія. Только при самомъ широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленія и возможно теперь самодержавіе...».

«... Ознакомившись съ тезисами, Ф. Д. особенно возражалъ противъ 7, 8 и 9 пунктовъ. Онъ опасался, что возбужденіе вопроса о привлеченіи общественныхъ представителей къ законодательной дѣятельности даже въ той формѣ, какъ это намѣчалось, явится первымъ шагомъ для перехода къ конституціонному режиму. Всѣ доводы его оппонентовъ, что нельзя же ограничиться констатированіемъ ненормальности нашей государственной жизни, говорить о возвращеніи самодержавію его исконнаго земскаго характера, о необходимости тѣснаго единенія самодержавной власти съ народомъ и не намѣтить въ тоже время путей и почвы для созданія этой связи, — не могли убѣдить Ф. Д-ча. 21 ноября 1901 г. онъ увѣдомилъ о своемъ рѣшеніи не принимать дальнѣйшаго участія въ нашихъ совѣщаніяхъ. Свое рѣшеніе Ф. Д. пространно мотивировалъ: ненормальность отношеній правительства къ обществу занимаетъ, конечно, видное мѣсто, но сводить все къ одной этой причинѣ едва ли правильно. *Недовѣріе власти оправдывается самымъ характеромъ нашего общества, которое не обладаетъ необходимою нравственною силой, устойчивостью и ясностью убѣжденій и способностью къ дружной работѣ. Въ обществѣ преобладаютъ теченія отрицательнаго свойства: отрицательное отношеніе къ вѣрѣ отцовъ, къ исторіи своего народа, къ его пониманіямъ и быту.* Большинство вожаковъ нашего общественнаго мнѣнія смотрятъ на самодержавіе, какъ на государственную форму, отжившую свой вѣкъ, и считаютъ необходимымъ вести борьбу съ этимъ зломъ. Вслѣдствіе этого нельзя утверждать, что правительство только по недоразумѣнію не довѣряетъ обществу. Соглашаясь, что правительство поступаетъ неправильно, постоянно стѣсняя общество, Ф. Д. признавалъ необходимымъ, чтобы правительство измѣнило свою систему не потому, что оно можетъ или должно довѣрять обществу, а потому, что нынѣшняя политика совершенно не достигаетъ цѣли. Полицейскими мѣрами невозможно побороть отрицательное отношеніе умовъ. «Только привлекая общество къ практической работѣ надъ государственнымъ и общественнымъ дѣломъ, можно противодѣйствовать современному направленію мысли и создать посредствующую между властью и народомъ среду, которая должна съ одной стороны вѣрно выражать мысль и волю народа, а съ другой — служить проводникомъ для дѣйствія власти на народъ». Затѣмъ говорилось, что мѣры, предлагаемыя въ тезисахъ, составляютъ сущность либеральной программы, хорошо извѣстной правительству, и рекомендовать

ее значило бы совѣтовать правительству, чтобы оно свое нынѣшнее, одностороннее и ложное направленіе замѣнило другимъ, противоположнымъ ему, но не менѣе ошибочнымъ и одностороннимъ.

«На основаніи совершенно иныхъ соображеній отнесся отрицательно кн. С. Н. Трубецкой. Онъ находилъ мысль о возстановленіи идейнаго самодержавія утопичной, не считалъ возможнымъ устранить произволъ власти безъ ея ограниченія опредѣленнымъ правовымъ порядкомъ, видѣлъ единственный выходъ изъ переживаемаго страной тяжелаго положенія въ рѣшительной замѣнѣ приказнаго строя строемъ конституціоннымъ и, исходя изъ этихъ положеній, признавалъ подачу предполагавшейся записки безцѣльной и безполезной».

«Кн. П. Д. Долгоруковъ и Р. А. Писаревъ, раздѣляя принципіальныя соображенія кн. С. Н. Трубецкаго, не возражали, однако, противъ подачи записки, предполагая, что осуществленіе высказываемыхъ въ ней пожеланій, хотя и не дастъ надлежащаго разрѣшенія вопроса, но можетъ облегчить и подготовить преобразованіе нашего государственнаго строя въ конституціонное государство».

«Принимая во вниманіе: 1) несогласіе К. В. Рукавишникова принять участіе въ обсужденіе возникшаго предположенія, 2) отказъ Ф. Д. Самарина и кн. С. Н. Трубецкого отъ участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса по принципіальнымъ соображеніямъ и 3) заявленіе кн. П. Д. Долгорукова и Р. А. Писарева, свидѣтельствовашія объ отсутствіи ихъ солидарности съ остальными членами совѣщанія, послѣдніе признали, что возникшее предположеніе не можетъ разсчитывать встрѣтить поддержку и сочувствіе въ широкихъ кругахъ общества, и поэтому мысль о составленіи и подачѣ записки была оставлена».

«1902 годъ еще болѣе углубилъ разладъ между властью и обществомъ и еще болѣе усилилъ антагонизмъ между ними. 22 января по иниціативѣ министра финансовъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте Особаго Совѣщанія «для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и связанныхъ съ ней отраслей народнаго труда».

«Перейдя къ обсужденію вопроса, — какія именно учрежденія и лица должны быть опрошены, Совѣщаніе нашло, «что едва ли есть необходимость спрашивать въ настоящее время земскія учрежденія», такъ какъ они «были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности въ концѣ 1894 года министерствомъ земледѣлія» и «такой опросъ можетъ весьма затянуть работу». Затѣмъ Совѣщаніе признало нужнымъ, вмѣсто обращенія къ земскимъ учрежденіямъ, образовать особые комитеты въ губерніяхъ, подъ предсѣдательствомъ

губернаторовъ, изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателя и членовъ губ. зем. управы, предсѣдателей уѣздныхъ управъ, управляющихъ казенною палатою и государственными имуществами, предсѣдателей сельско-хозяйственныхъ обществъ и всѣхъ лицъ, участіе которыхъ будетъ признано губернаторомъ полезнымъ, а въ уѣздныхъ, подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства, въ составѣ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы и лицъ, участіе коихъ признается предводителемъ дворянства полезнымъ».

«Устраненіе *земскихъ собраній*, являющихся единственнымъ организованнымъ представительствомъ мѣстнаго населенія, удовлетворенію нуждъ котораго должны были служить мѣры, проектируемыя Совѣщаніемъ, не могло не вызвать чувствъ недовольства и обиды въ широкихъ земскихъ кругахъ...».

Въ мартѣ 1902 г. въ С.-Петербургѣ происходили выставка кустарныхъ издѣлій и съѣздъ, устроенный м-ствомъ земледѣлія, по вопросамъ кустарной промышленности. Въ съѣздѣ принимали участіе земцы и многочисленные представители земскаго «третьяго элемента». Въ частныхъ совѣщаніяхъ земскіе люди обмѣнивались впечатлѣніями по поводу положенія объ Особомъ Совѣщаніи и о мѣстныхъ комитетахъ, при чемъ большинство склонялось къ мысли, что представители управъ не должны принимать въ работахъ комитетовъ активнаго участія и должны были бы ограничиться подачей записокъ съ мотивировкой своего воздержанія...».

«По избраніи меня собравшимися предсѣдателемъ нашихъ бесѣдъ, я предложилъ обсудить вопросы: слѣдуетъ ли представителямъ земства принимать участіе въ работѣ образуемыхъ комитетовъ для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, не слѣдуетъ ли имъ подать въ комитеты записки, ограничившись указаніемъ только причинъ, по которымъ они не считаютъ возможнымъ принимать участіе въ работѣ комитетовъ, или слѣдуетъ также выяснить, что частныя мѣропріятія, проектируемыя Особымъ Совѣщаніемъ, не могутъ оказать существенной помощи сельскому хозяйству впредь до измѣненія тѣхъ общихъ условій, которыя препятствуютъ правильному развитію нашей общественной и государственной жизни, въ частности, тормозя примѣненіе отдѣльныхъ мѣропріятій по улучшенію положенія нашего сельскаго хозяйства?».

«Изъ происходившихъ преній выяснилось, что всѣ участники бесѣды признаютъ, что фактъ обращенія правительства за выясненіемъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности не къ земскимъ учрежденіямъ, а къ особымъ комитетамъ, куда привлекаются представители исполнительныхъ органовъ земскихъ собраній, какъ должностныя лица, является неправиль-

нымъ дѣйствіемъ правительства по отношенію къ обществу, попыткой разрѣшить въ порядкѣ административномъ, помимо участія общественныхъ учрежденій, вопросъ первостепенной важности, входящій въ кругъ вѣдѣнія земства. Не реагировать на подобное отношеніе правительства земство не можетъ: Вопросъ поставленъ ребромъ, — быть или не быть земству. Правительство производитъ опытъ — обойтись безъ земства въ разрѣшеніи земскихъ вопросовъ и привлечь къ разработкѣ этихъ вопросовъ предсѣдателей и членовъ управъ *ex-officio*, какъ свѣдующихъ людей. Моментъ высказать земству опредѣленно свои взгляды на общее направленіе нашей внутренней и финансовой политики насталъ въ высшей степени удобный и имъ необходимо воспользоваться...».

«Въ заключеніе было признано, что въ силу высочайшаго повелѣнія предсѣдатели и члены управъ обязаны участвовать въ комитетахъ, какъ должностныя лица, но они должны заявить, что принимаютъ участіе не по уполномочію земскихъ собраній, и, слѣдовательно, являются выразителями только своихъ личныхъ взглядовъ, а не мнѣній своихъ собраній».

«Далѣе высказано пожеланіе, чтобы земскія учрежденія, отдѣльно отъ комитетовъ, занялись разработкой порученныхъ комитетамъ вопросовъ и попытались обсудить ихъ въ земскихъ собраніяхъ. При обсужденіи выяснилось, что нельзя разсчитывать на то, что въ большинствѣ губерній будетъ допущено внесеніе управами въ собранія докладовъ по этимъ вопросамъ. Поэтому наилучшимъ способомъ дать возможность высказаться земскимъ собраніямъ, является слѣдующій: земцы, участвующіе въ комитетахъ, вносятъ въ послѣдніе записку, въ коей излагаютъ свой взглядъ на нужды сельско-хозяйственной промышленности, а татѣмъ управы эту же записку доводятъ до свѣдѣнія земскаго собранія, чтобы оно выразило свое одобрѣніе или порицаніе дѣйствіямъ своихъ уполномоченныхъ. Такое постановленіе собранія опротестовано быть не можетъ и явится выраженіемъ мнѣнія собраія по существу изложенныхъ въ запискѣ взглядовъ...».

«Далѣе было приступленно къ выработкѣ программы для составленія записокъ, которыя предполагалось подать въ комитеты, причемъ указано на крайнюю желательность подачи отъ возможно большаго числа земствъ записокъ, составленныхъ по однородной программѣ, такъ какъ только одновременное и единодушное заявленіе многихъ земствъ можетъ имѣть большой вѣсъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ...[1]).

---

[1]) Въ апрѣлѣ этого года былъ убитъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Д. С. Сипягинъ, котораго земцы считали виновникомъ ихъ устраненія изъ «совѣщанія».

«26 мая въ Москвѣ, въ помѣщеніи губернской управы, происходило совѣщаніе по вопросамъ народнаго образованія. Ежедневно, по окончаніи занятій, всѣ участники собирались въ «Эрмитажѣ», въ колонномъ залѣ для товарищескихъ обѣдовъ, послѣ которыхъ живо и дружно обсуждались разнообразные вопросы земской и государственной жизни. Наши собранія не имѣли какой-либо таинственности, происходили открыто и за все время не встрѣчали никакихъ препятствій со стороны мѣстной администраціи».

«24 и 25 іюня въ Курскѣ происходили совѣщанія земскихъ дѣятелей, собравшихся по случаю организованной курскимъ губернскимъ земствомъ выставки народнаго образованія; эти собранія также не вызвали подозрительнаго отношенія курской администраціи».

«Выработанная московскимъ совѣщаніемъ программа и краткое изложеніе бесѣдъ, были сообщены всѣмъ губернскимъ управамъ и, казалось, не было основанія предполагать, что обсужденіе въ земской средѣ близко затрогивавшаго ее вопроса могло вызвать вмѣшательство правительственной власти...».

Предсѣдатель «самочиннаго всероссійскаго» земства и царскіе министры: Плеве и Витте.

«Но въ нашихъ совѣщаніяхъ была усмотрѣна попытка организовать противодѣйствіе правительству и сложилось, преимущественно въ кругахъ предводителей дворянства, мнѣніе, будто земскимъ совѣщаніемъ было постановлено, что представители управъ должны проявить въ комитетахъ пассивную обструкцію, заявивъ отказъ отъ участія въ работахъ въ виду того, что земскія учрежденія были обойдены положеніемъ объ Особомъ Совѣщаніи. Такого рода свѣдѣнія дошли до министра внутреннихъ дѣлъ и онъ, не запросивъ объясненій отъ лицъ, къ которымъ предъявлялись такія обвиненія, доложилъ Государю о земскомъ совѣщаніи въ Москвѣ и испросилъ повелѣніе объявить высочайшее неудовольствіе всѣмъ, принимавшимъ участіе въ бесѣдахъ должностнымъ лицамъ (предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ и членамъ управъ) съ предупрежденіемъ, что повтореніе повлечетъ за собой увольненіе отъ занимаемыхъ должностей съ воспрещеніемъ дальнѣйшаго участія въ общественной дѣятельности[1]). Объ этомъ мнѣ стало извѣстно

[1]) Высочайшее повелѣніе было объявлено орловскому губрн. предводителю дворянства М. А. Стаховичу и мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а остальнымъ черезъ губернаторовъ, при чемъ министерство имѣло въ своихъ рукахъ списокъ участниковъ земскаго совѣщанія, прибывшихъ къ первому дню, такъ что прибывшимъ позже неудовольствіе Его Величества объявлено не было.

только 1 іюля, а еще ранѣе, 28 іюня, я получилъ отъ директора департамента полиціи, А. А. Лопухина, письмо, въ которомъ онъ, по приказанію м-ра вн. дѣлъ (Плеве), просилъ меня прибыть въ С.-Петербургъ для объясненій съ м-ромъ по дѣламъ службы».

«Пріѣхавшій 1 іюля въ Москву, М. А. Стаховичъ познакомилъ меня съ выяснившимся отношеніемъ центральной власти къ земскому совѣщанію и сообщилъ, что онъ былъ наканунѣ принятъ въ 10 часовъ утра министромъ въ присутствіи директора департамента полиціи. Высочайшее повелѣніе было объявлено М. А. Стаховичу[1]) м-ромъ, стоя, въ очень рѣзкой формѣ и ему даже было отказано въ правѣ представить объясненія съ своей стороны. Предполагая, что мнѣ, какъ организатору земскаго совѣщанія, предстоитъ еще болѣе суровый пріемъ, М. А. счелъ долгомъ предупредить меня по какому дѣлу я вызываюсь въ С.-Петербургъ. Я выѣхалъ и во время пути думалъ о предстоявшемъ мнѣ пріемѣ и готовился дать надлежащій отпоръ, если бы министръ позволилъ себѣ рѣзкое и неумѣстное ко мнѣ отношеніе».

«Прибывъ въ С.-Петербургъ 2 іюля я направился въ департаментъ полиціи, узнать отъ А. А. Лопухина, гдѣ и когда буду принятъ министромъ. А. А. Лопухинъ тотчасъ же по телефону обратился къ В. К. Плеве для полученія указаній. Когда министръ отвѣтилъ, я замѣтилъ на лицѣ А. А. Лопухина выраженіе удивленія и недоумѣнія. Онъ просилъ министра повторить его распоряженіе и затѣмъ передалъ мнѣ, что министръ приметъ меня въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера на дачѣ на Аптекарскомъ островѣ. Меня, такъ же какъ и А. А. Лопухина, удивило назначеніе такого поздняго часа для пріема. Къ назначенному времени я былъ на дачѣ министра и тотчасъ былъ приглашенъ въ его кабинетъ. В. К. Плеве, вопреки ожиданію, принялъ меня очень любезно. Мы сѣли другъ предъ другомъ около небольшого стола, на который тотчасъ же поданъ былъ чай, и министръ вызвалъ меня на продолжительную бесѣду, продолжавшуюся болѣе полутора часа. Во время нашего разговора выяснилось, что министръ признаетъ нужнымъ считаться съ настроеніемъ земской среды, признаетъ фактъ существованія извѣстной организаціи, имѣющей цѣлью объединенія земскихъ дѣятелей, и говоритъ со мной, какъ ея представителемъ, хотя одновременно объявилъ мнѣ неудовольствіе Государя за попытку созвать такую общественную организацію. Вслѣдствіе этого происходившій разговоръ пріобрѣталъ извѣстный общественный интересъ и я, по возвращеніи отъ министра, подъ свѣжимъ

[1]) Орловскій губ. предв. дворянства, М. А. Стаховичъ состоялъ въ придворномъ званіи камергера.

впечатлѣніемъ возстановилъ нашу бесѣду почти со стенографической точностью».

Плеве. — Я давно желалъ, Дмитрій Николаевичъ, съ вами познакомиться; я всегда со вниманіемъ слѣдилъ за вашей общественной дѣятельностью и съ уваженіемъ къ ней относился, и очень сожалѣю, что одинъ фактъ изъ вашей дѣятельности самаго послѣдняго времени заставляетъ меня начать нашу бесѣду не такъ, какъ бы я того желалъ. Я долженъ прежде всего объявить вамъ высочайшее повелѣніе. Въ концѣ мая вами было организовано совѣщаніе земскихъ дѣятелей, на которомъ обсуждался вопросъ объ участіи представителей земскихъ управъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Получивъ всѣ свѣдѣнія о вашихъ совѣщаніяхъ и выработанную на нихъ программу, я доложилъ о нихъ Государю. Его Императорское Величество былъ очень возмущенъ, узнавъ о такомъ незаконномъ совѣщаніи, и усмотрѣлъ въ немъ попытку оказать противодѣйствіе правительству и лишить организуемые въ губерніяхъ и уѣздахъ комитеты по вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности работниковъ изъ среды представителей земскихъ управъ, которые были включены въ комитеты по высочайшему соизволенію. Государь поручилъ мнѣ выразить вамъ свое неодобрѣніе и даже неудовольствіе и предупредить васъ, что если вами будутъ организованы вновь такія совѣщанія, то, какъ ни полезна ваша дѣятельность вообще, онъ уволитъ васъ отъ занимаемой вами должности съ воспрещеніемъ навсегда всякаго участія въ общественной дѣятельности.

Шиповъ. — Долженъ я принять все выслушанное мною только къ свѣдѣнію и руководству, или имѣю право представить вашему высокопревосходительству объясненія со своей стороны?

Плеве. — Прошу васъ высказать все, что считаете нужнымъ для объясненія вашихъ дѣйствій.

Шиповъ. — Прежде всего долженъ заявить, что я глубоко удрученъ и огорченъ тѣмъ, что навлекъ на себя неудовольствіе Его Императорскаго Величества. Но я долженъ объяснить, что бесѣда земскихъ людей, о которой идетъ рѣчь, не имѣла вовсе того характера, который былъ въ ней усмотрѣнъ, какъ ваше высокопревосходительство изволили мнѣ объявить. Бесѣда, происходившая въ концѣ мая въ Москвѣ, ничѣмъ не отличалась отъ цѣлаго ряда такихъ же бесѣдъ, происходившихъ въ средѣ земскихъ людей, начиная съ 1895 года. Во время всякаго рода оффиціально разрѣшенныхъ съѣздовъ, какъ-то съѣзды сельскихъ хозяевъ, агрономическій, кустарный, по народному

образованію и т. п., пріѣзжающіе на эти съѣзды земскіе люди естественно собираются для бесѣдъ и обмѣна мнѣній по различнымъ общимъ для всѣхъ насъ практическимъ вопросамъ земской жизни. Въ этомъ году такія бесѣды происходили въ С.-Петербургѣ во время кустарнаго съѣзда и въ Москвѣ во время съѣзда пожарнаго. На этихъ бесѣдахъ обсуждались, главнымъ образомъ, вопросы, вытекавшіе изъ включенія представителей земскихъ управъ въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ по сельско-хозяйственной промышленности. Не скрою отъ васъ, что обсужденіе этихъ вопросовъ происходило при нѣкоторомъ раздраженіи и недовольствѣ въ настроеніи земскихъ людей, для которыхъ не могло быть безразлично то, что правительство сочло возможнымъ обойти земскія учрежденія при разрѣшеніи столь важнаго вопроса о нуждахъ сельскаго хозяйства, затрагивающаго всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни. Подъ вліяніемъ этого настроенія многіе въ то время полагали, что представителямъ управъ въ комитетахъ слѣдуетъ заявить, что они отказываются принимать въ нихъ активное участіе. Однако это мнѣніе встрѣтило возраженія и окончательно выяснить этотъ вопросъ во время пожарнаго съѣзда земскимъ людямъ не удалось, почему присутствовавшіе и согласились, въ виду важности вопроса, собраться вновь въ маѣ, пригласивъ еще нѣсколькихъ лицъ. Въ маѣ, обсудивъ вновь тотъ же вопросъ при болѣе покойномъ настроеніи, участники бесѣды пришли къ заключенію, что разъ представители управъ включены въ составъ комитетовъ, согласно высочайше одобренному положенію Особаго Совѣщанія, то уклоненіе ихъ отъ участія въ работахъ комитетовъ было бы уклоненіемъ отъ выполненія высочайшей воли, и потому подавляющимъ большинствомъ было признано, что представители управъ въ силу высочайшаго повелѣнія обязаны принимать дѣятельное участіе въ комитетахъ, и меньшинство, раздѣлявшее противное мнѣніе, заявило, что оно подчиняется большинству. Такимъ образомъ первый результатъ нашей бесѣды былъ тотъ, что вмѣсто пассивной обструкціи комитетамъ, которая была возможна въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, теперь повсюду представители управъ примутъ активное въ комитетахъ участіе. При этомъ всѣ участники бесѣды согласились, принимая участіе въ работахъ комитетовъ, заявить, что мы можемъ высказывать только свои личныя мнѣнія, а не мнѣнія земскихъ собраній, отъ которыхъ не имѣемъ соотвѣтствующихъ уполномочій и указаній...

Изъ представленныхъ объясненій вы можете усмотрѣть, что мы въ нашихъ бесѣдахъ задавались цѣлью выяснить, какъ лучше могутъ представители управъ выполнить свои обязан-

ности въ комитетахъ, и что неблагопріятныя общія условія мы обсуждали исключительно съ точки зрѣнія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и экономическаго благосостоянія населенія. Я позволю себѣ просить ваше высокопревосходительство представленныя мною объясненія доложить Его Императорскому Величеству.

Плеве. — Я доложу Государю все, мной отъ васъ выслушанное, но не знаю, измѣнитъ ли Его Величество свое заключеніе. Съ своей стороны, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, долженъ сказать, что ваши объясненія не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. То обстоятельство, что не разрѣшенныя закономъ собранія имѣли мѣсто въ теченіе ряда лѣтъ, не можетъ служить оправданіемъ вашего послѣдняго совѣщанія и оно не можетъ быть признано законнымъ. Затѣмъ, хорошо, что въ данномъ случаѣ благоразумное большинство взяло верхъ и меньшинство ему подчинилось; но вѣдь могло быть и обратное, т. е. большинство могло быть неблагоразумнымъ и тогда, можетъ быть, благоразумное меньшинство сочло бы себя обязаннымъ подчиниться. Поэтому такого рода организація не можетъ быть признана законной. Закончимъ на этомъ нашъ оффиціальный разговоръ и перейдемъ къ частной бесѣдѣ. — Мнѣ давно хотѣлось съ вами побесѣдовать. Я полагаю, что мы люди, близкіе по нашимъ убѣжденіямъ, и считалъ, что мы будемъ людьми одного лагеря. Не знаю, такъ ли это будетъ въ дѣйствительности, и я очень радъ случаю обмѣняться съ вами мнѣніями. Я сторонникъ земскихъ учрежденій и убѣжденъ, что никакой государственный строй немыслимъ безъ привлеченія общества къ мѣстному самоуправленію. *Я не признаю возможнымъ управлять страной при посредствѣ арміи чиновниковъ и не признаю, чтобы земскія учрежденія противорѣчили нашему государственному строю.* Напротивъ, считаю, что при самодержавномъ строѣ государства необходимо широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія. Но, признавая необходимымъ участіе общества въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, я не могу не сказать, что часто земскія учрежденія бываютъ склонны выходить изъ круга подвѣдомственныхъ имъ задачъ и преслѣдуютъ политическія цѣли. Въ программѣ, выработанной на совѣщаніи, происходившемъ въ Москвѣ, вы касаетесь вопроса о правовомъ положеніи крестьянскаго сословія. Не буду останавливаться на томъ, насколько затронутый вами вопросъ находится въ связи съ вопросомъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, хотя не могу отрицать, что нѣкоторая связь между этими вопросами и существуетъ, хотя, можетъ быть, и не такая тѣсная, какъ вы полагаете. Но я считаю нужнымъ отмѣтить, что земскія учрежденія не ограничиваются

даже такими вопросами, а нерѣдко возбуждаютъ вопросы, прямо или косвенно касающіеся общаго правового порядка. Вы, конечно, хорошо помните и знаете, что нерѣдко земскія собранія, на обсужденіе которыхъ предлагались правительствомъ различные важные вопросы, какъ-то: о народномъ продовольствіи въ 70-хъ годахъ, о мѣстныхъ учрежденіяхъ въ 80-хъ при гр. Лорисѣ-Меликовѣ, и т. п., въ своихъ отвѣтахъ и отзывахъ, какъ, напримѣръ, новгородское, черниговское земства, не оставались въ предѣлахъ предложенныхъ имъ вопросовъ и касались вопроса объ измѣненіи нашего государственнаго строя. Возбужденіе земскими учрежденіями вопросовъ политическаго характера, прямо или косвенно противорѣчащихъ существующему государственному правовому порядку, представляется не только неправильнымъ, но и вреднымъ для земскаго дѣла. Хотя я сторонникъ земскихъ учрежденій и готовъ содѣйствовать ихъ правильному развитію, но я только министръ внутреннихъ дѣлъ и обязанъ считаться съ теченіями, которыя выше меня, и эти же теченія, конечно, должны имѣть въ виду и земскія учрежденія. Между тѣмъ, возбужденіе земскими людьми вопросовъ политическаго характера усиливаетъ неблагопріятныя для общественныхъ учрежденій теченія и служитъ оружіемъ для тѣхъ, которые вообще отрицательно относятся къ принципу мѣстнаго самоуправленія. Я, повторяю, признаю необходимость широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія и готовъ содѣйствовать установленію необходимаго между правительственными и общественными учрежденіями взаимодѣйствія, но для этого нужно прежде всего, чтобы земскія учрежденія не создавали къ этому препятствій. Я полагаю, что никакой государственный порядокъ не можетъ оставаться навсегда неизмѣннымъ и, очень можетъ быть, нашъ государственный строй лѣтъ черезъ 30, 40, 50 долженъ будетъ уступить мѣсто другому (прошу васъ, чтобы эти слова мои не вышли изъ этихъ стѣнъ), но возбужденіе этого вопроса теперь во всякомъ случаѣ не своевременно; историческія событія должны развиваться съ извѣстною постепенностью.

Шиповъ. — Позвольте мнѣ выразить вамъ глубокую благодарность за то, что вы признали возможнымъ и нужнымъ познакомить меня такъ откровенно со взглядами вашими на мѣстное самоуправленіе и на значеніе его въ нашемъ государственномъ строѣ. Если вы уполномочите меня познакомить съ содержаніемъ выслушаннаго мною моихъ товарищей по земскому представительству, какъ московской, такъ и другихъ губерній, то я увѣренъ, что это могло бы въ значительной мѣрѣ внести успокоеніе въ земскую среду и земскіе люди съ большимъ спокойствіемъ стали бы ожидать грядущихъ событій. Позволите ли,

ваше высокопревосходительство, мнѣ высказать съ своей стороны мой взглядъ на значеніе общественныхъ учрежденій?

Плеве. — Очень васъ прошу.

Шиповъ. — Я убѣжденный сторонникъ идеи самодержавія и признаю, что самодержавіе вполнѣ отвѣчаетъ жизнепониманію русскаго народа. *Удовлетвореніе требованій общественной правды представляется мнѣ болѣе надежнымъ при самодержавіи, чѣмъ при парламентаризмѣ, т. е. представляется болѣе обезпеченнымъ при томъ условіи, когда выраженіе и осуществленіе народной воли предоставлено самодержавному государю, который принимаетъ этимъ на себя отвѣтственную нравственную обязанность передъ населеніемъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда выраженіе народной воли является послѣдствіемъ случайно сложившагося большинства, часто на почвѣ борьбы классовыхъ или матеріальныхъ интересовъ.* Знаю, что по этому вопросу существуютъ различныя мнѣнія, и, я считаю нужнымъ изложить вамъ мое по этому предмету убѣжденіе. Но высказывая свою преданность идеѣ самодержавія, правильно понимаемой, я не могу отождествлять самодержавіе съ абсолютизмомъ и потому убѣжденъ, что самодержавному строю государства не можетъ противорѣчить развитіе общественной самодѣятельности. Напротивъ, при самодержавіи не только необходимо широкое участіе общества въ мѣстномъ управленіи, но если самодержавный государь принимаетъ на себя тяжелую обязанность осуществленія народной воли, то для выполненія этой обязанности необходимо непосредственное общеніе его съ выбранными представителями населенія. Только при этомъ условіи самодержавный государь будетъ имѣть возможность быть всегда и близко ознакомленнымъ съ дѣйствительными потребностями населенія и положеніемъ дѣла на мѣстахъ. Переживаемое нами тяжелое (?) положеніе обусловливается полною разобщенностью между правительствомъ и обществомъ, отсутствіемъ необходимаго взаимнаго пониманія и взаимодѣйствія. Я далекъ отъ мысли оправдывать въ этомъ отношеніи общество и полагаю, что отчасти причина такого положенія заключается въ современномъ состояніи общества. Общество наше находится въ болѣзненномъ процессѣ, въ немъ преобладаютъ отрицательныя настроенія, мало положительныхъ идеаловъ и отсутствуетъ опредѣленное общественное мнѣніе. Но, если вы признаете необходимымъ участіе общественныхъ элементовъ въ нашемъ государственномъ строѣ, то въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, нельзя не согласиться, что правительство должно быть заинтересовано въ воспитаніи общества для участія его въ государственной жизни, а это возможно только при условіи обезпеченія обществу необходимой организаціи и путемъ привлеченія

его къ совмѣстной работѣ съ правительственными учрежденіями. Между тѣмъ, пропасть, отдѣляющая правительство отъ общества, за послѣднее время увеличивается и это замѣчается особенно послѣ того, какъ по всей Россіи получила широкое распространеніе записка министра финансовъ: «Самодержавіе и Земство», въ которой устанавливается положеніе, будто принципъ мѣстнаго самоуправленія противорѣчитъ идеѣ самодержавія. Согласно этому положенію, всѣ, кому дорого самоуправленіе и кто считаетъ своимъ долгомъ отстаивать необходимыя учрежденіямъ мѣстнаго самоуправленія свободу и самостоятельность, — признаются, какъ бы, неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Возможна ли при такомъ условіи спокойная работа земскихъ людей, и можетъ ли быть при немъ нормально настроеніе земской среды? Вслѣдъ за этой запиской появляются законодательныя новеллы, служащія, какъ бы, подтвержденіемъ, что правительство усвоило себѣ программу, изложенную въ запискѣ министра финансовъ, и намѣрено ее послѣдовательно проводить. Наконецъ, самое послѣднее время, авторъ записки назначается предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, которое признало возможнымъ, при обсужденіи столь важнаго вопроса, какъ вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, затрогивающій всѣ стороны общественной жизни, обойти общественныя земскія учрежденія. Указывая на этотъ фактъ, я долженъ оговориться, что не могу признать, что только одни земскія учрежденія, особенно при настоящемъ ихъ составѣ, могутъ сообщить необходимый Особому Совѣщанію матеріалъ и высказать вполнѣ компетентныя мнѣнія, но опросъ общественныхъ учрежденій въ данномъ случаѣ имѣетъ не столько практическое значеніе, сколько принципіальное.

Плеве. — По поводу сдѣланныхъ вами указаній на записку министра финансовъ скажу вамъ, что въ средѣ министровъ нѣтъ ни одного, который былъ бы болѣе С. Ю. Витте убѣжденъ въ необходимости общественной самодѣятельности и широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія. Записка, о которой вы говорите, имѣла главнымъ своимъ назначеніемъ свергнуть моего предшественника, И. Л. Горемыкина, а также предупредить распространеніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ на нашихъ окраинахъ. Съ послѣднимъ я, съ своей стороны, совершенно согласенъ. Къ стыду нашему, мы не сумѣли создать себѣ на окраинахъ такое положеніе, при которомъ возможно было бы предоставить имъ мѣстное самоуправленіе. Я не поклонникъ политики С. Ю. Витте (прошу, чтобы это также осталось между нами), но долженъ сказать, что онъ не противникъ общественныхъ учрежденій. Я преклоняюсь предъ его геніальными способностями, создавшими настоящее блестящее положеніе

нашихъ государственныхъ финансовъ и думаю, что будущія поколѣнія еще болѣе будутъ ему благодарны за то, что для нихъ дѣлается въ настоящее время, но не могу не признавать, что все, что дѣлется теперь для обезпеченія будущихъ поколѣній, ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на платежную способность современнаго населенія. Въ виду этого я считаю очень полезнымъ, чтобы въ тѣхъ запискахъ, которыя представители земскихъ управъ предполагаютъ внести въ мѣстные комитеты, было обращено особое вниманіе на слабыя стороны нашей финансовой и экономической политики. Возвращаясь къ тому, что вами было высказано, я, признавая отмѣченную вами разобщенность правительства и общества, а также признавая необходимость постройки моста черезъ пропасть, ихъ отдѣляющую, — не могу согласиться съ вами, будто при самодержавномъ строѣ необходимо общеніе государственной власти непремѣнно съ выборными представителями, и думаю, что взаимодѣйствіе правительства съ обществомъ возможно путемъ общенія правительства съ должностными лицами общественнаго управленія. Для созданія необходимаго взаимодѣйствія съ обществомъ правительству нужны свѣдующіе люди, хорошо знакомые съ мѣстными условіями и потребностями, а такими лучше всего могутъ быть, напримѣръ, председатели губернскихъ управъ, которые уже облечены довѣріемъ земскихъ собраній и ближе всего стоятъ къ земскому дѣлу. Если бы рѣчь шла о представительствѣ интересовъ, то тогда, конечно, были бы нужны выборные представители, которые являлись бы представителями опредѣленныхъ интересовъ; но объ этомъ теперь рѣчи нѣтъ и правительству нужны только свѣдующіе люди. Затѣмъ при выборномъ представительствѣ не далеко и до земскаго собора.

Шиповъ. — Лица, избранныя земскими собраніями для завѣдыванія дѣлами земскаго управленія, не всегда отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены къ лицамъ, приглашаемымъ правительствомъ въ качествѣ свѣдущихъ людей. Очень часто земскія собранія избираютъ въ составъ управъ людей, болѣе склонныхъ къ практической, хозяйственной дѣятельности, но эти лица не всегда могутъ обладать широтой взгляда и подготовкой, необходимыми при обсужденіи государственныхъ вопросовъ. Представительство интересовъ было всегда чуждо русскому духу, и, нужно надѣяться, никогда на Руси не разовьется. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года ввело сословную группировку въ земскую среду; дворянство, купечество и крестьянство имѣютъ своихъ представителей въ земскихъ собраніяхъ. Какіе же получились отъ этого результаты? Пониженіе земской дѣятельности, апатія въ общественномъ настроеніи, но ни дворянство, ни купе-

чество не явились въ земскихъ собраніяхъ представителями своихъ классовыхъ интересовъ. И тѣ, и другіе въ земскомъ общественномъ дѣлѣ продолжали руководиться земской нравственной идеей и соединяли свои силы и свои средства для удовлетворенія насущныхъ потребностей массы населенія, наименѣе обезпеченной. Я увѣренъ, что когда государственной властью будутъ призваны выборные земскіе люди, то они явятся представителями земли и всего населенія и будутъ обсуждать единое для всѣхъ государственно-земское дѣло, а не явятся представителями классовыхъ интересовъ.

Плеве. — Во всякомъ случаѣ такая постановка вопроса теперь несвоевременна, и въ настоящее время можетъ быть поставленъ на очередь вопросъ лишь объ общеніи правительства съ должностными лицами общественнаго управленія. Прошу васъ, Д. Н., не подавать болѣе повода къ бесѣдамъ такого характера, который имѣлъ нашъ разговоръ сегодня вначалѣ. Я желаю и постараюсь привлекать предсѣдателей губернскихъ управъ къ совмѣстному при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ обсужденію различныхъ вопросовъ, входящихъ въ компетенцію земскихъ учрежденій. — Теперь перейдемъ къ другимъ вопросамъ...

Я желалъ бы выслушать ваше мнѣніе относительно значенія, такъ называемаго, «третьяго элемента» въ земскихъ учрежденіяхъ. Контингентъ лицъ, приглашаемыхъ на земскую службу, быстро растетъ количественно, пріобрѣтаетъ, повидимому, все большее значеніе, а, между тѣмъ, въ громадномъ большинствѣ представляется далеко неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи.

Шиповъ. — Высказываясь предъ вами съ полной откровенностью я долженъ сказать, что, по глубокому моему убѣжденію, будущность земскаго дѣла заключается въ «третьемъ элементѣ».

Плеве. — Неужели?...

Шиповъ. — Я уже имѣлъ случай сказать, что въ настоящее время ни одна сословная группа, какъ таковая, не можетъ претендовать на руководящую роль въ жизни общества. Эта роль можетъ принадлежать теперь и въ будущемъ только тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя явятся средоточіемъ умственныхъ и духовныхъ силъ, а эти силы преимущественно сосредоточиваются въ «третьемъ элементѣ». Въ числѣ «третьяго элемента» есть, несомнѣнно, люди неблагонадежные въ политическомъ отношеніи, какъ таковые же, найдутся и въ земской средѣ, но едва ли возможно обобщать заключеніе о политической неблагонадежности большинства лицъ, составляющихъ «третій элементъ». Нельзя не принять во вниманіе, что извѣстное неспокойное и легко возбуждаемое настроеніе этой среды нахо-

дится въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ неопредѣленности часто ихъ положенія не только въ государствѣ, но и въ земствѣ. Въ большинствѣ же эти люди вполнѣ безкорыстно посвящаютъ свой трудъ земскому общественному дѣлу.

Плеве. — Что касается безкорыстія, то я вполнѣ увѣренъ, что эти люди не преслѣдуютъ матеріальныхъ интересовъ, довольствуются скромнымъ содержаніемъ и являются самоотверженными работниками; но въ то же время я полагаю, что они преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, политическіе цѣли — разрушеніе всего существующаго соціальнаго строя...

Шиповъ. — Затѣмъ министръ говорилъ о намѣреніи организовать общеніе министерства вн. дѣлъ съ предсѣдателями губернскихъ управъ. Признавая, что необходима предварительная работа, В. К. Плеве просилъ меня принять въ ней участіе и выбрать время, болѣе удобное, чтобы не помѣшать моимъ занятіямъ. Я указалъ, что для меня такое время совпадаетъ съ окончаніемъ сессіи очередного губернскаго земскаго собранія. Послѣ этого министръ говорилъ, что онъ разсчитываетъ на мое ближайшее сотрудничество въ недалекомъ будущемъ и я могъ понять, что онъ имѣетъ меня въ виду, какъ кандидата на должность начальника проектировавшагося въ то время главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Прощаясь со мной, В. К. Плеве проводилъ меня до слѣдующей комнаты. При выходѣ изъ кабинета я сказалъ министру, что не получилъ отвѣта на вопросъ — могу ли я сообщить моимъ товарищамъ по земскому представительству, какъ Московской, такъ и другихъ губерній, все выслушанное во время нашего разговора? В. К. Плеве, подумавъ и затѣмъ предпославъ нѣсколько любезныхъ словъ по моему адресу, сказалъ: «Предоставляю вашему усмотрѣнію форму и объемъ сообщенія вашимъ товарищамъ содержанія нашей бесѣды».

На слѣдующій день я посѣтилъ м-ра финансовъ С. Ю. Витте, согласно его желанію, переданному М. А. Стаховичемъ. По предложенію С. Ю. Витте я подробно сообщилъ ему мой разговоръ съ В. К. Плеве въ части, касавшейся земскаго совѣщанія, изложилъ всѣ соображенія, которыми руководились земскіе дѣятели при обсужденіи вопросовъ, вытекавшихъ изъ приглашенія представителей земскихъ управъ къ участію въ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности, а затѣмъ произошла слѣдующая бесѣда, записанная мной тотчасъ по возвращеніи отъ С. Ю. Витте:

Витте. — Я очень радъ, что вы встрѣтили любезный пріемъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ. Можетъ быть, я косвенно оказалъ этому нѣкоторое содѣйствіе; я говорилъ съ В. К. послѣ того, какъ у него былъ М. А. Стаховичъ. Даже вначалѣ,

когда предполагалось, что бесѣды земскихъ людей имѣли въ виду организовать обструкцію мѣстнымъ комитетамъ, я совѣтовалъ оставить васъ въ покоѣ и говорилъ, что не слѣдуетъ это дѣло раздувать. Теперь же, когда выяснилось, что на вашихъ бесѣдахъ была дана совершенно правильная постановка вопросу, я тѣмъ болѣе не вижу повода придавать вашимъ собраніямъ то значеніе, которое въ нихъ было усмотрѣно. Я имѣю вашу программу. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея я, можетъ быть, съ вами разойдусь, это будетъ зависить отъ различія нашихъ взглядовъ и убѣжденій, но я долженъ признать, что всѣ пункты вашей программы не выходятъ изъ рамокъ предложеннаго комитетомъ общаго вопроса. Я нахожу такой обмѣнъ мнѣній, какой происходилъ въ Москвѣ между земскими людьми, очень полезнымъ для дѣла. Для Особаго Совѣщанія нѣтъ надобности въ разработкѣ мѣстными комитетами отдѣльныхъ пунктовъ его программы, а важно выяснить на мѣстахъ общія условія, тормазящія развитіе сельско-хозяйственной промышленности. Обсужденіе этого вопроса въ такомъ совѣщаніи, какое было въ Москвѣ, даетъ возможность установить общій взглядъ и общее мнѣніе, что не можетъ не имѣть значенія. Какъ предсѣдатель Особаго Совѣщанія, я сочту долгомъ доложить объ этомъ Государю. Скажите, пожалуйства, какъ вамъ, земскимъ людямъ, живется и какъ вы себя чувствуете?

Шиповъ. — Живется и чувствуется намъ очень нехорошо. Земство окружено такой атмосферой недовѣрія, которая не позволяетъ земскимъ людямъ спокойно работать и мы находимся всегда въ какомъ-то нервномъ возбужденіи. Вмѣсто того, чтобы спокойно заниматься практическимъ дѣломъ, озабочиваясь лишь тѣмъ, какъ лучше его разрѣшить по существу и въ интересахъ населенія, приходится сосредоточивать все своё вниманіе на другой сторонѣ дѣла — предусматривать, какъ бы не вызвать подозрѣній со стороны администраціи и какъ предупредить различныя формальныя затрудненія, которыя неизбѣжно встрѣтятся. Невозможно работать какъ слѣдуетъ при существующей разобщенности правительства и общества, при отсутствіи между ними взаимнаго довѣрія и необходимаго взаимодѣйствія.

Витте. — Чѣмъ объясняете вы, что эти условія за послѣднее время, повидимому, ухудшаются?

Шиповъ. — Могу ли я говорить совершенно откровенно?

Витте. — Прошу васъ отнюдь не стѣсняться. Мы говоримъ не какъ министръ и предсѣдатель управы, а какъ частныя лица.

Шиповъ. — Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ сказать, что записка ваша по вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ

западномъ краѣ, получившая большое распространеніе, внесла въ земскую среду большую смуту.

Витте. — Почему?!

Шиповъ. — Въ этой запискѣ устанавливается положеніе, что земскія учрежденія не совмѣстимы съ самодержавнымъ строемъ государства, а отсюда получается выводъ, что всѣ, кому дорого мѣстное самоуправленіе и кто стоитъ за необходимую самостоятельность земскихъ учрежденій, люди политически неблагонадежные. Это не могло не усилить разобщенность между правительствомъ и обществомъ.

Витте. — Записка моя была совершенно невѣрно понята; она не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы вызвать недовольство въ земской средѣ. Я и въ настоящее время не отступаю отъ того, что я говорилъ въ своей запискѣ, т. е. я считаю безусловно вѣрными и никѣмъ неопровергнутыми два основныхъ положенія моей записки. Первое положеніе то, что предоставленіе обществу участія въ управленіи мѣстномъ предрѣшаетъ неизбѣжность предоставленія ему участія въ управленіи верховномъ. Это аксіома, находящая себѣ подтвержденіе въ исторіи всѣхъ странъ, въ наукѣ и ни одинъ добросовѣстный человѣкъ не можетъ отрицать вѣрность этого положенія. Въ Россіи со мной согласны такіе представители государственной науки, какъ Градовскій, Чичеринъ и другіе. Со мной не соглашаются только такіе люди, какъ мой милѣйшій пріятель, кн. А. Д. Оболенскій, который витаетъ въ области теоретической фантазіи и полагаетъ, что русскій народъ какой-то особенный, руководящійся какой-то особой идеей. Я съ этимъ, конечно, согласиться не могу и считаю, что всѣ народы одинаковы, какъ англичане, французы, нѣмцы, японцы, такъ и русскіе. Что хорошо для однихъ, то почему же тоже не будетъ хорошо и для другихъ?

Шиповъ (перебивая). — Позвольте мнѣ, оставаясь добросовѣстнымъ, съ вами не согласиться.

Витте. — Да развѣ въ государствахъ съ представительной формой правленія дѣло идетъ хуже? Такъ почему же намъ отъ этого положенія отрекаться? Въ своей запискѣ я говорю, что земскія учрежденія — историческій фактъ нашей государственной жизни и объ упраздненіи ихъ не можетъ быть рѣчи и что участіе общества въ управленіи мѣстномъ предрѣшаетъ его участіе въ управленіи верховномъ. Какъ министръ, я считалъ своимъ долгомъ открыто сказать объ этомъ, чтобы Государю извѣстно было, куда мы неизбѣжно идемъ. Второе положеніе моей записки слѣдующее. Если земскія учрежденія существуютъ и упразднены быть не могутъ, то имъ нужно давать жить, а имъ жить не даютъ, что я и выяснилъ въ моей запискѣ. Отчего

земскія учрежденія находятся въ такомъ недовольствѣ и не покойны? Да потому, что они въ настоящемъ ихъ видѣ учрежденія безпочвенныя, они висятъ въ воздухѣ (показываетъ руками). Снизу отъ земли и народа ихъ отдѣляетъ бюрократическая стѣнка, — сверху надъ земствомъ бюрократическая подушка. Земцы просятся внизъ — не пускаютъ; земцы просятся вверхъ — не пускаютъ. Ну куда же вамъ дѣваться? Вотъ вы и мечетесь. Устранить вовсе неизбѣжность хода политическихъ событій невозможно, но задержать ихъ развитіе можно. Для этого необходимо приблизить земскія учрежденія къ населенію и дать имъ большое практическое дѣло. Какъ министръ финансовъ, я не нахожу возможнымъ широкое проведеніе въ населеніе экономическихъ мѣропріятій, безъ которыхъ немыслимо улучшеніе его благосостоянія, помимо общественной самодѣятельности. Но для этого нужно, чтобы земскія учрежденія стали учрежденіями народными и чтобы ничто не отдѣляло ихъ отъ населенія; нужно создать мелкую земскую единицу. Если при этихъ условіяхъ на земство будетъ возложено проведеніе въ жизнь многочисленныхъ необходимыхъ экономическихъ мѣропріятій, то у земцевъ будетъ такая масса практическаго дѣла, которая дастъ имъ большое удовлетвореніе и на долго отвлечетъ ихъ отъ политическихъ поползновеній. Кромѣ моей записки, что же еще вызываетъ недовольство земскихъ людей?

Шиповъ. — Въ самое послѣднее время состоящее подъ вашимъ предсѣдательствомъ Особое Совѣщаніе о сельско-хозяйственной промышленности признало возможнымъ при разрѣшеніи столь важнаго вопроса, затрогивающаго всѣ стороны нашей общественной жизни, обойти земскія учрежденія.

Витте. — Прошу васъ вѣрить, что я говорю совершенно искренно. Въ Особомъ Совѣщаніи я высказывался за опросъ земскихъ учрежденій, но встрѣтилъ возраженія со стороны Д. С. Сипягина, который былъ поддержанъ А. С. Ермоловымъ и большинствомъ членовъ Совѣщанія. Мнѣ съ трудомъ удалось провести составъ комитетовъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Я признавалъ нужнымъ въ этомъ дѣлѣ обратиться къ земскимъ учрежденіямъ и предчувствовалъ, что обходъ ихъ вызоветъ недовольство въ обществѣ. Но скажите мнѣ откровенно — полагаете ли вы, что земскія собранія могутъ по существу дѣла, высказать компетентныя мнѣнія и дать вполнѣ опредѣленныя указанія?

Шиповъ. — Говоря откровенно, я долженъ согласиться, что земскія собранія, особенно при настоящемъ ихъ составѣ, едва ли окажутся на высотѣ задачи, но, тѣмъ не менѣе, привлеченіе ихъ къ обсужденію вопроса о нуждахъ сельскаго хозяйства

представляется мнѣ безусловно необходимымъ, и не столько въ практическихъ цѣляхъ, сколько съ точки зрѣнія принципіальной — политической.

Витте. — И я такъ же смотрю на этотъ вопросъ. На дняхъ я получилъ ходатайство московскаго губернскаго комитета о томъ, чтобы земскимъ собраніямъ было предложено представить Особому Совѣщанію свои отзывы о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Я доложу это ходатайство Совѣщанію, но не знаю, признаетъ ли оно возможнымъ представить возбужденный въ этомъ ходатайствѣ вопросъ Его Императорскому Величеству. Во всякомъ случаѣ ближайшее засѣданіе Совѣщанія можетъ быть не ранѣе конца октября когда уѣздныя собранія будутъ уже закончены, а до открытія губернскихъ останется очень мало времени...

«Затѣмъ С. Ю. Витте разспрашивалъ меня объ арестахъ въ Москвѣ лицъ, признаваемыхъ полиціей политически неблагонадежными, много ли такихъ арестовъ и какое производятъ они впечатлѣніе на общество. Въ отвѣтъ я объяснилъ, что такіе аресты въ Москвѣ очень многочисленны, что по большей части привлекаются люди, не имѣющіе за собой ничего предосудительнаго, при чемъ привелъ нѣсколько примѣровъ, и указалъ, что такія произвольныя дѣйствія возмущаютъ всѣхъ, дорожащихъ законностью и порядкомъ. Витте, выслушавъ меня, сказалъ: «А вѣдь Сипягинъ былъ хорошій, честный человѣкъ, но къ сожалѣнію дальше этого не видѣлъ» (При этихъ словахъ С. Ю. закрылъ глаза руками). Этимъ бесѣда была закончена.

«Послѣ свиданія съ министрами я возвращался въ Москву въ бодромъ настроеніи. Мнѣ хотѣлось вѣрить, что оба министра дѣйствительно сознаютъ необходимость сближенія съ общественными силами, что будетъ найденъ языкъ для взаимнаго пониманія и что въ ближайшемъ времени будетъ положено начало созданію и укрѣпленію взаимодѣйствія правительства и общества».

«На основаніи высказаннаго министрами я приходилъ къ заключенію, что В. К. Плеве и С. Ю. Витте признаютъ за обществомъ реальную силу, съ которой, хотя можетъ быть и противъ ихъ желанія, неизбѣжно считаться и которую нельзя по прежнему игнорировать. Въ то время, когда объявляется высочайшее неудовольствіе участникамъ земскаго совѣщанія оба министра считаются съ организаціей общеземскаго объединенія, какъ съ существующимъ фактомъ, и говорятъ со мной, какъ съ ея представителемъ. Если то, что говорилось министрами даже и не соотвѣтствовало ихъ искреннимъ убѣжденіямъ, то и въ этомъ случаѣ, казалось, ихъ слова свидѣтельствовали, что они всетаки не видятъ возможности итти прежнимъ курсомъ;

если постройка моста черезъ пропасть, отдѣляющую правительство отъ общества, и не была дѣйствительнымъ желаніемъ министровъ, то тѣмъ не менѣе, они, повидимому, признавали постройку этого моста необходимой, чтобы самимъ не свалиться въ эту пропасть. Подъ вліяніемъ воспринятыхъ мной впечатлѣній значительно оживился свойственный мнѣ вообще оптимизмъ, но такое оживленіе оказалось непродолжительнымъ...».

«Первое засѣданіе губернскаго комитета состоялось 18 іюня 1902 г. подъ предсѣдательствомъ вр. испр. должность губернатора, вице-губернатора Л. А. Баратынскаго, и происходило въ составѣ, предусмотрѣнномъ положеніемъ о комитетахъ, безъ приглашенія предсѣдателемъ постороннихъ лицъ. Въ этомъ засѣданіи была доложена записка, подписанная всѣмъ составомъ губ. управы и предсѣдателями уѣздныхъ управъ губерніи. Въ заключительной части записки представившіе ее: 1) заявили, что въ силу высочайшаго повелѣнія они считаютъ своимъ долгомъ принимать участіе въ комитетѣ, какъ должностныя лица, но, не имѣя надлежащихъ уполномочій и указаній земскихъ собраній они будутъ высказывать только свои личныя мнѣнія и 2) просили комитетъ ходатайствовать передъ Особымъ Совѣщаніемъ, чтобы имъ испрошено было высочайшее соизволеніе на предложеніе земскимъ собраніямъ представить въ Особое Совѣщаніе свои отзывы, какъ по общему вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и по частнымъ вопросамъ программы. Это предложеніе было принято комитетомъ большинствомъ 24-хъ голосовъ противъ 7 и было представлено въ Особое Совѣщаніе. Въ Іюлѣ вице-губернаторъ былъ вызванъ министромъ, который объявилъ ему въ очень рѣзкой формѣ выговоръ, за допущенное постановленіе комитета и потребовалъ отъ Л. А. Баратынскаго немедленно подать прошеніе объ отставкѣ, чтобы не быть уволеннымъ по 3-му пункту. Такое самоуправство министра произвело тяжелое впечатлѣніе на московскихъ земцевъ, которые всегда съ уваженіемъ относились къ добродушному и прямому Л. А. Баратынскому. Ни въ постановленіи комитета, принятомъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, ни въ дѣйствіяхъ вице-губернатора не было ничего противозаконнаго и непонятно, какъ и на какомъ основаніи могъ бы предсѣдатель не допустить заявленіе земскихъ представителей и его голосованіе...».

«Образъ дѣйствій министра внутреннихъ дѣлъ вскорѣ послѣ нашей бесѣды привелъ меня къ убѣжденію, что я напрасно отнесся съ довѣріемъ къ его словамъ. Мнѣ стало ясно, что В. К. Плеве своимъ любезнымъ пріемомъ и намѣреніемъ привлечь меня въ число своихъ ближайшихъ сотрудниковъ имѣлъ въ виду подкупить меня и разсчитывалъ съ одной стороны

воспользоваться мной въ министерствѣ, какъ человѣкомъ, близко знакомымъ съ земскимъ дѣломъ, а съ другой, принимая во вниманіе извѣстное уваженіе, которымъ я пользовался въ земской средѣ, онъ полагалъ, что мое сотрудничество сможетъ ослабить оппозиціонное настроеніе общества къ власти. Увидавъ, что его разсчеты не оправлись, В. К. Плеве рѣзко измѣнилъ свое отношеніе ко мнѣ и вступилъ на путь послѣдовательнаго моего преслѣдованія...».

«Перемѣна въ отношеніи ко мнѣ В. К. Плеве была вызвана, вѣроятно, слѣдующими ближайшими причинами. Во-первыхъ, мое письмо, помѣщенное въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу отказа земскихъ представителей принимать дальнѣйшее участіе въ работахъ московскаго губ. комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, а, во-вторыхъ, отношеніе зем. учрежденій къ новымъ ветеринарнымъ правиламъ, обсуждавшимся въ очередныхъ сессіяхъ 1902 года...».

«Ходатайства объ отсрочкѣ примѣненія новыхъ ветеринарныхъ правилъ и о пересмотрѣ, при участіи земскихъ представителей, были возбуждены всѣми губернскими земствами и министерство внутреннихъ дѣлъ признало себя вынужденнымъ организовать въ январѣ 1903 г., подъ предсѣдательствомъ тов. м-ра, Н. А. Зиновьева, совѣщаніе, въ составъ котораго, кромѣ представителей ветеринарнаго управленія и д-та м-ства, были приглашены 8 предсѣдателей и 3 члена губ. земскихъ управъ и 3 земскихъ ветеринарныхъ врача...».

«Отъ московской управы былъ приглашенъ членъ ея, М. В. Челноковъ, не завѣдывавшій ветеринарнымъ ея отдѣломъ и мало знакомый съ вопросами ветеринарной организаціи, вслѣдствіе чего ему пришлось спѣшно затратить не мало труда и времени, чтобы войти въ курсъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ совѣщаніи...».

«По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ М. В. Челноковъ посѣтилъ предсѣдателя совѣщанія. Н. А. Зиновьевъ заговорилъ о ветеринарныхъ правилахъ, сказалъ, что не является авторомъ этого закона и неудача послѣдняго не затрагиваетъ его самолюбіе...».

«Н. А. Зиновьевъ, отличавшійся раздражительностью и очень невоздержанный на языкъ, рѣзко сказалъ: «Очень жаль, что вы обращаете вниманіе на такую ерунду, какъ эти правила; ихъ написалъ какой-то дуракъ. Я самъ ихъ своевременно не видалъ, потомъ ихъ выкрали и пошла исторія».

«На слѣдующій день М. В. Челноковъ былъ у м-ра вн. дѣлъ, который принялъ его очень любезно, но мало спрашивалъ и выслушивалъ, а говорилъ больше самъ. В. К. Плеве, коснувшись ветеринарныхъ правилъ, сказалъ: «Этотъ законъ возбу-

дилъ недовольство среди земствъ; многія земства возбудили ходатайства объ его пересмотрѣ. Какъ это ни странно, я этого закона не зналъ; онъ вырабатывался въ канцеляріяхъ продолжительное время и при мнѣ онъ былъ только внесенъ въ государственный совѣтъ. Зная, что кн. А. Д. Оболенскій, говорящій всегда о правахъ земства съ пѣной у рта, принималъ участіе въ составленіи этого законопроекта, я былъ спокоенъ, что проектъ земство не затрогиваетъ. Теперь вижу, что законъ не свободенъ отъ недостатковъ, свойственныхъ вообще работѣ спеціалистовъ. Я готовъ внести въ законъ какія угодно инструкціонныя исправленія, но дѣло, кажется, серьезнѣе; повидимому, придется кое-что измѣнить въ законодательномъ порядкѣ. Но, вы понимаете, что простое чувство приличія по отношенію къ государственному совѣту не позволяетъ сказать: — законъ, вами одобренный, никуда не годится. Хорошо, если удастся внести по возможности немногочисленныя законодательныя поправки и расширить область инструкціонныхъ распоряженій, чтобы удовлетворить желанія земствъ». Затѣмъ министръ предложилъ М. В. Челнокову указать на главные недостатки закона. Перечисливъ всѣ статьи правилъ, возбуждающія возраженія, М. В. говорилъ объ основной тенденціи закона. В. К. Плеве сказалъ: «Не должно быть разговора объ умаленіи правъ земства. На нашей душѣ и такъ слишкомъ много грѣховъ въ этомъ отношеніи — продовольственный уставъ и многія другія законоположенія. *Но нѣтъ ли въ данномъ случаѣ извѣстной тенденціи со стороны земства во всемъ видѣть покушеніе на ихъ самостоятельность*? Не объясняется ли въ настоящемъ случаѣ встрѣченный закономъ отпоръ *излишней нервностью земства и политиканствомъ? Не вина ли тутъ вашего Шипова*, который создалъ себѣ положеніе *какого-то земскаго вершителя*?». М. В. Челноковъ горячо возражалъ на такого рода предположенія».

«Высказанное В. К. Плеве во время бесѣды со мной 2 іюля 1902 г. намѣреніе привлечь меня къ организаціи общенія м-ства вн. дѣлъ съ предсѣдателями губ. управъ не было имъ осуществлено и я не былъ даже приглашенъ въ совѣщанія, организованныя при министерствѣ по ветеринарному закону въ январѣ и по продовольственному вопросу въ мартѣ 1903 г. 17 марта мнѣ пришлось быть въ С.-Петербургѣ въ м-ствѣ земледѣлія по дѣлу московскаго губ. земства. По заведенному порядку всѣ должностныя лица общественнаго самоупрвленія, пріѣзжавшіе въ С.-Петербургъ, представлялись министру вн. дѣлъ и мнѣ нужно было рѣшить слѣдуетъ ли исполнить установившійся обычай? Принимая во вниманіе, что В. К. Плеве не могъ усмотрѣть въ исполненіи мной практиковавшагося обычая

мое желаніе возстановить между нами отношенія, которыя, какъ будто, намѣчались въ іюлѣ, а съ другой — что о моемъ пріѣздѣ ему могло сдѣлаться случайно извѣстнымъ и мое уклоненіе отъ посѣщенія министра могло бы получить неправильную оцѣнку, я въ тотъ же день явился къ нему во время оффиціальнаго пріема. Когда дошла очередь, я былъ приглашенъ въ кабинетъ министра и между нами произошелъ такой разговоръ»:

Плеве. — Мы встрѣчаемся сегодня въ первый разъ послѣ нашего свиданія прошлымъ лѣтомъ на Аптекарскомъ островѣ, когда я долженъ былъ объявить вамъ высочайшее повелѣніе. Сожалѣю, что выраженное мною тогда желаніе организовать наше взаимодѣйствіе не осуществилось и что я не могъ привлечь васъ къ участію въ происходящихъ при министерствѣ совѣщаніяхъ. Одинъ я сдѣлать этого не могъ... вы не пошли мнѣ навстрѣчу. Вы продолжаете руководительствовать оппозиціонной общественной группой съ цѣлью постояннаго противодѣйствія правительству.

Шиповъ. — Я не понимаю ваше превосходительство, что вы имѣете въ виду, предъявляя мнѣ такое обвиненіе, и прошу васъ высказаться опредѣленнѣе.

Плеве (прищуривъ глазъ и со злобнымъ выраженіемъ лица). — Д. Н., мы съ вами оба люди умные (подчеркиваетъ интонаціей это слово) и вы понимаете, что я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, могу и обязанъ знать все, что происходитъ среди общественныхъ дѣятелей[1]).

Шиповъ. — Я это знаю, но мнѣ совершенно неизвѣстно, какіе факты или какія мои дѣйствія вы имѣете въ виду, а не зная ихъ, не могу представить разъясненія, которыя могли бы разсѣять вѣроятныя недоразумѣнія.

Плеве — Вы продолжаете организовывать нелегальные съѣзды земскихъ дѣятелей и коллективное противодѣйствіе правительству.

[1]) Вѣроятно, министръ этими словами хотѣлъ дать понять, что ему извѣстно мое письмо къ М. В. Челнокову, написанное изъ Москвы 20 января 1903 г. въ С.-Петербургъ, во время происходившаго при министерствѣ совѣщанія по пересмотру ветеринарныхъ правилъ 12 іюня 1902 г. Въ этомъ письмѣ я, между прочимъ, писалъ: «Все болѣе и болѣе проникаюсь убѣжденіемъ, что Плеве человѣкъ безъ совѣсти и чувства чести и, что онъ полагаетъ возможнымъ путемъ лжи и лицемѣрія всѣхъ обойти. Никакъ не могу понять и объяснить себѣ его тактику. Вѣдь Плеве производитъ впечатлѣніе несомнѣнно умнаго человѣка, но при этомъ, какъ объяснить, что онъ можетъ признавать возможнымъ строить всю свою политику на лжи и лицемѣріи. Вѣдь умный человѣкъ не можетъ не сознавать, что ложь и хитрость, съ которыми при отсутствіи нравственнаго чувства Плеве примиряется, не могутъ оставаться продолжительное время невыясненными.

Шиповъ. — Не понимаю о какихъ съѣздахъ вы говорите?

Плеве. — А майскій съѣздъ, который происходилъ у васъ; вѣдь вы должны согласиться, что онъ былъ незаконный.

Шиповъ. — Я уже имѣлъ честь представить объясненія мои, касающіяся всего происходившаго на майскомъ съѣздѣ, и считалъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ. Вѣдь сегодня вы изволили говорить мнѣ о моей дѣятельности послѣ нашего свиданія въ іюлѣ и я прошу васъ указать мнѣ, какой съѣздъ за это время былъ мной организованъ?

Плеве. — А съѣздъ предсѣдателей управъ въ Москвѣ этимъ лѣтомъ?

Шиповъ. — Предсѣдателей какихъ управъ — уѣздныхъ?

Плеве. — Ну, да.

Шиповъ. — Такъ вѣдь такіе съѣзды бываютъ постоянно, съ давняго времени, какъ въ Московской, такъ и въ другихъ губерніяхъ. На этихъ съѣздахъ обсуждаются различные практическіе вопросы земской жизни губерніи и ничего оппозиціоннаго они представлять не могутъ.

Плеве. — На этомъ съѣздѣ вы обсуждали вопросъ, какъ создать въ уѣздахъ противодѣйствіе сельско-хозяйственнымъ комитетамъ.

Шиповъ. — Вовсе нѣтъ. Мы обсуждали только совмѣстно, какія общія для всей губерніи нужды должны быть отмѣчены земскими представителями въ уѣздныхъ комитетахъ.

Плеве. — Но какое же отношеніе къ нуждамъ сельскаго хозяйства имѣютъ вопросы о свободѣ совѣсти, о раскольникахъ, о свободѣ печати?

Шиповъ. — Такіе вопросы не были затронуты ни въ губернскомъ, ни въ одномъ изъ уѣздныхъ комитетовъ Московской губерніи.

Плеве. — Однако они были подняты въ суджанскомъ комитетѣ.

Шиповъ. — Какая же можетъ быть связь между моей дѣятельностью и постановкой вопросовъ въ уѣздномъ комитетѣ Курской губерніи? Ваше высокопревосходительство преувеличиваете значеніе моего вліянія. Если вамъ угодно вообще усматривать мое вліяніе на постановку вопросовъ въ комитетахъ, то вы могли бы замѣтить, что я, насколько могъ, постарался распространить въ земской средѣ, что вы признаете нежелательнымъ возбужденіе вопроса о приглашеніи выборныхъ земскихъ представителей въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и этотъ вопросъ въ большинствѣ губерній былъ исключенъ изъ майской программы.

Плеве. — Вы и ваши единомышленники старались въ комитетахъ провести указанія, какъ должно правительство организовать государственное управленіе.

Шиповъ. — Нѣтъ, мы указывали только на ясно и опредѣленно сознаваемыя нами нужды и причины ихъ, по нашему глубокому убѣжденію, обусловливающія, но не говорили и не указывали, какъ должно быть организовано государственное управленіе.

Плеве. — Около васъ группируются въ Москвѣ лица, оппозиціоннаго правительству направленія и къ вамъ стекаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ комитетовъ и общественныхъ учрежденій изъ всѣхъ мѣстъ. Вотъ, напримѣръ, когда я былъ въ Москвѣ, то тамъ были получены только два экземпляра записки воронежскаго комитета — одинъ для меня, другой для васъ.

Шиповъ. — Я этой записки не получилъ, очевидно она не была мнѣ доставлена, о чемъ очень сожалѣю. Не знаю, о какихъ лицахъ, группирующихся около меня, вы говорите. У меня много друзей, товарищей и сотрудниковъ, но никого изъ нихъ я не знаю, какъ людей принципіально оппозиціоннаго правительству направленія. Не зная именъ и фамилій лицъ, которыхъ вы имѣете въ виду, я не могу дать объясненій. Что касается полученія свѣдѣній о дѣятельности другихъ общественныхъ учрежденій, то вы смѣшиваете меня съ губернской управой. По установившемуся обычаю всѣ земскія учрежденія обмѣниваются своими докладами, записками, работами и вообще всѣми своими изданіями; это единственный способъ, который имѣютъ земскія учрежденія, чтобы знакомиться съ дѣятельностью другъ друга. Порядокъ этотъ соблюдается въ московской управѣ, можетъ быть, послѣдовательнѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ.

Плеве. — Въ дѣлѣ оппозиціи правительству то мѣсто, которое въ печати занимаютъ «Русскія Вѣдомости», вы занимаете его среди общественныхъ дѣятелей. Если это можетъ быть, по нашимъ цензурнымъ условіямъ, терпимо по отношенію органа печати, то такое нелегальное направленіе недопустимо со стороны должностнаго лица, такъ какъ, хотя предсѣдатели управъ и выбираются земскими собраніями, но они такія же должностныя лица на государственной службѣ, какъ и всѣ другія.

Шиповъ. — Ничего нелегальнаго въ моей дѣятельности и въ моихъ поступкахъ никогда не было, нѣтъ и не будетъ, и я не получилъ отъ васъ никакихъ указаній на опредѣленные факты. Мои убѣжденія я высказывалъ и высказываю всегда прямо и открыто. Зачѣмъ, хотя я и должностное лицо, состоящее на

государственной службѣ, но прежде всего я сознаю себя избранникомъ общества, почтившаго меня своимъ довѣріемъ, и считаю своей священной обязанностью отстаивать самостоятельность и независимость общественныхъ учрежденій, безъ которыхъ, по моему глубокому убѣжденію, не можетъ правильно развиваться ни общественная, ни государственная жизнь.

Плеве. — Послѣ словъ, сказанныхъ Государемъ въ Курскѣ и послѣ послѣдняго всемилостивѣйшаго манифеста, не должно быть сомнѣній въ доброжелательномъ отношеніи Государя къ земскимъ учрежденіямъ и нѣтъ основаній опасаться за ихъ самостоятельность и независимость (Встаетъ и подаетъ руку). Я знаю, Д. Н., что вы стойки въ своихъ убѣжденіяхъ и отъ нихъ не отступитесь; очевидно, мы вмѣстѣ не пойдемъ.

Шиповъ. — Это вѣроятно, такъ какъ наши убѣжденія, очевидно, различны. Уходя, я позволю себѣ еще разъ заявить, что я ухожу, не получивъ отъ вашего высокопревосходительства указаній на какіе-либо факты или дѣйствія мои, которые могли послужить основой для высказанной мнѣ вами характеристики моей дѣятельности.

«Черезъ три недѣли мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ В. К. Плеве. Въ концѣ страстной недѣли министръ внутреннихъ дѣлъ говѣлъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ, а первые дни Пасхи провелъ въ Москвѣ[1]). Министра сопровождалъ директоръ департамента общихъ дѣлъ, Б. В. Штюрмеръ, который въ 1893-1894 г. г. былъ предсѣдателемъ тверской губ. зем. управы по назначенію. Я познакомился съ нимъ въ 1893 году, во время посѣщенія бурашевской психіатрической лѣчебницы тверского губ. земства, а затѣмъ онъ, пріѣзжая въ Москву, какъ предсѣдатель тверской управы, бывалъ у меня и мы неоднократно бесѣдовали по различнымъ зем. вопросамъ. Остановившись въ Москвѣ Б. В. Штюрмепъ посѣтилъ меня, какъ прежняго земскаго сослуживца, и завелъ рѣчь о размолвкѣ и недоразумѣніи, возникшихъ между мной и В. К. Плеве...»

«Приступая къ бесѣдѣ, Б. В. просилъ меня выяснить, что именно въ направленіи дѣятельности В. К. Плеве вызываетъ мое отрицательное къ ней отношеніе. Отвѣчая я развилъ слѣдующія мысли. Прежде всего меня возмущаетъ отождествленіе самодержавія съ самовластіемъ, и даже не съ абсолютизмомъ царской власти, а съ самовластіемъ бюрократіи. Исходя изъ этого положенія, правительство не желаетъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, всемѣрно стѣсняетъ свободу личности и общества и стремится всѣхъ и все опекать и подчинять всѣ

[1]) Это было во время пребыванія Ихъ Величествъ въ Москвѣ на Пасхѣ 1903 года.

проявленія жизни «видамъ правительства». Правительство видитъ неизбѣжность роста и совершающагося измѣненія условій государственной жизни и сознаетъ необходимость реформъ, но не понимаетъ сущности и значенія назрѣвающихъ запросовъ общественной жизни, а потому, даже при искреннемъ желаніи, не способно на созидательную дѣятельность безъ живого общенія съ общественными силами. Правительство, можетъ быть, и желало бы найти опору въ обществѣ, но не знаетъ, гдѣ и въ какихъ элементахъ общества ее искать. Правительство продолжаетъ искать опору въ дворянствѣ, которое безвозвратно утратило свое прежнее значеніе, а къ всесословнымъ общественнымъ организаціямъ правительство относится съ недовѣріемъ и своимъ отношеніемъ съ каждымъ днемъ углубляетъ пропасть, отдѣляющую власть отъ населенія. Народившаяся и все крѣпнущая всесословная интеллигенція представляется правительству безпочвенной и опасной. Но если дворянство послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ утратило свое значеніе, то правительству необходимо получить опору въ новыхъ общественныхъ группировкахъ. Нельзя вѣчно относиться отрицательно къ всесословной интеллигенціи. Само государство ее создаетъ; широко открывая двери въ среднія и высшія учебныя заведенія и ежегодно выпуская тысячи людей всѣхъ сословій съ расширеннымъ кругозоромъ и повышенными запросами къ жизни. Надо утилизировать интеллигентныя силы, надо сдѣлать ихъ по возможности консервативными, а не толкать ихъ въ оппозицію и не возбуждать въ нихъ справедливое недовольство, постоянно оскорбляя ихъ самолюбіе и затрудняя имъ возможность приложенія своихъ силъ и знаній на благо общественной и государственной жизни.

Б. В. Штюрмеръ выслушивалъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ и нѣсколько разъ выражалъ согласіе и сочувствіе, когда же я кончилъ, онъ сказалъ: — «убѣдительно прошу васъ, повидайтесь еще разъ съ В. К. Плеве и повторите ему все сказанное вами мнѣ; я увѣренъ, что онъ признаетъ основательность вашихъ доводовъ и пойдетъ вамъ навстрѣчу...».

«При окончаніи занятій земскаго совѣщанія въ маѣ 1902 г. было признано желательнымъ, чтобы такого рода земскіе съѣзды устраивались періодически, разъ въ годъ, въ концѣ мая, въ Москвѣ, а въ случаяхъ возникновенія важныхъ вопросовъ, требующихъ неотложнаго обсужденія, должны быть созываемы экстрѣнныя собранія. Для болѣе правильной организаціи этого дѣла было избрано организаціонное бюро, въ составъ котораго вошли: — весь составъ московской губ.

земской управы и 12 лицъ[1]) изъ числа участниковъ майскаго совѣщанія; меня просили принять на себя исполненіе обязанностей предсѣдателя этого бюро. Созывъ земскаго съѣзда въ 1903 году, вскорѣ послѣ объявленія высочайшаго неудовольствія участникамъ майскаго совѣщанія 1902 года, не представлялся возможнымъ, а, между тѣмъ, весьма остро сознавалась необходимость единенія земской среды и согласованнаго образа дѣйствій земскихъ учрежденій».

«Подъ вліяніемъ все усиливающагося проявленія самовластія правительственной власти, грубаго подавленія ею свободы и личныхъ правъ гражданъ (?) и полнаго пренебреженія къ справедливымъ и вполнѣ умѣреннымъ запросамъ развивающейся общественной жизни оппозиціонное настроеніе въ странѣ и, въ частности въ земской средѣ быстро возрастало. Много земскихъ людей, стремившихся прежде лишь къ установленію нормальнаго взаимодѣйствія между властью и обществомъ при существовавшемъ государственномъ строѣ, теряли надежду, чтобы государственная власть добровольно отказалась отъ пагубной политики недовѣрія и преслѣдованія свободнаго проявленія личной и общественной жизни, и приходили къ убѣжденію, что никакія измѣненія въ нашей политической и соціальной жизни невозможны безъ ограниченія власти конституціоннымъ режимомъ. Число убѣжденныхъ конституціоналистовъ въ широкихъ кругахъ общества быстро увеличивалось и въ первой половинѣ 1903 года уже намѣчалась организація «Союза Освобожденія», который долженъ былъ объединить всѣ оппозиціонные элементы и *ставилъ себѣ цѣлью — политическое освобожденіе страны, уничтоженіе самодержавія и установленіе въ Россіи конституціоннаго строя. Руководясь идеей народовластія «Союзъ Освобожденія» въ основу политической реформы полагалъ принципъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ* (Sic).

«Не раздѣляя этихъ убѣжденій, признавая ихъ не отвѣчающими жизнепониманію русскаго народа и относясь принципіально отрицательно къ политической борьбѣ[2]), я считалъ своимъ долгомъ всѣми силами и доступными мнѣ мѣрами противодѣйствовать конституціоннымъ теченіямъ и содѣйствовать возстановленію въ странѣ условій, вытекающихъ изъ свойственнаго русскому народному духу признанія необходимости господства въ государственной жизни преимущественно нрав-

[1]) В. И. Вернадскій В. Д. фонъ-Дервизъ И. Г. Жуковскій, М П. Колобовъ, В. Н. Линдъ, И. И. Петрункевичъ, Р. А. Писаревъ, Н. Ф. Рихтеръ, А. А. Савельевъ, Б. Т. Садовскій, князь Д. И. Шаховскій и В. Е. Якушкинъ.

[2]) А самъ Д. Н. Шиповъ все-таки ее велъ.

ственнаго начала. Я не терялъ надежды, что государственная власть подъ вліяніемъ доброжелательнаго и корректнаго воздѣйствія земской среды пойметъ ошибочность избраннаго ею пути, сознаетъ необходимость отрѣшиться отъ недовѣрія къ общественнымъ силамъ, признаетъ свое служебное значеніе въ государственной жизни и увидитъ свой долгъ въ созданіи живого единенія съ населеніемъ для осуществленія совмѣстными усиліями высшихъ цѣлей, предстоящихъ всему человѣчеству. Осуществленіе этихъ нуждъ мнѣ представлялось болѣе возможнымъ и вѣроятнымъ при условіи сохраненія и сосредоточенія въ земской средѣ общественнаго движенія, стремящагося къ обновленію нашей государственной жизни. Только при созданіи тѣснаго и живого взаимодѣйствія власти съ земскими учрежденіями и приближеніи послѣднихъ къ населенію представлялось мнѣ возможнымъ возстановленіе и прочное укрѣпленіе государственнаго-земскаго строя. Руководясь этими убѣжденіями и принимая во вниманіе, что продолжающаяся реакціонная политика правительства съ одной стороны и нарастающія въ странѣ конституціонныя стремленія съ другой — угрожаютъ возникновеніемъ острой политической борьбы и государственнымъ переворотомъ, я находилъ необходимымъ, чтобы земскія учрежденія въ 1903 году выступили объединенно съ представленіемъ государственной власти о неотложности насущныхъ реформъ для удержанія ближайшаго будущаго страны въ руслѣ государственной жизни, указываемомъ ея исторіей».

20 апрѣля при страховомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ начались занятія совѣщанія по вопросамъ о взаимномъ между земствами перестрахованіи имуществъ отъ огня...

«Въ состоявшихся собраніяхъ приняли участіе 28 лицъ и бесѣды наши на частныхъ квартирахъ происходили 24 и 25 апрѣля».

«По просьбѣ собравшихся Н. В. Раевскимъ[1]) было сдѣлано сообщеніе о бесѣдахъ, происходившихъ у В. К. Плеве съ девятью представителями губ. управъ и 5-ю губ. предводителями дворянства, принимавшими участіе въ организованномъ при м-ствѣ совѣщаніи по продовольственному вопросу. Въ этихъ бесѣдахъ по предложенію министра приглашенныя имъ лица высказывались по вопросамъ: о предоставленіи земствамъ участія въ промысловомъ налогѣ, о фиксаціи земскаго обложенія, о земскомъ представительствѣ, о народномъ образованіи, объ антагонизмѣ между свѣтской и церковной школами, о крамолѣ, о мелкой земской единицѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, о возможности уничтоженія губерн-

---

[1]) Въ 1910 году былъ Бакинскимъ Городской Головой.

скихъ земствъ, «третьемъ элементѣ» и о недѣлимости дворянскихъ имѣній. Н. В. Раевскій ознакомилъ собраніе съ высказанными сужденіями и говорилъ, что м-ръ мало высказывался, но когда Н. В. Раевскій поднялъ вопросъ о неутвержденіи избираемыхъ земскими собраніями должностныхъ лицъ, министръ возразилъ: «что-же, по вашему, утверждать и тѣхъ, у кого тайныя типографіи?». Затѣмъ В. К. Плеве отрицательно отнесся къ возможности разрѣшенія земскихъ съѣздовъ, находя, что общеніе земцевъ между собой въ С.-Петербургѣ во время ихъ совѣщаній при министерствѣ вполнѣ достаточно. При прощаніи съ собравшимися у него, В. К. Плеве отмѣтилъ, что съ высоты престола объявлено благорасположеніе Государя къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ и что м-ръ надѣется, если не во всемъ сойтись во взглядахъ съ земцами, то, по крайней мѣрѣ, не разойтись во многомъ».

«Послѣ обсужденія было признано желательнымъ, чтобы всѣ губ. земск. собранія въ престоящей сессіи, путемъ предъявленія аналогичныхъ ходатайствъ, довели до свѣдѣнія правительства, что земство признаетъ необходимымъ, чтобы всѣ законопроекты, имѣющіе быть составленными, согласно манифесту 26 февраля и касающіеся мѣстной жизни, до представленія ихъ на утвержденіе, были передаваемы на предварительное заключеніе губ. земск. собраній. Объ этомъ было признано необходимымъ поставить въ извѣстность всѣ губ. зем. управы и такъ какъ въ бесѣдѣ принимали участіе представители только 17 губерній, то присутствовавшіе распредѣлили между собой обязанность по оповѣщенію губ. управъ, не имѣвшихъ представителей въ средѣ участниковъ бесѣды».

25 апрѣля 1903 г. К. К. Арсеньевъ, въ дополненіе къ принятому заключенію возбудилъ вопросъ: «не слѣдовало бы представить одновременно ходатайство о приглашеніи представителей земствъ по выбору губернскихъ земскихъ собраній въ центральныя государственныя учрежденія при выработкѣ законопроектовъ мѣстной реформы?». Предложеніе К. К. Арсеньева встрѣтило горячее сочувствіе и поддержку со стороны гр. П. А. Гейдена, И. И. Петрункевича и А. А. Савельева, при чемъ предложеніе было расширено въ смыслѣ привлеченія земскихъ представителей къ участію въ выработкѣ всѣхъ вообще законопроектовъ. Съ возраженіемъ на внесенное К. К. Арсеньевымъ предложеніе выступилъ я. Соглашаясь съ нимъ по существу, я указывалъ на необходимость извѣстной постепенности при постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ о созданіи взаимодѣйствія власти съ общественными силами. Одновременное предъявленіе двухъ ходатайствъ неминуемо повредитъ успѣху перваго. Нельзя не считаться со взглядами лицъ, къ которымъ

обращаешься, если желать успѣха дѣлу. Первое ходатайство не идетъ въ разрѣзъ со взглядами правительства; тогда какъ вопросъ о привлеченіи къ участію въ законодательной работѣ выборныхъ земскихъ представителей, съ точки зрѣнія членовъ правительства, разсматривается какъ измѣненіе существующаго государственнаго строя. Мое мнѣніе было поддержано: А. А. Свѣчинымъ, С. П. Балахонцевымъ, кн. Петромъ Д. Долгоруковымъ и Н. В. Раевскимъ. По окончаніи преній предложеніе К. К. Арсеньева было поставлено на голосованіе и вопросъ получилъ отрицательное рѣшеніе большинствомъ 15 голосовъ противъ 13.

Въ августѣ того же 1903 года земскіе представители участвовали въ совѣщаніи, организованномъ по иниціативѣ Особаго Совѣщанія о сельско-хозяйственной промышленности, для разсмотрѣнія проекта положенія о мѣстныхъ дорогахъ. Н. В. Раевскимъ, по порученію всѣхъ его товарищей по представительству, было внесено предложеніе о передачѣ законопроекта до внесенія его въ государственный совѣтъ на обсужденіе земскихъ собраній.

«Однако, проектъ положенія о мѣстныхъ дорогахъ на обсужденіе земск. собраній переданъ не былъ, а о дѣйствительномъ отношеніи къ этому вопросу обоихъ министровъ можно получить представленіе изъ приводимаго ниже сообщенія одного изъ членовъ Особаго Совѣщанія о преніяхъ въ засѣданіи 28 февраля 1904 г.»:

«При обсужденіи, какія права можно предоставить земству по постройкѣ дорогъ и какія на земство могутъ быть возложены обязанности, А. Н. Куломзинъ доказывалъ, что тѣ выводы, къ которымъ по этому вопросу придетъ Особое Совѣщаніе, должны быть разосланы на обсужденіе и заключеніе земствъ, которыя одни могутъ съ увѣренностью сказать, насколько предположенія Совѣщанія являются исполнимыми и насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ, главнымъ образомъ, въ состояніи ли земство вынести то бремя, которое на него возлагается новымъ закономъ. *С. Ю. Витте* возсталъ противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ и заявилъ, что онъ не имѣлъ бы ничего противъ того, чтобы на заключеніе земствъ былъ разосланъ проектъ, выработанный подготовительной комиссіей, но онъ безусловно не можетъ допустить, чтобы заключенія, къ которымъ пришло то Совѣщаніе, гдѣ онъ имѣетъ честь предсѣдательствовать, разсылались на заключеніе какихъ бы то ни было мѣстныхъ людей. Предложеніе А. Н. Куломзина нашло поддержку въ нѣкоторыхъ членахъ совѣщанія».

«Послѣ этого С. Ю. Витте обратился къ В. К. Плеве. —

В. К. Плеве заявилъ, что онъ вообще не считаетъ возможнымъ въ настоящее время создавать законы для всей Россіи изъ С.-Петербурга. По его мнѣнію, участіе мѣстныхъ силъ въ обсужденіи законодательныхъ предположеній является безусловно необходимымъ, но при этомъ онъ не можетъ не обратить вниманія на то, что при настоящемъ земскомъ представительствѣ земск. учрежденія далеко не являются дѣйствительными представителями населенія. *Дѣйствительными рабочими силами въ нихъ являются не люди мѣстности, а наемныя лица управъ, чиновники, разборомъ хуже петербургскихъ.* Если мы пошлемъ нашъ проектъ на заключеніе мѣстныхъ людей, то получимъ отзывы не мѣстныхъ дѣятелей, знающихъ мѣстныя нужды и съ этой точки зрѣнія обсуждающихъ наши предположенія, а мнѣнія людей постороннихъ мѣстности, разсматривающихъ все съ отвлеченныхъ доктринерскихъ положеній. Государственнымъ центростремительнымъ началамъ они противополагаютъ начала индивидуалистическія, центробѣжныя, и можно заранѣе сказать, какіе отвѣты мы получимъ подъ видомъ земскихъ: это будутъ указанія на то, *что при современномъ укладѣ государственной жизни никакія реформы дорожнаго дѣла невозможны, что, когда перемѣнится государственный строй, сами собой улучшатся проселочныя дороги.* Съ этой точки зрѣнія теперь подходятъ ко всѣмъ вопросамъ; даже реформу крестьянскаго законодательства ставятъ въ связь съ общимъ правопорядкомъ. Я, конечно, не хочу сказать, что во всѣхъ земствахъ эти немѣстные элементы совершенно оттѣснили мѣстные, но я не могу не опасаться того, что въ значительномъ числѣ случаевъ *тѣ отзывы, которые мы получимъ, будутъ написаны не мѣстными людьми, а всякаго рода подназорными статистиками, фельдшерами* и, въ лучшемъ случаѣ, народными учителями. И это будутъ тѣ отзывы, которые болѣе другихъ остановятъ наше вниманіе, такъ какъ наиболѣе талантливые изъ мѣстныхъ дѣятелей не особенно искусны въ письменномъ изложеніи своихъ мнѣній и значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи тѣмъ, кто въ теченіе долговременныхъ тюремныхъ досуговъ упражнялся въ составленіи всякаго рода рефератовъ. Нефальсифицированное мнѣніе дѣйствительно мѣстныхъ людей можно получить только путемъ образованія совѣщаній, въ которыхъ были бы представлены и элементы государственные, и элементы мѣстные, представители сословій и проч. Поэтому я предлагалъ бы передать нашъ проектъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, составленныхъ изъ должностныхъ лицъ губерніи и изъ представителей земствъ и дворянства, при чемъ я бы не встрѣчалъ препятствій къ тому, чтобы эти представители были избраны соотвѣтствующими собраніями. С. Ю. Витте

возражалъ противъ предложенія А. Н. Куломзина, утверждая, что передача какого-либо законопроекта на обсужденіе земствъ можетъ только похоронить этотъ законъ: получится 60 томовъ противорѣчивыхъ и несогласованныхъ заключеній, въ которыхъ никто никогда не разберется. Государственная опытность А. Н. Куломзина такова, что онъ, конечно, знаетъ, что изъ проектовъ, передававшихся на заключеніе мѣстныхъ учрежденій, ни разу ничего не вышло. Что же касается тѣхъ совѣщаній, о которыхъ говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то Витте не сомнѣвается, что земства никогда не признаютъ заключенія, высказанныя подобными совѣщаніями, за мнѣнія самого земства, и ихъ отношенія къ проекту ничуть не измѣнятся отъ того, что подобныя совѣщанія выскажутся въ пользу его...».

Въ 1904 г. Д. Н. Шиповъ вынужденъ былъ оставить предсѣдательство въ московскомъ губ. земствѣ. Избраніе его на 5-е трехлѣтіе не было утверждено. До 1906 г. онъ продолжалъ объединять и неоффиціально возглавлять «всероссійское земство». Но съ открытіемъ нашего парламента — Государственной Думы и Государственнаго Совѣта — руководящая роль въ дальнѣйшихъ «завоеваніяхъ революціи» осадою власти переходитъ къ «ка-декской» партіи. Первымъ предсѣдателемъ ея избирается не кто иной, какъ ветеранъ «земскихъ максималистовъ» — Петрункевичъ. Честный патріотъ, достаточно прозрѣвшій послѣ событій 1905-1906 г. г. Д. Н. Шиповъ милюковско-винаверскимъ политиканамъ теперь былъ не нуженъ. Самъ онъ, какъ и многіе «добросовѣстно-заблуждавшіеся» до 1906 г. земцы, идти на поводу у революціонеровъ болѣе не пожелалъ и въ к.-д. партію не вошелъ. Избранный въ 1906 г. членомъ Гос. Совѣта отъ московскаго земства Шиповъ примкнулъ къ октябристамъ, а къ 1912 г. постепенно отошелъ отъ земской и политической дѣятельности.

Итоги борьбы «вѣрноподданныхъ земскихъ людей» съ царскимъ самодержавіемъ.

«Въ своемъ большинствѣ земство вовсе не революціонно, а только эволюціонно»! Такъ старались «отводить глаза» царскимъ министрамъ и своимъ противникамъ консерваторамъ — земскіе либералы-конституціоналисты.

Прекраснодушные патріоты, Шиповы и Долгоруковы, пресерьезно дѣлали видъ, будто-бы и не вѣдаютъ, что своею «ускоренною эволюціей» они творятъ ту-же самую революцію, которую объ руку съ ними разжигали бомбами террора соціалисты-народники (с.-р.), пропагандою классовой ненависти — боль-

шевики и меньшевики (с.-д.), а возбужденіемъ всеобщаго злобнаго недовольства — радикалы и демократы «общественности» Союза Освобожденія, въ своемъ заграничномъ журналѣ проповѣдывавшіе отъ имени земцевъ подлинную революцію и печатавшіе цѣлые списки «земскихъ дѣятелей», присоединявшихся къ требованіямъ «объ измѣненіи существующаго строя».

Воспоминанія Шипова — это откровенныя записи исключительно освѣдомленнаго лѣтописца-очевидца и участника «революціонно-эволюціонной» борьбы «вѣрноподданныхъ земскихъ людей» съ правительствомъ Его Императорскаго Величества.

И лѣтопись Шипова документально устанавливаетъ, что конечныя цѣли этой борьбы заключались въ сверженіи царскаго Самодержавія и въ захватѣ власти интеллигентской общественностью, предводимою выдвиженцами земско-дворянскихъ и столичныхъ профессорскихъ круговъ.

А центромъ этой «борьбы за власть» сдѣлалась Москва, благодаря возглавленію именно московскими земцами всей оппозиціи либеральной и радикальной «общественности».

И какая Москва! Предсѣдателемъ нелегальнаго московскаго центральнаго объединенія «всероссійскаго земства» — болѣе 10 лѣтъ состоялъ Предсѣдатеь Московской Губернской Земской Управы, дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ Шиповъ, а членами президіума (бюро) — родовитые представители богатыхъ землевладѣльцевъ (отъ 12 до 19 губерній), начиная отъ князей-рюриковичей Долгоруковыхъ до Новосильцевыхъ и Головиныхъ. Весьма характерное явленіе отмѣчаетъ Шиповъ въ разсказѣ о неудавшейся попыткѣ организованнаго выступленія земцевъ въ 1901 году: единственнымъ лицомъ, отказавшимся принять какое-либо участіе въ конспиративныхъ совѣщаніяхъ земцевъ оказался только представитель стараго купечества, бывшій московскій городской голова К. В. Рукавишниковъ. Онъ сразу заявилъ, что по пути сверженія царской власти не пойдетъ — какими бы «благородными цѣлями» борьбы съ «самовластіемъ бюрократіи» эти дѣянія не маскировались и какою бы «эволюціей» не прикрывалось предъявленіе революціонныхъ требованій въ заявленіяхъ и запискахъ, въ адресахъ и петиціяхъ къ Монарху.

Однако эта игра съ огнемъ, тушеніе поджигаемаго радикалами костра революціи елейнымъ фонтаномъ дѣятелей «благонамѣренной эволюціи» — естественно только подливало масло въ огонь разгоравшагося пожара всероссійской смуты.

Позднѣйшія признанія другого очевидца, В. А. Маклакова, подтверждаютъ какъ, благодаря именно земству, революціонная смута захватывала все болѣе широкіе круги. Оно подавало примѣръ и увлекало — какъ привиллегированнымъ положеніемъ

земскихъ учрежденій въ общей системѣ государственнаго управленія, такъ и авторитетомъ и личнымъ вліяніемъ многихъ «именитыхъ земцевъ», нерѣдко носителей фамилій, прославленныхъ историческимъ прошлымъ.

Призванному къ жизни Самодержавною Властью и ею взлелѣянному земству многое прощалось, а именитымъ представителямъ мѣстнаго самоуправленія многое «сходило съ рукъ». Вотъ эти послабленія и безнаказанность нарушеній, хотя бы и въ мелочахъ — были деморализующимъ примѣромъ, втягивали въ подражательное политиканство и такъ называемый «средній классъ», по существу далеко не революціонный: вѣдь впереди шли не какіе-нибудь нелегальные подпольщики, а боровшіеся «съ открытымъ забраломъ» извѣстные общественные дѣятели.

Земско-городскія выступленія начала 1900-хъ годовъ, руководимыя въ дѣйствительности меньшинствомъ земцевъ-радикаловъ, заставили повѣрить въ силу и значеніе, въ *фирму земства* — самые широкіе круги населенія и обманули многихъ, далекихъ отъ революціи людей — совершенно также, какъ въ 1917 году армія и весь народъ повѣрили въ *фирму Государственной Думы* и были вторично *обмануты*, въ большинствѣ тѣми-же вождями «земской оппозиціи» 1890-1900-хъ г. г., перекрасившимися въ думскій «прогрессивный блокъ» и такъ преступно самонадѣянно возглавившими февральскій столичный бунтъ, превративъ его въ революцію...

Въ «историческомъ фильмѣ» воспоминаній Шипова, дополняемыхъ нынѣ В. А. Маклаковымъ — его признаніями «ошибокъ прошлаго», и менѣе откровенными писаніями третьеэлементца Оболенскаго и др., — мы видимъ теперь то, опасность чего своевременно сознавало царское правительство. Поддерживаемая извѣстною группою земцевъ, одержимыхъ наслѣдственными стремленіями къ сверженію Самодержавія, революціонная смута, съ самаго начала царствованія Императора Николая II, захватывала все болѣе широкіе круги. Къ 1900-мъ годамъ этою психическою заразой уже охвачены были многіе представители торгово-промышленнаго сословія, особенно въ столицахъ, а черезъ земскій «третій элементъ» — та-же зараза еще шире распространяется въ среднихъ классахъ, начиная отъ чиновничества до рядоваго «обывателя» въ глухой провинціи.

Это было послѣднее десятилѣтіе дѣятельности «Россійскаго предпарламента», съ усиленною активностью подготовлявшаго ту почву, на которой столь успѣшно развивалась съ 1906 г. разрушительная работа нашихъ «парламентаріевъ» въ дарованной Царемъ «говорильнѣ» Гос. Думы, революціонные заслуги

которой съ такимъ амбиціознымъ цинизмомъ превозносилъ, празднуя «первое 10-лѣтіе февральской революціи» Милюковъ...

«Берегитесь земства, оно опасно для самодержавія!» Такимъ предостереженіемъ была разбираемая Шиповымъ министерская записка Витте о земствѣ.

Въ минуты искренности и съ прямолинейностью его большого ума Витте нерѣдко поступалъ «по духу и по смыслу присяги», но конечно не такъ, какъ извращали этотъ «духъ и смыслъ» своихъ клятвенныхъ обѣщаній извѣстные генералъ-адъютанты 1917 года, а такъ, какъ изображено было въ законѣ: «предостерегая и обороняя всѣ, къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества... споспѣшествуя всему, что къ Его Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной относиться можетъ...»[1]).

Заигрывавшій съ общественностью, извѣстный своею склонностью къ двойной игрѣ Витте, въ бесѣдѣ съ Шиповымъ по поводу своего слишкомъ откровеннаго мнѣнія о земствѣ, всячески изворачивался, доказывая, что его критика имѣла будто-бы затаенную мысль убѣдить Царя даровать конституцію (?).

Но за то другой министръ, В. К. Плеве, слишкомъ хорошо сознавалъ, какую дѣйствительную опасность для монархической государственности представляетъ развиваемая либеральными земцами дѣятельность по «ниспроверженію существующаго строя...» въ «эволюціонномъ порядкѣ».

Вотъ почему, предоставивъ борьбу съ загнанными въ подполье фанатиками «соціальной революціи», эсъ-эрами и эсъ-деками, — розыскнымъ органамъ политической полиціи, В. К. Плеве, вскорѣ-же по вступленіи въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, поспѣшилъ лично переговорить съ главою «земскаго объединенія» Шиповымъ.

Изъ «стенографическаго отчета» послѣдняго мы видѣли, какъ ясно и опредѣленно и съ какимъ особымъ вниманіемъ къ общественному положенію Шипова министръ разъяснялъ ему всю преждевременность и государственную вредоносность осуществленія скрытыхъ цѣлей «земской оппозиціи» и что утвержденный въ должности Государемъ, вѣрноподданый камергеръ Высочайшаго Двора Д. Н. Шиповъ со своими единомышленниками — обязаны немедленно прекратить всю эту недостойную для нихъ «игру въ дурачки» съ царскимъ правительствомъ, слишкомъ наивно выдавая себя за «эволюціонеровъ-постепеновцевъ», а въ дѣйствительности стремясь осуществлять свои домогательства въ кратчайшій срокъ, всевозможными сред-

---

[1]) См. «Основные Государственные Законы», Приложенія IV и V.

ствами и антиправительственными выступленіями по всякому поводу...

Какая, давно, еще съ XVIII и начала XIX вѣка, знакомая, старина наша слышится «въ школьническихъ оправданіяхъ и объясненіяхъ почтеннаго Шипова, возглавлявшаго игравшихъ съ огнемъ революціи «земскихъ людей!».

Такъ, именно такъ, бывало, наши «самоуправленцы» разговаривали изысканно вѣжливо съ презираемыми ими представителями царской власти въ Москвѣ:

— Помилуйте, какіе же мы революціонеры? Просто, «по-московски», собираемся пообѣдать въ колонной залѣ «Эрмитажа» или съѣзжаемся для «бесѣды» объ улучшеніи веденія земскаго хозяйства...

А если иногда сговариваемся и подаемъ Царю аналогичные «патріотическіе адреса» или объединяемся для пассивнаго сопротивленія засилью бюрократіи, то въ этомъ виновато только правительство: зачѣмъ издаетъ законы и распоряженія безъ предварительнаго ихъ обсужденія земскими людьми!

Никакой революціи мы не дѣлаемъ, а хотимъ только измѣнить государственный строй Россійской Имперіи и ограничить власть назначаемыхъ Царемъ чиновниковъ, чтобы было и у насъ «совсѣмъ, какъ въ Европѣ», гдѣ власть исполнительная давно подчиняется власти законодательной.

Какія-же тутъ посягательства на ниспроверженіе государственнаго строя Россіи и въ чемъ нарушеніе государственнаго порядка? Если-же правительство усматриваетъ въ этомъ государственныя преступленія, предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ, или, что объединенныя земства присвиваютъ себѣ непринадлежащія имъ права и не подобающее значеніе какого то «второго правительства» или «государства въ государствѣ», то Верховная Власть можетъ все это очень легко исправить: пусть Государь измѣнитъ основные законы, а для установленія новаго государственнаго порядка и вящаго укрѣпленія своей власти — пусть созоветъ не учредительное собраніе (зачѣмъ!), а только всероссійское собраніе выборныхъ земскихъ людей на Земскій Соборъ, въ единеніи съ которымъ и будетъ править Россіей, какъ было въ старину, когда самихъ Царей избирали соборы излюбленныхъ земскихъ людей (и т. п., и т. п.).

Разумѣется ни одного вѣрнаго присягѣ царскаго министра нельзя было провести подобною «эволюціонною ложью» и «повтореніями пройденнаго» въ нашей исторіи — этими новѣйшими выявленіями все тѣхъ-же, извѣстныхъ еще со временъ «декабристовъ 1825 г.», требованій конституціонно-парламентарныхъ ограниченій Самодержавія.

Тѣмъ безнадежнѣе были такія попытки съ вышедшимъ изъ

того-же московско-волоколамскаго земства министромъ Сипягинымъ[1]), посвященнымъ во всѣ тайны шиповской «предпарламентской кухни». А съ такимъ вѣрнымъ слугою Царя и Отечества и государственнымъ дѣятелемъ, какимъ былъ В. К. Плеве — подобныя шутки и совсѣмъ были плохи. Несмотря на вполнѣ «шиповскія» настроенія ближайшаго его сотрудника, директора департамента полиціи Лопухина), явно сочувствовавшаго своимъ родичамъ и друзьямъ-москвичамъ, Плеве своевременно оцѣнилъ, что безъ активнаго участія въ «освободительномъ движеніи» либеральной земско-дворянской оппозиціи — ни радикалы Петрункевичи, ни доказывавшіе свое политическое безсиліе терроромъ, ничтожные числомъ соц.-революціонеры, ни обезсиленные контръ-пропагандою Зубатова соц.-демократы — долго еще не будутъ въ силахъ произвести въ Россіи революцію.

Это былъ министръ, представлявшій собою исключительное явленіе среди его предшественниковъ и преемниковъ. Онъ получилъ долголѣтнюю практическую служебную подготовку и принялъ назначеніе на свой отвѣтственный постъ съ полнымъ знаніемъ порученнаго ему дѣла и большимъ государственнымъ опытомъ. Вотъ чѣмъ объясняются тревога, страхъ и лютая ненависть къ Плеве со стороны главарей всѣхъ «эволюціонно-революціонныхъ» группъ россійской общественности.

Они вскорѣ-же убѣдились, что передъ ними не только «старый воробей», котораго «не проведешь на мякинѣ...» двуличныхъ мнимо-патріотическихъ выступленій съ односторонними историческими справками о «земскихъ соборахъ», но что это знающій ихъ «вдоль и поперекъ» — настоящій орелъ-государственникъ, съ твердою волею, зоркимъ глазомъ и «мощною десницей». На важнѣйшемъ для государственнаго благополучія посту министра внутреннихъ дѣлъ — вмѣсто обычнаго «Оберъ-директора надъ всѣми директорами департаментовъ», въ лицѣ статсъ-секретаря Плеве — Россія увидѣла наконецъ настоящаго *министра — полиціи, шефа жандармовъ* не только по имени, но и на дѣлѣ и авторитетнаго ихъ руководителя въ борьбѣ со смертельными врагами Самодержавія.

Вся тяготѣвшая къ революціи «общественность» сразу почувствовала, что отъ такого защитника Царской власти и государственнаго порядка — смутьянамъ не поздоровится и всѣмъ антигосударственникамъ придется выдержать самые сокрушительные удары, ибо удары эти будутъ имъ наноситься

[1]) Рѣдко о комъ отзывающійся доброжелательно Витте о немъ говоритъ: «Д. С. Сипягинъ — благороднѣйшій дворянинъ, прекраснѣйшій человѣкъ» (Т. I, стр. 181).

«не по вѣтвямъ, а по дѣйствительнымъ корнямъ» всѣхъ преступно-революціонныхъ организацій.

А въ тотъ моментъ опаснѣйшимъ для Россіи теченіемъ Плеве считалъ именно «земско-либеральныя» объединенія, руководимыя въ сущности тѣми-же «верхами русскаго общества», которыми у насъ на протяженіи двухъ вѣковъ осуществлялись и дворцовыя революціи, и попытки возстаній съ цѣлью государственнаго переворота и «революціи сверху» въ эпоху «великихъ реформъ» 1860-хъ годовъ.

В. К. Плеве давно и слишкомъ хорошо зналъ всю эту среду «добровольцевъ-реформаторовъ» Русскаго Государства (... за счетъ народа!) и двуличныхъ вѣрноподданныхъ, немудреную стратегію и тактику которыхъ онъ успѣлъ изучить еще въ концѣ царствованія Государя-Освободителя и въ первые годы твердаго правленія Императора Александра III, когда этотъ будущій министръ былъ прокуроромъ С.-Петербургской Судебной Палаты и затѣмъ директоромъ департамента полиціи.

Когда раскаявшійся «народоволецъ» Л. Тихоміровъ, сотрудничавшій въ то время въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», высказывалъ удивленіе крайней пассивности политической полиціи по отношенію къ опасной для монархической государственности конспиративной работѣ земцевъ-конституціоналистовъ, то глава розыска Зубатовъ отвѣчалъ:

— Будьте покойны. Вся революціонность этого барства «дешево стоитъ». На насъ лежитъ сейчасъ болѣе отвѣтственная «черная работа»: мы занимаемся «черною костью», подпольемъ и «демократіей» революціи.

Впередъ надо смотрѣть: въ толщу народную, въ трудовое крестьянство на фабрикахъ и заводахъ — соціализмъ и марксизмъ просачивается, изо всѣхъ щелей *соціальной* революціей дуетъ — это для Россіи много опаснѣе.

А всей аристократической «бѣлой костью» революціи, всѣми ея диллетантами изъ всероссійскаго барства и столичной знати — вѣдаетъ самъ нашъ «орелъ», В. К. Плеве. Повѣрьте, онъ ихъ лучше насъ знаетъ и сумѣетъ съ ними справиться. Стоитъ только правительству ихъ припугнуть, какъ было при Николаѣ I послѣ 14 декабря или послѣ 1 марта — при Александрѣ III — всю эту блажь о сверженіи самодержавія и благоглупости объ архаическихъ земскихъ соборахъ, — какъ рукой сниметъ.

Только бы правительство захотѣло, да получилъ нашъ министръ всю полноту власти! Всѣ эти титулованные затѣйники революціи и знатные капиталисты еще не раскусили орѣхъ соціализма. А вотъ какъ узнаютъ настоящій вкусъ этой отравы, какъ ихъ хорошенько ошпаритъ эсъ-дековскій ком-

мунизмъ — сами первые прибѣгутъ къ намъ, чтобы мы ихъ спасали отъ всякихъ свободъ и соціальныхъ революцій».

Многое и о многомъ зналъ Плеве, но и умѣлъ отличать дѣйствительное *недовольство* народа отъ *неудовольствія* играющихъ въ революцію амбиціозныхъ политикановъ и отдѣльныхъ группъ населенія.

Знаютъ и очевидцы этой отжитой эпохи, а прозрѣвшіе нынѣ добросовѣстные свидѣтели — участники событій, подтверждаютъ, что *народнаго недовольства* тогда не было, а были все тѣ-же вѣковыя упрямыя стремленія къ захвату власти и все того-же сорта безотвѣтственныхъ претендентовъ на роли вершителей государственныхъ дѣлъ — изъ среды представителей столичной знати и богатства, унаслѣдовавшихъ эти качества отъ своихъ предковъ XVIII и XIX столѣтій.

Статсъ-секретарь Плеве не могъ не знать хранившихся при Департаментѣ Полиціи въ архивѣ б. III Отдѣленія, поучительнѣйшихъ «Обзоровъ общественнаго мнѣнія», представленныхъ сто лѣтъ тому назадъ Императору Николаю I шефомъ жандармовъ гр. Бенкендорфомъ.

А еще въ тѣ времена дѣйствительно твердой власти и «просвѣщеннаго абсолютизма »(такъ называли въ Западной Европѣ николаевскую эпоху), опаснѣйшими для государственнаго порядка, изъ всѣхъ категорій *недовольныхъ режимомъ*, — считались *недовольные высшаго общества*, а среди нихъ въ особенности — «*Партія русскихъ патріотовъ*», опасная именно тѣмъ, что ея пароль — «*спасеніе Россіи*».

Объ этой партіи, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности III отдѣленія и корпуса жандармовъ за 1827 г., графъ Бенкендорфъ писалъ:

«Партія русскихъ патріотовъ очень сильна числомъ своихъ приверженцевъ и центръ ея находится въ Москвѣ. Всѣ старые сановники, праздная знать и полуобразованная молодежь слѣдуютъ направленію, которое указывается имъ ихъ клубомъ (cercle) черезъ Петербургъ. Тамъ они критикуютъ всѣ шаги правительства, выборъ всѣхъ лицъ, тамъ раздается ропотъ на нѣмцевъ... Это самая опасная часть общества, за которой надлежитъ имѣть постоянное и возможно болѣе тщательное наблюденіе. Въ Москвѣ нѣтъ элементовъ, могущихъ составить противовѣсъ этимъ тенденціямъ...

Молодежь, т. е. дворянчики отъ 17 до 25 лѣтъ[1]), составляетъ въ массѣ самую гангренозную часть Имперіи. Среди этихъ

[1]) Не надо забывать, что дворянская молодежь этого возраста въ то время соотвѣтствовала учащейся и «неучащейся» молодежи нашего времени, ибо образованіе тогда было доступно главнымъ образомъ дворянамъ.

сумасбродовъ мы видимъ зародыши якобинства, революціонный и реформаторскій духъ, выливающіеся въ разныя формы и чаще всего прикрывающіеся маской *русскаго* патріотизма. Тенденціи, незамѣтно внѣдряемыя въ нихъ старшими, иногда даже ихъ собственными отцами, превращаютъ этихъ молодыхъ въ настоящихъ карбонаріевъ. Все это несчастіе происходитъ отъ дурнаго воспитанія. Экзальтированная молодежь, не имѣющая никакого представленія ни о положеніи Россіи, ни объ общемъ ея состояніи, мечтаетъ о возможности русской конституціи, уничтоженіи ранговъ, достигнуть коихъ у нихъ не хватаетъ терпѣнія, и о свободѣ, которой они совершенно не понимаютъ, но которую полагаютъ въ отсутствіи подчиненія... Злонамѣренные люди замѣчаютъ этотъ уклонъ мыслей и стараются соединить ихъ въ кружки подъ флагомъ нравственной философіи и теософіи. Мы видимъ уже зарожденіе нѣсколькихъ тайныхъ обществъ въ этомъ родѣ (Примѣчаніе: эти слова въ подлинникѣ подчеркнуты и рукой Государя Николая Павловича противъ нихъ написано: *гдѣ, кто — персонально?*)

Главную роль въ этихъ обществахъ играютъ мистики. Основнымъ принципомъ является слѣпое подчиненіе членовъ невидимымъ главарямъ. Ничто не можетъ достаточно удовлетворить эту экзальтированную молодежь.

Все, что не исходитъ отъ палаты депутатовъ — плохо, всякая власть кажется ей тираніей, всякій законъ — стѣсненіемъ[1]).

Главное ядро якобинства находится въ Москвѣ, нѣкоторыя развѣтвленія — въ С.-Петербургѣ. Но тайныя общества не образуются безъ иностраннаго вліянія...

Конечно, въ массѣ есть и прекрасные молодые люди, но по крайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ — либералы. Впрочемъ, надо надѣяться, что возрастъ, время и обстоятельства излѣчатъ немного это зло»[2]).

Такъ было сто лѣтъ тому назадъ, послѣ крушенія замысловъ декабристовъ. *Такъ было* съ начала царствованія Царя-Освободителя и до его ужаснаго конца.

О томъ, что такою-же оставалась «экзальтированная молодежь высшаго общества» и при вступленіи на престолъ Императора Александра III — свидѣтельствуетъ извѣстная записка, поданная черезъ недѣлю послѣ злодѣянія 1 марта 1881 г., молодымъ тогда графомъ Алексѣемъ Александровичемъ Бобринскимъ. Содержаніе ея является прообразомъ будущихъ

---

[1]) Подчеркнуто нами: въ наше время все это свойственно было одинаково и экзальтированной университетской молодежи и экзальтированнымъ «земскимъ людямъ» В. И. Н.

[2]) «Красный Архивъ», т. 37.

«вѣрноподданническихъ и патріотическихъ записокъ и адресовъ» эпохи шиповскаго всероссійскаго земскаго объединенія и земскихъ съѣздовъ.

Пережившій Императоровъ Александра III и Николая II и скончавшійся въ глубокой старости въ 1927 году, гр. А. А. Бобринскій, разумѣется, «съ возрастомъ и въ обстоятельствахъ жизни» отъ многаго исцѣлился и круто перемѣнилъ вѣхи, какъ впослѣдствіи Д. Н. Шиповъ и многіе его единомышленники.

Однако доставившая въ свое время автору ея широкую извѣстность записка гр. Бобринскаго является характернымъ образцомъ безотвѣтственныхъ и безпочвенныхъ совѣтовъ, «чаяній» и даже «настояній» — все о томъ же, чего добивались тоже считавшіе себя вѣрноподданными патріотами «земскіе люди» 1890-1900-хъ годовъ послѣдняго царствованія.

Записка гр. Бобринскаго напечатана въ т. 31 «Краснаго Архива» (Москва, 1928 г.) и является также любопытнѣйшимъ образчикомъ того, усвоеннаго извѣстной частью высшаго общества «эзоповскаго языка», которымъ подобные «слуги Царя и Отечества» изстари привыкли излагать Россійскимъ Самодержцамъ свои пожеланія и совѣты — ни болѣе, ни менѣе, какъ «объ отреченіи отъ законныхъ правъ Самодержавія, объ ограниченіи Царской Власти и о самоупраздненіи Монархіи вообще».

Мы приводимъ здѣсь лишь выдержки изъ этого произведенія бойкаго пера молодаго графа, состоявшаго въ должности С.-Петербургскаго Предводителя Дворянства.

Въ зрѣлые годы онъ повернулъ вправо и настолько круто, что когда Россія много болѣе созрѣла для представительнаго строя и когда Державный Внукъ Царя-Освободителя самъ рѣшилъ даровать конституцію, гр. Бобринскій въ Петергофскомъ совѣщаніи 1905 г. о проектѣ учрежденія Государственной Думы — выступилъ съ рѣчами «по смыслу и по духу» далеко не соотвѣствовавшими изложенному въ его запискѣ. Содержаніе ея было тогда извѣстно всему чиновному С.-Петербургу — зналъ его и Плеве. Не забылъ о ней и второй сынъ Царя-Освободителя, вел. кн. Владиміръ Александровичъ, что дало ему поводъ, четверть вѣка спустя, на вышеупомянутомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государя, «бросить гр. Бобринскому въ глаза жестокій, но справедливый упрекъ, что дворянство все на словахъ кричитъ о своей преданности Самодержавному Государю, а между тѣмъ, кто, какъ не дворяне, систематически вели линію къ его ограниченію?»[1]).

---

[1]) Гр. Витте: «Воспоминанія», т. I, стр. 435.

Въ этой запискѣ «экзальтированнаго» представителя петербургскаго большого свѣта (будущаго оберъ-гофмейстера и министра земледѣлія при Императорѣ Николаѣ II), такъ и сквозитъ съ молоду усвоенная гр. Бобринскимъ «поза» и особый «вѣрноподданическій снобизмъ» — стремленія показать Царю, что богатѣйшему графу «все позволяется», а извергаемая имъ политическая маниловщина — не можетъ не быть «святою истиной», разъ она исходитъ отъ такого квалифицированнаго представителя «столичнаго общества»:

«... О, нѣтъ, не Россія виновата въ убіеніи своего Царя. Не на насъ падаетъ кровь Государя-Освободителя. Не призвана была Россія къ охранѣ своего властителя. Не дано было русскимъ людямъ высказать вѣрноподданническаго своего слова. Не разрѣшено земскимъ представителямъ молвить Царю своему: — Призови насъ, Царь-Государь, къ совѣту да къ общенію съ тобой. Знаемъ мы родину нашу; знаемъ, гдѣ гнѣздится крамола. Вели намъ, Государь, охранять тебя, оберегая священную твою жизнь. Костьми ляжетъ за тебя вся земля твоя, но дозволь вести борьбу».

«Дозволь намъ раздавить негодную шайку...»

«Такъ говорили бы русскіе люди, да не дано было имъ говорить. И многое предложили бы мы».

«Огородили бы Царя своего... приняли бы мѣры къ спасенію священной Его Особы и, быть можетъ, не палъ бы Государь подъ рукой убійцы, кабы вполнѣ ввѣрилъ себя своимъ «дѣтушкамъ», избраннымъ людямъ земли русской...».

«О, Господи, храни Царя нашего! Такъ молится вся Россія. И въ благоговѣйномъ молчаніи, не желая ничѣмъ потревожить царственную кручину, царскую печаль, ждетъ и уповаетъ русская земля. И опять не смѣютъ люди русскіе пасть къ стопамъ Вѣнценосца; не смѣютъ бить челомъ Государю своему»:

«Взмилуйся Государь, призови насъ, людей твоихъ, къ совѣту, да къ содѣйствію. Довѣрься намъ. Сильна и обильна земля наша. Дай намъ указать тебѣ мѣры борьбы, мѣры подавленія зла...».

Однако мѣры эти гр. Бобринскій не называетъ, но въ заключительной части своей велерѣчивой записки, блещущей такимъ наиграннымъ пафосомъ, онъ указываетъ одну только мѣру — конечно все того-же — «утвержденнаго либерально-парламентарнаго образца»:

«... Никакіе противоисторическія мѣры не пособятъ. Ставить преграды законному историческому развитію — безуміе, грѣхъ...» «c'est plus qu'un crime, c'est une faute».

«По нашему убѣжденію, то время, когда Россія должна быть призвана къ совѣту, настало. Историческій вопросъ необхо-

димости того или другаго представительства страны — созрѣлъ. Пора пришла созвать выборныхъ русскихъ людей и отдать на ихъ сужденіе животрепещущій вопросъ дня: Россія наводнена (?) разбойниками[1]), Царя-Освободителя убили.

Помогите, люди русскіе, дайте совѣтъ: какъ освободиться отъ воровъ? И заговорятъ люди русскіе, и укажутъ они на мѣры строгія и крутыя. Мы смѣемъ увѣрять, что русская душа сумѣетъ охранить страну отъ бѣды и уберечь своего Государя.

Дастъ Соборъ Земскій добрый совѣтъ Царю и заслужитъ и царское спасибо, и благодарность всей земли. И замолкнутъ воры. Ихъ раздавятъ. Уничтожатъ ихъ небольшую шайку. Но какъ бы ни была мала эта шайка — убить ее, расшатать и покорить ее можетъ только русская земля вся. Никакія административныя мѣры нынѣ къ успѣху не поведутъ.

Къ чему послужили верховная комиссія, громадныя права генералъ-губернаторовъ, военные суды, административныя[2]) переселенія?

Убили Государя нашего, въ Петербургѣ, среди бѣла дня. Подкопались враги наши подъ самыя многолюдныя улицы. Нѣтъ, не къ добру привели экстренныя мѣры эти. Да будетъ-же дозволено усумниться нынѣ, когда мѣры эти предлагаются намъ опять.

«Есть что-то наивное, дѣтски упрямое въ увѣреніяхъ, что Государь не долженъ уступить. Призвать всю страну для борьбы съ цареубійцами — это не уступка. Возложить на лучшихъ людей Россіи задачу отомстить за позоръ и посрамленіе 1 марта — это не послабленіе».

Нѣтъ. Историческій опытъ научаетъ насъ быть осторожными. Репрессивныя мѣры въ настоящее время могутъ повести къ ужасному исходу, къ опасному неудовольствію страны (?!). Тогда снова пролита будетъ кровь... Она будетъ лежать на отвѣтственности совѣтчиковъ правительственнаго террора. Призовите Россію къ совѣту. Выборные люди послужатъ Отечеству, они помогутъ Царю уничтожить зло. Честныхъ людей въ Россіи много. Они сильны, они одолѣютъ враговъ. Мѣры строгости, безъ сомнѣнія, должны быть приняты. Выборные люди ихъ

---

[1]) Это былъ обычный пріемъ запугиванія власти: въ то время, когда писана записка, пресловутая «Партія Народной Воли» была, по показанію Л. Тихомірова совсѣмъ разбита, главари ея арестованы, бѣжали или собирались бѣжать за-границу.

[2]) Въ 1923 г., въ засѣданіи историческаго общества въ Ниццѣ, посвященномъ памяти Императора Александра II, гр. А. А. Бобринскій разсказывалъ съ горечью, какъ онъ самъ, наканунѣ 1 марта 1881 г., приговоренъ былъ Лорисъ-Меликовымъ къ высылкѣ изъ столицы за слишкомъ экзальтированныя домогательства конституціи. «Но Царя убили, Лориса уволили, а я остался» — закончилъ графъ.

укажутъ. Но тогда эти мѣры, принятыя по совѣту всей земли русской, поведутъ къ тѣмъ прямымъ и успѣшнымъ послѣдствіямъ, къ которымъ никогда не можетъ привести административное распоряженіе единичныхъ властей. А наказывать всю страну, стращать всѣхъ и каждаго, терроризировать всю Россію за гнусное преступленіе нашихъ отъявленныхъ враговъ — обидно и несправедливо. Да и, наконецъ, не поведетъ никогда къ добру.

Только въ совѣтѣ выборныхъ лучшихъ людей лежитъ прямой историческій путь, начертанный и указанный Провидѣніемъ къ благоденствію и славѣ Россіи. Графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій. С.-Петербургъ. 10 марта 1881 года.

Вполнѣ ввѣрилъ себя, довѣрился своимъ «дѣтушкамъ» исполнившій, наконецъ, завѣтныя ихъ желанія въ 1917 году Императоръ Николай II, и знаетъ нынѣ весь міръ, какъ «земскіе представители» Государственной Думы, съ Родзянкою во главѣ, «охраняли, уберегли, огородили Царя своего, спасали священную Его Особу»: подъ предсѣдательствомъ «безвольнаго» князя Г. Львова, излюбленнѣйшаго изъ «земскихъ людей», самоуправленцы 1917 года волю свою выявляли лишь въ преступныхъ актахъ «углубленія революціи», а преступнѣйшимъ — былъ подписанный ими 8 марта «актъ о лишеніи свободы» Государя со всею Его Семьей.

Къ счастію для Россіи Императоръ Александръ III не «ввѣрилъ себя дѣтушкамъ» — вродѣ графа Бобринскаго съ его «земскими выборными людьми», не «довѣрился» ихъ указаніямъ главной «мѣры подавленія зла».

Царь-Миротворецъ твердою волею самъ избралъ дѣйствительныя мѣры и возложилъ исполненіе ихъ на такихъ государственныхъ людей, какъ В. К. Плеве, назначенный директоромъ преобразованнаго департамента полиціи, куда вошелъ тогда вице-директоромъ и П. Н. Дурново — впослѣдствіи оба составившіе рѣдкое исключеніе на посту м-ра вн. дѣлъ по своимъ знаніямъ и опытности въ дѣлѣ борьбы съ революціей и успѣвшими вѣрой и правдою послужить Царю и Отечеству въ послѣднее царствованіе.

Несмотря на мрачныя пророчества гр. Бобринскаго и Ко. — миръ и тишина, довольство и благополучіе водворились въ землѣ русской.

Достаточно было проявить твердую власть и серьезно «постращать» земскихъ радикаловъ и либираловъ, начиная отъ гр. Бобринскаго до Петрункевича, какъ парализованные страхомъ, что съ ними теперь шутить не будутъ — всѣ они примолкли и притаились по берлогамъ своихъ имѣній или же обратились къ исполненію своихъ прямыхъ служебныхъ

обязанностей въ губерніяхъ и столицахъ. А безъ ихъ «аккомпанимента» — на долгіе годы заглохли и пріостановились революціонныя и террористическія выступленія профессіональныхъ революціонеровъ-подпольщиковъ, какъ потому, что руководимая опытною и твердой рукою полиція быстро разбила и сама терроризировала всѣ пресловутыя «партіи» и «кружки», такъ и потому, что безъ активныхъ выступленій легальной «организованной общественности», безъ открыто-рекламнаго возглавленія «освободительнаго движенія» земскими либералами и радикалами — нелегальное революціонное подполье лишилось вліянія на широкіе круги населенія и необходимаго авторитета.

Оно стало страшно только для самого себя, обреченное на самоуничтоженіе въ собственномъ своемъ соку, влача жалкое существованіе въ эмиграціи. Хотя и неоформленное договорами «сердечное согласіе» общественности и революціонеровъ обречено было на бездѣйствіе. Психологически-естественный союзный ихъ фронтъ былъ прорванъ и профессіональные «генштабисты» соціальной революціи лишились, въ лицѣ парализованныхъ земскихъ ихъ подголосковъ, лейбъ-гвардіи мобилизуемой революціонной общественности, на продолжительное время заключенной въ «концентраціонные лагери» твердаго государственнаго режима 1881-1894 г. г.

По этому опыту прошлаго такіе государственные люди, какъ В. К. Плеве или П. Н. Дурново — давно знали, что «открыть клапанъ» для разряженія сгустившихся «неудовольствій либераловъ и радикаловъ» — замѣнивъ Самодержавіе парламентарной монархіей — было далеко не такъ легко и просто, какъ это казалось нашимъ «маниловымъ общественности», а сопряжено было съ серьезнѣйшею опасностью для самаго существованія россійской государственности, для благополучія всего русскаго народа и для самихъ «народолюбцевъ» изъ землевладѣльцевъ и приставшихъ къ нимъ капиталистовъ торгово-промышленниковъ. Министры знали то, чего въ своемъ политическомъ невѣжествѣ не понимали г.г. либералы и радикалы «общественности»: что всякая *революція политическая* открываетъ полный просторъ для *революціи соціальной*, и послѣдняя неминуемо смѣняетъ первую и обращаетъ въ свою пользу всѣ ея «завоеванія». Несчастные либералы и болѣе всего изъ земско-дворянскихъ круговъ — этого не сознавали, министерскимъ предостереженіямъ конечно не внимали — шли «на проломъ», рубили и поджигали корни того самаго тысячелѣтняго дерева русской государственности, великолѣпные верхи котораго они украшали своими «дворянскими гнѣздами».

Къ общему нашему несчастью «эволюціонно-революціонный»

самогипнозъ и надменное самомнѣніе этихъ «верховъ» были такъ велики, что никакія предостереженія, увѣщанія и даже царскія обѣщанія, начиная съ манифеста 26 февраля 1903 г., никого изъ нихъ вразумить не могли: отрезвляться и прозрѣвать они начали лишь съ 1906 г., когда столь желанный ими «парламентъ» показалъ свое настоящее чумазое лицо, отразившееся въ заревѣ «иллюминацій» помѣщичьихъ усадебъ по всей Россіи...

Въ теченіе трехъ лѣтъ «благонамѣренный вождь всероссійскаго земства» Д. Н. Шиповъ испытывалъ терпѣніе министра В. К. Плеве, отлично освѣдомленнаго, куда ведетъ революціонированіе широкихъ круговъ населенія «земскою оппозиціей», наиболѣе активные дѣятели которой, радикалы, уже въ 1903 г. выявили свои цѣли: «сверженіе Самодержавія и созывъ учредительнаго собранія по «четырехвосткѣ!».

Опасная игра предводимыхъ Шиповымъ земцевъ зашла слишкомъ далеко и Плеве принимаетъ мѣры къ ликвидаціи зарвавшихся «эволюціонныхъ» реформаторовъ, связи которыхъ съ заграничными революціонерами и «Союзомъ Освобожденія» хорошо были извѣстны.

Съ какою щепетильною закономѣрностью, вмѣсто рѣшительнаго примѣненія къ земскимъ конспираторамъ «Положенія объ охранѣ», «всесильный» Плеве изыскиваетъ способы административнаго воздѣйствія и личными сношеніями — предостерегаетъ, старается образумить и призвать къ порядку слишкомъ далеко зашедшихъ въ своихъ «добросовѣстныхъ заблужденіяхъ» — М. А. Стаховича и Д. Н. Шипова!

Но и извѣрившись въ возможность «отрезвленія» московскихъ земскихъ вождей Плеве долго еще ожидаетъ и только въ 1904 г. Шиповъ удаляется отъ должности въ нормальномъ законномъ порядкѣ, не будучи утвержденъ послѣ выборовъ его на 5-е трехлѣтіе въ предсѣдатели губ. земск. управы.

«Всероссійское земство» въ апрѣлѣ 1904 г. временно лишилось главы своего исполнительнаго органа, но въ іюлѣ того-же года и самъ В. К. Плеве поплатился головою за свои рѣшительныя мѣры по искорененію крамолы, расшатывавшей Россію изнутри въ то время, когда Императорская русская армія терпѣла неслыханныя пораженія на Дальнемъ Востокѣ.

Убійство ненавистнаго земскимъ смутьянамъ министра организовано было конечно «безъ вѣдома и участія земцевъ», хотя по признаніямъ Б. Савинкова — цѣлый пудъ динамита, для снаряженія орудій этого и послѣдующихъ убійствъ, *изготовленъ былъ въ одной изъ земскихъ лабораторій при содѣйствіи земскаго инженера и изъ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ террористомъ Швейцеромъ по подложному открытому листу на имя*

уполномоченнаго земства, при чемъ адресъ этого партійнаго (с.-р.) инженера полученъ отъ «шефа боевой организаціи» Евно Азефа[1]).

Но какъ-же могли политиканствовавшіе земцы не сознавать своего психологическаго воздѣйствія на террористовъ и моральнаго соучастія въ ихъ преступленіяхъ — какъ въ «устраненіи» министровъ: Сипягина и Плеве, такъ и въ убійствѣ, черезъ полгода, великаго князя Сергѣя Александровича?

Руководившій этими убійствами эсъ-эровскій «чекистъ»-палачъ Савинковъ въ своихъ воспоминаніяхъ не договариваетъ многаго и важнѣйшаго: по чьимъ директивамъ намѣчались къ «устраненію» эти представители Государственной власти и изъ какихъ именно источниковъ и въ какомъ размѣрѣ получались большія денежныя средства, щедро расходуемыя Азефомъ и Савинковымъ на организацію террора, при чемъ оба эти авантюриста вели широкій образъ жизни въ Россіи и за-границей и отличались страстью къ игрѣ, въ особенности Азефъ.

При выясненіи соучастниковъ всякаго преступленія, подозрѣнія всегда и прежде всего падаютъ на тѣхъ лицъ, кому это было выгодно, т. е. въ чьихъ интересахъ данное злодѣяніе, напримѣръ, убійство, было желательно или необходимо.

Можно-ли отрицать, что убійства министровъ Сипягина, Плеве и вел. кн. Сергѣя Александровича не соотвѣтствовали желаніямъ извѣстной части «общественности» и земцевъ — избавиться отъ этихъ именно представителей «твердой власти», дѣятельность которыхъ, а въ особенности В. К. Плеве, подвергалась ожесточенной критикѣ и осужденію, а личности ихъ — систематической травлѣ и злостной клеветѣ въ либеральныхъ кругахъ и печати и въ заграничномъ Освобожденіи?

Совершенно ясно, что обреченные на разстрѣлы и взрывы бомбами высокопоставленныя лица избирались Савинковымъ и Азефомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями политическаго положенія въ данный моментъ на фронтѣ борьбы либеральныхъ и радикальныхъ земцевъ съ царскимъ правительствомъ. Именно эти три убійства, какъ Савинковъ — въ его воспоминаніяхъ и въ рѣчахъ въ большевицкомъ «трибуналѣ»,

---

[1]) Въ своихъ «Воспоминаніяхъ Террориста» трагически закончившій преступную жизнь сподвижникъ Азефа, Б. В. Савинковъ удостовѣряетъ связь тверскихъ земцевъ Бакунина, Петрункевича и др., въ 1903 г., съ революціонерами (стр. 329, «Воспоминаній»), а затѣмъ (на стр. 35) подробно разсказываетъ, какъ террористъ Швейцеръ, въ 1904 г., получилъ отъ Азефа адресъ партійнаго инженера (изъ земскаго «третьяго элемента») и съ помощью этого инженера въ земской лабораторіи изготовленъ былъ пудъ динамита для снаряженія бомбъ для убійства Плеве. Весь матеріалъ для бомбъ былъ купленъ по открытому листу на имя уполномоченнаго земства.

такъ и Азефъ въ своихъ оправданіяхъ передъ Бурцевымъ и Ко., — ставятъ себѣ въ особую «заслугу» на пользу революціи! Мы видѣли, что въ этотъ историческій моментъ разбойничьи ихъ «заслуги» заключались именно въ томъ, что во-первыхъ, своими убійствами соц.-революціонеры устраняли лицъ, наиболѣе опасныхъ для «земско-общественнаго» освободительнаго движенія, а, во-вторыхъ, тѣми-же «актами террора» они устрашали правительство, все рѣшительнѣе стѣснявшее «стратегическое развертываніе» на широкомъ фронтѣ втягиваемой въ революцію общественности съ ея авангардами изъ либеральныхъ и радикальныхъ земцевъ. Стоитъ только вспомнить, какое ликованіе поднялось по всему этому «внутреннему фронту» въ іюлѣ-августѣ 1904 г. послѣ убійства Плеве и назначенія замѣстителемъ ему — кн. Святополкъ-Мирскаго, какія затѣмъ полились рѣчи въ земскихъ собраніяхъ и что печаталось въ поддерживавшей земское движеніе прессѣ. Моральное единеніе «общественниковъ-освобожденцевъ» съ революціонерами всѣхъ сортовъ вскорѣ было оформлено союзами и органами связи — разумѣется «нелегальными».

Но объ этомъ, какъ равно и о «службѣ связи» между заграничными штабами революціонныхъ партій и штабомъ «организованной общественности» широкаго внутренняго фронта — будетъ изложено въ послѣдующихъ главахъ...

Съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ въ 1904 году, между прочимъ, рѣшилъ организовать на очередныхъ земскихъ собраніяхъ конституціонныя выступленія. Это рѣшеніе получило свое осуществленіе, и, конечно, однимъ изъ самыхъ ярко прошедшихъ собраній было тверское, на которомъ главную роль игралъ И. И. Петрункевичъ.

Въ Москвѣ, гдѣ съ 1904 г. жилъ И. И. Петрункевичъ, политическая жизнь била ключемъ. Тамъ происходили всевозможные съѣзды легальные, полулегальные и нелегальные, на которыхъ вырабатывались резолюціи, устанавливались политическія платформы, намѣчалась тактика борьбы. И вездѣ И. И. Петрункевичъ предсѣдательствуетъ, работаетъ въ комиссіяхъ, говоритъ рѣчи. «Вся земская оппозиція сосредоточивалась тогда въ Москвѣ», говоритъ Витте на стр. 145, т. 2, своихъ «Воспоминаній». Представители дворянства — князья Долгоруковы, кн. Голицынъ, братья Трубецкіе — требовали ограниченія самодержавія».

Когда въ ноябрѣ 1904 года долженъ былъ собраться въ Петербургѣ первый открытый съѣздъ представителей земствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій далъ на него разрѣшеніе, но «съ тѣмъ, чтобы въ немъ не принималъ

участія столь ненавистный въ придворныхъ сферахъ И. И. Петрункевичъ.

Почти наканунѣ съѣзда разрѣшеніе было взято обратно, что не помѣшало, однако, земцамъ, въ томъ числѣ и И. И. Петрункевичу, съѣхаться и принять первую объединенную резолюцію представителей земствъ, съ требованіемъ политической свободы и народнаго представительства.

Земскій съѣздъ 6 ноября 1904 г. былъ штурмовымъ сигналомъ для цѣлаго общественнаго движенія. Во всѣхъ городахъ Россіи всевозможные съѣзды, общества, собранія выступили на поддержку земскихъ заявленій. «Даже представители капитала воображали, что Первая Дума сейчасъ-же займется удовлетвореніемъ карманныхъ интересовъ капиталистовъ. Москва представляла собою гнѣздо, откуда шли всѣ теченія, приведшія къ революціи 1905 г.» (Витте, т. II, стр. 147).

Второй земскій съѣздъ, собравшійся въ Москвѣ явочнымъ порядкомъ въ іюлѣ 1905 года, уже не испрашивая разрѣшенія послалъ делегацію къ монарху, которая и была имъ принята и выслушана въ Царскомъ Селѣ. Въ делегаціи изъ 10 человѣкъ конечно, принималъ участіе и знаменитый земецъ И. И. Петрункевичъ. Въ первый разъ послѣ двадцатилѣтняго запрещенія въѣзда въ столицу онъ въѣхалъ въ нее для того, чтобы быть принятымъ царемъ.

Когда въ сентябрѣ 1905 г. изъ состава съѣздовъ «земцевъ-конституціоналистовъ» и «Союза Освобожденія» образовалась «Партія Народной Свободы», И. И. Петрункевичъ былъ избранъ предсѣдателемъ ея центральнаго комитета, (преемниками его были Винаверъ и Милюковъ) принимая участіе въ составленіи программы партіи, а затѣмъ во всей ея дальнѣйшей политической дѣятельности до 1917 г. и послѣ — въ эмиграціи.

Такимъ образомъ Петрункевичъ участвовалъ во всѣхъ земскихъ съѣздахъ того времени, являясь главою конституціоннаго теченія, въ противоположность Д. Н. Шипову, возглавлявшему либеральное, но болѣе правое славянофильское крыло земскихъ съѣздовъ, которое вѣрнѣе назвать націоналъ-либеральнымъ.

Таковы были: *показная оффиціальная* дѣятельность *большинства* земцевъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ посильному труду на пользу населенія роднаго имъ угла, — и одновременно — тайная и въ связи съ революціонерами подпольщиками, *революціонная дѣятельность* незначительнаго по числу, но весьма активнаго *радикальнаго меньшинства* «земцевъ-освобожденцевъ». 11 января 1914 года, за три года до Крушенія Россіи эти послѣдніе праздновали свой особый «юбилей» анти-правительственной и конспиративной работы, въ единеніи со своими

союзниками изъ радикальной кадетской интеллигенціи и изъ пресловутаго «третьяго элемента», т. е. земско-городскихъ служащихъ...

Мечты передовыхъ земцевъ, съ первыхъ дней существованія ихъ «земскаго предпарламента» стремившихся къ «увѣнчанію зданія» введеніемъ въ Россіи представительнаго образа правленія — осуществились черезъ 40 лѣтъ послѣ дарованія земскаго самоуправленія.

Въ 1905 году волею Императора Николая II народные представители призваны были къ участію въ законодательствѣ и контролѣ дѣйствій правительства въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Россія получила свой двухпалатный «парламентъ», но не съ безотвѣтственными фактически министрами, какъ въ европейскихъ мнимыхъ «демократіяхъ», а съ дѣйствительно отвѣтственными передъ Верховною Властью министрами императорскими, назначаемыми и увольняемыми точно также, какъ и въ единственно процвѣтающей республикѣ — въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки: т. е. не самочинно и не вслѣдствіе парламентскихъ споровъ и политиканскихъ интригъ случайнаго большинства, а властью главы государства надпартійнаго блюстителя высшихъ интересовъ Отечества...[1]).

Къ какому же конечному результату привела эта полувѣковая работа радикальнаго «Ильича-Петрункевича» и возглавляемыхъ имъ предпарламентскихъ освобожденцевъ, а въ особенности — дальнѣйшая ихъ дѣятельность за 10 лѣтъ существованія нашего Россійскаго парламента — Государственной Думы, увѣнчавшей зданіе лелѣемыхъ ими гражданскихъ свободъ?

Мы это видѣли и испытали на себѣ со всѣмъ многостра-

---

[1]) По авторитетному разъясненію проф. В. И. Герье борьба между правительствомъ и оппозиціонными «к.-д.» (земско-радикалы) и проч. лѣвыми партіями въ Государственной Думѣ сводилась къ тому, что правительство стояло на почвѣ основныхъ законовъ 1906 г., установ. въ Россіи конституціонную монархію, а Государственная Дума желала замѣнить ее парламентарной монархіей, т. е. сосредоточить въ себѣ законодательную и правительетвснную власть, ввести такъ называемый демократическій режимъ: министры должны были быть отвѣтственными не передъ главою государства, а передъ парламентскимъ большинствомъ очередныхъ партій захватчиковъ власти. Какъ раньше въ земствѣ, такъ потомъ и въ Государственной Думѣ наши радикалы (к.-д.) разсматривали представительныя учрежденія, членами которыхъ они состояли — лишь какъ этапъ къ неминуемой революціи. Для нихъ главное назначеніе выборнаго представительства и особенно въ Г. Думѣ было — въ «собираніи общественныхъ силъ, въ мобилизаціи ихъ для революціи», для будущаго учредительнаго собранія (постановленіе к.-д. партіи отъ 14 октября 1905 г.).

дальнымъ 150-милліоннымъ русскимъ народомъ, переносящимъ второе десятилѣтіе ужасающія послѣдствія и мученія всѣхъ этихъ освободительныхъ опытовъ предпарламентскаго и парламентскаго политиканства... за народный счетъ.

Весь міръ тому свидѣтель съ 1917 года, а умудренные неудачами практическаго осуществленія теорій народоправства, наученные русскимъ кровавымъ опытомъ — цивилизованные народы Европы уже вступили въ новую эпоху «послѣ-парламентской» государственности.

Бенито Муссолини и Примо де Ривера счастливо освободили старѣйшія южно-европейскія государства отъ почти вѣковаго засилья безотвѣтственнаго парламентаризма и даже политическіе противники всякихъ диктатуръ признаютъ, какъ много успѣлъ сдѣлать для блага своего Отечества испанскій диктаторъ всего за 7 съ половиной лѣтъ его управленія безъ парламента...

А получившая всѣ возможности съорганизоваться по самому совершенному парламентарному образцу, возстановленная изъ осколковъ монархій молодая Польша «отъ моря и до Карпатъ» — терпитъ особенно жестокія разочарованія и ея «диктаторъ», бывшій экспропріаторъ, а нынѣ маршалъ — Пилсудскій самыми площадными, непечатными словами публично и съ издѣвательствами изобличаетъ членовъ польскаго сейма въ той-же парламентарной ихъ никчемности, безотвѣтственности, и государственной вредоносности.

Хронической агоніей парламентаризма и демократизма охвачена вся остальная Еропа. Народы ея изъ года въ годъ бьются въ конвульсіяхъ этой государственной эпилепсіи и ищутъ спасенія — то въ соціализмѣ, то въ диктатурѣ отдѣльныхъ политическихъ партій, втайнѣ ожидая пришествія своего Муссолини...

Послѣ десятилѣтняго неудачнѣйшаго опыта въ королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ безотвѣтственный парламентъ (скупщина) оказался главнымъ препятствіемъ для плодотворной работы на благо страны.

Манифестомъ 6 января 1929 года король Александръ вынужденъ былъ отмѣнить конституцію и распустилъ Скупщину, избранную 11 сентября 1927 г., наименовалъ свое королевство Югославіей и закончилъ манифестъ слѣдующими словами:

«Мой священный долгъ всѣми силами охранить національное единеніе и государство. Я рѣшилъ выполнить свой долгъ безъ колебанія до конца. На мнѣ лежитъ отвѣтственность передъ народомъ и передъ Исторіей».

Что-же могли-бы сказать смѣняющему поколѣнію тѣ бывшіе соратники «земскаго Ильича», старѣющіе и дряхлѣющіе борцы «россійскаго предпарламента», имена которыхъ группируются

въ организацiяхъ «земгора», уже 10 лѣтъ безбѣдно пребывающихъ за-рубежомъ?

Либеральнѣйшiй Монархъ, призвавшiй «земскихъ людей» къ работѣ на пользу ихъ родины, волею котораго въ Россiи создались земскiя учрежденiя, по духу и широтѣ ихъ дѣятельности, по идейной самоотверженности ихъ мѣстныхъ работниковъ не имѣвшiя себѣ равныхъ нигдѣ въ Европѣ, — Государь Императоръ Александръ Николаевичъ былъ убитъ желябовцами-народовольцами, этими «большевиками 1870-хъ годовъ». При этомъ «революцiонно мыслящiе» передовые радикальные земцы не только отказали угрожаемому изо дня въ день убiйцами Царю-Освободителю хотя бы въ моральной поддержкѣ противъ террористовъ, но своимъ демонстративнымъ отказомъ въ осужденiи террора или молчаливымъ непротивленiемъ — поддерживали террористовъ и тѣмъ способствовали развитiю и доведенiю до конца преступнѣйшихъ плановъ цареубiйства.

А черезъ 37 лѣтъ всѣ мы были свидѣтелями еще болѣе преступнаго «повторенiя исторiи».

Цѣлые полвѣка участвовавшiе въ революцiонномъ расшатыванiи старой русской государственности, всячески содѣйствовавшiе натиску революцiонеровъ-подпольщиковъ — отъ будущихъ большевиковъ до террористовъ эсъ-эровъ включительно, наши предпарламентскiе освобожденцы — земскiе радикалы и въ россiйскомъ парламентѣ продолжали ту же тактику своего «Ильича».

Цѣлою политической кадетской партiей съ присоединявшейся къ ней всей «лѣвой общественностью» требовали они и въ Государственной Думѣ «окончательнаго увѣнчанiя зданiя», результатомъ котораго былъ бы прежде всего захватъ власти именно этою партiей, что и являлось главнѣйшею цѣлью проведенiя радикальными земцами въ члены Государственной Думы людей, исповѣдывавшихъ кадетскiй «катехизисъ Кизеветтера-Милюкова».

Въ то-же время, совершенно также, какъ ихъ предшественники 1870-хъ годовъ, отказываясь отъ осужденiя террора и требуя «амнистiй» для разрушителей государства, — они тѣмъ самымъ поощряли крайнiя стремленiя профессiональныхъ революцiонеровъ, съ которыми фактически и объединялись на общемъ фронтѣ борьбы съ Верховной Властью Царя и Его правительства.

Перекрасившiеся въ К.-Д., въ «прогрессистовъ» и пр., земскiе радикалы дождались наконецъ своего дня: зданiе дарованнаго имъ Императоромъ Николаемъ II парламента

было увѣнчано... безсмысленнымъ февральскимъ бунтомъ 1917 года и опозорено не виданнымъ до толѣ въ русской исторіи предательствомъ своего Монарха «земскими людьми» — думскими парламентаріями «демократами».

Исполнившій завѣтъ Царя-Освободителя Его Державный Внукъ, впервые даровавшій Россіи государственныя представительныя учрежденія — Государь Императоръ Николай Александровичъ со своею Семьей былъ лишенъ свободы, сосланъ въ Сибирь и отданъ въ руки палачей на мученія и смерть — распоряженіями «по почину Государственной Думы возникшаго Временнаго Правительства», при участіи въ этомъ величайшемъ преступленіи, попустительствѣ ему и не противленіи — все тѣхъ-же радикальныхъ земцевъ, составившихъ въ 1916 г. заговорщицкій «прогрессивный блокъ» думскаго большинства[1])...

Съ «заслуженными земцами» — камергеромъ Родзянкой и кн. Львовымъ во главѣ — торжественно объявляли они въ февралѣ-мартѣ 1917 года, *что сбылись ихъ мечтанія*, но только послѣ кроваваго катастрофическаго всероссійскаго опыта убѣдились и научились — къ чему приводитъ подобное осуществленіе утопическихъ *несбыточныхъ мечтаній*».

Рухнула тысячелѣтняя государственность, погибло и все, что земскими работниками-идеалистами сѣялось, какъ «разумное, доброе, вѣчное», погублены всѣ безчисленныя полезнѣйшія земско-городскія учрежденія на необъятномъ пространствѣ 40 губерній Россіи, немного уже *остается* въ живыхъ дѣятелей русскаго земства, а среди нихъ и послѣднихъ представителей «земскихъ радикаловъ».

---

[1]). Государь Императоръ Николай II былъ арестованъ послѣ отреченія, въ Ставкѣ 8 марта 1917 г. 4-мя членами Государственной Думы: съ Вершининымъ, Грибунинымъ, Калининымъ во главѣ съ членомъ отъ Пермской губ., дворяниномъ, инженеромъ путейцемъ А. А. Бубликовымъ, дѣйствовавшимъ официально въ качествѣ «комисара Государственной Думы» по постановленію Совѣта Министровъ Временнаго Правительства.

Врученное Бубликову для исполненія постановленіе было названо «актомъ лишенія свободы», при чемъ въ Могилевѣ объявленіе Государю этого постановленія, по просьбѣ комиссара Бубликова взялъ на себя, ген.-адъют. М. В. Алексѣевъ, что и исполнилъ по всѣмъ правиламъ взятія подъ стражу арестуемыхъ: съ постановленіемъ въ рукахъ ген.-адъютантъ Алексѣевъ лично вошелъ въ вагонъ къ Государю, объявилъ Ему «актъ о лишеніи свободы» и объявленное арестованному постановленіе вручилъ обратно комиссару Бубликову, который затѣмъ и доставилъ Государя въ своемъ комиссарскомъ поѣздѣ въ Царское Село для дальнѣйшаго содержанія подъ стражею вмѣстѣ съ Императрицею и всѣми Ихъ Дѣтьми (Бывш. членъ Государственной Думы А. А. Бубликовъ: «Русская Революція», Нью-Іоркъ, 1918 г.).

Каждому изъ нихъ — искреннему со своею совѣстью — давно пора признаться и сказать словами Тургенева, что онъ:

«Сжегъ все, чему поклонялся —
«Поклонился тому, что сжигалъ...».

и помянувъ добромъ все, сдѣланное на пользу народную земскими и городскими самоуправленіями — навсегда осудить полувѣковую разрушительную, анти-государственную дѣятельность амбиціозныхъ фанатиковъ политиканства, единомышленниковъ радикальнаго земскаго «Ильича».

«И много Понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинаютъ,
Христа своего предаютъ»...

Графъ *А. Толстой*.

Какъ часто въ эти дни страданья,
Борьбы, тревогъ и ожиданья
Невольно вспоминаю я
Святую заповѣдь Царя:

Свершая подвигъ отреченья,
Онъ завѣщалъ намъ единенье,
Онъ звалъ къ любви, и за любовь
Онъ отдалъ Царственную кровь!

Онъ отдалъ все! Промчались годы..
Въ бѣсовскомъ хохотѣ «свободы»
Забытъ спасительный завѣтъ,
Забытъ... и вотъ... Россіи нѣтъ!...

Но—много-ль Родиной живущихъ
Средь насъ, «въ разсѣяніи сущихъ»?
Не измѣнили-ль мы себѣ
Въ своей измѣнчивой судьбѣ?...

Благословенъ, кто въ свѣтломъ рвеньи,
Въ священномъ Братскомъ единеньи,
Съ мечтой—Россія не умретъ!—
Ей все, до жизни, отдаетъ.

Но рѣдки въ наши дни герои...
Хвала и тѣмъ, кому простое —
Быть Русскимъ—что-то говоритъ,
И кто хоть чѣмъ нибудь горитъ.

Но, проклятъ тотъ, кто не замѣтилъ
Ея слезы, кто не отвѣтилъ
Ничѣмъ, ничѣмъ на Русскій стонъ,
Въ свое болото погруженъ!!!

Рабы! Съ скептической усмѣшкой
Для всѣхъ, кто быть не хочетъ пѣшкой
Въ святой мучительной борьбѣ,—
Чему вы служите?... себѣ?...!

Себѣ!... Забывъ о Русской тризнѣ,
Что подарили вы Отчизнѣ
Во дни скитанья своего?
Что вы свершили?... ничего!!!

Васъ ничему не научили
Года кровавой русской были!
Что вамъ Россія! Что вы Ей! —
Искаріоты нашихъ дней!

Что вамъ Ея страданій повѣсть!—
Въ васъ все — и долгъ, и честь и совѣсть
Такъ безмятежно улеглось
Въ традиціонное «авось»!...

Вамъ нѣтъ названья! нѣтъ прощенья!
На васъ! на васъ Ея мученья!
На васъ, почившихъ въ смѣнѣ вѣхъ,
Великій грѣхъ! Іудинъ грѣхъ!!!

«Царскій Вѣстникъ» N *105*.

ГЛАВА X

ИМПЕРАТОРСКІЕ АРМІЯ И ФЛОТЪ

Славны были наши дѣды —
Помнятъ ихъ и шведъ, и ляхъ,
Какъ парилъ орелъ побѣды
На полтавскихъ на поляхъ!

(*Преображенскій маршъ*).

Въ Великой Россіи была Императорская армія. До Петра Великаго армія пополнялась преимущественно лицами, надѣленными землей, подъ условіемъ пожизненной и поголовной службы ихъ самихъ и ихъ потомковъ (дворяне, дѣти боярскіе). Стрѣльцы, городовые казаки и пушкари набирались изъ вольныхъ охочихъ людей, не состоявшихъ въ тяглѣ, и получали за это землю, хлѣбное и денежное жалованье, льготы по торговлѣ и промысламъ. Въ военное время собирались еще конные и пѣшіе «даточные» люди, выставляемые съ опредѣленнаго участка земли или съ извѣстнаго числа дворовъ. Солдатскіе и рейтарскіе полки пополнялись сначала охочими людьми, а позже переводомъ дѣтей боярскихъ, даточныхъ людей и проч. Такимъ образомъ только дворяне и дѣти боярскіе поголовно были обязаны воинскою повинностью; изъ прочихъ сословій въ войска поступали охочіе люди, а по мѣрѣ надобности требовались даточные. Петръ І-ый, упразднивъ стрѣлецкіе полки (1698), основалъ комплектованіе арміи на обязательной службѣ дворянъ и на сборѣ даточныхъ людей, называвшихся съ 1705 г. рекрутами. Характеръ воинской повинности совсѣмъ измѣнился: прежде армія почти вся была поселенная и собиралась лишь въ военное время и въ краткіе учебные сборы, теперь же она стала постоянною. Въ виду того, однако, что поголовная служба дворянъ разоряла ихъ хозяйство, имъ постепенно даруемы были льготы по исполненію воинской повинности, и наконецъ указомъ Петра III въ 1762 г., они вовсе были освобождены отъ нея.

Вслѣдъ за тѣмъ отъ воинской повинности освобождены купцы, почетные граждане, духовное сословіе, такъ что воинскую повинность отбывали лишь мѣщане и крестьяне, сдаваемые въ рекруты ихъ владѣльцами-помѣщиками по ежегодной разверсткѣ и то съ разными изъятіями по мѣстностямъ и образованію. Воинская повинность тогда была не личная, допускалась замѣна, а впослѣдствіи выкупъ. Императоромъ Александромъ II введена 1-го Января 1874 г. всеобщая личная воинская повинность, обязательная для всѣхъ, безъ различія сословій, по проекту гр. Д. А. Милютина.

Воинскій уставъ былъ утвержденъ Петромъ Великимъ 30 Марта 1716 года при Данцигѣ. При немъ всѣ силы государства были направлены на борьбу за образованіе государственной территоріи и съ особенными заботами создалъ онъ регулярную армію по европейскимъ образцамъ. Петръ Великій естественно обратился къ изученію Западно-европейскихъ военныхъ кодексовъ, призвавъ къ совмѣстной работѣ всѣхъ выдающихся военныхъ людей, его окружавшихъ.

По мнѣнію сенатора ген. П. О. Бобровскаго, только со времени появленія петровскаго воинскаго устава слѣдуетъ считать учрежденіе регулярнаго войска въ Россіи историческимъ фактомъ, потому что только съ принятіемъ къ руководству этого устава войско получило единство, организацію и законы, соотвѣтственно требованіямъ и условіямъ военнаго искусства тогдашняго времени...

Армія — школа патріотизма.

Въ 1916 году исполнилось 200 лѣтіе славной Императорской Русской Арміи

Подвиги вѣкового служенія Царю и Отечеству ея вождей, офицеровъ, солдатъ и цѣлыхъ воинскихъ частей не обезличивались поклоненіемъ могилѣ «неизвѣстнаго солдата». Государство Россійское и народъ русскій чтили и чествовали память и могилы *русскихъ* воиновъ и *извѣстныхъ героевъ*, прославившихъ свои имена подвигами, за Вѣру, Царя и Отечество.

Доблестныя имена россійскихъ героевъ-солдатъ и матросовъ, офицеровъ, генераловъ и славныхъ полковъ — сохранялись потомству, для возвышенія духа народнаго — высѣченными на памятникахъ нашей славы, сооружаемыхъ по всей землѣ Русской, начиная отъ памятниковъ величайшаго ратнаго подвига — отечественной войны 1812 года: Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ и Собора Христа Спасителя въ Москвѣ.

На бѣломраморныхъ стѣнахъ этого храма-памятника золотыми буквами вписаны были имена воиновъ Императорской арміи, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившихъ. Здѣсь поименованы были полки русскихъ чудо-богатырей, подъ верховнымъ водительсвомъ Царя своего, самоотверженно отстоявшихъ Родину отъ нашествія галловъ и съ ними всѣхъ народовъ Европы, побѣдоносно изгнавшихъ съ родной земли дотолѣ непобѣдимаго, Наполеона-Бонапарта съ жалкими остатками уничтоженной на россійскихъ поляхъ его арміи позорно бѣжавшаго отъ русскаго патріотическаго народнаго гнѣва...

Безконечно многое можно написать и слѣдовало-бы здѣсь сказать о блистательной мощи и славѣ Императорской Русской Арміи, но конечно, не военно-интеллигентскимъ языкомъ какого нибудь генеральнаго штаба, соучастника большевиковъ при заключеніи позорнѣйшаго брестъ-литовскаго мира и тому подобныхъ, давно потерявшихъ лицо военныхъ сотрудниковъ совѣтской или республиканско-демократической зарубежной печати...

Погрязшіе въ своемъ «военно-ученомъ демократизмѣ» эти военные авторы не въ состояніи, да и не достойны сказать объ арміи Русскаго Царя именно то, что свято чтить и помнить о ней обязаны всѣ русскіе люди...

Даже у краснорѣчиваго оратора-патріота, еще со временъ японской войны много о ней писавшаго — генерала А. И. Деникина, на сотняхъ страницъ его «Исторіи Русской Смуты» — нашлись только скорбныя слова полупорицаній, полуоправданій и полупохвалъ всему, лично имъ видѣнному и пережитому въ рядахъ славной, двухсотлѣтнимъ прошлымъ, Императорской арміи...

Впрочемъ А. И. Деникинъ написалъ и еще книгу, но озаглавивъ ее «Старая армія»— со свойственною ему легкостью пера наполнилъ ее старыми армейскими анекдотами «про начальство» и фельетонною болтовней съ «демократическимъ душкомъ», недостойною бывшаго главы важнѣйшаго фронта гражданской войны. Испытавъ несправедливость при окончаніи академіи, это свое настроеніе, когда-то обиженнаго штабсъ-капитана, авторъ разлилъ на страницахъ книжки, своимъ содержаніемъ не соотвѣтствующей заглавію, но за то вполнѣ соотвѣтствующей подобнаго-же рода «воспоминаніямъ» ген.-лейтенанта Грулева, носящимъ однако ярко-отчетливое заглавіе «Записки генерала-еврея», — то-же обиженнаго начальствомъ, но уже въ генеральскихъ чинахъ...

За то какъ живую изображаетъ Императорскую Русскую Армію генералъ П. Н. Красновъ, проникшійся не военно-

учеными «доктринами», не «демократическою идеологіей», а петровско-суворовскимъ воинскимъ духомъ, завѣтами нашихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, вѣрою и правдою съ честью служившихъ Царю и Отечеству.

Къ прискорбію, иногда не знающій краю въ своихъ литературныхъ увлеченіяхъ, тотъ-же генералъ заклеймилъ себя романомъ «Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени» многія страницы котораго о Государѣ и Царской Семьѣ написаны съ той циничной низменностью, какая могла-бы быть присуща лишь хулителямъ царственныхъ мучениковъ да пишущимъ по заказу своихъ совѣтскихъ властителей и угождающихъ спеціальному кругу «демократическихъ» читателей — безпринципнымъ смѣновѣховскимъ писателямъ возвращенцамъ.

Приводимыя ниже краткія выдержки изъ статьи П. Н. Краснова, талантливо и не въ романѣ имъ написанной тронувшей тысячи русскихъ сердецъ — послужатъ русскимъ людямъ памяткою объ Императорской Арміи, о томъ, какою она была, какою живетъ въ нашихъ сердцахъ и какою будетъ и впредь, когда придетъ ея часъ, когда наступитъ время...

Ужель оно прошло?
Нѣтъ. Есть примѣты явныя
Опомнится народъ...
Не бойтесь ,православные:
Придетъ оно, придетъ!
В. Мятлевъ.

«Изъ стрѣлецкихъ полковъ, изъ дворовыхъ дѣтей Придворцовыхъ слободъ, изъ полковъ иноземнаго строя, изъ рейтаровъ и драгунъ, изъ городовыхъ и иныхъ казаковъ зародилась Россійская Императорская армія въ тѣ дни, когда:

«Россія молодая
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра».

Крестилась она страшнымъ Нарвскимъ погромомъ и крѣпла подъ ударами лучшей тогдашней шведской арміи короля Карла XII.

И отъ Лѣсной и Полтавы 1709 г. довела Россію до славнаго мира 1721 г., до наименованія Имперіей, а ея перваго Императора увѣнчала титуломъ «Великаго», всѣми признаннымъ и всѣми усвоеннымъ. Колыбелью Императорской арміи была слава.

Въ основу обученія и воспитанія ея положены Петромъ Великимъ регламенты и уставы Воинскаго Артикула.

Было въ нихъ много рыцарскаго и главнымъ основаніемъ ихъ было понятіе о чести.

Повелѣно было служить солдатомъ всю жизнь, но и сказано было о томъ, что нѣтъ выше, чѣмъ солдатская служба и имя солдата высоко и знаменито.

Созданная Великимъ Петромъ Императорская армія получила дальнѣйшее воспитаніе въ рукахъ Суворова.

Суворовъ создалъ для нея «науку побѣждать (1) въ основу которой положилъ: глазомѣръ, быстроту и натискъ».

Въ его «капральской тетради» — ярко выражено, во что онъ вѣрилъ, въ чемъ заключался суворовскій духъ побѣды.

— Молись Богу: отъ Него побѣда. Пресвятая Богородица спаси насъ, Святителю Отче Николае чудотворче, моли Бога о насъ. Безъ сей молитвы оружія не обнажай, ружья не заряжай ничего не начинай.

«Все начинай съ благословенія Божія и до издыханія будь вѣренъ Государю и Отечеству».

«Богъ насъ водитъ, Онъ намъ генералъ. Святый Храмъ твердыня доблестямъ неодолимая. Что дерево безъ корня, то почитаніе ко власти земной безъ почитанія ко власти Божіей: воздай честь Небу, потомъ землѣ.»

«Духъ укрѣпляй къ вѣрѣ отеческой, православной; безвѣрное войско учить, что перегорѣлое желѣзо точить.»

«Такъ, Чудо Богатыри — покой, опора, слава Отечества: съ нами Богъ!»

«Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ — разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ.»

«Во языцѣхъ оружію Россійскому вѣковѣчная слава.»

«И великія дѣла криводушныхъ гаснутъ.»

«Побѣди себя — будешь непобѣдимъ...»

...Въ турецкихъ походахъ, на штурмахъ Варшавской Праги и въ снѣгахъ Финляндіи ковались Суворовскіе чудо-богатыри и когда столкнулись съ арміей, воспитанной Бонапартомъ, разбили ее въ долинахъ Италіи.

Солдатъ Императорской Арміи исколесилъ всю Европу, побывалъ въ Персіи, стоялъ на «линіи» въ средней Азіи, на границахъ Индіи, покорялъ Кавказъ и повидалъ на своемъ вѣку не мало народовъ — занималъ гарнизоны на берегахъ Тихаго океана въ когда-то русской Аляскѣ въ С.-Америкѣ.

Въ темную деревню XVIII-го вѣка, въ лѣсное и степное

---

(1) М.И.Драгоміровъ переработалъ Суворовскую «науку побѣждать» и она стала обще-солдатской памяткой-катехизисомъ солдата. А гр. Л. Н. Толстой, отставной офицеръ, жестоко глумился надъ нею и своими «офицерскими и солдатскими памятками» внесъ много ядовитыхъ сомнѣній въ умы.

захолустье, вернувшійся домой солдатъ приносилъ разсказы о волшебныхъ странахъ, имъ видѣнныхъ, приносилъ понятія о чести и благородствѣ, ему внушенныя и явился первымъ учителемъ деревни.

Армія стала школой для патріотизма и духа народа. Суворовскіе чудо-богатыри несли свои завѣты: словъ «назадъ» и «отступать» и въ словарѣ нѣтъ. Широкій шагъ ведетъ къ побѣдѣ, — а побѣда — къ славѣ.»

И Россія шла широкими шагами къ побѣдамъ и къ славѣ.

И говорилъ Суворовъ: «горжусь, что я Русскій... Одно мое желаніе кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ...»

«Завѣты Суворова красной нитью прошли черезъ всю жизнь Императорской Россійской Арміи, ихъ заучивали кадеты въ кадетскихъ корпусахъ, юнкера въ военныхъ училищахъ, солдаты—въ полкахъ и большинство возвращалось со службы грамотными. Армія была школой грамоты. Рѣдкій старый генералъ не мечталъ кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ.»

Измѣнялись сроки службы подъ знаменами, иною становилась тактика ,въ связи съ инымъ оружіемъ, но нравственныя основы арміи были все тѣ же:

«Богъ, Царь, Отечество,
«Глазомѣръ, быстрота, натискъ,
«Горжусь, что я Русскій.

Короче становилась служба солдата, проходили черезъ полковые ряды народныя массы, и все выше становилось значеніе Императорской Арміи, какъ школы патріотизма. Она являлась дополненіемъ и поправкой къ безпочвенной народной школѣ и оплотомъ Россійскаго Государства.»

...А когда въ столицу пріѣзжали дружественные, но вѣроломные короли, имъ показывали императорскую гвардію. На великолѣпныхъ парадахъ, когда эхо серебрянныхъ преображенскихъ трубъ отдавалось въ каменныхъ дворцахъ и земля дрожала отъ тяжелыхъ шаговъ, передъ высокими гостями плыли знамена и штандарты и, задравъ головы, тяжелымъ церемоніальнымъ маршемъ проходили чернобровые и рыжебородые преображенцы, курносые павловцы въ романтичныхъ мѣдныхъ киверахъ съ помпонами, пролетали эскадронными стаями орлы кирасиръ, трубили расшитые шевронами трубачи, изумленные короли и президенты лепетали слова восхищенія...

Подъ эскортомъ казаковъ увозили королей и президентовъ съ парада и въ зеркальныхъ стеклахъ кареты передъ ними мелькали памятники и дворцы, чугунная ограда Лѣтняго

Сада, гордая классика Казанскаго Собора, гдѣ нашли свой послѣдній пріютъ, слишкомъ много летавшіе по землѣ, наполеоновскіе орлы...

И не только гости русскаго Царя — короли, князья и президенты восхищались императорской арміей.

Смотрами николаевскихъ солдатъ и русскою «военною столицей», — Петербургомъ, такъ восторгался (въ 1833 г.) великій нашъ поэтъ:

Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіяніе шапокъ этихъ мѣдныхъ
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія,
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра

(*Мѣдный всадникъ*).

Императорская армія представляла къ началу міровой Войны стройное гармоническое цѣлое, покоившееся на прочномъ фундаментѣ двухвѣковой славы, закрѣпленной исторіей.

Она была втянута въ работу и имѣла недавній опытъ Японской войны.

Армія была «чужда политики». Ни офицеры, ни тѣмъ болѣе солдаты и казаки политикой не занимались. Но «безполитичною» армія не была: Что повелитъ Царь, то и сдѣлаемъ — вотъ была ея политика.

Царскіе офицеры — оплотъ русской государственности.

«Армія постоянно готовилась и была готова къ страшному испытанію. Строевая служба въ Императорской арміи была очень тяжела. Отъ офицера она требовала силы воли, характера и терпѣнія; солдаты-казармы, казармы-солдаты... надо было любить строевое дѣло, чтобы выносить это. И кто не выносилъ — уходилъ. Создавался нравственный подборъ ротныхъ командировъ».

«Созданіе солдата требовало цѣло дневной работы надъ нимъ. Строевое ученіе, заботы о довольствіи и снаряженіи, тактическія занятія, смотры, боевыя стрѣльбы, учебные сборы и маневры отнимали у офицеровъ все время. Личной жизни не было — была одна полковая семья, жившая одними общими для полка, интересами».

«Оплотомъ арміи былъ ея офицерскій составъ, до реформъ Александра II, почти исключительно воспитанный въ кадетскихъ корпусахъ, обучаемый въ военныхъ училищахъ, школахъ и академіяхъ Теперь, когда намъ пришлось близко столкнуться съ офицерами всѣхъ странъ, мы съ гордостью можемъ сказать, что со старымъ офицеромъ Русской арміи могли соперничать только германскіе, французскіе да сербскіе офицеры. Всѣ же остальные — по воспитанію, выучкѣ, тренировкѣ и храбрости оказались далеко ниже.»

«А потому тѣ, кто задавался цѣлью уничтожить Русскую Государственность, стремились прежде всего разрушить армію и, какъ ея основу—обаяніе Государева Имени и ея офицерскій составъ.»

«Берегите офицера, ибо отъ вѣка и донынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности. Смѣнить его можетъ только смерть.» (А. Деникинъ: «Офицеры».)

Въ этихъ словахъ указаны всѣ заслуги русскаго офицера передъ Родиной и все его значеніе... Того самаго, скромнаго, преданнаго долгу офицера, на котораго до военная беллетристика выливала ушаты грязи по-поламъ съ обиднымъ пренебреженіемъ и злой, незаслуженной ироніей, того самаго офицера, который умиралъ въ болотахъ и лѣсахъ Восточной Пруссіи Литвы и Польши, Волыни, Галиціи, Румыніи, въ горахъ и ущельяхъ Карпатъ и Малой Азіи, на Балканахъ и во французской Шампани...

Того офицера, который будучи разжалованъ Временнымъ Правительствомъ въ безправнаго «техническаго совѣтника» все таки сумѣлъ продолжать умирать съ пользой для Россіи,

а потомъ, при минимальной поддержкѣ прочихъ слоевъ населенія, создалъ и поддержалъ два года бѣлое движеніе.

Того офицера, роль котораго по защитѣ Родины не закончилась и въ зарубежномъ разсѣяніи по всему свѣту.

Безсмѣнными часовыми на стражѣ Россіи всегда сознавали себя и сознаютъ до послѣдняго издыхаія доблестные царскіе офицеры, обреченные на самопожертвованіе со дня производства въ это высокое званіе Государемъ Императоромъ:

Мы — часовые у стараго знамени
Стараго знамени чести Россіи,
Мы пронесли его въ бурѣ и пламени
Мы не боимся людей и стихіи !
Въ мірѣ, Руси охраняя достоинство,
Не угасая священнаго пламени,
Мы, какъ и прежде, незримое воинство,
Мы — часовые у нашего знамени.
Въ гулѣ машинъ, въ рудникахъ за работою,
Въ чуждой землѣ, — мы къ землѣ не склоняемся,
Полны въ насъ мысли одною заботою:
«Скоро-ль, Россія, съ тобой повидаемся,
«Скоро-ль врагамъ будутъ козни отплочены,
«Скоро-ль, печали разлуки познавшіе,
«Мыслью, съ родною страной нашей сплочены,
«Къ ранамъ ея припадемъ отстрадавшіе...
«Скоро-ли?». — «Скоро, родные, далекіе»
Голосъ земли заглушенный доносится:
«Скоро вернетесь вы всѣ, одинокіе —
«Въ Русскую даль, куда мысль ваша просится !..
«Вѣрьте !... И дни будутъ радостно новыми,
«Смѣнитъ разсвѣтъ — отблескъ краснаго пламени,
«Ждите призыва... И будьте готовыми
Вѣрные долгу, хранители знамени !»...

Кн. Феодоръ Касаткинъ-Ростовскій.

«Русскій офицеръ былъ воспитанъ въ строгихъ понятіяхъ чести и честности. Въ уваженіи къ обряду и религіи воспитывались кадеты и юнкера. Офицерами они передавали это уваженіе солдату...

Старый офицеръ Россійской арміи рождался съ именемъ Государя въ сердцѣ.

Преданность Монарху онъ пріобрѣталъ съ молокомъ матери.. Ребенкомъ будущій офицеръ привыкалъ чтить Царя и любить Родину. Съ малыхъ лѣтъ, кадетъ въ ротныхъ залахъ видѣлъ

портреты Царя, учился пѣть народный гимнъ въ соотвѣтствующей торжественно-молитвенной обстановкѣ.

Въ Царскіе дни онъ бывалъ на Божественной литургіи и молебнѣ. Эти дни запоминались.

Государи посѣщали столичные корпуса и военныя училища, а при всякомъ посѣщеніи провинціи бывали и въ мѣстныхъ военныхъ школахъ»...

Получившій корпусное воспитаніе и не мало обязанный достоинствами своей литературной рѣчи преподавателю военно-учебныхъ заведеній, извѣстному московскому словеснику В.П.Шереметевскому — талантливый его ученикъ А.И.Купринъ посвятилъ родному «3-му военному Александровскому училищу» послѣднее произведеніе 1928 г. — романъ: «Юнкера». Съ модною когда то тенденціозностью обобщавшій въ своемъ «Поединкѣ» отрицательныя стороны полковой службы и офицерскаго быта «Маленькаго гарнизона», (1) нашъ популярный писатель — старый офицеръ, — исправляетъ нынѣ эти прегрѣшенія молодости, описывая прочувствованными словами одинъ изъ торжественнѣйшихъ дней въ жизни московскихъ юнкеровъ-восьмидесятниковъ :

«Прошло около двухъ мѣсяцевъ со вступленія Александрова въ бѣлыя стѣны училища. Изъ него уже вырабатывается настоящій юнкеръ александровецъ. Онъ всегда подтянутъ, прямъ, ловокъ и точенъ въ движеніяхъ. Онъ гордится своимъ училищемъ и ревностно поддерживаетъ его честь. Онъ безповоротно увѣренъ, что изъ всѣхъ военныхъ училищъ Россіи, а можетъ быть и всего міра, Александровское училище самое превосходное. И это убѣжденіе ,кажется ему, раздѣляетъ съ нимъ и вся Москва, которая такъ пристрастно и ревниво любитъ все свое, въ пику чиновному и холодному Петербургу: своихъ лихачей, протодіаконовъ и поповъ, актеровъ, кулачныхъ бойцовъ, купцовъ, профессоровъ, пѣвчихъ, поваровъ, архіереевъ и конечно, своихъ стройныхъ молодыхъ, всегда прекрасно одѣтыхъ, вѣжливыхъ юнкеровъ со Знаменки съ ихъ чудеснымъ, несравненнымъ оркестромъ.

«Живется юнкерамъ весело и свободно. Учиться совсѣмъ не трудно. Профессора — самые лучшіе, какіе только есть въ Москвѣ. Искусство строевой службы доведено до блестящаго совершенства, но оно не утомляетъ, оно граничитъ со спортивнымъ соревнованіемъ. Правда, его однообразіе чуть прискучиваетъ, но домашніе парады, съ музыкой, въ огромномъ манежѣ на Моховой, вносятъ и сюда нѣкоторое разнообразіе.

(1) А. И. Купринъ поручикомъ оставилъ военную службу изъ 46 пѣх. Днѣпровскаго полка въ г. Проскуровѣ, гдѣ и происходитъ дѣйствіе его повѣсти «Поединокъ».

А кромѣ того строевое стараніе поддерживается далекой, сладкой, сказочной мечтою о царскомъ смотрѣ или царскомъ парадѣ. Каждому юнкеру втайнѣ кажется несправедливостью судьбы, что Государь живетъ не въ Москвѣ, а въ Питерѣ. Но объ этомъ не говорятъ...

Въ октябрѣ 1888 года по Москвѣ разнесся слухъ о крушеніи Царскаго поѣзда около станціи «Борки». Говорили смутно о злостномъ покушеніи. Москва волновалась. Потомъ изъ газетъ стало извѣстно, что катастрофа чудомъ обошлась безъ жертвъ. Повсюду служились молебны и на всѣхъ углахъ ругали вслухъ инженеровъ съ подрядчиками. Наконецъ, пришли вѣсти, что Москва ждетъ въ гости Царя и Царскую семью — они пріѣдутъ поклониться древнимъ русскимъ святынямъ.

Утромъ послѣ переклички, фельдфебель Рукинъ читаетъ приказъ: «По повелѣнію Государя Императора встрѣчающія Его части Московскаго гарнизона должны быть выведены безъ оружія. По распоряженію коменданта г. Москвы, войска выстроятся шпалерами въ двѣ шеренги, отъ Курскаго вокзала до Кремля. Александровское военное училище займетъ свое мѣсто въ Кремлѣ отъ Золотой рѣшетки до Краснаго крыльца. По распоряженію начальника училища, батальонъ выйдетъ изъ помѣщенія въ десять часовъ».

Ровно въ полдень, въ центрѣ Кремля, вдоль длиннаго и широкаго дубоваго помоста, крытаго толстымъ краснымъ сукномъ, выстраиваются четыре роты юнкеровъ 3-го военнаго Александровскаго училища, четыреста юношей въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ. Юнкеръ 4-й роты Алексѣй Александровъ стоитъ въ 1-ой шеренгѣ. Царь пройдетъ мимо него въ трехъ-четырехъ шагахъ, ясно видимый, почти осязаемый...

Ждутъ долго. Вывели за два часа по необычайному случаю. Еще въ училищѣ, свои портупей-юнкера и ротные офицеры осматривали каждаго съ заботливостью матери, отправляющей шестнадцатилѣтнюю дочь на первый балъ. Теперь въ Кремлѣ нѣтъ-нѣтъ, подойдетъ курсовой офицеръ, одернетъ складку шинели, поправитъ поясную мѣдную бляху съ изображеніемъ пылающей гранаты, надвинетъ еще круче на правый глазъ круглую барашковую шапку съ начищеннымъ двуглавымъ орломъ. Государь все замѣтитъ своимъ сверхъ человѣческимъ взоромъ, и недотянутый конецъ башлыка и неровно надѣтую шапку и вздувшуюся складку. Замѣтитъ но никому не скажетъ только огорчится за александровцевъ. Сіяетъ надъ Кремлемъ голубое холодное небо. Золото солнца расплескалось на соборныхъ куполахъ, высоко кружатся голуби, осенній запахъ.

Ожиданіе не томитъ. Всѣ радостно и легко возбуждены.

Давно знакомыя молодыя лица кажутся совсѣмъ новыми, такими они стали свѣжими, ясными и значительными, разрумянившись и похорошѣвъ въ крѣпкомъ осеннемъ воздухѣ.

Въ головѣ какъ шампанское. Скользитъ смутно одна опасливая мысль: такъ необыкновенно, такъ нетерпѣливо волнуютъ эти счастливыя минуты, что кажется вдругъ перегоришь въ ожиданіи, вдругъ не хватитъ чего-то у тебя для самаго главнаго, самаго большого.

И вотъ, какое-то внезапное безпокойство, какая то острая тревога быстро пробѣгаетъ по разстроеннымъ рядамъ. Юнкера сами выпрямляются и подтягиваются безъ команды. Ухо слышитъ, что откуда-то справа далеко, далеко раздается и нарастаетъ особый, до сихъ поръ неразличимый шумъ, подобный гулу лѣса подъ вѣтромъ или прибою невидимаго моря.

Командуютъ «смирно». Выравниваютъ. Опять «смирно». Потомъ на минуту «вольно». Опять «смирно». Позволяютъ размять ноги, передвигая ступни...

Такъ безъ конца. Такъ бываетъ всегда на парадахъ. Но на этотъ разъ изъ юнкеровъ никто не обижается.

Какими словами могъ бы передать юнкеръ Александровъ это медленно наплывающее чудо, которое должно вскорѣ разрѣшиться бурнымъ восторгомъ. Это страстное напряженіе души, ростущее вмѣстѣ съ приближающимся ревомъ толпы и звономъ колоколовъ. Вся Москва кричитъ и звонитъ отъ радости. Вся огромная многолюдная, крѣпкая, старая Царева Москва. Звонятъ и Благовѣщенскій и Успенскій соборы и Спасъ за рѣшеткой, и кажется загремѣлъ самъ Царь-Колоколъ и загрохотала сама Царь-Пушка.

А когда въ этотъ ликующій звуковой ураганъ вплетаютъ свои веселые мѣдные звуки полковые оркестры, то кажется, что слухъ уже пересыщенъ, — что онъ не вмѣститъ больше.

Но вотъ заигралъ на правомъ флангѣ и ихъ знаменитый, училищный оркестръ, первый въ Москвѣ. Въ ту же минуту въ растворенныхъ настежъ сквозныхъ золотыхъ воротахъ, высясь надъ толпою, показывается Царь. Онъ въ свѣтломъ офицерскомъ пальто, на головѣ круглая низкая барашковая шапка. Онъ величественепъ. Онъ заслоняетъ собою все окружающее. Онъ весь до такой степени исполненъ нечеловѣческой мощи, что Александровъ чувствуетъ, какъ гнется подъ его шагами массивный дубъ помоста.

Царь все ближе къ Александрову. Сладкій острый восторгъ охватываетъ душу юнкера и несетъ ее вихремъ, несетъ ее въ высь. Быстрыя волны озноба бѣгутъ по всему тѣлу и приподымаютъ ежомъ волосы на головѣ. Онъ съ чудесной ясностью видитъ лицо Государя, его рыжеватую густую короткую

бороду, соколиные размахи его прекрасныхъ союзныхъ бровей. Видитъ его глаза, прямо и ласково устремленные въ него. Ему кажется, что въ такія минуты ихъ взгляды не расходятся. Спокойная, великая радость, какъ густой золотой потокъ льется изъ его глазъ.

Какія блаженныя, какія возвышенныя, на вѣки незабываемыя секунды! Александрова точно нѣтъ. Онъ сталъ невѣсомымъ. Онъ растворился, какъ пылинка въ одномъ общемъ многомилліонномъ чувствѣ. И въ то же время онъ постигаетъ, что вся его жизнь и воля, какъ жизнь и воля всей его многомиліонной Родины, собралась, точно въ фокусѣ, въ одномъ этомъ человѣкѣ, до котораго онъ могъ бы дотянуться рукой, собралась и получила непоколебимое единственное желѣзное утвержденіе. И оттого то, рядомъ съ воздушностью всего своего существа, онъ ощущаетъ волшебную силу, сверхъестественную возможность и жажду безпредѣльнаго жертвеннаго подвига.

Около Государя идетъ наслѣдникъ. Александровъ знаетъ, что наслѣдникъ на цѣлый годъ старше его, но, рядомъ съ отцомъ, цесаревичъ кажется худенькимъ стройнымъ мальчикомъ. Это сопоставленіе великолѣпнаго тяжкаго мужского могущества съ отроческой гибкой слабостью на мгновеніе пронизываетъ сердце юнкера теплой, чуть-чуть жалостливой нѣжностью.

Теперь онъ не упускаетъ изъ вида спину государя, но острый взглядъ въ то же время щелкаетъ своимъ вѣрнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Вотъ Царица. Она вовсе маленькая, но какая изящная. Она быстро кланяется головой въ обѣ стороны, ея темные глаза влажны, но на губахъ легкая милая улыбка.

Видитъ онъ еще двухъ великихъ княженъ. Одна постарше, другая почти дѣвочка. Обѣ въ чемъ то свѣтломъ. У обѣихъ изъ подъ шляпокъ падаютъ до бровей обрѣзанные прямой чолочкой волосы. Младшая смѣется, блеститъ глазами и зажимаетъ уши — оглушительно кричатъ юнкера славнаго Александровского училища!

Но вотъ проходитъ волшебное сновидѣніе. Какъ черезчуръ быстро! У всѣхъ юнкеровъ бурное напряженіе смѣняется тихой счастливой усталостью. Души и тѣла пріятно распускаются. Идутъ домой подъ звуки рѣзваго, бодраго марша».

Во дворѣ училища (1) командиръ батальона задерживаетъ

(1) Въ зданіи Александровскаго военнаго училища нынѣ помѣщается красная военная академія, и первый ея большевицкій комиссаръ былъ коммунистъ Подвойскій съ группой прежнихъ царскихъ профессоровъ: ген. Новицкій, Смысловскій, Сулейманъ, Свѣчинъ и многіе другіе.

на малое время юнкеровъ въ строю: «Государь пожаловалъ вамъ два дня отдыха. Ура Его Императорскому Величеству !»...

Не забудетъ будущая возрожденная Москва подвига юнкеровъ-александровцевъ со Знаменки и Алексѣевцевъ изъ Лефортова, кадетъ, студентовъ и гимназистовъ доблестно, «до послѣдней капли крови», защищавшихъ въ 1917 году сердце Россіи, родную имъ Москву противъ сильнѣйшей орды большевиковъ-красноармейцевъ и соорудитъ, достойный ихъ беззавѣтнаго мужества, монументъ...

«Производство въ офицеры было послѣ большихъ маневровъ. Незабываемыя минуты... У Царскаго валика выстраивались пажи, юнкера: Николаевскаго Кавалерійскаго, Павловскаго и Владимірскаго (пѣхотныхъ), Михайловскаго и Константиновскаго, артиллерійскихъ и Николаевскаго Инженернаго училищъ.

Съ Царскаго валика спускались Императрицы съ Вел. Кн. Маріей Павловной, за ними шелъ Государь. Въ фуражкѣ и длинномъ сюртукѣ при шарфѣ, онъ подошелъ къ фронту юнкеровъ и сказалъ нѣсколько словъ. Фронтъ былъ длиненъ, но каждое слово Государя было слышно въ трепещущей тишинѣ осенняго солнечнаго послѣполудня. Это не была рѣчь. Что бы толкнуть наши души на святое дѣло служенія Родинѣ, не были нужны рѣчи — нужно было только Его отцовское благословеніе.

«Поздравляю васъ, господа, офицерами» — сказалъ Государь, служите честно Россіи. Воспитывайте солдатъ въ любви къ Родинѣ. Любите солдатъ такъ, какъ я васъ люблю.»

И все... Рѣзко, но сдержанно, «офицерскими» голосами отвѣтили мы: «Покорнѣйше благодаримъ Ваше Императорское Величество». И грянуло «ура»...

Начиналась офицерская жизнь и всѣмъ ея символомъ было: «Жизнь за Царя»...

А вотъ слова, сказанныя Государемъ Николаемъ II у того-же «царскаго валика» при производствѣ въ офицеры юнкеровъ и пажей 2-го Августа 1911 года: «Господа, сегодня самый знаменательный и отрадный для васъ день. Помните то, что я вамъ скажу. Будьте въ теченіе всей вашей жизни хорошими христіанами, честными и преданными слугами своей Родинѣ и своему Государю. Служите изо всѣхъ силъ, съ полнымъ сознаніемъ, что если каждый изъ Васъ честно и сознательно будетъ исполнять свое дѣло, — какую-бы маленькую должность не занималъ, онъ принесетъ большую пользу Родинѣ и своей части. Относитесь съ уваженіемъ къ вашимъ начальникамъ и безъ критики; другъ къ другу- по товарищески, памятуя, что всѣ вы составляете частицу одной семьи-великой русской

арміи. Служите примѣромъ подчиненнымъ вамъ солдатамъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Отъ души желаю всѣмъ вамъ успѣха въ предстоящей службѣ и поздравляю васъ господа, съ производствомъ въ офицеры.»

Почти такую же рѣчь, Государь произнесъ 13 августа 1898 г. при производствѣ въ офицеры составителя сей книги. Послѣ маневровъ былъ данъ отбой недалеко отъ Пулковской обсерваторіи. Всѣ юнкера, подлежавшіе производству, были вызваны къ царскому шатру, выстроены по училищамъ. Великіе князья Михаилъ Александровичъ и Андрей Владиміровичъ были вызваны изъ строя Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, Велик. Кн. Владиміромъ Александровичемъ. Государь тутъ же поздравилъ обоихъ Великихъ Князей съ первымъ офицерскимъ чиномъ. Затѣмъ Государь поздравилъ всѣхъ юнкеровъ, обратившись къ нимъ приблизительно съ тѣмъ же словомъ. Какъ всегда, каждому былъ врученъ Высочайшій приказъ о производствѣ въ офицеры. Обратно мы въ конномъ строю вернулись въ Петербургъ въ свое родное Константиновское Артиллерійское училище, на Забалканскій проспектъ, около Обухова моста. Приведя себя въ порядокъ только что произведенная молодежь облачилась въ офицерскую форму и считала себя самою счастливою на всемъ свѣтѣ — являясь представительницей императорской арміи и защитницей своего Царя и Родины...

Высокую преданность Государю офицеры несли въ свои части и заражали ею солдатъ...

Однимъ изъ красивѣйшихъ и трогательнѣйшихъ обрядовъ жизни Императорской арміи были Высочайшій объѣздъ лагеря и заря съ церемоніей.

«Во время объѣзда Государь знакомился съ войсками лагернаго сбора и потомъ молился съ ними на общей молитвѣ... И былъ тогда Господь съ Царемъ ,съ его арміей, съ его народомъ.

Два часа длился объѣздъ, два часа гудѣла земля криками могучаго «ура», которое сливалось со звуками гимпа и слышное на много верстъ, говорило о томъ, чѣмъ живетъ Россія... Доѣхавъ до праваго фланга лагеря, до Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полка, Государь со свитой возвращался къ Ставкѣ...

Приближалось девять часовъ — время вечерней зари. Румяное солнце касалось краемъ далека Красносельскихъ полей. Оркестръ умолкалъ. Со свистомъ взлетала ракета... За ней другая, третья. И слѣдомъ за ними громовымъ раскатомъ залпа гремѣла артиллерія главнаго лагеря и отражалась дальнимъ эхомъ о горы Дудергофа. И этому залпу отвѣчалъ

издали громъ пушекъ авангарднаго лагеря и долго грохотало эхо, отражаясь о холмы и лѣса.

И начиналась трескучая пѣхотная заря. То дружно трещали сотни барабановъ, то смолкали и тогда пѣли трубы сладкую музыку о величіи подвига и смерти.

И казалось, тѣни тѣхъ, кто былъ здѣсь раньше и кто умеръ на поляхъ Горняго Дубняка, Плевны и на Шипкинскихъ высотахъ, кто штурмовалъ Варшаву, кто съ ранцемъ исходилъ всю Европу, кто былъ въ Парижѣ, кто занималъ Берлинъ и дрался подъ Полтавой и на этихъ самыхъ высотахъ — подъ Дудоровой мызой — вставали и носились надъ лагерями.

Вставала вся вѣковая слава Императорской арміи...

И когда смолкала заря, передъ ратью барабанщиковъ и горнистовъ выходилъ старшій барабанщикъ и горнистъ.

Команда...

Всеобщее молчаніе. Вдали на протяженіи семи верстъ главнаго и авангарднаго лагерей солдаты по-ротно пѣли «Отче нашъ» и пѣніе сливалось въ неясный молитвенный аккордъ...

Чеканя слово за словомъ, говорилъ барабанщикъ, въ напряженномъ молчаніи Государевой свиты и офицеровъ:

«Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ»...

Русскій солдатъ, русскій крестьянинъ читалъ молитву передъ своимъ Государемъ и Государь молился по этой молитвѣ.

«Но избави насъ отъ лукаваго... Аминь.»

Не спѣша надѣлъ фуражку барабанщикъ.

Грянулъ отбой...

Государь надѣлъ фуражку и выступилъ впередъ принимать рапорты фельдфебелей и вахмистровъ шефскихъ ротъ, эскадроновъ и батарей.

Тихія сумерки опускались надъ красносельскимъ лагеремъ...

Такъ было на моей памяти...

Такъ было на памяти моего отца...

Мой дѣдъ смотрѣлъ, какъ вахмистръ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка, которымъ онъ командовалъ, рапортовалъ Государю Николаю Павловичу. Мой прадѣдъ былъ на такой-же зарѣ въ присутствіи Александра Благословеннаго» (1).

Такъ было.

И была слава Русская. Было Бородино и Парижъ, было покореніе Кавказа, завоеваніе Туркестана. Отбивались въ тяжелую Японскую войну, дрались на поляхъ Восточной Пруссіи, въ Галиціи и на Карпатахъ.

---

(1) П. Н. Красновъ: «Памяти Император. русской арміи». Русская лѣтопись кн. У. Парижъ 1923 г.

И побѣждали.

Были честными Императорскому Дому и былъ бѣлѣе снѣга Императорскій Штандартъ...

Ни что такъ не облагораживало людей, ничто такъ не возвышало духъ, какъ служба подъ знаменами Императорской Арміи.

Высокимъ сознаніемъ долга передъ Царемъ и Отечествомъ проникались рядовые солдаты.

Особеннымъ-же горѣніемъ сознанія святости присяги зажигались сердца русской молодежи, проходившей черезъ подготовлявшія къ высокому офицерскому званію юнкерскія училища и прочія военныя школы, двери которыхъ, по царскому приказу Александра II, еще съ 1870-хъ годовъ, были открыты для всѣхъ ,удовлетворявшихъ экзаменнымъ требованіямъ — «безъ различія званія и происхожденія».

О сущности прежняго кадетскаго воспитанія будущихъ офицеровъ, о значеніи его для арміи и государства существовало опредѣленное мнѣніе.

Кадетъ, удостоенный офицерскаго чина, на какихъ бы поприщахъ ему не приходилось работать, всегда *государственникъ* [1]).

Питомецъ гражданскихъ учебныхъ заведеній — большею частью *общественникъ*.

Въ этомъ ихъ существенная разница. Воспитанники военныхъ школъ готовили себя къ жертвенному подвигу за Родину и за ея Верховнаго Вождя. Грудью стать и умереть за Царя и Отечество — высшее счастье офицера. Онъ поэтъ войны и презираетъ тыловыхъ «шкурниковъ».

А въ мирное время — тѣ-же офицеры, такъ естественно, всегда выдвигались на первыя мѣста въ такихъ родахъ гражданской службы, гдѣ особенно нужна была непоколебимая идейная преданность русской государственности, твердое поддержаніе гражданской дисциплины, умѣлое проявленіе закономъ предоставленной власти — въ защитѣ интересовъ государственнаго порядка, благополучія и процвѣтанія Отечества. И не только офицеры, но во многихъ отрасляхъ администраціи особенно цѣнились и царскіе унтеръ-офицеры, десятки тысячъ которыхъ съ честью служили на нисшихъ ступеняхъ гражданской службы всѣхъ вѣдомствъ. Начиная отъ полиціи и до такихъ либеральныхъ вѣдомствъ, какъ министерство финансовъ — въ каждомъ дисциплинированномъ исправномъ нисшемъ агентѣ исполнительной власти всегда видѣнъ былъ

(1) Въ память Императора Николая II открытъ русскій лицей (кадетскій корпусъ) въ 1930 году около Парижа въ Villiers-le-Bel.

прошедшій армейскую школу б. строевой царскій унтеръ-офицеръ...

Но царскіе офицеры — государственники выходили не только изъ кадетскихъ корпусовъ. Съ открытіемъ широкаго доступа въ военныя и юнкерскія училища бывшимъ воспитанникамъ гражданскихъ школъ офицерскій составъ арміи хотя сословно и «демократизировался», но облагораживающее, дисциплинирующее вліяніе военнаго воспитанія, въ самый короткій срокъ часто перерождало большинство этихъ «гимназистовъ», «реалистовъ» и даже «бурсаковъ-семинаристовъ» и они становились такими-же государственниками — вѣрными слугами Царя и Отечества, какъ и б. кадеты.

Въ своихъ «запискахъ генерала-еврея», отставной генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба М. В. Грулевъ, добромъ вспоминаетъ свою «alma mater» — Варшавское пѣхотное юнкерское училище и съ особенной теплотой — первые годы строевой службы вольно-опредѣляющимся и юнкеромъ.

Благодаря воспитательному вліянію службы подъ императорскими знаменами и полученному военному образованію, начиная отъ юнкерскаго училища до академіи генеральнаго штаба — этотъ «выдвиженецъ» изъ бѣдной еврейской семьи, по его выраженію «изъ еврейскаго гетто — мѣстечка Рѣжицы» — сдѣлался выдающимся офицеромъ русской арміи, заслуживъ и боевыя отличія, командуя полкомъ въ войну съ Японіей.

Несмотря на свое еврейство (1), на всю свою «лѣвизну», особенно сказавшуюся въ генеральскихъ чинахъ, Грулевъ оставался все тѣмъ-же офицеромъ-государственникомъ, какимъ сдѣлался въ первые годы строевой службы и военной школы.

Воспоминанія его о пребываніи въ юнкерскомъ училищѣ особенно характерны. Его разсказъ является «показомъ», подтверждающимъ выше нами сказанное. Не одни только привиллегированные корпуса и военныя училища давали арміи достойныхъ ея офицеровъ. Тѣ самыя «окружныя юнкерскія училища», которыя, легкіе на перо, столичные военные писатели пренебрежительно называли «фабрикою дешевыхъ офицеровъ», но черезъ которыя прошло болѣе двухъ-третей офицеровъ армейской пѣхоты — эти «сморгонскія академіи» съ честью выполняли возложенную на нихъ труднѣйшую задачу и дѣйствительно перевоспитывали поступавшую штатскую разносословную молодежь.

Изъ нихъ выходили тѣ, по выраженію Драгомірова, «арміюты» незамѣтные герои мирнаго времени, обреченные на подвиж-

---

(1) Книгу онъ посвятилъ «многострадальному еврейскому народу,» а весь чистый доходъ съ изданія отдаетъ въ пользу сіонизма.

ническую службу-жизнь въ «маленькихъ гарнизонахъ» окраинныхъ захолустьевъ и въ крѣпостяхъ, — тѣ кадровые офицеры пѣхотныхъ полковъ, большинство которыхъ становились достойными товарищами б. кадетъ на совмѣстной службѣ Царю и Отечеству.

Такими они себя показали и въ великую войну — отъ кадровыхъ строевыхъ офицеровъ армейской пѣхоты остались живы одни лишь калѣки-инвалиды.

Какъ готовились эти «обреченные» къ подвигу своей «жизни за Царя» и на защиту Великой Россіи, еще будучи юнкеромъ, — разсказывает ъ ген. Грулевъ(1).

«Вступительный экзаменъ въ юнкерское училище я выдержалъ легко и поступилъ въ младшій классъ ; (былъ еще и приготовительный, для менѣе подготовленныхъ). Я очутился въ совершенно новыхъ для меня условіяхъ бытовыхъ, служебныхъ и учебныхъ. Среда, въ общемъ, была все та же — армейскіе вольноопредѣляющіеся, съ которыми успѣлъ уже сжиться за полтора года совмѣстной жизни и службы въ полку; обстановка училищной жизни была совсѣмъ иная.

Стоитъ нѣсколько остановиться на этомъ важнѣйшемъ этапѣ былой подготовки главной массы нашего офицерства, потому, во-первыхъ, что никакой посторонній глазъ никогда не заглядывалъ и не могъ заглянуть въ эти закрытыя учебныя заведенія. Даже жизнь семинарской бурсы, или женскихъ институтовъ, находила въ свое время своихъ бытописателей и разоблачителей. А кто сталъ бы раскрывать училищную жизнь, когда послѣ узды юнкерской слѣдуетъ режимъ дисциплины офицерской, достаточной для того, чтобы наложить печать молчанія на всю жизнь.

Между тѣмъ юнкерскія училища являлись колыбелью главной массы нашего офицерства, которое впослѣдствіи иногда творило исторію.

Конечно, я могу говорить лишь о моей «Alma Mater» варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ, но ясно, что все внутреннее содержаніе всѣхъ 10 окружныхъ юнкерскихъ училищъ, существующихъ по одному и тому же уставу, было совершенно одинаково,

Нѣкоторое отличіе Варшавскаго училища заключалось въ томъ, что значительный процентъ юнкеровъ принадлежалъ къ польской національности, поэтому, несмотря на всѣ запреты, польская рѣчь слышна была часто въ дортуарахъ и классахъ. Это обстоятельство послужило впослѣдствіи причиной закрытія этого училища въ первую очередь, раньше другихъ окружныхъ училищъ.

(1) М. В. Грулевъ: «Записки генерала-еврея.»

Однако, въ мое время, въ 1879-81 г. г., Варшавское училище процвѣтало и считалось образцовымъ, главнымъ образомъ, по строевой подготовкѣ; пріѣзжали даже изъ другихъ училищъ знакомиться у насъ съ постановкой строевого и стрѣлковаго дѣла.

Но у насъ была еще одна совершенно исключительная отрасль подготовки юнкеровъ, которой либо вовсе не было въ другихъ училищахъ, либо она была тамъ въ пренебреженіи. Это преподаваніе методики и педагогики. Дѣло въ томъ, что случайно подвернулся въ нашемъ училищѣ весьма дѣльный преподаватель упомянутыхъ предметовъ, артиллерійскій подполковникъ Троцкій-Сенютовичъ, сумѣвшій, помимо основательныхъ знаній, пробудить у юнкеровъ любовь къ преподаванію грамоты солдату. Дѣло было поставлено просто и практично: по окончаніи теоретическаго курса ежедневно приводились къ намъ въ училище команды безграмотныхъ солдатъ изъ расположенныхъ въ Варшавѣ полковъ, и юнкера должны были практически примѣнять изученные методы обученія. Эти занятія неизбѣжно увлекали импровизированныхъ учителей, видѣвшихъ воочію успѣхъ дѣла, когда послѣ 10-12 уроковъ безграмотный солдатъ превращался въ грамотнаго, умѣющаго читать и писать.

Многіе изъ насъ впослѣдствіи, уже въ роли офицеровъ, старались всѣми мѣрами примѣнять вынесенную изъ училища педагогическую подготовку, внѣдряя грамотность въ войскахъ. Самъ я былъ въ числѣ этихъ многихъ.

Отрадно вспомнить нашу училищную библіотеку, которая была обставлена роскошно и уютно. Конечно, преобладали книги военнаго содержанія, большую часть которыхъ я успѣлъ перечитать; въ особенности увлекался многотомной исторіей военнаго искусства Голицына, несмотря на ея крайнюю устарѣлость...

Крѣпко запечатлѣлась въ памяти лагерная служба, того далекаго времени, въ Красномъ Селѣ. Сколько плѣнительной, чисто воинской поэзіи въ ночныхъ тревогахъ, двухсторонних маневрахъ, въ ночныхъ бивуакахъ съ пылающими кострами. Сколько сверкающей прелести въ торжественныхъ царскихъ объѣздахъ лагеря, въ сопровожденіи блестящей многочисленной и живописной свиты съ военными и дипломатическими представителями со всѣхъ концовъ свѣта.

Какую дивную картину представляетъ собою заря съ церемоніей въ присутствіи Государя и всей императорской фамиліи, генералитета, дипломатическаго корпуса, иностранныхъ представителей и чуть-ли не всего аристократическаго

Петербурга, собиравшагося всегда къ этому вечеру въ Красное Село со всѣхъ дачъ и изъ города.

А разводъ съ церемоніей — этотъ чисто лагерный военный праздникъ, стоившій, правда не мало труда и пота для офицеровъ и солдатъ; но въ общемъ, конечномъ ансамблѣ представлявшій собой эфектнѣйшую картину на яркомъ фонѣ лагерной жизни, развертывавшейся подъ звуки нѣсколькихъ хоровъ музыки, окаймленной всегда многочисленной изящной публикой, собиравшейся нарочито въ лагерь къ этому часу.

Съ какой-то затаенной грустью вспоминается вся эта поблекшая теперь прелесть минувшихъ дней; то-ли жаль этихъ постепенно отмиравшихъ красотъ нашей воинской жизни, вытѣсненныхъ прозаическими требованіями профессіональнаго дѣла, на которое легла повсюду сѣренькая тѣнь «защитнаго» цвѣта — то ли жаль собственной, канувшей въ Лету, молодости, озарявшей тогда всю жизнь и службу, каковы бы они ни были.

Наслѣдникъ, впослѣдствіи Государь Александръ III, часто прогуливался пѣшкомъ передъ нашимъ лагеремъ. одинъ, безъ адъютанта, почти всегда въ шинели-пальто, надѣтомъ поверхъ красной шелковой рубахи съ косымъ воротомъ, перепоясанной шнуркомъ. Часто заходилъ къ намъ на солдатскія кухни и отвѣдывалъ «пробу»; да не такъ, какъ обыкновенно это дѣлали другіе начальники повыше, — т. е. прикоснувшись ложкой къ щамъ или кашѣ, а уплеталъ основательно внушительныя порціи, послѣ чего уходилъ на лужайку передъ лагерной линейкой и всей своей грузной фигурой растягивался на травѣ, животомъ на землю...»

Въ 1914 году минуло уже 40 лѣтъ послѣ введенія всеобщей воинской повинности и въ великую войну Императорская армія, въ особенности-же обреченная на наибольшія тягости и потери наша «святая пѣхота» — выступала вполнѣ *народною арміей*, демократичною даже въ своемъ кадровомъ офицерскомъ составѣ.

Смѣнились поколѣнія, федотовскіе майоры давно уже опочили, а лихіе забіяки Всеволода Крестовскаго повыходили въ отставку. Выросло новое поколѣніе людей, обладавшихъ менѣе блестящей внѣшностью, но съ болѣе скромными требованіями жизни, знающихъ, трудолюбивыхъ, раздѣлявшихъ достоинства и недостатки русской интеллигенціи. Обликъ офицерства измѣнился, въ широкихъ кругахъ его появилось болѣе сознательное отношеніе къ событіямъ. Менѣе измѣнился обликъ солдата, но между отбывающимъ 3-хъ или 4-хъ лѣтнюю общеобязательную повинность и прежнимъ невольнымъ профессіоналомъ, служившимъ 16 и 25 лѣтъ — разница огромная.

Условія-же повседневной армейской полковой или гарнизонной жизни — оставались почти тѣ-же.

Тяжкая трудовая жизнь, служеніе родинѣ, пороки — но и доблесть, будничная пошлость — но и высокое самоотверженіе — все это находило отраженіе главнымъ образомъ въ кривомъ зеркалѣ отечественной литературы. До японской и Великой войны — эта литература, а въ особенности газеты и журналы, — болѣе всего удѣляла вниманія случавшимся въ военномъ мірѣ сенсаціоннымъ происшествіемъ, съ особеннымъ увлеченіемъ смакуя и раздувая малѣйшій поводъ къ скандальному ихъ освѣщенію. Особенно усердствовала либеральная и радикальная печать, въ которой по «литературной традиціи» офицеръ изображался фатомъ, ограниченнаго ума, игрокомъ, скандалистомъ а солдатъ — смѣшнымъ, неповоротливымъ тупицей, или задерганнымъ автоматомъ. Представленія о солдатскомъ бытѣ, о казарменной жизни создавалось въ интеллигентской средѣ по такимъ театральнымъ пьесамъ и шаржамъ, какъ «Шельменко-деньщикъ» или апофеозъ глупости въ пародіяхъ, вродѣ «Вампука». Военные разсказы Л. Толстого, Гаршина, Щеглова, Каразина, Верещагина, Немировича-Данченко — все болѣе заслонялись новѣйшими ходульными повѣстушками изъ военной жизни, отличавшимися своею надуманностью и тенденціозностью.

Въ наводнявшихъ книжный рынокъ сборникахъ, вродѣ горьковскаго «Знанія», въ журнальчикахъ, вродѣ «Міра Божьяго» — изображался не дѣйствительный военный бытъ, а окарикатуренная «военщина» и «солдатчина»; въ каждой строчкѣ такихъ писателей, какъ Пильскій, Вересаевъ и т. п., — сквозили идеи антимилитаризма и пацифизма. «Литературные выдвиженцы» радикальной и либеральной общественности отличались не только незнаніемъ описываемой ими среды, но болѣе всего — интеллигентскимъ предубѣжденіемъ, презрѣніемъ и пренебреженіемъ ко всему военному.

Даже герои «Трехъ сестеръ» талантливаго Чехова — офицеры артиллерійской бригады, — оказались офицерами только *по внѣшности*: для каждаго зрителя-военнаго на сценѣ проходила чуждая ему жизнь переодѣтыхъ въ военные мундиры «интеллигентовъ».

«Лидія Петровна на бульварѣ съ офицерами гуляетъ... Какъ она — такая умная, развитая — проводитъ время съ такими чугунно-лобыми господами» — такъ изощрялся въ своемъ «Санинѣ», послѣ революціи превратившійся въ милитариста и въ юдо-фоба, Арцыбашевъ, старавшійся четверть вѣка тому назадъ угодить «духу времени». Совершенно также и А. И. Купринъ, далъ подкупающее своимъ реализмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вводящее читателя въ заблужденіе —

изображеніе жизни «маленькаго гарнизона» въ повѣсти «Поединокъ». Авторъ ея вполнѣ тогда «вѣдалъ, что творилъ». Жестоко талантливымъ изображеніемъ цѣлаго полка, многими подробностями мѣстныхъ условій, а въ особенности—присвоивъ одному изъ отрицательныхъ типовъ дѣйствительную фамилію б. командира 46 пѣх. Днѣпровскаго полка, службу въ которомъ Купринъ тогда только что оставилъ (носящій ту фамилію былъ вскорѣ начальникомъ 19 пѣх. дивизіи) — авторъ заставилъ многихъ даже въ военныхъ кругахъ предполагать, что всѣ отрицательныя явленія списаны имъ съ натуры, съ этого именно полка.

Какъ увлекающійся разсказчикъ «для краснаго словца часто не щадитъ ни матери ни отца», такъ и молодой офицеръ-писатель не пощадилъ и родного ему полка, изобразивъ однако то, чего не было.

Хотя каждый типъ «Поединка» въ отдѣльности производитъ впечатлѣніе списаннаго съ натуры, но такого собранія типовъ, такого полка въ русской арміи не было. Впрочемъ такими-же сгущенными темными красками писаны и купринскіе«Кадеты», изображена имъ съ тѣневой стороны и его Alma mater — кадетскій корпусъ, которому этотъ писатель во многомъ обязанъ грамотностью его русской рѣчи.

Если такіе выдающіеся беллетристы, какъ Купринъ и Арцыбашевъ на столько заражались литераторскимъ психозомъ пренебреженія и презрѣнія къ «военщинѣ», то писательская мелкота изъ марксистскихъ и соціалистическихъ изданій — уже «распоясывалась во всю», уродливо искажая военный бытъ и безнаказанно изощряясь въ оскорбительнѣшихъ характеристикахъ офицеровъ.

«Армія — каста... Узкій, грошевый эгоизмъ, презрительное отчужденіе, апатія къ жизни. Безъ знанія, ненавидя и презирая все постороннее, ревниво оберегая свои грошевыя привиллегіи... Плѣсень, затхлость... Открытый публичный цинизмъ... Бездѣлье, буйства». — Такъ, пользуясь свободами печати 1906 г. измывался надъ офицерами, только что амнистированный, одинъ изъ безчисленныхъ дезертировъ японской войны П. Пильскій. А въ пораженческихъ разсказахъ: «Отступленіе» и «Побѣжденные» — авторы смѣялись «краснымъ смѣхомъ» надъ людьми побѣжденными на манджурскихъ поляхъ, но исполнявшими свой долгъ до конца. (1).

(1) Цѣлые ящики сборниковъ «Знаніе» съ этими и подобными пораженческими разсказами, были обнаружены жандармами въ газетномъ кіоскѣ на Львовскомъ вокзалѣ весной 1915 г. въ моментъ отступленія съ Карпатъ — эта пропагандная литература распространялась въ арміи санитарными поѣздами !

Въ томъ же 1906 г. прославленный освободительнымъ движеніемъ» поэтъ Бальмонтъ, несмотря на призывной возрастъ въ войнѣ не участвовавшій, писалъ слѣдующіе возмутительные стихи, особенно усердно распространявшіеся среди учащейся молодежи и неучащихся студентовъ — гектографированными копіями:

РУССКОМУ ОФИЦЕРУ

Грубый солдатъ ! Ты еще не постигъ
Кому же Ты служишь лакеемъ?
Ты сопричислился — о не на мигъ ! —
Къ подлымъ, къ безчестнымъ, къ злодѣямъ.
Я тебя видѣлъ въ расцвѣтѣ души,
Встрѣчалъ тебя вольно красивымъ.
Низкій. Какъ палъ ты ! Въ трясинѣ !
Въ глуши !

Трупъ Ты — въ гробѣ червивомъ !
Кровью Ты залилъ свой жалкій мундиръ,
Душою Ты въ пропасти темной.
Проклятъ Ты. Проклятъ Тобою весь міръ.
Нечисть ! Убійца наемный !

К. Бальмонтъ.

Нѣтъ и не должно быть забвенія подобнымъ подлѣйшимъ «произведеніямъ» пресловутыхъ поэтовъ «гражданской скорби»! Нѣтъ и не будетъ прощенія этимъ литературнымъ лакеямъ революціи, восхвалителямъ общественности и хулителямъ офицеровъ Императорской Арміи ! Подобные пасквили писались въ то время, когда только благодаря сохранившемуся авторитету офицерства не разложилась армія послѣ японской войны въ періодъ первой смуты, и когда благодаря вѣрности долгу и мужеству русскаго офицера уцѣлѣла Россія, а самъ Бальмонтъ еще не испыталъ «награды» отъ «черни», передъ которою этотъ поэтъ такъ пресмыкался и ее разжигалъ на тѣ дѣянія 1917 года, отъ которыхъ ему-же пришлось спасаться подъ защиту офицеровъ бѣлой арміи !...

Но это еще не все, ясно-полянскій мыслитель въ своихъ «Солдатской памяткѣ», въ «Письмѣ къ фельдфебелю», «Не убій» и проч. — писалъ: «офицеры и солдаты — убійцы»; «правительства со своими податями, солдатами, острогами, висѣлицами и обманщиками-жрецами — суть величайшіе враги христіанства.»

Вотъ какія моральныя испытанія переносило безропотно наше многострадальное офицерство, связанное дисциплиной

и сознаніемъ долга присяги. И все это въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій со стороны одной только «отечественной литературы» и «передовой» печати, что, впрочемъ, не удивительно если вспомнить — въ чьихъ рукахъ была эта «русская пресса».

Но поразительнее всего, что не менѣе тяжкіе удары офицерскому престижу и личному самолюбію, наносились нерѣдко «въ спину», изъ своей-же среды и, напримѣръ, не кѣмъ инымъ, какъ «талантливѣйшимъ военнымъ профессоромъ и писателемъ», знаменитымъ Командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантомъ М. И. Драгоміровымъ.

Воспитанный и создавшій свою карьеру по генеральному штабу въ эпоху «обличительной литературы» 1860 г., (¹) когда вся Россія, съ кающимся дворянствомъ во главѣ, предавалась безудержному самооплеванію, при чемъ особенно усердствовали офиціальные — «Военный» и «Морской» сборники, — прославленный острословъ и не менѣе знаменитый «ненавистникъ сухого режима» М. И. Драгоміровъ, «достигнувъ степеней извѣстныхъ» — считалъ «все» себѣ позволеннымъ.

«Не разсказомъ», а именно «показомъ» своей несдерженной самовластной натуры ген. Драгоміровъ являлъ собою поучительный примѣръ не исполненія заповѣдей того великаго Суворова, популяризаціей *науки* котораго онъ пріобрѣлъ личную свою извѣстность. Много пользы для воспитанія войскъ принесло внѣдреніе имъ въ армію началъ суворовской «солдатской памятки», но онъ забывалъ, что Суворовъ оставилъ также и наставленія — «памятку для генераловъ», между прочимъ гласившія: «...начальникъ основательное разсужденіе предпочитаетъ остроумію, онъ — врагъ ненависти и мщенія»; или: «учись заблаговременно прощать погрѣшности ближнему и никогда не прощай ихъ самому себѣ... остерегайся безвременной запальчивости» и т. п.

Пренебрегая въ личныхъ поступкахъ этими завѣтами своего-же кумира Суворова, М. И. Драгоміровъ забывалъ и о наказахъ самого создателя нашей Арміи Петра Великаго, требовавщаго строжайшаго соблюденія законности при взысканіяхъ съ офицеровъ, честь и достоинство которыхъ, ихъ начальническій престижъ Императоръ ограждалъ и обере-

---

(¹) Въ эту эпоху нѣсколько выдающихся по образованію офицеровъ, носителей мундира «съ ученымъ кантомъ», — сочувствовали и содѣйствовали модному революціонному движенію, входили въ кружки и партіи или навсегда «ушли въ революцію», какъ знаменитый анархистъ полковникъ: князь П. Крапоткинъ, П. Л. Лавровъ, Ашенбренеръ, Дегаевъ и проч. Извѣстный генеральнаго штаба полковникъ Н. Н. Обручевъ въ 1860 г. г. состоялъ въ партіи «Земля и Воля» и вышелъ изъ нея лишь въ 1870-хъ г. г.

галъ: *«всѣхъ офицеровъ безъ воинскаго суда не арестовать*, кромѣ измѣнныхъ дѣлъ, а за малыя вины наказывать штрафами». Не могъ не знать бывшій начальникъ воен. академіи и о томъ, какъ самъ требовательный и грозный Императоръ Николай I увѣщевалъ своего любимца гр. Паскевича Эриванскаго: «*Не надо угнетать и быть несправедливу...*

Прощать — великодушно, притѣснять-же безъ причины — неблагородно....

Да украситъ Васъ и послѣдняя слава — скромность...

Воздайте Богу и оставьте Намъ славить Васъ и дѣла Ваши...

Между тѣмъ, требовавшій отъ офицеровъ и въ особенности отъ командировъ частей, сознательнаго усвоенія и строгаго исполненія законовъ и воинскихъ уставовъ (его «конекъ» былъ «уставъ гарнизонной службы»), ген.-адьют. Драгоміровъ въ сущности самъ первый изо дня въ день демонстративно нарушалъ, важнѣйшій въ арміи, «уставъ дисциплинарный» въ соединеніи съ превышеніемъ власти.

Никакими законами, ни самымъ дисциплинарнымъ уставомъ — высшему начальнику, при наложеніи въ предѣлахъ власти взысканій на подчиненныхъ ему офицеровъ — вовсе не было дано права еще и усугублять наказаніе опубликованіемъ о немъ во всеобщее свѣдѣніе въ печатныхъ приказахъ по всему пограничному округу, оглашеніе въ печати которыхъ не было воспрещено, и они перепечатывались, какъ военными изданіями, такъ и газетами и даже иностранною прессой.

При этомъ самые приказы излагались въ выраженіяхъ недопустимо-оскорбительныхъ для личнаго достоинства офицеровъ и командировъ. Унижающими воинское званіе, публично порочащими и позорящими цѣлыя части Императорской Арміи — были такіе безцензурные приказы популярнаго Командующаго войсками, которому подражали и многіе начальствующіе не только военннаго, но и гражданскаго вѣдомства, до полицеймейстеровъ включительно.

Подражая этому «драгоміровскому стилю» печатали въ мѣстныхъ «Вѣдомостяхъ» свои разносы чиновъ полиціи и «замѣчанія при объѣздахъ города» особенно энергичные градоначальники, знаменитый оберъ-полицеймейстеръ Власовскій и многіе полицеймейстеры.

«*Въ нѣкоторыхъ частяхъ дерутся* — вырвались въ 1889 г. и вскорѣ облетѣли всю Россію эти и понынѣ не забытыя крылатыя слова драгоміровскаго приказа, огласившаго зло, хотя и существовавшее въ нашей арміи, но несравненно въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ во многихъ европейскихъ арміяхъ, особенно-же въ германской, австрійской и великобританской. А затѣмъ — пошло и пошло и такъ продолжалось цѣлыхъ 15 лѣтъ

(съ 1889 по 1905) пребыванія Драгомірова во главѣ войскъ важнѣйшаго пограничнаго округа, при чемъ онъ былъ еще и генералъ-губернаторомъ богатѣйшаго густонаселеннаго края.

Офиціальныя волеизъявленія Кіевскаго Командующаго войсками, на смотрахъ, при посѣщеніяхъ имъ разныхъ родовъ оружія и по поводу событій и происшествій во внутренней жизни войскъ — обычно печатались въ приказахъ по округу въ видѣ всевозможныхъ драгоміровскихъ «замѣчаній», его «словечекъ» и бьющихъ на оригинальность неожиданно рѣзкихъ оцѣнокъ, «наставленій» и публичныхъ, передъ строемъ, да еще и съ «пропечатаніемъ» — «разносовъ» и уничижающихъ, высмѣивающихъ уже однимъ своимъ тономъ — язвительнѣйшихъ характеристикъ начальствующихъ лицъ, отъ ротныхъ командировъ и выше.

Мало того, генералъ Драгоміровъ свои обобщенія многаго, извѣстнаго ему по высокому служебному положенію, а болѣе всего — впечатлѣнія его командованія округомъ — излагалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, въ хлесткихъ статейкахъ, которыми наполнялъ покровительствуемый имъ частный журналъ «Развѣдчикъ», откуда эта драгоміровщина перепечатывалась какъ русскою, такъ и иностранною прессой враждебныхъ намъ государствъ. «Рыба съ головы воняетъ»... «Армейская сѣрая скотинка»... «Очевидно сей командиръ не удосужился прочитать гарнизонный уставъ...» Или: «Господа офицеры! Вы срочною службой не обязаны. Кто чувствуетъ себя къ службѣ не годнымъ — можетъ уходить...» И т. д., и т. д.

Изъ подобныхъ, и куда болѣе рѣзкихъ изреченій, этого оригинала-писателя и высшаго военачальника, — можно было бы составить цѣлую «Драгоміровскую памятку... самооплеванія». Печатные его приказы« и приказанія по округу» были полны этими саморазоблаченіями непорядковъ, несовершенствъ и даже злоупотребленій во ввѣренныхъ ему войскахъ, а въ особенности — отрицательными характеристиками команднаго состава. Уже въ 1893 г. типографіей Окружнаго Штаба были изданы три тома «сборниковъ приказовъ» генерала Драгомірова, которые очень успѣшно распродавались и выписывались въ другіе округа. Генералъ Драгоміровъ давно прослылъ оракуломъ въ дѣлѣ «воспитанія и боевой подготовки войскъ» и вполнѣ естественно, что его манеры обращенія съ солдатомъ и съ командным составомъ — находили не мало подражателей среди начальствующихъ лицъ всѣхъ степеней.

Ничего подобнаго, этому драгоміровскому оригинальничанью и злоупотребленію «свободою слова» нельзя найти въ печатныхъ приказахъ военачальниковъ армій Западно-европей-

скихъ государствъ. Въ германской, австро-венгерской и во французской арміи этого не было и тамъ ни одинъ командиръ такой публичной самокритики себѣ никогда бы не позволилъ, а опубликованіе приказовъ по войскамъ во всеобщее свѣдѣніе — считается нарушеніемъ военной тайны.

Впрочемъ, уже уходя «на покой» — Драгоміровъ и самъ не могъ не сознавать, что вся эта его «словесность» далеко не дала тѣхъ результатовъ, на которые онъ разсчитывалъ.

Въ 1905 г., въ излюбленномъ имъ «Развѣдчикѣ», въ своемъ фельетонѣ «Дѣла и дѣлишки» — генералъ Драгоміровъ писалъ съ характернымъ для него военно-публицистическимъ задоромъ:

«Дѣло не въ томъ, какъ говорятъ солдату — «ты» или «вы», а въ томъ, что солдатъ водятъ оборванцами и не прекращается «мордобой»... Какъ не приходитъ въ голову этимъ господамъ, что ихъ морда слѣплена изъ той-же самой глины, что и солдатская, и что если солдатъ объ этомъ догадается, то не хорошо будетъ»...

Трудно теперь повѣрить, что въ разгаръ смуты 1904-5 г. г., подобныя писанія могли печататься въ Санктъ-Петербургѣ, въ распространенномъ въ войскахъ военномъ журналѣ «Развѣдчикъ» и за подписью генералъ-адъютанта Драгомірова, Командующаго войсками и генералъ-губернатора!!!

Служившій подъ его начальствомъ генералъ А. И. Деникинъ, въ своей книжкѣ о Старой Арміи, — счелъ однако необходимымъ удостовѣрить (стр. 35), что «*къ времени міровой войны рукоприкладство, какъ система, было изжито безусловно*. Это было уже не показною чертой быта, а изнанкой его, не характернымъ явленіемъ, а уродствомъ. Оно не чванилось открыто своимъ озорствомъ и безнаказанностью, а таилось подъ спудомъ, встрѣчая не только законное преслѣдованіе, но и общественное отчужденіе».

Возмущаясь печатно на радость антимилитаристамъ, и по генштабистски обобщая отдѣльные случаи «рукоприкладства» въ общее явленіе — генералъ-адъютантъ Драгоміровъ самъ занимался еще болѣе ему непростительнымъ «моральнымъ рукоприкладствомъ»... И въ отношеніи кого? Кому наносились имъ безнаказанно и въ продолженіе столькихъ лѣтъ эти публичные «моральные побои»? (См. «Развѣдчикъ»). Все тому-же нашему многострадальному офицерству! И это въ тотъ именно историческій моментъ, когда офицеры Императорской Арміи и Флота такъ доблестно исполняли свой долгъ передъ Царемъ и Отечествомъ! Когда именно они, эти герои военнаго и гражданскаго долга, поносимые разнузданной печатью, этой «матерью революціи» — *наши г. г. офицеры*

спасли Армію отъ развала, а Россію отъ крушенія въ 1904-5 годахъ!...

Въ Арміи своевременно раздавались трезвые голоса, осуждавшіе эту драгоміровщину, а равно требовавшіе обузданія озорства печати и «общественности» — въ отношеніи воинскаго званія вообще. Противникомъ драгоміровскихъ поученій публичнымъ «показомъ» отрицательныхъ сторонъ войскового быта — тогда былъ дѣйствительный боевой вождь, фельдмаршалъ I. В. Гурко.

Въ своемъ наиболѣе отвѣтственномъ Варшавскомъ военномъ округѣ — требовательный, суровый генералъ-адъютантъ Гурко систематически готовилъ свои войска и ихъ командировъ (лѣтними, зимними и ночными маневрами) къ будущимъ военнымъ дѣйствіямъ на этомъ важнѣйшемъ участкѣ фронта войны съ Австро-Германіей... Но ни въ словахъ его наставленій, ни въ поучительнѣйшихъ приказахъ этого героя войны 1877 года — никогда не допускалось ничего подобнаго драгоміровскимъ «самообличнніямъ».

Болѣе того — каждый командиръ, любитель такого озорнаго краснорѣчія — остерегался малѣйшаго «лишняго слова», всегда и всюду чувствуя на себѣ, и за глазами — строгій орлиный взглядъ Гурко.

Генералъ Деникинъ отмѣчаетъ, что «многочисленные противники Драгомірова ставили ему въ вину, что «популярничая съ солдатами, онъ былъ рѣзокъ и грубъ съ начальниками»; что «нельзя вести воспитаніе солдата черезъ голову офицера»...

«Талантливый военный писатель, полковникъ Елчаниновъ («Егоръ Егоровъ»), служившій одно время въ Кіевскомъ округѣ, въ такихъ рѣзкихъ чертахъ характеризовалъ армейскую жизнь подъ драгоміровскимъ «педагогическимъ воздѣйствіемъ»: «Культивируется неуваженіе къ офицеру и увѣренность въ его, яко-бы, преднамѣренной незаботливости о меньшей братіи». «Душа солдата»... «Солдатское сердце»... «Кланяюсь въ ноги»... «Мы недостойны ихъ, господа!»... — вотъ нашъ современный культъ».

«И рядомъ съ этимъ — хамство и скверное обращеніе съ офицерами, грубость, безсердечіе, произволъ»... («Старая Армія», стр. 36).

Въ какихъ условіяхъ исполняли свой долгъ и присягу, до послѣдняго издыханія стоявшіе на стражѣ Государства Російскаго и русской государственности, наши г. г. офицеры и каково было къ нимъ отношеніе разрушавшей Отечество «интеллигенціи» — талантливо изображаетъ Ив. Шмелевъ на страницахъ своего послѣдняго произведенія: «Солдаты» (1).

(1) «Современныя Записки» кн. 41, стр. 22-30. Парижъ, 1930.

. . . . , . , . . , ...

Навстрѣчу набѣгали огоньки, застава.

— Куда вы?.. стойте... капитанъ Бураевъ!.. — крикнулъ кто-то.

Онъ столкнулся съ кѣмъ-то, взвилъ «Рябчика».

— Чуть не сшибли... ахъ вы, Буравокъ!..

— Простите, капитанъ... такъ, разогнался... — призналъ Бураевъ ротнаго 9-ой роты, штабсъ-капитана Артемова. — На усмиренiе?

Изъ полевого переулка, слѣва, выходила рота въ полномъ походномъ снаряженiи, скребя шагами. Вздутые мѣшки сѣрѣли сбоку, штыки мерцали ровными рядами.

— Сми-рнааа, р-равненiе напра-ва...! — закричалъ Артемовъ. — Шире, шире шагъ! Лѣвое плечо впередъ... прямо, маршъ!.. Подпоручикъ Константиновъ, ведите роту... нагоню! Чаще перебѣжки... пользуйтесь ночнымъ маневромъ!..

Рота вышла. Ѣхала лазаретная линейка, кухни.

— Воюемъ съ проле-тарами, голубчикъ... — сказалъ, закуривая, штабсъ-капитанъ, рыжебородый, грузный, по-походному, въ ремняхъ, съ биноклемъ и ноганомъ. — Третья недѣля забастовка, сегодня вскрылось... захватили директора, грозятся учинить расправу. Говорятъ, у нихъ тамъ агитаторы укрыты, съ бомбами... чортъ ихъ побери! Пойдемъ въ атаку на эту сволочь... плюнулъ штабсъ-капитанъ. — Тамъ и прокуроръ, и вице-губернаторъ, и стражниковъ нагнали... оцѣпили, а не выдаютъ! Только сошлись дерябнуть къ Тур кину, въ преферансикъ пошвыряться... бацъ, къ командиру... Ну, ужъ задамъ имъ перцу!..

— Роту безъ нужды не горячите, — сказалъ Бураевъ. — Неважно на солдатъ влiяетъ. Для сихъ маневровъ надо бы особый корпусъ, внутренней охраны.

— Кой чортъ, неважно! Рота у меня — вотъ! — онъ сжалъ кулакъ. — Такъ-то распатронимъ... А *эти*... ужъ живыми не уйдутъ. У ...цевъ троихъ изъ нестроевой подъ судъ, ихнiя прокламацiи нашли... ни за что погибнутъ!..

— Не горячите. Тутъ не революцiя, а глупость. Сволочь захватите.

— Тамъ разберемся. А солдаты рады... по три гривенника на рыло, да и угостятъ, понятно. Вотъ вы говорите,.. стой, чортъ!.. говорите, не надо горячиться. Да чорта мнѣ стрѣлять въ болвановъ... курицы не могу зарѣзать. Понятно, долгъ исполню. Ни въ воздухъ, ни холостыми теперь нельзя, послѣ былого «опыта». Стрѣлять, коли что, придется. А вы бы полюбовались на моего Константинова-вояку, вотъ пошелъ народецъ ....малиновое! Губы посинѣли, какъ утоплый... тря-

сется, хнычетъ... «какъ я могу стрѣлять въ народъ!» Чуть не истерика, да еще при фельдфебелѣ, при взводныхъ! Ну, что прикажете мнѣ дѣлать, подать рапортъ!..

— Чортъ знаетъ! — сказалъ Бураевъ возмущенно. — Это сейчасъ же разнесется солдатней... считайтесь съ этимъ. Придется, хоть и больно. Офицерскій судъ рѣшитъ. Разводить заразу... Ну, прапорщикъ запаса, особенно эти универсанты, протестанты... не въ счетъ. А то вдругъ кадровый!..

— Такъ бы сейчасъ дерябнулъ!.. — крякнулъ штабсъ-капитанъ, вбирая пузо. — Послать бы казачковъ, живо бы плетями... Не на японцевъ... насъ-то чего тутъ безпокоить?...

— Бываетъ нельзя ,безъ боя. 905-й помните? Почему ему не повториться, при такихъ порядкахъ! — и онъ подумалъ, что вытворяютъ въ Петербургѣ: «Гришка Распутинъ, разные Илліодоры, безтолочь и «тайны». Въ арміи — мы, командиры ротъ, на манеръ отмычки, «козлища», чортъ знаетъ»... Подумалъ и смутился. — Для внутреннихъ исторій нужны части боевой внутренней охраны, особой дисциплины, а не регулярныя войска. Нужна реформа. Стражниками тутъ не обойдешься...

— Ну, догонять пошелъ.

Они простились.

«Выбралъ командиръ Артюшу. Ни шагу безъ фельдфебеля. И труситъ», — подумалъ Бураевъ раздраженно. — «Пошли надежнаго. Чекана или Густарева. Бригадный шляпа, за себя дрожитъ. Какъ бы Москву не потревожить. Тамъ вѣдь все съ примѣркой, за чужой шеей..! — выругался онъ. — А случись серьезное? съ такими трясопузами да соплякaми...»

За разговоромъ они доѣхали до семинаріи. Пришлось вернуться, къ Кожину заѣхать. У семинарскаго забора, на углу, стояла кучка семинаровъ. Донеслось:

— Покажутъ имъ олехевцы! Вонъ тоже, сволочь ѣдетъ... охранники!..

Бураевъ вспыхнулъ. Подумалъ — мальчишки, не придавать значенія? Онъ уже проѣхалъ. Нѣтъ, нельзя: взрослые болваны, хулиганье. Онъ бросилъ «Рябчика» на кучку и далъ нагайкой. Кучка побѣжала. Онъ нагналъ и вытянулъ еще. Одинъ споткнулся. Бураевъ вытянулъ еще, по заду.

— Будешь помнить «сволочь»! Уважай армію, скотина!.. Встать! — крикнулъ онъ семирaристу. — Фамилія?!..

Изъ-за угла кричали:

— На безоружнаго попался... царскій плевокъ, опричникъ! Бей его, ребята!..

Бураевъ погрозилъ нагайкой. Лежавшій плакалъ.

— Подыму ,не притворяйся... встать, скотина!

Семинаристъ поднялся. Онъ былъ верзила, не ниже капитана.

— Фамилія?! Вы, мерзавцы, не дѣти, а великовозрастные болваны, и будете наказаны!... Подойти ко мнѣ!.. — крикнулъ онъ притихшимъ.

— Мы готовы извиниться... сказалъ изъ кучки кто-то.

— Извиняться передъ всякимъ...! — крикнулъ басъ и свистнулъ.

— Подойди, если ты не трусъ! — крикнулъ Бураевъ кучкѣ. — А ты, не двигаться, — взялъ онъ за шиворотъ семинариста. — Къ ректору идемъ! Фамилія?!..

— Мирославскій, — плаксиво заявилъ семинаристъ. — Это не я, можете спросить.

— Всѣхъ найдемъ! — сказалъ Бураевъ. — Двигайся.

— Найдешь, у своей ...вошь! — крикнулъ изъ кучки басъ, и побѣжали съ пѣсней:

На дворѣ у попадьи
Растерялися бадьи...

— Позвольте, господинъ офицеръ?.. — услыхалъ Бураевъ раздраженный голосъ. — На какомъ основаніи вы издѣваетесь надъ мальчикомъ?.. Вы его ударили! Онъ васъ ударилъ плеткой? Не бойтесь, смѣло говорите... я не допущу... — обратился неизвѣстный къ семинаристу. — Вы его били? На какомъ основаніи?..

— Что такое? — сдержанно спросилъ Бураевъ господина съ остренькой бородкой и въ пенснэ. — Кто вы тутъ такой? вы слышали?.. вы за хулигановъ?..

— Я членъ земской управы... Канунниковъ. Вотъ моя карточка. Я не могу позволить, чтобы при мнѣ учиняли гнусное насиліе надъ ученикомъ... публично!..

— А я капитанъ Бураевъ. Васъ интересуетъ, что произошло? Удовлетворю ваше любопытство. Эти оболтусы, въ кучкѣ, посмѣли оскорбить армію... понимаете, а-рмію! — крикнулъ Бураевъ, тряся нагайкой. — Нѣтъ, ты постой... — подтянулъ онъ за воротъ семинариста, который пробовалъ рвануться, — мы съ тобой сейчасъ къ ректору направимся... Вы довольны? — обратился онъ къ господину въ бѣломъ картузѣ.

— Но позвольте, нельзя же...

— Нѣтъ, ужъ теперь... вы позвольте! — поднялъ Бураевъ голосъ. — Когда оскорбляютъ армію Императора и Россіи... и господинъ членъ управы вмѣшивается и беретъ сторону мерзавцевъ и хулигановъ... что *это* значитъ?!

— Но я не слыхалъ, позвольте!..

— А не слыхали— молчите! Сперва узнайте. Когда говоритъ офицеръ — говоритъ офицеръ! Съ васъ довольно? Если

не довольны и если вы достойны... — къ вашимъ услугамъ! Капитанъ Бураевъ.

— Не испугаете... я завтра же ѣду къ губернатору! — запальчиво заявилъ членъ управы. — И не позволю самоуправства...

— Можете успокоиться. Я не скрываюсь, сейчасъ же заявлю ректору, а завтра подамъ рапортъ обо всемъ. Вы слышали, что эти хулиганы кричали на всю улицу — «царскій плевокъ» и «охранникъ»? Вы слыхали, если не глухой. Если видѣли, какъ отпоролъ нагайкой хулигановъ, вы слышали! Или вы солидарны, а?.. Я васъ знаю: когда оскорбляютъ армію и Государя, вы не слышите. Когда порятъ нагайкой дрянь... вы заступаетесь, кричите о насиліи и самоуправствѣ! Меня не тронете вашими истертыми словечками, знаю васъ!.. За себя я сумѣю всегда отвѣтить... и отвѣчу! Съ вами разговоръ конченъ. А тебя, хулиганъ, я дотащу до ректора.

И не обращая вниманiія на какія-то путаныя слова заступника, Бураевъ, не выпуская ворота семинариста, спрыгнулъ съ коня и направился къ освѣщенному двумя фонарями подъѣзду семинаріи. Вызвавъ звонкомъ швейцара, онъ приказалъ ему подержать коня и, все еще держа за воротъ примолкшаго семинариста, сказалъ попавшемуся навстрѣчу ламповщику, чтобы провелъ его къ господину ректору. Скоро явился, скатившись съ лѣстницы, худой и высокій инспекторъ семинаріи, въ вицъ-мундирѣ съ оловянными пуговицами. Бураевъ объяснилъ вкратцѣ и потребовалъ самого ректора. Инспекторъ сталъ увѣрять, что онъ имѣетъ достаточно полномочій, что въ такой поздній часъ... пріемные часы кончились... господинъ ректоръ занятъ учеными трудами въ своей библіотекѣ...

— Дѣло настолько серьезно, что я прошу васъ побезпокоить господина ректора, иначе я не уйду! — твердо сказалъ Бураевъ.

Его попросили къ ректору, въ кабинетъ. Онъ повелъ за собой семинариста.

Благообразный архимандритъ, въ темномъ подрясникѣ, сидѣлъ въ креслѣ, въ грудѣ бумагъ. Онъ вдумчиво выслушалъ Бураева, покачалъ неодобрительно головой, потомъ покачалъ уже съ одобреніемъ, когда дѣло дошло до порки, и объявилъ:

— Не могу во всемъ усмотрѣть иного чего, кромѣ, вопервыхъ, безстыднаго и прискорбнаго поведенія негодныхъ, участь коихъ будетъ рѣшена завтра же... и, во-вторыхъ, справедливаго и государственнаго внушенія негоднымъ. И ото всего сердца благодарю васъ, капитанъ, ..ибо во всемъ этомъ

безчинствѣ больше значимости, чѣмъ кажется. Наша семинарія борется съ этимъ смердящимъ духомъ разложенія нравовъ и попиранія законовъ. Эти гады завтра же будутъ извержены. Только прошу васъ... не доводите до офиціальнаго пути, во избѣжаніе пересудовъ въ обществѣ нашемъ, между нами, скудоумномъ и пустоумномъ... дабы не вышло соблазна горшаго и...

— Простите, господинъ ректоръ, но я обязанъ подать командиру рапортъ..., — сказалъ Бураевъ.

— Лишняя суета,.. зачѣмъ?

— Таковъ законъ, господинъ ректоръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, творите по закону.

Качая въ возбужденіи нагайкой, Бураевъ вышелъ. Швейцаръ, передавая «Рябчика», сказалъ почтительно:

— Прямо, ваше благородіе, никакого сладу съ ими, и начальство наше... — онъ понизилъ голосъ, — ни-куда, никакой дисциплины... воспитатели водку съ ими хлещутъ, а то чего и хуже. Ну, какіе же изъ нихъ попы-то выйдутъ!.. Тридцать два года здѣсь служу... годъ отъ году хуже. — Онъ получилъ пятиалтынный и поклонился. — Одна, можно сказать, похабщина... только и слышишь, что мать да мать!..

— Вѣрно, старикъ! — сказалъ Бураевъ. — Солдатъ?

— Такъ точно, ваше благородіе... Иванъ Барановъ, старшій унтеръ-офицеръ, 72 пѣхотнаго Тульскаго полка, въ чистой съ 89 году! Нашъ полкъ съ самимъ Суворовымъ въ Итальянскомъ походѣ былъ... барабанъ у насъ пробило ядромъ... потому у насъ теперь особый барабанный бой при маршѣ, и турецкій барабанъ числится по штату военнаго времени, ваше благородіе!.. — радостно и гордо сообщилъ Бураеву старикъ-швейцаръ.

— Вотъ ты какой... молодчикъ! — весело сказалъ Бураевъ, только сейчасъ замѣтивъ у солдата Георгія. — Былъ въ бояхъ?

— Такъ точно, въ осьмнадцати бояхъ, ваше благородіе! Первое...

— Заходи, братъ какъ-нибудь,... съ лагерей вернемся, ко мнѣ чайку попить, къ капитану Бураеву, въ полку узнаешь. Вотъ тогда разскажешь, буду ждать.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе. Упомню, обязательно зайду.

Онъ подалъ стремя и еще молодецки топнулъ.

— Ну, прощай, Барановъ.

— Счастливо ѣхать, ваше благородіе!

Бураевъ былъ растроганъ этой нежданной встрѣчей. Не могъ онъ равнодушно проходить мимо героевъ, особенно ми-

мо солдатъ-героевъ. «Какъ знаменательно-то вышло», — думалъ онъ, — только что были хулиганы, молодежь... ни чести ,ни отваги, и тутъ же рядомъ, старый человѣкъ, прямой и вѣрный! И сколько ихъ такихъ, невидныхъ. Ими и жива Россія на всѣхъ путяхъ... Суворовъ въ сердцѣ, не забылъ и тутъ... «барабанъ у насъ пробило»! Когда же было, въ битвѣ при Требіи... солдатъ, а знаетъ. А спроси этихъ... «мать да мать»! Все еще связанъ съ «нашимъ»: «у насъ особый барабанный бой», «нашъ полкъ съ самимъ Суворовымъ!» Почему прежніе — такіе, а теперь..? И во многомъ такъ. Родиной гордились, своимъ. Откуда этотъ халуекъ общественный, протестантъ — спортсмэнъ? Не разобравшись, вопіетъ: «насиліе, публично издѣваетесь надъ *мальчикомъ*!» — хотя прекрасно знаетъ, что хулиганъ. Губернаторомъ грозится, а тотъ же губернаторъ у него — «бурбонъ», «нагайщикъ», «столыпинецъ»? Потому что офицеръ вмѣшался! Знать не знаетъ, что тотъ же «офицеръ» всегда обязанъ!.. Присягой, честью. Старая повадка, рабья. И всегда тычутъ — привиллегіи! Сколько исписали... Чуть что, вѣдь на колѣнкахъ будетъ ерзать, чтобы не дали въ морду. Въ 905 было, попритихли. Этотъ старикъ не рабъ. Крестъ на шеѣ, и крестомъ отмѣченъ, вѣрный русскій человѣкъ. Общество даетъ опору негодяямъ, не чтитъ закона, не понимаетъ власти и не умѣетъ властвовать. Гордый студень! А тоже — «не позволю». И еще лѣзутъ государствомъ управлять. Съ огнемъ играютъ, пораженцы!»

Пишущій съ толстовскимъ художественнымъ реализмомъ и исторической точностью Ив. Шмелевъ ни мало не сгущаетъ краски. Все это было и памятно... уцѣлѣвшимъ немногимъ кадровымъ офицерамъ Царской Арміи. Офицерамъ, послѣ 1905 г., постоянно приходилось быть «на чеку», на стражѣ, прежде всего — чести и достоинства своего воинскаго званія, своего мундира. Въ тѣ трудные дни самъ Драгоміровъ рекомендовалъ г. г. офицерамъ забыть о «страхѣ отвѣтственности», соблюдать полнѣйшую выдержку и имѣть... отточенную шашку. А къ чему приводили добросердечіе и непротивленіе — многихъ вразумилъ случай въ г. Радомѣ, когда революціонная толпа напала на дежурную роту 26 пѣх. Могилевскаго полка. Рота изготовилась къ стрѣльбѣ. Командиръ полка, полковникъ Булатовъ остановилъ роту:

— Не смѣть стрѣлять! Вы видите, что тутъ женщины и дѣти!

Вышелъ къ толпѣ самъ, безоружный и... былъ убитъ наповалъ мальчишкой — мастеровымъ...

На почвѣ растерянности власти, на мѣстахъ выросло такое явленіе, какъ организація тайныхъ офицерскихъ обществъ

— не для политическихъ цѣлей, а *для самозащиты*. Такія общества существовали въ нѣсколькихъ гарнизонахъ. Виленское общество, въ виду слуховъ о террористическихъ покушеніяхъ противъ военныхъ начальниковъ — взяло на учетъ извѣстныхъ въ городѣ революціонныхъ дѣятелей, предупредивъ ихъ негласно о готовящемся возмездіи. Въ Баку, общее собраніе офицеровъ постановило и распубликовало: «Въ случаѣ убійства хотя одного офицера или солдата гарнизона, прежде всего отвѣтятъ, кромѣ преступниковъ, руководители и агитаторы революціонныхъ организацій. Преступники пусть знаютъ, что отнынѣ ихъ будутъ ловить и убивать. Мы не остановимся ни передъ чѣмъ для возстановленія и поддержанія порядка». Армія мѣшала революціи и революціонерамъ нужно было ее разложить. Армія высмѣивалась не только въ печати, но и на театральной сценѣ, на сходкахъ, на засѣданіяхъ передовыхъ обществъ, земствъ, городовъ, въ гостиныхъ и салонахъ. Въ дни первой смуты 1905 г. юмористическіе журналы подвергали хулѣ военныхъ и ихъ понятія о долгѣ службы. Даже видные художники, какъ, напр., Сѣровъ, давали для революціонныхъ журналовъ злобныя каррикатуры на военную жизнь («Жупелъ» и т. п.). Адвокатская трибуна не разъ была использована для поношенія арміи г. г. адвокатами, даже въ военныхъ судахъ.

Офицерство тяжело переживало интеллигентскій походъ противъ него и арміи... Въ то-же время, даже въ такой газетѣ, какъ «Новое Время», циникъ и эпикуреецъ М. О. Меншиковъ, по поводу Высочайшаго рескрипта 1907 г. о прибавкѣ содержанія офицерамъ, писалъ: «Прибавка не вызывается потребностью. Военные люди должны довольствоваться лишь самымъ необходимымъ. Жизнь суровая, полная лишеній служитъ лучшею школой военнаго дѣла. Роскошь и героизмъ не совмѣстимы.» А П. Н. Красновъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» тогда-же писалъ, — оправдывая распоряженія о назначеніи воспитателей кадетскихъ корпусовъ исключительно изъ дворянъ: «Въ дворянинѣ-офицерѣ сидитъ больше смѣлости, больше рѣшимости, онъ меньше боится отвѣтственности. По самой природѣ своей, споконъ вѣковъ, дворянинъ — слуга Государя и Отечества. Въ немъ поэтому больше готовности служить не за страхъ, а за совѣстть»... Можно себѣ представить, какой откликъ находили такія откровенія среди рядового офицерства, на 75%, состоявшаго изъ «разночинцевъ» и на 90% не имѣвшаго иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ жалованья. (А. И. Деникинъ: «Старая армія»). Таковы были тогда «модныя», антивоенныя и болѣе всего — *противо-офицерскія* настроенія и выпады интеллигентской общественности — съ

конца Японской войны и до самаго начала войны 1914 года.

Если, какъ мы видѣли, въ спеціально-военныхъ изданіяхъ и *писатели — военные* столь развязно или неосмотрительно предавались чернильному словоблудію, за счетъ многострадальнаго офицерства, то что-же можно было ожидать отъ окончательно распоясавшейся съ осени 1904 года русской прессы, въ особенности-же отъ допущенныхъ растерявшимся правительствоимъ *легальныхъ* выпусковъ въ столицѣ преступнѣйшихъ, явно-революціонныхъ газетъ, издававшихся партіями соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократами большевиками и меньшевиками.

Вотъ перечень выходившихъ въ С.-Петербургѣ до кануна Великой Войны, послѣдовательно смѣняя одна другую, этихъ пропагандныхъ газетокъ, разсылавшихся по Россіи, съ вѣдома правительства — по льготному почтовому тарифу «для произведеній легальной печати»:

Органы большевиковъ Р. С.-Д. Р. П.:

«Правда», «Сѣверная Правда», «Рабочая Правда», «Правда Труда».

Органы меньшевиковъ Р. С.-Д. Р. П.:

«Лучъ», «Живая Жизнь», «Новая Рабочая Газета».

Органы соціалистовъ-революціонеровъ:

«Трудовой Голосъ», «Живая Мысль».

Эти «органы», по грошевой цѣнѣ, продавались открыто въ рабочихъ кварталахъ, въ портахъ и въ раіонахъ казармъ.

Въ напечатанной, въ кн. 40 «Краснаго Архива», «Памятной запискѣ о рабочихъ газетахъ» въ С.-Петербургѣ, составленной въ 1913 г. въ Главн. Управленіи по дѣламъ печати С. Е. Виссаріоновымъ (разстрѣлянъ большевиками въ 1919 году) — приводятся, напр., такія выдержки изъ статей, обрисовывающихъ отношеніе «рабочихъ газетъ» къ милитаризму вообще и къ нашему войску и воинской повинности въ частности:

Въ статьѣ «Вооруженный милитаризмъ» («Трудовой Голосъ», N 3) авторъ говоритъ: «Воинская повинность и такъ ежегодно выбираетъ изъ среды населенія самыхъ молодыхъ и здоровыхъ работниковъ. Слѣдовательно, все растущее усиленіе военной силы отзывается на трудовомъ народѣ только тяготами. И если эти тяготы въ мирное время можно перевести на рубли, то какъ оцѣнить потери трудового народа во время войны. Погибшихъ отцовъ и мужей, братьевъ и сыновей, поильцевъ и кормильцевъ не воскресить... Между тѣмъ трудовому народу вовсе и не нужно войско, не нужна и война... Трудовому народу нужна земля и воля. Но не между-

народнымъ кровопролитіемъ можно достигнуть этого. Война нужна и выгодна не работникамъ, а командующимъ классамъ, эксплоататорамъ трудового народа... Поэтому, въ интересахъ трудового народа бороться противъ войнъ»... Не менѣе рѣзка и другая статья, напечатанная въ томъ же «Трудовомъ Голосѣ» (N 10, статья «Изнанка милитаризма»): «Все больше и больше растетъ «налогъ крови», все больше и больше отнимается отъ населенія наиболѣе крѣпкихъ и здоровыхъ силъ, обреченныхъ на то, чтобы убивать лучшіе годы въ безсмысленной муштрѣ, а въ случаѣ войны быть пушечнымъ мясомъ... Весь гнетъ вооруженнаго міра... всей своей огромной тяжестью лежитъ на плечахъ трудового народа... Паны дерутся, у хлопцевъ чубы трещатъ, — говоритъ народная пословица... Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда, что «паны» сами не дерутся, а искусно заставляютъ «хлопцевъ» своей страны драться съ «хлопцами» чужой и наживаются на кровопролитіи». Статья заканчивается указаніемъ, что въ настоящее время возникновеніе войнъ между европейскими государствами затруднено тѣмъ, что «европейскій пролетаріатъ уже вышелъ изъ того состоянія, когда его безнаказанно можно было гнать, какъ стадо барановъ, и онъ сумѣетъ привлечь къ отвѣту тѣхъ, кто виновенъ въ его страданіяхъ».

Приведенныя выписки далеко не исчерпываютъ того преступнаго матеріала, который предлагаютъ рабочія газеты своимъ читателямъ; число ихъ безъ труда могло бы быть увеличено во много разъ. Самыя выписки въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ направленіе и тонъ этихъ газетъ и полное соотвѣтствіе ихъ съ программами нашихъ революціонныхъ партій.

Все это и подобное печаталось въ газетѣ «Трудовой Голосъ» (с.-р.) въ теченіе цѣлаго полугода, по іюль 1913 года — пока боровшееся лишь полумѣрами правительство удосужилось газету оштрафовать и закрыть.

Обезоруживая самого себя превратнымъ толкованіемъ, не по духу, а по буквѣ законовъ о печати послѣ 1905 года, правительство и вооруженные «положеніями объ охранѣ» градоначальники — попустительствовали печатанію въ газетахъ такихъ преступныхъ прокламацій, которыя до 1905 года съ большимъ рискомъ выпускали лишь подпольныя типографіи! Вѣдь за подобныя вышеприведенныя антимилитаристическія статьи и нынѣ, въ 1930 г., газеты сурово и безпощадно преслѣдуются во всѣхъ европейскихъ республикахъ, одинаково во Франціяи и въ Германіи! Впрочемъ инсинуаціи и вообще оскорбительный тонъ по адресу арміи проходятъ безнаказанно и въ Парижѣ, но лишь для такихъ обнаглѣвшихъ орга-

новъ демократической русской печати», какъ «П. Новости» и лишь въ отношенiи своей русской армiи... Вотъ въ какихъ условiяхъ доблестные наши г. г. офицеры совершали свой жертвенный подвигъ — до самаго предательства 1917 года служа несокрушимою опорою Императорской Армiи и воспитательнымъ примѣромъ для солдатъ и матросовъ — всюду и всегда.

Беззавѣтное подвижничество это продолжается и сейчасъ, здѣсь, за рубежомъ, несмотря на рѣдѣющiе ряды, на слабѣющiя моральныя и физическiя силы. Но есть и уже чувствуется наростанiе молодыхъ силъ — продолжателей самоотверженнаго подвига ихъ отцовъ и братьевъ.....

Это однако еще не все. Говоря о первенствующемъ значенiи нашего Всероссiйскаго христолюбиваго воинства и его офицеровъ — въ дѣлѣ огражденiя, укрѣпленiя и созиданiя русской государственности — необходимо отмѣтить эту величайшую историческую ложь о «безполитичности армiи», которую всячески и такъ упорно внѣдряли въ послушные имъ умы — наши россiйскiе идеологи «демократiи», стремящiеся еще и до сихъ поръ доказывать давно изжитое и по всему мiру жизнью уже опровергнутое утвержденiе политикановъ «довоенной Европы» о томъ, что *армiя — внѣ политики*.

Армiя — великая молчальница, армiя — безполитична, генералы и офицеры армiи — политикой не занимаются! Такъ эти политиканы псевдо-демократiи стремились повсюду обезвредить для себя, всегда въ сущности грозное для всѣхъ политическихъ авантюристовъ, значенiе *армiи*! И имъ довѣрчиво внимали, имъ вѣрили — чаще потому, что эти лже-истины изрекались съ ученыхъ кафедръ, обосновывались профессорами исторической лжи мнимо-научными «предпосылками», выводами и теорiями! Между тѣмъ, стоитъ только оглянуться на исторiю Европы за одно лишь послѣднее столѣтiе, а въ особенности — за послѣднее десятилѣтiе — чтобы убѣдиться въ совершенно обратномъ значенiи армiи и офицеровъ въ ходѣ политическихъ событiй и всѣхъ революцiй и контръ-революцiй до позднѣйшихъ южно-американскихъ и даже китайскихъ включительно!

Всюду и вездѣ рѣшающее влiянiе принадлежало именно армiямъ, нацiональному войску — и изъ историческихъ документовъ о революцiяхъ мы знаемъ теперь — съ какимъ страхомъ и трепетомъ вожди смуты всегда ожидали именно рѣшенiя своей судьбы — отъ вождей армiи, отъ генераловъ и часто — отъ самой массы рядового офицерства и солдатъ.

Сколько именъ генераловъ и офицеровъ сдѣлались популярными, историческими — вслѣдствiе неизбѣжнаго ихъ уча-

стія въ революціонныхъ событіяхъ Европы и Америки, начиная отъ Наполеона-Бонапарта, Лафайета, Галиффе и проч. Но съ еще большею ясностью *политическая роль* офицерства выступаетъ во всѣхъ историческихъ событіхъ, внутреннихъ переворотахъ, а долгое время и въ проявленіяхъ смуты въ самой Россіи. Кѣмъ, какъ не гвардейскими офицерами совершены были государственный переворотъ и тяжкое преступленіе 4 марта 1801 года? Кто были декабристы 1825 года и на кого они опирались? Съ чьей помощью, при ближайшемъ сотрудничествѣ кого, какъ не генераловъ и офицеровъ совершена была въ 1860-хъ годахъ «революція сверху» Императоромъ Александромъ II, именуемая эпохою «великихъ реформъ»? и т. д., и т. д. — до послѣдняго предательства 17 года, во главѣ котораго стоялъ высшій генералитетъ и военно- офицерская«интеллигенція» армейскихъ штабовъ, въ большинствѣ изъ «чернаго войска»... Но еще болѣе убѣдительные примѣры даетъ Европа послѣ-военная, начиная съ 1920 года: въ Италіи, въ Испаніи, въ Венгріи, въ Юго-Славіи, въ Германіи, въ Польшѣ и даже въ Турціи — всюду, начиная отъ «фашистовъ», предводимыхъ «окопнымъ офицеромъ Муссолини», до «полковниковъ» маршала Пилсудскаго — народныя массы получаютъ порядокъ,возстановленіе нормальныхъ условій экономической жизни и твердую власть — изъ рукъ офицеровъ своей національной арміи. «Не могу молчать»! — всюду раздается крикъ, такъ часто наболѣвшей души, представителей современныхъ европейскихъ армій — участниковъ Великой войны. И большинство народовъ съ благодарностью привѣтствуетъ это самоотверженное выступленіе своихъ офицеровъ, освобождающихъ истинную демократію народныхъ массъ отъ интеллигентскаго засилія мнимой «демократіи», отъ современнаго ига безотвѣтственныхъ (и часто безсовѣстныхъ) политикановъ, партійныхъ дѣльцовъ, тупыхъ доктринеровъ, карьеристовъ-парламентаріевъ.

Что-же такое въ сущности былъ въ самомъ своемъ началѣ «фашизмъ» — какъ не бурная, естественная реакція со стороны, возвратившихся къ домашнему очагу участниковъ міровой войны, искалѣченныхъ ея героевъ, защитниковъ родины? Это былъ ихъ протестъ, законная самозашита противъ политическаго и экономическаго засилія профессіональныхъ политикановъ, тыловыхъ парламентаріевъ — шкурниковъ и всѣхъ спекулироваваышихъ на войнѣ, безопасно отсиживавшихся въ тылу до побѣднаго ея окончанія, а потомъ вновь вздумавшихъ поставить армію въ положеніе «Великаго Нѣмого», при чемъ обнаглѣвшая соціалистическая чернь подвергала оскорбленіямъ и демобилизованныхъ фронтовиковъ.

«Мавръ сдѣлалъ свое дѣло — и можетъ уйти» — таково было и всюду отношеніе «гражданскаго» правительства парламентаріевъ къ арміи и къ ея вождямъ. Рѣшивъ своимъ вотумомъ случайнаго большинства начало войны, эти нѣсколько сотъ «депутатовъ» и «сенаторовъ» — обрекали милліоны лучшихъ людей своей страны на мучительныя лишенія и смерть. Такимъ-же голосованіемъ своей парламентской кучки они-же и закончили войну въ то время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ это признали выгоднымъ г. г. Вильсонъ, Ллойдъ-Джорджъ и Клемансо, не считаясь съ добывавшими побѣду своего кровью, представителями арміи и ея вождями... Но они забыли, что современная армія — это *вооруженный народъ*, а не средневѣковые наемники, «безполитично» служившіе своимъ нанимателямъ. И «Великій Нѣмой» заговорилъ ...сначала въ Италіи, въ Испаніи, въ Юго-Славіи — всюду, лишь болѣе или менѣе громко... и по своему въ каждой странѣ. Подаютъ голосъ, и все сильнѣе, — военные-патріоты, руководимые участниками войны и по ту сторону Рейна, ибо что-же такое эти пресловутые «гитлеровцы», какъ не нѣмецкіе фашисты, главная цѣль которыхъ, не столько сведеніе счетовъ съ сосѣдями Германіи, сколько, и болѣе всего — освобожденіе германскаго народа отъ закрѣпощенія его доктринерами-соціалистами и отъ кошмарной угрозы коммунизма?

Такъ «комфортабельно» проводившіе всю войну европейскіе парламентаріи, оставшіеся сами хотя и не «внѣ политики», но зато «внѣ смертельной опасности фронта» — исторически наивно расчитывали, и послѣ 4-хъ лѣтняго испытанія своего національнаго войска и народа ужасами современной войны —вновь обратить арміи въ слѣпое, безмолвное орудіе ихъ политиканства, въ аппаратъ своей призрачной власти парламентскаго большинства. И мы современники свидѣтели — какое разочарованіе постигло всѣхъ этихъ политикановъ международнаго образца: арміи почти всюду отказываются отъ навязанной имъ роли «Великаго Нѣмого», а въ многихъ странахъ уже сказали, или готовы сказать, свое властное слово, поддержанное и дѣломъ— для истиннаго блага своихъ согражданъ. Какъ въ фашистской Италіи прежніе политиканы-парламентаріи и мнимые «демократы» превратились въ жалкихъ шкурниковъ, трепещущихъ передъ судомъ народа въ лицѣ его арміи, такъ точно и въ другихъ странахъ охвачены тихимъ ужасомъ передъ своими «бывшими комбатантами» парламентаріи-шкурники. Вотъ что уже достаточно ярко выявилось во всей «послѣ-военной Европѣ». Только русская эмигрантская пресса замалчиваетъ это явленіе и продолжаетъ превозносить гражданскія добродѣтели «арміи внѣ политики».

Впрочемъ самое утвержденіе о «безполитичности арміи» у насъ въ Россіи было явной безсмыслицей для всѣхъ вѣрныхъ присягѣ русскихъ людей, обязанныхъ всеобщею воинской повинностью служить вѣрой и правдой Царю и Отечеству. Каждый, вступившій подъ Императорскія знамена, обязывался весьма опредѣленнымъ *политическимъ поведеніемъ* по отношенію къ Царю и Отечеству, защищая Ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Вѣрность природному Государю Своему и Его Наслѣднику до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія — эта запечатлѣнная страшною клятвою и кровью *отвѣтственность* — совсѣмъ не то, что *безотвѣтственное фактически* политическое поведеніе всѣхъ говоруновъ и теоретическихъ идеологовъ политиканства, «демократическихъ парламентаріевъ» — какъ тараканы трусливо и безнаказанно разсыпающихся послѣ каждаго неудачнаго для нихъ результата подсчета голосовъ случайнаго большинства.

Будущихъ историковъ не можетъ не поразить это общее явленіе «парламентарной жизни» до-военной Европы и не вызвать удивленія, какъ всѣ эти «образованные и умные» всевозможные европейскіе парламентскіе главари — не сумѣли своевременно осознать, что всѣ ихъ авантюры и международныя «комбинаціи» до военнаго кровопролитія включительно — все это имъ *даромъ не пройдетъ*. Настоящая, подлинная демократія — *народъ* всюду рано или поздно пойметъ эту недостойную, преступную игру его благополучіемъ, жизнями милліоновъ людей — и скажетъ господамъ политиканамъ: «руки прочь!» А сказать эти оздоровляющія, воскресающія каждую націю историческія слова — вездѣ призвана національная, истинно-народная вооруженная сила — *армія*, ведомая ни кѣмъ инымъ, какъ своими офицерами и прежде всего участниками Великой войны.

Все это, хотя и смутно, сознавали наши политиканы, дѣлавшіе смуту 1905 и 1917 годовъ. О томъ какъ (и не особенно хитро!) — пытались они еще въ 1906 году *переманить* на свою сторону именно ту «армію», которую сами-же обязывали «быть» внѣ политики» — свидѣтельствуетъ полемика на страницахъ московскаго лейбъ-органа кадетской партіи «Русскихъ Вѣдомостей».

Извѣстный нынѣ своею нелѣпо трагической судьбой, предсѣдательствовавшій тогда въ центральномъ комитетѣ К. Д. партіи земгорецъ, князь П. Д. Долгоруковъ въ длинной статьѣ писалъ, между прочимъ:

«...Пока правительство и народъ въ лицѣ его представителей представляютъ изъ себя какъ бы два враждебныхъ ла-

геря, пока правительство упорствуетъ и предпочитаетъ, вопреки ясно выраженной волѣ народа, слѣдовать совѣтамъ кучки людей *), пока не установилось полное соотвѣтствіе между властью законодательной и исполнительной, — до тѣхъ поръ нелзя ожидать умиротворенія Россіи, до тѣхъ поръ *нельзя ожидать и отъ войска* — сыновъ того-же русскаго народа — чтобы оно было вполнѣ безучастно въ этой убійственной расправѣ и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительства».

«Неосуществимы и безплодны поэтому пожеланія ...чтобы армія стояла внѣ политики и была безпартійной. Нельзя безнаказанно, въ теченіе многихъ лѣтъ противопоставлять солдата, сына народа, тому-же народу. Надо спѣшить, чтобы окончательное, но неизбѣжное при теперешней тактикѣ правительства (?) вовлеченіе арміи въ политику не принесло бы страшныя, неиспытанныя еще потрясенія и безъ того измученной странѣ...»

Такъ призывалъ «поспѣшить оторвать армію отъ правительства», пытался смутить ея офицеровъ и убѣдить ихъ измѣнить долгу присяги — членъ Государственной Думы, камергеръ князь Долгоруковъ, прямой потомокъ того князя Долгорукова-Крымскаго, который былъ однимъ изъ выдающихся полководцевъ — покорителемъ юга — Россіи и Крыма, созидателемъ русской государственности (Правда, политиканствующій его потомокъ — князь П. Д. Длгоруковъ воинской повинности не отбывалъ и военнаго мундира не носилъ, хотя былъ и первымъ въ Россіи земгорцемъ, облекшимся еще въ 1904 году въ земгусарскій мундиръ въ качествѣ завѣдующаго земскими санитарными отрядами въ Манчжуріи).

Но какъ противоположны оказываются взгляды, самая преданность русской государственности и отношеніе къ вѣрноподданнической присягѣ — у потомковъ россійскихъ вельможъ черезъ нѣсколько поколѣній.

Вотъ что отвѣтилъ князю П. Д. Долгорукову — внукъ декабриста, тогда подполковникъ ген.-штаба князь А. М. Волконскій, а во время Великой войны — генералъ, нашъ военный агентъ въ Римѣ, нынѣ принявшій католичество.

Князь Волконскій: «Изъ обоихъ лагерей зовутъ армію къ себѣ... Одни уже кричатъ о разгонѣ Думы, другіе призываютъ къ присягѣ.

И вотъ, *изъ оскорбляемыхъ, оклеветанныхъ рядовъ ея раздаются спокойные голоса: Оставьте насъ, намъ нѣтъ дѣла до вашихъ партій. Мѣняйте законы — это ваше дѣло. Мы-же, люди присяги и «сегодняшняго закона». Оставьте насъ!* Ибо,

*) Очевидно не московскихъ земгорцевъ и «освобожденцевъ», возглавляемыхъ Долгоруковымъ.

если мы разъ измѣнимъ присягѣ, то, конечно, никому изъ васъ вѣрны то-же не останемся. И тогда будетъ хаосъ, междуусобіе и кровь».

Эта достойная отповѣдь, конечно, тогда не вразумила московскаго прекраснодушнаго революціонера. Князь П. Долгоруковъ со своими партійными товарищами въ игрѣ въ революцію зарывались до того, что печатно, въ распространенной газетѣ обвиняли правительство, что исполненіемъ войсками ихъ присяги — «армію вовлекаютъ въ политику»! Но сами политиканы не оставили армію въ покоѣ и мы увидимъ, какъ еще до войны 1914 - 16 годовъ, другой болѣе ловкій политическій дѣятель постепенно создавалъ политическіе кружки изъ среды преимущественно столичныхъ и штабныхъ офицеровъ, а затѣмъ организовалъ и заговоръ — съ цѣлью дворцоваго переворота и низложенія Государя. Вотъ эту *политику* арміи революціонеры допускали, поощряли и преуспѣвали — благодаря содѣйствію и попустительству высшихъ генераловъ и ихъ штабовъ.

Къ прискорбію, къ несчастію нашему, безсознательно усвоенныя и наиболѣе настойчиво внушающіяся, какъ до революціи, такъ и въ эмиграціи, — широкимъ армейскимъ кругамъ положенія, что «Армія — Великій Нѣмой», равно о ея безполитичности, съ выводимымъ отсюда извѣстнымъ угашающимъ духъ вредоноснымъ «непредрѣшенчествомъ», — пустило свои корни настолько, что нужны еще извѣстныя усилія къ разъясненію нѣкоторымъ зарубежнымъ чинамъ Арміи того, что имъ давно и на всю жизнь разъяснено нашею воинскою присягой.

Весьма характерныя для переживаемаго нами историческаго момента объясненія по этому, столь важному для Воскресенія Россіи, вопросу мы находимъ въ письмѣ георгіевскаго кавалера, сто-процентнаго протезнаго инвалида, Гвардіи-полковника Скородумова, напечатанномъ въ N 104 «Царскаго Вѣстника»:

«Если Императорская Армія это военно-политическая партія, то въ такомъ случаѣ вся Старая Императорская Армія до революціи тоже представляла изъ себя военно-политическую партію.

Остается одно: или меня исключаютъ изъ О. В. С. только лишь за открытый призывъ къ Царю, то тогда естественно возникаетъ вопросъ — въ чьихъ-же рукахъ находится О. В. С.???

Въ Русской Арміи, какъ въ старой Императорской, такъ и въ Бѣлой (Добровольческой), никогда приказы въ газетахъ не печатались, а потому каждому понятно, что это сдѣлано съ намѣренной цѣлью въ печати опорочить мое имя. Способъ,

достойный уваженія, но въ будущемъ я предлагаю всѣмъ «издающимъ» подобные приказы для полноты картины въ заголовкѣ приказа писать: Всѣмъ! Всѣмъ! Всѣмъ! — тогда по крайней мѣрѣ и стиль будетъ выдержанъ.

Но, если вообще быть открытымъ монархистомъ считается недопустимымъ для члена Р. О.-В. С., то объ этомъ давно надо было опубликовать въ особомъ приказѣ; тогда по крайней мѣрѣ было бы ясно, что монархическія убѣжденія несовмѣстимы со званіемъ члена Р. О. В. С. и всѣ офицеры, исповѣдующіе монархическіе принципы не подъ сурдинку, будутъ знать, что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ рядахъ Р. О. В. С. недопустимо.

Что касается статьи подполковника Николаева въ N 2757 «Новаго Времени», то по началу статьи могу сказать, что это точный осколокъ съ замѣтокъ г. Даватца въ N 2746 «Новаго Времени», да это и понятно, такъ какъ оба бывшіе студенты дореволюціоннаго времени, какъ говорится, «коллеги», но если одинъ «коллега» лжетъ съ опредѣленной цѣлью, то другому, подписывающемуся подполковникомъ, не мѣшало-бы прежде всего писать правду. Никого я не зову черезъ голову начальниковъ въ новыя общества или организаціи, такъ какъ никто меня на это не уполномачивалъ, а я самъ вообще противъ всякихъ обществъ и союзовъ, такъ какъ безконечными криками другъ другу «ура» и «чашками чая» Россію спасти нельзя. Но если подполковникъ Николаевъ не понялъ, что читалъ, то я предлагаю ему еще разъ прочесть мою статью по раздѣленіямъ, тогда ему будетъ ясно, что я призываю откликнуться моихъ единомышленниковъ — и только. А если подполковникъ Николаевъ прочтетъ мою первую статью въ N 91 «Царскаго Вѣстника», то онъ увидитъ, что я прямо пишу, что предсѣдатель Р. О. В. С. генералъ Миллеръ долженъ перевести Армію по мостику, который проложилъ генералъ Кутеповъ между «Кирилловцами» и «Николаевцами», ибо иначе погубитъ все дѣло, начатое на Кубани. Это не есть призывъ къ расколу, а каждому мало мальски разбирающемуся въ печатномъ словѣ понятно, что это есть призывъ къ дѣйствительному и общему объединенію. Очень жаль, что подполковникъ Николаевъ такъ мало знаетъ Армію и такъ умаляетъ ея силу и такъ наивно-довѣрчиво относится къ воплю наболѣвшей души соціалиста Даватца. Я же скажу, что Армію, т. е. полковыя объединенія и I Армейскій корпусъ Добровольческой Арміи вы не расколете ничѣмъ, ибо это части, спаянныя кровью Великой и Гражданской войнъ. Но я, проведшій всю Великую и Гражданскую войны исключительно въ строю, имѣю моральное право указать моимъ соратникамъ на тотъ путь,

который я считаю естественнымъ, правильнымъ и неизбѣжнымъ.

Считать, что Армія это «Большой Нѣмой», котораго втягиваютъ въ политику, прозвище несимпатичное, неправильное и даже оскорбительное. Во время революціи Армія не можетъ быть внѣ политики; если она бѣлая въ отличіе отъ красной, то это уже и есть ея политическая окраска. Считать, что Армія внѣ политики, это значитъ обманывать себя и другихъ и смотрѣть на Армію, какъ на несознательное, ничего не понимающее стадо.

Эмиграція дѣлится на двѣ части: на бѣженцевъ, выѣхавшихъ за-границу, спасая свою жизнь отъ большевиковъ, и на политическихъ эмигрантовъ, т. е. людей, выѣхавшихъ заграницу съ винтовками въ рукахъ, до конца защищавшихъ свои убѣжденія, — это и есть Армія, а потому Армія — не бѣженцы, не шкурники, уѣхавшіе спасать свою шкуру, а сознательные борцы, возставшіе въ 1917 году и вступившіе въ открытую борьбу съ большевиками за свои убѣжденія — не пожелали быть «Великимъ Нѣмымъ» и служить III интернаціоналу. «Большой Нѣмой» это тѣ, кто остался служить большевикамъ, ибо они внѣ политики и имъ все равно за кѣмъ идти, кому служить.

Если подполковникъ Николаевъ считаетъ себя «Большимъ Нѣмымъ», т. е. согласенъ идти за кѣмъ угодно, то это его частное дѣло. Но мы, выѣхавшіе за-границу съ винтовками въ рукахъ, мы, сознательные политическіе эмигранты, желаемъ знать — кто насъ ведетъ, и куда насъ ведутъ?

Ссылаться все время на завѣты непредрѣшенчества — старо и изжито. Что было хорошо въ 1923 году, то совершенно негодно въ 1930 году.

Непредрѣшенство вообще это лозунгъ, брошенный лѣвыми политиками, а очень можетъ быть и большевиками, дабы эмиграція сидѣла спокойно, ждала и не рипалась пока большевики будутъ расправляться съ Россіей.

1917-й годъ это темный годъ въ исторіи русскаго народа, ибо не нашлось ни одного человѣка, который бы вступился за своего Царя. Всѣ растерялись, кто плакалъ, кто спрятался, а болѣе услужливые сразу же пошли служить Временному Правительству и Совѣту рабочихъ депутатовъ. И не за страхъ, а за совѣсть стали искоренять контръ-революцію: исключать, выгонять и арестовывать офицеровъ, оставшихся вѣрными Царю.

Въ 1918 году Революціоннымъ трибуналомъ я былъ приговоренъ въ Пятигорскѣ къ смертной казни за то, что я гвардеецъ и царскій опричникъ».

Всею душей, всѣмъ сердцемъ протестуетъ этотъ герой минувшей войны противъ такъ грубо и искусственно навязываемыхъ боевымъ царскимъ офицеромъ ложныхъ и вредныхъ понятій — «безполитичности Арміи» и мы приводимъ выдержки изъ его письма, какъ историческій документъ, не только характеризующій моменты «безвременья», переживаемые нашею эмиграціею, но освѣщающій и прошлое Императорской арміи — въ эпоху русской смуты. Авторъ этого письма — живое свидѣтельство о томъ, какимъ было большинство сознательно-относившихся къ присягѣ г. г. офицеровъ и какими они остались до конца дней своихъ — здѣсь, на чужбинѣ. Строевые офицеры Царской Арміи не измышляли, не допускали *никакихъ компромисныхъ толкованій* присяги своей на вѣрность службы Его Императорскому Величеству... «по стольку — по скольку», не различали они значенія этой священной клятвы «по духу или по смыслу», а исполняли ее всегда, «не мудрствуя лукаво», памятуя, что русскаго солдата и офицера *освободить отъ нея можетъ только смерть.*

Императорскій Русскій Флотъ.

«Аще бы ничтоже было прочее, единъ *Флотъ* былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества».

(Феофанъ Прокоповичъ: Слово о Петрѣ Великомъ. 1725).

Подвиги русскаго сухопутнаго воинства тѣсно связаны съ боевой службой славнаго Императорскаго Россійскаго Флота.

Два вѣка назадъ, Великій Преобразователь Россіи, выводя ее своей желѣзной рукой на широкій путь, — создалъ и флотъ. Одновременно съ первыми регулярными «потѣшными» полками, въ томъ же Подмосковномъ селѣ Измайловѣ и на озерѣ Переяславскомъ — возникъ и «потѣшный» флотъ.

А потомъ уже строились въ Воронежѣ, въ Архангельскѣ, на берегахъ Невы и одинъ за другимъ входили въ строй крѣпкіе корабли — первенцы русскаго могущества.

Въ 1693 году 8 августа Петръ I съ тремя судами вышелъ въ Бѣлое море у Святого Носа и впервые увидѣлъ океанъ.

Въ 1702 году 27 августа шведская эскадра Ладожскаго озера изъ восьми судовъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Нумиресса была атакована пятью нашими кораблями. Шведы, потерявъ пять кораблей, ушли изъ Ладожскаго озера. Первая морская побѣ-

да Петра I-го надъ шведами, у Ніеншанца въ устьяхъ Невы, была 3-го мая 1703 года.

Ровно 227 лѣтъ тому назадъ 29 августа 1703 года въ Солонецкой верфи у Лодейнаго поля на рѣкѣ Свири спущенъ 28-пушечный корабль «Штандартъ» первый корабль на Балтійскомъ морѣ.

А въ 1714 году 27 іюля, молодой флотъ уже разбилъ, опытныхъ въ морскомъ искусствѣ, шведовъ и стяжалъ своему вѣнценосному Вождю и себѣ безсмертные лавры Гангэуда.

5-го августа 1716 года, въ проливѣ Зундъ у острова Борнгольмъ собрались эскадры четырехъ флотовъ: русскаго (22 вымпела), англійскаго, голландскаго и датскаго. Желая оказать вниманіе молодому русскому флоту и признать его равноцѣннымъ, иностранные адмиралы предоставили Петру Великому общее командованіе. Ровно въ полдень Петръ поднялъ на кораблѣ «Ингерманландъ» свой штандартъ, которому былъ произведенъ салютъ со всѣхъ кораблей. Въ память этого знаменательнаго событія Петръ приказалъ выбить медали съ надписью: «Владычествуетъ надъ четырьмя при Борнгольмѣ»...

Къ концу царствованія Великаго Петра во флотѣ было 48 кораблей и до 1000 другихъ судовъ.

Подъ ихъ покровительствомъ появились русскіе торговые корабли и плавали въ иностранныя гавани, а въ 1724 году къ С.-Петербургу пришло уже 240 чужеземныхъ коммерческихъ судовъ...

Молодому Россійскому Императорскому флоту не страшенъ оказался, и появившійся было въ Балтійскомъ морѣ, англійскій флотъ.

На глазахъ англичанъ петровскіе корабли высаживали десантъ на шведскихъ берегахъ...

Окончательный ударъ Швеціи былъ нанесенъ при помощи флота, и 30 августа 1721 года побѣдоносно закончена нами 20-ти лѣтняя «Великая сѣверная война».

Въ финляндскомъ городкѣ Ништадтѣ Швеція подписала мирный договоръ, по которому навсегда отдала Россіи: Лифляндію съ городомъ Ригой, Эстляндію, Ингрію (С.-Петербургскую губернію) и городъ Выборгъ...

Созданному, Его державной волей, флоту Великій Петръ пожаловалъ Андреевскій флагъ, который долженъ былъ служить эмблемою морского величія Россіи, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменемъ корабля...

Ширилась и крѣпла Россія, — росъ и развивался ея флотъ.

Въ его исторіи прошла славная плеяда флотоводцевъ и никогда въ русской памяти не изгладятся имена: Апраксина, Грейга (побѣда надъ шведскимъ флотомъ у острова Гогланда), Чичагова, Спиридова, Ушакова (побѣда надъ турецкимъ флотомъ

у Калакріи 31 іюля 1791 года), Лазарева, Корнилова, Нахимова, Великаго Князя Константина Николаевича, Бутакова, Макарова, Эссена, Эбергарда, Колчака и много другихъ адмираловъ морскихъ вождей.

Много побѣдъ было одержано ими и не разъ — въ дыму и огнѣ, подъ грохотъ орудій, свистъ ядеръ и разрывы — снарядовъ и минъ — Андреевскій флагъ гордо развивался на мачтахъ, напоминая завѣты Великаго основателя флота.

Гангудъ, Гогландъ, Ревель, Чесма, Калакрія, Корфу, Тенедосъ, Афонъ, Наваринъ, Синопъ — какія это блестящія, красивыя страницы!

Нельзя счесть всѣхъ подвиговъ, свершенныхъ русскимъ флотомъ, которыми онъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ ряду флотовъ другихъ державъ: бригъ Меркурій, корабли — Азовъ, Императрица Марія, Парижъ, пароходъ Владиміръ, катера на Дунаѣ, крейсеръ Новикъ, миноносцы — Стерегущій, Страшный ,Буйный и Громкій, крейсеръ Рюрикъ, броненосцы — Суворовъ, Бородино, Императоръ Александръ III, Адмиралъ Ушаковъ [1]), крейсера — Дмитрій Донской, Варягъ, Свѣтлана, и наконецъ, уже въ послѣднюю войну кононерскія лодки «Сивучъ» и «Храбрый», «Новикъ», подводныя лодки и еще цѣлый рядъ другихъ примѣровъ героизма хранить русская морская лѣтопись... Но и многихъ трагическихъ моментовъ самоотверженнаго исполненія долга былъ свидетелемъ Андреевскій флагъ.

18-го ноября по ст. ст. праздникъ русскаго флота. Годовщина Синопской побѣды. Этотъ день особенно торжественно справлялъ Севастополь.

Въ 8 час. утра подъемъ флага съ церемоніей. Флотъ расцвѣченъ флагами. Идутъ молебствія. Торжественное богослуженіе во Владимірскомъ соборѣ — усыпальницѣ адмираловъ. Въ полдень салютъ. «Синопскій» обѣдъ въ большомъ залѣ собранія. Лекціи, всевозможныя развлеченія, игры, кинематографы для командъ. Народное гулянье въ Киленъ-балкѣ. Вечеромъ балъ. Собраніе въ огняхъ... Моряки вспоминаютъ Синопъ:

«Въ свѣтѣ ночи четыре высокихъ тѣни движутся по вздымающимся волнамъ. Слабо мерцаетъ огонекъ. Онъ то исчезаетъ въ пучинѣ, то виднѣется надъ самой головой... Это — русскіе корабли: «Императрица Марія», «Чесма», «Ростиславъ», и «бригъ «Эней».

Вице-адмиралъ Нахимовъ ведетъ въ бой свои четыре корабля...

75 лѣтъ тому назадъ, англо-французская эскадра появилась у входа въ Дарданеллы, 4-го октября 1853 года Турція объяви-

---

[1]) Нельсонъ съ англійскими моряками во главѣ, отдали должное таланту Ушакова и доблести его эскадры.

ла войну Россіи. 1-го ноября въ Севастополѣ полученъ былъ манифестъ о началѣ боевыхъ операцій.

II-го ноября, крейсировавшая у непріятельскихъ береговъ, эскадра адмирала Нахимова обнаружила въ Синопской бухтѣ турецкій флотъ въ 12 вымпеловъ, стоявшій на якорѣ, подъ защитой шести крѣпостныхъ батарей.

Зная, что цѣль сосредоточенія этого флота — переброска на Кавказъ золота и оружія для подкупа и поднятія его противъ Россіи — Нахимовъ рѣшилъ уничтожить врага...

12-го ноября, на разсвѣтѣ, онъ отдѣляетъ отъ себя «Энея» и шлетъ его въ Севастополь съ донесеніемъ къ князю Меньшикову, приказавъ «Энею» по пути приблизиться къ мысу Кефкенъ и прислать, взамѣнъ себя, крейсировавшій тамъ фрегатъ «Кагулъ».

На всѣхъ парусахъ понесся «Эней»...

Князь Меньшиковъ, получивъ донесеніе Нахимова, немедленно распорядился выслать ему подкрѣпленіе изъ трехъ кораблей эскадры контръ-адмирала Новосильскаго и двухъ фрегатовъ.

17-го ноября подкрѣпленіе подошло. Въ тотъ же день на флагманскомъ кораблѣ Нахимова «Императрица Марія» былъ собранъ совѣтъ флагмановъ и капитановъ. Нахимовъ объявилъ собранію свое рѣшеніе на завтра атаковать врага.

Вечеромъ по кораблямъ былъ разосланъ его знаменитый приказъ отъ 17-го ноября 1853 года за N 157:

«Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ въ числѣ семи фрегатовъ, двухъ корветовъ, двухъ пароходовъ, одного шлюпа и двухъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ и прошу командировъ стать по одной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее»... (идетъ подробное разъясненіе плана атаки).

...«Въ заключеніе выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ могутъ затруднить командировъ, знающихъ свое дѣло, и поэтому я предоставляю каждому, совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнять свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота. Отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія».

Наступила мрачная, бурная и дождливая ночь. Послѣдняя передъ боемъ ночь. Ревѣлъ и жалобно стоналъ въ снастяхъ порывистый вѣтеръ. Никто не спалъ. Всѣ мысленно готовились къ бою. Еще съ вечера команда переодѣлась въ чистое бѣлье...

Уныло и медленно пробивалась блѣдная заря. Забрезжилъ

холодный день Низко несутся свинцовыя тучи. По прежнему ревётъ вѣтеръ. Волны бьютъ о корабли.

9-ть утра. Стало, наконецъ, свѣтло. Немедленно, по сигналу адмирала, эскадра спустила гребныя суда, приспособивъ ихъ для сохраненія въ бою у противоположнаго непріятелю борта...

9 час. 30 мин. 18-го ноября, т. е. черезъ 57 дней послѣ объявленія войны съ Турціей, на «Императрицѣ Маріи» взвивается сигналъ: «приготовиться къ бою. слѣдовать за мной на Синопскій рейдъ».

Священникъ съ крестомъ и святыми дарами обходитъ палубы, благословляя колѣнопреклоненныхъ людей...

Гонимая попутнымъ вѣтромъ эскадра на всѣхъ парусахъ, въ строѣ кильватерной колонны, несется къ Синопу. На брамъстенгахъ — Андреевскіе флаги...

Новый сигналъ «Построиться въ боевой порядокъ».

Со спускомъ его эскадра выполняетъ эволюцію и перестраивается въ двѣ кильватерныя колонны.

Первая, навѣтренная: «Императрица Марія» (флагъ начальника эскадры, вице-адмирала Нахимова), «Великій Князь Константинъ» и «Чесма».

Вторая, подвѣтренная: «Парижъ» (флагъ младшаго флагмана, контръ-адмирала Новосильскаго), «Три Святителя» и «Ростиславъ».

Фрегатамъ «Кагулъ» и «Кулевча» приказано на рейдъ не входитъ, а оставаться, подъ парусами у входа на случай, если кто изъ вражескихъ кораблей броситься на утекъ.

Около полудня эскадра подошла къ бухтѣ. Врагъ близокъ. Онъ отчетливо виденъ. Сейчасъ, сію минуту начнется бой. Тяжелый бой, вдали отъ родныхъ береговъ, въ штормовую погоду. Всѣ взоры устремлены на «Марію». На мостикѣ — знакомая, высокая, нѣсколько сутуловатая фигура адмирала въ эполетахъ, съ неразлучной подзорной трубой. Всѣ напряженно ждутъ сигнала начать бой.

Эскадра входитъ въ бухту.

На «Маріи» дрогнули фалы. Взвивается флажокъ.

Сигналъ.

Вѣрный морскому обычаю мирнаго времени, адмиралъ показываетъ «полдень». Провѣрка часовъ. На корабляхъ забили восемь склянокъ — двѣнадцать часовъ.

Часы провѣрены.

Эскадра движется въ грозномъ молчаніи...

На флагманскомъ турецкомъораблѣ «Aum Allah» въ 12 час. 30 мин. сверкнула молнія. Грянулъ первый выстрѣлъ. Непріятельскій флотъ и береговыя батареи окутались пороховымъ ды-

момъ... Русская эскадра еще молчитъ. Ждетъ первой пушки своего адмирала.

Онъ храбро направляется къ самому центру турецкой боевой линіи.

Блеснулъ огонь на «Маріи». Загрохотала эскадра.

Начался бой — Синопскій бой...

«Марія» засыпана ядрами, книпелями и картечью. Рангоутъ и такелажъ перебиты. Сломаны фокъ и бизань мачты. Весь бортъ въпробоинахъ и въ дыму пожара.

Но корабль все идетъ впередъ, поражая врага убійственнымъ батальнымъ огнемъ.

Онъ отдаетъ якорь передъ флагманскимъ турецкимъ кораблемъ. «Марія» дерется съ нимъ и съ береговой батареей N 6-ой.

Окутанный порховымъ дымомъ, «Великій Князь Константинъ», принявъ скулой градъ ядеръ и книпелей, сталъ на якорь, слѣдомъ за «Маріей».

«Парижъ», идя рядомъ съ «Маріей», отдалъ якорь по диспозиціи, открывъ страшный огонь по «Nubi Sefiol», «Damid», батареѣ N 5-й. Въ 1 часъ 05 мин. онъ взорвалъ перваго, выбросилъ на берегъ второго. Открылъ огонь по фрегату «Nizamich». Въ 2 часа по полудни фрегатъ, со сбитыми мачтами, загорѣлся. Тогда «Парижъ» направилъ огонь на батарею N 5-й и срылъ ее.

Видя, въ разгарѣ боя, столь блестящія дѣйствія «Парижа», Нахимовъ приказалъ поднять ему сигналъ съ изъявленіемъ своего удовольствія. Сигнальщики не могли исполнить этотъ приказъ, такъ какъ всѣ фалы на «Маріи» были перебиты.

Бой кипѣлъ. Гулъ тысячи орудій сотрясалъ воздухъ. Дымъ отъ пороха и пожарищъ застилалъ бухту и берегъ...

Флагманскій корабль врага, не выдержавъ болѣе огня «Маріи», отклепалъ канатъ и выбросился на берегъ. Одинъ за другимъ взлетали на воздухъ, гибли и выбрасывались на берегъ турецкіе корабли. Пароходъ «Taif» бросился на утекъ. Фрегаты «Кагулъ» и «Кулевча» погнались за нимъ, но пароходъ сталъ безпрестанно мѣнять курсы, то останавливая машины, то давая ходъ. Подъ парусами трудно было его схватить. Получивъ рядъ залповъ, «Taif» бѣжалъ въ Константинополь, неся несчастную вѣсть о плачевномъ, для турокъ, исходѣ сраженія.

«Ипература Марія» находясь подъ сильнымъ огнемъ береговой батареи, сосредоточила всѣ свои усилія для потопленія фрегата «Фазли Аллахъ». Это былъ тотъ самый русскій фрегатъ «Рафаилъ», единственный за всѣ войны съ турками, который въ 1829 году безъ боя сдался имъ и былъ ими названъ «Фазли Аллахъ», что значитъ «Богомъ данный». Его командиръ капитанъ-лейтинантъ Стройниковъ, вернувшись изъ плѣна, былъ

разжалованъ въ матросы и скоро умеръ съ горя. Нахимовъ помня поѣвелѣніе Императора Николая Перваго при первой возможности отобрать этотъ фрегатъ у турокъ и сжечь его, какъ недостойный болѣе состоять въ Черноморскомъ флотѣ и носить русскій флагъ, приказалъ громить его, пока онъ не будетъ уничтоженъ. Дѣйствительно, на немъ вскорѣ вспыхнулъ пожаръ и онъ выбросился на берегъ и сгорѣлъ до тла...

Къ 4 часамъ по полудни турецкій флотъ былъ уничтоженъ. Всѣ батареи срыты. Выбросившіеся на берегъ остатки были въ самомъ бѣдственномъ состояніи.

Вспыхнуло и прокатилось по заливу могучее, побѣдное ура...

Въ числѣ плѣнныхъ оказался раненый начальникъ турецкой эскадры вице-адмиралъ Османъ-паша. Онъ вручилъ свою саблю, П. С. Нахимову который носилъ ее до самой своей смерти на Севастопольскомъ Бастіонѣ. Взяты были въ плѣнъ и командиры фрегатовъ «Fasli Allah» и «Feise Meabvud».

Къ концу боя подоспѣли наши пароходы «Одесса», «Крымъ» и «Херсонесъ» подъ флагомъ генералъ-адъютанта Корнилова.

19-го ноября, утромъ, на всѣхъ судахъ были отслужены благодарственные молебны, а послѣ — панихиды по убитымъ въ бою и похороны ихъ, тутъ же, въ морѣ.

Князь Меньшиковъ донесъ Императору Николаю:

«Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества исполнено Черноморскимъ флотомъ блестящимъ образомъ. Первая турецкая эскадра, которая рѣшила войти въ бой, 18-го числа ноября истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій оной турецкій адмиралъ Османъ-паша взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь».

22-го ноября во второмъ часу по полудни наша побѣдоносная эскадра вошла на Севостопольскій рейдъ.

Эта побѣда возбудила всенародный энтузіазмъ. Имя Нахимова стало извѣстнымъ каждому русскому человѣку. Отъ Государя Нахимовъ получилъ рескриптъ, кончавшійся словами: «Статутъ военнаго ордена Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинной радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ Святого Георгія большого креста.» (Стр. 3, 9, 10, и 11 морск. сборн.).

18-го ноября (1-го декабря) 1898 года, тридцать два года тому назадъ, благодарное Отечество воздвигло въ Севастополѣ памятнпкъ своему національному герою. Герой Наварина, Синопа и Севастополя въ одиночествѣ будетъ стоять среди пустующей площади, передъ пустыннымъ рейдомъ, на которомъ не вьется болѣе родной Андреевскій флагъ...

Но и многихъ трагическихъ моментовъ самоотверженнаго исполненія долга былъ свидѣтелемъ Андреевскій флагъ.

Черноморскій флотъ, затопленный своими-же руками въ Севастополѣ въ 1854 году [1]), чтобы преградить путь врагу и усилить ряды славныхъ защитниковъ — Севастополя, I-ая Тихоокеанская эскадра, нашедшая себѣ могилу 10 іюня при защитѣ Портъ-Артура въ 1905 году, II-ая Тихоокеанская эскадра, погибшая у острова Цусимы въ водахъ рокового Корейскаго пролива 14-го мая 1905 года.

Но всегда, послѣ тяжкихъ испытаній флота, наступалъ періодъ возрожденія его духовной и матеріальной мощи. Флотъ какъ бы воскресалъ къ новой жизни, чтобы съ лихвой наверстать то, что было утрачено.

Послѣ Цусимской трагедіи, 14-го мая 1905 года нашъ флотъ сумѣлъ быстро шагнуть по пути своего возрожденія и развитія... Когда же грянула война и Петрограду, казалось, угрожала большая опасность, всѣ взоры обратились къ Флоту. Въ одинъ день созданное флотомъ, при входѣ въ Финскій заливъ, минное поле въ 3.000 минъ, заградило германскому флоту путь къ Петрограду до конца войны. Три года онъ съ честью защищалъ отъ вторженія врага родныя воды и берега и былъ всегда готовъ выйти ему навстрѣчу, чтобы отразить его натискъ.

Въ концѣ апрѣля 1915 года, благодаря дѣйствіямъ нашего Черноморскаго флота ,Турція была на краю угольнаго кризиса. За одинъ этотъ мѣсяцъ было потоплено 12 пароходовъ съ углемъ и уничтожено нѣсколько сотъ парусниковъ.

Германскій адмиралъ Сюшонъ, командовавшій германо-турецкимъ флотомъ, выработалъ планъ одновременной доставки большой партіи угля изъ Зунгулдака въ Константинополь. Эта операція, боевого значенія, должна была быть выполненной подъ прикрытіемъ флота. Рядъ такихъ перебросокъ могли спасти страну отъ угольнаго голода.

Но съ такими операціями нужно было спѣшить, пока на Черномъ морѣ не было еще русскихъ дредноутовъ. Нѣмцы прекрасно знали, что нашъ первый дредноутъ «Императрица Марія» заканчивался постройкой и готовился вступить въ строй.

Въ крейсерствѣ у Анатолійскихъ береговъ находились два нашихъ эскадренныхъ миноносца «Гнѣвный» и «Дерзкій», подъ общей командой капитана 2-го ранга Черкасова.

Миноносцы 21-го апрѣля подошли къ Зунгулдаку и ...обнаружили транспорты.

Черкасовъ немедленно послалъ командующему флотомъ телеграмму: «Въ Зунгулдакѣ сосредоточены пять транспортовъ,

*) Оборона Севастополя 5-го октября 1854 года — 27-го августа 1855 года.

груженныхъ углемъ. Батареи не позволяютъ подойти для ихъ уничтоженія. Топливо на исходѣ. Въ ожиданіи смѣны, блокирую Зунгулдакъ.»

Командующій флотомъ вызвалъ къ себѣ кн. Трубецкого и поручилъ ему уничтожить транспортъ.

Князь Трубецкой приказываетъ Черкасову:

«Сегодня передъ наступленіемъ темноты снимите блокаду, ясно показавъ непріятелю, что вы уходите, и возвращайтесь въ Севастополь. Выхожу къ Босфору съ «Пронзительнымъ» и «Быстрымъ».

23-го, съ разсвѣтомъ, «Пронзительный» и «Быстрый» подошли къ непріятельскому берегу и легли на мысъ Кефкенъ, чтобы отвлечь вниманіе флота готовящейся переброски угля и для прикрытія ея, на случай появленія нашихъ главныхъ силъ. «Гебенъ» подъ флагомъ командующаго германо-турецкимъ флотомъ контръ-адмирала Сюшона, вышелъ въ море, взявъ курсъ на Севастополь.

Пока нѣмцами подготовлялась эта угольная операція, между командующими русскимъ флотомъ и союзнымъ флотомъ въ Дарданеллахъ, англійскимъ адмираломъ де-Робекъ, шли оживленныяе переговоры о дальнѣйшей поддержкѣ русскимъ флотомъ дарданелльскихъ операцій. Англичане желали, чтобы мы усилили эффективность своихъ предыдущихъ бомбардировокъ Босфора включеніемъ въ составъ старыхъ кораблей, бомбардирующихъ Босфоръ, — одного корабля изъ основного ядра эскадры, съ большей дальностью огня, того самаго изъ трехъ кораблей до дредноутнаго типа «Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ» и «Пантелеймонъ», исключительной задачей котораго было прикрывать операціи, на случай появленія «Гебена». Только это ядро въ цѣломъ могло состязаться съ дредноутомъ.

Не говоря уже о томъ, что подобное требованіе раздѣленія силъ у самой базы врага (посылка одного изъ трехъ къ Босфору) противорѣчило основному принципу морской тактики — сосредоточенію силъ, адмиралъ Эбергардъ вообще скептически относился къ операціямъ бомбардировокъ босфорскихъ укрѣпленій, разъ цѣлью ихъ ставилось исключительно моральное давленіе на врага. Командующій флотомъ прекрасно сознавалъ, что подобными эффектами нѣмцевъ не прошибешь. Онъ не считалъ нужнымъ ради такой безсмыслицы, какъ голый обстрѣлъ Буюкъ-Дере, рисковать ослабленіемъ своего основного ядра.

Позднѣйшее доказало, что старикъ былъ правъ.

Но англійское командованіе настаивало на своемъ. Давило на ставку...

Де-Робекъ послалъ въ ставку слѣдующую телеграмму:

«Русскій Черноморскій флотъ можетъ и долженъ поддержать наши атаки бомбардировкой Босфора»...

Этой телеграммой въ ставку де-Робекъ показалъ, какъ англичане настаивали на своемъ...

Было пять часовъ по полудни, когда на горизонтѣ, со стороны Зунгулдака, показался большой клубъ дыма.

Трубецкой съ миноносцами «Пронзительнымъ» и «Быстрымъ» бросились на дымъ...

Изъ-за горизонта, въ дыму, показался лѣсъ мачтъ. Врагъ шелъ тремя колоннами. Самую мористую составлялъ конвой изъ крейсера и двухъ контръ-миноносцевъ. Ближе къ берегу, въ двухъ колоннахъ, шли транспорты.

Вскорѣ выяснилось, что головнымъ конвоемъ былъ броне-палубный крейсеръ «Гамидіе». Вооруженіе его состояло изъ двухъ 6 дюйм. и восьми 120 м.м. орудій противъ трехъ 100 м.м. пушекъ на каждомъ русскомъ миноносцѣ.

Люди бросились по мѣстамъ. На мачтахъ взвились Андреевскіе флаги.

Началась взаимная пристрѣлка.

Мѣткій огонь нашихъ комендоровъ разилъ врага. Залпы за залпами давали накрытіе. Наши 100 м.м. пушки стальнымъ градомъ осыпали его. Ясно виднѣлось пламя разрывовъ, на «Гамидіе» занялся пожаръ. Удачное попаданіе вывело изъ его строя носовую шестидюймовку. Непріятельскій огонь сдѣлался безпорядочнымъ.

Крейсеръ сталъ безпрестанно мѣнять курсы, стремясь уклониться отъ попаданій. Его радіо-станція взывала о помощи, безпрерывно давая позывные «Гебена». Усиливавшійся звукъ станціи послѣдняго, ясно говорилъ, что «Гебенъ» полнымъ ходомъ спѣшитъ на выручку...

Уже надломленный боемъ съ миноносцами «Гамидіе» не выдержалъ, прекратилъ огонь и быстро вышелъ изъ сферы боя.

Для транспортовъ наступила минута развязки.

«Гебенъ» опоздалъ... Онъ уже никого не нашелъ на томъ мѣстѣ ,куда звалъ его «Гамидіе»...

Угольщики... покоились на днѣ морскомъ... Наши неслись къ Севастополю...

Восхищенію союзнаго флота не было границъ... Его главнокомандующій телеграфно поздравилъ нашего командующаго. Англійскій король пожаловалъ князю Трубецкому и ст.-лейтенанту Вилькену орденъ Бани. Государь наградилъ обоихъ георгіевскими крестами.

26-го апрѣля эскадра, въ составѣ линейныхъ кораблей «Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ», «Три Святителя», крейсеровъ «Память Меркурія» и «Кагулъ», гидро-крейсе-

ровъ «Александръ I» и «Николай I», перваго и второго дивизіоновъ эскадренныхъ миноносцевъ и тралящаго каравана, подъ флагомъ командующаго флотомъ адмирала Эбергарда, вышла въ море.

На разсвѣтѣ, въ 5 час. утра, флотъ подошелъ къ Босфору.

Послѣ тщетныхъ розысковъ погибшихъ транспортовъ, убѣдившись въ полномъ провалѣ угольной операціи, «Гебенъ» возвращался домой, когда, вдругъ, наткнулся на развѣдчика крейсера «Меркурія».

Погнавшись за нимъ, онъ увидѣлъ на горизонтѣ «Евстафія» и «Іоанна Златоуста». На послѣднихъ пробили боевую тревогу. На мачтахъ взвились Андреевскіе флаги.

Евстафьевскій батюшка, какъ и въ прошлый разъ, въ первомъ бою съ «Гебеномъ», облачился въ пасхальныя ризы... Всѣ помнили ,какъ онъ мужественно, въ разгарѣ боя, въ дыму пожара, стоя въ царскихъ вратахъ со святыми дарами въ рукахъ, напутствовалъ тянувшихся къ нему израненых, умиравшихъ людей...

Много тогда было раненыхъ, много убитыхъ...

Увидѣвъ грозящую двумъ нашимъ кораблямъ опасность, лихой и отважный капитанъ «Пантелеймона», капитанъ 1-го ранга Каськовъ, бросивъ медленно шедшій передъ нимъ тралящій караванъ, самостоятельно пошелъ на выручку ко вражескому загражденію...

Было ровно 7 час. 58 мин. утра, когда вспыхнулъ огонь на «Евстафіи» и по морю загудѣлъ первый 12-ти дюймовый выстрѣлъ пристрѣлки.

На мостикѣ «Евстафія» — командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ, начальникъ штаба, контръ-адмиралъ Плансонъ, флагъ капитанъ оперативной части, капитанъ 1-го ранга Кетлинскій, командиръ, капитанъ 1-го ранга, Голанинъ и др.

Разомъ загрохоталъ бѣглый огонь всѣхъ башенныхъ орудій.

Первый залпъ «Гебена» легъ впереди «Евстафія» по его курсу. Врагъ ошибся по цѣлику, почему и второй залпъ далъ недолетъ. Между тѣмъ, наши залпы одинъ за другимъ давали накрытія. Ясно виднѣлись разрывы 12-ти дюймовыхъ чудовищъ.

Залпъ «Гебена» наконецъ далъ полное накрытіе. Но... ни одного попаданія. Онъ разорвался кругомъ корабля. Далъ тысячу осколковъ. Одинъ снарядъ взорвался у самаго борта. Корабль тряхнуло. Казалось, разрывъ взорвалъ дно. Но «Евстафій», словно заколдованный, вышелъ изъ него. Ни единый человѣкъ не былъ даже раненъ.

Въ то же время, «Гебенъ» имѣлъ уже рядъ попаданій. Между его носовой башней и форштевнемъ стоялъ густой черный дымъ. Онъ продолжалъ бой. Залпы его ложились кучно. Но онъ не

выходилъ изъ своей ошибки на нашъ ходъ. Это портило его стрѣльбу и ставило въ тупикъ его мостикъ.

Полнымъ ходомъ спѣшилъ «Пантелеймонъ»... Затемняя солнце, клубами валилъ дымъ изъ трехъ его трубъ.

Словно надвигающаяся гроза сверкнула въ черной тучѣ молнія. «Пантелеймонъ» далъ первый залпъ. Онъ самостоятельно открылъ огонь, еще не вступивъ въ строй.

Третьимъ залпомъ «Пантелеймонъ» накрылъ «Гебена». Далъ сразу два попаданія.

Огнемъ «Пантелеймона» управлялъ одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ артиллеристовъ, блестящій математикъ и изобрѣтатель усовершенствованныхъ приборовъ стрѣльбы, лейтенантъ Бутковскій...

Получивъ ударъ «Пантелеймона» и видя свою незадачливость, «Гебенъ» повернулъ, легъ на удаленіе и пользуясь преимуществомъ хода, вышелъ изъ сферы огня...

Бой длился 47 минутъ...

По донесеніямъ нашихъ агентовъ «Гебенъ» получилъ серьезныя поврежденія. Онъ вошелъ въ Босфоръ, затянувъ брезентами свои раны, чтобы скрыть ихъ отъ постороннихъ глазъ. Все-же парусина не могла скрыть его развороченной въ кормѣ палубы. На немъ было много раненыхъ и убитыхъ.

Верховный Главнокомандующій, освѣдомившись о подробностяхъ боя у Босфора, прислалъ адмиралу Эбергарду слѣдующую депешу:

«Выражаю вамъ и доблестному Черноморскому флоту мою сердечную благодарность. Надѣюсь, что, съ Божьей помощью доведете дѣло до конца» [1]).

. . . .

Счастливѣйшими днями въ Императорскомъ флотѣ было посѣщеніе кораблей Государемъ .Герой Черноморскаго флота, георгіевскій кавалеръ — быв. командиръ славной дивизіи миноносцевъ, наводившихъ панику на турецкій флотъ съ «Гебеномъ» включительно, контръ-адмиралъ кн. В. В. Трубецкой описываетъ Царскій смотръ дредноута «Императрица Марія» 14 мая 1916 года, — которымъ князь въ то время командовалъ.

Солнечный майскій день. Корабль «Императрица Марія», окруженный миноносцами и охранными катерами, полнымъ ходомъ огибаетъ Херсонскій маякъ, минуетъ монастырь того же имени, и входитъ на севастопольскій рейдъ. Раздаются сигналы гарнистовъ, на кораблѣ офицеры и команда замерли на мѣстахъ, на которыхъ засталъ ихъ сигналъ; музыка заигра-

---

[1]) Изъ статей капитана 2-го ранга А. Лукина отъ 1-го января «Послѣднія Новости» 1929 года.

ла встрѣчный маршъ. «Марія», разрѣзая спокойную поверхность воды, проходитъ мимо «Георгія Побѣдоносца» — флагъ начальника морскихъ силъ (Наморси).

Обернувшись и разсмотрѣвъ поднимаемые флаги на «Георгіи», старшій офицеръ, понимающій ихъ значеніе, радостнымъ голосомъ отдаетъ приказаніе «Отвѣтъ до мѣста»!

Какъ ни радоваться: у адмирала сигналъ еще не дошелъ до мѣста, а на «Маріи» отвѣтный вымпелъ уже у клотика, что означаетъ — «ясно вижу» сигналъ — и онъ уже нами разобранъ.

Наморси, адмиралъ Эбергардъ, былъ скупъ на благодарность и похвалу, а сегодня передъ всѣмъ стоящимъ на якорѣ флотомъ, сигналъ: адмиралъ изъявляетъ свое удовольствіе кораблю «Императрица Марія».

Сигнальщикъ съ мостика, въ рупертъ, направляя его на старшаго офицера, кричитъ:

— Ваше высокоблагородіе! Сигналъ съ «Георгія» — адмиралъ приглашаетъ къ себѣ командира. Второй сигналъ: — адмиралъ требуетъ быстраго исполненія.

Стоя на ютѣ, я слышалъ о сигналахъ. Несмотря на это, старшій офицеръ подбѣгаетъ ко мнѣ съ докладомъ:

— Сейчасъ катеръ будетъ у трапа. Пары готовы; пока переодѣнетесь, все будетъ готово.

— Давайте катеръ какъ есть, переодѣваться не буду. Адмиралъ требуетъ быстраго исполненія. Караула не вызывайте и не провожайте меня.

Наморси встрѣтилъ меня привѣтливо, поблагодарилъ за 10-дневное крейсерство у непріятельскихъ береговъ. Дредноутъ въ первый разъ выходитъ въ море безъ одного изъ плавающихъ адмираловъ.

— Князь, очень хорошо, что вы ходили близъ береговъ, только не увлекайтесь. «Марія», которой вы командуете, не миноносцы, съ которыми вы лихо летали по бухтамъ. Когда вы будете готовы?

«Значитъ, опять въ крейсерство» — подумалъ я и доложилъ:

— Думаю, ваше высокопревосходительство, что погрузку кончу къ 20 часамъ. Завтра нужно хорошо вымыться, командѣ необходимо стирать бѣлье. Работъ въ машинѣ нѣтъ. Послѣзавтра на разсвѣтѣ буду готовъ къ походу.

— Нѣтъ вамъ похода не будетъ. 12 числа прибываетъ Государь въ Севастополь и, конечно, Его Величество посѣтитъ вашъ корабль.

— Къ 12 числу буду готовъ; завтра къ вечеру успѣю произвести наружную окраску.

— Бортъ у васъ совершенно хорошъ, но впрочемъ это дѣло ваше.

* * *

Медленно подходилъ къ Царской пристани императорскій поѣздъ. Начальникъ морскихъ силъ со штабомъ, главный командиръ портовъ, комендантъ крѣпости, генералы, адмиралы, начальники частей, командиры судовъ стояли въ линіи фронта на пристани. Въ царскомъ павильонѣ дамы въ бѣлыхъ платьяхъ съ букетами въ рукахъ для преподношенія ихъ Императрицѣ.

Поѣздъ остановился.

Государь въ морской формѣ вышелъ изъ вагона. За Государемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ въ формѣ матроса гвардейскаго экипажа съ георгіевской медалью 4-ой степени.

Государь, блѣдный, съ утомленнымъ лицомъ, принявъ рапортъ Наморси, началъ обходъ начальствующихъ лицъ. Императрица изъ вагона прослѣдовала въ павильонъ. Великія Княжны ее сопровождали. Государь, подавая руку, находилъ каждому сказать доброе слово. Дошла очередь до меня.

— Скучно безъ миноносцевъ? Министръ мнѣ доложилъ, что вы совершенно освоились съ кораблемъ, управляете имъ какъ миноносцемъ. Сегодня буду къ вамъ.

* * *

На кораблѣ при извѣстіи, что сегодня состоится высочайшій смотръ, началась суета, чистка, обтираніе орудій, приборка въ низахъ. Ротные командиры не въ первый разъ обходили своихъ людей.

— Ну, молодцы! Ты, каналья, плохо выбрился, бѣги скорѣе къ брадобрѣю; смотрите молодцы, прямо, весело глядѣть въ глаза Государя; громко и кратко отвѣчать на вопросъ; не забывайте титуловать.

Мичмана осматривали помѣщенія, которыми они завѣдывали.

Въ часъ дня старшій офицеръ, капитанъ 2-го ранга Городысскій доложилъ, что все готово, команда во фронтѣ. Обойдя фронтъ, я нашелъ все исправнымъ. При желаніи даже сдѣлать замѣчаніе, это было невозможно. Чистота была поразительная, люди франтовато, хорошо одѣты.

— Катеръ подъ брейтъ-вымпеломъ Государя Императора вышелъ изъ южной бухты! — докладываетъ съ мостика вахтенный сигнальщикъ.

— Его Величество съ семействомъ вышли на «Георгій Побѣдоносецъ»! — несутся сообщенія съ мостика.

Болѣе часа Царская семья была на «Георгіѣ», гдѣ въ столовой адмирала Государь внимательно слушалъ докладъ Наморси, смотря на большую карту, на которой были нанесены пути плаванія кораблей, миноносцевъ, подводныхъ лодокъ, также нанесены батареи непріятеля, которыя выростали какъ грибы вдоль береговъ Анатоліи съ цѣлью охранять свои угольные траспорты отъ нападенія на нихъ нашихъ миноносцевъ и подводныхъ лодокъ. Напрасный трудъ! Миноносцы наши, несмотря на присутствіе батарей, съ успѣхомъ продолжали свою работу.

Государь на парадномъ катерѣ отъ борта «Георгія Побѣдоносца» слѣдовалъ вдоль линіи кораблей 2-ой бригады, стоявшихъ на бочкахъ въ Сѣверной бухтѣ.

«Ура» разливалось по рейду, далеко раздаваясь по холмамъ, окружающимъ Севастопольскій рейдъ. Идеальная тихая солнечная погода. Слова царскаго привѣтствія — «Здорово братцы»! — хорошо были слышны по рейду.

Катеръ съ Государемъ проходитъ по правому борту «Императрицы Маріи». Всѣ внимательно слушаютъ, послѣдуетъ ли привѣтствіе. Государь смотритъ на корабль. Генералъ-адъютантъ Григоровичъ, морской министръ, стоя, что-то докладываетъ. Катеръ подошелъ къ борту линейнаго корабля «Императрица Екатерина II-ая», флагъ контръ-адмирала Погуляева.

— «Стоять вольно»! — Кашель, сморканіе — обычныя явленія послѣ этой команды — слышатся въ рядахъ фронта.

Наконецъ, наступила торжественная минута. Государь медленно подымается по трапу, оглядываясь на катеръ и смотря какъ изъ него выходятъ Императрица съ Наслѣдникомъ.

На палубѣ мертвая тишина. Показывается фигура Государя на верхней площадкѣ трапа.

«Первая вахта кру-гомъ»! Съ поворотомъ команды нога Государя ступаетъ на палубу.

«Ваше Императорское Величество, на кораблѣ...». — встрѣчаю Государя рапортомъ.

Затѣмъ рапортуетъ вахтенный начальникъ.

Государь, принявъ рапортъ, поздоровался и прошелъ къ фронту офицеровъ. Я представляю офицеровъ.

Далѣе Государь здоровается съ карауломъ.

Перейдя на правый бортъ, Государь слѣдуетъ по фронту кондукторовъ и команды 1-ой вахты. Хоръ музыки исполняетъ гимнъ. — «Равненіе на лѣ-во!» — командуетъ начальникъ 2-ой вахты.

Государь, перейдя на лѣвый бортъ корабля, идетъ вдоль фронта нижнихъ чиновъ 2-й вахты.

«Корабль къ смотру! Палубы, погреба освѣтить!» — отдается приказаніе, согласно повелѣнію Государя. Команда безшумно, но быстро разбѣгается по своимъ мѣстамъ: комендоры по орудіямъ, открывая затворы пушекъ, минеры къ минымъ аппаратамъ, машинисты, кочегары къ машинамъ и котламъ, хозяева помѣщеній по своимъ частямъ. Остальная команда строится во фронтъ на серединѣ корабля. Нижніе чины, унтеръ-офицеры, офицеры на мѣстахъ. Докладываю командующему флотомъ: «Корабль готовъ къ смотру».

Государь обходитъ палубы, батареи. Въ жилой палубѣ, гдѣ собирается походная церковь, судовой священникъ и въ тоже время благочинный флота о. Вороновъ встрѣчаетъ Государя съ крестомъ и святой водой. Государь прикладывается къ кресту. Затѣмъ слѣдуя по палубамъ, дойдя до кормового мостика, по трапу, — подымается въ адмиральское помѣщеніе.

Государь остался доволенъ. Отбывая съ корабля, прощаясь, сказалъ:

— Благодарю васъ. Корабль находится въ блестящемъ видѣ. Увѣренъ въ томъ, что онъ въ бою доблестно исполнитъ свой долгъ, такъ же покроетъ себя славой, какъ корабль «Императрица Марія» во время Синопскаго боя.

. . . .

Первостепенное значеніе флота для Великой Россіи и преступное отношеніе къ вопросу объ усиленіи флота въ 1908-12 годахъ оппозиціонныхъ партій Государственной Думы, во главѣ съ извѣстными Милюковымъ и Челноковымъ — освѣщено въ поучительной статьѣ капитана 1 ранга В. Меркушова въ N 36 «Часового», — такъ многое теперь разъясняющей и въ событіяхъ революціи:

Петръ Великій, пробившись къ Балтійскому морю, указалъ, что и на будущія времена «Умноженіе флота имѣетъ единственно цѣлью обезпеченіе торговли и пристаней потому, что пристани необходимы для государства, ибо черезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть».

Къ сожалѣнію, эта ясная и простая мысль не была усвоена правящими кругами, оказалась не по плечу большинству преемниковъ Великаго Преобразователя, вслѣдствіе чего судьба русскаго флота была крайне измѣнчива, и онъ постоянно переходилъ отъ кратковременнаго процвѣтанія къ длительнымъ періодамъ полнѣйшаго упадка. Вся бѣда въ томъ, что при 45.000 верстной морской границѣ [1]) у насъ почему-то счита-

---

[1]) Сухопутная граница — 18.000 верстъ.

ютъ, что Россіи, какъ государству континентальному, флотъ вообще не нуженъ, — въ крайнемъ же случаѣ можно ограничиться слабымъ флотомъ.

Какъ раньше, такъ и теперь у насъ не могутъ понять, что море является наиболѣе простымъ, дешевымъ и удобнымъ средствомъ сообщенія [1]), *поэтому охранѣ морскихъ путей, по которымъ шло 80% русской внѣшней торговли, не придавали никакого значенія.* За такое пренебреженіе морскими путями и морской силой намъ пришлось расплатиться дорогой цѣной, цѣною крушенія Россійской Имперіи...

Съ начала Великой войны Россія оказалась отрѣзанной отъ всего міра.

Для всей громадной Имперіи остались *двѣ отдушины, два выхода:* Владивостокъ и замерзающій на 8 мѣсяцевъ въ году Архангельскъ, къ тому же, связанный съ центромъ узкоколейной желѣзной дорогой.

Не имѣя сильнаго флота, Россія оказалась еще болѣе изолированной, чѣмъ Германія, сохранявшая свои порты Балтійскаго моря и ведшая черезъ нихъ оживленнѣйшую торговлю съ сосѣдями. Пока наши союзники, владѣя моремъ, отовсюду везли къ себѣ все необходимое, великая, богатая всякимъ сырьемъ, Россія, *въ виду полной невозможности для желѣзныхъ дорогъ справиться съ перевозками, находилась на положеніи осажденной крѣпости, задыхалась и билась въ судорогахъ.*

Въ теченіе всей войны русское общество возмущалось неспособностью правительства организовать жизнь страны, негодовало на разстройство желѣзнодорожнаго транспорта, паденіе курса рубля, ростъ спекуляціи, дороговизны и т. п.

Въ думскихъ кругахъ твердили о необходимости образованія отвѣтственнаго министерства, считая его единственно способнымъ справиться со всѣми затрудненіями.

Какъ видно, большинство не отдавало себѣ отчета въ причинахъ разрухи и искало ихъ не тамъ, гдѣ слѣдовало.

Конечно, какъ и въ другихъ государствахъ, спекуляція была на лицо, кое-что могло бы сдѣлать правительство, *но возстановить кровообращеніе страны* (товарообмѣнъ), *безъ открытія морскихъ путей, было бы не подъ силу и отвѣтственному министерству.*

Россія, почти лишенная возможности вывоза своихъ товаровъ, вынуждена была къ усиленной покупкѣ за-границей оружія и прочаго снабженія, что вызвало паденіе курса рубля,

[1]) Въ 1907 г. перевозка одной тонны груза, на разстояніе 1.000 миль, обходилась: по желѣзнымъ дорогамъ 50 рублей, — моремъ 2 руб. 50 к. Ясно, что никакая конкурренція желѣзныхъ дорогъ съ пароходами невозможна.

которое нельзя было остановить никакими палліативными мѣрами.

Между тѣмъ, единственный мечъ, который могъ бы разрубить Гордіевъ узелъ, былъ только флотъ и, конечно, Черноморскій флотъ, ибо черезъ южные порты шло 60% нашей внѣшней торговли, а соотношеніе силъ на морѣ позволяло русскому флоту вести активныя дѣйствія съ надеждою на успѣхъ.

Судя по всему, ни правительство, ни верховное командованіе, не понимали всей важности и необходимости немедленнаго овладѣнія Босфоромъ и Дарданеллами, въ противномъ случаѣ они приложили бы всѣ усилія арміи и флота, дабы пробиться къ Средиземному морю [1]).

Вмѣсто этого, въ теченіе всей войны мы занимались второстепенными задачами, безплодно растрачивая силы и средства въ кровопролитнѣйшихъ наступленіяхъ противъ австрогерманскихъ армій, чаще всего диктовавшихся чувствомъ союзнической солидарности, чѣмъ соображеніями выгоды и необходимости ихъ для Россіи.

Слѣдствіемъ такого пренебреженія главной задачей (овладѣніе проливами) явилась затяжка войны и разстройство желѣзнодорожнаго транспорта, перегруженнаго сверхъ всякой мѣры, благодаря бездѣйствію портовъ Чернаго и Балтійскаго морей.

Разстройство желѣзнодорожнаго транспорта, въ свою очередь, привело къ хаотическому распредѣленію товаровъ между потребителями, недостатку нѣкоторыхъ изъ нихъ, что, вмѣстѣ съ паденіемъ курса рубля, происшедшаго отъ потери морскихъ путей, вызвало ростъ дороговизны и спекуляціи, возбудивъ ропотъ населенія, утомленнаго затянувшейся войной.

Намъ кажется, что, главнымъ образомъ, этими причинами, а вовсе не «прогнившимъ режимомъ» можно объяснить, что бунтъ запасныхъ полковъ въ Петроградѣ могъ превратиться въ революцію.

Кромѣ неисчислимыхъ потерь отъ паденія курса рубля, отсутствія сильнаго флота только за первый годъ войны обошлось Россіи въ 391.900.000 рублей, составлявшихъ пассивъ торговаго баланса [2]). Мало того, закрытіе портовъ Чернаго

---

[1]) Какъ извѣстно, командиръ Черноморскаго флота адмиралъ Эбергардъ, при первомъ извѣстіи о проходѣ «Гебеномъ» и «Бреслау» Дарданеллъ — просилъ разрѣшенія войти съ флотомъ въ Босфоръ и ихъ уничтожить, для чего сдѣлалъ предварительныя распоряженія. Но по докладу министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова — ему этого не разрѣшили.

[2]) Любопытно вспомнить, что вся «малая программа судостроенія», принятая Государственною Думою въ 1912 году, стоила 502 милліона, разсроченныхъ на пять лѣтъ.

и Балтійскаго морей и, какъ слѣдствіе этого, почти полное прекращеніе русской внѣшней торговли, вынудило правительство сдѣлать рядъ займовъ для полученія валюты, составившихъ къ 19 іюля 1915 года, почтенную сумму въ полтора милліарда рублей.

Нисколько не отрицая необходимость капитальныхъ реформъ морского вѣдомства послѣ Японской войны, все же нельзя не признать, что въ виду полнаго отсутствія въ то время флота у Россіи, для Государственной Думы было бы цѣлесообразнѣе, вмѣсто систематическаго отказа въ кредитахъ на новое судостроеніе, немедленно приступить къ возрожденію русской морской силы. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ сказались не только необходимость реформъ въ морскомъ вѣдомствѣ, не только оскорбленное національное самолюбіе, потрясенное небывалымъ разгромомъ при Цусимѣ, но полное непониманіе русскимъ народомъ роли флота и значенія его въ жизни государства.

Какъ въ печати, такъ и въ Государственной Думѣ, постоянно говорилось, что Россіи флотъ не нуженъ, въ крайнемъ случаѣ соглашались на флотъ, пригодный только для защиты побережья. Дума не умѣла подняться на государственную точку зрѣнія и, систематически отказывая въ кредитахъ на новое судостроеніе, видимо ни мало не задумывалась надъ тѣмъ, какъ это должно отразиться на состояніи государственной обороны.

Отбросимъ годы ближайшіе къ Японской войнѣ, и вспомнимъ, хотя бы, 1912 годъ, когда страсти значительно поулеглись, въ морскомъ вѣдомствѣ были произведены необходимыя реформы, и можно было спокойно разсуждать и думать.

Вспомнимъ знаменательный день въ исторіи флота, день 6-го іюня 1912 года, когда въ Государственной Думѣ обсуждалась малая программа судостроенія, вѣрнѣе вопросъ — быть или не быть флоту въ Россіи.

Партія народной свободы энергично возстала противъ возрожденія русской морской силы. Ея лидеръ П. Н. Милюковъ, въ своей болѣе чѣмъ полуторачасовой рѣчи, между прочимъ, высказалъ такія соображенія.

«Противъ чего мы возражаемъ, это извѣстно съ 1908 года, когда впервые съ этой кафедры раздались наши возраженія. Мы возражали тогда и остаемся при этомъ и теперь; мы возражали противъ широкаго развертыванія морской программы, противъ того, что мы называли маринизмомъ и противъ связыванія народнаго представительства на рядъ лѣтъ...

Я васъ спрашиваю, какимъ языкомъ заговоритъ наша дипломатія, когда у насъ флотъ будетъ?... Вотъ почему я и го-

ворю, что если намъ нужны страховки отъ политическихъ авантюръ и вы, которые будете сегодня голосовать за флотъ, вы должны ясно сознать, что отвѣтственность за ближайшую войну, результатъ ея, будетъ на вашей совѣсти»...

Милюкова поддержали Челноковъ и Шингаревъ, при чемъ послѣдній закончилъ свою рѣчь словами: «Вотируйте на флотъ, но вы будете отвѣтственны въ томъ горѣ, которое можете причинить»... [1]).

Нечего и говорить, что трудовики, прогрессисты и соціалъ-демократы были противъ проекта. Такимъ образомъ, нѣкоторые представители наиболѣе образованныхъ классовъ нашего общества или совершенно отрицали необходимость флота для Россіи, или же считали возможнымъ откладывать дѣло возрожденія русской морской силы въ долгій ящикъ, забывая, что въ вопросахъ государственной обороны «промедленіе времени — смерти невозвратной подобно».

Между тѣмъ, въ виду полной безпомощности на Балтійскомъ морѣ, морское министерство уже въ 1908 году потребовало кредиты на постройку 4-хъ дредноутовъ.

Государственная Дума, настаивая на необходимости реформъ морского вѣдомства, не только не отпустило кредита на нихъ, но полностью отклонила весь бюджетъ и потому, въ 1908 году, съ разрѣшенія Государственнаго Совѣта, на текущіе расходы, ежемѣсячно, отпускалась одна двѣнадцатая его часть. Никто не зналъ, что будетъ дальше. Являлось опасеніе, что, вмѣсто очередной ассигновки, придетъ телеграмма запереть портовыя зданія, мастерскія, заводы морского вѣдомства и суда на замокъ, а личный составъ распустить на всѣ четыре стороны. Вопросъ о возрожденіи флота былъ настолько безнадеженъ, что такой цѣнный человѣкъ, какъ Колчакъ, бывшій на всѣхъ засѣданіяхъ военно-морской комиссіи Государственной Думы въ качествѣ эксперта, бросилъ все, оставилъ морской генеральный штабъ и занялся постройкой ледоколовъ.

Видя, что дальше такъ продолжаться не можетъ, Государственный Совѣтъ, въ 1909 году, принялъ мудрое рѣшеніе и, когда Государственная Дума вновь отклонила кредитъ на постройку дредноутовъ, возстановилъ его въ порядкѣ ст. 13 смѣтныхъ правилъ. Рѣшеніе это вызвало бурю негодованія въ Думѣ, окрестившей дредноуты презрительной кличкой «акварели», однако, только благодаря героической мѣрѣ Государ-

---

[1]) Все это говорилось и продѣлывалось Милюковымъ и Ко всего за 3-4 года до Великой войны.

ственнаго Совѣта «Севастополь», «Гангутъ», «Полтава», и «Петропавловскъ» вступили въ строй въ декабрѣ 1914-го года.

Они оказались прекрасными кораблями, въ нѣкоторыхъ деталяхъ опередившіе своихъ иностранныхъ сверстниковъ. На этихъ «акварѣляхъ» впервые были поставлены трехорудійныя башни для навѣсной артиллеріи, только теперь получившія права гражданства во всѣхъ флотахъ, а примѣненная на нихъ система непотопляемости послужила образцомъ для всѣхъ судовъ англійскаго флота, построенныхъ послѣ 1920 года.

Въ 1910 году повторилась та же исторія. Отпуская средства на достройку старыхъ судовъ, все что испрашивало вѣдомство на плаваніе и обученіе, Государственная Дума вычеркнула кредиты на постройку дредноутовъ, Государственный Совѣтъ снова ихъ возстановилъ.

Тѣмъ временемъ, морской генеральный штабъ, послѣ подробнаго изученія военной и морской программы Германіи, а также политическаго и экономическаго положенія европейскихъ государствъ, пришелъ къ заключенію о неизбѣжности боевого столкновенія съ нѣмцами въ 1915-16 году.

Сообразно съ этимъ, въ 1908 году была разработана программа судостроенія, которая въ виду постоянной смѣны морскихъ министровъ неоднократно передѣлывалась пока, наконецъ, не была представлена въ 1910 году. Однако, она не была разсмотрѣна Государственной Думой и взята министерствомъ обратно.

Программа 1910 года вовсе не была плоха, такъ какъ принятая 6-го іюня 1912 года является полнымъ ея повтореніемъ, съ небольшими измѣненіями, сдѣланными вслѣдствіе прогресса техники за послѣдніе два года. Иначе говоря, къ потеряннымъ уже для судостроенія двумъ годамъ (1908 и 1909) Государственная Дума прибавила еще три года (1910, 1911 и 1912), что и явилось причиною отсутствія у насъ современныхъ кораблей въ началѣ войны.

Таково было позорное, антипатріотическое поведеніе кадетской партіи въ Государственной Думѣ, въ теченіе ряда лѣтъ всячески препятствовавшей усиленію нашего Балтійскаго и Черноморскаго флота. А. Бенклевскій разсказываетъ болѣе подробно, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ очутился Балтійскій флотъ въ началѣ войны, благодаря задержкѣ въ судостроеніи, вслѣдствіе преступной оппозиціи г. г. Милюковыхъ и Ко.

Война застала Балтійскій флотъ въ тяжелыхъ условіяхъ. Его судовой составъ былъ настолько слабъ въ сравненіи съ могущественнымъ германскимъ флотомъ, что въ случаѣ столк-

новенія участь его не оставляла сомнѣній. Въ то время какъ онъ не имѣлъ еще ни одного дредноута въ строю, германскій флотъ насчитывалъ ихъ уже 17. Этой слабостью Балтійскій флотъ всецѣло былъ обязанъ Государственной Думѣ, затянувшей на 2 года утвержденіе кредитовъ на судостроительную программу, вслѣдствіе чего ни одинъ новый корабль не поспѣлъ вступить въ строй къ началу войны.

Балтійскій флотъ располагалъ лишь 4 линейными кораблями до дредноутнаго типа, 10 крейсерами, хотя и хорошо вооруженными, но старой постройки, а потому тихоходными (лишь одинъ «Рюрикъ» былъ современный), 21 эскадренными миноносцами, выстроенными послѣ Русско-Японской войны на народныя пожертвованія, въ числѣ коихъ лишь одинъ «Новикъ» былъ современный, съ 36 узловымъ ходомъ и 5 подводными лодками ограниченнаго района дѣйствій. Около 35 второстепенныхъ миноносцевъ, 4 старыхъ заградителей и тральщиковъ, дополняли эти незначительныя силы. Между тѣмъ, на Балтійскій флотъ возлагалась задача огромной важности: защита съ моря столицы съ ея военными заводами, безъ которыхъ не могла обойтись армія.

Планъ нѣмецкаго командованія въ смыслѣ направленія главнаго удара на востокъ, или западъ извѣстенъ еще не былъ, но слабость Балтійскаго флота и важность во всѣхъ отношеніяхъ Петроградскаго района, давала полное основаніе предполагать молніеносное наступленіе въ Финскій заливъ подавляющихъ нѣмецкихъ силъ съ цѣлью уничтоженія нашего слабаго флота, открытія пути на Петроградъ и высадки десанта, хотя бы для того, чтобы внести разстройство въ нашу мобилизацію. Зато личный составъ Балтійскаго флота компенсировалъ въ значительной мѣрѣ слабость его судового состава.

Адмиралъ Эссенъ, имя котораго должно перейти въ исторію наравнѣ съ именами Ушакова, Нахимова и Макарова, не только вдохнулъ новый, живой духъ въ обезсиленный, послѣ Русско-Японской войны, флотъ, но поднялъ его на необычайную высоту. Имъ была создана своя «школа командировъ», возвращена утраченная вѣра и боевая подготовка съ неослабнымъ упорствомъ доведена до максимума. Въ этой работѣ большую роль сыгралъ также, образованный въ 1906 году, морской генеральный штабъ.

Авторитетъ, энергія и обаяніе личности адмирала Эссена, отдавшаго флоту всю свою душу, отказывавшаго себѣ въ необходимомъ отдыхѣ, или даже простомъ комфортѣ, на который имѣетъ право командующій, его постоянные походы въ суровомъ Балтійскомъ морѣ, сплотили личный составъ, создали увѣренность въ себѣ и выковали его волю къ бою.

Балтійскій флотъ зналъ, что «непріятеля не пропуститъ». Увѣренный въ неизбѣжности удара нѣмецкаго флота въ Финскій заливъ, и принужденный благодаря своей слабости лишь къ оборонѣ, нашъ флотъ расчитывалъ дать нѣмцамъ рѣшительный бой между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ, на такъ называемой, «центральной позиціи» за миннымъ загражденіемъ, которое непріятелю пришлось бы форсировать подъ огнемъ. Загражденіе это имѣло огромное значеніе для насъ: во время поставленное, оно, во-первыхъ, спасало флотъ отъ внезапности атаки, во-вторыхъ, стѣсняя маневрированіе противника, вынужденнаго идти лишь протраленнымъ фарватеромъ, оно позволяло намъ сосредоточить огонь на его головѣ, что въ значительной мѣрѣ, компенсировало нашу слабость.

Насколько рѣшителенъ долженъ былъ оказаться бой на центральной позиціи показываетъ существовавшая его диспозиція, по которой эскадренные миноносцы должны были, въ извѣстный моментъ, броситься въ атаку на непріятельскую эскадру черезъ минное поле, имѣя подъ килями лишь 2 фута до минъ... По несчастной случайности линейный корабль «Андрей Первозванный», одинъ изъ 4 составлявшихъ наши главныя силы, незадолго до войны, сѣлъ на мель и къ моменту ея начала оказался въ ремонтѣ, въ Кронштадтскомъ докѣ, что еще болѣе ослабляло флотъ.

Выступленіе Англіи на нашей сторонѣ, хотя и создало огромный моральный подъемъ, но въ сущности не могло принести немедленной помощи и отклонить нѣмецкій ударъ въ Финскій заливъ. Казалось невѣроятнымъ, что англійскій флотъ, оставивъ открытыми свои берега и не обезпеченной перевозку войскъ на континентъ, станетъ форсировать проливы Бельтовъ, чтобы войти въ Балтійское море. Съ другой стороны укрѣпленія Гельголанда и нѣмецкихъ базъ въ Сѣверномъ морѣ не позволяли расчитывать на открытую ихъ атаку англійскимъ флотомъ, а Кильскій каналъ, только что углубленный, допускалъ переброску даже глубоко сидящихъ дредноутовъ изъ одного моря въ другое.

Такимъ образомъ, нѣмцы имѣли вполнѣ развязанныя руки и наступленіе ихъ флота въ Финскій заливъ считалось нами неизбѣжнымъ, 27 іюля[1]), съ объявленіемъ мобилизаціи, адмиралъ Эссенъ послалъ телеграмму начальнику морского генеральнаго штаба адмиралу Русину, прося исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе поставить минное загражденіе на центральной позиціи, не дожидаясь объявленія войны. Командующій и весь флотъ относились очень остро къ этому во-

[1]) Всѣ даты по новому стилю.

просу кардинальной важности. Внезапная атака японцевъ въ 1904 году на Портъ-Артурскую эскадру, безъ объявленія войны, была у всѣхъ въ памяти и послужила намъ тяжелымъ урокомъ. Адмиралъ Русинъ, вполнѣ раздѣляя взгляды Эссена, 3 дня добивался разрѣшенія Государя, но безрезультатно... Государь считалъ, что этотъ актъ нѣмцы могутъ использовать какъ предлогъ для объявленія войны.

29 іюля вечеромъ, не получая отвѣта, имѣя свѣдѣнія о происходящей мобилизаціи германскаго флота и считая, что дальнѣйшее промедленіе можетъ привести къ катастрофѣ, адмиралъ Эссенъ послалъ Русину слѣдующую телеграмму: «Если я не получу отвѣтъ до 4 час. утра, постановка минъ на центральной позиціи будетъ начата завтра съ разсвѣтомъ».

Эта телеграмма была получена въ адмиралтействѣ въ половинѣ перваго ночи. Разбуженный немедленно адмираломъ Русинымъ, морской министръ, только руками развелъ... Онъ зналъ, что Государь не измѣнитъ своего рѣшенія и безпокоить его ночью, и безъ того уставшаго сверхъ силы отъ напряженія цѣлую недѣлю длящагося кризиса, было невозможно... Въ 2 часа ночи Русинъ послалъ своего помощника адмирала Ненюкова къ Великому Князю Николаю Николаевичу, главнокомандующему войсками Петроградскаго военнаго округа, но отвѣтъ получился тотъ же, что и морского министра.

Адмиралъ рѣшилъ испробовать еще одинъ шагъ: къ генералу Янушкевичу, начальнику генеральнаго штаба, ближайшему въ это время помощнику Государя по всѣмъ военнымъ вопросамъ, былъ отправленъ капитанъ 1 ранга Пилкинъ. Но время шло и въ 3 часа 50 мин. Пилкинъ еще не вернулся... Тогда адмиралъ Русинъ принялъ рѣшеніе самъ. Онъ приказалъ отправить условное радіо «Молнія», что означало: «поставить загражденіе». Часъ спустя вернулся Пилкинъ: генералъ Янушкевичъ, не имѣя по данному вопросу никакихъ приказаній, но учитывая всю серьезность положенія, на постановку соглашался.

По полученіи радіо «Молнія» 6 заградителей немедленно вышли въ море подъ охраной боевыхъ судовъ. Къ утру ихъ операція была закончена и 2.200 минъ преградили Финскій заливъ во всю его ширину.

Флотъ вздохнулъ свободно...

Первое появленіе нашихъ силъ въ Балтійскомъ морѣ сразу всполошило нѣмцевъ. Принцу Генриху Прусскому былъ посланъ броненосный крейсеръ «Блюхеръ» и 7 броненосцевъ типа «Виттельсбахъ». 6 сентября эта эскадра появилась передъ Аландскими шхерами и была обнаружена «Баяномъ» и «Палладой». Тотчасъ же адмиралъ Эссенъ приказалъ линейнымъ ко-

раблямъ, «Рюрику» и «Новику» готовиться къ выходу въ море, но задержанный въ Гельсингфорсѣ происходившей въ это время погрузкой угля, онъ смогъ появиться со своей эскадрой лишь на слѣдующій день утромъ. Нѣмцы, очевидно, не искали его встрѣчи и адмиралъ, прокрейсировавъ въ морѣ 2 дня, никого не обнаружилъ.

Между тѣмъ британское адмиралтейство считало появленіе англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ и овладѣніе господствомъ на немъ одной изъ главныхъ цѣлей войны, видя въ этомъ возможность повліять рѣшительнымъ образомъ на общій ходъ операцій на сушѣ. Уже 19 августа, первый лордъ адмиралтейства Черчилль, обратился съ письмомъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу, въ которомъ излагалъ возможность для англійскаго флота заблокировать Кильскій каналъ и германскій флотъ въ Гельголандской бухтѣ, ввести британскія эскадры въ Балтику, дать пловучія средства и обезпечить высадку русскаго десанта во флангъ и тылъ нѣмецкому фронту на Померанскомъ побережьѣ, или для прямой атаки Берлина съ сѣвера, или для атаки Киля, чтобы заставить нѣмецкій флотъ выйти и принять бой. Наше командованіе немедленно отвѣтило, что оно принимаетъ въ принципѣ предложеніе, но лишь въ томъ случаѣ, если общее военное положеніе позволитъ выполнить подобныя операціи. Однако, заблокированіе нѣмецкихъ силъ требовало предварительнаго занятія укрѣпленнаго острова Боркумъ, лежащаго вблизи устьевъ рѣкъ, въ которыхъ базировался нѣмецкій флотъ въ Сѣверномъ морѣ. Изученіе этой операціи раскрыло значительныя ея трудности и несмотря на желаніе адмиралтейства, она не встрѣтила никакого сочувствія во флотѣ.

17 сентября, на совѣтѣ флагмановъ, происходившемъ на флотѣ подъ предсѣдательствомъ Черчилля, эта операція и прорывъ въ Балтійское море были отставлены. Англійскій флотъ рѣшилъ принять пассивный образъ дѣйствій, довольствуясь дальней блокадой.

19 сентября генералъ Фалькенгайнъ потребовалъ содѣйствія флота для высадки десанта на Курляндскій берегъ, чтобы произвести демонстрацію на правомъ флангѣ русской арміи и отвлечь вниманіе нашего командованія отъ Галиціи, гдѣ положеніе становилось критическимъ. Принцъ Генрихъ Прусскій былъ усиленъ снова 2 эскадрами изъ 14 броненосцевъ, 29 эскадренными миноносцами и ему были даны транспорты для перевозки войскъ. Однако, подготовка транспортовъ заняла такъ много времени, что отложивъ десантъ и имѣя въ виду произвести его позже съ 20.000 войскъ, принцъ Генрихъ Прусскій рѣшилъ ограничиться демонстраціей.

24 сентября эскадра изъ 9 броненосцевъ, 21 эск. миноносца и 8 пароходовъ подъ его командой появилась у Виндавы. Адмиралъ Эссенъ съ крейсерами сейчасъ же вышелъ въ море. Продержавшись нѣсколько часовъ у Виндавы, нѣмецкая эскадра ушла на югъ. 1-ая минная дивизія была выслана изъ Рижскаго залива и прошла вдоль берега до германской границы никого не обнаруживъ. Спѣшный уходъ нѣмецкой эскадры былъ слѣдствіемъ того, что принцъ Генрихъ Прусскій получилъ свѣдѣнія о прорывѣ англійскихъ силъ черезъ проливы и о томъ, что онѣ ожидаются 25 сентября у Борнгольма. Это же свѣдѣніе, оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ, заставило адмирала Ингеноля, командующаго флотомъ Открытаго моря отдать приказъ всему флоту перейти въ Балтику Кильскимъ каналомъ. Такимъ образомъ, одна лишь угроза прорыва англійскихъ эскадръ въ Балтику вызвала рѣшеніе нѣмецкаго командованія очистить свои базы въ Сѣверномъ морѣ, предоставивъ ихъ атакамъ англичанъ, Это показываетъ чего могъ бы достигнуть британскій флотъ, если бы у его комадующаго была наступательная иниціатива, вмѣсто желанія вести войну безъ риска и потерь дальней блокадой. И нѣмецкое и британское командованіе выявило свою полную пассивность. Мы видѣли выше, что только за недѣлю до этого адмиралъ Джелико отказался отъ мысли прорыва въ Балтику. А между тѣмъ 27 сентября адмиралъ Эссенъ на одномъ лишь «Рюрикѣ» отправился въ непріятельскія воды южной Балтики для глубокой развѣдки и уничтоженія непріятельскихъ крейсеровъ и оставался въ нихъ 4 дня! Къ сожалѣнію, въ виду свирѣпствовавшаго шторма онъ никого не встрѣтилъ.

Все болѣе и болѣе тяготясь отведенной флоту ролью пассивнаго ожиданія непріятеля въ Финскомъ заливѣ и приказами «не рисковать», адмиралъ послѣ своего возвращенія изъ этого крейсерства послалъ съ капитаномъ 1 ранга Колчакомъ докладъ главнокомандующему VI-ой арміей, которому былъ подчиненъ въ оперативномъ отношеніи Балтійскій флотъ, для его отзыва, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ ѣхать въ Ставку и тамъ просить пересмотра основного плана, предусматривавшаго лишь оборону Финскаго залива и утвержденія новаго, болѣе, активнаго.

Адмиралъ Эссенъ развивалъ въ своемъ докладѣ вполнѣ обоснованный планъ дѣйствій Балтійскаго флота у береговъ противника, указывая, что «подобныя операціи оставляютъ ту долю риска, безъ которой немыслимо веденіе войны и которая не больше риска безплодно потерять суда въ Финскомъ заливѣ, выполняя основной планъ». Главнокомандующій VI арміей далъ на этомъ докладѣ такой свой отзывъ, который

показалъ его полное непониманіе характера морской войны и не согласился съ мнѣніемъ адмирала, а Ставка положила на докладѣ резолццію, которой не только лишила флотъ активности, но и лишила командующаго флотомъ права распоряжаться своими главными силами... Этимъ еще разъ подтвердилась извѣстная историческая истина о томъ, что сухопутное начальство командовать флотомъ не въ состояніи.

Связанный этимъ запрещеніемъ, адмиралъ Эссенъ все же не могъ согласиться на пассивное пребываніе флота въ Финскомъ заливѣ. Онъ рѣшилъ начать минную войну у непріятельскихъ береговъ.

За весь этотъ періодъ нашъ флотъ потерялъ крейсеръ «Палладу», 2 тральщика и 2 небольшихъ миноносца «Исполнительный» и «Летучій». Первый изъ нихъ погибъ отъ взрыва собственныхъ минъ на палубѣ въ штормовую погоду, а второй перевернулся спасая тонущихъ людей.

Изслѣдуя кампанію 1914 года на морѣ, безпристрастный военный историкъ съ удивленіемъ замѣтитъ, что среди всѣхъ флотовъ пассивно ожидающихъ «чего-то» и среди всѣхъ ихъ командующихъ, желающихъ воевать «безъ риска и потерь», рѣзко выдѣляется одна лишь фигура адмирала, дѣйствительно желавшаго воевать и знавшаго, какъ нужно воевать даже съ несравненно слабѣйшими силами, — это фигура русскаго адмирала Н. О. Эссена...

Подъ начальствомъ такихъ командировъ, какъ адмиралы — Эссенъ, Эбергардъ, Колчакъ — нашъ флотъ, и Балтійскій, и въ Черномъ морѣ — совершилъ немало славныхъ дѣлъ, какъ въ крейсерской, такъ и въ минной и подводной войнѣ. Много славныхъ именъ моряковъ — героевъ Великой войны узнали теперь и ими гордятся и восхищаются русскіе люди, читая полные захватывающаго интереса очерки и воспоминанія о службѣ Императорскаго флота, печатаемые въ зарубежныхъ газетахъ и спеціальныхъ военно-морскихъ журналахъ. Этими радующими и возвышающими русскую душу разсказами можно уже наполнить цѣлые томы. Но ничто не даетъ намъ лучшаго представленія о службѣ г. г. офицеровъ Императорскаго Россійскаго флота, объ ихъ неустанной кипучей дѣятельности на пользу Отечества и во славу своего Государя, объ ихъ беззавѣтной преданности и вѣрности долгу своей присяги, — какъ жизнеописанія нашихъ моряковъ-флотоводцевъ.

Изъ вышеприведеннаго разсказа объ обстоятельствахъ заблаговременной постановки минныхъ загражденій въ Финскомъ заливѣ въ моментъ самой мобилизаціи — видно, какими особыми свойствами характера и воли отличаются, въ силу

особыхъ условій морской службы, наши моряки и ихъ командиры.

Той-же славной школы Императорскаго Россійскаго флота были и знаменитые наши адмиралы, всѣмъ памятные флотоводцы -патріоты:сподвижникъ Скобелева — адмиралъ С. О. Макаровъ и соратникъ Эссена — адмиралъ А. В. Колчакъ. О подвигѣ ихъ жизни и службы Царю и Отечеству можно было бы написать цѣлые томы и еще недавно зарубежная пресса помянула ихъ въ многочисленныхъ очеркахъ и воспоминаніяхъ. Исполняя свой долгъ, мы вынуждены здѣсь ограничиться лишь краткою о нихъ памяткой.

Адмиралъ А. В. Колчакъ окончилъ Морской Корпусъ вторымъ по выпуску въ 1894 году. Послѣ этого на разныхъ корабляхъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ плавалъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ 1900 году онъ отправился въ составѣ экспедиціи барона Толя въ Карское море и къ Таймирскому полуострову и въ Сибирское море къ Новосибирскимъ островамъ. Лейтенантъ Колчакъ тогда уже выдѣлился своими научными работами по океанографіи. Въ 1902 году баронъ Толь, предпринявъ санную экспедицію на островъ Беннеттъ, безслѣдно исчезъ. Академія наукъ поручила Колчаку, во главѣ спеціальной партіи, отыскать барона Толя и весной 1903 года съ 6-тью матросами и 8-мью якутами сначала на саняхъ, затѣмъ на китобойномъ ботѣ, Колчакъ направился на поиски. Послѣ сорокадневнаго плаванія на шлюпкѣ среди льдовъ Колчакъ вернулся обратно безъ успѣха. Императорское Географическое Общество, за столь опасное плаваніе, присудило ему большую Константиновскую медаль, которую до него имѣли всего три изслѣдователя.

Не успѣвъ вернуться, Колчакъ узналъ о началѣ Японской войны и отправился въ Портъ-Артуръ. Тамъ онъ командуетъ сначала «Сердитымъ», а затѣмъ, до сдачи крѣпости, морской батареей. Вернувшись въ Петербургъ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ созданіи Морского Генеральнаго Штаба, въ 1908-1909 г. г. отправляется въ новую полярную экспедицію Вилькицкаго, а въ 1912 году принимаетъ командованіе миноносцемъ «Пограничникъ», вмѣстѣ съ тѣмъ исполняя обязанности флагъ-капитана по оперативной части Штаба Адмирала Эссена. Въ Великую войну Колчакъ неоднократно отличался въ боевыхъ операціяхъ противъ германскаго флота и при защитѣ Рижскаго залива. Осенью 1915 года онъ получилъ минную дивизію Балтійскаго флота, а въ 1916 году, произведенный въ 41 годъ въ вице-адмиралы, принялъ Черноморскій флотъ, гдѣ проявилъ большую дѣятельность и занялся подготовкой операціи по занятію Босфора и Царьграда. Революція

не дала осуществиться этимъ начинаніямъ. Адмиралъ Колчакъ былъ призванъ къ еще болѣе высокой и отвѣтственной дѣятельности Верховнаго Правителя и Главнокомандующаго антибольшевистскими войсками.

Преданный недавними друзьями, оставленный всѣми, онъ былъ разстрѣлянъ большевиками въ Иркутскѣ 7-го февраля 1920 года.

Колчакъ погибъ въ чинѣ полнаго адмирала, имѣя ордена Св. Георгія Побѣдоносца 4-й и 3-й степени и Георгіевское оружіе. («Часовой»).

. . . .

«*Помни войну*!» — вотъ былъ, извѣстный не только морякамъ, девизъ доблестнаго героя — адмирала Макарова, талантливѣйшаго изобрѣтателя-артиллериста, усовершенствовавшаго кораблестроеніе и построившаго первый въ Европѣ полярный ледоколъ «Ермакъ». Съ этимъ знаменитымъ его девизомъ былъ, 24 іюня 1913 г., торжественно открытъ въ Кронштадтѣ памятникъ адмиралу С. О. Макарову, на которомъ выгравировано :

«ПОМНИ ВОЙНУ!

«Спи сѣверный витязь!
Спи честный боецъ
Безвременно взятый кончиной.
Не лавры побѣды, терновый вѣнецъ
Ты принялъ съ безстрашной дружиной.
Твой гробъ — броненосецъ.
Могила твоя — холодная глубь океана.
И вѣрныхъ матросовъ родная семья —
Твоя вѣковая охрана:
Дѣлившіе славу, отнынѣ съ тобой
Они раздѣляютъ и вѣчный покой...
Ревнивое море не выдастъ землѣ
Любившаго море героя.
Въ глубокой пучинѣ,
Въ таинственной мглѣ
Лелѣя его и покоя.
И вѣтеръ споетъ панихиду надъ нимъ.
Заплачутъ дождемъ ураганы
И саванъ разстелитъ покровомъ густымъ
Надъ моремъ ночные туманы.
И тучи, нахмурясь, послѣдній салютъ
Громовъ грохотаньемъ ему отдадутъ...»

. . . .

Насталъ черный 1917 годъ. Захлестнувшая Россію революціонная смута лишила ее многовѣковыхъ святынь, а у флота отняла славный Андреевскій флагъ. Неслыханное, страшное дѣло свершилось на немъ и многіе корабли оросились кровью своихъ офицеровъ. Эти жертвы, замученныя «во имя революціи», являлись предвѣстниками безконечнаго ряда такихъ-же жертвъ ужасной катастрофы, разразившейся надъ Великой Россіей. Адмиралы: Виренъ, Бахиревъ, Колчакъ, Непенинъ, Курошъ, Бутаковъ, Развозовъ, Плонъ и многіе сотни другихъ морскихъ офицеровъ, запечатлѣли кровью свое служеніе долгу и чести... Многіе томятся въ коммунистическомъ застѣнкѣ. Многихъ ждетъ тамъ мученическая смерть.

Андреевскаго флага больше нѣтъ. Тамъ, гдѣ онъ гордо развивался, теперь повисло красное тряпье — «флагъ» цвѣта крови, гражданской войны, пытокъ и измѣны.

Корабли, наша былая гордость, опозорены имъ, какъ опозорена и вся Россія. Горько, когда «Севастополь» превращается въ «Парижскую Коммуну», «Петропавловскъ» — въ «Марата», а другіе корабли — въ «Якова Свердлова», въ «Карла Либкнехта» и т. д. Что-же, это — смерть? Для этихъ корабельныхъ остововъ — да, смерть... Но для флота—только летаргическій сонъ.

Придетъ пора — и возродится флотъ. Тогда на мачтахъ его новыхъ кораблей снова будетъ торжественно поднятъ и взовьется, колыхаемый вѣтромъ, нашъ безсмертный бѣлый съ синимъ на-искось поперечнымъ крестомъ, славный Андреевскій флагъ...

Вѣрные боевымъ традиціямъ, исходящимъ изъ Гангута и Готланда, моряки не страшились дней упадка флота. Ибо знали они: у Русскаго народа особая стать — больной, у изголовья котораго уже собирались иноземные гробовщики, онъ становился на ноги и взбирался на такую высоту, давалъ такія проявленія творчества, что захватывало духъ. И моряки помнятъ Гангутъ и Готландъ, Ревель и Чесму, Наваринъ и Синопъ, Севастополь и Портъ-Артуръ.

Помнятъ и знаютъ: не ледянымъ переходомъ изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ и не походомъ изъ Царьграда въ Бизерту кончилась исторія Русскаго флота подъ Андреевскимъ флагомъ — послѣ темной ночи всегда наступаетъ день!

Императоръ Николай II и Его Армія.

«Немного эпизодовъ Великой войны болѣе поразительныхъ, чѣмъ возстановленіе, снабженіе заново и возобновленное гигантское усиліе Россіи въ 1916 году.»

«Русская Имперія выставила для кампаніи 1917 года болѣе многочисленную и лучше снаряженную армію, чѣмъ та, съ которою она начала войну. Въ мартѣ по нов. ст. Царь былъ на своемъ престолѣ, Русская Имперія и народъ стояли твердо; фронтъ былъ въ безопасности и побѣда несомнѣнна...

«Строй, который былъ въ *Немъ* воплощенъ, надъ которымъ Онъ главенствовалъ, которому Его личный характеръ давалъ жизненную искру — къ этому моменту *выигралъ войну для Россіи*».

(Winston S. Churchill. The World Crisis. 1916-18).

Личность Государя, его неразрывная связь съ арміей, какъ ея Верховнаго Вождя, лежала въ основаніи воспитанія солдата. Государь всегда носилъ военную форму и это поднимало значеніе военной службы и парализовало проповѣдь антимилитаристовъ, стремившихся унизить и опорочить военную службу.

«6-го мая 1884 года, 46 лѣтъ тому назадъ Наслѣднику Цесаревичу исполнилось 16 лѣтъ и какъ достигшій совершеннолѣтія онъ — Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ — принесъ присягу подъ штандартомъ Лейбъ-Гв. Атаманскаго полка.

Имѣвъ счастье, какъ выпускной кадетъ, присутствовать на этомъ торжествѣ, впервые переступивши порогъ Зимняго Дворца[1]), я никогда не забуду этой трогательной и величественной картины въ Георгіевскомъ залѣ: умиленные и восторженные взоры великановъ бородачей атаманцевъ и сосредоточенный серіозный видъ Наслѣдника, казавшагося много моложе своихъ лѣтъ, его взволнованный, но звучный голосъ, которому онъ усиліемъ воли придавалъ чеканную твердость, когда произносилъ слова клятвы, даваемой своему отцу, Императору Александру III и въ лицѣ Его — Россіи.

Съ этой минуты Наслѣдникъ Цесаревичъ считался на дѣйствительной военной службѣ.

(1) Патріотическія «лекціи о Россіи» генерала Е. К. Миллера, читанныя въ Парижѣ въ 1928 г.

Быстро, но далеко не безслѣдно прошли восемь съ половиной лѣтъ, отдѣлявшіе этотъ торжественный и радостный для насъ день, отъ дня безконечнаго горя, когда смежилъ на вѣкъ глаза Его горячо любимый Имъ Родитель, Императоръ Александръ III — отъ того дня, когда на него, 26-ти лѣтняго юношу Провидѣніе возложило бремя управленія Россіей.

За эти годы, изучая военное дѣло теоретически подъ руководствомъ такихъ талантливыхъ авторитетовъ, какъ ген. Драгоміровъ, Лееръ, Лобко, Наслѣдникъ одновременно знакомился и практически съ военной службой и бытомъ офицера и солдата. Будущій Императоръ Николай II несъ службу строевого оберъ-офицера послѣдовательно, съ 1887 года, втеченіе пяти лагерныхъ сборовъ: въ Лейбъ-Гв. Преображенскомъ полку, сначала субалтернъ-офицеромъ, а затѣмъ ротнымъ командиромъ, въ Лейбъ-Гусарскомъ Его Величества полку — тоже одинъ сборъ младшимъ офицеромъ, а слѣдующій— командиромъ эскадрона, и, наконецъ, одинъ сборъ въ гвард. конной артиллеріи.

И здѣсь проявилось, какъ Наслѣдникъ любилъ не столько блестящую внѣшнюю сторону военной службы, сколько Ему по душѣ былъ весь укладъ полковой жизни: тѣсная товарищеская среда, простыя и вполнѣ опредѣленныя взаимоотношенія, дружественныя внѣ службы и строго дисциплинированныя во время несенія службы.

Но особенно привлекала его возможность ближе подойти къ солдату, къ простому человѣку изъ толщи народной. Командуя ротой и эскадрономъ, Наслѣдникъ относился къ исполненію своихъ скромныхъ обязанностей съ исключительной добросовѣстностью, которая была ему присуща въ большомъ и маломъ и которая вытекала изъ глубокаго сознанія долга.

Много лѣтъ спустя, уже будучи Императоромъ, сожалѣя объ излишне раннемъ возвращеніи въ Петергофъ изъ Шхеръ, не вызывавшемся какими нибудь чрезвычайными обстоятельствами — ввиду наступившаго общаго успокоенія, онъ писалъ 27 Сентября 1906 года своей горячо любимой матери: «Чувство долга или «Die verfluchte Schuldigkeit», какъ говорилъ дорогой папа, виновата въ этомъ.»

Въ данномъ случаѣ чувство долга шло въ унисонъ съ велѣніями сердца и съ доводами разума. Входя въ жизнь и бытъ солдатъ ввѣренной ему роты или эскадрона, наблюдая и изучая солдатскую психологію, взаимоотношенія офицеровъ и солдатъ, Наслѣдникъ вынесъ изъ своего пребыванія въ войсковыхъ частяхъ не только глубокую искреннюю любовь къ военной средѣ, къ арміи, но и совершенно опредѣленные взгляды на духовную сторону жизни въ казармѣ»... Мы видѣли и

знаемъ, какъ онъ лично настойчиво стремился устранить то, что, будучи пережиткомъ дурныхъ сторонъ крѣпостничества не вязалось уже съ понятіемъ «Народной Арміи», въ основу которой положены: всеобщая воинская повинность и слова — «солдатъ есть имя знаменитое, онъ слуга Царю и Отечеству и долженъ гордится тѣмъ, что онъ русскій солдатъ».

Мечтой Наслѣдника, какъ многіе знаютъ было воспользоваться своимъ относительнымъ досугомъ, чтобы нѣкоторое время командовать полкомъ. Влекло его къ этому — не пристрастіе къ строевой фронтовой службѣ, а главнымъ образомъ желаніе попытаться провести въ жизнь свои взгляды на офицера и солдата, на ихъ взаимоотношенія, на отношенія къ службѣ и собственнымъ примѣромъ увлечь офицеровъ на путь еще большаго отеческаго приближенія къ солдату. Всѣмъ памятно, какъ, поздравляя ежегодно производимыхъ въ офицеры, Императоръ Николай II особенно всегда останавливался на томъ, что начальникъ долженъ быть не только требователенъ и справедливъ, но и *отечески заботливъ по отношеніи къ младшему своему брату-солдату и долженъ служить ему примѣромъ*»

Всю свою любовь къ арміи, къ офицеру, солдату, все знаніе ихъ быта и жизни, которое Онъ почерпнулъ, главнымъ образомъ изъ времени командованія ротой и эскадрономъ, Государь вложилъ въ заботы объ улучшеніи условій прохожденія службы, стремясь улучшить и скрасить самую жизнь офицера и солдата.

Въ первые же годы его царствованія было увеличено содержаніе офицерамъ, несмотря на новый очень крупный расходъ, Дать скромному армейскому офицеру возможность жить, содержать семью, оставаясь безупречнымъ въ отношеніи всякихъ виновъ казенныхъ остатковъ и не входя въ долги — эту цѣль Государь себѣ поставилъ съ первыхъ дней царствованія и на этомъ, несмотря на всѣ финансовыя затрудненія, Онъ настаивалъ неоднократно. Увеличены и пенсіи, которыя, несмотря на введенную при Александрѣ III эмеритуру, не соотвѣтствовали дороговизнѣ жизни и не обезпечивали старому полковнику или генералу даже скромнаго существованія въ провинціальномъ городѣ.

Въ своемъ желаніи скрасить казарменную жизнь и зная, какъ солдатъ, взятый отъ сохи, тяготится оторванностью отъ семьи отъ родной деревни и замкнутой жизнью въ казармѣ послѣ деревенскаго приволья, Государь приказалъ увеличить число и продолжительность отпусковъ для солдатъ. Въ связи съ этимъ были упразднены вольныя работы въ полкахъ, исполнявшіяся осенью по окончаніи лагерныхъ сборовъ, т. е. въ то время, когда солдаты могли быть увольняемы въ отпускъ.

Упраздненіемъ «вольныхъ работъ», проведеннымъ вопреки отзывамъ многихъ старшихъ начальниковъ о важности ихъ для улучшенія ротнаго хозяйства, Государь преслѣдовалъ и моральную цѣль: не ставить офицера-начальника въ положеніе могущее дать поводъ къ нарѣканіямъ на злоупотребленіе трудомъ подчиненныхъ. [1])

При постройкѣ казармъ, въ связи съ измѣненіемъ дислокаціи, было приказано обратить особое вниманіе на устройство квартиръ для семейныхъ офицеровъ и на помѣщенія офицерскихъ собраній. Зная изъ опыта строевой службы, какое значеніе имѣетъ для всего уклада офицерской жизни офицерское собраніе, и понимая его значеніе въ глухой провинціи, Государь неоднократно изъ личныхъ средствъ помогалъ полкамъ, чтобы офицерское собраніе было уютно оборудовано и привлекало офицеровъ.

Особенно чутко Государь относился ко всему, что могло отразиться на духѣ и настроеніи офицеровъ въ зависимости отъ условій службы: было проведено производство оберъ-офицеровъ въ чины черезъ каждые четыре года.

Личной инициативѣ Государя русскій солдатъ обязанъ улучшеніемъ довольствія. Изъ опыта командованія ротой и эскадрономъ Государь убѣдился, какъ тяжко для солдата, не получающаго денегъ изъ деревни, довольствоваться утромъ только сухимъ хлѣбомъ. По обычаю, въ гвардейскихъ полкахъ, командиры ротъ и эскадроновъ давали солдатамъ чай на личныя свои средства, но это создавало неравенство, иногда зависть, и не могло считаться нормальнымъ. По приказанію Государя введено чайное довольствіе для солдатъ и отпускъ постельныхъ принадлежностей.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній для штрафованныхъ солдатъ въ мирное время было также результатомъ постояннаго стремленія Государя возвысить званіе солдата въ его собственныхъ глазахъ. Этимъ же объясняется приказъ о ношеніи погонъ нестроевыми и денщиками, а также переименованіе «казенной прислуги» въ «денщиковъ» и вѣстовыхъ.

Исключительное вниманіе Государь удѣлялъ вопросу о сверхъ-срочныхъ унтеръ-офицерахъ. Эти унтеръ-офицеры увольнялись въ возрастѣ, когда физически не могли нести строевую службу въ полѣ, какъ того потребуютъ обстоятельства военнаго времени, но могли быть полезны въ гражданской службѣ. Новый законъ обезпечилъ выслужившихъ сроки подпрапор-

---

[1]) «Вольныя работы» въ послѣлагерное время брались съ подряду цѣлыми частями войскъ, начиная со строительныхъ, а особенно выгодны были сельскохозяйственныя работы на югѣ, гдѣ въ большихъ экономіяхъ солдаты работали цѣлыми полками.

щиковъ мѣстами съ соотвѣтственнымъ служебнымъ положеніемъ въ другихъ вѣдомствахъ.

Уже изъ сказаннаго видно, какъ Государь любилъ армію, зналъ и понималъ военный бытъ и не только интересовался, но часто лично намѣчалъ нужныя мѣры, настойчиво добивался проведенія ихъ въ жизнь и устранялъ препятствія и затрудненія къ ихъ осуществленію.

И не только армію — конечно, превыше всего Государь любилъ Россію. Вспомнимъ Его слова, приведенныя Бьюкененомъ, когда Государь узналъ, что одной изъ причинъ отмѣны Керенскимъ смертной казни было, будто-бы, предупрежденіе возможности требовать казни Государя. Государь воскликнулъ: «Это ошибка. Уничтоженіе смертной казни подорветъ дисциплину въ арміи. Если это онъ дѣлаетъ для того, чтобы избавить Меня отъ опасности, передайте ему, что я готовъ пожертвовать жизнью для блага родины».

Но армію, какъ и флотъ, Онъ любилъ особенно нѣжною любовью: Ему было хорошо, пріятно, спокойно, когда Онъ былъ среди офицеровъ и солдатъ, среди людей безхитростныхъ не ищущихъ и не жаждущихъ ничего, кромѣ счастья видѣть и бесѣдовать со своимъ Государемъ, среди людей, въ незаинтересованной преданности которыхъ Онъ былъ увѣренъ. Врожденнымъ и чрезвычайно развитымъ чувствомъ деликатности и благожелательности Онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, кто имѣлъ счастье къ Нему приближаться.

Изъ опыта командованія ротой Государь помнилъ, какъ мучительна бывала подготовка къ прохожденію церемоніальнымъ маршемъ «бѣгомъ» у не въ мѣру ревностныхъ командировъ. А Государь хотѣлъ, чтобы для послѣдняго солдата Высочайшій парадъ, Царскій смотръ, встрѣча со своимъ Государемъ — были бы праздникомъ, а не мученіемъ. И за нѣсколько дней до перваго же майскаго парада Государь приказалъ разъ на всегда отмѣнить прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ «бѣгомъ».

Въ самый разгаръ смуты, въ концѣ декабря 1905-го года, Государь пишетъ Императрицѣ Маріи Федоровнѣ, бывшей въ Даніи: «27-го Декабря мы отлично отпразновали 50-ти лѣтній юбилей стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Петя великолѣпно командовалъ парадомъ. У насъ былъ большой завтракъ съ женами офицеровъ и всѣми прежде служившими. Вечеромъ Я ужиналъ въ офицерскомъ собраніи. За ужиномъ Я объявилъ, что возвращаю батальону самую первую форму съ малиновыми рубашками — enthousiasme indescriptible.

«Кромѣ того, для возстановленія традицій, Костя былъ назначенъ шефомъ 2-ой роты, а Николаша шефомъ 3-ей роты,

какъ ихъ отцы; Димка Голицынъ сдѣланъ стрѣлкомъ, какъ сынъ перваго командира баталіона», и заканчиваетъ Государь словами: «*Давно Я такъ не отдыхалъ душой*».

Въ этихъ строкахъ сказалось все отношеніе Государя къ арміи. Для Него, среди тяжкихъ государственныхъ заботъ, этотъ праздникъ, удачный парадъ-отдыхъ и радость, Онъ самъ счастливъ, что могъ баталіону доставить такую радость Онъ цѣнитъ и уважаетъ традиціи, зная, какъ силенъ духъ частей, гордящихся своимъ прошлымъ. Онъ понимаетъ значеніе формы для офицера и солдата. Онъ весь, всѣми своими понятіями и чувствами воплотилъ лучшія идеальныя стороны военнаго человѣка.

Въ эти тяжкіе, горькіе для Него дни 1905-06 г. г., Государя душевно тянетъ чаще общаться со своими полками. 17-го Ноября того же 1905-го года Онъ пишетъ Матери изъ Царскаго Села: «Я хочу видѣть полки здѣсь по очереди и начну съ Семеновскаго полка», — и потомъ, въ своихъ короткихъ, наспѣхъ написанныхъ письмахъ Онъ никогда не упускаетъ подѣлиться съ горячо любимой Матерью своими впечатлѣніями отъ этихъ встрѣчъ со своими полками. 1-го Декабря Онъ пишетъ:

«Семеновскій полкъ былъ въ великолѣпномъ видѣ, хотя его баталіоны не видали другъ друга полтора мѣсяца, вслѣдствіе службы въ Петербургѣ. Минъ и всѣ офицеры были въ отличномъ расположеніи духа. 26-го Ноября былъ Георгіевскій праздникъ. Новыхъ кавалеровъ было довольно много; изъ арміи прибыло 150 человѣкъ. За два дня мы смотрѣли 800 солдатъ 1-го армейскаго корпуса, вернувшихся съ войны, чтобы быть учителями молодыхъ солдатъ своихъ полковъ. Пріѣхали между ними и 100 новочеркассцевъ. Всѣмъ раненымъ и оставшимся въ строю Я далъ Георгіевскіе кресты. Такая радость была увидѣть этихъ славныхъ людей, которые съ такимъ самоотверженіемъ послужили въ страшной и трудной войнѣ. Старый Меейндорфъ, ихъ командиръ, бѣгалъ около нихъ и разспрашивалъ о тѣхъ бояхъ, въ которыхъ онъ былъ съ ними; а я рядомъ говорилъ съ другими, на это онъ не обращалъ никакого вниманія. Было очень забавно».

Развѣ не трогательна эта чуткая деликатность по отношенію стараго генерала, изъ за радости увидѣть своихъ боевыхъ солдатъ, забывающаго о присутствіи Государя? «Сегодня былъ смотръ Московскому полку — тоже блестящій. Офицеры вчера обѣдали у насъ, — теперь это уже вошло въ привычку. Аликсъ отлично разговариваетъ со всѣми по-русски». — Это интимное «у насъ», это удовлетвореніе, что

Императрица отлично со всѣми говоритъ, по-русски, — развѣ это не безконечно трогательно?

Такихъ выдержекъ можно привести много; ограничимся одной: «6-го происходилъ великолѣпный парадъ Гвардейскому Экипажу, стрѣлкамъ и другимъ частямъ въ манежѣ. Было чудное солнце, свѣтло и радостно на душѣ. Я имъ передалъ Твои поздравленія, и матросы долго кричали «ура» въ отвѣтъ. 3-го былъ очередной смотръ Преображенцамъ. Погода была теплая и Аликсъ взяла съ собою маленькаго (т. е. Наслѣдника), который смотрѣлъ на парадъ со ступенекъ подъѣзда передъ дворцомъ. Полкъ былъ очень радъ Его видѣть. Въ память этого Николаша былъ зачисленъ въ списки полка. Восторгъ неописуемый. Я такъ счастливъ, что войска полюбили Николашу [1]) и вѣрятъ ему. Недавно онъ принималъ всѣхъ командировъ частей, причемъ сказалъ имъ такую горячую рѣчь о вѣрности долгу и присягѣ [2]) что всѣ присутствовавшіе плакали и — «ура» ихъ было слышно на улицѣ. Это Я знаю отъ самихъ начальниковъ частей».

Каждое слово этихъ писемъ, — слова же эти такія простыя, а мысли ихъ диктовавшія, такія возвышенныя, каждое слово искренне выражающее задушевныя впечатлѣнія Государя, мы, должны знать, помнить и съ благоговѣніемъ передать нашимъ дѣтямъ. Государь весь сказался въ нихъ.

Да, Онъ любилъ свою армію.

И даже тогда, когда совращенные злодѣями солдаты подняли оружіе противъ своего Государя, забывъ присягу, даже тогда, не злобой, не местью, дышатъ Его письма, а сердечнымъ сожалѣніемъ о заблудшихся. 17-го Ноября 1906-го года Государь пишетъ Императрицѣ: «Но что хуже всего, это новый бунтъ въ Севастополѣ въ морскихъ командахъ на берегу и въ нѣкоторыхъ частяхъ гарнизона. До того больно и стыдно становится, что словами нельзя выразить. Вчера по крайней мѣрѣ генералъ Меллеръ-Закомельскій энергично покончилъ съ мятежомъ. Морскія казармы взяты Брестскимъ полкомъ, и крейсеръ Очаковъ сдался послѣ стрѣльбы съ Ростислава. Сколько убитыхъ и раненыхъ Я еще не знаю. *Но подумать страшно, что это все свои люди*»...

Любовь къ арміи, забота объ офицерѣ и солдатѣ проявлялась на каждомъ шагу, въ большомъ и маломъ; какъ часто,

---

[1]) Это было послѣ назначенія Великаго Князя Николая Николаевича Главнокомандующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, вмѣсто Великаго Князя Владиміра Александровича.

[2]) Вѣрность долгу и присягѣ, одиннадцать лѣтъ спустя, выявилась въ извѣстной телеграммѣ 1 марта 1917 года...

узнавъ случайно о затруднительномъ матеріальномъ положеніи того или другого офицера, Государь приходилъ на помощь изъ личныхъ средствъ. Устроить елку для солдатъ своей роты или эскадрона въ годы юности, для казаковъ своего конвоя и чиновъ сводно-гвардейскаго полка, обласкать подарками и тому подобное, было сердечною потребностью для Него.

А извѣстная всѣмъ прогулка Государя въ окрестности Ливадіи въ полномъ боевомъ солдатскомъ снаряженіи, т. е. съ общимъ грузомъ, достигающимъ почти полутора пудовъ? Это не была игра въ солдатики, какъ это многимъ представлялось и не было простой забавой, а совпало съ рѣшеніемъ вопроса объ измѣненіи походной солдатской укладки и походнаго снаряженія. Государь лично провѣрялъ, насколько легко или тяжело будетъ солдату совершать походъ въ такомъ снаряженіи.

Почему всѣ находятъ нормальнымъ и восхищаются фотографіями демократическихъ правителей и министровъ, изображаемыхъ играющими въ теннисъ и въ англійскія спортивныя игры и т. п., а когда Царь одѣваетъ на себя солдатскую ношу въ заботахъ о своемъ солдатѣ — то надъ этимъ иронизируютъ?

При соприкосновеніяхъ съ войсками, — на маневрахъ, смотрахъ, при разъѣздахъ по Россіи, во время ежегодныхъ пребываній въ Ливадіи, — Государь старался всегда возможно ближе подойти къ офицеру и солдату, разговаривая съ ними, вникая въ ихъ нужды и вызывая откровенность.

Настала война, и безконечно тяжело было Государю чувствовать Себя оторваннымъ отъ арміи. Онъ жилъ ея интересами, радостями и горестями. Когда черезъ два мѣсяца послѣ начала міровой войны сталъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, Государь далъ указаніе Военному Министру принять всѣ мѣры для усиленія производства снарядовъ, вооруженія и вообще военнаго снабженія. Иностранные военные агенты (Вильямсъ и пр.) теперь удостовѣряютъ, какъ много сдѣлалъ лично Государь въ этотъ критическій моментъ фронта — для его снабженія снарядами и пр. Особенно озабочиваясь снабженіемъ арміи всѣмъ необходимымъ, Государь требовалъ еженедѣльнаго Себѣ доклада о ходѣ военныхъ заготовокъ. Государь ѣздилъ не только въ Ставку, но и *въ районы расположенія войскъ*, навѣщалъ раненыхъ, гдѣ каждое Его посѣщеніе, Его спокойный сердечный разговоръ, одинъ взглядъ Его лучистыхъ глазъ, оставляли неизгладимый слѣдъ въ осчастливленныхъ раненыхъ. Но все это Его не удовлетворяло. Нельзя лучше выразить душевное состояніе Государя, чѣмъ сдѣлалъ онъ это Самъ въ разговорѣ съ французскимъ посломъ 16-го Іюля 1915-го года:

«Вы не можете себѣ представить, насколько пребываніе въ тылу меня тяготитъ. Какъ будто бы здѣсь все, до воздуха, которымъ дышешь, ослабляетъ энергію и разслабляетъ характеры. Слухи, самые пессимистическіе, новости, самыя невѣроятныя, принимаются на вѣру и распространяются во всѣхъ слояхъ. Здѣсь только занимаются интригами и заговорами, живутъ лишь интересами эгоистическими и ничтожными въ то время, когда тамъ дерутся и умираютъ за Родину. На фронтѣ одно чувство доминируетъ надъ всѣми: воля побѣдить. Все остальное забыто и, несмотря на потери, несмотря на неудачи, всѣ сохраняютъ довѣріе. Всякій человѣкъ, способный носить оружіе, долженъ былъ бы итти въ армію. Что касается до Меня, то Я не дождусь того момента, когда я присоединюсь къ моимъ войскамъ».

Суровый, но заслуженный приговоръ тылу, столичному обществу, интелигентскимъ верхамъ, въ томъ числѣ и критикамъ изъ большихъ штабовъ.

И среди этого смраднаго болота Государь одинъ поддерживаетъ въ себѣ пламень вѣры въ Свою армію, въ Россію, въ конечную побѣду.

Въ полсѣдніе годы наконецъ оцѣнили подвиги Царской арміи въ началѣ войны, остановившей германское наступленіе на Парижъ, но замалчиваютъ самое главное: вѣдь оказавшее такую спасительную помощь Жофру и Фошу въ моментъ побѣды на Марнѣ русское стремительное вторженіе въ Восточную Пруссію произошло именно по приказу Государя Императора Николая II, а наступленіе 1 и 2 арміи было лишь точнымъ исполненіемъ плана военныхъ дѣйствій, Высочайше утвержденнаго еще въ 1911-13 г. г. !...

Въ подтвержденіе сего достаточно привести слѣдующую запись изъ дневника французскаго посла въ Петроградѣ Палеолога, отъ 14 Августа 1914 г. т. е. за 2 недѣли до пораженія арміи Самсонова;... Государь сказалъ французскому Послу Палеологу: «Я предписалъ Великому князю въ самомъ ближайшемъ будущемъ и во что бы то ни стало открыть дорогу на Берлинъ. Я придаю второстепенное значеніе операціямъ на австрійскомъ фронтѣ. Мы прежде всего должны стремиться на сокрушеніе германской арміи». И по слову царскому вся гвардія была двинута къ Варшавѣ и если не приняла участія въ отраженіи атакъ Гинденбурга на Самсоновскіе корпуса, то лишь по винѣ главнокомандующаго фронтомъ (См. книгу Ген. Головина: «Изъ исторіи кампаніи 1914 г. на русскомъ фронтѣ).

Но когда насталъ часъ неудачъ, когда вся участь войны, вслѣдствіе недостатка оружія и снарядовъ, казалось, была

поставлена на карту и Государь взялъ на себя бремя командованія и присоединился къ Своимъ войскамъ, то сдѣлалъ Онъ это изъ горячей любви къ Россіи и выразилъ это словами, сказанными послѣ принятія на Себя Верховнаго Главнокомандованія: «Можетъ быть, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россію? Я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня».

Имѣя въ лицѣ генерала Алексѣева Начальника Штаба, къ знаніямъ и дарованіямъ котораго Онъ питалъ полное довѣріе, Государь считалъ возможнымъ отлучаться изъ Ставки для объѣзда войскъ, посѣщенія госпиталей и для поѣздокъ въ Петроградъ, гдѣ, кромѣ обще-государтрсвенныхъ дѣлъ, Онъ находилъ время и для личнаго воздѣйствія по существеннѣйшему вопросу о снабженіи арміи боевыми припасами.

«Въ вопросѣ о снабженіи виденъ нѣкоторый прогрессъ, — отмѣчаетъ генералъ Вильямсъ, представитель англійской арміи въ Ставкѣ, въ концѣ 1915 го года, — «безъ сомнѣнія, этому мы обязаны той энергіи, съ которой слѣдитъ за этимъ важнѣйшимъ вопросомъ Государь»...

Въ бытность Верховнымъ Главнокомандующимъ, Государь, по свидѣтельству лица, непосредственно участвовавшаго въ докладахъ, не только проявлялъ исключительный интересъ къ тому, что дѣлалось на фронтѣ, но дѣйствительно зналъ прекрасно расположеніе частей на фронтѣ (до полковъ включительно), свойства позицій, состояніе частей и степень ихъ обезпеченности всѣмъ необходимымъ. При ежедневномъ пріемѣ докладовъ Начальника Штаба и Генералъ-Квартирмейстера Государь постоянно обсуждалъ съ Начальникомъ Штаба планы предстоящихъ дѣствій и прежде чѣмъ давать окончательное согласіе на производство той или иной операціи, Онъ ее всесторонне изучалъ на этихъ докладахъ. Вопросы, которые задавалъ Государь и Его замѣчанія, убѣждали, что Онъ всесторонне знакомъ съ состояніемъ войскъ и фронта. Зналъ отлично Государь и расположеніе противника. (Все это подтверждаетъ и генералъ П. Н. Врангель въ своихъ воспоминаніяхъ).

Самъ генералъ Алексѣевъ неоднократно высказывалъ — какую огромную моральную поддержку ему оказывалъ Государь своими рѣшеніями въ критическіе и отвѣтственнѣйшіе моменты управленія арміями.

И во время пребыванія въ Ставкѣ, Государь постоянно поддерживалъ общеніе съ арміей. Всѣ пріѣзжающія въ ставку начальствующія лица приглашались на завтракъ или обѣдъ къ Высочайшему столу. Періодически въ Ставку вызывались

особо отличавшіеся офицеры и солдаты и получали награды изъ царскихъ рукъ.

Вступленіе въ Верховное Командованіе арміями Государь ознаменовалъ приказомъ по Арміи и Флоту, въ которомъ глубокой простотой и сердечностью звучатъ слова, собственноручно Имъ приписанныя :«*Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли русской*».

А какъ отозвалась армія на этотъ призывъ своего Державнаго Вождя, какъ отнеслась она къ принятію Верховнаго Командованія Государемъ?

Въ своей «на скорую руку» составленной книжкѣ подъ обязывающимъ къ большей продуманности заглавіемъ «Душа Арміи» не всегда безпристрастный генералъ Красновъ (стр. 73) неосторожно повторяетъ со словъ хулителей Императора Николая II сомнѣніе, возникшее у нѣкоторыхъ лицъ впослѣдствіи, уже послѣ разразившейся надъ Россіей катастрофы: «не фатальная ли неудачливость Императора Николая II пошатнула духъ армій, когда Государь Императоръ взялъ на Себя командованіе въ 15-мъ году?» Генералъ Миллеръ, по должности Начальника Штаба Арміи, имѣлъ очень широкое поле наблюденія. Онъ имѣлъ постоянно передъ собою точныя данныя о настроеніи войскъ, т. е. офицеровъ и солдатъ, принадлежащихъ къ частямъ пяти корпусовъ и нѣсколькихъ кавалерійскихъ дивизій на основаніи докладовъ военной цензуры, обязанной читать одно письмо на десять, изъ числа шедшихъ изъ арміи. И онъ опредѣленно заявляетъ, что армія, въ ея низахъ, восторженно встрѣтила приказъ своего Царя, и *рѣшительно опровергаетъ предположеніе о малѣйшемъ пониженіи настроенія войскъ въ моментъ принятія Верховнаго Командованія Государемъ.* Къ тому не было и никакихъ объективныхъ данныхъ. Наоборотъ, дружными усиліями всѣхъ частей, умѣло направленныхъ, былъ быстро ликвидированъ, казавшійся многимъ грознымъ, Молодечненскій прорывъ, остановлено было дальнѣйшее наступленіе нѣмцевъ, отражены были всѣ ихъ усилія въ началѣ октября прорвать фронтъ у Двинска и къ половинѣ октября фронтъ установился. А въ Декабрѣ уже на нѣкоторыхъ участкахъ были удачные переходы въ наступленіе. *16-й годъ былъ годомъ крупныхъ успѣховъ на австро-германскомъ фронтѣ, такъ называемаго Брусиловскаго наступленія, и порывъ не угасъ до послѣднихъ дней Верховнаго Командованія Государя.* На долю генерала Миллера, какъ командира 26-го корпуса, стоявшаго въ Январѣ и Февралѣ 1917 года въ Карпатахъ, выпало счастье вести

послѣдній успѣшный наступательный бой Императорской Арміи на европейскомъ фронтѣ въ концѣ января, съ взятіемъ плѣнныхъ-германцевъ и австрійцевъ, орудій и пулеметовъ. Въ Февралѣ же на всемъ фронтѣ было затишье. И генералъ Миллеръ завѣряетъ, что и тогда ни о какомъ шатаніи духа не было и рѣчи. Если въ теченіе 1915 и 1916 годовъ было нѣсколько изолированныхъ случаевъ упадка дисциплины въ отдѣльныхъ частяхъ, то это были исключенія, и причину тому нужно искать въ фактахъ совершенно другого порядка. Подобныя явленія наблюдались и въ арміяхъ другихъ государствъ [1]) когда въ жизни данной части наступали специфически наблагопріятныя обстоятельства. Общимъ же явленіемъ развалъ арміи сталъ лишь тогда, когда зараза, выброшенная Временнымъ Правительствлмъ, докатилась до фронта, и безправные начальники понемногу стали превращаться въ безсильныхъ главноуговаривающихъ. . . . .

Только не изжитою до сихъ поръ даже такими генералами, какъ П. Красновъ, психическою заразою обывательской пораженщины 1916 года — объясняется это легкомысленное повтореніе тыловой болтовни о мнимой «неудачливости Государя Николая II» — за время Его Верховнаго командованія... Если вспоминать о «фатальной неудачливости», то П. Н. Красновъ долженъ-бы прежде всего оглянуться на самого себя: что-же, какъ не *фатальная неудачливость самого генерала Краснова* — была причиною катастрофически безуспѣшнаго наступленія его казаковъ на С.-Петербургъ въ 1917 году съ главковерхомъ Керенскимъ, весьма неудачливо упущеннымъ затѣмъ генераломъ Красновымъ при бѣгствѣ Керенскаго изъ Гатчины? А «фатальная неудачливость» того-же генерала Краснова у себя на Дону, въ качествѣ атамана «Всевеликаго войска Донского», несмотря на всѣ его блестящіе организаторскіе таланты и политическое краснорѣчіе?

И какъ могъ тотъ-же многопишущій, немало читающій и хорошо освѣдомленный генералъ-патріотъ — до сихъ поръ не отмѣтить, не подчеркнуть со всею силою своего красновскаго таланта и не сказать давно общеизвѣстную правду: за время полуторагодичнаго Верховнаго главнокомандованія Государя Императора Николая Александровича дѣйствія русской арміи и флота были въ общемъ весьма удачливы и Онъ побѣдоносно велъ свою Армію къ окончательному сокрушенію врага, а русскій народъ и союзники уже забывали ту сплошную кошмарную *неудачливость перваго года войны*, которая породила извѣстное паническое настроеніе даже въ совѣтѣ министровъ лѣ-

[1]) Но въ русской арміи до революціи вовсе не было такихъ явленій, какъ уходъ съ фронта цѣлыхъ дивизій у французовъ.

томъ 1915 года и закончилось лишь устраненіемъ Державною волею Царя неудачливаго верховнаго главнокомандованія и болѣе, чѣмъ неудачливыхъ — генераловъ Янушкевича и Данилова.

Но исторія дѣлаетъ свое дѣло. Это слово правды о подвигѣ Императорской Арміи и ея Верховнаго Вождя Государя Николая Александровича — уже достаточно громко сказано въ вышедшей въ Парижѣ въ 1930 году небольшой по размѣру, но значительной по своему содержанію книжкѣ В. Н. Хрусталева: «*Прологъ трагедіи. Къ исторіи противодѣйствія принятію Государемъ Императоромъ Николаемъ II Верховнаго Главнокомандованія*».

Нашелся и достойный боевой генералъ-лейтенантъ Н. А. Лохвицкій, украсившій ея страницы слѣдующимъ весьма поучительнымъ для генераловъ Ю. Данилова и П. Краснова предисловіемъ, — да и для многихъ другихъ, въ особенности воинскихъ чиновъ:

«Излюбленныя средства революцій — ложь и клевета, но вѣроятно никогда такъ много не лгали и такъ зло не клеветали, какъ при подготовкѣ и во время русской революціи 1917 года. Только теперь, черезъ тринадцать лѣтъ, начинаютъ говорить правду. И въ этомъ, мы вѣримъ, нужно видѣть одинъ изъ признаковъ наступающаго выздоровленія отъ страшной болѣзни, развалившей Россію — революціи!

Оставшіеся вѣрными историческимъ завѣтамъ — Вѣра, Царь и Отечество — могутъ съ гордостью и радостью сказать, что они не боятся правды, а только о ней и просятъ, такъ какъ при свѣтѣ правды все величественнѣе, все свѣтлѣе дѣлается образъ Борца за Русскую Землю — Царя-Мученика. Вотъ почему такъ своевременно, такъ нужно появленіе добросовѣстной работы, говорящей, наконецъ, правду о принятіи на себя покойнымъ Государемъ бремени Верховнаго Главнокомандованія [1]).

Къ серединѣ августа 1915 года мы потеряли всю Польшу, всю Литву, большую часть Бѣлоруссіи и Курляндіи. Врагъ быстро приближался къ границамъ коренной Россіи.

Армія была ослаблена до послѣдняго предѣла. Боевая численность пѣхотныхъ полковъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не доходила до 1000 человѣкъ, то-есть была ослаблена на 75 процентовъ. Артиллерія, перейдя отъ восьми орудійныхъ батарей на шестиорудійныя, катала по дорогамъ, въ видѣ ненужнаго и стѣсняющаго обоза, свои пустые зарядные ящики.

[1]) Первое слово правды было сказано въ октябрѣ 1929 г. генераломъ А. И. Спиридовичемъ въ «Русскомъ Очагѣ».

Кавалерія, лучше сохранявшаяся, сидѣла на обезсилѣвшихъ коняхъ и во многихъ частяхъ была ослаблена на 40-50 процентовъ. Отъ стараго кадроваго состава Арміи оставалось такъ мало, что быстро переработать приходившія, слабо обученныя укомплектованія, при томъ на ходу и въ постоянныхъ бояхъ, было болѣе, чѣмъ трудно.

Длительное, почти безостановочное отступленіе, совершенно разстроило хозяйственную часть въ войскахъ.

Отступленіе всегда губительно дѣйствующее на духъ войскъ, теперь полностью сказалось на настроеніи. Уже при отходѣ изъ Польши участились случаи дезертирства, прекрасныхъ до этого, солдатъ поляковъ. Средній командный составъ выбился изъ силъ, находясь между молотомъ — высшимъ командованіемъ, и наковальней — войсками. Для всѣхъ стала ясной необходимость выйти изъ постоянныхъ отступательныхъ боевъ, прикрыться арьергардами, хотя-бы бросая ихъ на гибель, и отвести главную массу назадъ, выгадавъ необходимое время на пополненіе и приведеніе въ порядокъ войскъ.

Но то, что удалось Кутузову въ 1812 году, цѣною оставленія Москвы, не могло быть сдѣлано въ 1915 году. Кутузовъ видѣлъ и зналъ, что дѣлалось въ войскахъ, а большіе штабы 1915 года не видѣли, мало знали и боялись доносить правду.

Въ результатѣ, войскамъ отдавались свыше приказы: обороняться на такой-то линіи «до послѣдняго человѣка... а въ случаѣ неудачи, отойти на линію такую-то». Ставка и большіе штабы продолжали считать число баталіоновъ и давать соотвѣтствующія задачи, а въ войскахъ — баталіоны, обратившіеся въ слабыя роты, таяли, теряя послѣдніе кадры, то-есть возможность возстановленія Арміи.

Государь, давшій столько доказательствъ тому, насколько онъ любилъ, зналъ и понималъ Армію, именно въ эти тяжелыя минуты вступилъ въ Верховное Главнокомандованіе. *И случилось почти чудо. Отступленіе остановилось. Постепенно начали подходить укомплектованія. Пополнилась матеріальная часть. А главное — возстановилось взаимное довѣріе между крупными штабами и войсками.*

Къ ранней веснѣ 1917 года Русская Армія была снова готова, какъ въ началѣ войны, выполнить заданія Ставки. Это съ благодарностью чувствовалось въ войскахъ и поднимало ихъ духъ.

Девять лѣтъ понадобилось Петру Великому, чтобы Нарвскихъ побѣжденныхъ обратить въ Полтавскихъ побѣдителей.

Послѣдній Верховный Главнокомандующій Императорской Русской Арміей Императоръ Николай II сдѣлалъ ту-же великую работу въ полтора года.

Но работа Его была оцѣнена и врагами и между Государемъ и Его Арміей и побѣдой — стала революція».

Эти искреннія слова — не только резюмируютъ горькую, для многихъ неугодную правду книги Хрусталева, но являются и свидѣтельскимъ показаніемъ одного изъ героевъ войны, доблестнаго командира, георгіевскаго кавалера, много видѣвшаго и многое и о многихъ знающаго истинной правды и способнаго это сказать, не стѣсняясь когда-то высокимъ или искусственно приподнятымъ положеніемъ главныхъ отвѣтственныхъ лицъ изъ высшаго командованія и штабовъ перваго года войны.

Въ этомъ отношеніи люди съ гражданскимъ мужествомъ В. А. Маклакова, разоблачающаго и освѣщающаго нынѣ свѣтомъ истины преступное поведеніе бывшихъ его однопартійцевъ к.-д. — этихъ наиболѣе отвѣтственныхъ дѣлателей смуты, — такіе рѣшительно самоотверженные правдолюбцы и въ военной средѣ встрѣчаются далеко не часто. Подъ вліяніемъ ложнаго пониманія, ошибочныхъ «оріентацій» и упорнаго нежеланія сознаться въ своихъ ошибкахъ — даже въ лучшей, наиболѣе активной части эмиграціи, руководимой конечно не «Послѣдними Новостями», установились странныя и вреднѣйшія положенія, все еще принимаемыя какъ катехизисъ и извѣстной частью чиновъ (и болѣе молодыхъ), Р. О. В. С.

Это ложное и непростительное для насъ направленіе опредѣляется слѣдующими словами книги В. Н. Хрусталева:

«Почти все, что дѣлалось и дѣлается въ области, казалось бы, господствующаго «бѣлаго» направленія — склоняется скорѣе къ тому, чтобы какъ можно тщательнѣе забыть истинный обликъ покойнаго Царя, замолчать о томъ, во имя чего Онъ жилъ и погибъ смертью героя и мученика»...

«Эти недомолвки, эта недосказанность сопутствуютъ почти всему, что связано съ русской трагедіей. За какой-бы вопросъ мы ни взялись — всегда мы видимъ одну и ту-же систему, одно и то-же стремленіе: спрятать концы и начала, замолчать объ основныхъ узловыхъ вопросахъ. *Непредрѣшенство, аполитичность* — всѣ эти лицемѣрные ярлыки, прикрывающіе собой для однихъ уклоненіе отъ отвѣтственности — хотя бы только моральной, — а для другихъ — тайную политическую работу, указываютъ, что революціонная психологія нами еще не изжита, сроки еще не наступили и часъ нашего возрожденія еще не пробилъ. Ибо въ трагедіи 2 марта ключъ къ разгадкѣ гибели Россіи и ея грядущаго спасенія».

Къ прискорбію и стыду нашему, даже здѣсь, за рубежомъ, въ средѣ контръ-революціонной нашей *политической эмиграціи* (и уже потому не аполитичной) — даже среди многочислен-

ныхъ представителей Императорской Арміи все еще не изсякла эта зараза «безполитичности», «не вмѣшательства арміи въ политику», привитая еще тамъ, въ старой Великой Россіи лицемѣрными политиканами и особенно упорно распространяемая ими-же здѣсь. Все еще находятся русскіе люди, которые «ничего не забыли и ничему не научились». И какъ въ дореволюціонной Россіи это злонамѣренное изолированіе офицерства отъ сознательнаго отношенія къ вопросамъ внутренней политики ограждаемаго ими государства было одною изъ причинъ успѣшнаго развитія смуты, такъ и здѣсь, въ эмиграціи — тоже невѣжественное или предательское навязываніе воинскимъ чинамъ, уже въ самой Европѣ отжившихъ, правилъ «безполитичности» или «великаго молчанія арміи» — всего гибельнѣе отражается на достиженіи цѣлей освобожденія Россіи, а вообще — угашаетъ духъ и разлагаетъ лучшіе, наиболѣе активные контръ-революціонные, антибольшевицкіе круги русскихъ военныхъ эмигрантовъ, обращая многихъ — въ «хладныхъ сердцемъ скопцовъ аполитичности».

Передъ крушеніемъ Россіи 1917 года военноначальники твердили, что война народная, что Армія есть вооруженный народъ, а объ управленіи народомъ, то есть, о политикѣ, они ничего знать не хотѣли. Повторяли напѣтыя масонами слова объ аполитичности Арміи, а когда пришелъ часъ политическаго испытанія, сами того не понимая, предали Армію во власть мятежа и погубили Россію.

Не то, разумѣется, было бы, если бы Армія заранѣе понимала дѣйствія враговъ государственности, если бы ей было впередъ разъяснено, къ чему ведутъ революціонеры.

Но для этого Армія должна была понимать «политику», для этого генералы и офицеры должны были ясно знать свои политическія обязанности и задачи. Офицеры должны были знать, что своею аполитичностью они развязывали руки врагамъ Россіи.

Десять лѣтъ прошло съ того времени, какъ кучка проходимцевъ захватила власть при наивно-преступномъ попустительствѣ высшаго командованія Арміи, и хочется задать вопросъ, научились ли наши военные хотя бы теперь понимать свои истинныя политическія обязанности или все еще пребываютъ въ состояніи своей, выгодной для враговъ Россіи «аполитичности», т. е. безучастности и безразличіи къ судьбамъ Отечества?

На это можно отвѣтить словами Н. Д. Тальберга, сказанными послѣ панихиды по Государѣ и всѣмъ за время кромолы убіеннымъ въ 1927 г., въ день Русской Скорби: — «*Развѣ не*

здѣсь сегодня мѣсто всѣмъ, свободнымъ отъ службы, офицерамъ, проживающимъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ?!..»

Не было приказовъ« свыше» и большинство отсутствовало... Но это не значитъ, что бы Армія была такъ ужъ ограждаема отъ «политики». Вотъ когда вздумается политическимъ «вождямъ» ея устроить политическое выступленіе *международнаго* характера, тогда по ихъ приказу, напр., къ могилѣ неизвѣстнаго солдата — являются строемъ, со знаменами, г. г. офицеры и казаки со всего Парижа и его окрестностей во главѣ со своимъ атаманомъ въ формѣ при орденахъ. И настолько это уже «политично», что даже савѣтскій посолъ протестуетъ.

Подтвержденіе справедливости вышеприведенныхъ словъ В. Н. Хрусталева и всего, нами коротко высказаннаго — не замедлило и къ удивленію нашему было безъ особыхъ стѣсненій напечатано въ такомъ близкомъ сердцу каждаго русскаго офицера журналѣ, какъ органъ «Обще-Воинскаго Союза»: «Часовой» (N 36).

Въ видѣ рецензіи книги В. Н. Хрусталева, но совершенно не ознакомивъ читателей съ ея содержаніемъ, «Часовой» печатаетъ: «У насъ точка зрѣнія *прямо противоположная* В. Н. Хрусталеву... Все прошлое, всѣ ошибки (sic) *несчастнаго Царя* (?!), все стушевалось передъ Его Жертвой. Двухъ мнѣній здѣсь быть не можетъ.

Вотъ почему намъ нѣсколько непонятно, почему В. Н. Хрусталевъ старается въ своей брошюрѣ, какъ бы «обѣлить» память Государя. Если онъ хотѣлъ доказать, что принятіемъ на себя Верховнаго Главнокомандованія Государь совершилъ большую жертву — это тоже возраженій не можетъ (?) вызвать. Если же говорить о томъ, что Верховное Командованіе Царя принесло Россіи пользу, то, увы, это вопросъ очень спорный и можетъ быть разрѣшенъ только исторіей»... Такова психологія берущихъ на себя смѣлость высказывать столь «авторитетныя» сужденія въ военномъ журналѣ по такому, величайшаго значенія, вопросу.

Хотя рецензентъ и ограничивается въ своихъ сужденіяхъ въ сущности общими мѣстами да ссылкою на «судъ исторіи», но нельзя не замѣтить стремленія опорочить даже самую цѣль печатнаго труда В. Н. Хрусталева, котораго, явно пристрастный критикъ, обвиняетъ въ желаніи «обѣлить» Государя! Какъ будто сказать сущую обо всемъ правду по поводу самоотверженно смѣненнаго Царемъ *несчастнаго* главнокомандованія перваго года войны, своимъ *несчастливѣйшимъ* ея веденіемъ принесшаго Россіи столько непоправимыхъ *несчастій*, въ 1914-15 годахъ, при чемъ даже вполнѣ достижимыя или почти достигнутыя уже побѣды — обращались для насъ

въ пораженія, — сказать такъ, какъ это высказалъ генералъ Лохвицкій, — есть уже «преступленіе», а самое рѣшеніе Царя 23 августа 1915 года и вся Его дѣятельность, какъ Верховнаго Вождя — нуждается въ какомъ-то «обѣленіи»!... А вѣдь для сужденія не только объ этой дѣятельности Государя Николая Александровича, но и о всѣхъ Его Царственныхъ трудахъ и даже объ интимнѣйшихъ сторонахъ его жизни имѣется въ распоряженіи современниковъ, не дожидаясь будущихъ историковъ, — исключительно обширный и безспорный историческій матеріалъ, опубликованный, какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Государь Николай II оставилъ исторіи такія документальныя свидѣтельства о своей дѣятельности и личности, какихъ Ставкою перваго года войны и ея отвѣтственными руководителями или вовсе не оставлено, или опубликовано ничтожнѣйшее количество и самого безсодержательнаго шаблоннаго офиціальнаго свойства.

И вотъ всюду: и въ цѣлыхъ томахъ личныхъ царскихъ дневниковъ, писемъ и семейной переписки, въ безчисленномъ множествѣ резолюцій, телеграммъ, повелѣній, приказовъ, директивъ, въ офиціальныхъ отзывахъ дипломатическихъ и военныхъ иностранныхъ представителей, въ ихъ-же многочисленныхъ дневникахъ, мемуарахъ, наконецъ, въ актахъ слѣдственныхъ производствъ чрезвычайки Временнаго Правительства — передъ нами всестороннее освѣщеніе личности Царя-Мученика и всей Его дѣятельности, повседневной работы, какъ Верховнаго Главнокомандующаго. Къ сожалѣнію, однако, какъ справедливо замѣтилъ В. Н. Хрусталевъ, объ этомъ вполнѣ историческомъ и документальномъ освѣщеніи личности Государя Николая II и Его самоотверженныхъ трудахъ — до сихъ поръ менѣе всего извѣстно въ русской эмиграціи и даже въ ея военныхъ кругахъ; почти все это, касающееся Императора Николая II — какъ-то странно, по какимъ-то не писаннымъ «директивамъ» съ эмигрантскихъ верховъ — просто замалчивается. «Принято» — украшать свои жилища Его портретомъ, ходить на панихиды по Царской Семьѣ — но въ печати — обо всемъ, касающемся Государя, какъ Правителя и въ особенности — какъ Верховнаго Главнокомандующаго — или не говорятъ, или-же упоминается «по-стольку, по-скольку»... это связано съ какими-нибудь Даниловскими «воспоминаніями о мобилизаціи 1914 года» и т. п.

Вотъ именно о томъ, что свѣтлая личность самоотверженнаго Героя своего Царственнаго долга, Царя-Мученика Николая Александровича — *не нуждается ни въ какихъ обѣленіяхъ*, а тѣмъ болѣе — черными руками тѣхъ изъ насъ, на комъ болѣе другихъ лежитъ наша общая вина, наше общее преступленіе

въ безучастномъ отношеніи, въ бездѣйствіи или въ не умѣньи въ дѣлѣ спесенія Царя и Его Семьи — яснѣе яснаго и говоритъ В. Н. Хрусталевъ.

Но у критиковъ офиціалнаго зарубежнаго военнаго органа двѣ мѣрки: одна — для «своихъ», какъ, напр., у докатившагося нынѣ, въ послѣдовательной эволюціи, отъ «Послѣднихъ Новостей» черезъ «Возрожденіе» до «Часового» — генерала Ю. Данилова, другая — для «инакомыслящихъ», т. е. не по «катехизису» подголосковъ зарубежной «общественности». Вѣдь не такъ ужъ давно, въ томъ-же военномъ журналѣ печатались хвалебные отзывы о послѣднемъ «капитальномъ »трудѣ Ю. Данилова: «Великій Князь Николай Николаевичъ» — претендующемъ на сугубую историчность, но совершенно не документированномъ и обоснованномъ лишь на разсказахъ и личныхъ свидѣтельствахъ самого автора, которому и приходится вѣрить на-слово. Между тѣмъ эта книга проникнута такимъ явнымъ стремленіемъ къ «обѣленію» и восхваленію главнокомандованія перваго года войны, а еще болѣе — къ реабилитаціи самого главнаго дѣятеля Барановичской Ставки, генерала Данилова и онъ, въ желаніи само-обѣлиться, настолько увлекся, что именно это его сочиненіе даетъ уже значительный матеріалъ для выясненія отрицательныхъ сторонъ этой Ставки, какимъ бы многословіемъ они не зашифровывались. Это и замѣчено уже независимою военно-ученою критикой. Но вотъ объ этомъ стремленіи «обѣлить» Ставку перваго года войны — въ отзывахъ «Часового» конечно ничего не говорится... хотя стремленіе его къ реабилитаціи той Ставки и своей личной вполнѣ всѣмъ понятно, особенно послѣ обвинительныхъ пунктовъ по адресу генерала Ю. Данилова и Главнокомандованія 1914 года, заключающихся въ послѣднихъ серьезныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ генерала Головина, генерала Доманевскаго (лекція) и др. Странныя претензіи на «историчность» своего труда у генерала Данилова, наполняющаго сотни страницъ личнымъ своимъ повѣствованіемъ о «дѣятелности Верховнаго Главнокомандованія» въ первый годъ войны и т. д., но при этомъ не приводящаго почти никакихъ документовъ, приказовъ, резолюцій, телеграммъ, ни писемъ, ни дневниковъ, ни отзывовъ тѣхъ иностранныхъ агентовъ, которые изо-дня въ день наблюдали работу Барановичской Ставки... Однако для выводовъ и сужденій — ни самъ авторъ, ни услужливые критики изъ «Часового» въ этомъ случаѣ не ждутъ «окончательныхъ рѣшеній Исторіи». Но совсѣмъ иной тонъ оказывается въ отзывахъ того-же журнала — лишь только нашлись независимые и правдивые авторы, рѣшившіе положить конецъ непростительному замалчиванію того великаго подвига, свидѣ-

телями котораго былъ весь русскій народъ и союзники Россіи, за время полутора-годичнаго Верховнаго Командованія Арміей Государемъ Императоромъ.

Въ этой главѣ мы приводимъ пространныя выдержки изъ патріотическихъ лекцій главы Общевоинскаго Союза генерала Миллера объ отношеніи Государя къ Арміи, при чемъ онъ также подробно останавливается на далеко не разъясненномъ исторически или превратно освѣщаемомъ моментѣ принятія Царемъ Верховнаго Главнокомандованія... Остается ожидать, что въ офиціальномъ органѣ Р. О. В. С. и самому генералу Миллеру будутъ выражены и съ такою же репортерской бойкостью — упреки въ стремленіи «обѣлить» Государя! Между тѣмъ В. Н. Хрусталевъ (и Н. А. Лохвицкій) ясно и опредѣленно разъясняютъ цѣль ихъ писаній по такому, величайшаго значенія, вопросу.

«Едва-ли какой-либо другой личный починъ Императора Николая II имѣетъ такую «дурную прессу» (русскую), какъ принятіе Имъ на себя Верховнаго Главнокомандованія»... «Вотъ почему всякій подходъ, къ изученію этой «трагедіи» имѣетъ не только историческое, но жизненное, творческое значеніе».

Въ сознаніи нашихъ ошибокъ прошлаго, въ переживаемый всѣми относительно добросовѣстными «политиками» моментъ переоцѣнки многихъ «цѣнностей» этого предреволюціоннаго прошлаго — всякое искреннее стремленіе освѣтить историческія событія 1915-16 годовъ безотлогательнымъ опубликованіемъ правдивыхъ показаній и сообщеніемъ безспорныхъ свѣдѣній — является цѣнною заслугою и передъ Отечествомъ, и передъ исторіей. До сихъ поръ были публикаціи — и историковъ, и военныхъ изслѣдователей» — о моментѣ устраненія Государемъ *двоевластія въ странѣ и на фронтѣ* принятіемъ на себя его первѣйшей и законнѣйшей обязанности Верховнаго Главнокомандованія... Но всѣ эти «историческія» публикаціи и создали ту именно «*дурную прессу*» послѣреволюціонную, о которой говоритъ В. Н. Хрусталевъ и которая является лишь отголоскомъ еще болѣе «*дурной прессы*» 1916-17 годовъ, а истинная сущность ея, какъ увидимъ ниже — предательская ложь, клевета и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ — легкомысліе или «добросовѣстное заблужденіе». Отцомъ этой лжи являлся тогда, а печатно ее развилъ и за рубежомъ, въ своей пресловутой «Исторіи II Русской Революціи», все тотъ-же «профессоръ» Милюковъ, объяснявшій этотъ историческій актъ Царя — «внушеніями Распутина, вліявшаго на Императрицу, мистическимъ настроеніемъ Государя и «по слухамъ» (!) — состояніемъ умственной апатіи, вслѣдствіе усиленнаго употребленія алкоголя».

Другой профессоръ, баронъ Б. Э. Нольде, подходитъ къ вопросу съ внутренней-политической точки зрѣнія и прорицаетъ, что яко-бы «во имя спасенія страны и Династіи надо было *сломить* волю Монарха и *заставить* (?) Его подчиниться, вмѣсто мистики, политической реальности».

«Для страны въ эту минуту отозваніе Великаго Князя значило *окончательный разрывъ съ нею* (?), ибо, для всей той Россіи, въ *союзѣ съ которой* (что это за особая Россія?) война была начата, имя Великаго Князя въ тотъ моментъ было символомъ *этого союза* (?), а его отсылка — *символомъ разрыва*. («Соврем. Зап.», XXX, стр. 547).

Проще и рѣшительнѣе оказываются мнѣнія по этому же вопросу старыхъ военныхъ писателей, генераловъ А. И. Деникина и Ю. Н. Данилова, при чемъ первый изъ нихъ по-просту повторяетъ ту-же милюковскую ложь, дополняя ее такими сплетнями тыловой «дурной прессы» того времени, какъ извѣстная клевета о «нѣмецко-распутинскомъ окруженіи», — чего теперь 7 лѣтъ спустя, тотъ-же А. И. Деникинъ конечно не напечаталъ-бы въ своей книгѣ.

«...Государь подъ вліяніемъ Императрицы и Распутина рѣшилъ принять на Себя верховное командованіе арміей. Этому предшествовали безрезультатныя представленія восьми министровъ и нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей, предостерегавшихъ Государя отъ опаснаго шага. Офиціальными мотивами выставлялись, съ одной стороны, трудность совмѣщенія работы управленія и командованія, съ другой — рискъ брать на себя отвѣтственность за армію въ тяжелый періодъ ея неудачнаго отступленія. Но истинной причиной былъ страхъ, что отсутствіе знаній и опыта у новаго Верховнаго Главнокомандующаго крайне осложнитъ и безъ того трудное положеніе арміи, а *нѣмецко*-распутинское окруженіе, вызвавшее параличъ правительства (?) и разрывъ его съ Государственной Думой и страной — поведетъ къ разложенію арміи». («Очерки русской смуты», т. I, вып. 1, стр. 33).

Вотъ какъ, въ 1923 г., образованный военный литераторъ, почтенный генералъ — такъ «по-просту, по-военному» отрѣзалъ... эту тяжкую неправду-инсинуацію о томъ, что какое-то (не существовавшее) *нѣмецкое окруженіе* можетъ сдѣлать и Самого Государя, Верховнаго Главнокомандующаго, — слѣпымъ орудіемъ разложенія арміи!..

Болѣе осторожный генералъ Ю. Даниловъ, самъ, какъ привиллегированный кабинетный генштабистъ проходившій лишь сокращенные стажи командованія отдѣльными частями, не многимъ продолжительнѣе, чѣмъ для великихъ князей, — всячески подчеркиваетъ «военную неподготовленность и скромность

военнаго стажа Государя, достигшаго на военной службѣ лишь «скромнаго положенія полковника одного изъ гвардейскихъ полковъ».

«...Въ общемъ Государь былъ человѣкомъ средняго масштаба, котораго несомнѣнно должны (?) были тяготить государственныя дѣла и тѣ сложныя событія, которыми полно было Его царствованіе. Разумѣется, не по плечу и не по знаніямъ Ему было и непосредственное руководительство войною (Архивъ Русской Революціи, т. XIX, стр. 213-217). Этотъ свой отзывъ о Государѣ, какъ полководцѣ, генералъ Даниловъ уже болѣе беззастѣнчиво укрѣпилъ въ своей новой книгѣ «Великій Князь Николай Николаевичъ».

«Вступленіе въ командованіе всей Арміей Императора Николая II было встрѣчено съ недовѣріемъ и уныніемъ... Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Императоръ Николай II не обладалъ необходимыми знаніями, ни опытомъ, ни волею, и что весь Его внутренній обликъ мало соотвѣтствовалъ грандіозному масштабу войны». (стр. 274).

Таковы эти характерные, несомнѣнно соблазнившіе «многихъ изъ малыхъ сихъ» — отзывы о Верховномъ Главнокомандованіи Государя извѣстныхъ генераловъ, такъ развязно основывающихъ свои сужденія и оцѣнку этого Главнокомандованія не по блестящимъ результатамъ, а на основаніи пересудовъ тыловой «дурной прессы» и своего личнаго отношенія къ военнымъ знаніямъ, стажу и государственнымъ способностямъ Императора Николая II, уже имѣвшаго въ то время 20-ти лѣтній опытъ правленія величайшею Имперіей въ свѣтѣ.

Да, у Императора Николая II была «дурная пресса» — и въ прямомъ и въ переносномъ значеніи этихъ словъ. Россійскій Самодержецъ уже съ самаго вступленія на Престолъ былъ у насъ обреченъ имѣть эту «дурную прессу», начиная отъ сплетенъ и пересудовъ придворныхъ и столичныхъ круговъ, кончая выдумками, инсинуаціями и клеветой ненавистниковъ самодержавія радикаловъ-общественниковъ и профессіональныхъ партійныхъ хулителей Царя. Къ сожалѣнію, эта «дурная пресса» находила подголосковъ и среди представителей «военной интеллигенціи», находитъ ихъ и въ зарубежной военной средѣ.

Но у Русскаго Царя была и есть и «хорошая пресса»! Несравненно болѣе безпристрастная и авторитетная, чѣмъ своя русская. Только эта «хорошая пресса» почти вся — на иностранныхъ языкахъ и принадлежитъ перу наблюдавшихъ дѣятельность Государя особенно за время Его Главнокомандованія, иностранныхъ представителей или-же изучавшихъ Его царствованіе серьезныхъ, образованнѣйшихъ, независимыхъ государственныхъ дѣятелей иностранныхъ государствъ. Первымъ

же трудомъ о личности и мученическихъ подвигахъ Царя и о Его Семьѣ — была книга образованнаго швейцарца г. Жильяръ, содержаніе которой напечатано впервые въ журналѣ «Illustration». Съ тѣхъ поръ — о Государѣ Николаѣ II, а равно и о Его Главнокомандованіи — напечатана на разныхъ языкахъ богатая историческая литература, при чемъ всѣ серьезные авторы отзываются о нашемъ послѣднемъ Царѣ съ величайшимъ уваженіемъ и высоко цѣнятъ Его заслуги передъ Россіей.

Какъ образецъ такого отзыва мы и привели выше нѣсколько строкъ изъ книги У. Черчилля о «Всемірномъ кризисѣ». Наличность такой и именно иностранной, независимой «хорошей прессы» о покойномъ Государѣ — имѣетъ особенно важное историческое значеніе. Вѣдь ея сужденія, выводы и оцѣнки высказаны на основаніи *результатовъ*, а не подъ вліяніемъ политическихъ настроеній и не по указкѣ какихъ-либо «безполитичныхъ» политикановъ, которые пресмыкаются среди насъ и за-рубежомъ и болѣе всего стараются надъ угашеніемъ духа воинскихъ организацій, въ которыхъ не могутъ не видѣть всегда грозные кадры будущей Царской Арміи.

Къ сожалѣнію, содержанія книги В. Н. Хрусталева мы не имѣемъ возможности здѣсь изложить, хотя бы кратко, а еще затруднительнѣе передать въ общихъ чертахъ тѣ записи бывшаго помощника управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ — А. Н. Яхонтова «о секретныхъ засѣданіяхъ Совѣта съ 16 іюля по 2 сентября 1915 г.,» — которыя служатъ главною исторической основою труда В. Н. Хрусталева, ибо они съ потрясающей яснотью рисуютъ паническое настроеніе ,охватившее и Ставку, и Петербургскую высшую бюрократію, передъ непріятельскимъ нашествіемъ, а также и то, какъ эта паника «сферъ» удвоилась — при первыхъ извѣстіяхъ о желаніи Государя лично исполнить свой долгъ Верховнаго Вождя, Самому стать во главѣ вооруженнаго народа и устранить катастрофическое двоевластіе Ставки и Центральнаго Правительства... На этомъ мы подробно остановимся въ своемъ мѣстѣ, а пока замѣтимъ, что вначалѣ министры и не думали такъ настойчиво отговаривать Государя и даже ставить свой «ультиматумъ». Но вскорѣ произошла «смычка» нѣкоторыхъ изъ нихъ (Сазоновъ, Самаринъ и проч.) съ политиканствовавшими «прогрессивными дѣятелями», которые, собравшись въ Москвѣ у А. Н. Коновалова, — постановили использовать такую *благопріятно складывающуюся* для нихъ обстановку для предъявленія революціонныхъ требованій о пресловутомъ «отвѣтственномъ министерствѣ» — при чемъ первою должна была выступить Московская Городская Дума, тотчасъ поспѣшившая вотировать «единогласно» привѣтствіе Великому Князю Николаю Николаевичу.

Тогда и въ Совѣтѣ Министровъ вопросъ принялъ аналогичное теченіе, скрытно подъигрывавшее домогательствамъ общественности. Сазоновъ, Самаринъ, генералъ Поливановъ — особенно тутъ старались.

«Военныя затрудненія являются благопріятною обстановкой, которую необходимо использовать... чтобы получить правительство, пользующееся «полнотой власти» и довѣріемъ страны. (Каково будетъ это правительство Россія узнаетъ черезъ полтора года!). Надо во что бы то ни стало *сломить* волю Царя. Какимъ путемъ? Тѣмъ самымъ, который былъ уже однажды, не безъ успѣха, использованъ въ 1905 году, когда также «патріотически» использована была обстановка затрудненій Японской войны, и также Царю поставленъ ультиматумъ: или диктатура, или уступки. Только выступаетъ не Витте (уже покойникъ), а почти весь Совѣтъ Министровъ, съ Кривошеинымъ во главѣ. (Предсѣдатель Горемыкинъ и министръ юстиціи Хвостовъ рѣзко отказались, видя въ этомъ «ультиматумѣ» прямое, преступное нарушеніе присяги).

«Безпримѣрный въ исторіи русской бюрократіи эпизодъ окончился. Маски сброшены. На одной сторонѣ оказались восемь министровъ, подавшіе Царю свое преступное заявленіе, — восемь сановниковъ въ теченіе шести недѣль четыре раза смѣнявшіе свои убѣжденія — Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко и генералъ Поливановъ, — на другой — Царь и двое вѣрныхъ слугъ. Царь отвѣтилъ: «Ѣду въ Ставку» и принялъ Главнокомандованіе, спасшее въ тотъ моментъ Россію. Кто-же былъ правъ?

Хотя такіе, особенно близко стоявшіе къ работѣ Ставки спеціалисты, какъ Ю. Даниловъ продолжаютъ и теперь судить о Верховномъ Главнокомандованіи Государя съ тѣмъ-же предвзятымъ взглядомъ и ничему не научившись за 10 лѣтъ — повторять лживые отзывы о томъ, что будто бы «вступленіе въ командованіе всей арміей Императора Николая II было встрѣчено съ недовѣріемъ и унынiемъ» (и т. д.), но исторія уже даетъ полную возможность высказать безпристрастное заключеніе о тѣхъ достигнутыхъ Императорской Арміей результатахъ, о которыхъ напомнилъ намъ генералъ Лохвицкій.

Хулители Императора Николая II разумѣется отлично сознаютъ, что о военной дятельности полководца, какъ и о государственной — правителя — сужденія могутъ быть основаны только на *достигнутыхъ результатахъ*.

Краткимъ сопоставленіемъ тѣхъ возраженій военнаго, административнаго, политическаго (и даже дипломатическаго) характера, которыя такъ рѣшительно выставлялись противъ принятія Государемъ Главнокомандованія, — и доказанной уже

въ 1916 году полнѣйшей несостоятельности этихъ паническихъ и двуличныхъ сужденій и «предостереженій» — В. Н. Хрусталевъ точно устанавливаетъ, что ходомъ событій на фронтѣ были опровергнуты всѣ эти запугивающія предсказанія о гибельности и тяжелыхъ послѣдствіяхъ для Россіи отъ смѣны Главнокомандованія.

Эти зловѣщія предсказанія и сужденія (яко-бы отъ имени всей вѣрной Россіи), — сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) *Трудно надѣяться на пріостановку побѣднаго шествія нѣмцевъ.* Подумать жутко, какое впечатлѣніе произведетъ на Москву, если Государю пришлось бы отъ своего Имени отдать приказъ объ эвакуаціи Петрограда или, не дай Богъ, Москвы. (Генералъ Поливановъ).

2) Въ странѣ наблюдается *ростъ революціонныхъ настроеній, при чемъ Великій Князь, несмотря на все происходящее на фронтѣ, не потерялъ своей популярности и съ его именемъ связаны надежды на будущее* (?). (Князь Щербатовъ, — но онъ-же, черезъ 6 дней констатировалъ : «надо сказать, что довѣріе въ массахъ къ Великому Князю начало замѣтно падать». А военный министръ подчеркнулъ, что «популярности Великаго Князя предстоитъ большое испытаніе, когда сдѣлается извѣстнымъ оставленіе нами безъ боя крѣпостей»).

3) Увольненіе Великаго Князя произведетъ *крайне неблагопріятное впечатлѣніе на союзниковъ*, которые въ него вѣрятъ. Кромѣ того, объединеніе въ лицѣ Монарха Главнокомандованія усложнитъ и затруднитъ (?) сношенія между союзными арміями и штабами. Нельзя скрывать и того, что *за-границей мало вѣрятъ въ твердость характера Государя и боятся окружающихъ Его вліяній* (Гофмейстеръ С. Сазоновъ).

4) Ставятся ребромъ судьбы Россіи и всего міра, династіи, наносится ударъ монархической идеѣ. Народъ давно уже, со времени Ходынки и Японской кампаніи считаетъ Государя Царемъ несчастливымъ, незадачливымъ. Напротивъ популярность Великаго Князя еще крѣпка и *онъ является лозунгомъ, вокругъ котораго объединяются послѣднія надежды.* ...И вдругъ смѣна Верховнаго Главнокомандующаго. Какое безотрадное впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ народныхъ массахъ, и въ войскахъ. (Статсъ-секретарь Кривошеинъ, — но черезъ нѣсколько дней онъ-же заявляетъ, что «популярность Великаго Князя... значительно упала не только въ войскахъ, но и среди мирнаго населенія, возмущеннаго наплывомъ бѣженцевъ, въ то время, когда повсюду гуляютъ сотни тысячъ бездѣльниковъ въ сѣрыхъ шинеляхъ»).

5) «...За послѣднее время возобновились толки о *скрытыхъ*

вліяніяхъ, которыя будто-бы сыграли рѣшающую роль!.. Уходъ Великаго Князя — начало гибели (А. Д. Самаринъ).

6) Для страны въ эту минуту, отозваніе Великтго Князя значило окончательный разрывъ съ нею... Для всей *той Россіи*, въ союзѣ съ которой война была начата, имя Великаго Князя въ тотъ моментъ было *символомъ этого союза*, а его отставка — *символомъ разрыва*» (Профессоръ баронъ Нольде).

Здѣсь прежде всего весьма знаменательно, какъ и 10 лѣтъ назадъ, при изданіи манифеста 17 октября 1905 года — привлеченіе къ выступленіямъ министровъ и солидарной съ ними тыловой общественности — имени Великаго Князя. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что тѣ-же шаги будутъ предприняты и въ послѣдніе дни передъ крушеніемъ Россіи...

Какъ же сбылись всѣ вышеизложенныя предсказанія о «гибельности» смѣны Верховнаго Главнокомандованія, о неминуемыхъ тяжкихъ послѣдствіяхъ для Арміи и Россіи?

«Истиннымъ мѣриломъ для оцѣнки всякаго Главнокомандующаго могутъ служить только объективные *факты*.

Хотя, за рѣдкими исключеніями, наши военные авторитеты отличаются молчаливостью въ отношеніи этого періода войны, но едва-ли эта молчаливость объясняется патріотическимъ стремленіемъ умолчать о слабыхъ сторонахъ командованія Государя; какъ мы видѣли, тѣ-же военные «авторитеты» не скупятся на общіе отрицательные отзывы по адресу своего Монарха, а самый многопишущій развязно договаривается, что 1916 годъ по получающемуся впечатлѣнію протекъ для русской арміи въ томительномъ сидѣніи въ окопахъ, изрѣдка прерывавшемся, хотя и очень кровавыми, но довольно безплодными наступленіями (а побѣды въ Галиціи?), съ цѣлью вырваться изъ удручающей обстановки позиціонной войны. (Генералъ Ю. Н. Даниловъ: «Великій Князь Николай Николаевичъ», стр. 293).

Но вотъ что произошло въ дѣйствительности, вотъ что говорятъ всѣмъ извѣстные общедоступные историческіе факты:

«Побѣдное шествіе нѣмцевъ» — остановилось.

Отступленіе 1915 года, принимавшее временами характеръ паническаго бѣгства, при чемъ, по свидѣтельству Ставки, солдаты сдавались во множествѣ — было прекращено...

Зима проходитъ въ приведеніи арміи въ порядокъ, ея подготовкѣ, снабженіи заново. Весною, 22 мая 1916 г., начинается нашъ переходъ въ рѣшительное наступленіе, которое возвращаетъ намъ въ короткое время Луцкъ, Броды, Галичъ, Черновицы, значительную часть Галиціи и Буковины и вновь доводитъ наши арміи до венгерской границы. Австро-венгерской арміи — наносится такой сокрушительный ударъ, отъ котораго она уже болѣе не въ состояніи была оправиться. А тѣмъ самымъ

и плоды Галицiйской побѣды 1915 года германскихъ когортъ Макензена — сведены на нѣтъ, принесенныя германцами жертвы для выручки своего союзника — оказались тщетными.

Въ то же время внутри Россiи, освобожденной отъ двоевластiя, находятся и организуются новыя производительныя силы, дающiя возможность заново снабдить и вооружить армiю. Къ веснѣ 1917 года, по признанiямъ генерала Деникина, подтверждаемымъ генераломъ Врангелемъ, да и всѣми оставшимися въ живыхъ фронтовиками — армiя представляла грозную боевую силу.

Какой-же выводъ изъ приведенныхъ данныхъ, всесторонне подтверждаемыхъ нынѣ историческими документами, свѣдѣнiями нашихъ союзниковъ и военно-историческою литературою бывшихъ нашихъ противниковъ? «Очень простой, но глубоко-печальной», — говоритъ В. Н. Хрусталевъ.

«Тѣ, кто несмотря на всѣ эти, общедоступныя, всѣмъ извѣстныя данныя — стремятся все-же опорочить командованiе Государя, представить Его, какъ опасный, вредный для дѣла, неудачный и необдуманный шагъ, — къ сожалѣнiю, не заблуждаются, не обльщаются легкомыслiемъ: они сознательно и умышленно искажаютъ истину».

Какiя-же *истинныя* ,реальныя причины двигали тѣми, кто противился рѣшенiю Государя?» (А теперь, тринадцать лѣтъ спустя, — продолжаютъ опорочивать это рѣшенiе, фальсифицируя исторiю, замалчивая, всячески умаляя этимъ подвигъ Русской Армiи подъ мощнымъ водительствомъ Царя).

Въ своихъ запискахъ Черчилль подсказываетъ отвѣтъ: «Ни къ одной нацiи рокъ не былъ такъ безпощаденъ, какъ къ Россiи. Ея корабль пошелъ ко дну, когда гавань была въ виду, она уже перетерпѣла бурю, когда наступила гибель. Отчаянье и измѣна овладѣли властью въ тотъ моментъ, когда задача была выполнена. Долгiя отступленiя были закончены, голодовка снабженiя была преодолѣна, вооруженiе притекало широкими потоками. Болѣе сильныя, многочисленныя, хорошо снабженныя армiи сторожили огромный фронтъ, тыловые пункты были переполненны людьми. Алексѣевъ руководилъ армiей, — Колчакъ флотомъ. Кромѣ того, никакихъ трудныхъ дѣйствiй болѣе не требовалось. Оставаться на посту, давить своимъ огромнымъ вѣсомъ на растянутыя германскiя линiи, задерживать безъ особой активности ослабѣвшiя вражьи силы на своемъ фронтѣ: однимъ словомъ, — *держаться* — вотъ все, что стояло между Россiей и плодами общей побѣды».

«Въ этомъ открытомъ и честномъ сужденiи иностранца содержится ключъ къ отвѣту на нашъ вопросъ: чего боялись тѣ,

кто противился рѣшенію Царя? Боялись Его пораженія? Нѣтъ, боялись ЕГО ПОБѢДЫ.

Ибо побѣда Царя — означала собою конецъ мечтамъ о революціи или дворцовомъ переворотѣ. Она означала собою миръ и спокойный расцвѣтъ страны Царя-Побѣдителя. Она означала — позоръ и посрамленіе тѣмъ, кто пошелъ ва-банкъ, ставъ на пути между Царемъ и побѣдой».

«Вотъ чего боялись и демагоги, готовившіе революцію, и придворно-военно-бюрократическіе честолюбцы, мечтавшіе о дворцовомъ переворотѣ...»

Но расчеты на сговорчивость Царя, а потомъ и на пораженіе, на то, что Государь окажется плохимъ полководцемъ — не оправдались. Вмѣсто ожидаемаго ими ореола «историческаго подвига» и «государственнаго предвидѣнія» — всѣ эти двуличные противники смѣны Главнокомандованія, порочившіе своего Государя — отходятъ въ исторію съ заслуженнымъ ими званіемъ *государственныхъ вредителей, политикановъ-пораженцевъ*.

Для историка поведеніе этихъ мнимыхъ «патріотовъ» не было новостью. Они лишь увеличили и расширили фалангу «общественныхъ дѣятелей», сановниковъ и лукавыхъ царедворцевъ, которые «привѣтствовали» такими пораженческими ликованіями въ 1905 году преждевременное окончаніе войны съ Японіей — *безъ единой побѣды*. И тогда вся эта «общественность» впадала въ панику при одной мысли, что русскія арміи въ Манчжуріи съ каждымъ днемъ приближались къ побѣдѣ надъ выдыхающимися японцами. Эта побѣда была бы и тогда ненавистною для нихъ побѣдою *Царскаго Самодержавія*.

Они не менѣе боялись и всякой *моральной побѣды Царя*. Вмѣсто того, чтобы съ благодарностью и удовлетвореніемъ принять дарованное Самодержцемъ 6-го августа 1905 года народное представительство — Государственную Думу (этотъ рѣшительный шагъ къ конституціи) — тѣ же либералы и радикалы общественности отвѣтили Монарху союзомъ съ революціонерами, напрягая всѣ усилія, дабы опорочить и парализовать эту величайшую реформу Императора Николая II — только потому, что она дарована была Царемъ и *давала Ему моральную побѣду надъ революціей*. А далѣе, за всѣ десять лѣтъ существованія Государственной Думы, какъ справедливо изобличаетъ ихъ «свой же братъ» В. А. Маклаковъ — руководящіе, наиболѣе вліятельные интеллигентскіе круги — «к.-д.», — возглавляемые Милюковымъ вмѣсто работы съ Самодержавіемъ, на благо Россіи — шли путемъ революціоннымъ и работали въ смычкѣ съ революціонерами — на разрушеніе того стараго «царскаго режима», которымъ только и держалась колоссальная многонародная Имперія.

Они-же въ 1915 году и были инспираторами этого историческаго выступленія противъ Царскаго Главнокомандованія. Когда же эта прямая атака противъ Царя не удалась, вслѣдствіе быстроты Его рѣшеній и Его твердой воли, когда къ осени 1916 года, особенно послѣ извѣстной поѣздки нашихъ парламентаріевъ за-границу, стало ясно, что къ веснѣ 1917 года война закончится рѣшительною побѣдой — они начали подготовку штурма власти путемъ лжи, обмана, клеветы, и измѣны, послушно слѣдуя за своимъ вождемъ — профессоромъ исторической клеветы, одержимымъ и до сихъ поръ «не глупостью, а измѣной».

Стоитъ только взглянуть на его газету, даже за послѣднее время, — чтобы видѣть, какъ все болѣе рѣдѣющее его окруженіе изъ немногихъ вѣрныхъ ему бывшихъ членовъ Государственной Думы и «к.-д.» — изъ послѣднихъ силенокъ изощряются поддержать ложь и клевету этой «дурной прессы» 1916 года о Государѣ и опорочить всѣ достиженія въ Его Царствованіе, не щадя и зарубежные остатки Его арміи.

Однако, нынѣ съ каждымъ годомъ становится все яснѣе и яснѣе и уже общеизвѣстно, какъ создавался заговоръ, какъ отравленные тыловыми газами «патріоты» прогрессивнаго блока, отъ Гучкова и до самого Пуришкевича — втягивали въ свои конспираціи или въ сочувствіе штабные верхи армейской интеллигенціи и даже генералитетъ.

Но руководимая своимъ Царемъ Императорскаяя Армія все еще стояла крѣпче стѣны гранитной и доблестно исполняла свой долгъ передъ Россіей и обязательства — передъ союзниками.

Организація Царской Арміи окрѣпла даже настолько, что къ лѣту 1916 года, по просьбѣ союзниковъ, былъ отправленъ на французскій фронтъ цѣлый русскій вспомогательный корпусъ, въ видѣ четырехъ особыхъ бригадъ (равносильныхъ французскимъ дивизіямъ), прибывшихъ во Францію черезъ Архангельскъ и черезъ Сибирь, кругомъ Индіи и черезъ Суэцъ.

Живъ въ памяти русскихъ очевидцевъ тотъ славный день 14 іюля 1916 года, когда удивленное парижское населеніе съ восхищеніемъ бурно привѣтствовало проходившихъ въ общемъ парадѣ черезъ всю столицу и по Большимъ Бульварамъ батальоны Царскихъ солдатъ, съ великаномъ знаменщикомъ и Императорскимъ знаменемъ впереди, маршировавшихъ съ невиданной здѣсь стройностью и въ отличіе отъ союзниковъ — съ пѣснями и такъ, что въ домахъ стѣны дрожали и окна звенѣли отъ ударовъ «пѣхотной ноги» о мостовую. Двѣ русскія бригады, а послѣ революціи и русскій легіонъ чести, изъ добровольцевъ вошедшій отдѣльною ударною частью въ составъ храбрѣйшей французской штурмовой дивизіи, — покрыли себя безсмертной славой въ Шампани, подъ Реймсомъ и Суасономъ.

Сотни и тысячи русскихъ могилъ остаются намъ напоминаніемъ о подлинной братской жертвѣ Императорской Арміи по приказу Царя, — жертвы не далекой и смутной, какъ наши потери въ Восточной Пруссіи и на Карпатахъ, а близкой и ощутимой для французовъ. Однако не только тамъ почіютъ останки русскихъ солдатъ и офицеровъ. Есть еще и другія, забытыя могилы, куда невозможны поломничества, есть кресты, разсѣянные въ безслѣдныхъ выжженныхъ солнцемъ горахъ Македоніи, въ цвѣтущей и тлѣтворной Монастырьской Долинѣ по теченію Черной, тамъ, гдѣ въ линіяхъ сербско-французскаго фронта въ 1916-17 годахъ наступала наша особая бригада доблестнаго генерала М. К. Дитерихса, прибывшая туда уже изъ Франціи. Поистинѣ русскою кровью напоены Балканы — едвали не на всемъ ихъ пространствѣ... [1])

Вотъ какой пасхальный подарокъ, на Пасху 1916 г. получила союзная Франція отъ Императорской Русской Арміи, воскресшей подъ Верховнымъ Командованіемъ Императора Николая II.

Въ Брестѣ, Нантѣ, Ліонѣ, въ Парижѣ, въ лагеряхъ — Майнъ и Сенъ-Рафаэлѣ — всюду населеніе выраженіями искренней радости и бурнаго восторга встрѣчало наши бригады, осыпая ихъ цвѣтами. Также ихъ встрѣтили и боевыя части французскаго фронта, въ составъ которыхъ постепенно распредѣлялись наши особые полки.

Главнокомандующій генералъ (тогда еще не маршалъ) Жоффръ 20 апрѣля 1916 г. отдалъ слѣдующій приказъ о прибытіи первыхъ русскихъ частей:

«Наша вѣрная союзница Россія, арміи которой уже сражаются такъ доблестно противъ Германіи, Австріи и Турціи, пожелала дать Франціи новый залогъ своей дружбы, еще болѣе блестящее доказательство преданности общему дѣлу.

Русскіе солдаты, избранные среди храбрѣйшихъ, подъ командой наиболѣе отличившихся офицеровъ, придутъ сражаться въ нашихъ рядахъ.

Вы примите ихъ, какъ братьевъ, вы покажете имъ, какой горячій пріемъ ждетъ среди васъ тѣхъ, кто покинулъ свою родину, чтобы сражаться рядомъ съ вами.

Отъ имени французской арміи, я говорю «добро пожаловать» офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и солдатамъ русскихъ частей, высадившихся во Франціи. Я склоняюсь передъ ихъ знаменемъ, на которомъ скоро запишутся славныя имена общихъ побѣдъ. Подписано: Жоффръ».

(20 апрѣля 1916 г.).

---

(1) В. Фохтъ («Возрожденіе»). 1930 г.

Надо знать, что тогда говорило французамъ — гораздо больше, чѣмъ сказало бы въ наши дни — такое воззваніе побѣдителя первой Марны.

Великъ былъ подвигъ Императорской Русской Арміи подъ личнымъ водительствомъ ея Государя — съ осени 1915 года и въ 1916 году. Давно уже отдана должная справедливость и оцѣнена та помощь, которая была наступленіемъ въ Восточной Пруссіи оказана нами французской арміи въ критическій моментъ ея отхода къ Парижу и содѣйствіе нами славной побѣдѣ французовъ на Марнѣ въ 1914 году.

Съ каждымъ годомъ все болѣе оцѣнивается значеніе этой жертвы, принесенной Императорской Арміей по личнымъ указаніямъ Государя, преподаннымъ главнокомандованію того времени. Но это оказалось только самопожертвованіемъ и вмѣсто рѣшительной побѣды (ибо наши 1 и 2 арміи даже безъ неиспользованной гвардіи [1]), были много сильнѣе побѣдившей ихъ нѣмецкой 8-ой арміи) — обратилась для насъ въ тягчайшее пораженіе за все время войны, отъ послѣдствій котораго армія оправилась лишь къ веснѣ 1916 года — уже подъ Главнокомандованіемъ Государя и при начальникѣ штаба генералѣ Алексѣевѣ.

Однако въ сравненіи съ кратковременными и непрочными достиженіями нашего фронта всего за первые три-четыре мѣсяца войны въ 1914 году, — то, что было выполнено Императорской Арміей со времени вступленія Государя въ Главнокомандованіе осенью 1915 года и за весь 1916-й годъ — является подвигомъ, передъ которымъ меркнутъ, казавшіеся такими блестящими, первые шумные успѣхи 1914 года.

Въ августѣ 1915 года положеніе нашего фронта, не только Ставкой, но болѣе всего нашими союзниками признавалось настолько критическимъ и почти безнадежнымъ, что надъ союзниками дамокловымъ мечомъ висѣлъ вопросъ: удержится ли вообще русскій фронтъ и какъ справиться на западномъ ихъ фронтѣ съ катасторфическими послѣдствіями дальнѣйшаго стихійнаго русскаго отступленія и сдачи крѣпостей, городовъ и запасовъ врагу?

И вотъ, волею Верховнаго Главнокомандующаго Императора Николая II весь поколебленный и ослабленный двухтысячеверстный фронтъ Императорской Арміи не только остановился, но и побѣдоносно удержался, постепенно усиливаясь и отвлекая у германцевъ уже не дивизіи, а цѣлыя арміи. А лѣтомъ 1916 года, этотъ казавшійся союзникамъ безнадежный фронтъ — перешелъ въ наступленіе и одержалъ такія побѣды, какихъ не

[1]) См. изслѣдованія генерала Головина.

знали арміи союзниковъ до самаго разгрома ими Германіи въ 1918 году — уже по прибытіи милліона американцевъ. Именно этимъ наступленіемъ юго-западнаго фронта была спасена Италія отъ окончательнаго разгрома: Государь лично приказалъ ускорить наступленіе для выручки этого союзника. По тому болѣе широкому въ сравненіи съ 1914 годомъ масштабу, какой приняли военныя операціи на союзническихъ фронтахъ, причемъ наши союзники сами переживали рядъ опасныхъ кризисовъ въ зиму 1915-16 годовъ, это поразительное, почти чудесное возстановленіе боеспособности фронта Императорской Арміи быстро превратившейся снова въ грозную силу для германцевъ и австрійцевъ, — является историческою заслугою Верховнаго Главнокомандующаго и Его арміи — передъ нашими союзниками неизмѣримо большею, чѣмъ отвлеченіе въ августѣ 1914 года съ полей Франціи на Востокъ — полутора германскихъ корпусовъ.

Съ каждымъ годомъ объемъ дѣйствій Императарской Арміи подъ командою Государя Императора и первостепенное жизненное значеніе для союзниковъ всего, сдѣланнаго Арміей за это время — все болѣе выясняется и выше цѣнится.

Мы вѣримъ, что приближается то время, когда въ день печальнаго поминовенія Верховнаго Вождя русской Арміи въ 1915-17 г. г., Государя Императора Николая Александровича, подъ своды Парижскаго храма будутъ ежегодно являться хранящіе о нашемъ Царѣ благодарную память, какъ о Верховномъ Главнокомандующемъ и Первомъ Солдатѣ своей Имперіи, — многочисленные представители нашихъ союзниковъ и наши собратья по оружію французскіе комбатанты... совершенно такъ же, какъ нынѣ чтутъ память безвѣстныхъ героевъ Франціи и отдаютъ воинскую имъ честь — торжественнымъ возжиганіемъ пламени на Могилѣ Неизвѣстнаго Солдата — представители Императорской Русской Арміи и наши инвалиды войны, по мѣрѣ силъ выполнявшіе завѣты своего Верховнаго Вождя Государя Николая II о вѣрности союзникамъ и доведеніи войны до побѣднаго конца.

. . . .

На глазахъ современниковъ-очевидцевъ событій послѣдняго царствованія исторія уже давно покончила съ тою «плохою прессой» пресловутаго «общественнаго мнѣнія» о Русскомъ Царѣ, образцы которой нами выше приведены. Отголоски ея мы находимъ теперь лишь у называющихъ себя «русскими» — неисправимыхъ лжецовъ и хулителей Императора Николая II.

Но весьма ненадежна и невѣрна оказалась и та «хорошая (даже прекрасная)пресса», — создававшая популярность пред-

шественнику Государя въ должности Верховнаго Главнокомандующаго, что, какъ мы видѣли служило главнѣйшимъ доводомъ о политической опасности рѣшенія Царя 23 августа 1915 года.

Не излѣчившийся отъ революціоннаго угара баронъ Нольде, однако, по-профессорски фальсифицируетъ исторію и утверждаетъ, что «для страны отозваніе Великаго Князя значило окончательный разрывъ съ нею» (и т. д. — см. выше). И это тогда, когда результаты Верховнаго Главнокомандованія Государя такъ давно опровергли всѣ искусственные доводы политикановъ общественности, а сама жизнь поставила ихъ на соотвѣтствующее этимъ ничтожествамъ мѣсто.

Неудивительно, что эта попытка фальсификаціи исторіи версіями «о союзѣ съ какою-то особой Россіей и пр.» — оказалась быв. профессору Императорскаго лицея барону Нольде не только не къ лицу, но и не по плечу, ибо для успѣховъ такой «отсебятины» въ исторіи необходимо пройти болѣе основательную милюковскую школу или обладать развязностью П. Гронскаго и ему подобныхъ.

Кому-же не извѣстно и не ясно, что подлинная Россія — *русскій народъ* начиналъ войну въ союзѣ со своимъ природнымъ Государемъ, а законный Верховный Вождь Россіи, ея Государь Императоръ, начиная войну вовсе не искалъ никакихъ «союзовъ съ какою-то особой Россіей» да еще съ такимъ условнымъ «символомъ этого союза», какъ имя Великаго Князя, впутываемое политиками. Ни о какихъ подобныхъ «союзахъ» и «символахъ» въ началѣ войны вовсе было не слыхано, да и въ голову не могло придти никому изъ государственно мыслящихъ русскихъ людей. Для Императорской Арміи, для всего народа, ставшаго по слову Царскому на защиту Родины одинъ былъ символъ: Богъ, Царь и Отечество.

Правда, существовала и тогда среди многомилліоннаго народа горсточка неисправимыхъ политикановъ, ненавистниковъ всего царскаго и лично Императора Николая II, считавшихъ только себя выразителями мнѣнія всей «страны» и самочинно выступавшихъ отъ имени «страны» еще въ эпоху «предпарламента» Шипова и Петрункевича (см. гл. IX).

Но до тыловой паники 1915 года никакихъ подобныхъ легендъ о какихъ-то условныхъ съ ними «союзахъ» при началѣ войны и о «великокняжескомъ символѣ» этого союза — нашими политиканами общественности еще и выдумано не было. Вся эта, повторяемая нынѣ барономъ Нольде, демагогическая фразеологія была придумана много позднѣе начала войны. Исходила она конечно все отъ тѣхъ-же кадетовъ и руководимой ими интеллигентской общественности, шедшихъ на

жертвы войны *не по народному* безоговорочно, беззавѣтно отдаваясь на спасеніе Отечества, а съ своекорыстными политическими ихъ цѣлями.

Чтобы сохранить свои политическія амбиціи, они-то, эти политиканы, считавшіе «ниже своего достоинства» идти, какъ весь *народъ* — за Царемъ, и распространяли легенду о воображаемыхъ «условіяхъ» своего участія въ жертвахъ войны — не съ ненавистнымъ имъ Царемъ и не съ царскимъ правительствомъ... Но какъ это было далеко отъ истинныхъ настроеній, отъ «голоса всей Россіи»!

Въ началѣ-же войны было вѣдь совершенно обратное той готовности къ жертвенности, съ которой, хотя-бы и «условно» общественность начинала войну и о чемъ она заговорила съ такимъ запозданіемъ.

Присвоившіе себѣ ложное значеніе выразителей мнѣнія «всего народа», «всей страны» — близкіе сердцу барона Нольде кадеты, во главѣ съ ихъ вождемъ Милюковымъ, — такъ растерялись, что именно при началѣ войны офиціальный ихъ органъ «Рѣчь» печаталъ статьи противъ войны, рѣзко противоположныя общему національному подъему, за что эта газета и была пріостановлена съ объявленіемъ мобилизаціи!

Къ несчастью, она вскорѣ была разрѣшена, перемѣнила «тактику» и тогда стала усиленно подлаживаться къ общему народному патріотическому настроенію.

Вотъ что было при началѣ войны, вотъ каково было поведеніе тѣхъ политиканствующихъ круговъ общественности — ненавистниковъ Императора Николая II, которые въ 1915 году заговорили о томъ, что война начиналась яко-бы въ какомъ-то союзѣ съ ними, да еще обусловленномъ символомъ не имени Царя, а имени Великаго князя, — словомъ стремились показать, что народъ будто бы шелъ вовсе не за своимъ Царемъ, а за пресловутой «общественностью».

Однако тѣ-же «политическіе друзья» барона Нольде, въ угоду которымъ онъ такъ усердно выдвигаетъ теперь устарѣвшую легенду о «символѣ имени Великаго Князя», объединявшемъ «интеллигентскую Россію» въ 1915 году, тѣ-же самыя лица здѣсь, въ зарубежьи, поступаютъ совершенно обратно утвержденіямъ профессора!

Давно выдохшіеся, но все еще считающіе только себя «лидерами общественности», Милюковъ съ его единомышленниками — именно этотъ «великокняжескій символъ единенія со страной» сдѣлали, въ 1925 году, наоборотъ — *символомъ своего непримиримаго злостнаго разъединенія* со всею національно-патріотической эмиграціей, стоило только русскимъ патріо-

тамъ провозгласить Великаго Князя своимъ зарубежнымъ вождемъ.

Напомнимъ барону Нольде, что въ лейбъ-органѣ его «друзей», гдѣ онъ и самъ сотрудничаетъ, доходили до такой наглости, что Великаго Князя именовали *бывшимъ* Великимъ Княземъ.

Все это профессоръ Нольде запамятовалъ или замалчиваетъ. Въ книгѣ своей: «L'ancien regime et la revolution russe», несмотря на крайне сжатое изложеніе эпохи войны, баронъ Нольде поддерживаетъ и передъ иностранцами свою версію о «катастрофичности» смѣны главнокомандованія и удручающаго вліянія на общественность. Но эти «судьи» и хулители Императора Николая II забываютъ, или не хотятъ понять, что кромѣ, для всѣхъ очевидныхъ, причинъ необходимости смѣны Верховнаго Главнокомандующаго — Государь зналъ и еще многое, располагалъ и такими свѣдѣніями военнаго и политическаго характера о Ставкѣ, которыя оставались неизвѣстными даже министрамъ. Не имѣя иного выхода для неотложной замѣны Верховнаго Главнокомандующаго — Императоръ Николай II и принесъ себя въ жертву для спасенія Россіи и доведенія войны до побѣднаго конца.

Тѣмъ большую отвѣтственность беретъ на себя очевидецъ событій баронъ Нольде, придавая легендѣ и измышленіямъ значеніе историческаго факта. Онъ не могъ не знать, что подобное «профессорское» изложеніе недавнихъ и хотя бы уже вполнѣ освѣщенныхъ историческихъ событій міровой войны — не проходитъ безслѣдно. Все это жадно подхватывается интернаціональною прессой и оказываетъ вліяніе на ея сужденія, какъ о военныхъ событіяхъ на русскомъ фронтѣ, такъ и о личности Императора Николая II.

Примѣромъ служитъ извѣстная статья газеты «Таймсъ» (1929 г.) объ обстоятельствахъ смѣны въ Россіи въ 1915 г. Верховнаго Главнокомандующаго, вызвавшая со стороны генерала В. I. Гурко обстоятельныя возраженія и достойную отповѣдь искажающимъ историческую правду.

Принадлежащій къ числу немногихъ военныхъ, не стѣсняющихся открыто и рѣшительно выступать въ защиту памяти своего Государя, генералъ отъ кавалеріи В. I. Гурко, со свойственнымъ ему авторитетомъ, обширнымъ письмомъ въ газету «Таймсъ» разъяснилъ англійскому общественному мнѣнію заблужденія и ошибочныя сужденія о Государѣ, допущенныя этой независимой газетой — въ духѣ русской прессы, весьма зависимой — даже здѣсь за рубежомъ.

А письмомъ въ газ. «Возрожденіе», 17 февраля 1929 г., генералъ Гурко пояснилъ это свое выступленіе и русскимъ

читателямъ, закончивъ слѣдующими словами: «Возражая на статью «Таймса», я не могъ обойти молчаніемъ *неправильное указаніе, что Вел. Кн. Николай Николаевичъ «былъ по произволу»* перемѣщенъ на Кавказъ по приказу Царя (единственный разъ, что въ статьѣ дается оцѣнка дѣятельности Царя). Я пояснилъ, что это было выполненіемъ, *объявленнаго въ рескриптѣ, назначавшемъ Великаго Князя на должность Верховнаго Главнокомандующаго, намѣренія Императора, со временемъ самому стать во главѣ своей арміи.* Для иностраннаго читателя я счелъ нужнымъ напомнить, что это было осуществлено *въ самые критическіе дни, выпавшіе на долю русской арміи, но за то и послѣдніе, ибо съ этого времени продвиженіе и успѣхи противника пришли къ концу — до времени послѣ революціи* «столь радостно встрѣченной *нашими союзниками»,* писалъ *я въ заключеніи.* В. Гурко.

Римъ, 17 февраля 1929 г.

В. Н. Хрусталевъ весьма нравоучительно напоминаетъ профессору Нольде, какъ опасно для пристрастныхъ историковъ выдавать за истину политическія легенды, давно разсѣянныя событіями дѣйствительности, какъ бы искусно не сплетались подобныя легенды политиканами и такъ называемымъ «общественнымъ мнѣніемъ». «Изъ приведенной выдержки (см. выше), слѣдуетъ, что личность Великаго Князя какъ бы воплощала собою волю страны. Но при такихъ условіяхъ, очевидно, впослѣдствіи, послѣ отреченія Государя, первымъ и самымъ естественнымъ движеніемъ было-бы объединеніе всей страны вокругъ Великаго Князя, тѣмъ болѣе, что формально было все сдѣлано для этого; одновременно съ отреченіемъ Царя, Великій Князь былъ вновь призванъ къ Верховному Главнокомандованію. Армія, видѣвшая въ немъ своего любимаго вождя, преданная Великому Князю, вѣрившая его каждому слову, — была и по праву, и фактически въ его рукахъ. Революція ея еще не коснулась. Мы видимъ, что еще много мѣсяцевъ послѣ того армія будетъ держаться на фронтѣ».

«Никогда, ни у одного диктатора въ мірѣ, не было болѣе удобнаго, фактически легкаго и политически естественнаго момента для принятія диктаторской власти».

«И однако мы видимъ иное. Одного письма князя Львова, — того самого князя Львова, который стоялъ во главѣ движенія, выдвигавшаго Великаго Князя въ противовѣсъ Государю, оказалось достаточнымъ, чтобы Великій Князь подчинился его просьбѣ и отказался отъ поста Верховнаго Главнокомандующаго».

«Какіе выводы можно сдѣлать изъ этого факта? Только два. Или воля страны не воплощалась въ Великомъ Князѣ, или самъ Великій Князь не вѣрилъ въ эту волю. Ни тотъ, ни другой не даютъ никакихъ основаній къ утвержденію, что смѣна Верховнаго Главнокомандующаго означала разрывъ со страной».

«Но зато, самъ собою, напрашивается третій выводъ: достаточно было одного дня послѣ ухода отъ власти «безвольнаго» и «пасивнаго» Русскаго Царя, — чтобы заколебалось могучее зданіе государства и побѣдившія ничтожества почувствовали себя надъ бездной, въ которую скоро пали, увлекая за собою Россію».

. . . .

Среди старшихъ начальниковъ и генштабистовъ, кто такъ или иначе соприкасался съ общественными оппозиціонными кругами», и въ особенности съ разъѣзжавшимъ по штабамъ Гучковымъ — могли высказываться критическіе отзывы по поводу принятія Верховнаго Командованія Государемъ. Этимъ людямъ трудно было подняться на идеальную высоту причинъ, побудившихъ Государя рѣшиться на этотъ шагъ. Но допустить, что армія, т. е. рядовое офицерство и солдатская масса могли отъ себя критиковать этотъ шагъ и пасть духомъ только потому, что Царь сталъ во главѣ Своей арміи, такое утвержденіе явилось бы незаслуженной обидой, брошенной нашей старой Императорской Арміи. Въ писаніяхъ генерала Краснова — это такая же прискорбная ошибка и непростительная «шалость пера», какъ и его-же извѣстное выраженіе о «шкурникахъ», которыми этотъ подчасъ не знающій мѣры, талантлитвый писатель назвалъ, такъ несправедливо, некадровыхъ «офицеровъ военнаго времени».

29-го Января 1916-го года, Государь произвелъ смотръ въ Вышкахъ частямъ 5-ой арміи, на которомъ кромѣ кавалерійскихъ дивизій, участвовалъ сборный баталіонъ пѣхоты, составленный изъ представителей, по два человѣка, отъ каждой роты, входившей въ составъ арміи. По окончаніи смотра Государь въѣхалъ въ середину карре, преимущественно изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ и около четверти часа говорилъ съ ними. Болѣе мѣсяца послѣ того всѣ солдатскія письма въ деревню, роднымъ, были полны восторженныхъ отзывовъ, какъ Царь говорилъ съ нашимъ взводнымъ, «что Царь сказалъ нашему фельдфебелю», не говоря уже о письмахъ тѣхъ, кто сами были въ числѣ счастливцевъ. (Ген. Миллеръ).

Нѣтъ, на нѣжную, отеческую любовь Государя — офицеры и солдаты отвѣчали сыновней любовью, уваженіемъ и пре-

данностью, и далеки они были отъ всякихъ непристойныхъ философствованій о «незадачливости» своего Царя. Подобными «разговорчиками, пересудами и осужденіями» занимались исключительно въ тылу, а болѣе всего — «интеллигенція» всѣхъ сортовъ, въ особенности въ петербургскихъ «общественныхъ кругахъ» и даже чиновничество министерскихъ канцелярій.

А дальше, когда Царь пересталъ быть Императоромъ, измѣнилось ли отношеніе Его къ любимой арміи и тѣмъ солдатамъ, которые, изъ преданныхъ подданныхъ и славныхъ воиновъ, обратились въ Его стражниковъ? Возьмите дневникъ Государя:

«27-го Ноября 1917 года. Праздникъ Нижегородцевъ. Гдѣ они и что съ ними?»

«6-го Декабря 1917 года. Мои именины провели спокойно и не по примѣру прежнихъ лѣтъ. Въ 12 часовъ былъ отслуженъ молебенъ. Стрѣлки 4-го полка, бывшіе въ саду, бывшіе въ караулѣ, всѣ поздравили меня, а Я ихъ съ полковымъ праздникомъ. Получилъ три именинныхъ пирога и одинъ изъ нихъ послалъ караулу».

«24-го Декабря 1917 года. Во время чая — до 5 часовъ пошли съ Аликсъ въ караульное помѣщеніе и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидѣли со стрѣлками, со всѣми смѣнами до $5^1/_2$ часовъ. Всенощная была очень поздно — свободные стрѣлки присутствовали».

Мало того, въ лаконическихъ замѣткахъ своего дневника Государь постоянно возвращается къ стрѣлкамъ, къ караулу, въ заботѣ о нихъ. Добровольно сошедшій съ Престола Императоръ, когда всѣ окружавшіе Его, близкіе и далекіе, преданные Ему и враждебные, въ близорукости своей убѣждали Его, что единственно Онъ помѣха счастію Россіи и побѣдѣ надъ врагомъ, обращенный въ узника слабымъ безсовѣстнымъ Временнымъ Правительствомъ, окруженный стражей изъ людей будто бы «озлобленныхъ противъ тирана», какъ выражались преступные вдохновители этой безпримѣрной трагедіи, Онъ въ своихъ непосредственныхъ тюремщикахъ продолжаетъ видѣть, прежде всего и только *русскаго солдата*, и рядомъ со Своей Семьей у Него всегда забота о стрѣлкахъ !...

«Всѣмъ намъ, *также и стрѣлкамъ*, хотѣлось пойти куда нибудь подальше по рѣкѣ (7 Августа, Тобольскъ).

«*Стрѣлки* съ нашего конвоира перешли на жительство въ городское помѣщеніе» (9 Августа).

«Въ три часа спустились по Иртышу и пристали къ подножію высокаго берега, куда давно хотѣлось попасть. Немедленно влѣзли туда *со стрѣлками*, и затѣмъ долго сидѣли на лѣсной сопкѣ съ чуднымъ видомъ» (12 Августа).

«Пошли осматривать домъ, въ которомъ помѣщается свита, затѣмъ, въ такъ называемый, садикъ, скверный огородъ, смотрѣли кухню и *караульное помѣщеніе*».

На стрѣлковъ, на стражу, приставленную къ арестованной Царской Семьѣ, Государь смотритъ, какъ на членовъ Своей семьи, дѣлится съ ними своими маленькими радостями, постоянно думаетъ о нихъ, заходитъ къ нимъ, бесѣдуетъ съ ними, И здѣсь, въ несчастьи, въ этой величественной простотѣ, все та же близость Государя къ арміи, къ солдату, сказалась, можетъ быть, еще ярче, чѣмъ въ дни былого величія...

«*Добросовѣстность, гуманность, кротость, честь* — вотъ, мнѣ кажется, выдающіяся добродѣтели Николая II», записалъ французскій посолъ Палеологъ въ своемъ дневникѣ. Вездѣ и всюду Россія, Родина на первомъ мѣстѣ въ сердцѣ и мысляхъ Государя.

Ей Онъ принесъ въ жертву Свою Семью и Себя. Лучшія же Свои чувства, самые нѣжные порывы Своего любвеобильнаго сердца Онъ отдавалъ послѣ своей горячо любимой Семьѣ, той большой, родной Ему семьѣ, какою для Него были Его армія и флотъ, тѣмъ, среди которыхъ въ тяжкія минуты Онъ отдыхалъ душой....

Изстари пѣлось въ солдатской пѣснѣ:
Солдатушки, бравые ребятушки,
Кто-же вашъ Отецъ?
Нашъ Отецъ-Молодецъ
Православный Русскій Царь !...

Какова же была Императорская Армія въ царствованіе государя Николая II въ личномъ ея составѣ офицеровъ и солдатъ?

Армія, и до либеральной милютинской перестройки военно-учебныхъ заведеній въ 1860-хъ годахъ, имѣла въ своихъ рядахъ не мало офицеровъ, даже генераловъ — не дворянскаго происхожденія и не получившихъ корпуснаго кадетскаго воспитанія, а выслужившихся изъ простыхъ солдатъ изъ крестьянъ и «разночинцевъ».

Личныя заслуги, способности и труды на пользу Отечеству высоко цѣнились въ Императорской Арміи еще со временъ Петра Великаго. Многіе птенцы «гнѣзда Петрова», его славные сподвижники были лично имъ выведены изъ низшихъ сословій награждались высокими офицерскими чинами и даже княжескими и графскими титулами, какъ примѣръ свѣтлѣйшій князъ Меньшиковъ, или первый с.-петербургскій оберъ-полицеймейстеръ графъ Девіеръ и др. Такъ было и при всѣхъ

преемникахъ Петра. Вспомнимъ, что дѣдъ знаменитаго «Бѣлаго Генерала М. Д. Скобелева, тоже извѣстный въ свое время генералъ Скобелевъ — выслужился изъ простыхъ солдатъ-героевъ войны 1812 года, гдѣ онъ лишился руки.

Старому С-Петербургу памятенъ былъ этотъ популярный въ 1840-хъ годахъ столичный комендантъ, однорукій ген. Скобелевъ, извѣстный своими острословіемъ и прямотою его народной рѣчи — любимецъ Императора Николая I.

Съ 1870-хъ годовъ, ряды кадроваго офицерства арміи все болѣе и болѣе пополнялись вольноопредѣляющимися, проходившими черезъ всесословныя юнкерскія училища, число которыхъ (10) уже въ 1880 г. втрое превышало общее число (3, привиллегированныхъ пѣхотныхъ военныхъ училищъ.

По мѣрѣ-же усиленія численнаго состава арміи въ 1890-1900-хъ г.г. количество офицеровъ, прошедшихъ кадетскіе корпуса и старыя военныя училища составляло въ армейскихъ частяхъ незначительный процентъ.

Въ большинствѣ пѣхотныхъ полковъ число офицеровъ дворянскаго происхожденія или корпуснаго и военноучилищнаго воспитанія не превышало отъ 10% до 20% общаго ихъ состава.

Такимъ образомъ уже въ кадровомъ своемъ составѣ армейское офицерство въ царской арміи давно потеряло свой прежній «кастовый» характеръ. Да и вообще, такъ называемый типъ «кастоваго офицерства» существовалъ у насъ преимущественно въ писательскихъ измышленіяхъ, не знавшихъ арміи, литераторовъ, обычно копировавшихъ свои «демократическія писанія» съ чужого голоса, по западно-европейскимъ образцамъ. Между тѣмъ, тотъ дѣйствительно кастовый характеръ, которымъ отличалось со временъ Фридриха Великаго до самаго послѣдняго времени прусское офицерство, былъ въ Россіи, по выраженію генерала Флуга» «вытравленъ» генераломъ Аракчеевымъ и его реформами, лишившими офицерство корпоративной сплоченности и открывшими доступъ въ его среду «разночинцу» — еще 100 лѣтъ тому назадъ!

«Офицерскій корпусъ постепенно терялъ свои «служилыя», дворянскія традиціи, которыя сохранялись въ немъ до того времени, несмотря на значительный процентъ въ армейскихъ полкахъ офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ. Послѣдній ударъ старому порядку нанесъ въ царствованіе Александра II Милютинъ, который, подъ вліяніемъ своихъ просвѣтительныхъ идей упразднилъ, уцѣлѣвшія еще хранилища старыхъ традицій— кадетскіе корпуса.

Въ 1914 году минуло 40 лѣтъ послѣ введенія всеобщей воинской повинности и въ Великую войну Императорская

Русская Армія, въ особенности-же обреченная на набольшія боевыя тягости и потери наша «святая» пѣхота—выступила вполнѣ «народною арміей», весьма демократической даже въ своемъ кадровомъ офицерскомъ составѣ.

А на второй годъ войны, по мѣрѣ укомплектованія на скоро обученными новобранцами, ратниками ополченія съ многочисленными новыми формированіями изъ второочередныхъ и ополченскихъ частей, при чемъ мѣста перебитыхъ кадровыхъ офицеровъ заняли «офицеры военнаго времени»—среди которыхъ за отсутствіемъ кадровыхъ, наиболѣе подготовленными оказались уже прапорщики запаса, остальные-же были почти сплошь прапорщики, выпускаемые изъ временныхъ школъ, вся многомилліонная Императорская Армія представляла собою не что иное, какъ «вооруженный народъ».

Такою именно была Царская Армія, когда въ труднѣйшій, критическій моментъ войны, вступилъ въ Верховное Командованіе Самъ Государь Императоръ Николай Александровичъ и въ Высочайшемъ приказѣ Арміи и Флоту отъ 23 августа 1915 года обратился къ отступавшимъ по всему 3.000 верстному фронту войскамъ съ приведеннымъ уже нами собственноручно Имъ приписаннымъ Своимъ призывомъ.

Въ этотъ періодъ войны, цѣлыхъ 3 мѣсяца, послѣ неудачъ на Карпатахъ и въ Галиціи, наши войска, по приказамъ Великаго Князя Николая Николаевича, находились въ непрерывномъ отступленіи, а за ними — стихійною волною двигались милліоны бѣженцевъ, покидавшихъ вслѣдъ за войсками свои родныя мѣста — по необдуманнымъ распоряженіямъ высшихъ штабовъ. Была оставлена, стоившая въ 1914 году стольких героическихъ подвиговъ Варшава, сданы были всѣ считавшіяся неприступными крѣпости на западѣ Россіи съ безчисленными запасами и даже съ цѣлыми гарнизонами (Новогеоргіевскъ)...

Сердце замирало у каждаго при мысли о томъ, сдержимъ ли мы натискъ полчищъ Вильгельма или уйдемъ далеко вглубь Россіи? Великокняжеская Ставка была наканунѣ перемѣщенія въ г. Калугу... Въ это тревожное время пораженій и сплошныхъ неудачъ на фронтѣ, тыловой растерянности и пораженческихъ выступленій «общественности» — совершилось событіе, которое въ исторіи минувшей войны имѣло значеніе поворотнаго момента, положило конецъ «куропаткинской стратегіи отступленія» — стратегической «игрѣ въ поддавки». На Русскомъ фронтѣ началась новая эпоха войны, рѣзко отдѣляющаяся отъ перваго ея несчастнаго года, когда погублены были весь цвѣтъ, почти всѣ кадры Императорской Русской Арміи. 23 августа 1915 года вся Россія и весь міръ узнали, что въ

тяжкіе дни, когда надо было каждую пядь Русской земли оградить отъ вражескаго нашествія, Императоръ Николай II принялъ на себя Верховное Командованіе и приступилъ къ исполненію только Ему лично принадлежащаго долга Верховнаго Вождя Арміи и флота.

Русскій Царь вмѣстѣ со всею Россіей всталъ на защиту Родины во главѣ всеобщаго Государственнаго ополченія, всѣхъ мобилизуемыхъ силъ и средствъ — всего «вооруженнаго народа».

Болѣе тяжелаго и болѣе отвѣтственнаго времени для начала такого командованія и выбрать было трудно.

Государь это сознавалъ и сразу весь отдался работѣ по руководству громадными операціями на 3.000 верстномъ фронтѣ, смѣнивъ не оправдавшихъ царскаго довѣрія наиболѣе отвѣтственныхъ неудачниковъ ставки: начальника штаба генерала Янушеквича и генералъ-квартирмейстера Ю. Данилова.

Избравъ Своимъ Начальникомъ штаба и ближайшимъ помощникомъ генерала М. В. Алексѣева, Государь подписалъ вышеприведенный историческій приказъ и сказалъ «ни шагу болѣе назадъ !...

Какъ-же отвѣтили на призывъ своего Верховнаго Вождя милліонныя арміи фронта, какъ исполнилъ этотъ первый боевой приказъ Русскаго Царя весь Его вѣрноподданный «вооруженный народъ» — воины этого величайшаго всероссійскаго ополченія 1915-16 тодовъ? А вотъ какъ:

Несмотря на тѣ-же «недостатки снабженія», «отсутствіе снарядовъ», «тяжелой артиллеріи» и некомплектъ ружей, несмотря на всѣ угашающія духъ арміи послѣдствія безконечныхъ отступленій и сдачи крѣпостей — тѣ-же самыя войска, по одному царскому слову немедленно и по всему фронту остановились, отходъ прекратился, угрожавшій катастрофою глубокій прорывъ у Молодечно успѣшно ликвидированъ, германцы остановлены, отбитая ихъ кавалерія съ огромными потерями отогнана назадъ.

Только подъ Верховнымъ Командованіемъ Государя фронтъ нашъ сталъ непоколебимъ и русскія арміи снова испытали радость побѣды и были готовы, весною 1917 года, закончить войну сокрушеніемъ Германіи !

Только теперь, «заговорили молчавшіе» и мы, черезъ 13 лѣтъ, узнаемъ постепенно, какъ Ставка Его Императорскаго Величества, съ августа 1915 г. по февраль 1917 г., успѣшно справлялась съ труднѣйшими задачами по ликвидаціи неудачъ, истинно несчастной Ставки, перваго года войны.

Не могли быть ликвидированы лишь результаты тяжкихъ ударовъ, въ августѣ-сентябрѣ 1914 года въ восточной Пруссіи

нашими доблестными войсками, столь бездарно руководимыми г.г. Жилинскимъ, Янушкевичемъ и проч.

Сколько положилъ въ великое дѣло борьбы съ нашимъ упорнымъ и могущественнымъ врагомъ—души, сердца, ума и необычайнаго напряженія всѣхъ своихъ моральныхъ и физическихъ силъ—Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Только тѣ, кто имѣли высокую честь видѣть ежедневно эту напряженную дѣятельность, съ августа 1915 по мартъ 1917 года непосредственнаго командованія Государемъ своей многомилліонной арміей, растянувшейся отъ Балтійскаго моря черезъ всю Россію до Трапезунда и вглубь Малой Азіи, только тѣ могутъ сказать, какой это былъ трудъ и каковы нужны нравственные силы, дабы переносить не только эту работу, но и каждодневно брать на себя отвѣтственность,не оставляя при этомъ громадныхъ общегосударственныхъ заботъ по всѣй Имперіи, гдѣ уже широко зрѣли заговоры, измѣна и предательство.

Къ сожалѣнію — армія, да и всѣ вѣрные Царю русскіе люди — мало знали, какъ совершалась эта работа, Государемъ Императоромъ.

Безъ малѣйшей афектаціи, безъ всякой рекламы, спокойно и глубоко вдумчиво трудился Государь.

Генералъ Алексѣевъ пользовался полнымъ Его довѣріемъ и они дружно работали все время; Государь давалъ указанія, и начальникъ штаба Алексѣевъ исполнялъ ихъ съ полнымъ вниманіемъ и не разъ говорилъ близкимъ лицамъ, что очень не любитъ, когда Его Величество покидаетъ Ставку и оставляетъ его одного.

«Съ Государемъ гораздо спокойнѣе. Его Величество даетъ указанія, столь соотвѣтствующія боевымъ стратегическимъ задачамъ, что разрабатываешь эти директивы съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ цѣлесообразности. Государь не волнуется Онъ прекрасно знаетъ фронтъ и обладаетъ рѣдкой памятью. Съ нимъ спѣлись. А когда уѣзжаетъ Царь, не съ кѣмъ и посовѣтоваться — нельзя-же посылать телеграммы о всѣхъ явленіяхъ войны за каждый часъ. Посылаешь только о главнѣйшихъ событіяхъ. Личный докладъ — великое дѣло»...

Съ первыхъ-же дней командованія Государя проявился въ высокой степени рельефный случай объединенія работы Царя съ начальникомъ штаба Его Величества. Объ этомъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ очевидца — генералъ Дубенскій.

«Дѣло было въ началѣ сентября 1915 года. Вѣсти со всѣхъ фронтовъ поступали неутѣшительныя. Наши войска, оставивъ

въ командованіе Великаго Князя Николая Николаевича Варшаву, Галицію и главнѣйшія крѣпости, отходили вглубь Россіи. Начались бои у Вильно и опредѣлился прорывъ нашего фронта массой германской конницы у Молодечно.

Въ Ставкѣ волновались. Ходили слухи, что Могилевъ не безопасенъ отъ налета. Къ ночи 2 сентября слухи стали особенно напряжены. 3 сентября, въ девятомъ часу утра, еще до обычнаго доклада генерала Алексѣева Его Величеству, я пришелъ въ штабъ выяснить положеніе на фронтахъ.

Генералъ Алексѣевъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за огромгымъ столомъ, окруженный картами, бумагами. Видъ у него былъ разстроенный, тревожный.

На мой вопросъ : «справедлива тревога, такъ охватившая Ставку?»—Алексѣевъ схватилъ себя за голову и голосомъ, полнымъ отчаянія, отвѣтилъ :

— Какія у насъ арміи ? Войска наши погибли на поляхъ Галиціи и Польши. Все лучшее перебито. У насъ въ полкахъ остались теперь сотни, а въ ротахъ —десятки людей. У насъ иногда нѣтъ патроновъ, снарядовъ. Я не знаю, что мы будемъ дѣлать, какъ сдержимъ напоръ и гдѣ остановимся? Я нахожу, что наше положеніе никогда не было такъ плохо.

Вотъ сейчасъ все это доложу Его Величеству...

Видимо человѣкъ находится въ полномъ ужасѣ отъ событій и не владѣлъ собой. Я ушелъ отъ Алексѣева смущенный и съ большой тревогой въ душѣ.

Половина перваго, въ тотъ-же день, я снова видѣлъ генерала Алексѣева на Высочайшемъ завтракѣ. Онъ совершенно перемѣнился, смотрѣлъ бодро, говорилъ оживленно и пропала та тревога,которую я видѣлъ нѣсколько часовъ назадъ. Я спросилъ :

Вѣроятно съ фронта получены лучшія вѣсти и стали бодрѣе смотрѣть на будущее ?

— Нѣтъ, извѣстій новыхъ не получено, но послѣ доклада Его Величеству о положеніи на фронтѣ, я получилъ отъ Государя опредѣленныя указанія. Онъ повелѣлъ дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу назадъ. Надо задержаться и укрѣпиться. А прорывъ Вильно-Молодечно приказано ликвидировать войскамъ генерала Эверта.

Я теперь уже привожу въ исполненіе приказъ Государя и, Богъ дастъ, справимся!..»

Передо мной стоялъ другой человѣкъ. Вмѣсто перваго, растерявшагося генерала Алексѣева, находился спокойный, увѣренный Начальникъ Штаба Верховнаго, приводящій въ исполненіе волю Государя Императора. Это класическій примѣръ отдачи приказанія и его исполненія со всѣми благодѣ-

тельными результатами совмѣстной дружной работы и Главнокомандующаго, и начальника Его штаба.

Результатъ этого распоряженія Государя былъ, какъ извѣстно, громаденъ. Военная исторія оцѣнитъ блестящія наши контръ-атаки у Молодечно-Вильно и всѣ послѣдующія событія на фронтѣ...

Развивая все болѣе активную оборону — армія наша лѣтомъ 1916 года и сама перешла въ наступленіе и одержала такую побѣду на юго-западномъ фронтѣ генерала Брусилова, какихъ никто изъ нашихъ союзниковъ не имѣлъ за всю войну.

Напряженная работа Августѣйшаго Верховнаго Вождя и Его помощника генерала Алексѣева продолжалась цѣлыхъ полтора года. Твердо и съ каждымъ днемъ все грознѣе врагу, неодолимый, какъ стѣна гранитная, стоялъ весь сухопутный фронтъ и все болѣе развивалъ свои успѣхи Императорскій Флотъ подъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ Государя.

И несмотря на всѣ усилія тыловыхъ угашателей духа народнаго, на бездарность многихъ патентованныхъ генштабистовъ, на безнаказанность штатскихъ и военныхъ ненавистниковъ царской власти, особенно интриговавшихъ въ высшихъ штабахъ — Императорская Русская Армія, въ февралѣ 1917 года, вполнѣ была готова къ нанесенію, зарвавшимся австро-германцамъ, окончательнаго сокрушительнаго удара.

Всѣ теперь это знаютъ! Такъ было до послѣдняго дня, когда армія и Россія лишились своего Верховнаго Вождя-Помазанника Божія, когда Государь слѣдующими словами, лично составленной Имъ телеграммы, предсѣдателю Государственной Думы выразилъ готовность принести Себя въ жертву для блага Русскаго народа : *Нѣтъ той жертвы, которую Я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой Матушки-Россіи....*

8 марта 1917 года Государь собственноручно написалъ Свой прощальный приказъ Арміи и Флоту.

Трудно найти болѣе сердечное, задушевное и благородное слово, какъ это послѣднее обращеніе нашего Императора къ войскамъ.

Въ этомъ Его приказѣ сказался весь обликъ Русскаго Царя Николая Александровича : чрезвычайная простота и искренность, глубокая душевность, полное забвеніе Своихъ личныхъ интересовъ и горячая забота только о Россіи и русскомъ народѣ. Царь вѣрилъ въ силу народа, въ Свою, при Немъ, побѣдоносную армію и Онъ,забывъ Себя указывалъ на необходимость «повиновенія Временному Правительству... слушаться начальниковъ...»

Въ ночь на 8 марта, по приказанію генерала Алексѣева былъ переданъ по телеграфу въ Армію прощальный приказъ Императора, лично написанный Государемъ поздно вечеромъ 7 марта.

Вотъ этотъ документъ, полный исторической красоты и благородства:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ Вамъ», — писалъ Государь, «горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія.

Да поможетъ Богъ и Вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага.

Въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками, однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его, — тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ.

Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь Вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ.

Да благословитъ Васъ Господь Богъ и да ведетъ Васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій.

Николай».

И эти великія слова Императора Николая II къ Его Арміи дѣятелями революціи, свергнувшими своего Царя, не были допущены къ войскамъ. Генералъ Алексѣевъ, не подчиненный вообще военному Министру, счелъ однако необходимымъ телеграфировать новому «главѣ военнаго вѣдомства» А. Гучкову, что Государемъ написано прощальное слово къ войскамъ и въ отвѣтъ получилъ изъ Петрограда спѣшное распоряженіе, воспрещающее печатать и распространять прощальный приказъ Царя. . . .

Давній упорный врагъ Государя, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей революціи и самъ впослѣдствіи признавшійся въ существованіи заговора, А. Гучковъ, съ первыхъ-же часовъ

своей «дѣятельности» совершаетъ гнусный поступокъ, не допуская прощальнаго слова Царя до рядовъ русскихъ солдатъ[1]). Какъ они боялись, что слово Царя западетъ въ душу солдата, произведетъ смущеніе и вызоветъ негодованіе, ропотъ и контръ-революціонное» возмущеніе на фронтѣ! Они опасались, что армія не съ измѣнниками—и совершенно справедливо : тогда армія съ измѣнниками еще не была и въ первые дни русскіе войска съ фронта могли очень круто, «повоенному» расправиться со всѣми измѣнниками, отнявшими у Императорской Арміи ея Верховнаго Вождя. Сравнивая слова Государева приказа, которыя дышатъ такой заботой о Родинѣ, о «неослабленіи порядка службы», съ этими торопливыми распоряженіями Гучкова и Ко, (въ тоже самое время не воспрепятствовавшими опубликованію, разрушавшаго весь служебный строй, «приказа № 1 отъ 5 марта») съ полной ясностью представляется, къ какимъ недостойнымъ, мелкимъ людямъ перешла власть въ рѣшительный моментъ еще не законченной величайшей нашей войны. Совершенно естественно, что подобныя личности не могли захваченную ими власть удержать хотя бы въ одномъ Петроградѣ! Стоявшее еще подъ императорскими знаменами многомилліонное русское воинство, оставившее семьи и домашній очагъ по призыву Государя и на 3.000 верстномъ фронтѣ грудью отстаивавшее Родную Землю, жертвуя жизнью за Вѣру, Царя и Отечество, — очутившись безъ законнаго своего Царя, весь этотъ вооруженный русскій—народъ новой самозванной власти повиноваться не захотѣлъ.

Солдаты Императорской Русской Арміи — ни понять, ни признать Временнаго Правительства, изъ какихъ-то случайныхъ людей, не могли.

Лишенное своего единстваннаго природнаго Вождя, Императора и Самодержца Всероссійскаго — все это собранное на фронтѣ, съ 1/6 части свѣта, разноплеменное россійское воинство, у котораго отняли его «Святое Святыхъ», оплевали и опозорили красными тряпками священныя полковыя знамена со св. Крестомъ, со св. иконами, съ Именемъ Государя, которое освободили отъ всѣхъ клятвенныхъ обѣщаній во Имя Божіе, Царю и Отечеству, всѣ эти, еще наканунѣ грозныя врагу воинскія части немедленно превратились въ жалкія сборища морально разбитыхъ, не сознающихъ болѣе ни цѣли, ни смысла требуемаго отъ нихъ какими-то случайными «временными министрами» жертвеннаго подвига для непонятнаго простымъ людямъ «доведенія войны до конца».

---

(1) Изъ дневника ген.-лейт. Дубенскаго, «Русск. Лѣт.», кн. I.

Императорская Русская Армія безъ Государя Императора существовать больше не могла и не только не захотѣла повиноваться захватчикамъ власти, но вскорѣ-же вооруженныя толпы бывшихъ солдатъ сами стали диктовать свою волю самонадѣяннымъ авантюристамъ и политиканамъ «правительства» безвременья 1917 года.

«Кто посѣетъ вѣтеръ — пожинаетъ бурю»: всѣмъ идеологамъ «народоправства» этою анархическою толпою самовольно демобилизовавшагося народа — преподанъ былъ предметный урокъ «захватнаго права» и «достиженій въ революціонномъ порядкѣ», а весьма многимъ дѣятелямъ и мечтателямъ революціи пришлось на себѣ испытать — что такое въ дѣйствительности «народовластіе», не подпольное, а настоящее «народовольство».

Между тѣмъ, если бы былъ опубликованъ прощальный приказъ — завѣщаніе послѣдняго Русскаго Царя Его арміи, а съ нею и всему народу, если-бы каждому солдату была прочитана и роздана эта «царская памятка» — то многіе совсѣмъ иначе повели бы себя не только на фронтѣ, но и въ тылу.

Государственная работа Временнаго Правительства тогда во многомъ-бы облегчилась, армію еще можно было бы предохранить отъ стихійнаго развала, большевицкая пропаганда была бы затруднена.

Но кого Господь наказываетъ, то прежде всего отнимаетъ разумъ.

Обезумѣвшіе отъ революціоннаго угара, захватчики власти, въ большинствѣ и вовсе лишенные государственнаго ума, избрали совершенно иную линію поведенія, они стремились во что бы то ни стало сыграть роль и пожать лавры настоящаго *революціоннаго правительства*.

Объ этомъ съ горечью вспоминаетъ близко стоявшій къ Временному Правительству В. А. Маклаковъ, изобличающій нынѣ его членовъ въ преступно-ошибочномъ нежеланіи идти легальнымъ путемъ преемственности власти, переданной имъ отрекшимся Императоромъ 2 марта, причемъ Государь, именно для укрѣпленія новой власти, самъ позаботился назначить особымъ указомъ (помѣченнымъ на 3 часа ранѣе отреченія) Предсѣдателемъ дарованнаго Имъ отвѣтственнаго министерства князя Г. Львова — извѣстнаго Ему кандидата «общественности». Призывая всѣхъ дѣятелей и участниковъ «освободительнаго движенія» 1905-17 г. г. «отказаться отъ претензій на непогрѣшимость и самимъ искать своихъ ошибокъ, какъ ищутъ ихъ при анализѣ проигранной шахматной партіи», В. А. Маклаковъ подробно разъясняетъ, какъ недальновидно и антигосударственно поступали партійные политиканы «Думскаго

Комитета», составившие *революціонное* Временное Правительство, рѣшившееся *присвоить* себѣ неограниченную самодержавную власть [1]) и объяснявшее въ своей деклараціи, будто «довѣріе страны» къ людямъ, въ него вошедшимъ, «обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью».

Отвергнувъ такъ мудро и заботливо предуказанный Государемъ путь законнаго принятія власти, они загипнотизировали сами себя своей собственной прессой, своими почитателями, друзьями, подстрекаемые, какъ сознательными революціонерами-утопистами, такъ и болѣе всего—революціонерами профессіональными, главнымъ «пушечнымъ мясомъ» всѣхъ революцій — озлобленными и желчными неудачниками, которые рады всякому перевороту. Рѣшившіе въ этотъ моментъ дальнѣйшую судьбу всего русскаго народа — «назначенный Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату, Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ отвѣтственнаго передъ народными представителями министерства» князь Г. Е. Львовъ и члены этого министерства: Керенскій-Милюковъ, Коноваловъ, Гучковъ и Ко, — преступно легкомысленно предпочли стать на чисто революціонный путь захвата власти.

Исключительно освѣдомленный талантливый юристъ, самъ причастный къ «освободительному движенію», но и большой русскій патріотъ, многое и многихъ знающій и наблюдавшій, В. А. Маклаковъ весьма убѣдительно доказываетъ, что вопреки распространенной «терминологіи» — въ дѣйствительности въ Россіи не было революціи не только въ 1905 году, когда была лишь проведена эволюціонно большая реформа, совершенная законною русской властью, — но «не было революціи и въ день отреченія Государя 2 марта 1917 года [2]).

«Когда Императоръ Николай II отрекся отъ престола за себя и за сына и передалъ тронъ Великому Князю Михаилу Александровичу, когда Онъ этимъ же актомъ отреченія установилъ отвѣтственное министерство и назначилъ князя Львова Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ по желанію Думы, то какъ бы ни была колоссальна реформа, внесенная этимъ въ русскую жизнь, она была-бы опять таки эволюціей, какъ и въ 1905 г., а не революціей».

«Революція произошла на другой день послѣ отреченія

[1]) В. А. Маклаковъ, бывшій безсмѣнный членъ Ц. К. к.-д. партіи присяжный повѣренный, бывш. членъ Государственной Думы, бывш. Россійскій посолъ во Франціи, братъ разстрѣляннаго большевиками министра Внутр. Дѣлъ Н. А. Мвмклакова. «Изъ прошлаго», «Соврем. Зап.», кн. 38.

[2]) «Изъ прошлаго», «Соврем. Зап.», 1929. Парижъ.

Государя, въ тотъ роковой для Россіи день — 3 марта, когда Великій Князь Михаилъ Александровичъ, по совѣту Комитета Государственной Думы не принялъ престола, объявилъ тронъ вакантнымъ и когда назначенный Государемъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ *пренебрегъ такимъ назначеніемъ, не захотѣлъ быть законною властью*, а предпочелъ свое происхожденіе вести отъ «побѣды надъ старымъ порядкомъ», *отъ самозванныхъ органовъ революціи* — отъ Временнаго Комитета Государственной Думы и даже Совѣта Рабочихъ Депутатовъ».

«Появленіе такого правительства было уже подлинною революціей».

«Это показываетъ насколько французскіе революціонеры 18 вѣка были умѣреннѣе насъ русскихъ. Тамъ королевская власть, послѣ созыва ею въ 1789 г. генеральныхъ штатовъ, держалась три года. Ей прощались и ея безсиліе, и ея ошибки, и конфликты съ Законодательнымъ корпусомъ на самыхъ острыхъ вопросахъ и даже такіе безумные жесты, какъ бѣгство королевской семьи въ Вареннъ. Нужны были преступныя сношенія короля съ внѣшнимъ врагомъ, во время войны, нужна была формальная измѣна, чтобы *Королевская власть была упразднена и Королевская семья взята подъ стражу*».

«Наши же *монархисты*, ибо члены Временнаго Правительства, кромѣ А. Ф. Керенскаго, были всѣ монархистами, — *свой приходъ къ власти съ этого начали...*», хотя никакой измѣны вовсе не было и вообще положительно никакихъ дѣйствій или поступковъ предосудительнаго характера со стороны Государя и Императрицы — самое придирчивое разслѣдованіе революціоннаго правительства не обнаружило, — добавимъ мы отъ себя къ подчеркнутымъ словамъ В. А. Маклакова.

Рѣшивъ инсценировать революцію возглавленіемъ петроградскаго бунта и захватомъ власти, это, по выраженію Маклакова, *самодержавное* революціонное «временное» правительство», т. е. въ сущности коллегіальная диктатура одиннадцати «самодержцевъ» — захватчиковъ власти, самоизбранныхъ «представителей» либеральной и радикальной общественности изъ пресловутаго «прогрессивнаго блока», — вполнѣ естественно могло только самонадѣянно пренебречь тою моральною поддержкой, которую оказывалъ новой власти прощальный приказъ Государя отъ 8 марта.

Въ дѣйствительности эти горе-министры такъ и поступили: грубо, непродуманно и негосударственно. Возомнивъ себя революціонерами — «побѣдителями» г. г. безотвѣтственные «правители», этотъ болѣе всего въ государственныхъ инте-

ресахъ написанный, замѣчательный прощальный призывъ отрекшагося Императора — признали контръ-революціоннымъ актомъ, опаснѣйшимъ для углубляемой ими Революціи.

Между тѣмъ, принося себя въ жертву добровольнымъ оставленіемъ трона, озабоченный до послѣдняго часа судьбою роднаго Ему Русскаго Народа и всей Державы Россійской, а ближе всего принимая къ сердцу интересы своей арміи и флота, Государь стремился сдѣлать все возможное — для безболѣзненнаго перехода къ новому государственному строю, къ возстановленію и поддержанію должнаго порядка, къ обезпеченію законности перехода власти къ новому, *Имъ назначенному* Совѣту Министровъ (Временному Правительству) и къ сохраненію дисциплины и боевой силы Арміи. Вотъ какими высокими побужденіями руководился беззавѣтно преданный Россіи Царь, когда писалъ свое прощальное обращеніе къ любимымъ имъ войскамъ.

Государь сознавалъ, что безъ Царя Императорская русская армія существовать не можетъ, и отъ своего имени просилъ горячо любимыя имъ войска довести войну до побѣднаго конца, требовалъ отъ нихъ повиновенія Временному Правительству и исполненія долга и порядка службы. Это было послѣднее Царское наставленіе — завѣщаніе Императора, навѣки покидающаго преданныхъ Ему и всегда готовыхъ за Него умереть русскихъ людей — солдатъ Императорской Арміи.

Въ первый же день послѣ отреченія произошло событіе, Государемъ непредвидѣнное и глубоко его потрясшее. Актомъ добровольнаго своего отреченія 2 марта Государь передалъ свою Власть не какимъ-нибудь «диктаторамъ» Временнаго Правительства, а своему законному правопреемнику новому Императору Михаилу Александровичу. Но не успѣлъ онъ доѣхать до Могилева, какъ неожиданный отказъ Великаго Князя и захватъ власти «министрами», переименовавшими «Комитетъ Государственной Думы» во «Временное Правительство» съ упраздненіемъ не только Монарха, но и парламента, — все круто измѣнило. Парламентарная монархія превращается въ какую-то революціонную республику и права Верховнаго Вождя Арміи и Флота переходятъ не къ Монарху, а къ Временному республиканскому правительству, въ сущности-же къ «военно-морскому министру» изъ не торгующаго купечества — А. Гучкову.

Императоръ Николай II не могъ не видѣть гибельныхъ послѣдствій этого обманнаго захвата власти и прежде всего — предательства революціонерами, лишенной Вождя Русской арміи — подстерегающему каждое ея ослабленіе по всему фронту опаснѣйшему врагу.

8 марта Государь дѣлаетъ послѣднія усилія, чтобы спасти хотя бы Русскую Армію отъ развала, пораженія и неминуемаго тогда позора сепаратнаго мира, въ мнимомъ стремленіи къ которому такъ клеветнически подло обвиняли Царя думскіе, штабные и всѣ прочіе тыловые заговорщики, сознательно распространявшіе эту величайшую ложь съ измѣнническими революціонными цѣлями.

Предавъ забвенію измѣну 1-2 марта, Государь всѣми помыслами, всею душою, всемъ сердцемъ сосредоточивается на одномъ: какъ бы облегчить принятую «Временнымъ Правительствомъ» тяготу власти, какъ бы сохранить и укрѣпить Армію отъ начинающагося развала. Авторитетомъ Своего, такъ свято воспринимавшагося солдатами и еще цѣнимаго Арміей, Царскаго слова, Государь призываетъ Армію, народъ и само революціонное правительство — свято исполнить главнѣйшія лежащія теперь всецѣло на нихъ самихъ отвѣтственныя обязанности и съ Божіей помощью совмѣстно вести Россію по пути къ славѣ и благоденствію.

Одержимые тѣмъ же «пафосомъ» революціи наши «временные правители» — жалкая помѣсь французскаго «Конвента» (1792 г.), — съ русскимъ «совдепомъ», поспѣшили «выявить» свою власть и первымъ «достиженіемъ» князя Львова съ «товарищами» — «выдвиженцами» Государственной Думы было распоряженіе о недопущеніе въ войска прощальнаго слова Императора Николая II. Опубликованіе этого обращенія къ Арміи и Флоту Государя, «сложившаго Верховную власть въ согласіи съ Государственной Думой», не только противорѣчило амбиціознымъ настроеніямъ военно-морского «министра» Гучкова и не соотвѣтствовало его соперничеству на первенство въ революціонномъ балаганѣ «временнаго правительства» съ «иностраннымъ министромъ» Милюковымъ — не менѣе упрямымъ государственнымъ клеветникомъ, завѣдомоложно обвинявшимъ Государя и Императрицу въ «желаніи сепаратнаго мира».

Какъ школьники, повторяющіе «зады» безсмысленной зубрежки по плохому «учебнику революціи» (разумѣется — «великой», французской!), всѣ эти ненавистники русской монархической государственности — неистово подражали все тѣмъ-же французскимъ революціонерамъ, доведшимъ французовъ до звѣрской расправы съ «лучшимъ изъ королей», какъ во Франціи, въ народѣ и въ печати, называли съ 1789 по 1792 г. Луи XVI-го, что не помѣшало «республиканскимъ диктаторамъ» казнить короля и королеву отрубаніемъ головы, обвинивъ ихъ въ измѣнѣ!

Прощальный приказъ Государя своимъ *словомъ истины*

открывалъ глаза всѣмъ ослѣпленнымъ и сбитымъ съ толку милліонамъ русскихъ людей: каждый солдатъ и матросъ прочиталъ-бы, услышалъ-бы въ этихъ словахъ — *Царскую правду*, самое ясное и рѣшительное опроверженіе наиболѣе злостныхъ клеветническихъ измышленій революціонеровъ!

Это было бы всенародное изобличеніе всѣхъ, подававшихъ сигналъ «къ штурму власти» г. г. Милюковыхъ Государственной Думы, уличаемыхъ не въ *глупости*, а въ *измѣнѣ*, въ явной клеветѣ на Царя и Царицу!

Это было-бы раскрытіе исторической правды, сокрушающей весь «престижъ» «завоеваній» революціи, это было-бы опроверженіе жалкихъ самооправданій дѣлателей русской смуты во время войны — передъ союзными правительствами, передъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи, Франціи, Италіи — передъ всѣмъ міромъ, потрясеннымъ зрѣлищемъ крушенія величайшей Имперіи.

Прощальный приказъ Государя дошелъ случайно только до *штабовъ* армій и кое-гдѣ, на Румынскомъ фронтѣ — до *штабовъ* корпусовъ и дивизій. Оказалось, что получивъ сообщеніе генерала Алексѣева съ копіей приказа, вошедшій уже въ долгожданную имъ роль «военнаго министра» Гучковъ экстренной телеграммой въ штабы фронтовъ, помимо Ставки, воспретилъ дальнѣйщую передачу приказа въ войска. Армія такъ и не услышала прощальнаго слова Императора, Его послѣдняго привѣта [1]).

Этотъ дивный, святой приказъ Русскаго Императора Николая Александровича къ своимъ войскамъ, а черезъ нихъ и ко всей Великой Россіи, не по винѣ Государя недошедшій до нея, запечатлѣнъ теперь праведной кровью Царя-Мученика, принявшаго смерть, но не ставшаго измѣнникомъ своего Отечества и сохранившаго до могилы непоколебимую вѣрность своимъ союзникамъ... [2]).

Душа Императорской Русской Арміи.

Воинскія части жили жизнью полковой и великой военной семьи, возглавляемой Державнымъ Отцомъ — Командиромъ всей русской арміи, имя котораго украшало полковыя святыни — знамена и штандарты. [3])

---

[1]) Генеральнаго штаба полковникъ В. М. Пронинъ. «Послѣдніе дни Царской Ставки». Бѣлградъ, 1930.

[2]) «Очевидецъ» (ген. Дубенскій). Рус. Лѣт. кн. I, 1921. Парижъ.

[3]) Императоръ Николай II и Армія. «Вѣстникъ союза офицеровъ участниковъ войны» N 4. Парижъ, 1929 г.

И каждый солдатъ — новобранецъ и юный офицеръ — становились членами этой семьи, а оставляя строй — всю жизнь хранили память о родномъ полку, баталіонѣ, ротѣ или эскадронѣ, съ которыми крѣпко роднились они совмѣстнымъ исполненіемъ долга службы Царю и Отечеству «не только за страхъ, но и за совѣсть»: по военному самоотверженно-терпѣливо перенося «голодъ, холодъ и всѣ нужды солдатскія» и совершая безчисленные ратные подвиги «въ походахъ, въ дѣлахъ и сраженіяхъ противъ непріятеля». Пребываніе на дѣйствительной службѣ въ полку было лучшими воспоминаніями жизни для большинства офицеровъ и солдатъ, изъ которыхъ многіе лишь въ полку дѣлались грамотными, а затѣмъ, по полковымъ рекомендаціямъ часто устраивались на службу въ казенныя или частныя учрежденія. Воспоминанія о «родномъ полку» свято чтились всю жизнь. И нынѣ, разсѣянные по всему свѣту — чины Императорской Арміи всюду объединяются по полкамъ.

НАШЪ ПОЛКЪ.

Нашъ полкъ! Завѣтное, чарующее слово
Для тѣхъ, кто смолоду и всей душой въ строю.
Другимъ оно старо, но намъ все также ново,

И знаменуетъ намъ — и братство, и семью.
О, знамя ветхое, краса полка родного!
Ты, бранной славою вѣнчанное въ бою;
Чье сердце за Твои лоскутья не готово —
Всѣ блага позабыть и жизнь отдать свою?!

Полкъ — учитъ насъ терпѣть безропотно лишенья
И жертвовать собой въ пылу святого рвенья.
Все благородное: — отвага, доблесть, долгъ,
Лихая удаль, честь, любовь къ Отчизнѣ славной,
Къ Великому Царю и Вѣрѣ Православной —
Въ единомъ словѣ томъ сливается: нашъ Полкъ!

К. Р.

(Вел. Князь Константинъ Константиновичъ).

День 6 декабря — тезоименитства Верховнаго Вождя Императоракой арміи и флота былъ праздникомъ всего флота и особо торжественно праздновался какъ на военно морскихъ судахъ, такъ и всѣми сухопутными воинскими частями, а для многихъ изъ нихъ былъ и полковымъ праздникомъ.

Въ газетѣ «Новое Время» отъ 8 декабря 1902 года такъ описывается этотъ высокоторжественный день праздновавшійся въ военной семьѣ стрѣлковъ Императорской Фамиліи — тогда баталіона, а въ послѣдніе года именовавшагося Лейбъ-

Гвардіи 4 Стрѣлковымъ полкомъ Императорской Фамиліи, въ спискахъ котораго состояли всѣ Великіе Князья Царствующаго Дома Романовыхъ.

«6 декабря (1902 г.) Лейбъ-Гвардіи Стрѣлковый баталіонъ Императорской Фамиліи праздновалъ въ Царскомъ Селѣ свой баталіонный праздникъ. День начался богослуженіемъ и молебствіемъ въ баталіонной церкви съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю и всему Царствующему Дому...

Въ 8 часовъ вечера въ офицерскомъ ссбраніи состоялся обѣдъ на 60 человѣкъ съ участіемъ многихъ прежнихъ и всѣхъ наличныхъ офицеровъ баталіона. Трапезу удостоили раздѣлить августѣйшіе стрѣлки, Великіе Князья Борисъ и Андрей Владиміровичи и князь Александръ Георгіевичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій. Тостъ за здоровье Государя, провозглашенный командиромъ баталіона барономъ Фитингофомъ, былъ покрытъ могучимъ восторженнымъ «ура» и звуками народнаго гимна. Второй тостъ провозгласилъ бывшій командиръ, генералъ Тыртовъ за присутствовавшихъ августѣйшихъ стрѣлковъ. Затѣмъ командиръ баталіона поднялъ стрѣлковую чарочку за прежнихъ стрѣлковъ въ лицѣ находившагося за обѣдомъ генералъ-лейтенанта Е. В. Богдановича, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Ваши императорскія высочества и товарищи стрѣлки!

Не начать ли братцы, мнѣ
Моего повѣствованія
По завѣтной старинѣ
Складомъ важнаго сказанія?

Этими вдохновенными стихами «Баяна» «О полку Игоревѣ» да будетъ мнѣ позволено начать мое скромное сказаніе, дорогой моему сердцу, стрѣлковой семьѣ.

Въ моей брошюрѣ «Храмъ-Памятникъ на Шипкѣ» я говорю, что между прошлымъ и настоящимъ въ арміи не должно быть разрыва. Ея наслѣдство — духъ доблести — должно переходить изъ поколѣнія къ поколѣнію въ полномъ составѣ и обязанность каждаго послѣдующаго поколѣнія — пріумножить это наслѣдство въ благодарность предшественникамъ и въ поощреніе преемникамъ.

Прошлое нашего баталіона даетъ полное право сказать, что стрѣлки Императорской Фамилія уже успѣли накопить богатый запасъ доблестныхъ преданій.

У всѣхъ еще въ памяти историческій моментъ, когда въ великую освободительную войну на далекихъ поляхъ Горнаго Дубняка, залитыхъ русскою кровью, Императорскіе стрѣл-

ки покрыли неувядаемой славою русское оружіе въ кровавой битвѣ 12 октября, подъ предводительствомъ графа Клейнмихеля.

Въ этотъ приснопамятный день стрѣлки лихо потрудились на знаменитомъ «Чортовомъ пространствѣ», т. е. промежуткѣ между люнетомъ и ложементомъ, подъ командой Сперанскаго, Фрезера, Климова, Адамовича, Арбузова и Вильсона. Напомнивъ стрѣлкамъ данное Царю обѣщаніе заслужить георгіевское знамя, эти офицеры кинулись впереди солдатъ и выбили врага изъ ложементовъ.

Стрѣлки свято исполнили свой долгъ и 17 апрѣля 1878 года были пожалованы заслуженнымъ знаменемъ.

Глубоко ободряютъ и одушевляютъ эти отрадныя воспоминанія.

Блестящія дѣянія столь недавняго прошлаго полны обаятельности для современниковъ и даютъ увѣренность смотрѣть въ глаза будущему, сокрытому отъ насъ таинственною завѣсой.

Въ нынѣшніе дни юбилейныхъ торжествъ, посвященныхъ событіямъ о войнѣ 1877-78 г. г., русскому воинству выпало великое счастье удостоиться Высочайшаго приказа 28 ноября (въ день 25 лѣтія взятія Плевны), заключающагося слѣдующими высокознаменательными словами: «Если въ неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла Божія родинѣ Нашей ниспослана будетъ година испытаній, вѣрю, что моя славная армія и доблестный флотъ мой, дорогіе и близкіе моему сердцу, свято исполнятъ свой долгъ передъ Престоломъ и передъ Отечествомъ».

Это царское обращеніе къ арміи и флоту безмѣрною радостью преисполняетъ сердца Императорскихъ Стрѣлковъ.

Россія славна и могуча и надъ ней царитъ Тотъ, чье сердце въ руцѣ Божіей.

Если Царь царей укажетъ Царю Русскому ополчиться за вѣру и Русь святую и Надежда-Государь единое лишь слово вымолвитъ — не одни только Императорскіе Стрѣлки, но тогда

Отъ края и до края
Стальной щетиною сверкая
Вся встанетъ Русская Земля!

Поднимемъ-же высоко чарочку серебряную и выпьемъ здравицу нашему обожаемому Имениннику, Державному Вождю христолюбиваго воинства Царю-Печальнику о нуждахъ своего народа, столь близкаго къ сердцу Цареву. Ура! Ура!..

Эта горячая патріотическая рѣчь была покрыта единодушными рукоплесканіями всѣхъ участниковъ въ трапезѣ,

многократно повтореннымъ народнымъ гимномъ и восторженными кликами «ура».

Затѣмъ пѣсенники исполнили застольную пѣсню талантливѣйшаго графа Алексѣя Константиновича Толстого, служившаго въ Императорскихъ Стрѣлкахъ подполковникомъ и въ званія флигель-адъютанта въ первые (1854-56) годы существованія полка, мысль о сформированіи котораго изъ царскихъ удѣльныхъ крестьянъ-добровольцевъ принадлежитъ этому поэту-патріоту.

ЧАРОЧКА.

Чарочка
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Ставленная.
Кому чару пити.
Кому выпивати.
Пити чару-пить
Батюшкѣ Царю,
Выпивать
Александру Николаевичу.
Чару выпивай —
Насъ не забывай!

То не лѣсъ, не трава
Преклоняется —
Наши буйныя головушки
Склоняются...

Слава на небѣ солнцу высокому,
Слава!
Слава на землѣ Государю Великому
Слава!

Слава на небѣ утру прекрасному
На землѣ—Государынѣ ласковой,
Слава на небѣ ясному мѣсяцу,
На землѣ Государю Наслѣднику!

Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи
Сыновьямъ, дочерямъ Государевымъ,
И великому князю съ княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ —
Слава храброму русскому воинству!

Слава небу всему лучезарному
Слава Русскому царству великому.
Веселися ты, солнце небесное,
Многая лѣта царю благовѣрному.
. . . .

Слава на небѣ свѣтлымъ звѣздамъ
На землѣ Государевымъ Стрѣлкамъ!
Чтобы рука ихъ была всегда тверда
Око свѣтлѣе, яснѣе соколинаго,
Чтобы привелъ Богъ за матушку Русь постоять
Нашихъ враговъ за рубежъ, за рубежъ провожать!
Чтобы не было русскаго слова крѣпчѣй,
Чтобы не было Русской славы громчѣй,
Нашего ласковаго Государя добрѣй,
Да чтобы не было Царскихъ Стрѣлковъ удалѣй!

Слава!

Въ этой любимой въ полкахъ величальной пѣснѣ вылилось отношеніе къ Царю и Царствующему Дому Русскаго воинства, крѣпкою основою котораго одинаково во всѣхъ

*

гвардейскихъ и армейскихъ частяхъ и во всѣ времена — было русское крестьянство.

Какъ изстари относились Россійскіе Самодержцы къ своимъ арміи и флоту свидѣтельствуетъ приводимое Е. В. Богдановичемъ въ его «Исторія Императорскихъ Стрѣлковъ», слѣдующее обращеніе Императора Александра II къ войскамъ въ день восшествія своего на прародительскій престолъ 19 февраля 1855 года:

«Храбрые воины, вѣрные защитники Церкви, Престола и Отечества».

«Всемогущему Богу угодно было испытать насъ самою горестною тяжкою потерею».

«Мы лишились общаго нашего Отца и Благодѣтеля».

«Среди неусыпныхъ заботъ о благоденствіи Россіи и славѣ русскаго оружія, любезнѣйшій Родитель мой Государь Императоръ Николай Павловичъ перешелъ въ жизнь вѣчную».

«Послѣднія слова его были: «благодарю славную вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, равно храбрые и вѣрные армію и флотъ».

«Молю Бога, чтобы сохранилъ въ нихъ навсегда тѣ же доблести, тотъ же духъ, коими при Мнѣ отличались».

«Покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства и внѣ, и внутри обезпечено — и горе врагамъ его...»

«Я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе, ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать или не могъ болѣе сдѣлать».

«Да сохранятся въ сердцахъ вашихъ эти незабвенныя слова, какъ доказательство искренней Его къ вамъ любви, которую Я раздѣляю въ полной мѣрѣ и какъ залогъ вашей преданности Мнѣ и Россіи».

Внимая такому слову царскому въ тяжкую Севастопольскую годину 1855 года, какъ и во всѣ времена, сыны русскаго народа самоотверженно, съ вѣрою въ сердцѣ, съ Царемъ во главѣ шли на защиту Отечества...

Выраженіемъ этихъ общихъ чувствъ, общаго настроенія каждой воинской части, съ какими выступали на войну наши русскіе воины въ старые годы и до послѣдняго дня монархіи, можетъ служить слѣдующій приказъ по полку вновь сформированныхъ изъ охотниковъ крестьянъ, Императорскихъ Стрѣлковъ при выступленіи ихъ лѣтомъ 1855 года въ дальній

походъ изъ Царскаго Села на г. г. Николаевъ и Перекопъ — для защиты Крыма и юга Россіи: [1])

«Да сподобитъ же насъ Царь Небесный», обратился тогда къ полку его первый командиръ, бывшій преображенецъ, полковникъ Д. А. Арбузовъ — «оправдать довѣріе къ намъ земного нашего Царя».

«Я увѣренъ, что каждый изъ насъ съ восторгомъ готовъ пролить свою кровь и отдать жизнь за такое довѣріе. Но этого мало, на подобную жертву готовъ весь нашъ народъ православный. Мы же, братцы, должны образовать изъ себя ряды, грозные какъ кара Божія для враговъ Царя и Отечества нашего. Мы должны возвысить нашъ полкъ такъ, чтобы имъ гордилась вся Русская Армія».

Выразителемъ тѣхъ же истинно русскихъ народныхъ чувствъ былъ участникъ войны 1812 года славный «пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», позднѣе — наставникъ воспитатель будущаго Императора Александра II, поэтъ В. А. Жуковскій, написавшій слова незабвеннаго и несравненнаго нашего народнаго гимна, авторомъ музыки котораго былъ такъ же офицеръ Императорской арміи Львовъ. (Въ 1933 г. исполнится столѣтіе народнаго гимна «Боже, Царя храни!»).

А написанное тѣмъ же В. А. Жуковскимъ, заставляющее трепетать русскіе сердца «многолѣтіе Царю» распѣвалось не только по всей необъятной Россіи, но въ 1880-90-хъ годахъ гремѣло въ Европѣ и Америкѣ, исполняемое тогда удивлявшимъ и восхищавшимъ нашихъ западныхъ — и друзей, и враговъ, — знаменитымъ хоромъ Д. А. Агренева-Славянскаго — бывшаго гвардейскаго офицера:

Многи лѣта, многи лѣта
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь —
Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ —
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя Царское гремитъ!
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣстра —
Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское «ура»!.

---

[1]) Императоръ Николай І-ый въ началѣ октября 1854 г. объявилъ Министру удѣловъ Л. А. Перовскому, что Императорская Семья, наравнѣ съ другими желаетъ выставить отъ себя ратниковъ на боевыя позиціи и 25 октября 1859 г. особымъ рескриптомъ было положено основаніе Стрѣлковому баталіону Императорской Фамиліи.

Прогреми-жъ до граней свѣта
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

Въ Россійской Императорской Арміи имя Государя было священно. Шефскія части выдѣлялись своимъ видомъ и въ войнахъ оказывались выше номерныхъ частей. Люди тѣ-же, того же воспитанія офицеры, а вотъ то, что вмѣсто номера стоитъ вензель, что полкъ носитъ имя Его Величества, поднимало его и влекло на подвигъ...

Еще Морицъ Саксонскій сказалъ, что человѣческое сердце есть отправная точка во всѣхъ военныхъ дѣлахъ.

Суворовская наука побѣждать вся проникнута идеей значенія духовной стороны арміи.

Наполеонъ писалъ: «Во всякомъ военномъ предпріятіи успѣхъ на три четверти зависитъ отъ данныхъ моральнаго порядка и только на одну четверть отъ матеріальныхъ силъ».

Въ Императорской Арміи поднимало духъ бойцовъ то, что она — Императорская, что Государь — Отецъ Родины съ ними въ страшную минуту боя.

«Мелочь» казалось-бы... Въ Россійской Арміи при отправленіи караульной службы рапортовали: въ караулѣ и на постахъ Его Императорскаго Величества происшествій не случилось».

И караульную службу несли свято.

Въ Россійской Императорской Арміи писали: «заболѣвъ сего числа, службу Его Императорскаго Величества нести не могу».

И служба была все. Для службы забывали семейныя радости, праздники, недемоганія.

Духъ арміи былъ высокъ, сердце горѣло рвеніемъ. Императоръ Петръ Великій, основатель Россійской Арміи, показалъ высокій личный примѣръ такой службы.

Въ арміи наизусть заучивали его приказъ передъ Полтавской битвой 27 іюня 1709 года [1]).

...«Воины! Пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу Отечества.

Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за Отечество, за православную вѣру и Церковь.

---

[1]) День Полтавской побѣды 28 іюня по повелѣнію Петра Великаго сдѣланъ національнымъ праздникомъ, отмѣненнымъ лишь въ XIX столѣтіи. Полтавская побѣда сразу поставила Россію въ ряду великихъ державъ.

Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила-бы только Россія во славѣ и благоденствіи для благосостоянія вашего...»

Прошли вѣка и помнила завѣты Великаго Царя его армія и пѣли въ ея полкахъ

«Было дѣло подъ Полтавой
Сотни лѣтъ еще пройдутъ,
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ русскихъ не умрутъ... [1]).

Полтавская побѣда называлась при Петрѣ «Превеликою, преславною викторіею, русскимъ воскресеніемъ».

Сквозь всю россійскую армію, какъ стержень проходило сознаніе святости императорской службы и страшное значеніе воинской дисциплины.

«Фронтъ — святое мѣсто», такъ учили въ старину дядьки молодыхъ солдатъ.

Приказъ начальника исполнять обязанъ, какъ приказъ самого Государя — это было твердо усвоено всѣми сверху до низу.

Не исполнить приказъ было немыслимо.

Въ Императорской Арміи была глубокая вѣра другъ въ друга. Твердо знали: нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ... Всѣ одни — Царевы. На верху Императоръ, подъ нимъ генералы, потомъ офицеры, потомъ солдаты и всѣ предъ Царемъ равны и всѣ одинаковы.

Помнили вѣчно — солдатъ есть имя знаменитое: первѣйшій генералъ и послѣдній рядовой носятъ имя солдата.

Исторія скажетъ свое слово о Русской Императорской Арміи и она можетъ спокойно ожидать этого суда и не бояться его.

Не постыженная, побѣдоносная, несокрушимая, славная предстанетъ она на судъ исторіи и къ безконечной вереницѣ именъ героевъ прибавится еще длинный списокъ новыхъ именъ...

Теперь, когда русскій народъ постигло величайшее несчастье и когда радующіеся нашему бѣдствію завистливые, самовлюбленные и гордые иностранцы на всѣ лады восхваляютъ свои арміи и отрицаютъ доблести и заслуги въ Міровой войнѣ русскихъ войскъ, быть можетъ было бы не лишнимъ

[1]) Имя Петра Великаго гремѣло по всей Европѣ.

вспомнить отзывы иностранцевъ о нашей арміи изъ прежнихъ временъ. Послѣдніе болѣе объективны, болѣе справедливы, а потому для насъ болѣе цѣнны.

Графъ Ланжеронъ, французъ-эмигрантъ, прослужившій въ русской арміи болѣе тридцати лѣтъ, въ своихъ воспоминаніяхъ: «Русская армія въ годъ смерти Екатерины II» — описываетъ недостатки и неустройства нашей арміи тѣхъ временъ и между прочимъ, ставитъ русскимъ упрекъ, что они искусство и науку въ военномъ дѣлѣ считаютъ не только безполезными, но даже и опасными, пустыми химерами. «Ихъ штыки и казаки составляютъ всю ихъ науку», — пишетъ онъ. Однако ,указывая на многія отрицательныя стороны русской арміи, графъ Ланжеронъ, все-таки исключительно высоко расцѣниваетъ ее, что видно изъ слѣдующихъ его словъ:

«Русская армія по своему составу и господствующимъ въ ней злоупотребленіямъ, должна была быть худшей въ Европѣ, а между тѣмъ она является одной изъ лучшихъ». Какимъ же образомъ это происходитъ? «Русскій солдатъ, — говоритъ графъ Ланжеронъ, — приписываетъ это Николаю Угоднику, а *я приписываю это русскому солдату; дѣйствительно, благодаря тому, что онъ лучшій солдатъ въ мірѣ, побѣда всюду сопутствуетъ ему. Воздержанный, какъ испанецъ, терпѣливый, какъ чехъ, гордый, какъ англичанинъ, неустрашимый, какъ шведъ, воспріимчивый къ порывамъ и вдохновеніямъ французовъ, валлоновъ и венгровъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ, всѣ качества, которыя образуютъ хорошаго солдата и героя*».

Ланжеронъ отрицаетъ, что русскій солдатъ болѣе жестокъ чѣмъ другіе и утверждаетъ, что *его сила происходитъ отъ чувства чести, отъ воодушевленія и національнаго самолюбія*. Не менѣе прекрасно графъ Ланжеронъ отзывается о русскихъ офицерахъ: «Русскихъ оберъ-офицеровъ, — говоритъ онъ — судятъ въ Европѣ слишкомъ строго и несправедливо; ихъ изображаютъ самыми дурными красками. Я видѣлъ среди нихъ, какъ видятъ и вездѣ, нѣкоторыя отдѣльныя личности, недостойныя носить мундиръ, но ложь, что офицеры трусы, а солдаты храбры. *Я видѣлъ во всѣхъ опасныхъ случаяхъ, въ которыхъ самъ находился вмѣстѣ съ ними, подающими примѣръ храбрости и неустрашимости своимъ солдатамъ, а этихъ послѣднихъ далеко не опережавшими своихъ офицеровъ въ минуту опасности, а устремлявшимися ей навстрѣчу лишь тогда, когда начальники ихъ указывали къ тому путь подъ Очаковымъ, Измаиломъ и въ кровопролитномъ Роченсальскомъ сраженіи въ 1809 году*... «Нужно, — говоритъ онъ, — чтобы этотъ офицеръ придавалъ очень большую цѣну чувству чести и любви къ отечеству для того, чтобы служить съ такою храб-

ростью съ такимъ самоотверженіемъ и съ такимъ рвеніемъ, не имѣя притомъ надежды ни на предусмотрѣнное повышеніе, ни на заслуженную награду, ни на помощь, ни на поощреніе; видя дорогу къ чинамъ, крестамъ и почестямъ совершенно для себя закрытою, — видя, какъ, эту награду, возбуждающую храбрость, раздаютъ настолько же пристрастно, насколько несправедливо и возмутительно, сознавая себя въ то же время въ постоянномъ униженіи и испытывая дурное обращеніе и оскорбленія со стороны дерзкихъ начальниковъ...» При этомъ приводитъ размышленіе итальянца Mailha *о доблестномъ поведеніи русскихъ офицеровъ при штурмѣ Измаила* и униженіяхъ, которыя имъ приходилось переносить на другой же день отъ недостойныхъ начальниковъ.

Этотъ отзывъ былъ данъ сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, а вотъ отзывъ иностранца нашего времени:

Осенью 1915 года начальникъ штаба дивизіи полковникъ Д. разговаривалъ какъ-то съ однимъ офицеромъ нашихъ западныхъ союзниковъ о причинахъ ихъ неудачной операціи въ Галлиполи. Союзникъ объяснялъ эту неудачу трудностью десантныхъ операцій вообще и въ частности мѣстностью у Дарданеллъ, которая представляетъ изъ себя сплошную природную крѣпость, усиленную еще къ тому же искусственными къ оборонѣ приспособленіями и защищавшуюся лучшими турецкими войсками. Полковникъ М. на это замѣтилъ, что Карпаты и турецкій фронтъ, по своимъ топографическимъ условіямъ, не менѣе трудны, чѣмъ мѣстность у Дарданеллъ, и все же русскіе дѣйствовали тамъ съ успѣхомъ.

Союзникъ нѣсколько задумался, потомъ сказалъ слѣдующее:

«Вы воюете совсѣмъ иначе, чѣмъ мы. У васъ, напримѣръ, нерѣдко назначается заранѣе часъ атаки: — подготовила ее артиллерія или нѣтъ, уничтожила она или привела хотя бы къ молчанію артиллерію, пулеметы и стрѣлковъ противника или нѣтъ, — все равно въ назначенное время ваша пѣхота бросается на непріятеля, который часто встрѣчаетъ ее своимъ убійственнымъ огнемъ, и она безрезультатно устилаетъ своими тѣлами всѣ подступы къ противнику. Иногда вашей пѣхотѣ удается преодолѣть всѣ препятствія — и естественныя и искусственныя, и ея атака увѣнчивается отличнымъ успѣхомъ. *Мы не имѣемъ такой пѣхоты, какую имѣете вы*, и не расходуемъ ее такъ расточительно, какъ дѣлаете вы. *Мы беремъ больше техникой и искусствомъ, а Вы живой силой и лихостью*. Наша пѣхота избалована: она, въ сущности, не беретъ, а занимаетъ и закрѣпляетъ за собой позицію противника, когда послѣдній нашей артиллеріей изъ нея уже выбитъ

или, по крайней мѣрѣ, приведенъ къ неспособности защищаться. Чтобы добиться успѣха при такихъ условіяхъ, необходимо располагать по сравненію съ противникомъ превосходствомъ въ силахъ, а этого у насъ въ Дарданеллахъ не было. *Русскіе со своей пѣхотой могутъ легче, чѣмъ кто-либо другой, успѣшно дѣйствовать всегда, вездѣ и при всякой обстановкѣ и условіяхъ».*

Передавая свой разговоръ съ союзникомъ, полковникъ М. отъ себя добавилъ, что иностранецъ, наблюдая дѣйствія нашихъ войскъ, подмѣтилъ все довольно вѣрно, но что для полноты картины, слѣдовало бы еще отмѣтить, что русской пѣхотѣ нерѣдко приходилось и обороняться и наступать и безъ помощи артиллеріи и даже безъ патроновъ.

«Я вижу, что моя армія — первая въ свѣтѣ, для нея нѣтъ ничего не возможнаго и по самому наружному виду никакія войска не могутъ съ нею сравняться» — сказалъ Императоръ Александръ I въ 1815 году, любуясь своею арміею близъ Вертю (Vertu) во Франціи...

Это былъ высочайшій смотръ — послѣ окончательнаго низложенія Наполеона, когда корпусъ русскихъ войскъ подъ командою графа Воронцова и генерала Алексѣева — оставался во Франціи въ теченіе трехъ лѣтъ, занимая сѣверо-восточные ея департаменты (съ 1815 по 1818 г. г.) — для поддержанія возстановленной королевской власти и порядка въ странѣ. По личному рѣшенію Александра I побѣдителями территорія Франціи оставлена неприкосновенной.

«Для того чтобы миръ былъ прочнымъ — никакихъ контрибуцій мы не требуемъ. Нужно облегчить французскому народу возстановленіе раззореннаго революціей его отечества...» Такъ писалъ Александръ Благословенный своему министру графу Нессельроде при заключеніи мира въ 1815 году — во время Вѣнскаго Конгресса. Но союзники Россіи и болѣе всего Англія — съ желаніями Александра не согласились.

Въ старой Императорской Гвардіи одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Лейбъ-Гвардіи казачій Его Величества полкъ. Много славныхъ страницъ вписали лейбъ-казаки въ русскую военную исторію. Они принимали живое участіе во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія на западѣ и на Балканахъ вплоть до послѣдней Великой и до гражданской смуты.

Войны съ Наполеономъ: Аустерлицъ, Фридландъ, Тильзитъ. Скорбный путь отъ Нѣмана къ Москвѣ въ 1812 году и славный Бородинскій бой. Побѣдоносное шествіе отъ Москвы къ Парижу. Бои подъ Тарутинымъ, Вязьмой, Краснымъ. Достопамятный 1813-й годъ, Бауценъ, Дрезденъ, Лейпцигъ,

Фершампенуазъ. Еще раньше: Зимній походъ въ Финляндію во время войны со Швеціей въ 1808 году.

Потомъ: войны турецкія и усмиренія польскихъ возстаній.

Наконецъ великая война нашихъ дней.

Вотъ главные этапы, черезъ которые прошелъ Л.-гв. Казачій полкъ.

Но въ исторіи полка наиболѣе яркій слѣдъ остался отъ Лейпцигскаго боя.

Во время «Битвы народовъ» подъ Лейпцигомъ полкъ въ составѣ четырехъ эскадроновъ, изъ коихъ было три донскихъ и одинъ черноморскій, находился въ конвоѣ Александра I.

Въ первый день боя, 4-го декабря 1813 года, французы прорвали центръ расположенія союзныхъ войскъ и французская конница ринулась въ этотъ прорывъ.

Императоръ Александръ I стоялъ на холмѣ за центромъ. Поблизости никакихъ войскъ, кромѣ конвоя, не было. Проходившая впереди наша легкая гвардейская кавалерійская дивизія не успѣла построить боевого порядка, была смята конной массой противника. Французскіе кирассиры и драгуны понеслись прямо на холмъ.

Наступилъ жуткій моментъ...

На долю лейбъ-казачьяго полка выпала тяжелая, но почетная задача спасти своего Царя, и полкъ эту задачу выполнилъ съ честью.

По знаку Государя вихремъ вынеслись казаки впередъ. Во главѣ полка мчался полковникъ Ефремовъ. Эскадроны со страшной силой врѣзались во флангъ непріятельской конницы. Французскія колонны сразу остановились. Первые ряды французскихъ эскадроновъ были сметены, разсѣяны, истреблены, все пришло въ замѣшательство. Въ это время на помощь лейбъ-казакамъ прибыли наша легкая гвардейская кавалерія и два полка прусской конницы.

Аттакованная съ фронта и съ фланговъ и поражаемая огнемъ нашей артиллеріи, французская конница въ безпорядкѣ бросилась назадъ за линію своей пѣхоты.

«Отважная атака лейбъ-казачьяго полка, удачное дѣйствіе артиллеріи и своевременное прибытіе резервовъ исторгнули побѣду геніальнаго полководца и пріуготовили торжество Европы».

Впослѣдствіи Императоръ Николай I, чтобы увѣковѣчить «блистательный подвигъ лейбъ-казачьяго полка», повелѣлъ установить день полкового праздника 1 октября, въ годовщину Лейпцигской битвы.

Во время торжественнаго вступленія союзниковъ въ Парижъ 19 марта 1814 года — лейбъ-казачій полкъ шелъ впере-

ди всѣхъ войскъ, открывая путь союзнымъ монархамъ. Прослѣдовавъ вдоль Большихъ Бульваровъ и пройдя церемоніальнымъ маршемъ передъ государями, войска разошлись по квартирамъ. Лейбъ-казачій полкъ подъ командою графа Орлова-Денисова сталъ бивакомъ на Елисейскихъ Поляхъ... Нынѣ, черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ, лейбъ-казачій полкъ вновь очутился въ Парижѣ, но не въ роли побѣдителя, а въ качествѣ рабочей силы. Здѣсь, въ общежитіи казаковъ хранятся полковыя реликвіи, изъ коихъ главная — полковой штандартъ. Живутъ дружною казачьею семьей, свято блюдя старыя традиціи и крѣпко вѣря въ возрожденіе русской Арміи...

Живымъ памятникомъ непревзойденной доблести и торжества побѣдоноснаго русскаго воинства, подъ славнымъ водительствомъ Императора Александра I, уничтожившаго результаты всѣхъ перечисленныхъ на Парижской Тріумфальной аркѣ побѣдъ 15 лѣтъ повелѣвавшаго Европой геніальнаго Наполеона, — былъ у насъ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ.

Ровно за 4 мѣсяца до начала міровой войны 19-го марта 1914 года, въ столѣтіе взятія Парижа, праздновали лейбъ-драгуны столѣтній юбилей своего сформированія въ Версали, въ 1814 году.

Немногими уцѣлѣвшими офицерами этого историческаго полка издана въ 1928 году въ Парижѣ, книга-памятка: «Лейбъ-драгуны дома и на войнѣ». Вотъ первыя ея страницы:

ЖИВОЙ ПАМЯТНИКЪ.

1814 г.

Когда нашъ Царь Благословенный
Рукою мощной укротилъ
Поработителя вселенной
И міру вольность возвратилъ,
Въ землѣ французскаго народа
Онъ русской славѣ боевой
Войны двѣнадцатаго года
Воздвигнулъ памятникъ живой.
Во исполненье словъ державныхъ
Стеклись тогда изъ всѣхъ полковъ
Въ Версаль славнѣйшіе изъ Славныхъ
Россійской конницы орловъ...
И блескъ Георгіевскихъ крестовъ,
Ихъ сабель, пикъ и касокъ мѣдныхъ,
Подъ звуки маршей ихъ побѣдныхъ,
Наполнилъ станъ былыхъ враговъ.
Трубятъ... На площадь выѣзжаетъ
Блестящей свитой окруженъ
Посланецъ царскій. Онъ вѣщаетъ,
Что нынѣ новый полкъ рожденъ
Изъ сихъ героевъ въ назиданье
Потомству... въ ознаменованье
Побѣдъ надъ дерзостнымъ врагомъ!
Да не забудетъ полкъ о томъ,
Что онъ для русскаго народа
Великой страды боевой,
Войны двѣнадцатаго года
Навѣки памятникъ живой!

Такъ созданъ былъ въ землѣ
французской
У замка галльскихъ королей
Живой свидѣтель славы русской
Полкъ новый — Конно-Егерей.
Святыня новаго штандарта
Передана имъ съ торжествомъ
И девятнадцатаго марта
Отнынѣ сдѣлалось ихъ днемъ.
1914 г.
Прошло сто лѣтъ. За это время
Не разъ войны тяжелой бремя
На долю выпадало намъ...
На встрѣчу яростнымъ врагамъ
Не разъ носились Лейбъ-Драгуны,
(Былые Конно-Егеря),
За Вѣру, Родину, Царя —
Не мало крови ихъ пролито,
На полѣ брани не одинъ
Погибъ... Понынѣ не забыты
Дѣла, какъ Врацы, Новачинъ...
Ихъ юбилей столѣтній встрѣченъ
Блестящимъ, свѣтлымъ торжествомъ,
Вождемъ Державнымъ онъ отмѣченъ
Особой милостью: на немъ,
Въ день девятнадцатаго марта,
Святыня новаго штандарта
Самимъ Царемъ имъ вручена...

А ровно черезъ годъ она
Огнемъ германскимъ окрестилась
И славной кровью обагрилась
Того, кто везъ его въ бою.
И много разъ еще въ бояхъ,
Въ атакахъ имъ бывать случалось.
Бѣжали дни... Порой казалось,
Что свѣтлый день ужъ настаетъ..
Еще немного... и падетъ
Жестокій врагъ... Къ брегамъ
Невы
Они придутъ подъ старый кровъ
Казармъ, въ свой милый Петергофъ:
Такъ имъ казалось... Но — увы,
Не то судьба предначертала:
Година страшная настала,
Когда все то, что было свято,
Въ душѣ россійскаго солдата
Завѣты всѣ его отцовъ,
Убиты были волей мерзкой,
Рукой концуственой и дерзкой
Руси таинственныхъ враговъ.
И много доблестныхъ полковъ
Не устояли предъ грозою
Сіихъ антихриста временъ
И разлетѣлись... распылились...
И братской кровью обагрились..
Клочки растерзанныхъ знаменъ...

. . . .

Современная война родитъ не только героевъ, но и военныхъ писателей. Послѣ русско-турецкой войны мы имѣли генеральнаго штаба краснорѣчиваго ея изслѣдователя генерала Куропаткина. — Война 1914-17 г. г. дала намъ военнаго писателя такого же калибра въ лицѣ генерала Головина, произведенія котораго выдвигаются на первыя мѣста въ литературѣ о міровой войнѣ.

Съ профессорскимъ предисловіемъ этого генерала вышла книжка генерала Краснова: «Душа арміи». Къ сожалѣнію, какъ это принято у послѣ-революціонныхъ писателей, среди любопытнѣйшихъ разсужденій этого предисловія о «коллективной психологіи» и о «военной соціологіи» предано забвенію то, самое главное, чѣмъ изъ вѣка въ вѣкъ *жива была душа* Императорской русской Арміи — то, что такъ символически ясно изображено на ея знаменахъ и заключалось въ словахъ воинской нашей присяги: Богъ, Царь и Отечество.

Въ душѣ русскаго народа, въ душахъ солдатъ Царской Арміи — превыше всего всегда и для всѣхъ, было имя Священной Особы ея Верховнаго Вождя — Царствующаго Императора Всероссійскаго.

«Далече грянуло: ура! —
Полки увидѣли Петра»...

Такъ было въ первые годы Императорской Арміи, такъ было всегда — при одномъ только появленіи Царя передъ войсками, такъ было и до послѣдняго дня, пока жива была подлинная душа нашей арміи, до того проклятаго дня, когда, къ позору народному и къ неизбѣжному горю Русской Земли, поругатели и хулители Царя и Царицы достигли своей цѣли и имъ удалось украсть у русскаго народа его природнаго Государя и сразу опустошить и оплевать всю душу могущественнѣйшей арміи въ мірѣ.

Не стало Царя — отлетѣла душа арміи: не стало и арміи...

Вотъ чѣмъ живы были люди въ Императорской Русской Арміи, вотъ чѣмъ полна и жива была истинная душа арміи, въ сокровенную глубину которой почему то не нашелъ нужнымъ заглянуть генеральнаго штаба профессоръ «военной соціологіи» и «коллективной психологіи».

Что такое былъ у насъ для «души арміи» ея Верховный Вождь Государь Императоръ — свидѣтельствуютъ вышеприведенные разсказы о душевныхъ переживаніяхъ въ строю на Высочайшихъ смотрахъ и при общеніи Царя съ его солдатами и офицерами. Всѣ цитированные нами авторы — отъ юнкера-александровца Куприна и «генерала-еврея» Грулева, до самого гвардейскаго казака Краснова — вспоминаютъ о необыкновенномъ, исключительно высокомъ душевномъ подъемѣ и глубочайшихъ душевныхъ переживаніяхъ при каждой встрѣчѣ войскъ съ Царемъ и даже при обращеніи къ войскамъ отъ имени Государя.

Это знали и вспоминали до гробовой доски всѣ чины Императорской Арміи Русской и простые ея солдаты не менѣе, чѣмъ офицеры. Вѣра и вѣрность Верховному вождю — Государю Императору наполняли *душу русской арміи* и составляли главнѣйшую основу ея мощи духовной.

Вотъ почему, когда передъ своею арміей являлся самъ Русскій Царь — то въ рядахъ войскъ всѣ, отъ мала до велика, испытывали такія переживанія сверхъ естественнаго духовнаго подъема и сердца солдатъ наполнялись религіознымъ трепетомъ: передъ ними былъ Царь-помазанникъ Божій, о которомъ

съ ранняго дѣтства каждый привыкалъ повторять молитву за Царя, когда въ Царскихъ вратахъ передъ святымъ престоломъ православная церковь особо торжественно молилась и поминала «Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Нашего Императора Николая Александровича всея Россіи»...

Даже такіе народные герои, какъ самъ Суворовъ или Скобелевъ — не подумали бы и не осмѣлились-бы заслонять собою Верховнаго Вождя Арміи — ея Государя Императора. И Суворовъ и Скобелевъ — воодушевляли и вели за собою солдатъ на подвиги и смерть *именемъ Государя*, за Вѣру,Царя и Отечество!

Проф. Головинъ присваиваетъ и Суворову, и Наполеону — руководство войсками «воздѣйствіемъ на область чувствъ» и по законамъ «коллективной психологіи» тѣхъ вооруженныхъ «толпъ», которыя наполняютъ поля сраженій».

Къ прискорбію нашему, какъ-то соціологически настраивающійся талантливый послѣ-военный писатель (но и писатель послѣ-революціонный) — умолчалъ, что вѣдь и Наполеона его войска (и отдѣльные солдаты) всюду встрѣчали громовыми криками: «Да здравствуетъ Императоръ» и вся слава завоевана ему французскою *императорской* арміей, первые кадры которой дала для нея старая армія французскихъ королей.

Вотъ въ чемъ выражалась душа арміи Наполеона. Опустошенныя рс олюціей души французскихъ солдатъ, у которыхъ эта революція отняла ихъ монарха, геній Наполеона наполнилъ тѣмъ именно содержаніемъ, котораго жаждала душа наційнальной французской арміи, какъ и душа всей націи.

Провозгласивъ себя Императоромъ, Наполеонъ самъ занялъ мѣсто національнаго верховнаго вождя арміи. Духовный голодъ націи былъ утоленъ: Франція снова имѣла монарха.

Обновленная духомъ новая *императорская* армія побѣдно пошла за своимъ монархомъ на край свѣта, пока не сокрушилъ ее и ея самостійнаго императора болѣе мощный *духъ Императорской Русской Арміи*, духъ старой Царской Россіи Александра Благословеннаго.

«Въ шапкѣ золота литого старый русскій великанъ... посмотрѣлъ, тряхнулъ главою — ахнулъ дерзкій и упалъ»... — Такъ пѣли въ Императорской Русской Арміи о боевомъ величіи ея духа и доблестномъ подвигѣ ея Верховнаго Вождя въ 1812 году.

Душу русскаго солдата, *народную душу арміи* близко зналъ и цѣнилъ послѣдній ея Верховный Вождь Государь

Императоръ Николай Александровичъ. Всею душою, всѣмъ сердцемъ своимъ Государь былъ со своею арміей. Душа въ душу жили Русскіе Государи со своими войсками — съ арміей и флотомъ.

Сухопутная и морская вооруженная сила — выраженіе духа націи и истиннымъ ихъ Верховнымъ Вождемъ можетъ быть только глава націи. Вотъ почему во всѣхъ разсужденіяхъ «о коллективной психологіи» войска, о душѣ — и первое слово должно быть о томъ значеніи для души арміи ея Верховнаго Вождя Государя Императора, о которомъ кратко сказано выше и о которомъ, къ прискорбію нашему, умолчалъ талантливый профессоръ въ ученомъ предисловіи къ произведенію боевого гвардейскаго генерала, также едва намекнувшаго на эту важнѣйшую сторону духа русской арміи въ своемъ патріотическомъ, но *послѣ-революціонномъ писаніи.*

«Психологическіе-же законы» высшаго духовнаго единенія Русскаго Царя съ его арміей издавна опредѣлялись, всѣми сознавались и чувствовались сами собой и ни въ какихъ теоретическихъ объясненіяхъ съ модной «военно-соціологической» точки зрѣнія или по методамъ «психологической толпы» — совершенно не нуждались.

Русскій Царь-Помазанникъ Божій для его воиновъ христіанъ, Бѣлый Царь и Повелитель — для всею душой ему преданныхъ воиновъ — магометанъ и многихъ другихъ иновѣрцевъ — это былъ не то, что какой-нибудь «царствующій, но не управляющій» полу-монархъ, подпарламентскій король.

А потому, Августѣйшему Верховному Вождю Императорской Русской Арміи и Флота не было и надобности въ искусственныхъ пріемахъ «психологическаго воздѣйствія» на его войска — по рецептамъ кабинетныхъ изслѣдователей «коллективной», «массовой», «классовой» или «соціальной» психологіи.

Передъ своимъ Государемъ русскій воинъ всегда былъ съ открытой душой, душа арміи всегда была доступна русскому Царю и безъ тѣхъ рѣчей, проповѣдей, показныхъ жестовъ, позированія и вычурныхъ переодѣваній, какія пристойны были какому-нибудь нѣмецкому кайзеру, вынужденному искать «популярности» у нѣмецкихъ солдатъ изъ соціалъ-демократовъ и въ подражаніе «демократическимъ вождямъ» — изощрявшемуся въ недостойномъ заигрываніи съ «психологическою толпою» своихъ подданныхъ — демагогическими пріемами политическихъ авантюристовъ.

«Царствуй на страхъ врагамъ! Царствуй на славу намъ! Сильный, Державный, Царь Православный!»

Вотъ что говорила у насъ *душа арміи*, вотъ чѣмъ неизмѣнно были полны сердца россійскаго христолюбиваго воинст-

ва съ перваго дня войны въ 1914 году и до послѣдняго дня Царской Россіи 2-го марта 1917 года... Вотъ чѣмъ жива была душа Великой Россіи Дома Романовыхъ.

Послѣдній Россійскій Императоръ умеръ, какъ Первый Солдатъ Россійской Арміи — за Великую Россію, за слѣпо предавшій Его Народъ. Онъ мученическою смертью не только Своею, но и Наслѣдника Своего и всей Своей горячо любимой имъ Семьи, запечатлѣлъ вѣрность своей странѣ, не пожелавъ приложить свою царственную подпись на вѣроломномъ и предательскомъ актѣ позорнаго большевистскаго мира.

Съ первыхъ же дней Великой войны и Государь и Его Семья связали всю свою личную жизнь съ Арміей. Принявъ на себя Верховное Главнокомандованіе, Государь окончательно закрѣпилъ эту связь. Въ годину страшной военной бури Русскій Императоръ былъ со своей Арміей и со своимъ Флотомъ, былъ со своимъ Народомъ.

Первымъ солдатомъ Россійской Арміи былъ первый Императоръ Петръ Великій. Первымъ солдатомъ Великой Россіи погибъ, защищая ея честь и вѣковую славу, и ея послѣдній Императоръ Николай II.

Величіе и слава Императорской Россіи не разрывно связана съ трехсотлѣтней исторіей Дома Романовыхъ.

И послѣдній Россійскій Императоръ жизнью и смертью своею явилъ намъ великій и вѣчный примѣръ, какъ должно любить свое Отечество и за него умирать.

ОГЛАВЛЕНIЕ

IMP. UNION, 13, RUE MÉCHAIN, PARIS

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный магазинъ Е. Сіяльской
Librairie de Sialsky,
2, RUE PIERRE-LE-GRAND
PARIS (8e)

Цѣна 55 фр.

25-

